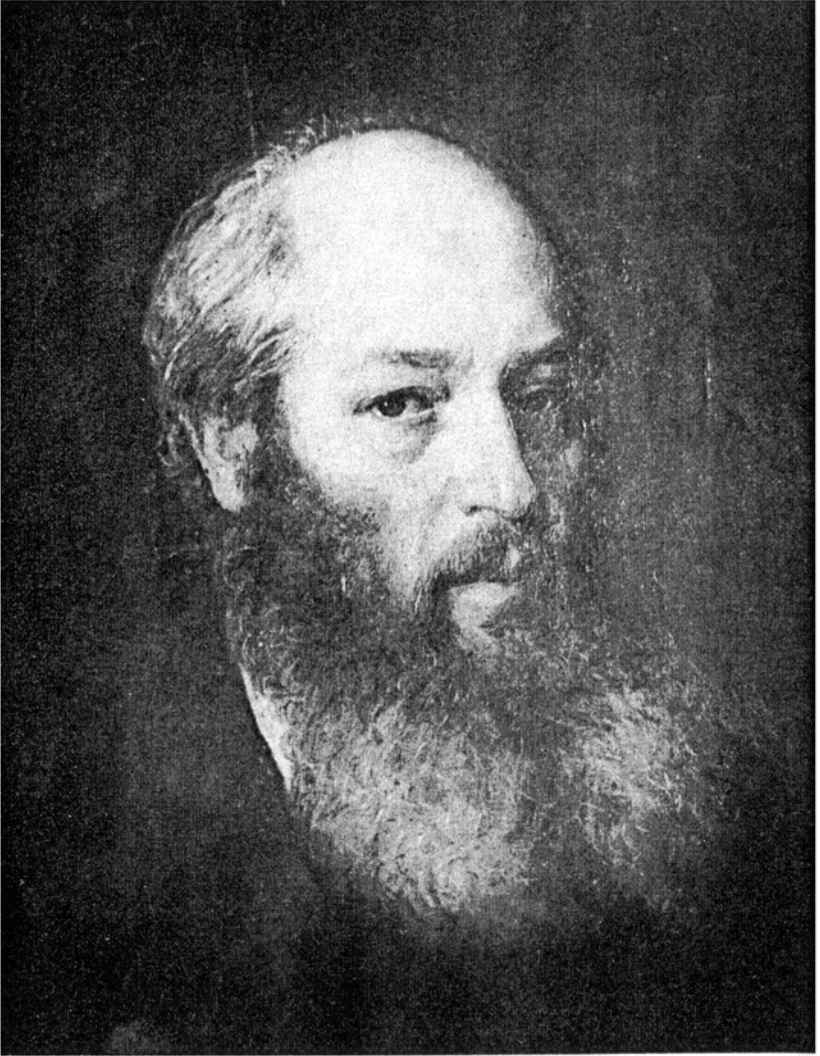

Alfama
E

**Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН**

Курский государственный университет

А.А.ФЕТ

**СОЧИНЕНИЯ И ПИСЬМА
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ**

Редакционная коллегия:

А. В. Ачкасов, В. В. Гвоздев, Н. П. Генералова,
Н. З. Коковина, В. А. Кошелев (главный редактор),
Ю. М. Прозоров, М. В. Строганов, А. В. Успенская,
Л. И. Черемисинова

А.А.ФЕТ

ТОМ ВТОРОЙ
П Е Р Е В О Д Ы
1839 – 1863

Тексты и комментарии подготовили:
А. В. Ачкасов, Н. П. Генералова,
В. А. Лукина, А. В. Успенская

Санкт-Петербург
Фолио-Пресс
2004

ББК 84. Р 1

Ф 85

Все права на данное издание зарегистрированы.
Перепечатка отдельных глав и произведения в целом
без предварительного согласования с издательством запрещена.

Издание выпущено при финансовой поддержке
Курского государственного университета

Редактор тома *Н. П. Генералова*

Контрольный рецензент тома *В. Д. Рак*

Фет А. А.

Ф 85 Сочинения и письма: В 20 т. Т. 2. Переводы.—
СПб.: Фолио-Пресс, 2004.— 704 с., ил., 1 л. портр.

Второй том Сочинений и писем А. Фета в 20 т. включает переводы 1840—1850-х гг. Впервые после более чем столетнего забвения вниманию широкого читателя предлагается полный перевод од Горация, получивший высокую оценку современников, пьес Шекспира «Антоний и Клеопатра» и «Юлий Цезарь», а также переводы из Гете, Шиллера, Шенье, Гейне и др. Впервые Фет предстает не только как великий поэт, но и выдающийся переводчик, чье наследие является неотъемлемой частью истории русской переводной художественной литературы XIX столетия.

ISBN 5-7627-0167-0

ББК 84. Р 1

На фронтисписе портрет А. Фета работы М. П. Боткина <?>. С фотографии (Музей ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН). 1860-е гг. (атрибуция Г. Д. Аслановой)

© Ачкасов А. В., Генералова Н. П.,
Лукина В. А., Успенская А. В., 2004.

© ИРЛИ, 2004.

© КГУ, 2004.

© ООО «Фолио-Пресс», 2004.

От редакции

В основу настоящего тома положена 2-я часть собрания стихотворений А. А. Фета 1863 г. (1-я часть вошла в том 1 настоящего собрания сочинений). В нее были включены четыре книги од Горация, опубликованные полностью в 1856 г. в журнале «Отечественные записки» и отдельным сборником, переводы из Овидия и Катулла, а также ранее опубликованные в периодических изданиях переводы из Гете, Шиллера, Гейне, Байрона, Шенье, Мицкевича, Гафиза, Беранже и Кернера.

В раздел «Приложения» впервые, после первой публикации, включены переводы двух пьес Шекспира, не вошедшие в *Сб1863*, а также не вошедшие в прижизненные сборники переводы из Мицкевича, Гейне и впервые публикуемые сохранившиеся в рукописи переводы «Из Гафиза».

О Д Ы

КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАБКА.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ КНИГАХЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО

А. ФЕТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—
1856.

I ГОРАЦИЙ

Квинт Гораций Флакк, как он сам о том говорит и как повествует Светоний, родился 8-го декабря, во время консульства Аврелия Котты и Манлия Торквата, следовательно, в 65 году до Р. Х., или в 689 году от основания Рима. Он образовался и возмужал в ту, благоприятную для его таланта, переходную эпоху римской жизни, когда все беспорядки междоусобиц, все, так сказать, чужеродные наросты распадавшегося и дряхлого тела римской республики принуждены были исчезнуть под владычеством Августа, и в то же время великие зачатки римской силы не успели еще заглотнуть среди стремлений к жизни внешней, блестящей с виду, но пустой по содержанию, и когда еще свежо было воспоминание о тех великих образцах доблести, которые в душе каждого римлянина возбуждали втайне соревнование.

Родина Горация — Венузия, или Венузий, блестящая римская колония. Во время последних смут границы провинции так неверно были обозначены, что Гораций сам не знает, считать ли ему себя апулийцем или луканцем. Марциал считает Калабрию его родиной. Соседняя гора Вольтур, быстрый поток Ауфида и красивые окрестности месторождения поэта произвели на него живое впечатление в самом нежном возрасте. Читатель легко заметит тайное влечение, по которому Гораций постоянно в одах своих обращается к картинам природы, окружавшим его детство. Так, в кн. III, оде 4, ст. 9 он описывает видение, посетившее его в отрочестве на горе Вольтуре.

Не будем низводить на степень обыденной возможности этого события и спрашивать, в какой мере оно справедливо. Довольно того, что Гораций сам рассказывает, как окрестные жители застали его на Вольтуре, в лесу, спящим и окруженным голубями, которые накрыли его миртовыми и масличными ветвями, и как этот случай заставил зрителей видеть в нем богами избранного ребенка.

Отец Горация, вольноотпущенный, заметив способности сына, оставил свое небольшое имение в Апулии и отправился в Рим.

Чтобы иметь средства воспитывать сына, он купил публичную должность и употреблял все старание развивать в отроке ум и сердце и дать ему возможность, по хорошей одежде и многочисленной прислуге, быть в сношениях с лучшей молодежью того времени. На 18-м году Гораций отправился в Афины. Там изучением геометрии он приготовился к дальнейшим урокам философов и академиков и имел случай познакомиться с соотечественниками своими: Цицероном, Бибулом, Варом и другими. Так пробыл он в Греции до смерти Юлия Цезаря (710 г. от о. Р.).

В начале следующего, 711 года Брут отправился с войском в Македонию. За ним последовал и 23-летний Гораций в качестве трибуна легиона. Но в конце 712 г. (в 42 г. до Р. X.) двойное сражение при Филиппах решило судьбу Брута и Кассия. После первого Кассий, принявший Брутовы легионы за неприятельские, лишил себя жизни; после второго закололся и Брут; а что во втором сражении сделал Гораций, про то он рассказывает сам (см. кн. II, од. 7) — он бежал.

Хотя побежденные получили позволение возвратиться в отечество, но многие из них, в том числе друг Горация Помпей Гросф, отправился с Секстом Помпеем в Сицилию. Но Гораций воспользовался позволением и воротился в Италию в 713 году. Может быть, на этом переезде вытерпел он бурю у скалы Палинурской.

Отца своего Гораций не застал в живых, а именем его распорядились триумвиры. Такое затруднительное положение пробудило поэтические силы Горация; он стал искать славы. Первые произведения поэта — эподы и сатиры, по нетерпимости их духа, по резкости, с какой он бичует современников, были весьма неблагоприятно приняты толпой, но зато поэты Виргилий и Варий приняли его в число друзей своих и в 716 г. представили Меценату.

К. Цилний Меценат, преданный и осторожный друг Августа, по характеру и положению принадлежит к самым замечательным личностям своего времени. Происходя от старинной этрусской фамилии и обладая огромным богатством, он не выдвинулся из среды гражданской жизни никаким блестящим внешним подвигом и, чуждый честолюбия, постоянно отстранял от себя все высшие степени публичных должностей.

Таким образом, он во всю жизнь остался всадником (*eques*). Но зато чем незаметнее была его публичная жизнь, тем большее влияние имела его частная, так сказать домашняя деятельность на весь ход тогдашних дел. Хитрый, положительный, уклончивый, он был необходимым другом и советником

Октавиана. Меценат уговорил Августа не слагать с себя порфиры, и, отчасти благодаря его советам, бывший триумвир является кротким, мудрым монархом, покровителем искусств.

Когда Вергилий и Варий в первый раз представили поэта нашего Меценату, то Гораций, по врожденной робости и неразвязности, произвел на вельможу не слишком для себя выгодное впечатление; но несмотря на то, через девять месяцев Меценат пригласил его снова и с тех пор принял его в число друзей.

Многие писатели пытались то с той, то с другой стороны отыскивать унижительные наклонности в характере Горация. Если бы подобные обвинения и были справедливы, то это ни на волос не уменьшило бы достоинства его созданий; и если мы стараемся познакомиться с его личностью, то только с целью понять, каким образом его произведения родились и органически развились на этой почве, не обращая ни малейшего внимания на то, живописна ли она с известной точки зрения. Но зачем же клеветать и клеветать без всякого основания?

Все отношения Горация к Меценату и, со временем, к Августу были, несмотря на всю короткость, чрезвычайно тонки. Лучшим тому доказательством может служить то, что поэт наш, несмотря на предлагаемые ему почести и богатства, во всю жизнь довольствовался малым и, как стоик, этим гордился. Между тем отношения его к Меценату становились все тесней; и когда в 717 году последний отправился в Брундизий с целью примирить Антония с Октавианом, то Гораций сопровождал своего друга. Тут поэт в первый раз жалуется на глазную боль, которою страдал впоследствии. Страстный поклонник природы, одаренный художнической способностью подмечать самые сокровенные красоты ее, Гораций постоянно стремился к жизни мирной и к деревенской тишине. Наконец, в 721 году Меценат подарил ему виллу в Сабинии, в четырех милях на север от Тибура (нынешнего Тиволи).

Первые годы, проведенные им в Сабинии, были лучшею эпохой его жизни. Красивая вилла из белого камня построена была в цветущей долине между горой Лукретилом и холмом Устикую, недалеко от ключа Бандузия. На север к Тибуру и реке Анио рисовался тибурский лес. Гораций держал управителя (*villicus*) и восемь рабов. Умеренный в желаниях, довольный судьбой, 33 лет от роду, в полном развитии таланта, он жаждал любви, и тут судьба улыбнулась ему, послав ему нежную, добрую, преданную Цинару, которую он воспевал под именем Лалаги. Недолго красавица дарила счастьем нашего поэта: она скоро умерла. Никогда Гораций не мог забыть ее прекрасного образа, и по смерти ее он называл ее уже Цина-

рой. Многими красавицами увлекался впечатлительный Гораций: еще до знакомства с Цинарой он почти одновременно любил Инахию и Нееру, вспоминал о Миртале, изменял впоследствии Лидии для Хлои, насмеялся над Ликой, певал в два голоса с Лидой, пленялся Глицерой и окончил свои любовные похождения, уже в старости, отношением к Филлиде.

Не раз воспламенялось его любящее сердце, но юной, преданной Цинары не мог он позабыть. Можно упрекнуть Горация в непостоянстве, но в других отношениях его упрекнуть нельзя. Развернув наудачу сочинения его, трудно не попасть на одно из мест, где он с ожесточением восстает на испорченность нравов своего века, и только в самодержавии Августа видит единственную возможность избавления от всех бедствий и преступлений. Везде он проповедует ненарушимость древних обычаев, до небес возносит первобытную простоту и святость брачных отношений. Если он сам искал знакомства греческих либертин, то в этом он только заплатил дань веку. Древние римляне вступали в брак без сердечного влечения; жены их были мало образованы — удивительно ли, что поэты времени Горация, воспитанные в духе эпикурейском, у которых, вследствие изучения греческих образцов, и образ мыслей получил неизгладимые следы направления их соседей и предшественников — удивительно ли, что эти римляне посещали гречанок, блиставших всеми приманками утонченного образования?

Меценат, полюбивший Горация, представил его в скором времени Октавиану, и оды нашего поэта, в особенности IV книга, явно показывают, с каким восторгом он смотрел на восходящее светило.

Гораций принадлежит к числу тех поэтов, которые черпают вдохновение непосредственно из жизни, а потому в его произведениях можно проследить за всеми современными явлениями. В них отразились все события от филиппинской битвы, Акциума и походов Друза и Тиверия до сооружений храмов и до триумфальных шествий. Хронологический перечень произведений поэта, замедлив ход рассказа, мало, по мнению нашему, поможет нам ознакомиться с его личностью. Тихо, на лоне любимой им природы протекала жизнь Горация. Нередко, отягченный политическими заботами, Меценат искал отдохновения у своего беспечного, Музами любимого друга. Но здоровье начало изменять Горацию. Часто страдал он глазною болезнью, ипохондрией и подагрой, вследствие чего пользовался теплыми купаньями в Баях и Кумах. Гораций был небольшого роста, полон, с черными глазами и волосами, но стал седесть преждевременно, так что под сорок лет совершенно поседел.

В октябре 746 года Гораций лишился своего друга, Мецената. Когда вспомним 17 оду II книги, то нас поражает это грустное ясновидение, которое многим поэтам так определенно указывало на их последние минуты. Недаром латинский язык обозначил их словом: *vates* (вещий), недаром Гёте говорит: *Sag Poete, sag Prophete*.¹ Гораций только несколькими днями пережил Мецената. Он умер 27 ноября 746 года, 57 лет от роду и погребен рядом с Меценатом.

I ОДЫ КНИГА ПЕРВАЯ

I К МЕЦЕНАТУ²

- О, Меценат, царей древнейших порожденье,
Мое сокровище, оплот и украшеньё!
Иному радостно, что олимпийский прах³,
Не трогая меты, на жарких колесах
5 Он может подымать, и пальмою надменной
Возвышен до богов, властителей вселенной;
Тому, коль ветреной квиритскою толпой
Он предлагается для почести тройной;
Другому, коль собрать он в житницы успеет
10 Всё то, что на полях ливийских⁴ ни созреет.
Взлюбившего бразды отеческих полей
Сокровищами всех пергамских богачей⁵
Не увлечешь вовек, чтоб в страхе непогоды
Он путь пробороzdил кормилом через воды.
15 Купец, испуганный свирепостью ветров,
Нам выхваляет мир родимых берегов
И городских полей; но скоро суетится

¹ Говоря поэт, говоришь пророк (*нем. — ред.*).

² Эта ода написана в 732 г. от о. Р. (22 г. до Р. Х.), когда Гораций поднес Меценату три первые книги од.

³ Во время Горация знатные римляне посещали олимпийские игры, старясь приобрести на них венец победы.

⁴ Ливия — часть Африки между Эфиопией и Атлантическим океаном, употреблена вместо целой Африки.

⁵ Аттала, завещавшего Риму несметные сокровища.

- У сломленных снастей: он бедности боится.
Иному весело за чашей круговой
20 Массийского вина, беспечно день-деньской
Лежать, раскинувшись под вишней наклоненной,
Иль у священных вод Наяды полусонной.
Премногим нравится шум лагерный и зык
Рогов и труб, войны неистовый язык,
25 Противный матерям...⁶ Под хладной тучей снежной
Охотник о жене не вспоминает нежной,
Коль псами верными лань следом поднята,
Иль бешеный кабан прорвался в тенета.
Меня ж — зеленый плющ, искусного награда,
30 Равняет божествам, меня лесов прохлада,
Да между легких Нимф Сатиров хоровод
Возносит над толпой, пока передает
Эвтерпа флейту мне, меня не отвергает,
И Полигимния Лесбоса песнь слагает.
35 Коль ты меня почтешь лирическим певцом,
Я вознесусь до звезд торжественным челом.

II К ЦЕЗАРЮ АВГУСТУ⁷

- Довольно уж Отец⁸ и градом и снегами
Всю землю покрывал, ничем не умолим:
Уж под его рукой, краснеющей громами,
Трепещет древний Рим;
5 Трепещет и народ, чтоб Пиррину⁹ годину,
Исполненную чуд, опять не встретил взор,
Тот век, когда Протей погнал свою скотину
Смотреть вершины гор,
И рыба втерлась там в вязовые вершины,
10 Где горлице лесной была знакома сень,
И плавал посреди нахлынувшей пучины
Испуганный олень.
Мы видели, как Тибр, поворота теченье,

⁶ Напоминающий опасности, которым сыновья подвергаются на войне.

⁷ Трудно с достоверностью определить год, когда сочинена эта ода; но всего вероятнее, она относится к 727 году, когда Октавий принял титул Августа, за день до наводнения в Риме от разлившегося Тибра.

⁸ Отец богов и людей, и просто: отец, Юпитер.

⁹ Наводнение при Девкалионе и Пирре.

- С этрусских берегов, желтеющей волной
 15 На памятник царя¹⁰ направил разрушенье,
 На Весты храм святой...
 Стенаньем Илии¹¹ на мщенье ополченный,
 Он левым берегом, волнуясь, потек,
 Потек наперекор властителю вселенной¹² —
 20 Супружеский поток.
 Да! некогда про меч¹³, покрытый кровью брата,
 Назначенный блистать победой над врагом,
 Услышит молодежь, от отчего разврата
 Уж малая числом.
- 25 Какое божество молить — и кто поможет
 Народу изо всех в превратностях судьбы?
 Какая песня жриц заставить Весту может
 Девичьи внять мольбы?
 Где очиститель, нам Юпитером избранный?
 30 Ты наконец приди, молением смягчен,
 Увидши рамена одеждою туманной,
 Вещатель Аполлон!
 Сойди, блестящая улыбкой Эрицина¹⁴,
 Тебя Амур и Смех сопровождают в путь,
 35 Иль удостой на чад возлюбленного сына
 Ты, праотец¹⁵, взглянуть!
 Насытился, увы! кровавою игрою
 Ты, любящий шелом блестящий, бранный крик
 И марза¹⁶ пешего над вражьей толпою
 40 Ожесточенный лик.
 Склонись, сын Маи, стан с проворными крылами
 На образ юноши земной переменить¹⁷:

¹⁰ Дворец Нумы Помпилия.

¹¹ Известный миф об Илии, или Рее Сильвии. Родивши Ромула от Марса, она брошена была Амулием в Тибр, отчего этот поток, в отношении к ней, назван супружеским.

¹² Юпитер, патрон римского народа, мог захотеть утратить, но не погубить Рим.

¹³ У Горация должно на лету ловить связь и отношение отдельных частей од; здесь он вдруг переходит к бедствиям гражданских войн, которых никак забыть не может. «Мы наказаны», говорит он, «наводнением за междоусобия, о которых наши потомки будут вспоминать».

¹⁴ Одно из имен Венеры.

¹⁵ Марс.

¹⁶ Марзы — народ воинственный в Западной Африке, у подошвы Атласа, в соседстве нумидийцев.

¹⁷ Гораций просит Меркурия, отбросив крылья, принять образ юноши Августа.

- Мы будем признавать, что избран ты богами
За Цезаря отмстить¹⁸.
- 45 Надолго осчастливь избранный град Квирина¹⁹,
Да не смутит тебя граждан его порок,
И поздно уж от нас подымет властелина
Летучий ветерок.
Триумфы громкие и славное прозвание
- 50 Владыки и отца принять не откажи,
И мида²⁰ конного строптивное восстанье
Ты, Цезарь, накажи.

III К КОРАБЛЮ, ВЕЗУЩЕМУ В АФИНЫ ВИРГИЛИЯ²¹

- Богиня²² Кипра твой да охраняет путь,
Елены братия²³, блестящие светила,
И сам отец ветров, не позволяя дуть
Всем прочим, одному Япигу²⁴ давши крыла,
- 5 Тебя, которому Virgilius вверен сам,
Молю тебя, корабль, снеси через пучину
Его мне бережно к аттическим брегам
И сохрани души другую половину.
Могучий — тот рожден был с медию тройной
- 10 Вкруг груди, кто спустил в бушующее море
Впервые утлый челн, не утрашась душой
Ни злого Африка²⁵, что с Аквилоном в споре,
Ни плачущих Гиад²⁶, ни Нота мощных крыл,

¹⁸ За убийство Юлия Цезаря.

¹⁹ Квирина — прозвание Ромула, носившего дротик, называемый *quiris*.

²⁰ Миды, мидяне, парфы, персы — постоянные враги Рима.

²¹ Время сочинения оды этой относят к 735 году, когда Virgilius уезжал в Грецию, чтобы заняться окончательной обработкой «Энеиды».

²² На острове Кипре особенно чтили Венеру, оттого: Киприда.

²³ Леда произвела от Юпитера два яйца; из одного из них вышли Елена и Клитемнестра, а из другого Кастор и Поллукс, которых созвездие охраняло мореходцев.

²⁴ Западный ветер.

²⁵ Африк — южный ветер, сопровождаемый ужасными бурями; Аквилон — северный.

²⁶ Восхождение и захождение созвездия Гиад сопровождались дождями; южный же ветер Нот более всех тревожит Адрий (Адриатическое море), потому что прочие ветры слабеют, пролетая по землям.

- Который равного соперника не знает,
 15 И Адрий изо всех ветров поработил,
 Вздывать ли волны он иль укрощать желает.
 Каких мучительных не ждал себе смертей,
 Кто взором, блещущим испытанностью давней,
 Видал плавающие чудовища морей
 20 И пресловутый твой утес, Акрокеравний!²⁷
 Вотще премудрый бог решил разъединить
 Брега между собой широким океаном,
 Коль святотатственный челнок перескочить
 Дерзнул чрез глубину в насмешку ураганам.
 25 В безумстве дерзостном отважный род людской
 Пускается на все, не ведая запрета;
 Божественный огонь коварностию злой
 Похитил для людей отважный сын Япета...²⁸
 С небес похищенный огонь с собой навлек
 30 На землю дряхлости болезненной припадки,
 И, жизни сократя и так короткий срок,
 Толпой нахлынули впервые лихорадки.²⁹
 Дедал³⁰ отважился на крыльях нелюдских
 Пустыни зыбкие изведать небосклона;
 35 Труд Геркулесовский заветного достиг,
 Прорвавшись наконец до мрака Ахерона.³¹
 Нет неприступного для смертных ничего:
 Мы в небо просимся, безумием влекомы,
 И не хотим мы дать мгновенья одного
 40 Зевесу положить карающие громы.

IV К Л. СЕКСТИЮ³²

Суровая зима от вешних уст слетела,
 Рычаг уперся в бок сухого корабля,

²⁷ От *ακρος* — высокий, *κεραυνος*, молния — утес в Эпире, ныне: *il Monte della Chimera*.

²⁸ Прометей, сын титана Япета и нимфы Азии.

²⁹ Люди благой дар Прометея — огонь — употребили во зло и тем навлекли на себя болезни и преждевременную смерть.

³⁰ Дедал, сын афинянина Эвполема, улетел с сыном своим Икаром с острова Крита; но Икар, приблизившись слишком к солнцу, отчего восковые крылья его растаяли, упал в Эгейское море, получившее с тех пор название Икарского.

³¹ Из всех двенадцати трудов Геркулеса самый тяжелый — нисхождение в ад.

³² Ода эта написана около 732 года к Люцию Секстию (или Сестию), богачу, приятелю Горация, с которым он был знаком со времен Брута.

- Нет стойла у скота, огня у земледела,
И белым инеем не устланы поля.
- 5 Венера при луне уж хороводы водит,
И скромно Грации и Нимфы в землю бьют
Ногой искусною, пока Вулкан³³ разводит
Огни, сулящие Циклопам новый труд...
Пора пахучие власы иль миртом юным,
- 10 Иль с тающей земли цветами перевить,
И Фавну в рощице ягненка с белым руном,
Иль, если б предпочел, козленка приносить.
Смерть бледная равно стучит своей ногою
В лачуги бедняков и терема царей.
- 15 Нельзя нам, Секстий, жить с надеждою большою:
Тебе грозит уж ночь и темный мир теней!
В доме Плутоновом не будешь ты главою
Попойки радостной, на царском месте сев³⁴;
Не будет Лицидас прельщать тебя красою,
- 20 Отрадой юношей и близким счастьем дев.

V К ПИРРЕ³⁵

- Кто этот красавец, скажи мне, о Пирра!
Что в гроте прохладном, на ложе из роз,
Облит благовоньем, тобою пылает —
А ты распускаешь небрежно пред ним
- 5 Златистую косу? Увы! сколько верность
Твою и богов переменчивость тот
Оплакивать будет, смотря с удивленьем
На волны, поднятые черной грозой,
Кто ныне в забвеньи горит тобой, дева,
- 10 Надеясь на верность твою и любовь...
Увы! он не знает, что ветры бывают
Порой переменчивы; горе тому,
Пред кем ты, коварная, блещешь! О мне же
Доска возвещает с священной стены³⁶,

³³ Вулкан, бог огня, с наступающим летом принимается за работу.

³⁴ Римляне избирали по жребию главу пира, называвшегося царем торжества.

³⁵ Римляне, воспевая женщин, никогда не называли их собственными именами, а брали имя одной меры. Предполагают, что эту оду Гораций написал к Лиде, 721 года, за которой он посылает в II, 11, 24.

³⁶ Поэт говорит о спасении своем от опасной любви к Пирре, применяя к

- 15 Что влажные ризы пловца, по обету,
Повешены мной перед богом морей.

VI К ВИПСАНИЮ АГРИППЕ³⁷

- Тебя петь Варию³⁸, герой непобедимый!
Стихов Меонии³⁹ орел — он скажет нам,
Что воин совершал, тобою предводимый,
Верхом, иль по волнам.
- 5 А я, Агриппа, мал на это от природы:
Ни Пелеида⁴⁰ гнев жестокий не спою,
Ни бег двуличного Улисса через воды
Ни Пелопса семью.⁴¹
- Мне стыдно унижать, не слушая сознанья
- 10 И Музы, давшей мне напев небоевой,
Твои и Цезаря великого деянья
Убогою хвалой.
- Кто воспоет, как Марс блестит в броне алмазной,
Как черен весь в пыли троянский Мерион?⁴²
- 15 Иль как Тидид⁴³ везде в борьбе разнообразной
Палладой вознесен?
- А я пою пиры, да дев, в жестоком гневе
На юношей в бою острящих нготь свой;

своему положению обычай спасавшихся от кораблекрушения вешать в храме бога-избавителя платье с доскою, на которой изображался или описывался случай избавления.

³⁷ Эта ода, по словам Вебера, относится к 718 году, когда Агриппа, бывший прежде известен успехами на Рейне, одержал победу над С. Помпеем.

³⁸ Гораций, прославляя Агриппу, по-видимому, считает себя недостойным воспевать такого героя и предоставляет этот труд другу своему Варию, известному эпическому и трагическому времени Августа.

³⁹ Меонией древние называли Лидию и соседнюю Ионию, родину Гомера.

⁴⁰ Пелеид, сын Пелея, Ахиллес. «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына» («Илиада». Пер. Гнедича. I, 1).

⁴¹ Пелопса дом отличается трагическими событиями. Пелопс сам был причиною смерти тестя своего. Сыновья его и жены его, Гипподамии, убили Хризиппа, сына Пелопса и нимфы Астиохи. Гипподамия сама лишила себя жизни; Атрей умертвил детей брата своего Тiestа; Эгист, сын Тiestа, убил Атрея; Агамемнон, сын Атрея, умерщвлен женой своей, Клитемнестрой, убитой, в свою очередь, Орестом, сыном Агамемнона. Осталась одна Электра оплакивать гибель своего рода.

⁴² Союзник критского царя Идомея.

⁴³ Диомед, сын Тидея, любимец Паллады (Минервы).

Хоть будь свободен я, хоть пламенной я к деве —
20 Таков обычай мой.

VII К МУНАЦИЮ ПЛАНКУ⁴⁴

Хвалят иные Родос знаменитый или Митилену⁴⁵,
Или Эфез и морского Коринфа⁴⁶
Стены, иль Вахвовы Фивы, или Аполлоновы Дельфы
Славные, иль Фессалийские Темпы⁴⁷;
5 Только заботы другим целомудрой Паллады столицу⁴⁸
Песнею вечно славить и, столько
Щипанной всеми, себе увенчивать кудри оливой!
Многие хвалят, во славу Юноны,
Громкий конями Аргос, да Микены, богатые златом.⁴⁹
10 Мне же не нравится так Лакедемон,
Преданный строгим трудам, ни поля плодоносной
Лариссы⁵⁰,
Как говорливый чертог Албуней⁵¹,
Анио быстroteкущий, да роща Тибура и тени
Влажных садов над живыми ручьями.⁵²
15 Как нередко и Нот⁵³ сгоняет с туманного неба
Тучи, не вечно дождями чреватый,
Так подумай и ты прекратить, рассудительный Планк мой,

⁴⁴ Л. Мунаций Планк, к которому Цицерон написал несколько писем, родился в Тибуре. Он попеременно сражался под знаменами Антония, от которого потом перешел к Октавию и расточительно провел остаток жизни своей в Риме. Вот одна из причин, по которой стихотворение это относят к 714 году, ко времени военного поприща Планка, когда Горацию можно было убеждать его утешиться вином — совет, который впоследствии был бы бесполезен.

⁴⁵ Родос славился торговлей и искусствами; Митилена, на острове Лесбосе, известна была красотой местности и зданий.

⁴⁶ Коринф между двух морей, Эгейского и Ионического.

⁴⁷ По Темпейской долине между Олимпом и Оссой протекал Пеней.

⁴⁸ Афины.

⁴⁹ Аргос, Микены и Спарта, любимые города Юноны.

⁵⁰ Ларисса, в Фессалии, отличалась плодородием.

⁵¹ У источника того же имени, близ Тибура, был храм нимфы Албуни.

⁵² Тибур основан на берегу реки Анио аргивцем Тибуром, или Тибурном, в северной части Лациума, в 16 милях от Рима, и славился плодородием и красотой местности, по причине множества ручьев, орошающих его поля. Гораций часто упоминает о нем.

⁵³ Нот, см. I, 3, 13.

- Всякие скорби и трудности жизни
 Нежным вином: задержали ль тебя золоченые знаки
 20 Лагеря, или широкою тенью
 Твой Тибур приманит. Покидая отца в Саламине,
 Тевкр⁵⁴ однако же все — по рассказу —
 Тополем свежим чело, окропленное Вакхом, увидиши,
 Так к печальным друзьям обратился:
 25 «Счастье добрее отца! какой оно путь вам укажет,
 Так и пойдёмте, товарищи, други;
 Что сокрушаться, коль Тевкр предводитель и Тевкр
 предвещатель.
 Сам Аполлон обещал непреложно
 В новой стране потемнить Саламина давнишнюю славу.
 30 О! достойные, много со мною
 Горя терпевшие мужи, вином прогоните печали...
 Завтра опять в беспредельное море».

VIII К ЛИДИИ⁵⁵

- Скажи, о Лидия, во имя всех богов,
 Зачем в любви сгубить ты ищешь Сибарина?
 Зачем чуждается сообщества борцов
 Сносить и пыль и жар привыкший, как мужчина?
 5 Зачем не скачет он с отвагой боевой
 Меж сверстников, коня из Галлии лесистой
 Могуче укротя колючею уздой —
 И Тибр его страшит волною золотистой?⁵⁶
 Зачем, как яд, ему противен стал елей⁵⁷,
 10 И руки властвовать оружием не стали?
 А прежде у него копье и диск верней
 На славу изо всех за цель перелетали.

⁵⁴ Тевкр, изгнанный отцом своим Теламоном, царем саламинским, за то, что он против отцовского повеления вернулся из-под Трои без брата Аякса, отправился на остров Кипр и основал, согласно прорицанию Аполлона, город, который назвал Саламином же.

⁵⁵ Кто эта Лидия и когда написано это стихотворение, которое Кирхнер относит к 727 году — достоверно неизвестно; верно только, что она не была любовницей Горация.

⁵⁶ Поэт укоряет Лидию в том, что она до того изнежила Сибарина, что он не участвует в упражнениях, свойственных его возрасту, как-то: верховой езде, плаванию, борьбе и т. п.

⁵⁷ Елей, которым борцы умащали свои члены.

- 15 Зачем он прячется, как будто пред войной
Троянской, по словам преданья, сын Пелея⁵⁸,
Боясь, чтоб не увлек его убор мужской
В ликийские⁵⁹ ряды на поприще Арея?

IX К ТАЛИАРХУ⁶⁰

- Ты видишь, как Соракт⁶¹ от снега побелел:
Леса под инеем, с повисшими ветвями,
Едва не ломаются, и ток оцепенел
От злого холода меж сонными брегами.
- 5 На очаге огонь широкий разведя,
Ты стужу прогони веселою пирушкой,
И пей, о Талиарх, подвалов не щадя,
Четырехлетнее вино сабинской кружкой.
- 10 А впрочем, на богов бессмертных положишь:
В тот час, когда они ветрам повелевают
Не бороздить морей — не дрогнет кипарис,
И старых ясеней вершины замолкают.
- 15 Что завтра принесет — не спрашивай! Лови
Минуты счастья душою благородной;
Не бегай, юноша, веселия любви
Для сердца сладостной, и пляски хороводной.
- 20 Пока от седины угрюмой ты далек,
Теперь еще твое, по прихоти желанья,
Все: поле Марсово, и площадь, в вечерок
Любовь при шепоте условного свиданья —

⁵⁸ Ахиллес — сын Пелея и Фетиды. Мать, предвидя гибель сына своего в троянской войне, скрывала его, облекши в женское платье, в Скиросе у Ликомеда.

⁵⁹ Жители Малой Ликии были союзниками троянцев.

⁶⁰ Самое имя Θαλιάρχος, Ἐπιτοπάρχος, распорядитель пира, заставило Дилленбургера считать оду эту застольным экспромтом, обращенным к Симпозиарху: но конец оды по смыслу не допускает подобного предположения, и древнейшие толкователи считали Талиарха греком, жившим в Риме, а сочинение оды относили к суровой зиме 712 года.

⁶¹ Соракт, гора в области Фалисков, нынче Monte di Silvestro, редко бывает покрыта снегом.

И в темном уголке красотки молодой
Предатель звонкий смех, и вовремя проворно
Похищенный у ней с руки залог немой,
Иль с тонкого перста, упрямого притворно.

X К МЕРКУРИЮ⁶²

Меркурий, Атласа красноречивый внук⁶³,
Меж древних дикарей ревнитель просвещенья,
Народам сообщил ты речи первый звук
И ловкие движенья.⁶⁴
5 Тебя я воспою, Зевеса и богов
Лукавый посланец — родитель лиры гибкой;
Ты, что понравится, всегда украсть готов⁶⁵
С насмешливой улыбкой.
В младенчестве твоём, когда, быков сведя,
10 Угрозы пастыря ты, мальчик⁶⁶, испугался,
Покражу хитрую колчана оглядя,
Сам Аполлон смеялся.
Атридов суетных, при помощи твоей⁶⁷,
Оставя Илион, Приам, везущий злато,
15 И стана вражьего и вражеских огней
Избег замысловато.
В жилище радости благочестивых ты
Толпу летучую теней сопровождаешь
Лозою золотой⁶⁸ и богу высоты
20 И бездны угождаешь.

⁶² Ода эта, написанная в подражание Алкею, по мнению Кирхнера, относится к 729 году, когда Гораций начал более утверждаться в богопочитании.

⁶³ Меркурий, сын Юпитера и Май, дочери Атласа, одной из Плеяд.

⁶⁴ Он учредил палестру.

⁶⁵ Проворный Меркурий, покровитель воров.

⁶⁶ Меркурий, будучи трехдневным младенцем, свел быков фессалийского царя Адмета, которых пас Аполлон; с такой же ловкостью украд он потом лук и стрелы пастыря.

⁶⁷ При хитром содействии Меркурия, Приам, ехавший к Ахиллу для выкупа тела Гектора, не был замечен в греческом стане ни Атридами, Агамемноном и Менелаем, ни стражами.

⁶⁸ Эта лоза ничем не отличалась в старину от кадуцея.

ХІ К ЛЕВКОНОЕ⁶⁹

Не спрашивай; грешно, о Левконоя, знать,
Какой тебе и мне судили боги дать
Конец. Терпи и жди! не знай халдейских бредней.⁷⁰
Дано ли много зим, иль с этою последней,
Шумящей по волнам Тиррены⁷¹, смолкнешь ты,
Пей, очищай вино⁷² и умеряй мечты...
Пока мы говорим, уходит время злое:
Лови текущий день, не веря в остальное.

ХІІ К ЦЕЗАРЮ АВГУСТУ⁷³

Какого ты мужа, какого героя,
О Клио! на лире иль флейте прославишь?
На имя ли бога ты эхо живое
Отгрянуть заставишь,
5 Долин Геликона в дубраве ль тенистой?
На Пинде⁷⁴, иль Геме, не знающем зною?
Откуда деревья Орфей голосистый
Увлек за собою.
Искусством наследным⁷⁵ умел оковать он
10 И быстрюю реку и ветер летучий,
И чуткому дубу был сладко понятен
Струною певучей.
Могу ль не во-первых вещать я хваленье
Отцу и царю⁷⁶ над людьми и богами,
15 Что море, и землю, и мира теченье
Умерил часами?

⁶⁹ Гораций одою, сочиненной около 724 года, упрасивает свою знакомую Левконою не верить волхвованиям.

⁷⁰ Гороскопические пророчества халдейских астрологов.

⁷¹ Этрурия.

⁷² Римляне цедили вино перед употреблением его.

⁷³ Эта ода написана в 725 году, в честь Августа, возвратившегося после победы над парфянами, галлами и др. и усыновившего в том же году М. Марцелла, сына сестры своей, Октавии.

⁷⁴ Горы: Геликон в Беотии, Пинд в Фессалии и Гем (Haemus) во Фракии.

⁷⁵ Неудивительно, что Орфей увлекал своим искусством даже неодушевленную природу, будучи сыном и учеником Каллиопы.

⁷⁶ Юпитеру.

- По нем же — от века сильнейшего чада,
 Ни равного мир, ни второго не знает...
 Ближайшую почесть однако ж Паллада
 20 Пускай занимает.
 Отважного Вакха забуду ль струною,
 Забуду ли деву полночного неба,
 Зверям роковую⁷⁷, иль меткой стрелою
 Грозящего Феба?
- 25 Алкида ль прославлю, иль мальчиков Леды?⁷⁸
 Того на конях, а другого на скорых
 Кулачных сраженьях, любимцев победы,
 Созвездье которых
 Пловцам лишь заблещет — и влага седая
 30 Стекает с утесов — и ветер стихает,
 И на море бурном, их воле внимая,
 Волна опадает.
 За ними не знаю: древнейшего ль трона⁷⁹
 Я век воспою? Век ли Нумы спокойный?
- 35 Тарквиния ль гордые связи⁸⁰, Катона
 Конец ли достойный?⁸¹
 Ты, Регул, вы, Скавры⁸², ты, Павл, расточавший
 Великую душу мечам Карфагена⁸³,
 И ты, о Фабриций!⁸⁴ о вас прозвучавши,
 40 Гордится Камена.
 Тебя, и с главою косматой Дентата⁸⁵

⁷⁷ Диану.

⁷⁸ Кастор и Поллукс. См. 1, 3, 2.

⁷⁹ Век Ромула.

⁸⁰ Увлекаясь эпитетом «гордые», не должно относить этих слов к Тарквинию Гордому. Исчисляя богов и славных мужей, Гораций не стал бы помянуть этого царя. Он говорит о Тарквинии Древнем, пятом царе римском, который украсил город и ввел с другими знаками величия и связи, носимые ликторами, которые потому и названы Горацем гордыми.

⁸¹ После тапской битвы М. Катон Младший, желая, по словам Валерия Максима (III, 2,14), предпочесть жизни без славы славу без жизни, проколол себя мечом и умер, сорвав сделанную ему перевязку.

⁸² Марк Эмилий Скавр, сын угольщика, прославился строгостью жизни, а сын его, М. Скавр, был правителем Сардинии.

⁸³ После страшного поражения при Каннах, Л. Эмилий Павл, сидя раненый на поле сражения, отказался от лошади, на которой мог бы ускакать, и погиб добровольно от мечей Карфагена.

⁸⁴ Кай Фабриций, которого честности удивлялся Пирр.

⁸⁵ Курий Дентат, полководец, известный бескорыстием и собственными руками возделывавший поля, придерживаясь древнего обычая, никогда не стриг головы и не брил бороды.

- На браную доблесть — равно и Камилла⁸⁶ —
 Суровая бедность, да отчая хата
 Полей породила.
- 45 Растет неприметно, как дерево летом⁸⁷,
 Марцеллова слава, и все пред звездю⁸⁸,
 О Юлий, твоею — что меньшие светом
 Огни пред луною.
 Отец мирозданья и вечный блюститель!
- 50 Ты, Цезарю в стражи избранный судьбами,
 Даруй, чтоб второй по тебе повелитель
 Был Цезарь над нами.
 Ведет ли в триумфе, отрадном гордыне,
 Он парфов, пред Римом кичливых без меры⁸⁹,
- 55 Дрожат ли пред мощным в восточной пустыне
 Индийцы и серы⁹⁰,
 Меньшой по тебе, он да правит вселенной⁹¹;
 Ты ж горний Олимп сотрясай колесницей,
 Ты роци нечистые жги раздраженной⁹²
- 60 Громовой десницей.

XIII К ЛИДИИ⁹³

Когда у Телефа ты розовую шею
 Иль руки, белые как воск, похвалишь мне,

⁸⁶ Марк Фурий Камилл приказал связать руки учителю из осажденной Фалерии и приведенным в заложники ученикам гнать его обратно в город розгами.

⁸⁷ М. Марцелл, женатый на Юлии, дочери Августа, и усыновленный им, подавал самые блестящие надежды.

⁸⁸ Не должно, по примеру многих объяснителей, под звездю Юлия разуметь Юлия Цезаря, о котором Гораций весьма редко, и то вскользь, вспоминает. Поэт заключает ряд великих людей любимцем Августа Марцеллом, и, наконец, самим Августом, которого он называет звездю Юлия от Июля, сына Энея.

⁸⁹ Парфы — см. I, 2, 51.

⁹⁰ Индийцы и серы, жившие на самом отдаленном востоке, прислали просить расположения Августа.

⁹¹ Поэт как бы разделяет владычество на земле и небе между Августом и Юпитером.

⁹² Нецеломудренная любовь более всего могла осквернить роци, посвященные богам.

⁹³ Кирхнер относит оду эту к 728 году. Эту Лидию не должно смешивать с той, о которой Гораций говорит в I, 8: та была его простой знакомой, а к этой, бывшей одним из многих предметов его мимолетной привязанности, он обращался в I, 25 и III, 9. Телеф, вымышленное имя одного из блестящих юношей времени Горация.

- Тогда, о Лидия! владеть я не умею
Кипящей желчью в сердечной глубине;
5 Тогда рассудок я и цвет лица теряю,
А тихая слеза, сбегающая вдоль ланит,
О том, каким огнем я внутренне сгораю,
Тебе предательски невольно говорит.
Горю, когда тебе, в невоздержаньи грубом,
10 Блестящие плеча попойка исказит,
Иль пылкий юноша нетерпеливо зубом
Красу губы твоей надолго заклеит.
О, если бы словам моим давалась вера,
Ты б знала, милая, как ненадежен⁹⁴ тот,
15 Кто ротик твой чернит, которому Венера
Всю силу нектара небесного дает.
Трикраты счастливы любовники, трикраты,
Хранящие вовек ненарушимость уз:
Их дни так радостно согласиём богаты,
20 И лишь последний день расторгнет их союз.

XIV К РЕСПУБЛИКЕ⁹⁵

- Корабль, морской волной влечет тебя опять!
О, что же медлишь ты? Старайся порт занять.
Ужель не видишь ты, что силою ненастий
Бока обнажены и перебиты снасти
5 Порывами ветров, что реи уж давно
На мачте стонут все, и все сокрушено?
Канаты лопнули и остов килем старым
Не в силах более бороться с морем ярим!
Ни славным именем, ни родом издавна,
10 Дочь гордая лесов, понтийская сосна⁹⁶,
Богов защитников в бедах не умолила:
В богах защиты нет и лопнули ветрила.
Пловец, испуганный кипящею волной,
Не верит кораблю с расписанной кормой,⁹⁷

⁹⁴ «Ты не можешь надеяться на верность того, кто так мало уважает чувство любви, что решается запятнать его лучшее проявление — поцелуй».

⁹⁵ Кирхнер относит эту оду ко времени смут 722 года, предшествовавших акциумской битве. Уже Алкей сравнивает государство с кораблем.

⁹⁶ Берега Черного моря славились превосходным корабельным лесом.

⁹⁷ Древние расписывали корму кораблей, и Гораций намекает на внешний блеск Рима, на который в опасности так же мало надежды, как на расписанную корму корабля.

- 15 Ты ж берегися бурь седого океана,
Коль не желаешь быть игралищем оркана.
Недавно по тебе проникнут горем весь,
И сердцем преданный судьбе твоей поднесь,
Я говорю: страшись, беги морского тока,
20 У мраморных Циклад кипящего глубоко.⁹⁸

XV ПРОРОЧЕСТВО НЕРЕЯ⁹⁹

- Когда на корабле идейском увозил
Предательский пастух Елену через воды¹⁰⁰ —
Нерей дыхание ветров остановил¹⁰¹
Затем, чтоб горестные годы
5 Предречь. — «Недобрых птиц¹⁰² ты видевши, домой
Увозишь пленницу недолгую Пергама;
Клянется Греция союз разрушить твой
И царство древнее Приама.
Увы! В каком поту и мужи и кони!¹⁰³
10 Как много дарданов ты отошлешь к Аиду!
Паллада гневная готовит шлем -- взгляни —
И колесницу и эгиду...¹⁰⁴
Венеры баловень, вотще власы свои
Ты чешешь весело и женщинам так страстно
15 На цитре сладостной бряцаешь гимн любви —
И в спальне избежать напрасно
Захочешь гносских стрел¹⁰⁵, и копий, и мечей,

⁹⁸ Циклады — группа островов близ Делоса; по причине бурных прибоев у берегов их, они выставлены Горацием в пример опасности.

⁹⁹ Некоторые толкователи несправедливо видели в этой оде аллегория, касательно отношений Антония к Клеопатре; но изображение труса Париса вовсе не соответствует образу римского героя. Стихотворение это, по содержанию чисто греческое, Кирхнер относит к 723 году.

¹⁰⁰ Предательским Гораций называет Париса, пасшего на Иде (обильной корабельным лесом, откуда идейский корабль) овец, за то, что он не уважил гостеприимства.

¹⁰¹ Нерей, сын Понта и Геи, отец Нереид, подобно другим морским божествам, владел даром пророчества.

¹⁰² Древние чаще всего по полету птиц судили об удачном или неудачном начинании.

¹⁰³ Нерей вдруг видит страшный бой со всеми его подробностями.

¹⁰⁴ Эгида — собственно шкура козы ἄσπις, кормилицы Зевеса, которою обтнут его непобедимый щит. Этот щит носит и любимая дочь Зевеса, Минерва.

¹⁰⁵ Жители острова Крита, где был город Гносс, приготавливали тростниковые стрелы.

- Забыть и крик войны и натиск неизбежный
 Аякса¹⁰⁶; но увы! хоть поздно, любодей,
 20 Покроет пыль твой волос нежный.¹⁰⁷
 Улисса видишь ли, согражданам твоим
 Врага? Ты видишь ли пилосского героя?¹⁰⁸
 Уж саламинский Тевкр¹⁰⁹ теснит тебя, за ним
 Вослед Стенел, движений боя¹¹⁰
 25 Знаток, а ежели смиряет бег коней,
 Возница ревностный. Вот Мерион¹¹¹, смотри-ко!
 А вот храбрый отца Тидид¹¹² среди мечей
 Тебя глазами ищет дико.
 И как олень в лугу, завидя волка, вдруг,
 30 Забывши о траве, со всей стремится силой...
 Ты, робкий, от него бежишь, спирая дух,
 Хоть обещал иное милой.
 Отстрочат грозные фригийским женам дни
 Ахилла гнев и с ним вражда Агамемнона;
 35 Но срок минет зима...¹¹³ ахейские огни
 Пожгут жилища Илиона».

XVI К ПОДРУГЕ¹¹⁴

- Прекрасной матери прекраснейшая дочь,
 Ты ямба, некогда преступным пред тобою,
 Уж казнь достойную сама назначь теперь
 Огнем иль Адрия волною.
 5 Ни Диндимена¹¹⁵ так рассудка не мрачит,

¹⁰⁶ Здесь не Теламонов сын Аякс, но Филеев.

¹⁰⁷ Ты упадешь во прах.

¹⁰⁸ Нестор — царь пилосский, известный мудростью советов.

¹⁰⁹ Тевкр — см. I, 7, 22.

¹¹⁰ Стенел, возница Диомеда, с которым он сражался под Фивами.

¹¹¹ Мерион — один из девяти героев Гомера, решавшихся сражаться с Гектором.

¹¹² Диомед превзошел подвигами отца своего, Тидея.

¹¹³ Вместо «годам». Часть вместо целого. Гнев Ахиллеса только отсрочит гибель Трои.

¹¹⁴ Гораций не называет красавицы, насчет которой он в молодости написал насмешливые ямбы и перед которой он извиняется в этой оде, написанной, по мнению Кирхнера, в 726 году.

¹¹⁵ Мать богов, Цибела, от имени трех фракийских гор получила прозвания: Цибела, Диндимена, Беречинтия; жрецы ее, галлы, почитали память ее звуками труб, рогов, барабанов и ужасными кривляньями.

- Ни Пифий, жриц в своей святыне вдохновляя,
 Ни Вакх, ни хор Курет¹¹⁶, когда он закричит,
 В медь медью звучной ударяя,
 Как гнев губительный. Не устрашат его
 10 Ни Норики клинок¹¹⁷, ни глубины морские,
 Ни огонь снедающий, ни даже самого
 Зевеса стрелы громовые.
 Предание гласит, что древле Прометей,
 Сбирая по нужде для первобытной глины¹¹⁸
 15 Отвсюду качества, вложил в сердца людей
 И гнев и раздражимость львины.
 Гнев лютого конца Тиеста был виной¹¹⁹
 И славных городов бывал неоднократно
 Причиной гибели. Он дерзкою рукой,
 20 И неприязненной и ратной,
 Надменно плуг пускал по сверженным стенам...
 Уйми твой гнев; и я когда-то заблуждался,
 Горячкой юности был увлечен я сам
 И резвым яббам предавался.
 25 Но ныне, грустную отвагу заменив
 Покорной кротостью, я вновь перед тобою...
 Будь мне подругою и, распри позабыв,
 Предайся всею мне душою.

XVII К ТИНДАРИДЕ¹²⁰

Проворному Фавну милее Лукретил¹²¹,
 Чем темя Ликейя родное¹²²,

¹¹⁶ Куреты или корибанты — жрецы Реи, супруги Сатурна, должны были криком и звоном заглушать плач младенца Юпитера в то время, когда Сатурну подали проглотить камень, завернутый в пеленки.

¹¹⁷ Норика, страна близ Альп. Не устрашит война.

¹¹⁸ Для создания человека.

¹¹⁹ Тиест, сын Пелопса, мстя брату своему, Атрею, соблазнил жену его Европу и прижил с нею детей, которых Атрей, убив, предложил в пищу Тиесту. Эгист, сын Тиеста, убил Атрея, но, в свою очередь, был свергнут с престола сыновьями Атрея, Агамемноном и Менелаем.

¹²⁰ Эта ода написана после 720 года, потому что до того времени Гораций не владел Сабинумом. Кто такая была *libertina* Тиндарида — неизвестно. Некоторые считают ее гречанкой-поэтом. Что она была музыкантша — видно из оды.

¹²¹ Лукретил — гора в Сабине, неподалеку от виллы Горация, тут же холм Устики.

¹²² Ликей — гора в Аркадии, жилище Фавна и Пана.

- И коз он моих каждый год, я заметил,
Хранит от дождя и от зноя;
- 5 И бродят по роще, за тмином скитаясь,
Незримой рукой сбережены,
И змей полосатых ничуть не пугаясь;
Супруга пахучего жены.
- Поверь, Тиндарида, младые козлята
10 Волков кровожадных не знают,
Как только долины и горные скаты
На звуки рожка отвечают.
- Богами храним я: богам благочестье
И муза моя угодили,
15 Мое здесь роскошно рассыплет поместье
На милую рог изобилий.
- Здесь в жаркий каникул, за рощею дальней,
Избравши теосские стопы,
Любовь ты соперниц¹²³, Цирцеи кристальной
20 И верной споешь Пенелопы.
- Здесь будешь бокалы ты влагой лесбейской
В тени наливать понемногу,
Сюда преградит Семелей Тионейский¹²⁴
Суровому Марсу дорогу.
- 25 Тебя не посмеет здесь Кир¹²⁵ раздраженный
Ударить рукою бесчинной;
Венка не сорвет с головы благовонной,
Не тронет одежды невинной.

¹²³ Любовь и Цирцеи и Пенелопы обращена была к одному и тому же Улиссу. Цирцея, в смысле морской нимфы, названа кристальной.

¹²⁴ Семелей Вакх, сын Семелы, по прозвищу Тионейской, или от греческого слова ὄβρις (неистовствовать), или от Тианы, прозвания Семелы.

¹²⁵ Кир, ревнивый любовник Тиндариды.

XVIII
К КВИНТИЛИЮ ВАРУ¹²⁶

- Ты дерева, о Вар! не сей до винограда,
Где обошла Тибур катильская ограда.¹²⁷
Ведь трезвым бог вина все тяжкое дает,
И злых ничем иным не удалишь забот.
- 5 Кто вспомнит за вином про службу с нищетою?
Не все ль полны любви, полны, о Вакх! тобою?
Но Либер¹²⁸ даров не преступать благих
Центавров учит бой с лапитами хмельных¹²⁹,
И злоба Эвия, сифонцам рокового¹³⁰,
- 10 В тот час, как различать благое от худого
Так трудно страстному. Нет, чистый Вассарей¹³¹,
Я тайны не дерзну умчать из-под ветвей¹³²
Священных напоказ. Уйми со злым тимпаном
Берецентийский рог; он возбуждает в пьяном¹³³
- 15 Порывы гордые хвалить свои дела,
И тайн доверчивость, прозрачнее стекла.

¹²⁶ Квинтилий Вар, родом из Кремоны, друг Горация и в особенности Вергилия, к которому Гораций в 24 оде этой книги обращается и оплакивает с ним смерть Квинтилия. Ода эта, по явным признакам подражания греческим образцам, относится ко времени молодости Горация (от 717 до 720), когда он еще не мог от них оторваться.

¹²⁷ Катил, или Катилл, был одним из основателей Тибура.

¹²⁸ Либер — одно из имен Вакха.

¹²⁹ Гомер рассказывает («Илиада». I, 262) про битву пьяных лапит с центаврами в день свадьбы царя Пиритоя с Гипподамией.

¹³⁰ Эвий Вакх! — восклицание вакханок. Сифонцы, жившие во Фракии, не в меру предавались Вакху и превращали бокалы в орудия боя (см. I, 27, 1).

¹³¹ Вассарей назывался Вакх у фракийцев от *Вассара*, лисицы, лисьего меха, которым были одеты вакханки.

¹³² Во время торжества Вакха, небольшие корзинки наполнялись священными принадлежностями бога и носились покрытые виноградными ветвями. Непосвященным не позволялось видеть этих предметов.

¹³³ Торжество Вакха, так же как торжество Цибелы-Берецентии (от фригийской горы Берецентийской), сопровождалось резкими звуками рогов. Гораций при оргиях часто упоминает берецентийский рог.

XIX К ГЛИЦЕРЕ¹³⁴

Жестокая мать Купидонов
И фивской Семелы питомец живой¹³⁵,
Да резвая Прихоть велят мне¹³⁶
Любви позабытой предаться душой.

- 5 Сожжен я Глицеры красою,
Что блеском и мрамор паросский затмит,
Сожжен этой дерзостью милой
И взором, где страстная нега манит.

- В меня устремившись, Венера
10 Оставила Кипр¹³⁷ и мне петь не дает
Ни скифа, ни конного парфа,
Ни прочего, что по душе ни придет.

- Прислужники! свежего дерну,
Да трав принесите сюда и вина
15 Двухлетнего в чаше, да мирры:
На жертву сойдет благосклонней она.

XX К МЕЦЕНАТУ¹³⁸

Ты будешь пить из чаш сабин недорогой¹³⁹;
Его моя рука в сосуды наливала
В тот день, когда, в театр приход заметя твой,
Толпа рукоплескала.

- 5 Мой всадник дорогой, припомни, Меценат,
Как плескам тем тогда ответствовали рьяно

¹³⁴ Гораций в этой оде говорит о сверхъестественном, неожиданном побуждении своим к любви, и поэтому предполагают, что он написал это стихотворение лет сорока, следовательно, около 730 года. Глицера — одна из тех женщин, которую он долго любил, и если оставлял ее, то вновь возвращался к ней. Он вспоминает о ней тоже (I, 30) и (III, 19); та ли это, насчет измены которой поэт утешает Тибулла, — неизвестно.

¹³⁵ Вакх, сын фивской царевны Семелы.

¹³⁶ Licentia, тоже спутница Венеры.

¹³⁷ Кипр, Гнидос и Пафос — любимые местопребывания Венеры. Богиня собственной особой вселилась в душу Горация и не позволяет ему писать героических песен.

¹³⁸ Гораций приглашает его в Сабин: следовательно, после 720 года.

¹³⁹ Местное вино.

Родные берега, отгрянувши стократ¹⁴⁰
На эхо Ватикана.
Кален и цекуб¹⁴¹ ты в амфоры жмешь свои,
10 А у меня фалерн в сосуды не вливают
И формианских лоз душистые струи
В бокалах не сверкают.

XXI ГИМН АПОЛЛОНУ И ДИАНЕ¹⁴²

Диану — нежные хвалите хором девы,
Хвалите, мальчики, вы Цинтия с мольбой¹⁴³,
Латоне все напевы,
Зевесу дорогой!¹⁴⁴
5 Вы деву пойте рек и рощей в виде златном,
На хладном Алгиде красуются ль оне,
На Эриманте ль мрачном,
На Краге ль, по весне.
Вы ж Темпы, мальчики, хвалой почтите равной
10 И Аполлону в честь Делос ему родной;
Колчан воспойте славный
При лире за спиной:
Да обратит он с нас и с Цезаря владыки
И голод, и чуму, и злую смерть сынов
15 На край британцев дикий
И парфов, с ваших слов!¹⁴⁵

XXII К АРИСТИЮ ФУСКУ¹⁴⁶

О, Фуск, поверь: тому, кто сердцем уцелел
Средь искушений зла и черного обмана,

¹⁴⁰ Берега Тибра, вытекающего из Этрурии, родины Мепената.

¹⁴¹ Кален, цекуб и фалерн были известные вина, равно как и формианское.

¹⁴² Ода эта написана, вероятно, около 727 года, по поводу праздника в честь Аполлона.

¹⁴³ Аполлон, родившийся на Делосе, от горы Цинта назывался Цинтием.

¹⁴⁴ Латона, любимая Зевесом, была всюду гонима Юноной и должна была искать на Делосе убежища, где тайно родила близнецов, Аполлона и Диану.

¹⁴⁵ Нет необходимости предполагать войны во время сочинения этой оды. Парфов римляне ставили вообще вместо врагов, а британцы также приведены здесь по причине их отдаленности (край света).

¹⁴⁶ По причине прогулки в Сабине и эту оду должно отнести ко времени между 720 и 724 гг. Многие предполагают, что Лалага и Глицера одно и то же лицо, но это трудно доказать. Аристий Фуск был поэт и грамматик.

- Не нужно ни копья, ни ядовитых стрел,
 Ни тяжкого колчана —
- 5 По знойным ли пескам он путь свой устремит,
 Чрез дикий ли Кавказ — до чуждых нелюбовный,
 Иль в землю, где Гидасп берега свои кропит
 Волною баснословной.¹⁴⁷
- 10 Когда без цели я зашел в сабинский лес
 И славил Лалагу, беспечен и досужен,
 Со мною встретясь, волк¹⁴⁸ бежал во мглу древес,
 Хоть был я безоружен.
- 15 А равное ему чудовище едва
 Кормила Даунии¹⁴⁹ дуброва боевая
 Иль степь Нумидии, бестрепетного льва
 Кормилица сухая.
- Хоть брось меня в страну, где по верхам древес
 Не дышит теплый ветер, весною растворенный,
 Где пеленою туч подернул свод небес
- 20 Юпитер раздраженный;
 Хоть брось в безлюдный край, где солнца близкий бег
 Пустыню раскалил ездой безотлучной,
 Я буду Лалагу любить за сладкий смех,
 За говор сладкозвучный.

XXIII К ХЛОЕ¹⁵⁰

- О, Хлоя! ты бежишь меня, как лань младая,
 Которую, вдали от матери, в горах,
 Чуть ветер шелохнет, вдоль по лесу порхая,
 Тревожит ложный страх.
- 5 Терновника ль вздрогнут встревоженные сени
 Иль ящерицы где кустами пробежат

¹⁴⁷ Гидасп, река в Индии. Баснословною называет ее поэт по причине баснословных о ней преданий.

¹⁴⁸ Некоторые говорят, что Гораций всю эту оду написал для того только, чтоб рассказать, как на прогулке в лесу он встретил чудовище-волка.

¹⁴⁹ Дауния в Апулии, страна лесистая, снабжавшая Рим храбрыми воинами. Гораций, родом из Апулии, при всяком удобном случае говорит о ней.

¹⁵⁰ В этой оде, написанной, по мнению Кирхнера, в 733 году, Гораций уговаривает предаться ему ту самую Хлою, на жестокость которой (III, 26) он жалуется Киприде и которую оставить он обещает Лидии (III, 9).

- Зеленые — у ней и сердце и колени
Неволью задрожат.
Ведь я не тигр, не лев гетульской я равнины¹⁵¹,
10 Не с тем, чтоб погубить, ищу тебя поймать:
Пора красавице, созревшей для мужчины,
От матери отстать.

XXIV К ВИРГИЛИЮ¹⁵²

- Где стыд и мера где печали несравненной
По милой голове? О! в этот скорбный час
Пой, Мельпомена, грусть; тебе отец вселенной
Дал с цитрой сладкий глас.
5 Так над Квинтилием сон вечный тяготее?
Теперь ни Нравственность, ни Правосудья мать,
Честь неподкупная, ни Правда не сумеет
Другого отыскать.
Он пал, оплаканный везде единогласно.
10 Virgilij! но тебе больней он много крат:
Ты доверял богам не с тем, чтоб звать напрасно
Квинтилия назад.
Хотя б искуснее фракийского Орфея
Ты внятной деревьям повелевал струной,
15 Но в призрачную тень кровь не проникнет, грея,
Коль страшную лозой,
Ничьим не внемлющий мольбам о возвращеньи,
Уж в темную ее прогнал Меркурий ночь!¹⁵³
Судьба жестокая! Но лучше снести в терпеньи
Чему нельзя помочь.

¹⁵¹ Гетулия в Африке. Часть вместо целого.

¹⁵² Эта ода написана в 730 году, по случаю смерти Квинтилия Вара, родом кремонца, которого Гораций (в I, 18) просит о насаждении винограда. Этот К. Вар, поэт и критик, был другом Горация и, в особенности, Virgilija, к которому и обращается предлагаемая ода.

¹⁵³ Меркурий сопровождал, или, лучше сказать, гнал души усопших в царство теней (см. I, 10, 19).

XXV К ЛИДИИ¹⁵⁴

- Юноши буйные в окна закрытые
Реже к тебе уж стучатся теперь;
Не прерывают твой сон, и забытая
Заперта дверь.
- 5 Ржавые петли в том верной порукою...
Реже и реже тебе говорят:
Лидия, спишь ли, как ночь всю я мукою
Страсти объят.
Хват ли старухе¹⁵⁵ порою пригрезится,
- 10 Станешь на улице плакать пустой,
Выйдя на ветер фракийский, что бесится¹⁵⁶
С новой луной.
Грудь распалят и любовь и желание,
Что с кобылицею носится вскачь —
- 15 Ревностью лютой заложит дыхание...
Бедная, плачь!
Юноши пылкие, плющем увитые,
Миртом зеленым любятися там,
Листья же зимние, стужей убитые,
В жертву ветрам.

XXVI К МУЗЕ ОБ ЭЛИИ ЛАМИИ¹⁵⁷

Друг Муз, я отдаю тоску и страх печальный
Мчать к морю Критскому бунтующим ветрам,
И думать позабыл: какого север дальний
Страшится мощного по хладным берегам?

¹⁵⁴ Лидия (не должно смешивать ее с той, к которой относится ода I, 8) изменила Горацию, на что он жалуется (I, 13, 1 и III, 9, 14). В этой оде он доказывает ей, как мало он об этом сожалеет.

¹⁵⁵ Хотя у Горация *anus* и значит старуха, но по смыслу стихотворения видно, что он ей обещает положение, которого она еще не достигла.

¹⁵⁶ Ко всякому ветру идет эпитет фракийский, потому что греки Фракию считали родиной ветров.

¹⁵⁷ Эта ода написана в 725 году, когда по смерти Антония Тиридат, свергнутый с престола братом своим, Фраатом, бежал в Сирию и когда некоторые племена восстали на римских союзников. К. Элий Ламий, сын претора из знатного рода (см. III, 17), был одним из друзей Горация.

- 5 Узнал ли Тиридат про козни боевые?¹⁵⁸
 О ты, влюбившая ручьев прозрачный ток,
 Пимплея¹⁵⁹ сладкая! свивай цветы младые,
 Свивай для Ламия мне милого венок.
 Без помощи твоей моя хвала нестройна:
- 10 Его опять воспеть и на струнах иных
 Лесбейской лирою¹⁶⁰ превознести достойно
 Прилично лишь тебе в кругу сестер твоих.

XXVII К ДРУЗЬЯМ-СОБЕСЕДНИКАМ¹⁶¹

- Бокалом, созданным к веселью, воевать
 Фракийцам свойственно. Обычай тот неправый
 Оставьте варварам — и бойтесь обижать
 Лиеня¹⁶² скромного вы распреку кровавой.
- 5 Вину и факелам — мидийца острый меч
 Противоречие ужасное; смягчите
 Крикливо-вздорную, заносчивую речь
 И, чинно подпершись локтями, возлежите.
 Фалерна терпкого я с вами выпить рад,
- 10 Но с оговоркою, друзья мои, одною:
 Пусть опунтийской нам Мегиллы скажет брат¹⁶³,
 Кем сладко ранен он и чьей пронзен стрелою.
 Не хочешь? Ни за что другое я не пью!
 Но как ни покорен Венераию властью,
- 15 Краснеть не будешь ты за милую свою
 И можешь погрешить лишь благородной страстью.
 Что б в сердце ни таил, не опасайся — вверх
 Ушам надежным все. Увы, лишен ты воли!

¹⁵⁸ Тиридат, уже однажды свергнутый с престола Фраатом, сильно тревожился, узнав, что царь скифский готовит вспомогательное войско брату.

¹⁵⁹ Пимплея — Муза, названная от Пимплы или Пимплеи, реки фракийской, посвященной Музам.

¹⁶⁰ Размером, который употребляли лесбейские певцы: Алкей и Саффо.

¹⁶¹ Вебер относит эту оду к первым произведениям Горация (к 717). Поэт, желая обратить внимание ссорящихся собеседников на другой предмет, предлагает тосты в честь возлюбленных.

¹⁶² Лиеня — разрешитель, рассеиватель забот, Вахк.

¹⁶³ Опунт — город в Локриде. Трудно решить, находился ли точно грек, брат опунтийской Мегиллы, в числе собеседников, и Гораций пытается узнать имя его возлюбленной, или же он в шутку называет его братом и только хочет убедить его публично сознаться в своей страсти.

- Какой Харибдою ты поглощен теперь,
20 Несчастный юноша, достойный лучшей доли!
Какой же маг тебя, ворожея иль бог
Избавит наконец от гибели великой?
С трудом бы и Пегас тебя исхитить мог
Из пагубных когтей Химеры троеликой.¹⁶⁴

XXVIII
К АРХИТЕ ТАРЕНТИНЦУ,
ТЕНЬ КОТОРОГО УВЕЩЕВАЕТ ПЛОВЦА¹⁶⁵

П л о в е ц

- Ты ли морей, и земли, и песку без числа измеритель,
Здесь, Архита, лежишь заключенный
В столь немногом количестве праха матинского берега!
Не помогло, знать, тебе, что в воздушный
5 Мир ты вникал и старался душою отважною неба
Свод обнять? Не избегнул ты смерти!

А р х и т а

- Умер и Пелопса¹⁶⁶ тоже родитель, богов собеседник,
Умер Тифон, восхищенный на небо¹⁶⁷,
Умер Минос¹⁶⁸, посвященный в Зевесовы тайны, и принял
10 Тартар опять Панфоида¹⁶⁹, вторично
Сшедшего к Орку; хотя, доказавши троянское время
Снятым щитом, ничего он обратно,

¹⁶⁴ «Ты так опутан этой страстью, что никакой колдун тебе не пособит». Пегас спас Беллерофонта от Химеры. У Химеры три головы и тройное тело. «Лев сопереди, создади же змея, сосреди же коза есть» (Тредьяковский).

¹⁶⁵ Ода эта, размером напоминающая эподы, принадлежит к ранним произведениям Горация и написана около 717 года. В ней поэт заставляет пловца, мινующего матинский берег (в Апулии), сожалеть об участии тарентинского философа и геометра Архиты, которого кости он видит на песке.

¹⁶⁶ Тантал, царь лидийский, отец Пелопса, принятый в собеседники богов, за проступок томится голодом и жаждой.

¹⁶⁷ Тифон, сын троянского царя Лаомедонта, похищен был Авророй, за красоту, на небо. Но, испрося у Зевеса бессмертия своему любимцу, она забыла о юности, и когда он в старости съезжился, то превращен был в кузнечика.

¹⁶⁸ Минос, сын Юпитера и Европы, мудрый законодатель, по смерти судья Аида.

¹⁶⁹ Пифагор, учивший о переселении душ, будучи в Аргосе, в храме Юноны, утверждал, что он жил уже раз в троянское время в лице Панфоида Эвфорба, и когда сняли со стены щит, на который он указал как на принадлежавший ему, то в самом деле прочли имя Эвфорба.

- Кроме жил да костей, не давал безжалостной смерти;
Сам ты суди: не последний знаток он
15 Истины был и природы. Но всех нас одна ожидает
Ночь и тропа невозвратная смерти.
Фурии многих дают на позорище злобному Марсу,
Гибель пловцам — ненасытное море.
Старцев и юношей гробы теснятся. Не обегает
20 Злая ничьей головы Прозерпина.¹⁷⁰
Вот и меня — Ориона исхожего¹⁷¹ бешеный спутник,
Нот, захватил иллирийской волною.
Ты же, пловец, не скупися песку летучего долю
Кинуть костям и главе незарытой.
25 Пусть за это, коль Эвр подымет гесперские волны,
Губит он лес венузийский, но будешь
Ты невредим¹⁷². Ниспошли на тебя богатую милость
Щедрой рукою Зевес правосудный
И Нептун-охранитель священного града Тарента.
30 Иль преступления ты не боишься
Вредного чадам твоим невинным оставить в наследство?
Может быть, ты заслуженную кару
Сам получишь: мои не останутся тщетны молитвы
И не очистят тебя приношенья.
35 Долго тебя на пути не сдержу я, ты можешь,
Бросив три горсти песку, удалиться.

XXIX К ИКЦИЮ¹⁷³

Завидуя добру арабских богачей,
Задумал Икций, ты, суровый воин с виду,
С дружиною идти в Сабею на царей¹⁷⁴

¹⁷⁰ Человек не мог умереть, пока Прозерпина не вырвет у него на макушке волоса, как у жертвы.

¹⁷¹ Восхождение и захождение созвездия Ориона сопровождалось бурями (см. I, 27, 17).

¹⁷² См. I, 3, 13. Венузий в Апулии, недалеко от матинского берега. Пусть буря, если ей нужно губить что бы то ни было, истребляет прибрежный лес, а ты уцелеешь.

¹⁷³ В 730 г. Август послал египетского правителя Элия Галла в Счастливую Аравию, и в этот-то поход собирался и приятель Горация Икций, человек непостоянный в своих планах. В этой оде, написанной в том же году Горацием, он по-приятельски укоряет Икцию в его корыстных замыслах.

¹⁷⁴ Сабея, часть Аравии, куда римское оружие еще не проникало.

- Свободных, и куешь воинственному миду
 5 Оковы тяжкие. Плакав жениха,
 Какая варварка тебе служить решится?
 Чей отрок при дворе, искусный из лука¹⁷⁵
 Отцовского стрелять — стоять не устыдится
 В душистых волосах, как виночерпий твой.
 10 Кто станет отрицать, что могут вдруг потоки
 К крутым горам потечь обратною волной,
 И Тибр, оборотясь, залить свои истоки —
 Коль ты, искавший книг где б ни было купить,
 Нас обнадеживший ученою заслугой,
 15 Панеция и дом Сократа¹⁷⁶ заменить
 Решился наконец иберскую кольчугой¹⁷⁷.

XXX К ВЕНЕРЕ¹⁷⁸

- Царица Гнидоса и Пафоса, Венера¹⁷⁹,
 Оставь любимый Кипр и с радостным челом
 Туда, где ладаном зовет тебя Глицера,
 Сойди в красивый дом.
 5 Пусть сын твой пламенный с тобой приносит радость,
 Пусть Грации меж Нимф без поясов придут¹⁸⁰ —
 И мало без тебя приветливая младость,
 И Гермес¹⁸¹ будут тут.

¹⁷⁵ Хотя можно вообразить себе этого отрока прислужником при дворе, но, вероятно, Гораций хотел сказать: царский сын.

¹⁷⁶ Панеций родился на острове Родосе и был, по мнению Цицерона, одним из лучших философов секты стоиков. Дом — последователей.

¹⁷⁷ Иберия — Испания, славилась своим железом и превосходными кольчугами.

¹⁷⁸ В I, 19 Гораций на 40-м году своей жизни, около 730 г., жаловался уже на внезапную страсть свою к Глицере. В этой оде, написанной, вероятно, немногим позже упомянутой, поэт мольбу к Венере о внушении постоянства его возлюбленной выражает просьбой: сойти со всеми спутницами в дом Глицеры.

¹⁷⁹ Гнидос — город в Карии (в Малой Азии), где особенно чтили Венеру и где находилось ее изваяние работы Праксителя. Пафос — город в восточном берегу о. Кипра, любимое местопребывание Венеры-Киприды-Афродиты.

¹⁸⁰ Нимфы и Грации — спутницы Венеры. Хотя в этом месте и в III, 21, 22, Гораций так выражается, что должно принять, будто Грациям трудно расстаться с поясами, и хотя Ореллий в подтверждение этой мысли «*Segnesque solvere*» объясняет *nunquam solventes*, однако Преис говорит, что Грации, по красоте своей, не нуждаются в одежде, и потому у древних изображались они нагими или в легких одеждах, без поясов.

¹⁸¹ Меркурий, отец красноречия, должен убеждать Глицеру.

XXXI К АПОЛЛОНУ¹⁸²

- Чего певцу, склонясь, просить у Аполлона,
Чего молить, лия из чаши сок молодой?
Не жатвы тучные благого небосклона
Сардинии златой¹⁸³,
- 5 Не стад Калабрии растительной и знойной¹⁸⁴,
Не злата, не костей, что породил Восток¹⁸⁵,
Не пастбищ, что Лирис¹⁸⁶ кропит волной спокойной,
Не говорливый ток.
Каленским пусть ножом¹⁸⁷ тот лозы подчищает,
- 10 Кому их рок послал; из златодонных чаш
Пусть пьет богач-купец вино, что променяет
На сирский свой товар:
Он мил самим богам за то, что, прихотливый,
В год раз до четырех пересекать он рад
- 15 Безвредно океан. Моя же снедь — оливы,
Цикорий да салат.
Дай, сын Латоны¹⁸⁸, тем, что есть, мне наслаждаться,
Но с тем, молю, чтоб дух безвредно сохранить,
Благообразныя преклонности дожждаться,
- 20 Да цитры не забыть.

XXXII К ЛИРЕ¹⁸⁹

Нас просят.¹⁹⁰ Ежели способно больше года
Иль многих пережить все то, что мы с тобой

¹⁸² В 726 году Август, в воспоминание акциумской битвы, посвятил на горе Палатинской храм Аполлону. При этом случае каждый при жертвоприношении клал к подножию божества табличку, на которой начертал свои желания. Вместе с другими и Гораций изъясляет свои, но не просит богатства.

¹⁸³ Плодородие Сардинии известно.

¹⁸⁴ Калабрия и Апулия славились в Италии стадами.

¹⁸⁵ Слоновая кость.

¹⁸⁶ Лирис, нынешний Garigliano, на границе Лациума и Кампани.

¹⁸⁷ Каленские и фалернские лозы славились вином. Вместо того, чтоб сказать каленские лозы, Гораций говорит: каленским ножом.

¹⁸⁸ Аполлон.

¹⁸⁹ Трудно с достоверностью определить время, в которое написана эта ода. Тем не менее смысл первых трех строк заставляет отнести ее к тому периоду жизни Горация, когда поэт мог сослаться на свое поэтическое поприще (около 730).

¹⁹⁰ Кто просит: Август ли, друзья ли поэта, от этого смысл оды не страдает. От «Ежели» до «лира» — вводное предложение, которым Гораций хочет воз-

- Бряцали в тишине — о лира, песнь народа
 Латинского пропой.
- 5 Впервые певшая Лесбоса гражданину¹⁹¹,
 Который, как в бою отваги ни был полн,
 С тобою забывал доспехи и пучину,
 Привязывая челн.
 И Либеры¹⁹² и Муз тогда твой славил голос,
- 10 Венеру, мальчика, что неразлучен с ней,
 И Лика¹⁹³, юноши красавца, черный волос,
 И черных блеск очей.
 Зевесу милая и Феба украшенье,
 Обители богов отрадная самой,
- 15 Внимай мне, сладкое трудов успокоенье,
 Зовущему с мольбой.

XXXIII К АЛЬБИЮ ТИБУЛЛУ¹⁹⁴

- Мой Альбий, не тоскуй без меры, огорчен
 Глицерой ветреной, и, грусти не тревожа,
 Элегий ты не пой о том, что предпочтен
 Тебе годами помоложе.¹⁹⁵
- 5 Кир¹⁹⁶, в Ликориде жар любви воспламенив,
 Забыл ее чело, стесненное кудрями¹⁹⁷,
 Для гордой Полои¹⁹⁸; но прежде козы нив
 Сойдутся с горными волками,
 Чем Полоя падет с противным наглецом;
- 10 Венера хочет так: ей весело неравных

высить достоинство лиры и ободряет ее к дальнейшему песнопению тем, что прежде им сочиненные песни бессмертны; из скромности последнюю мысль он выражает не положительно, но условно.

¹⁹¹ Алкей, родившийся на Лесбосе, соединял в себе достоинства воина и поэта.

¹⁹² Имя Вакха (см. I, 18, 17).

¹⁹³ Лик — юноша, воспетый, вероятно, Алкеем, как Вафилл Анакреоном.

¹⁹⁴ Обарриус, разбирая историю сердечных привязанностей поэта Альбия Тибулла, относит эту оду к 722 году и считает ее написанной по поводу не изданных в свет элегий Тибулла к неверной Глицере.

¹⁹⁵ Кто этот молодой счастливец — неизвестно.

¹⁹⁶ Кир — весьма непостоянный любовник (см. I, 17, 25).

¹⁹⁷ Небольшой лоб считался принадлежностью красоты.

¹⁹⁸ Полоя — дочь Клариссы, известная красавица того времени (см. II, 5, 17 и III, 15, 17).

- И телом и душой вязать одним ярмом
В игре причуд жестококранных.
Я сам, как бог любви мне счастье обещал,
Миртале¹⁹⁹ отдался в приятные оковы;
15 А волны Адрия у калабрийских скал²⁰⁰
Не столь кипучи и суровы.

XXXIV К САМОМУ СЕБЕ²⁰¹

- Скудный богов почитатель и ветренный,
Мудростию заблужденный безумною,
Ныне задумал ветрила поставить я
Вспять и, расставшись с пучиною шумною²⁰²,
5 Путь отыскать, потому что Диеспитер²⁰³,
Вечно огнем потрясавший над тучею,
С громом промчал по лазури безоблачной
Звучных коней с колесницей летучею,
Коей земля и потоки подвижные,
10 Коею Стикс и Тенара глубокое²⁰⁴,
Страшное дно, и граница атлантская²⁰⁵
Вмиг сотрясаются. Властен высокое
Бог преклонить и затмить лучезарное,
Тьму озаривши. Фортуна меняется,
15 Там похищает венец быстрокрылая,
Здесь, наложивши его, улыбается.

¹⁹⁹ Миртала — одно из имен вольноотпущенных (libertina).

²⁰⁰ Калабрия — южная часть Италии, обращенная к Греции.

²⁰¹ Громовый удар на безоблачном небе внушил Горацию эту оду, которую Буттман, по содержанию последних трех стихов, относит ко времени борьбы Тиридата с Фраатом и, следовательно, к 730 году.

²⁰² Явно, что вся эта картина значит: я хочу обратиться на путь истинный.

²⁰³ Diespiter, отец дня — Юпитер.

²⁰⁴ Тенар, нынче Cap Matapan, где по мнению древних находится вход в царство теней.

²⁰⁵ Гору Атлас древние представляли богом, поддерживающим небесный свод на границе мироздания.

XXXV К ФОРТУНЕ²⁰⁶

- Богиня, Анциум свой правящая милый²⁰⁷,
Могущая вознестъ с низжайших степеней
Простого смертного, иль заменить могилой
Триумфы гордые вождей,
5 Тебя идет смягчать заботливой мольбою
Убогий селянин. Тебя, царица вод²⁰⁸,
Всяк умоляет, кто вифинскою кормою²⁰⁹
Волну карпатскую сечет.²¹⁰
Тебя боится дак²¹¹, боится скиф проворный,
10 И грозный Лациум, и грады дальних стран;
Царицы варваров перед тобой покорны;
Трепещет пред тобой тиран²¹²,
Чтоб ты не ринула карающей ногою
Столпа стоящего, народ чтоб не увлек
15 К оружию медлящих, к оружию за собою
И власть на гибель не обрек.
Нужда суровая предвестницей твоею²¹³
Железных никогда не разжимает рук,
И гвозди тяжкие, да клинья всюду с нею,
20 Свинец расплавленный да крюк;

²⁰⁶ В 727 году Август задумал два военные предприятия: он сам отправился против британцев и уж в Галлии встречен был британским посольством, просящим о мире, а Элия Галла отправил в Египет и Аравию. По этому случаю Гораций спрашивает у Фортуны покровительства римскому мечу, притупленному в междоусобицах.

²⁰⁷ В Анциуме находился славный храм Фортуны с двойной статуей богини и прорицалищем.

²⁰⁸ В Пренесте была статуя Фортуны, богини моря, и, кроме того, она часто изображалась с рулем в одной и с рогом изобилия в другой руке.

²⁰⁹ Вифиния в Малой Азии, у Черного моря, между Мизией и Пафлагонией, славилась кораблестроением и торговлей.

²¹⁰ Остров Карпат, ныне Scarpanto, между Критом (Кандией) и Родосом, окружен бурным морем.

²¹¹ Даки жили в нынешней Венгрии.

²¹² Фраат, которого скифы возвели на парфянский престол.

²¹³ Это место, к сожалению, представляет слишком пеструю и тяжелую символическую картину. Фортуне предшествует непреклонная нужда (Ανάγκη), которая в железных руках держит, как символ прочности и незыблемости своих действий, принадлежности зодчества: гвозди для укрепления потолков, клинья для раскалыванья строевого леса, свинец и крюк для сплачивания камней. Многие критики в этих принадлежностях видят орудия пытки; в таком случае, картина делает еще тягостнейшее впечатление.

- Надежда при тебе и Верность в ризе белой²¹⁴,
 Они как спутницы тебе не изменят,
 Хотя б, оставивши чертог осиротельный,
 Ты пышный скинула наряд.
- 25 Но чернь неверная с любовницей коварной
 Бегут: подонки все повычерпав с вином,
 Друзья рассеются толпой неблагодарной
 Двойным испуганы ярмом.
 Храни нам Цезаря, идущего далеко
- 30 К британским берегам, храни среди врагов
 Отборных юношей²¹⁵, грозу всего Востока
 И моря Чермного сынов.
 Увы! нам стыдно ран, нам стыдно преступленья
 Братоубийств. Каких мы не свершали зол
- 35 В железный век? На что печати оскверненья²¹⁶
 Не клали? От чего страх божеский отвел
 Десницу юности безбожной и суровой?
 О! порази, от нас отведши тучу бед
 И меч перековав на наковальне новой²¹⁷,
- 40 Арабов ты и массагет.²¹⁸

XXXVI К ПЛОТИЮ НУМИДЕ²¹⁹

- И ладаном мы, и струнами
 Почтим охранявших Нумиду богов,
 И кровью, пролитой тельцами,
 Что прибыл с гесперских он цел брегов.
- 5 Лобзанья кругом расточая
 Любезным друзьям, к одному всех тесней

²¹⁴ Надежда и Верность, спутники Фортуны, не покидают ее и тогда, когда она из милосердой покровительницы превращается в карающее божество. Надежда и истинные друзья не покидают человека ни в счастье, ни в беде.

²¹⁵ Элий Галл отправился на Восток с новобранцами.

²¹⁶ Гораций с ужасом говорит о междоусобных войнах, предшествовавших единой державию, во время которых самые храмы не были пощажены.

²¹⁷ Римский меч до того притупился во время междоусобиц, что его нельзя наточить, и Гораций просит Фортуну перековать его заново и сделать годным для поражения врагов.

²¹⁸ Массагеты — скифское племя, жившее на восточном берегу Каспийского моря, соседи и союзники парфян, всегдашних врагов Рима.

²¹⁹ В 730 году Плотий Нумида, друг Горация, сопровождавший Августа в походе, возвратился из Испании, и поэт в этой оде описывает празднество, которое друзья встречают Нумиду, причем не забыто и жертвоприношение.

- Он Ламию льнет, вспоминая²²⁰
 Про общего дядьку ребяческих дней,
 Про тоги, прельщавшие взоры.
- 10 Пусть белая день нам отметит черта²²¹,
 Пусть меры не знают амфоры,
 Ни устали в пляске салийской пята!²²²
 Чтоб Басс с Дамалидой равнялся!²²³
 Глотком по-фракийски из чаши он пей²²⁴,
- 15 Чтоб розами пир украшался
 И свежей петрушкой и цветом лилей!²²⁵
 Все клонят и взоры и речи
 К одной Дамалиде; но дева рукой
 Любовника нового плечи²²⁶
- 20 Тесней обвивает, чем плющ молодой...

XXXVII К ДРУЗЬЯМ²²⁷

Теперь давайте пить и вольною ногою
 О землю ударять; теперь, о други, нам
 Пора салийских яств украсить чередою²²⁸
 Подстилки божествам.²²⁹

²²⁰ Элий Ламия (см. I, 26 и III, 17), с которым воспитывался Плотий Нумида, возбуждает в последнем воспоминание детства: у них был общий дядька и обоим хотелось поскорей надеть тоги — одежду взрослых.

²²¹ Белая черта указывает на обычай римлян обозначать на таблице счастливые дни мелом, а несчастные углем, чтоб под конец года видеть, каких больше.

²²² Нума учредил 12 жрецов Марса, которые во время годичных праздников плясали по улицам и назывались салийцами от *salire* (плясать).

²²³ Дамалида, без сомнения, либертина, певица и артистка. Только вольноотпущенные женщины пили вино, притом в таком количестве, что Гораций хочет, чтоб известный питух Басс поравнялся с Дамалидой.

²²⁴ При подобных состязаниях вся чаша осушалась по-фракийски, одним глотком.

²²⁵ Римляне на пиршестве украшали столы зеленью и надевали венки.

²²⁶ Плотия Нумиды, как виновника торжества.

²²⁷ В сентябре 724 года М. Туллий Цицерон (сын оратора) привез известие о смерти Антония и Клеопатры и о взятии Александрии. В этой оде, принадлежащей к лучшим произведениям Горация, поэт, несмотря на ненависть к Клеопатре как врагу отечества, отдает справедливость величию ее духа.

²²⁸ О салийских жрецах см. I, 36, 12. Для них учреждались богатые пиршества, так что со временем все роскошные пиры и яства назывались салийскими.

²²⁹ В торжественных случаях, при излинии благодарности, для укрощения гнева богов, пред изваяниями их ставили изысканные яства, на особенных подстилках: *pulvinar*. В подобных случаях Цицерон советует праздновать в домах с женами и детьми (к Кат. III).

- 5 Дотоле было грех из отчего подвала
Старинный цекуб брать, преступно было пить²³⁰,
Пока царица²³¹ нас поработить мечтала,
 А Капитолий скрыть.
С толпой своих мужчин, болезненной и гадкой²³²,
- 10 Мечтала так она о том, что выше сил,
Вполне упоена улыбкой счастья сладкой...
 Но гордость усмирил
Едва один корабль, бежавший истребленья²³³ —
 А дух спасавшейся к родимым берегам
- 15 Ей Цезарь протрезвил от чада опьяенья²³⁴,
 На веслах по волнам.
Погнавшись ей вослед (так гонит ястреб горный
Пугливых голубей, иль зайца так точь-в-точь
В лесах Гемонии²³⁵ следит ловец проворный),
- 20 Чтоб рока злую дочь²³⁶
Цепями оковать; но, смерти благородной
Взалкавши, мужества не женского полна,
Меча не устращась, на дальний брег свободный
 Не бросилась она.²³⁷
- 25 Нет, с радостным челом она взирает смело
На грустный свой чертог, и, храбрая стократ,
Ласкает лютых змей, чтоб царственное тело
 Всосало черный яд.²³⁸
Обдумав смерть свою, достойную царицы,
- 30 Либурнам²³⁹ торжество расстроила она —
И не пошла рабой у гордой колесницы
 Великая жена.

²³⁰ Цекуб — кампанское вино, получившее название от горы того же имени.

²³¹ Клеопатра.

²³² По обычаю Востока, невольники, окружавшие Клеопатру, были евнухи.

²³³ Прозаик сказал бы: ее гордость усмирилась, когда из всего флота один корабль, да и тот едва уцелел, но поэт говорит: едва один, и проч.

²³⁴ Намекается на пиры Антония и Клеопатры.

²³⁵ Гемонией, или Эмонией, называлась северная часть Фессалии, прилегавшая к Македонии, по имени царя Эмона, сына Девакалиона.

²³⁶ Клеопатра долгое время была роковой для Рима.

²³⁷ Не бежала из Александрии.

²³⁸ Клеопатра не без основания боялась идти за триумфальной колесницей. Проперций (III, 9, 53) говорит, что сам видел, как несли ее статую, у которой рука была обвита аспидом.

²³⁹ Иллиртский народ, либуры, на мелких и быстрых судах своих того же имени много содействовали успеху Августа при Акциуме.

XXXVIII
К МАЛЬЧИКУ-ПРИСЛУЖНИКУ²⁴⁰

- Персидской роскоши²⁴¹ я, мальчик, не терплю,
Плетеного венка завязок не люблю.²⁴²
Когда приблизиться грозят зимы морозы,
Ты не ищи нигде мне запоздалой розы.
- 5 Побеги нежные свивая, мирт простой
Ни с чем не смешивай заботливой рукой;
Не нужно ни тебе красивее наряда²⁴³,
Ни мне за чашею под сенью винограда.

КНИГА ВТОРАЯ

I

К АЗИНИЮ ПОЛЛИОНУ¹

Гражданскую вражду при консуле Метелле²,
Причины, ход войны, ошибочность путей³,

²⁴⁰ Кирхнер полагает, что эта ода написана в 729 г. Гораций на замечание слуги, что, по причине поздней осени, нет роз, говорит, чтоб он из простого мирта приготовил венки для себя и для поэта.

²⁴¹ Персидская роскошь уже у древних вошла в пословицу.

²⁴² Римляне готовили искусственные венки, прикрепляя отдельные листья и цветы к повязке из лыка. Такие венки назывались: *sutiles*.

²⁴³ Слуги на пирах нередко бывали увенчаны подобно пирующим.

¹ К. Азиний Поллион, одержавший блистательную победу в Иллирии, удалился от всех общественных дел. Хотя по временам и появлялся он в Сенате или в качестве оратора, но главным занятием его были поэзия и история. Когда Поллион приступил к историческому сочинению, в котором он описывает гражданские раздоры и междоусобицы, Гораций в предлежащей оде, выхваляя достоинства своего друга, весьма ловко указал на опасность, которой подвергался историк, касаясь такого щекотливого, в тогдешнее время, предмета. Основываясь на смысле 5-го стиха, можно, не без вероятности, отнести эту оду ко времени между 721 и 723 годами — словом, до акциумской битвы.

² Здесь Гораций вообще разумеет беспорядки при консуле Метелле (в 694 г.) во время первого триумvirата.

³ Следующие слова: «причины, ход» и проч. указывают собственно на междоусобную войну по смерти Красса и на ошибки Помпея и Красса.

- Фортуны прихоти и важные на деле
 Союзы дружества вождей⁴,
 5 Оружие в крови, еще не искупленной⁵,
 Представить, выбрав труд опасный, роковой⁶ —
 На почву ты ступил, где пламень затаенный
 Прикрыт обманчивой золой.
 Пусть Муза строгая трагедии до срока⁷
 10 Театр оставит: ты, как только разберешь⁸
 Гражданские дела, по-прежнему высоко
 В котурнах Кекропса пойдешь.⁹
 Клиентов в горести заступник величавый,
 О Поллион! не раз Сенат благословил
 15 Тебя, которого венком бессмертной славы
 Триумф Далмации покрыл.¹⁰
 Уж рокотом рогов¹¹, грозящих и трескучих,
 Наш слух наполнил ты; уже труба трубит,
 Уж блеск оружия смутил коней летучих
 20 И взоры всадников страшит.
 И мнится, я внемлю словам красноречивым¹²
 Вождей, взывающих под пылью боевой,
 И духом лишь Катон упорствует строптивым¹³,
 Хоть покорен весь круг земной.
 25 Юнона, и при ней все африканцев боги¹⁴,
 Бежавшие страны, которой не спасли,

⁴ Соединительная частица *и* заставляет под этими союзами подразумевать второй триумвират.

⁵ Оружие, покрытое кровью граждан, не искупленной гибелью виновника войны, Антония.

⁶ Гораций, зная беспристрастие Поллиона, боится, чтобы он в истории своей не выставил в невыгодном свете некоторых членов знатных семейств и тем не возбудил в народе слишком сильного сочувствия к своему произведению, что объясняет в двух последующих стихах.

⁷ Поллион известен был как трагический писатель.

⁸ Азиний не занимал никакой общественной должности; следовательно, должно понимать: «как только ты по порядку изложишь события».

⁹ Котурны — башмаки на высоких подошвах, которые надевали трагические актеры. Кекропс — основатель Афин, родины Фесписа, отца трагедии.

¹⁰ Далмация граничила с Иллирией, где торжествовал Поллион. В качестве оратора он защищал клиентов и подавал мнение в Сенате.

¹¹ Подобная живость воображения нередко встречается в Горации: читая историю Поллиона, он ясно видит битвы.

¹² Слышит речи вождей, без которых ни один римский историк не обойдется.

¹³ О Катоне см. I, 12, 36.

¹⁴ В Карфагене особенно чтили Юнону и поэтому Юнона, покровительница Карфагена, мстит римлянам за разорение любимого города.

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. А. Ф. Е. Т. А.

ЧАСТЬ II.

Изданіе К. Солдатенкова.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1863.

Ко правнукам владык Югурты слишком строги,
 Теням их в жертву принесли.¹⁵
 Холмы¹⁶ каких полей, латинской кровью тучных,
 30 О святотатственных не говорят боях?
 О воплях ужаса гесперцев¹⁷ злополучных,
 Что мидам слышатся в степях?
 Какой водоворот, какой поток не знает
 Сражений бедственных? Не на морях ли всех
 35 От трупов Даунии¹⁸ волна свой цвет меняет?
 Где нашей крови чуждый брег?
 Но, Муза! резвые не оставляй затей¹⁹,
 Забудь цеосский плач и грусти не буди²⁰,
 А с лирою моей в пещере Дионеи²¹
 40 Напевы легкие найди.

II

К К. КРИСПУ САЛЛЮСТИЮ²²

К блеску серебра, что скупой зарывает,
 Прав ты, Саллюстий, питая презренье;
 Цену ему лишь одно сообщает:
 Употребленье.
 5 Братской любовью в веках отдаленных
 Будет сиять Прокулей величаво²³:

¹⁵ После фарсальской битвы приверженцы Помпея в Африке вновь восстали против Цезаря и потерпели ужасное поражение при Тапсе. Гораций говорит, что римляне, бывшие на стороне помпеевой партии, принесены Юноной в жертву теням убитых африканцев за то, что они были правнуки тех самых римлян, которые некогда погубили Югурту.

¹⁶ От «Холмы» до «брег?» Гораций развивает мысль: какое обширное поле действия занимали жестокие междоусобные войны.

¹⁷ Здесь Гесперия вместо Италии.

¹⁸ Дауния, см. I, 22, 14.

¹⁹ Гораций часто, увлекшись каким бы то ни было предметом за пределы эротической поэзии, указывает в конце оды Музе на ее прямой путь.

²⁰ Грустное содержание песен Симонида, жителя Цеоса.

²¹ Диона — дочь Океана и Фетиды, мать Венеры; но и сама Венера называлась Дионеей. В пещере, посвященной Венере, героические песни не у места.

²² К. Крип Саллюстий, племянник знаменитого историка, был в молодости известен по легкости поведения, а в зрелых годах по благородному употреблению своего богатства; он, так же как Меценат, всю жизнь оставался всадником. Ода эта, по смыслу 17 стиха, относится к 728 году, когда Фраат снова возведен скифами на парфский престол.

²³ Римский всадник К. Прокулей Варрон Мурена свою часть наследственного имения вновь разделил между братьями, по несчастью, утратившими достояние.

- Мчит его подвиг на крыльях нетленных
 Вечная слава.
 Более царь ты, смиривши стремленья
 10 Алчного духа, чем, если б ливийских
 Стран повелитель — ты оба владенья²⁴
 Занял пунийских.
 Множится в неге болезнь водяная,
 Жажда нейметя, доколь не успела²⁵
 15 Сущность недужная, влага больная
 Выйти из тела.
 Пусть на престоле²⁶ наследует Киру
 Фрат — добродетель его исключает,
 Назло толпе, из счастливых — и миру²⁷
 20 Правду вещает:
 Прочное царство, престолы земные,
 Лавр заслуженный тому лишь награда,
 Кто и на горы не кинет златые
 Лишнего взгляда.

III К ДЕЛЛИЮ²⁸

- Покой не забывай душевный сохранять
 В минуты трудные, а также и веселий
 Безумных в счастья старайся избегать.
 Ведь все же смертен ты, о Деллий!
 5 Хоть целый век живи печален и угрюм,
 Но праздник радостью встречай нелицемерной
 И, лежа на траве, гоняй приливы дум

²⁴ Оба пунийские владенья, то есть Старый Карфаген в Африке и Новый в Испании.

²⁵ Гораций алчность к богатству уподобляет водяной болезни, которая жаждет, по свойству самого недуга, новой для себя пищи.

²⁶ Фраат только в том смысле наследует Киру, что тот и другой персидские цари.

²⁷ Добродетель не может признать Фраата вполне счастливым и в этом случае расходится во мнении с толпой.

²⁸ Кв. Деллий сначала принадлежал к партии народного трибуна Доллабелы, перешел потом к Кассию, но вскоре оставил и его, пристав к партии Антония. Он убедил Клеопатру соединиться с Антонием, но, не дождавшись акциумской битвы, перешел на сторону Октавиана, из чего можно заключить, что Гораций не раньше этого последнего шага с ним сблизился, и, следовательно, эта ода написана около 725 года. Зная легкомыслие своего друга, Гораций советует ему быть более ровным среди превратностей судьбы.

- Старинной влагою Фалерна.
 Где с белым тополем огромная сосна
 10 На тень отрадную спешит соединиться
 Ветвями длинными, и резвая волна
 С трудом в излучинах струится,
 Туда духов, вина и радостных цветов
 Вели нам принести недолговечной розы...
 15 Пока богат и юн, ты позабыть готов
 Прядущих трех сестер угрозы.
 Оставишь ты леса, что накупил, и дом,
 И виллу, где волной прибрежной Тибр желтеет²⁹,
 Оставишь навсегда, и нажитым добром
 20 Твоим наследник завладеет.
 Богат ли, род ли свой от Инаха ведешь³⁰,
 Тут нет различия; иль, бедностью страдая,
 Последним из граждан под солнцем ты живешь —
 Ты жертва Орка³¹ роковая.
 25 В одном и том же все мы свидимся краю;
 Поздней ли, раньше ли, наш жребий без сознанья
 Из урны выскочит³² и бросит нас в ладью
 Для векового изгнанья.

IV К КСАНТИЮ ФОКЕЮ³³

Ты не стыдись, что увлекся работою,
 Ксантий Фокей: Бризеида смирила³⁴,

²⁹ Воды Тибра, от глинистой почвы, имеют желтоватый цвет.

³⁰ Инах, выходец из Египта, поселился в Пелопоннесе и был первым царем аргивским. На берегах реки Инаха он построил замок Лариссу. Римские всадники (equites) должны были иметь не менее 400 000 сестерций, и поэтому Гораций предполагает, что богатый должен происходить от знатного рода, в противоположность последнему из граждан — свободных, разумеется.

³¹ Орк — жилище теней.

³² По понятию Горация, богиня Судьба держит в руке урну, наполненную людскими именами, и когда, потрясая урной, она выбросит один из жребиев, то тот, кому он принадлежит, должен умереть (см. III, 1, 16).

³³ Последние два стиха показывают, что Горацию было 40 лет, почему оду эту можно отнести к 729 году. Всячески старались объяснить, кто был Ксантий Фокей. Довольно того, что Гораций утешает друга своего, влюбленного в рабыню, примерами древности. Пусть чувство читателя скажет ему, говорит ли Гораций в этой оде от души, или же вся ода — тонкая насмешка.

³⁴ Гипподамия — дочь Бризея, рабыня Ахиллеса, за которую он враждовал с Агамемноном.

- Бывши в плену, белоснежной красою
 Гордость Ахилла.
- 5 Сын Теламона, Аякс повелитель,
 Стройной Текмессой³⁵ пленился мгновенно;
 Так воспылал и Атрид победитель
 Девою пленной³⁶
- После того, как герой фессалийский³⁷
 10 Варваров³⁸ смял, и за Гектором павшим
 Легкой добычей стал берег фригийский
 Грекам уставшим.
- Русой Филлиды³⁹ родители были,
 Ты и не знаешь, быть может, богаты;
 15 Верно, в ней царскую кровь затаили
 Злые пенаты.
- Верь мне, что выбором можешь гордиться:
 Верности нет средь толпы ненавистной.
 Можно ль от матери подлой родиться
 20 Столь бескорыстной?
- Руки ее, и лицо, и покатый
 Очерк икры, не страшась, выхваляю...
 Брось подозренье. Ведь я уж девятый
 Люстр доживаю.

V К ЛАЛАГЕ⁴⁰

Ей व्यо преклонять в ярмо еще не время⁴¹,
 И в паре разделять труды она пока
 Еще не вынесет, ей не под силу бремя
 Любовной яростью кипящего быка.

³⁵ Текмесса — дочь Теврама, царя Мизии, любовница Аякса, от которого родила сына Евризака.

³⁶ Кассандра, похищенная из храма Паллады, досталась по разделу на долю Агамемнона.

³⁷ Ахиллес из города Лариссы в Фессалии, царь мирмидонов.

³⁸ Варвары — все не греки и не римляне; следовательно, и союзники Трои, фригийцы.

³⁹ Вымышленное имя.

⁴⁰ В этой оде Лалага представлена незрелой девушкой и, следовательно, нельзя подразумевать любовницу Горация Лалагу (Цинару). На этом основании и стихотворение это написано не к самому себе, а к одному из друзей Горация.

⁴¹ Союз любви древние часто представляли в образе двух животных, соединенных одним ярмом, см. I, 33, 11.

- 5 Твоей телицы все желание стремится
 На мураву лугов; ей хочется в реке
 Унять полдневный зной; ей хочется резвиться
 Между телятами во влажном лозняке.
 Незрелой ягодой не обольщай же взгляда⁴²,
- 10 А пестрой осени дождись: она придет —
 И скоро для тебя весь пурпур винограда
 До сизого по всем цветам переведет.
 Постой, придет пора и дева взор подымет...
 Жестокий век года ей станет прибавлять —
- 15 Года, которые он у тебя отнимет —
 И мужа Лалага сама пойдет искать.
 Проворство Полои⁴³ забудут для прекрасной,
 Хлорида скроется, хоть плеч ее нагих
 Так белизна ярка, как ночью месяц ясный
- 20 На глубине морской, и самый гнидский Гиг⁴⁴ —
 Которого поставь в девичьем хороводе,
 Не диво знатоку, и даже молодцу
 Его не отличить и ошибиться в роде
 По длинным волосам⁴⁵ и женскому лицу.

VI К СЕПТИМИЮ⁴⁶

В Гадес, Септимий, ты рад бы за мною⁴⁷,
 Рад бы к кантабрам, ярму непокорным,
 Даже к сиртам, с мавританской волною
 В споре упорным.

⁴² Гораций от сравнения Лалаги с телицей переходит к сравнению ее с ягодой.

⁴³ Для прекрасной Лалаги забудут проворную Полою и известного красавца Гига.

⁴⁴ Гнидским называет его Гораций, вероятно, от Гнидоса, где особенно чтили Венеру, богиню любви.

⁴⁵ Мальчики в Риме носили длинные волосы, которые обрезались только с получением тоги (*toga virilis*).

⁴⁶ Эту оду Гораций написал в 717 году, воротясь из Брундизия и еще полный впечатлений, оставленных в нем окрестностями Тибура и Тарента. Что эта ода не может быть отнесена к позднешему времени, видно из того, во-первых, что кантабров (бискайцев) он называет непокорными (они покорены Августом в 725 году), во-вторых, Гораций мог желать жить в окрестностях Тибура только до получения Сабина, и, наконец, 7-й стих доказывает, что впечатления военного поприща Горация не изгладились в его памяти.

⁴⁷ Гораций уверен, что друг его Септимий готов следовать за ним всюду, например, в Гадес (ныне Кадикс), который считался самым отдаленным пределом, к бискайцам, и даже в мавританские степи.

- 5 Если б аргивцем Тибур насажденный⁴⁸
 Дал мне под старость приют на просторе,
 Мне, испытавшему в службе военной
 Сушу и море!
 Парки же злые коль скажут иное,
 10 К пастьбам овец мы к Галезу⁴⁹ с тобою
 Едем. Фалант там во время былое⁵⁰
 Правил страную.
 Этот земли уголок пред глазами
 Вечно моими смеется красивый...
 15 Мед, как с Гиметта⁵¹, с Венафром плодами
 Спорят оливы.
 Долгой весне там и краткой быть стуже
 Зевс повелел, и любимый безмерно
 Вакхом Аулон⁵² в винограде не хуже
 20 Гроздий Фалерна.
 Эти вершины и край отдаленный
 Ждут нас, о друг мой! в забвении света...
 Должной слезой там смочи раскаленный
 Пепел поэта.

VII К ПОМПЕЮ ВАРУ⁵³

- О ты, что смерти страх не раз со мной делил,
 Когда нас Брут водил во времена былые,
 Кто наконец тебя квиритом возвратил⁵⁴
 Отеческим богам под небеса родные?
 5 Помпей, товарищ мой, первейший из друзей,
 С кем часто долгий день вином мы коротали,

⁴⁸ См. I, 7, 13.

⁴⁹ Река Галез, ныне Galaso, протекает по окрестностям Тарента, славившимся овцеводством.

⁵⁰ Царь спартанский Фалант, изгнанный из отечества, основал город Тарент.

⁵¹ Гиметт, гора в Аттике, славная мрамором и пчеловодством. Венафр, небольшой город в Северной Кампании, славился оливами.

⁵² Аулон, гора близ Тарента.

⁵³ Много писали и спорили о времени сочинения этой оды и о самом лице Помпея Вара, смешивали его с Помпеем Гросфом, к которому написана ода (см. II, 16). Вар, подобно Гросфу, сражался при Филиппах под знаменами Брута, после неудачи отправился к Сексту Помпею в Сицилию и, вместе с прочими, будучи прощен, воротился в Италию. Поэтому предлежащая ода не могла быть написана позже 716 года.

⁵⁴ Квиритом, т. е. полноправным гражданином.

- В венках, сирийский весь растративши елей,
 Которым волоса душистые сияли!
 С тобой я пережил Филиппы⁵⁵, при тебе
- 10 Бежал, бесславно щит свой покидая в страхе...
 В тот день и мужество низвергнулось в борьбе,
 И грозные бойцы в крови легли во прахе.
 Но средь врагов меня, в туман сокрыв густой,
 Испуганного спас Меркурий быстрокрылый⁵⁶;
- 15 Тебя ж в сражение за новою волной
 Опять умчал прилив неотразимой силой.
 Итак, обещанный Зевесу пир устрой⁵⁷
 И отдыха ищи для членов утомленных
 Войною долгою, под лавр склонившись мой⁵⁸ —
- 20 Да не щади тебе бутылок обреченных.
 Массийской влагою разымчивой щедрей
 Фиалы светлые наполни и смелее
 Из емких раковин благоуханья лей.
 Кто позаботится достать плюща скорее
- 25 Иль мирта для венков? Кого-то изберет
 Венера⁵⁹ во главу пирующего круга?
 Со мной теперь любой эдонец⁶⁰ не сопьет:
 Так сладко буйствовать при возвращеньи друга.

VIII К БАРИНЕ⁶¹

Если б ты хоть раз наказанье злое,
 За измену клятве, Барина, знала;

⁵⁵ Филиппы, см. о жизни Горация.

⁵⁶ Гораций, рассказав в предыдущей строфе о своем постыдном бегстве, может быть, хочет польстить своему самолюбию мыслью, что Меркурий, покровитель лиры, спас в нем будущего великого поэта.

⁵⁷ Благодарственные жертвоприношения оканчивались пиршествами.

⁵⁸ В Риме деревья насаждались не только у входов домов, но и на крышах. Гораций говорит о таком лавровом дереве, а, может быть, не понимал ли он под лавром славы своей?

⁵⁹ Глава пиршества избирался по жребию. Если брошенные кости (из которых на каждой были четыре цифры: 1, 3, 4, 6, а 2 и 5 были пропущены) ложились так, что разом показывали все цифры 1, 3, 4, 6, то это называлось жребием Венеры.

⁶⁰ Эдонцы — фракийцы, известные пьянством.

⁶¹ Вебер относит эту оду к 721 году, хотя, по полноте и замкнутости своей, она указывает на период полного развития Горация. Кто эта Барина — опреде-

- Если б зуб один почернел иль только
 Ноготь стал дурен —
- 5 Я бы верил. Но не успеешь клятвой
 Отягчить главы ты своей преступной,
 Как для всех красой ты блистаешь новой,
 Юношей мука!
- 10 В пользу лгать тебе погребенным прахом
 Матери и всем молчаливым небом
 Звезд ночных и чуждыми вечно-хладной
 Смерти богами.
 Тут сама Венера, кажись, смеется⁶²,
 С ней простые Нимфы смеются, а с ними
- 15 И Эрот, на камне точка кровавом⁶³
 Жгучие стрелы.
 Юность вся, прибавь, вырастает наша
 Вся тебе в рабы, и никто из прежних
 Не оставит кров госпожи коварной,
- 20 Как ни грозитя.
 Матери тебя за сынов страшатся,
 Бережливые старики и девы
 Новобрачные⁶⁴, чтоб мужей не обнял
 Круг твой душистый.

IX К ВАЛЬГИЮ⁶⁵

Не вечно дождик крупный льется
 Из туч на грязный тук полей,

лить трудно. Хотя и принимают ее за Нееру, но самые законы метрики опровергают подобное положение; производить же имя Барины от рыбы (*Barivoc*) еще несообразнее. Довольно того, что Барина является неумолимой кокеткой, и, нам кажется, в этой оде так мало резкости, что нельзя считать ее плодом униженного самолюбия.

⁶² Венера с приближенными, вместо того чтобы негодовать на проделки Барины, смеется.

⁶³ Камень назван кровавым потому, что стрелы, наточенные на нем, наносят кровавые раны.

⁶⁴ Новобрачных женщин Гораций называет девами.

⁶⁵ Вальгий Руф, славный грамматик, оратор и элегический поэт, оплакивал смерть юноши Миста. Гораций в этом стихотворении приводит примеры того, что печальное состояние не может быть вечно ни в природе, ни в душе человека, и старается обратить Музу Вальгия на другой предмет — на недавние трофеи Августа. Последнее обстоятельство заставило толкователей отнести оду эту к 735 году, когда Август возвратил римских орлов, утраченных Крассом в войне с мидянами, а Лентул покорил гелонов (скифское племя, жившее на берегах Днепра).

- И буря злобная несется
 Средь грозных Каспия зыбей.
 5 Друг Вальгий, в берегах армянских
 Не каждый месяц стыннут льды,
 Не вечный вихрь в лесах гарганских⁶⁶
 И мчатся с яворов листы.
 Лишь ты все стонешь об утрате,
 10 И нежный Мист не позабыт,
 Горит ли Веспер на закате⁶⁷
 Иль солнца быстрого бежит.
 Что милый Антилох в могиле⁶⁸,
 В три века позабыл отец.
 15 Сестер фригийских о Троиле⁶⁹
 Иссиякли слезы наконец.
 Оставь же томные затеи,
 И Августу на новый лад
 Споем недавние трофеи
 20 И цепенеющий Нифат⁷⁰,
 Реки мидийской плеск несмелый⁷¹
 В порабощенных берегах
 И уменьшенные пределы
 В степи гелонам на конях.⁷²

X К ЛИЦИНИЮ МУРЕНЕ⁷³

Лициний, проживешь верней, когда спесиво
 Не станешь в даль пучин прокладывать следов

⁶⁶ Утес Гарганский в Апулии.

⁶⁷ Веспер — звезда, следующая вечером за солнцем и исчезающая утром перед его появлением.

⁶⁸ Нестор, живший три века, отец Антилоха (см. «Одиссею» Жуковского, кн. III).

⁶⁹ Поликсена, Кассандра, Илиона — сестры Троила, сына Приама.

⁷⁰ Северная часть Курдистанских гор, покрытая снегом.

⁷¹ Что это за мидийская река — трудно решить. Одни говорят — Аракс, другие — Эвфрат.

⁷² Победы Августа стеснили пределы кочующих гелонов.

⁷³ Лициний Мурена, сын Л. Мурены, которого защищал Цицерон, и брат Теренции, супруги Мецената. Во время междоусобных войн он лишился наследственного состояния, но снова получил имение от брата своего Прокулея (см. II, 2, 6); за одержанную победу он был сделан консулом; но, замешанный в заговоре против Августа, несмотря на заступничество сестры и зятя, был казнен в 732 году. Гораций написал эту оду в 730 году, советуя консулу Лицинию не слишком чваниться своим саном, и мудро указывал на золотую посредственность. Вся ода в разных образах исчерпывает одну и ту же мысль.

- Иль, устрася бурь, держаться боязливо
 Неверных берегов.
- 5 Златую кто избрал посредственность на долю,
 Тот будет презирать, покоен до конца,
 Лачугу грязную и пышную неволю
 Завидного дворца.
- 10 Грозней дыханье бурь для исполинской ели,
 И башни гордые с отвесной высоты
 Тяжеле рушатся. Громам нет ближе цели,
 Чем горные хребты.
- Мудрец надеется, коль угнетен судьбою,
 И слепо счастию не станет доверять...
- 15 Юпитер, посетя суровую зиму,ю,
 Помилует опять.
- Коль плохо нам теперь, не то же обещает
 Грядущее: подчас пленяет цитры звон
 Камену смолкшую — и лук свой напрягает
- 20 Не вечно Аполлон.
- Отважен и могуч, не бойся ты несчастий,
 Но мудро убирай, хоть ясны небеса,
 Хотя попутен ветер, да не под силу снасти,
 Тугие паруса.

XI К КВИНТИЮ ГИРПИНУ⁷⁴

- Что скифы и кантабр отважный замышляют⁷⁵,
 Ты, Квинтий мой Гирпин, не вопрошай вперед;
 Ведь с ними Адрия нас волны разделяют!
 И полно трепетать, что мало жизнь дает⁷⁶.
- 5 Да много ль нужно нам? Всему свои законы:
 Уходит красота за юностью живой,
 Игриво-нежные умчатся Купидоны,

⁷⁴ *Care diem* (лови текущий день)... Этого правила Гораций держится неизменно, и его-то он старается внушить Квинтию Гирпину. Судя по 16 стиху оды, ее относят к 730 г., когда Гораций, несмотря на сорокалетний возраст, уже поседел.

⁷⁵ Нет никакой необходимости предполагать особенных военных замыслов со стороны этих племен во время сочинения оды. Гораций хотел только сказать, как бесполезно думать о покусениях таких отдаленных народов, как скифы и испанцы.

⁷⁶ Переведен согласно толкованию Лерса.

- Исчезнет легкий сон пред тощей сединой.
 Цветы весенние не вечно расцветают,
 10 И не в одной поре блистает лунный лик.
 Что ж замыслы тебя далекие терзают?
 Для духа смертного круг вечности велик.
 Не лучше ли в тени, под рослым тем платаном
 Иль под сосною здесь раскинуться в траве
 15 И пить, доколе жизнь еще в удел дана нам,
 В венке душистых роз на белой голове
 И нардом умастясь сирийским? Эвий верно
 Рассеет нашу грусть. Кто, мальчишки, скорей
 Покалы цельного и чуждого фалерна
 20 Опустит утушить в сверкающий ручей?⁷⁷
 Кто сходит в дальний дом за Лидой сладострастной?
 Скажи, чтоб с лирою она пришла. Мы ждем.
 А волосы свои — к чему убор напрасный? —
 Хоть по-спартански пусть свернет она узлом.

XII К МЕЦЕНАТУ⁷⁸

- Не требуй, чтоб войны жестокость нумантийской⁷⁹,
 Иль Аннибала гнев, иль то, как пролегал
 От крови пуннов след по влаге сиккулийской⁸⁰,
 Я с цитрой воспевал.
 5 Иль бешеных лапит, иль пьяного Гилея⁸¹,
 Иль то, как ринула Ираклова рука⁸²
 Детей земли, пред кем дрожали, цепенея,
 Сатурна старика

⁷⁷ Древние всегда разбавляли вино водой.

⁷⁸ В последней картине этой оды толкователи не хотели узнавать в Лицимнии супругу Мецената, Теренцию (см. II, 10), и потому считали Лицимнию либертиной; но либертины не могли участвовать в празднествах Дианы, да и тон оды показывает, что Меценат слишком должен был дорожить Лицимнией. Итак, остается считать эту оду написанною в 726 г., когда Теренция была невестою Мецената.

⁷⁹ Город Нуманция, в Испании, долго сопротивлялся римскому оружию, но наконец был разорен Сципионом Африканским.

⁸⁰ Сиккулийское или Сицилийское море. Горацій говорит о морской победе Дуиллия.

⁸¹ О пьянстве лапит и центавров см. I, 18, 8. Гилей, один из центавров, убитый Геркулесом или Тезеем.

⁸² Геркулес в числе прочих богов участвовал в поражении детей Земли, гигантов, угрожавших небожителям.

- Блестящие сыны. Петъ Цезаря не смею.
 10 Ты сам, о Меценат, расскажешь нам верней⁸³,
 Как бился он, как вел окованных за шею
 Грозивших нам царей.⁸⁴
 Мне Муза петъ велит владычицы прекрасной
 Младой Лицимнии красу, и славлю вновь
 15 Я блеск ее очей и груди нежно страстной
 Взаимную любовь.
 Как в хороводе ей движенье ног пристало
 И мановенье рук в борьбе игры живой⁸⁵,
 Когда в кругу младых подруг она встречала
 20 Дианы день святой.
 Ужели ты б на клад Ахименеса бранный⁸⁶
 Иль тук фригийских нив, на все, чем обладать
 Дано Аравии, мог волос драгоценный
 Лицимнии сменять?
 25 Когда она лицо закидывает жгучим
 Лобзаньям отвечать иль хитро их бежит,
 Сама в огне — и вдруг лобзанием летучим
 Тебя предупредит!

XIII К ДЕРЕВУ⁸⁷

- Тот, кто бы ни был он, недобрый день избрал
 Садить тебя рукой, свершавшей преступленья,
 Кто рост твой медленный, о древо! охранял
 На гибель правнуков и на позор селенья.
 5 Что и родителю — поверю я о нем —
 Он выю сокрушил, что крался к изголовью
 Он в полуночный час к забывшемуся сном

⁸³ Стих этот не доказывает, чтобы Меценат был историком. Гораций хочет только сказать, что подобное содержание не по силам лирической Музе.

⁸⁴ Гораций намекает, вероятно, на триумф 725 года, по поводу покорения Далмации, акциумской битвы и взятия Александрии.

⁸⁵ В религиозных плясках хоры дев и юношей, как будто сражаясь, делали руками различные движения.

⁸⁶ Богатый Ахименес, по преданию, был первым царем персидским.

⁸⁷ Гораций на одной из прогулок по своей даче в Сабине чуть не был убит неожиданно упавшим деревом. Хотя и считали озлобленные проклятия этому дереву шуткой, но поэт говорит о нем еще в трех местах и, как кажется, вовсе не шутя (II, 17, 27; III, 4, 28 и III, 8). Принимая, что III, 8 написана в 725 году, должно сочинение предлежащей оды отнести к 724 году.

- И спальню темную обрызгал гостя кровью;
Колхийский яд мешал⁸⁸ и всех был полон зол,
10 Какие где-либо свершались, насаждавший
На поле у меня тебя, несчастный ствол,
Владельцу на главу невинную упавший.
Кому чего бежать — никто и никогда
Не знает из людей. Трепещет лишь Босфора⁸⁹
15 Пунийский плаватель и больше никуда
На жребий свой слепой не обращает взора;
Бойтся воин стрел и быстроты парфян:
Парфянам цепь страшна да италийцев сила...
Но смерть нежданная, безжалостный тиран,
20 Уносит племена, как прежде уносила.
В твоём владении, о Прозерпина! я
Эака судию чуть не увидел близко⁹⁰,
И праведных теней отъемные края⁹¹,
И Саффо грустную, на голос эолийский⁹²
25 О девах родины поющую с тоской,
И с лирой, полною громчайших песнопений,
Тебя, Алкей, певец погибели морской
И бегства злых трудов и бедствия сражений⁹³.
В священной тишине, как должно, круг теней
30 Обоим внемлет им, и радуется духом,
Но песни про войну, про изгнанных царей
Толпа плечо с плечом пьет ненасытным ухом.
Что дивного? Когда лишь песня зазвучит,
Стоглавый зверь смущен⁹⁴ и уши шевелятся,
35 Повиснув, черные, а змеи Эвменид⁹⁵,
Свиваясь меж волос летучих, веселятся;

⁸⁸ Колхийцы, скифское племя, известны были составлением яда и женщинами, которые этим занимались.

⁸⁹ Карфагенский купец боится только Константинопольского пролива и не знает, что слепая судьба может настичь его и в другом месте.

⁹⁰ Эак, царь Эгины, отец Пелея и Теламона, дед Ахиллеса и Аякса, за мудрость приговоров был сделан судьей в царстве теней.

⁹¹ Края, отделенные от Тартара.

⁹² Саффо и Алкей, оба из Митилены, на острове Лесбосе — поэты эолийского наречия. По имени Саффо один размер назван саффическим.

⁹³ Алкей (см. I, 32, 5), как и Гораций, сам бежал с поля сражения и говорил по опыту.

⁹⁴ Хотя Цербера, стража адского входа, воображение древних представляло только с тремя головами, но Гораций считает и головы ехидн, которые извиваются на нем в виде гривы.

⁹⁵ Фурий.

Не страждет Прометей, и Пелопса отец⁹⁶
Забыл мучения под звук красноречивый,
И не преследует сам Орион-ловец⁹⁷,
40 Заслушавшись, ни льва, ни рыси торопливой.

XIV К ПОСТУМИЮ⁹⁸

Увы! мимолетно, Постумий, Постумий,
Проносятся годы; моления напрасны:
Не сходят морщины — наследье раздумий,
А старость и смерть неизбежно-ужасны.
5 В день триста быков закалая, Плутона,
О друг! ты не тронешь напрасной мольбою:
Бесслезный, трехтельного он Герiona⁹⁹
И Тития запер печальной волною.¹⁰⁰
По ней же нельзя, чтоб и мы не поплыли,
10 Все, сколько нас кормят земные пределы
Плодами своими, хотя бы мы были
Цари или скудные лишь земледелы.
Напрасно нас Марс кровожадный минует

⁹⁶ Гораций изменил известный миф о кавказской скале: он заставляет Прометея мучиться в аду (см. I, 3, 28 и II, 18, 35). Тантал — см. I, 28, 7 и II, 18, 33; подробное описание его мучений в «Одиссее» Жуковского (XI, 582).

⁹⁷ О зверолове Орионе см. «Одиссею» Жуковского, XI, 572: «После Миноса явилась гигантская тень Ориона; гнал по широкому асфоделосскому лугу зверей он» и проч.

⁹⁸ Кто этот Постумий — неизвестно. Хотя это имя и встречается у Проперция, но трудно доказать, чтобы это было то же лицо. Постумий, как видно, был скуп, и Гораций старается обратить его к наслаждениям жизни, поставляя ему на вид, как она коротка. 13-й стих намекает на мирное время; почему сочинение этой оды и относят к 730 году.

⁹⁹ Трехтельный — имеющий три тела. Герion, царь испанский, у которого Геркулес увел быков.

¹⁰⁰ Титий, см. «Одиссею» Жуковского (XI, 576):

Тития также увидел я, сына прославленной Геи:
Девять заняв десятин под огромное тело, недвижим
Там он лежал; по бокам же сидели два коршуна, рвали
Печень его и терзали когтями утробу. И руки
Тщетно на них подымал он. Латону, супругу Зевеса,
Шедшую к Пифию, он осрамил на лугу Панопейском.

Гораций хотел сказать, что если Плутон в состоянии удержать таких гигантов и силачей, как Герion и Титий, то обыкновенным смертным нечего и думать высвободиться из Аида.

- И Адрий, ревуций разбитой волною;
 15 Напрасно страшимся, коль Австер¹⁰¹ подует,
 Телам вредоносный, осенней порою:
 Придется увидеть во мраке Аида
 Ленивый Коцит¹⁰² и проклятое племя
 Даная¹⁰³, увидеть в руках Эолида
 20 Сизифа несносное, вечное бремя.¹⁰⁴
 Оставишь и землю, и дом, и супругу...
 Из дров, насажденных твоею рукою,
 Один кипарис ненавистный, в услугу¹⁰⁵,
 Владелец минутный! пойдет за тобою.
 25 Смышленный наследник отыщет в подвале,
 Где цекуб¹⁰⁶ за стами замками хранится;
 Вином же, какого жрецы¹⁰⁷ не пивали,
 Увлажить помоста не будет стыдиться.

XV К РОСКОШИ СВОЕГО ВЕКА¹⁰⁸

- За десятиной десятину
 Дворцам все уступает плуг;
 Подобно озеру Лукрину¹⁰⁹,
 Пруды раскинулись вокруг;
 5 Все клен безбрачный, ильмов мало¹¹⁰,
 Среди мирт фиалка расцвела,

¹⁰¹ Южный ветер, приводящий в расслабление.

¹⁰² Адская река.

¹⁰³ О дочерях Даная см. III, 11, 21.

¹⁰⁴ О жизни Сизифа, сына Эола, см. «Одиссею» Жуковского (XI, 593):

«Видел я также Сизифа, казнимого страшною казнью:
 Тяжкий камень снизу обеими влек он руками
 В гору» и проч.

¹⁰⁵ Кипарис, насаждавшийся на могилах и посвященный Прозерпине.

¹⁰⁶ Цекуб, см. I, 37, 6.

¹⁰⁷ Роскошные пиршества жрецов вошли в пословицу.

¹⁰⁸ Оду эту должно отнести к 725 и 726 годам, до того времени, когда Август издал закон о возобновлении частными лицами построенных ими храмов, которые потерпели от пожаров. Мысль оды ясна; предметы первой необходимости мало-помалу уступают место предметам роскоши.

¹⁰⁹ Озеро Лукрин, близ Баи, отличалось большим количеством водившейся в нем рыбы. Римляне, охотники до рыбы, рыли во множестве обширные пруды.

¹¹⁰ Вокруг прямых ильмов вились виноградные лозы, а раскидистый клен для этого неудобен, почему Гораций называет его безбрачным.

- Где у хозяина, бывало,
С плодами маслина росла.
Хотят, чтоб лавр, листвою укрытый,
10 Лучи полудня укрошал...
Не так судил Катон небритый¹¹¹,
Не то нам Ромул завещал:
Свои у них скудели клады —
Но общий был обогащен,
15 И портик длинный для прохлады
На север не был обращен.¹¹²
Гражданам кирпичом дерновым
Претил закон пренебрегать¹¹³,
Казне внушая камнем новым
20 Градские храмы украшать.

XVI К ГРОСФУ¹¹⁴

- Просит покоя с небес, кто трепещет
Моря Эгейского камней подводных¹¹⁵;
В тучах луна, и нигде не заблещет
Звезд путеводных,
5 Просит покоя средь битвы Фракия,
Просят мидийцы, колчан за спиною...
Гросф, но за пурпур, за камни цветные
Нет нам покоя.
В буре душевной нельзя откупиться,
10 Ликтор от ней не спасет властелина¹¹⁶;

¹¹¹ Катон Древний, не Утический, известен суровой жизнью, и потому, подобно Курию Дентату (см. I, 12, 41), Гораций называет его небритым.

¹¹² Римляне времени Горация строили длинные портики, обращенные на север, для того, чтобы полуденные лучи в них не проникали.

¹¹³ Гораций только хочет сказать, что закон воспрещал частным лицам роскошные постройки и что древние римляне на подобные употребляли дерновый кирпич.

¹¹⁴ Помпей Гросф, еще со времен Брута друг Горация, был богатый сицилийский всадник. В числе прочих получил он право римского гражданства от триумvirата Помпея, к партии которого принадлежал. Основываясь на 39 стихе этой оды, надобно время сочинения ее полагать позже 721 года, но в каком именно — определить трудно.

¹¹⁵ Море Архипелага получило название Эгейского от Эгея, отца Тезея.

¹¹⁶ Ликторы — публичные слуги сановников, шли, один за другим, впереди своего властелина. На плечах они несли связки, *fascēs*. Число ликторов определялось важностью сановника: так, у диктатора их было 24, у консула — 12, у претора — 6 и т. д.

- По потолку золотому кружится
Злая кручина.
Счастлив и малым, пред кем родовая
Блещет солонка за ужином скудным;
15 Спит он, корыстной тревоги не зная,
Сном непробудным.
Что нам бросаться-то в жизни юдольной?
Что ж на чужбину так рвешься ты, странник?
Где-то себя самого добровольный
20 Кинешь, изгнанник?
Горе в корабль за тобою, порочный!
В конном строю злое горе с тобою,
Лани быстрее и быстрее восточной
Тучи с грозюю.
25 Духом довольства ищи в настоящем,
Тщетно в грядущем не жажда блаженства;
Смейся в напасти. Ни в чем преходящем
Нет совершенства.
Быстрая смерть Ахиллеса умчала,
30 Старость Тифону и рост уменьшила¹¹⁷,
Может быть, мне, в чем тебе отказала,
Парка судила.¹¹⁸
Вкруг тебя с ревом пасутся коровы,
Ржет кобылица, в четверку лихая¹¹⁹,
35 Платья поила твои и покровы
Краска двойная.
Парка судила в душе неподкупной
Дать мне немного полей во владенье,
Греческой музы напев и к преступной¹²⁰
Черни презренье.

XVII К БОЛЬНОМУ МЕЦЕНАТУ¹²¹

К чему плачевный стон меня терзает твой?
Мне боги изрекать не станут приговора,

¹¹⁷ О Тифоне см. I, 28, 8.

¹¹⁸ Парка — богиня жизни.

¹¹⁹ *Quadriga* — четверка лошадей запрягалась в колесницы на ристалищах.

¹²⁰ Гораций постоянно гордился тем, что он подражал греческим образцам (см. III, 30, 13). Преступною названа чернь в смысле злой, завистливой.

¹²¹ По свидетельству Плиния и Сенеки, Меценат нередко страдал жестокой лихорадкой. По поводу одного из подобных припадков, на который, вероят-

- Чтоб ты, о Меценат! отшел передо мной,
 Отрада дней моих и сильная опора.
- 5 Ах, если б часть души в тебе меня лишил
 Злой рок до времени, с другою половиной
 К чему останусь я, ни сам себе не мил,
 Ни в силах прошлое восстановить кручиной?
 В один и тот же день со мною ты умрешь.
- 10 Недаром я клялся в душе нелицемерной:
 Иду, иду с тобой, куда ни поведешь,
 Последнего пути твой сотоварищ верный.
 Дыханье грозное химеры огневой¹²²
 И сам сторукий Гиг, хотя бы воскресили¹²³
- 15 Его, не разлучат вовек меня с тобой.
 Так Правда мощная и Парки так решили.
 Живу ль под знаком я таинственным Весов¹²⁴,
 Иль страшный Скорпион участие принял рано
 В течении моих пожизненных часов,
- 20 Иль Козерог, тиран волнений океана —
 Невероятное согласие у нас
 С тобой в созвездиях. Тебя рукой могучей
 Юпитер осенил и от Сатурна спас¹²⁵,
 А крылья у судьбы остановил летучей,
- 25 Когда народ толпой три раза огласил
 Тебе во сретенье кругом театр гремящий...
 Меня древесный ствол наверно бы убил,
 Упавши в голову, когда бы Фавн, хранящий¹²⁶
 Сынов Меркурия, искусною рукой
- 30 Не отклонил беды. О жертвоприношеньи

но, жаловался Меценат, теряя надежду на выздоровление, написана эта ода. Упоминаемые в ней единовременные события: рукоплескание в театре и падение дерева, о котором говорится в другом месте (см. III, 7), дают возможность почти с достоверностью считать это стихотворение написанным в первых числах марта 724 года.

¹²² О химере см. I, 27, 24. Многие писатели представляют химеру чудовищем, изрыгающим пламя.

¹²³ У исполина Гига, сына неба и земли, было сто рук и пятьдесят голов.

¹²⁴ По астрономическим понятиям древних, знак Весов обещал родившемуся под ним силу и мудрость; Скорпион считался неблагоприятным, а знак Козерога вызывал бурю.

¹²⁵ По понятиям астрологов, звезды имели влияние одна на другую. В этом месте благодетельная звезда Юпитера спасает Мецената от пагубного Сатурна.

¹²⁶ Фавн — бог лесов, сам у поэтов является вещим (см. «Энеиду», VII, 81). Вот почему он охраняет поэта, любимца Меркурия.

И храме не забудь, обещанном тобой¹²⁷;
Ягненка принесу на жертву я в смиреньи.

XVIII К СКУПЦАМ¹²⁸

- Слоновой костью не блистает
В дому моем и златом потолок,
На ряд столпов не налегает
Из мрамора гиметтского брусок¹²⁹;
5 Чертогов царственных Аттала¹³⁰
Сомнительным родством я не стяжал,
Клиентка честная не ткала¹³¹
Мне никогда пурпурных покрывал.
Но честь и жила вдохновенья
10 Во мне чиста, и, бедный, богачу
Я дорог: большего значенья
Я от богов, от знатных не хочу;
Другого счастья мне не нужно,
Когда одним Сабином я богат.
15 За днями дни теснятся дружно
И новых лун темнеет светлый ряд.
Ты, полумертвый, подряжаешь¹³²
Каменотесов за день похорон,
И все дворцы сооружаешь,
20 И, байских волн прибоем прельщен,

¹²⁷ Богатые римляне, по выздоровлении, строили храмы. Вероятно, и Мекенат обещал построить храм, а смиренный поэт в состоянии только принести в жертву ягненка.

¹²⁸ В жизни и творениях Горация, как мы уже заметили, преобладает довольство природой и вещами первой необходимости, соединенное с враждебным противодействием слепой, безотчетной корысти. Подобно многим другим, и эта ода исчерпывает задушевные мысли поэта касательно упомянутых предметов. В 14 стихе видят ответ всем тем, которые, быть может, предполагали корыстную причину в сближении Горация с Мекенатом, и на основании того же стиха считают оду сочиненной после 721 года.

¹²⁹ Гора Гиметт, в Аттике близ Афин, славилась своим мрамором.

¹³⁰ Гораций говорит: «Я не получал наследств, сказавшись родственником чужому человеку». Аттала он поминает потому, что тот завещал свое богатство римлянам, которых не знал.

¹³¹ Жены клиентов дарили покровителей разными вещами своего рукоделья.

¹³² Гораций в лице одного скупца обращается ко всем, нападая на чрезмерную роскошь, которая заставляла римлян, для прохлады, закладывать фундамент в море и на нем строить виллы.

- Ты в море берег новый ринул;
 Тебе скудна земли недвижимой дань;
 Ты даже дерзко отодвинул
 Полей соседних вековую грань.
- 25 Скупец! за чуждыми межами
 Ты властелин, и, выгнаны из хат,
 Жена и муж несут с богами¹³³
 За пазухой непризренных ребят.
 Меж тем тебя, богач-властитель,
- 30 Вернее всех прибежищ суеты
 Ждет мрачный край, ты Орка житель¹³⁴ —
 Так решено. Куда ж стремишься ты?
 Земля приемлет, не жалея,
 И бедняка, и царских сыновей,
- 35 Харон за деньги Прометея¹³⁵
 Не перевез из области теней.
 Он вечно танталово племя¹³⁶
 И Тантала во мраке сторожит¹³⁷,
 И с бедняка низвергнуть время,
- 40 Хоть будь он зван или не зван, спешит.

XIX ГИМН К ВАКХУ¹³⁸

- Вакха в горах я учащим подслушал,
 (Верьте потомки, позднейшие даже!)
 Нимфы внимательны были, а уши
 Всех козлоногих сатиров на страже.
- 5 Эвой! вновь ужас объемлет всей силой¹³⁹,

¹³³ Грязные бедняги уносят за пазухой детей вместе с домашними ларами.

¹³⁴ См. II, 3, 24.

¹³⁵ Гораций, вероятно, имел в виду греческое сказание, по которому хитрый Прометей предлагал Харону денег за то, чтобы он перевез его обратно на землю.

¹³⁶ Потомки Тантала — Пелопс, Атрей, Агамемнон и пр. (см. I, 16, 17).

¹³⁷ О Тантале см. I, 28, 7.

¹³⁸ Совершенно греческий образ Вакха, отличный от римского Либера и указывающий на подражание, заставляет отнести эту оду к раннему периоду поэтической деятельности Горация; некоторые считают ее написанной в 725 году.

¹³⁹ Эвой, эвое (εῖοι) — восклицание Вакханок. Видеть, как видел Гораций, Вакха со всеми принадлежностями божества, считалось худым знаком. Подобное явление внушает ужас, и поэт боится, чтобы Вакх не поразил его тирсом — жезлом, увитым плющом и виноградными листьями.

- Полное Вакхом разгульным и страстным
 Сердце трепещет! Эвое! помилуй!
 Тирсом, Либер, проминуи ты ужасным!
 Должен Тиад я воспеть, благодарный¹⁴⁰,
 10 Токи вина и в волнах серебристых
 Млечные реки, и славить янтарный
 Льющийся мед из деревьев дуплистых.
 Должен я петь пред твоей Ариадной¹⁴¹
 Звездную славу ее, и Пентей¹⁴²
 15 Дом, разгромленный рукой беспощадной,
 Также и гибель Ликурга-злодея.¹⁴³
 Рек и морей властелин варварийских¹⁴⁴,
 Ты, упоенный в горах отдаленных,
 Пышные кудри у жен бистонийских¹⁴⁵
 20 Вяжешь узлами ехидн укрощенных.
 Ты, как злой сонм исполинов нахлынул,
 В отчее царство врываяся с гневом,
 Грозного Рета назад опрокинул¹⁴⁶
 Львиною лапой и гибельным зевом.
 25 Пусть ты в войне неискусным считался¹⁴⁷,

¹⁴⁰ Тиада — Вакханка. Гораций чувствует потребность воспеть золотой век царства Вакха, когда реки текли вином и молоком.

¹⁴¹ Ариадна, дочь критского царя Миноса и Пазифаи, брошенная Тезеем на о. Наксосе, посвященном Вакху, привлекла бога своими стонами. Вакх, взяв ее в супруги, в доказательство своей божественности, бросил ее повязку о девяти алмазах на небесный свод, где она блещет под именем повязки Ариадны.

¹⁴² Пентей, царь фивский, взял Вакха в плен; но царский дворец, в котором он держал бога, разрушен был землетрясением.

¹⁴³ Царь эдонский, Ликург, видя, что подданные его чрез меру предались виноделию, запретил употребление вина и приказал истребить виноградники. Вакх привел его в бешенство, так что он, воображая, что рубит лозы, обрубил сам себе ноги.

¹⁴⁴ Владыка тех чужеземных рек и морей, через которые ему лежал путь из Индии.

¹⁴⁵ Фракия от Бистонского озера называлась Бистонией и славилась оргиями. Здесь, под бистонийскими женами Гораций понимает Вакханок. Ехидны — самая злая порода змей, употреблялись Вакханками вместо венков.

¹⁴⁶ Аполлodor рассказывает, как Аполлон, Геркулес, Вулкан и Вакх защищали небо от гигантов. Вакх в виде льва поразил Рета. Боги часто и для поражения врагов принимали вид зверей.

¹⁴⁷ Хотя иные и стараются разъяснить значение этой строфы насмешками богов над воинственными наклонностями Вакха, бога хороводов, но трудно не заметить противоречия трех последних стихов первому и, так сказать, неуместности ее в целой оде. По большей части ее считают вставной или неудачной.

- Бог хороводов, веселья и пира
Главный вожатый, но вечно являлся
Тем же ты богом средь битвы и мира.
Видел твои золоченые роги¹⁴⁸
- 30 Страшный Цербер, и хвостом, по пристрастью,
Чуть шевеля, уходящему ноги
Кротко лизал трязычную пастью.

XX К МЕЦЕНАТУ¹⁴⁹

- Необычайными и мощными крылами,
Ширясь в воздухе, помчуся я, певец;
Изменится мой лик, расстанусь с городами
И зависти земной избегну наконец.
- 5 Что бедны у меня родители — ты знаешь,
Но разрушения их чадо избежит.
Меня, о Меценат, ты другом называешь —
И Стикс своей волной меня не окружит!
Рубчатой кожей, уж чувствую теперь я¹⁵⁰,
- 10 Покрылись голени, а по пояс я сам
Стал белой птицею, и молодые перья
По пальцам у меня растут и по плечам.
Уже несясь быстрее Дедалова Икара¹⁵¹,
Босфор¹⁵² клокочущий я под собой узрел;
- 15 Гетульские сирты и край земного шара¹⁵³
Я певчей птицею на крыльях облетел.
Колхиец и гелон мне внемлет отдаленный¹⁵⁴,

¹⁴⁸ Цербер пропускал всех в ад, но никого не выпускал. У Вакха не было природных рогов, как у Сатиров и Фавнов, но диадема его была украшена рогами — признаком силы.

¹⁴⁹ Нам известно, что в 732 году Гораций поднес Меценату три первые книги од; но, вероятно, незадолго до того он подносил только две первые. Эта ода, подобно III, 30 оде, отличается от прочих характером эпилога. Та и другая как бы последнее слово Музы Горация. Поэт предсказывает себе бессмертие: «Я не умру (говорит он), а превращусь в лебедя». Подобно I, 1 оде, в этом стихотворении Гораций обращается к Меценату, с тою разницей, что то, чего он там надеется, здесь, как он сам чувствует, совершено.

¹⁵⁰ Чрезвычайно живо превращение человека в лебедя.

¹⁵¹ О Дедале и Икаре см. I, 3, 33.

¹⁵² Здесь надо подразумевать Константинопольский пролив.

¹⁵³ См. I, 23, 9.

¹⁵⁴ Колхида, на восточном берегу Черного моря, ныне Мингрелия. Гелоны, скифское племя на берегу Днепра.

И дак, скрывающий пред строем марзов страх¹⁵⁵ —
И песнь мою почтит иберец просвещенный¹⁵⁶
20 И тот, кто пьет Родан в широких берегах.¹⁵⁷ —
Я не велю мой гроб рыданьями бесславить¹⁵⁸ —
К чему нестройный плач и неприличный стон?
Уйми надгробный вой и прикажи оставить
Пустые почести роскошных похорон.

КНИГА ТРЕТЬЯ

I

К ХОРУ ДЕВ И МАЛЬЧИКОВ¹

Темную чернь отвергаю с презреньем²:
Тайным доселе³ внемлите напевам!
Жрец, вдохновенный Камен повеленьем,
Мальчикам ныне пою я и девам.

¹⁵⁵ Даки жили в нынешней Венгрии. Марзы, итальянское племя, служившее под знаменами Рима и снабжавшее, вместе с апулийцами, римские ряды лучшими воинами.

¹⁵⁶ В противоположность приведенным выше диким племенам, Гораций называет просвещенными испанцев, иберцев, от реки Ибера, нынешнего Эбро.

¹⁵⁷ Родан — нынешнюю Рону — пили галлы.

¹⁵⁸ Римляне на похоронах заставляли женщин голосить под флейту. Гораций просит Мецената на похоронах поэта оставить все почести — пустые, потому что некого будет хоронить, так как он превратится в лебедя.

¹ Гораций в убеждениях сходиллся с Меценатом, что, вероятно, было причиной их дружбы. Не станем отыскивать, указало ли поэту вдохновение или советы друга на содержание трех первых од этой книги, столь сходных между собою по дидактическому направлению. Пробегая жизнь Горация, мы видели, что Меценат уж раз, в 725 году, убедил Октавиана оставить власть за собою. В 728 году Август снова хотел отказаться от правления. В это-то время Гораций, убежденный в благотельном влиянии единодержавия на Рим, в трех предлагаемых одах указывает на доблести, могущие дать государству при новом порядке вещей новые силы. Он говорит в первой оде о довольстве малым, во второй о готовности переносить все воинские труды и самую смерть за отечество, и в третьей о непоколебимой твердости духа, соединенной с любовью к правоте. Сознывая свое призвание: всенародно высказывать поучительные истины, поэт, в качестве жреца Муз, начинает речь воззванием к Юпитеру и всеобъемлющей Судьбе.

² Перед свершением религиозных обрядов жрец удаляет темную, непосвященную толпу.

³ Хору мальчиков и дев.

- 5 В страхе народ укрощен властелинами;
Воля Юпитера правит царями:
Славный триумфом в бою с исполинами⁴
Грозными свет потрясает бровями.
Садит прививки на грядках просторнее⁵
- 10 Тот, а другой в состязаньях на поле
Марсовом всех и смелей, и проворнее⁶;
Нравами этот прославился боле.
Тот, окруженный клиентами давними,
Горд их толпою. Судьба наделяет
- 15 Высших и низших законами равными,
Емкий сосуд имена всех вращает.⁷
Если висит над главою развратного⁸
Меч обнаженный — нет сласти в богатых
Яствах, и сна не вернут благодатного
- 20 Цитры напевы и голос пернатых.
Сладостный сон не минует убогого
Сельского крова; его не пугает
Сумрак долины иль берега сурового,
В час, как деревья Зефир потрясает.
- 25 Малым довольный ничем не смущается;
Море ему не ужасно при буре,
Он не боится, коль Гед зарождается⁹,
Думать забыл он о грозном Арктуре.
Град ли посек виноградники зрелые,
- 30 Что ему? Грунт изменил ли бесплодный,
Или деревья сожгло пожелтелые,
Или зимой их побилло холодной...
Чувствуют рыбы, что воды стесняются¹⁰,
Тяжестей столько повергли в пучину:
- 35 Слуги подрядчика щебнем стараются

⁴ О борьбе Юпитера с исполинами см. II, 12, 6 и 19, 23.

⁵ Один владеет обширными садами, другой обладает иными преимуществами.

⁶ На Марсовом поле, близ Рима, собирались для совещаний (comitia), а юноши предавались телесным упражнениям, метанию оружия, бегу, борьбе, верховой езде, игре в мяч и проч.

⁷ См. II, 3, 27.

⁸ Гораций имел в виду, вероятно, сказание о мече Дамокла.

⁹ Созвездие Гёда восходит в октябре, а созвездие Арктура в сентябре; рождение первого сопровождают дожди, а при восхождении второго бывают бури с градом. Кто довольствуется крайне необходимым, тот не боится, вследствие неблагоприятных явлений природы, потерять состояние.

¹⁰ Гораций на постройке в море (см. II, 18, 17) смотрит, как на вторжение человека в область рыб.

- Дно забутить; уж давно господину
Берег постыл; но, бесчувственны к жалобе,
Страх и тоска идут теми ж следами...
Он на корабль — и забота на палубе;
40 Он на коня — и печаль за плечами.
Если не пурпур, ни камня фригийского¹¹
Блеск — омраченной душе не отрада,
Если не сладок растенья индийского
Дым и не радует сок винограда,
45 Так колоннадой к чему исполнинскою
Вход¹² мне в дому украшать прихотливой?
Так для чего же долину сабинскую
Роскошью я замену хлопотливой?¹³

II К РИМСКОМУ ЮНОШЕСТВУ¹⁴

- Пусть юноша себя, окрепнув на войне,
Стремится приучить к лишениям ежечасным;
Тогда он явится с копьем и на коне
Для парфа грозного противником опасным¹⁵;
5 Ни бой, ни жизнь полей его не устрашат.
Тогда с враждебных стен¹⁶ властителя супруга
И дева юная пускай за ним следят
Очами, полными смущенья и испуга!
И пусть вздохнут — увы! чтоб царственный жених
10 Не растревожил льва, рыкающего встречей,

¹¹ Малоазийский мрамор отличался белизной.

¹² Во время Горация богатые римляне украшали колоннадой переднюю залу (Atrium).

¹³ В последнем стихе некоторые толкователи хотят видеть намек на то, что Гораций отказался быть секретарем у Августа.

¹⁴ Согласно примечанию к III, 1, Гораций в этой оде указывает юношам на вторую добродетель истинного римлянина, на доблесть (virtus), которая вмещает в себя и перенесение воинских трудов, и готовность умереть за отечество, и стремление к славе — высшей и единственной награде подвига.

¹⁵ Грозный парф здесь вместо всякого иного врага, а, может быть, и потому, что юноша должен стремиться возратить утраченные Крассом значки.

¹⁶ В решительные минуты битвы женщины и девы осажденных выходили на стены башен и укреплений смотреть на бой. Гораций желает, чтоб, в числе прочих, невеста царевича следила попеременно за женихом и за храбрым римским юношей, которого он сравнивает со львом, боясь, чтоб они не встретились.

- Который носится меж чуждых и своих,
Алкая утолить свой гнев кровавой сечей.
Смерть за отечество отрадна и славна, —
Бежавший от нее в бою не уцелеет,
15 И верно юношей изнеженных она
Колен трепещущих и спин не пожалеет.¹⁷
А доблесть грязных всех чуждается страстей,
Одною славою блистая благородной;
И внемля ветреной толпе, не сродно ей
20 Секиру брать и класть по прихоти народной.¹⁸
Она избраннику, который не умрет,
Путиами новыми бессмертье отверзает,
На сходбища с толпой обычной не пойдет¹⁹
И в небо от земли на крыльях улетает.
25 Молчанью тоже честь; того, что разделил
Цереры таинства священные с толпою²⁰,
Не допущу, чтоб он под той же крышей был,
Иль лодку утлую отвязывал со мною.
Забвенью преданный, златого дня Отец
30 К преступным чистого нередко причисляет²¹,
А наказание, хоть поздно, наконец,
С хромой своей ногой злодея настигает.

III К ЦЕЗАРИЮ АВГУСТУ²²

Муж правоты, неотступный в обдуманном,
Не поколеблется ни пред кипучею
Волей граждан, коль потребуют низкого,

¹⁷ Древние старались у бегущих врагов подрубить жилы под коленями (см. «Энеида», IX, 763).

¹⁸ Гораций, как истый римлянин, представляет доблесть осмысленной силой, непреклонной перед народной прихотью, — вот почему она ищет для себя новые, толпе неизвестные пути к бессмертию.

¹⁹ Юноша, исполненный прямой доблести, не может быть ни хвастлив, ни болтлив.

²⁰ Таинства Цереры весьма уважались у римлян и у греков, поэтому высказать их непосвященным считалось большим преступлением.

²¹ Следовательно, невинный может погибнуть за то только, что сблизился со злодеем.

²² Нельзя не согласиться с теми толкователями, которые в этом непоколебимом муже видят доблестного героя (III, 2). Но нам кажется, что этот образ предстал поэту во второй оде с внешней стороны: там он указал, чего и

- Ни перед властью тирана могучею,
 5 Ни пред волной разъяренного Адрия,
 Ни пред десницей, где гром зарождается...
 Он, если б небо со треском разрушилось,
 И под обломками не испугается.
 Этим Поллукс с Геркулесом достигнули²³
 10 Звезд, что под сводами блещут лазурными;
 Август меж ними возляжет со временем²⁴,
 Нектар вкушая устами пурпурными.
 Только за это, отец Дионис, тебя²⁵
 Вывезли тигры, ярму непокорные²⁶,
 15 Только за доблесть от Тартара Ромула
 Марсовы кони умчали проворные.
 Речью приятною Гера промолвила²⁷
 Сонму богов: «Илион, Илион святой
 В прах обращен от судьи беззаконного²⁸,
 20 Гибель навлекшего, и от жены чужой.²⁹
 Троя с тех пор, как в уплате условленной
 Лаомедон отказал небожителем³⁰,
 Проклята мной и Минервою чистою
 С племенем всем и лукавым правителем.³¹

какими путями достигает доблесть, а в предлежащей оде Гораций смотрит на ее внутреннюю силу, которая может проявиться; но подобное проявление не составляет необходимого условия ее бытия. Самые верования древних вели за собою привязанность к преданиям, поэтому несколько не удивительно, что Гораций, вспомнив между героями, стяжавшими доблестью бессмертия, прародителя Ромула, старается объяснить, каким образом Юнона, враждебная троянцам, решилась допустить их потомков, римлян, до высокой степени могущества, а внука своего, Ромула, в сонм небожителей.

²³ Поллукс — кулачный боец, см. I, 3, 2. Двенадцать подвигов Геркулеса.

²⁴ Ничего нет удивительного, что поэт пророчит Августу то, до чего многие смертные достигли.

²⁵ Отец Вакх в смысле покровителя.

²⁶ Тигры, не созданные для ярма, запряженные в колесницу Вакха, доказывают его доблесть; поэтому нет необходимости слово: «вывезли» принимать в прямом значении, предполагая, что Вакх въехал на тиграх на небо. На вакховых тигров и марсовых коней Ромула можно смотреть как на символы достоинства, которые отворили для обоих небесный чертог.

²⁷ Вспомня Ромула, Гораций напоминает и гневную бабушку его Юнону.

²⁸ Беззаконным судьей назван Парис, присудивший на горе Иде, что золотое яблоко должно принадлежать Венере, за что Паллада и Юнона возненавидели троянцев.

²⁹ Елена, жена Менелая.

³⁰ Лаомедон, отец Приама, отказал в условленной плате Нептуну и Аполлону, строителям троянских стен.

³¹ Лаомедоном.

- 25 Пред любодейкой лаконкой не хвастает³²
Более гость пресловутый; по манию
Старца Приама ахейцы ретивые
В битве не гибнут под Гектора дланию.³³
Нашей враждою война продолженная
- 30 Отбушевала. И ныне смиренного
Марса прощу и душе ненавистного
Внука, троянского жрицей рожденного³⁴.
Пусть, я дозволю, вкушает он нектара
Влагу среди лучезарных обителей,
- 35 Пусть он навек разделять сопричислится
Невозмутимый покой небожителей.
Только бы море плескалось безбрежное
Меж Илионом и Римом — являются
Пусть, где хотят, как владыки изгнанники³⁵;
- 40 Звери доколе с детьми укрываются
Там, где Парис и Приам упокоены³⁶ —
Пусть Капитолий стоит и блистательный
Рим побежденными в битвах мидийцами³⁷
Правит со властью законодательной.
- 45 Грозное имя пускай простирает он
В край отдаленный, где влага срединная
Делит Европу от жителя Африки;
Нил где поля орошает пустынные.
Золото он попирает, и пусть оно³⁸
- 50 Лучше в земле пролежит сокровенное,
Чем отдавать его людям, где хищные

³² Парис перед Еленой.

³³ По желанию Приама, Гектор убивал ахейцев.

³⁴ Весталка Илия — Рея Сильвия, по Нумитору и Энею, происходила от троянцев.

³⁵ Намек на Энея.

³⁶ Озлобленная Юнона радуется осрамлению праха Париса и Приама. Гораций этой речью Юноны хочет показать, что весь гнев ее обращен исключительно на троянцев и что она, из любви к сыну своему Марсу, даже решается предсказать Риму великую будущность.

³⁷ Октавиан еще в 725 г. торжествовал победу над мидийцами, хотя отбитые ими у Красса значки не были возвращены.

³⁸ Причудливое изображение поэта за каждым словом представляет ему картину, а за картиной невольно следует мысль о нравственном ее значении. Гораций, упомянув о Ниле, вспомнил о его золотом песке, а мысль о золоте наводит на постоянный предмет его ненависти — корыстолюбие современников. Тем не менее неуместность подобной выходки подала повод многим критикам считать этот куплет вставочным и подложным. Нельзя не сознаться, что он довольно странно прерывает торжественную речь Юноны.

- Руки все грабить дерзают священное;
Пусть до границ мироздания римляне
Идут с оружием разведать, пытливые:
55 Где первенствует денница палящая,
Где облака и туманы дождливые?
Только я славу квиритам воинственным
С тем предреку, чтоб они, по условию,
Трою опять обновлять не задумали,
60 Лишней увлекшись сыновней любовью.³⁹
Ежели Троя в злой час и оправится,
То на беду и паденье вторичное:
Я — и сестра, и супруга Юпитера —
Выведу войско к победам привычное.
65 Медные стены пусть три раза выстроит
Феб⁴⁰, но и трижды велю обновленные
Ринуть аргивцам⁴¹; мужей и детей своих
Трижды супруги оплачут плененные». —
Лири! доступно ли это нам, резвая?⁴²
70 Муза, куда ты? ужель ты решаешься
Речи богов повторять — и негромкими
Звуками важное петь покушаешься?

IV К КАЛЛИОПЕ⁴³

Сойди со флейтой неземной,
Царица Каллиопа, с неба,
И песню звонкую пропой

³⁹ Юнона смиряет гнев свой только с условием — окончательной гибели ненавистной Трои и не позволяет римлянам восстанавливать столицу праотцов.

⁴⁰ В 20-м стихе мы видели, что Аполлон был строителем Трои.

⁴¹ Аргивец от Аргоса, то же, что грек.

⁴² Подобное обращение к эротической лире в конце героических од у Горация встречаем не в первый раз.

⁴³ Невольно сравниваем оды Горация с теми южными деревьями, на которых одновременно красуются цветы и зрелые плоды. Какой испытатель природы скажет: в цветке или в семени проявляется окончательная цель растения? Этой оде к Каллиопе с таким же правом можно дать заглавие: к Каменам или к Цезарю Октавиану; переходы от одного предмета к другому резки, но вы чувствуете внутреннюю связь между ними, и ода производит цельное впечатление. Время ее сочинения с достоверностью можно отнести к 725 или к 726 году, когда Октавиан, кончив борьбу с Антонием, предавшись наукам, построил храм Аполлону и общественную библиотеку,

- Или сыграй на цитре Феба.
 5 Вы слышите? (Иль это сон,
 Который сердцу мил и дорог?)
 Что лес священный оживлен⁴⁴
 Под шум ручьев и листьев шорох.
 Раз на Вольтуре, близ полей
 10 Родных, ко сну меня склонило,
 А стадо вещей голубей
 Ветвями мальчика укрыло.⁴⁵
 Кто Ахеронтскою владел⁴⁶
 Скалой, кто Бантии лесами,
 15 И форентийский земледел —
 Все почитали чудесами,
 Что змей меня не уязвит,
 Медведь не унесет спросонок,
 Что лавром с миртами прикрыт
 20 Богами избранный ребенок.
 Я ваш, Камены! ваш в горах⁴⁷
 Сабинских, иль в прохладном крае⁴⁸
 Пренесты, иль на высотах
 Тибура, иль в привольной Байе!⁴⁹
 25 Я при Филиппах не убит⁵⁰
 За то, что ваше все мне мило,
 И Палинур меня щадит⁵¹,
 И дерево не задавило⁵²;
 Пусть только б вы меня вели:

см. I, 31. Вот главные мысли, как они в этой оде вытекают одна из другой: тебе, Каллиопа, и вам, Камены, я обязан моим значением в свете; но не меня одного вы руководите, вы услаждаете и Цезаря в мирное время, и подаете ему благие советы, без которых сила и могущество не могут быть приятны Зевесу, а вредят себе же, чему приводятся многие примеры.

⁴⁴ Лес оживлен присутствием Каллиопы. Сознывая покровительство Муз, Гораций припоминает событие своего детства (см. о жизни Горация).

⁴⁵ Может быть, Гораций видит в этих птицах голубей Венеры, которые охраняют будущего эротического поэта.

⁴⁶ Ахеронтия (нынче Asconza), Бантия (нынче Banzi) и Форент (нынче, вероятно, Castelli, недалеко от Fidenza), города в Апулии, родине Горация.

⁴⁷ Вилла Горация находилась в гористом местоположении.

⁴⁸ Пренеста, нынче Палестрина, город в Лациуме. Римляне вблизи ее строили виллы, привлекаемые прохладой этого края и благоуханным воздухом.

⁴⁹ Тибур, см. I, 7, 13. Байя славилась теплыми целебными источниками.

⁵⁰ О Филиппах см. II, 7, 9.

⁵¹ В 713 году Гораций, возвращаясь в Италию, был застигнут бурей у скалы Палинурской (нынче Capo Palinuro), получившей название от Энеева кормчего.

⁵² О дереве см. II, 13.

- 30 Не страшен мне Босфор фракийский⁵³,
 Решусь идти на край земли
 Песчаной степью ассирийской.
 Гелонов стрелы видеть рад⁵⁴,
 Спешить к суровому британцу⁵⁵
- 35 И к утоляющему глад
 Сырой кониною конканцу.⁵⁶
 Лишь Цезарь в город возвратит
 Усталых ратников с походу —
 Ему в пещере Пиерид⁵⁷
- 40 Вы распеваете в угоду.
 Совет ваш кроткий вам же мил,
 Благие. Ведаем давно мы⁵⁸,
 Что тот Титанов разразил
 Рукой, кидающею громы,
- 45 Кому земля, и вал морской,
 И царство грустное подвластно,
 Кто и богов, и род людской
 Единый судит беспристрастно.
 Могли и Дия утратить
- 50 Пренебрегавшие законом,
 Как братья силились накрыть⁵⁹
 Олимп лесистый Пелионом.
 Но что Тифой с Мимасом? что⁶⁰
 Деревья в дланях Энцелада?⁶¹
- 55 Порфириона гнев ничто,

⁵³ Босфор, см. III, 13, 14.

⁵⁴ Гелоны, см. II, 20, 17.

⁵⁵ По свидетельству Цезаря и Тацита, британцы были негостеприимны и до такой степени дики, что ели человеческое мясо.

⁵⁶ Жители испанского города Конканы (Santillana) питались сырой кониной.

⁵⁷ Пиерос, гора в Фессалии, посвященная Музам, откуда прозвание Пиерид. Музам посвящались пещеры и леса. Гораций указывает на страсть Августа к поэзии.

⁵⁸ Гораций не говорит, что дерзкая, не смягченная науками сила Титанов навлекла на них гнев Юпитера, а прямо упоминает об их поражении.

⁵⁹ «Одиссея» Жуковского, 308:

Отос божественный с славным везде на земле Эфиалтом.

Эти два сына Ифимедии и Посидона хотели взять приступом небо, наваливши Осу на Олимп и Пелион на Осу.

⁶⁰ Стоглавый Тифой, один из гигантов, был поражен Юпитером и завален Этной, под которой он еще дышит, изрыгая пламя. Мимас, убитый Марсом, в которого он кинул островом Лемносом.

⁶¹ Энцелад, Порфирион — гиганты. Первый убит Минервой, а второй Юпитером.

- Ничто и Рет⁶², когда Паллада
 Эгидой звонкой их разит.⁶³
 Тут стал Вулкан в порыве рьяном,
 Супруга Гера здесь стоит,
 60 Здесь, вечно луком и колчаном
 Вооруженный Аполлон,
 Любимый Ликией родною⁶⁴,
 Чей волос пышный окроплен
 Всегда кастальскою росю.⁶⁵
 65 И силы без ума вредят
 Себе же; боги, поучая,
 Лишь силу мудрую хранят,
 Им ненавистна сила злая.
 Я прав. Пример сторукий Гиг⁶⁶
 70 И Орион, когда влюбленный⁶⁷
 Диану чистую настиг,
 Стрелой девичьей пораженный.
 Земля чудовищных детей⁶⁸
 Гнетет с печалью безответной,
 75 И тщетно пыл живых огней
 Под наваленной рвется Этной,
 И печень Тития навряд⁶⁹
 Оставят коршуны в покое,
 А цепи тяжкие гремят⁷⁰
 80 На любострастном Пирифое.

V

К ЦЕЗАРЮ АВГУСТУ⁷¹

Мы верили досель, что в небесах громами
 Юпитер властвует; но богом может слыть

⁶² Рет, см. II, 19, 23.

⁶³ См. I, 15, 12.

⁶⁴ В Ликии был оракул Аполлона.

⁶⁵ Кастальский ключ близ Парнаса посвящен Музам и Аполлону.

⁶⁶ Гиг, см. II, 17, 14.

⁶⁷ Орион преследовал Диану своей любовью, см. «Одиссею» Жуковского: V, 123.

⁶⁸ Самое слово гигант значит сын земли. Мать-земля, хотя и гнетет их по приговору Зевеса, но жалеет об этом.

⁶⁹ Титий, см. II, 14, 8.

⁷⁰ Пирифой сошел с другом своим Тезеем в ад, желая похитить Прозерпину. Геркулес освободил Тезея, а Пирифой остался прикованным к скале.

⁷¹ Сочинение этой оды должно отнести ко времени двойного похода против Британии и персов в 728, см. I, 35. Гораций как истинный римлянин со-

- И Август, овладев британскими берегами,
Коль грозных⁷² персов он успеет покорить.
5 Ведь Красса воины на варварках женились
И с ними жили же во вражеских странах,
И (боги, до чего безумцы развратились!)
Зятьями старились при чуждых знаменах,
Царя мидийского склоняясь к порогу...
10 И сын Апулии, и марзы перед ним⁷³,
Не помня о щитах, забыли имя, тогу⁷⁴,
Зевеса, Весты храм и даже вечный Рим.
Так! Регул это все предвидел духом ясным,
Когда он низкие условия врагов
15 Отверг и положил, что лучше, чем опасным
Примером послужить для будущих веков —
Пусть гибнут юноши от варварского плена.
«Я видел (он сказал), как, римские кругом
Развешаны значки среди храмов Карфагена
20 С оружием, сложенным без боя пред врагом.
Я видел (говорит), как, руки за спиною
Связавши гражданам свободным, их вели...
Ворота отперты, и, нашею войною⁷⁵
Опустошенные, поля позаросли.
25 Ужели золотом искупленный храбрее
Вернется воин к вам? Нет, говорю я, нет!
К стыду прибавится убыток. Шерсть светлее
Не станет, если раз попала в красный цвет.
Прямая доблесть то ж. С ней стоит лишь расстаться,
30 Она не встретится с униженным борцом.
Не вступит в бой олень, которому прорваться
Случилось из тенет; не будет храбрецом
Тот, кто среди врагов познал всю горечь плена,
Кто на руках своих таскал узлы ремней,

чувствует этому предприятию, которое должно смыть стыд, нанесенный поражением Красса итальянскому оружию.

⁷² Вспомнив грозных персов, он с горечью говорит о воинах, которые не только не умели защищаться, но, женившись на персиянках, совершенно забыли отечество. Тут ему приходит на память поступок Регула, который предчувствовал, что человеколюбие к положившим добровольно оружие ни к чему хорошему не поведет, и который по этой причине не согласился на выкуп пленных.

⁷³ Апулийцы и марзы, см. II, 20, 18.

⁷⁴ Щитов, сделанных Нумою по образу упавшего с неба.

⁷⁵ Карфагеняне до того самоуверенны и беспечны, что пренебрегают предосторожностью запереть градские ворота.

- 35 И не пойдет войной тот против Карфагена,
 Кто смерти трепетал от вражеских мечей.
 Нет! он, спасая жизнь, не знал, на что решиться,
 И мир смешал с войной.⁷⁶ О стыд! Да! С этих пор,
 Великий Карфаген, ты можешь возгордиться,
- 40 Когда Италию покрыл такой позор!»
 И тут он, говорят, стыдливые лобзанья
 Супруги и детей невинных отклонил,
 Как недостойный член гражданского собрания⁷⁷ —
 И мужественный взор на землю устремил,
- 45 Доколь совет его неслыханный, но здравый,
 Не вызвал, наконец, решимости в умах
 Патрициев... Тогда изгнанник величавый
 Оставил медленно друзей своих в слезах.
 А знал он подлинно, какие ждали муки
- 50 Его у варваров; но пред собой вперед
 Так точно раздвигать его старались руки
 Толпу, искавшую его замедлить ход,
 Как будто, только что окончивши все пренья
 Суда, в котором был им защищен клиент,
- 55 В Венафре он спешил искать отдохновенья⁷⁸
 Или в спартанский⁷⁹ шел отправиться Тарент.

VI К РИМЛЯНАМ⁸⁰

Безвинно искупать тебе грехи отцов⁸¹,
 О римлянин! доколь ты не оправистишь зданий,
 Полуразрушенных жилищ твоих богов
 И дыма не сотрешь с священных изваяний.⁸²

⁷⁶ Слагая самопроизвольно оружие во время битвы.

⁷⁷ Находясь во власти врагов, Регул считал себя лишенным семейных прав.

⁷⁸ Венафр, см. II, 6, 15.

⁷⁹ Спартанским Гораций называет Тарент, потому что он основан спартанцем, см. II, 6, 11.

⁸⁰ Октавиан, возвратясь в 725 году из походов против Антония, парфян и проч., застал государство ослабленным безверием и безнравственностью. На эти бедствия указывает Гораций в предлежащей оде, написанной в 726 году. Следя за духом поэта, выражающимся в его произведениях, нет никакой необходимости предполагать, чтобы содержание этой оды было внушено Горацию Меценатом.

⁸¹ Гораций разумеет все преступления междоусобных войн со времен Суллы.

⁸² Почерневших от пожаров, а, может быть, и жертвоприношений.

- 5 Богам покорствуя, владеешь ты землей.
 Всему начало тут, веди исход к тому же.
 За непочет богов Гесперия судьбой⁸³
 Была настигнута, какой не встретишь хуже.
 Уж дважды и Монеz и дерзостный Пакор⁸⁴
- 10 От наших натисков с успехом отбивались
 И воинов своих недорогой убор
 Сменив награбленным нарядом⁸⁵, издевались.
 У Рима, полного гражданским мятежом,
 Чуть дак и эфиоп не отняли свободы...⁸⁶
- 15 Один опасен нам метательным копьем,
 Другой вести корабль искусен через воды.
 Разврат минувших лет сперва лишил стыда
 Супружества, людей поссоривши с семьею;
 От этого ключа вся разлилась беда
- 20 И на отечество, и на народ рекою.
 Искусству нравиться мы рано учим дев,
 Им ионийские дались телодвиженья⁸⁷,
 И каждая из них, еще и не дозрев,
 Уже любовные лелеет вождельня,
- 25 А в скором времени за мужниным вином⁸⁸
 Любовника себе моложе припасает
 И, радостью даря запретную тайком
 Кого б то ни было — впотьмах не разбирает.
 Но на глазах у всех, при муже, наконец,
- 30 Она встает, спеша на отклик отозваться,
 Коль с корабля пришел испанского купец,
 Который о цене не станет торговаться.
 Не от таких отцов был некогда рожден
 Народ, который дал пучине цвет багровый
- 35 От карфагенских тел, кем Пирр был побежден
 И мощный Антиох, и Аннибал суровый.⁸⁹
 То были воинов-оратаев сыны,

⁸³ Италия.

⁸⁴ Монеz и Пакор, оба парфянские предводители. Гораций хочет сказать: уже дважды парфяне и проч.

⁸⁵ Почетные золотые ожерелья римских всадников.

⁸⁶ Во время последней войны даки перешли на сторону Антония. О даках см. II, 20, 18; под эфиопами Гораций разумеет египтян, подданных Клеопатры.

⁸⁷ Ионийские пляски славились вольностью движений.

⁸⁸ У древних римлян женщины не обедали за общим столом.

⁸⁹ Гораций напоминает самые славные эпохи римского оружия, победу Курия Дентата над Пирром (в 479 г.), поражение Аннибала при Заме (в 552 г.) и Антиоха Великого при Магнезии в 564 г. от о. Р.

- Привычные вращать сабинскую киркою
Бразду; им матерью заране внушены
40 И страх, и труд: они вечернею порою
Несли ей дров, когда над сумраком земли
От солнца выси гор блистали багрянницей —
И без ярма волы, качаясь, тихо шли,
И ночь гналась вослед за ясной колесницей.⁹⁰
45 Всё уменьшается, мельчает каждый час:
Отцы, которых стыд и сравнивать с дедами,
Родили нас еще негоднейших, а нас
Еще пустейшими помянет мир сынами.

VII К АСТЕРИИ⁹¹

- Чего, Астерия, оплакиваешь даром
Ты Гига? С первою дохнувшею весной
Вернется юноша, обогащен товаром
Вифинии, к тебе, и с верною душой.⁹²
5 Заброшен к Орику⁹³ свирепыми ветрами,
Враждебных бурь Козы не в силах превозмочь⁹⁴,
На ложе хладном он горячими слезами,
Бессонный, каждую там провожает ночь...
Хоть тот, кого, смутясь, хозяйка⁹⁵ подсылает
10 О вздохах Хлоинных не устает твердить,
И говоря, каким огнем она пылает,
На тысячу ладов старается склонить.
Он легковерного примером ставит Прета⁹⁶,

⁹⁰ Солнца.

⁹¹ Сочинение этой оды, по мнению Кирхнера, относится к 729 году. Астерия, оплакивающая долговременное плавание любимого Гига, вероятно, вымышленное лицо или, по крайней мере, вымышленное имя. Уже потому, что бури заставляют Гига зимовать в Орике, нам кажется довольно странным принимать соблазняющую его Хлою за особу, о которой говорится в I, 23, и III, 26. Это все то же, что считать Гига тем, о котором идет речь в II, 5, 20.

⁹² О Вифинии см. I, 35, 7.

⁹³ Город Орик в северной части Эпира, на берегу Ионийского моря.

⁹⁴ Кормилица Зевеса, коза Амалтея, помещена в числе созвездий. Восхождение ее и закат сопровождалась бурями.

⁹⁵ Хлоя подсылает посредника.

⁹⁶ Анция, жена аргивского царя Прета, влюбленная в целомудрого Беллерофонта, оклеветала его перед мужем. Прет услав Беллерофонта к ликийскому царю, где он победил огнедышащую Химеру.

- Которого, клевет предательских полна,
15 Беллерофонту смерть готовить в юны лета
За целомудрие заставила жена.
О бегстве говорит воздержного Пелея⁹⁷,
Что Ипполитой чуть не сослан был к теням,
И из истории, с улыбкою злодея,
20 Выводит образы, учащие грехам.
Напрасно. Юноша досель не пошатнулся,
Как по глухой скале все речи пронеслись.
Но и тебе самой не больше ль приглянулся,
Чем должно, — Энипей⁹⁸, сосед твой? Берегись!
25 Пускай никто другой искусней и смелее
На поле Марсовом коня не соберет⁹⁹,
И пусть никто иной свободней и быстрее
Вдоль по течению реки не поплывет...
Лишь ночь, запрись в дому, вдоль улицы широкой
30 Под умоляющий звук флейты не гляди¹⁰⁰
И, сколько б он тебя не называл жестокой,
Храни молчание и взаперти сиди.

VIII К МЕЦЕНАТУ¹⁰¹

Как праздник мартовский я, холостяк, встречать¹⁰²
Затеял, что цветы и нежные куренья,
И уголь на траве¹⁰³ здесь могут означать?
Тебе на диво, без сомненья,

⁹⁷ По той же причине Ипполита, жена фессалийского царя, обвинила Пелея, и он был брошен Адестом на съедение диким зверям в делях Пелиона. Но боги сжалились над ним и он стал супругом Фетиды.

⁹⁸ Энипей, вымышленное имя.

⁹⁹ О Марсовом поле см. III, 1, 11.

¹⁰⁰ Римляне при подобных серенадах часто употребляли флейту.

¹⁰¹ По обстоятельствам, о которых говорится от 17-го до 24-го стиха, новейшие толкователи относят эту оду к 725 году, а первый стих указывает на 1-е марта как на годовщину приключения с деревом, см. II, 13, поэтому Гораций приглашает друга отпраздновать с ним этот для него знаменательный день.

¹⁰² В день празднований матроналий (1-го марта), исключительного праздника женщин, родственники и друзья последних не только приносили им подарки, но и молились о них Юноне.

¹⁰³ Жертвоприношения по этому случаю совершались во храмах и под открытым небом, оттого и уголь на траве.

- 5 Хотя ты языкам обоим обучен.¹⁰⁴
 Знай! белого козла и пир я благовонный
 Готовлю Либеру за то, что им спасен,
 Чуть деревом не погребенный.
 День этот праздником считаю годовым.
- 10 С амфоры прочь смолу, чтоб влага заструилась,
 Которая впивать густой и крепкий дым¹⁰⁵
 При Тулле консуле училась.¹⁰⁶
 Сто чарок, Меценат, ты выпей другу в честь
 Спасенному, и тут со мной ночную пору
- 15 Решись при факелах недремлющих провесть,
 Вдали от шума и раздору.
 Оставь гражданские заботы и дела:
 Пал Котизон и дак потерян без возврата¹⁰⁷,
 А миду грозному и битва не мила¹⁰⁸:
- 20 Там брат восстал противу брата.
 Испанский старый враг не минул наших рук¹⁰⁹,
 Хоть всех поздней кантабр, а все подпал неволе.
 И скифы думают уже, ослабя лук¹¹⁰,
 Очистить перед нами поле.
- 25 Как частный человек, ты не подумай раз¹¹¹,
 Не угнетает ли народ какое бремя,
 Бери, что радостный тебе приносит час,
 И важное покинь на время.

¹⁰⁴ В числе условий образования римлян того времени было основательное изучение латинского и греческого языков.

¹⁰⁵ Римляне, засмолив сосуд с молодым вином, ставили его в кладовой и проводили в нее дым, от которого вино старелось преждевременно.

¹⁰⁶ Л. Волкаций Тулл, бывший консулом с М. Эмилием Лепидом в 688 г.

¹⁰⁷ Котизон, царь даков, в 725 году потерпел поражение от Марка Красса.

¹⁰⁸ Борьба персидских царей-братьев Фраата и Тиридата, о которых Гораций не раз вспоминает, началась в 724 году.

¹⁰⁹ Испания долее всех провинций европейского материка противостояла римскому оружию, но покорена, наконец, Августом. Кантабры — бискайцы.

¹¹⁰ Скифы потерпели в 725 году поражение от М. Красса, но не были окончательно побеждены, что выражено у Горация словом «думают».

¹¹¹ Хотя трудно доказать, чтоб Меценат был префектом или вообще занимал публичные должности, но Август в отсутствие свое мог поверять ему управление делами. Поэтому Гораций мог просить друга своего забыть на несколько часов публичные дела.

IX К ЛИДИИ¹¹²

Г о р а ц и й

Доколе милым я тебе еще казался
И белых плеч твоих, любовью горя,
Никто из юношей рукою не касался,
Я жил блаженнее персидского царя¹¹³.

Л и д и я

- 5 Доколь любовь твоя к другой не обратилась,
И Хлои Лидия милей тебе была,
Счастливым именем я Лидии гордилась,
И римской Илии¹¹⁴ прославленной жила.

Г о р а ц и й

- 10 Я Хлое уж теперь фракийской покорился¹¹⁵,
Ее искусна песнь и сладок цитры звон;
Для ней и умереть бы я не утратился,
Лишь был бы юный век судьбами пощажен.

Л и д и я

- 15 Горю я пламенем взаимности к Калаю,
Тому, что Орнитом турийским порожден¹¹⁶,
И дважды за него я умереть желаю,
Лишь был бы юноша судьбами пощажен.

Г о р а ц и й

Что, если бы любовь, как в счастливое время,
Ярмом незыблемым связала нас теперь?

¹¹² Хотя Кирхнер и считает эту оду написанной в 735 году, но Оббарриус, относя первую размовку Горация с Лидией (I, 13) к 724, совершенный разрыв с нею (I, 25) к 725, вслед за тем обращение поэта к Хлое (I, 23) к 726 и жалобу на ее медленность (III, 26) к 727, считает и эту оду написанной в том же 727 году. Гораций забыл Лидию для Хлои; Хлоя, с своей стороны, изменяла ему для Телефа и турийского Калая. Встретясь, они припоминают счастливое время их согласия и мирятся окончательно.

¹¹³ Величие и счастье персидских царей вошло у древних в пословицу.

¹¹⁴ Когда Гораций любил Лидию, то имя ее, прославленное им, затмило славу Реи Сильвии.

¹¹⁵ Фракия славилась изнеженностью.

¹¹⁶ Турий — древний Сибарис в Лукании (Южной Италии). Орнит и Калай, равно как и Хлоя, вымышленные имена.

- И, русой Хлои я с себя низвергнув бремя,
20 Забытой Лидии отверз бы снова дверь?

Л и д и я

Хоть красотой он полночных звезд светлее,
Ты ж споришь в легкости с древесною корой¹¹⁷
И злого Адрия причудливей и злее —
С тобой хотела б жить и умереть с тобой.

Х К ЛИКЕ¹¹⁸

- Хотя бы, Лика, ты и в жребии убогом
За мужем-дикарем пила далекий Дон¹¹⁹, —
Ты пожалела бы, что лег я за порогом,
Где свищет Аквилон.
- 5 Ты слышишь, дверь с каким колеблет сотрясеньем,
Как сеянный вокруг жилища стонет лес¹²⁰,
Как вновь упавший снег морозит дуновеньем
Безоблачный Зевес?¹²¹
- Киприду радуя, от гордости преступной
10 Отстань. И счастье изменит наконец:
Не Пенелопой же, исканьям недоступной,
Родил тебя отец.
- О! пусть тебя склонить не в силах приношенье,
Ни плач влюбленного, ни бледный цвет лица,
15 Ни муж, что оказал гречанке предпочтенье...¹²²
Но пощади сердца
Твоих вздыхателей. Ты злобою похожа
На змей степных, как дуб душою ты жестка,
А вечного дождя, здесь, на пороге лежа,
20 Не вытерпят бока.

¹¹⁷ С корою пробочного дерева.

¹¹⁸ Муж Лики, дочери этруска, поддерживал связь с македонянкой. Гораций любил Ликю короткое время, вскоре по смерти Цинары (IV, 13, 21), следовательно, около 724 года. В этой оде, написанной, вероятно, спустя некоторое время, Гораций старается склонить Ликю серенадой и в то же время переходит в насмешливый тон. Должно предполагать, что поэт не был услышан и в 736 году излил всю желчь свою в IV, 13.

¹¹⁹ Хотя бы ты была женою скифа.

¹²⁰ Лес, разведенный вокруг виллы Лики.

¹²¹ Зевес, бог неба, вместо самого неба.

¹²² Гораций старается склонить Ликю, возбудив в ней чувство мести к неверному мужу.

XI К МЕРКУРИЮ¹²³

- Меркурий! ты, кому, обязан наставленьем,
Каменья подвигал поющий Амфион¹²⁴,
И ты, о лира! чьим искусным песнопеньем
Семь струн подъемлют звон!¹²⁵
- 5 Немая прежде, ты отрадой не дарила,
Но ныне — и пиров, и храмов верный друг,
Спой песню мне скорей, чтоб Лида к ней склонила
Свой прихотливый слух.
- А то она в лугу трехлетней кобылицей —
10 Дотронуться не даст, все рвется поиграть...
Знать не пришла пора — и мужу с баловницей
Такой не совладать.
- Смиряешь тигров ты, твой голос увлекает¹²⁶
Леса вослед и бег удерживает вод,
15 И Цербер, при тебе смолкая, забывает
Стеречь подземный вход —
Хоть голова его, увитая змеями
Шипящими, на вид ужасна и гадка,
А темная слюна из пасти льет ручьями
- 20 С тройного языка.
Невольно Тития и Иксиона муки¹²⁷
В улыбку перешли за песнею твоей,
И урна высохла, когда прельщали звуки
Даная дочерей.¹²⁸
- 25 Пусть Лида слушает: за что и как ужасно

¹²³ Если мы будем считать Лиду, которую в этой оде Гораций старается смягчить примером Данаид, за либертину, о которой говорится в II, 11 и III, 28, то мы должны отнести сочинение ее ко времени до 730 года. Поэт, как бы не надеясь на собственный дар слова, просит бога красноречия Меркурия убедить прихотливую Лиду.

¹²⁴ Амфион построил Фивы, заставляя камни сдвигаться к сооружению стен звуками лиры.

¹²⁵ Седьмую струну на лиру навязал Терпандр, осьмую — Симонид.

¹²⁶ Гораций здесь, вероятно, намекает на предание об Орфее (I, 12, 9) и о том, как он за Евредикою сходил в ад.

¹²⁷ Титий, см. II, 14, 8. Иксион, отец Пирифоя, царь фессалийский, приняв облако за Юнону, произвел на свет центавров. За это в аду он вертится на колесе.

¹²⁸ У египетского царя Бела было два сына, Данай и Египет. 50 дочерей Даная (Данаид) умертвили 50 сыновей Египта в первую ночь брака, за что в аду они осуждены наполнять бездонную бочку.

Карают боги дев, как в бочке безо дна
 Не держится вода и сохнет ежечасно;
 Как тяжкая вина
 И в Орке сходится с возмездьем беспощадным.
 30 Безбожницы! каких гнусней еще грехов?
 Безбожницы! они губить железом хладным
 Решились женихов.
 Одна лишь изо всех¹²⁹ (ей факел подвенечный
 Недаром просиял) придумала отца
 35 Злодея обмануть, за то и славой вечной
 Сиять ей без конца.
 «Вставай, мой суженый,— она проговорила,—
 Вставай, чтоб долгий сон тебя не распростер
 Тут неожиданно; я тестя усыпила,
 40 Ты обмани сестер.
 Они по одному, как злые львицы в стаде,
 Решились женихов на месте растерзать,
 Но я добрей, тебя не задержу в засаде¹³⁰,
 Не стану убивать.
 45 И пусть меня отец обременит цепями
 За то, что стало жаль мне участи твоей,
 Иль в степь Нумидии отправит с кораблями
 Добычею зверей.
 Беги! куда тебя лишь ноги будут в силе
 50 Умчать. Храни тебя любовь в ночной тиши!
 Беги! счастливый путь, и на моей могиле
 Мой жребий опиши».¹³¹

XII К НЕОБУЛЕ¹³²

Несчастье не играть любовью отрадной,
 Не омыwać тоски во влаге виноградной,
 Дрожа, чтоб дядя не бранил;

¹²⁹ Гипермнестра.

¹³⁰ Гипермнестра не только не убила жениха, но советовала ему убежать. Таким образом, Данай наутро не досчитался одного трупа.

¹³¹ Гипермнестра просит жениха, чтобы он подвиг и жребий ее описал на ее надгробном камне.

¹³² Трудно определить, кто была Необула, к которой относится эта ода, да и самое время сочинения оды неизвестно. Некоторые критики считают ее подражанием Алкею. Гораций говорит, что Необулу некому бранить за ее увлечение, которое до того сильно, что она забыла свое обычное рукоделье.

- Твою корзину, шерсть — лишь только ты взглянула —
5 Крылатый мальчик вмиг похитил, Необула:
Блестящий Гебр тебя пленил.¹³³
Бежит ли с плеч его душистых влага Понта,
Иль правит он конем ловчей Беллерофонта¹³⁴ —
В бою и в беге первым он;
10 Хитрец оленя в бег копьём в проворном стаде
На чистом ловок бить — и знает, где в засаде
Кабан кустами окружен.

ХІІІ К КЛЮЧУ БАНДУЗИИ¹³⁵

- О ключ Бандузии! прозрачнее кристалла,
Цветов достоин ты, ты заслужил с вином
Холодную волну смешать на дне фиала;
Мы завтра в честь твою козленка принесем¹³⁶.
5 Вотще ему пора с отвагой и любовью
Едва приметные рога склонять на бой,
И стада первенец алеющею кровью
Назначен оросить холодный берег твой.
Тебя каникулов не смеют раскаленных
10 Полдневные часы коснуться, ты поишь
Бродящие стада, и плугом утомленным
Волов отрадною прохладой даришь.
Покроешься и ты, о ключ! бессмертной славой,
Когда мои стихи для пенья изберут¹³⁷
15 Пещеры на скалах и ясень величавый,
Отколь струи твои болтливые текут.

¹³³ Гебр, вымышленное имя юноши.

¹³⁴ Беллерофонт, сын Главка, см. II, 7, 18.

¹³⁵ Толкователи, отыскав ключ Бандузии, в шести милях от Венузии, на родине Горация, считали оду эту написанной во время поездки его в Брундизий (717 г.). Но нам кажется основательнее мысль, что поэт дал это название ключу в окрестностях Сабина. Эту мысль оправдывают:

¹³⁶ Жервоприношение козленка, отложенное до другого дня и

¹³⁷ Намерение поэта воспеть самый родник наводит на предположение близкой оседлости Горация.

XIV К РИМСКОМУ НАРОДУ¹³⁸

Люди! давно ли гремело, что Цезарь
Лавров, стяжаемых смертью, добился¹³⁹ —
Вновь, как Иракл, от испанцев с победой¹⁴⁰

Он воротился.

- 5 Мужа героя, сверша возлиянья,
Встретит супруга, исполнена ласки¹⁴¹,
Встретит сестра¹⁴², и за ними, в убранстве
Скромной повязки¹⁴³,

Матери дев и в бою уцелевших

- 10 Юношей. Вам же, младенцы и жены,
Мужа познавшие, сдерживать должно¹⁴⁴

Вещие стоны.

Этот торжественный день разгоняет

Горе мое. — Не смущусь ни войною

- 15 Я, ни насильственной смертью, коль правит

Цезарь землю.

Мальчик, елея, беги за венками¹⁴⁵,

Дай нам вина, что при марзах созрело¹⁴⁶,

Если от полчищ бродящих Спартака¹⁴⁷

- 20 Что уцелело.

Да и Неэре¹⁴⁸ скажи голосистой:

¹³⁸ В 727 году Август, с намерением покорить Британию, отправился из Рима в Испанию, но, заболев во время похода, он в 730 году возвратился в Италию, покорив кантабров и астурийцев в Галлии и Испании. Гораций в этой оде празднует его возвращение.

¹³⁹ Относится к прежним победам Августа.

¹⁴⁰ Как Геркулес возвратился из Испании, победив трехтельного Герiona.

¹⁴¹ Ливия.

¹⁴² Октавия.

¹⁴³ Повязки (*vittae*) носили римские матроны не только при жертвоприношениях, но и вообще как эмблему чистоты и скромности, в отличие от либертинок.

¹⁴⁴ Гораций, вероятно, хочет сказать: «Вы, матери сыновей, уцелевших на войне, принесите благодарственную жертву с Ливией и Октавией; а вы, жены и дети убитых на войне, не нарушайте торжества стонами, которые могут иметь худое предзнаменование».

¹⁴⁵ Елей благовонный для умащения тела.

¹⁴⁶ В 662 году началась союзническая война. В числе союзников и марзы требовали права римского гражданства.

¹⁴⁷ В 679 году фракийский невольник Спартак, убежавший из фехтовальной школы, сделался главою партии, с которою долгое время грабил римские области.

¹⁴⁸ Неэра — вымышленное имя либертины.

- «Косу узлом, да скорей собирайся!»
Если ж привратник докучный задержит —
 Не дожидайся.
25 Волос белеющий дух укрощает,
Бойкость не та и не та уж осанка —
Этого я не стерпел бы во время
 Консула Планка.¹⁴⁹

XV К ХЛОРИДЕ¹⁵⁰

- Мужа-то, бедного Ивика¹⁵¹,
Вспомня, отстань от своей пустоты
И от усилий прославленных:
Время в могилу тебе ведь, а ты
5 Хочешь играть между девами,
Ясные звезды туманом скрывать;
То, что пленительно в Полое,
То уж, Хлорида, тебе не подстать.
Дочь пусть бушует по юношам,
10 Словно Тиада, заслыша тимпан,
К Ноту любовь поневоле ей¹⁵²
Прыгать велит, как козленок-буян.
Шерсть благородной Люцерии¹⁵³,
Вот что старухе¹⁵⁴, не цитра подстать,
15 И не пурпуровой розы цвет,
И не до гущи отпитая кадь.

¹⁴⁹ Во время консульства Мунация Планка и Эм. Лепида, в 712 году, Горацию было 22 года.

¹⁵⁰ Хотя в II, 5, 17 встречается имя Полои и Хлориды, но едва ли можно доказать, чтобы лица предлежащей оды были те же.

¹⁵¹ Кто этот бедный Ивик, муж Хлориды, так же мало известно, как и самое время сочинения оды.

¹⁵² Любовь к юноше Ноту делает Полою, дочь Хлориды, игривой и своенравной.

¹⁵³ Окрестности города Люцерии, в Апулии, славились тонкорунными овцами.

¹⁵⁴ Старухе Хлориде неприлично петь под цитру, украшаться цветами и пить вино.

XVI К МЕЦЕНАТУ¹⁵⁵

- И башня медная, и псов угрюмых стая¹⁵⁶,
И крепкий дуб ворот, надежно припертых,
Казалось бы, могли укрыть тебя, Даная,
От соблазнительей ночных,
- 5 Когда б Юпитер сам с наставницей Венерой
Тому, что деву так Акризий устерег,
Не посмеялся. Какой укроешь мерой,
Коль в деньги превратился бог?
Меж стражей золото дорогу находило
- 10 И любит каменный разваливать оплот
Сильнее молнии. Оно же погубило
Агривца вещего весь род.¹⁵⁷
Хитрец Филипп умел ворота городские¹⁵⁸
Им отворять, умел соперников царей
- 15 Смирять подарками, и горы золотые
Вождя подкупят кораблей.
Коль деньги множатся, и алчность, прибавляясь,
Все хочет большего. Я прав, о Меценат,
Отрада всадников! при мысли содрогаясь,
- 20 Ну что, когда б я был богат?
Чем больше кто себе отказывать умеет,
Тем боги более дают ему. Я наг,
С улыбкой от того бегу, кто всем владеет,
К тому, кто не желает благ.
- 25 И я довольнее в моей презренной доле,
Чем если б в житницы все то собрать я мог,

¹⁵⁵ Толкователи относят эту оду к 726 году, когда Гораций, по свидетельству Светония, отклонил от себя предлагаемую ему Августом должность секретаря, связанную, разумеется, с богатством и почестями. Не желая навлечь на себя немилость Октавиана, Гораций обращается не прямо к нему, а излагает другу и покровителю Меценату все зло, проистекающее от алчности к золоту, прибавляя, что сам он (Гораций) не знает этой страсти и чувствует себя совершенно счастливым при ограниченности своих средств.

¹⁵⁶ Аргосский царь Акризий, которому оракул предвещал смерть от руки внука, запер дочь свою Даная в медную башню, чтобы сохранить ее от мужчин. Юпитер спустился к ней золотым дождем, и она родила Персея — убийцу Акризия.

¹⁵⁷ Эрифила, подкупленная золотым ожерельем Полиника, погубила мужа своего. Сын ее, Алкмеон, убил мать и, в свою очередь, убит братом.

¹⁵⁸ Филипп Македонский говорит, что он каждую крепость возьмет, в которую может проникнуть осел, навьюченный золотом.

Что сеет труженик на апулийском поле —
 И был бы в роскоши убог.
 Поток прозрачных вод, лесок мой невеликий
 30 И с неизменных нив прибыток годовой
 Я с африканским бы не променял владыкой:
 Я счастливей его судьбой,
 Хоть не калабрские¹⁵⁹ мне пчелы носят меду,
 Не лестригонский¹⁶⁰ вакх в мои амфоры влит,
 35 И галльской шерстию, пушистою в породу¹⁶¹,
 Меня овца не подарит.
 Однако ж нищеты не знаю я докучной,
 А больше пожелай — и ты б не отказал.
 Без алчности досель казной моей сподручной
 40 Я с большей пользой управлял,
 Чем с алиаттовой когда бы свел страну¹⁶²
 Поля мигдонские.¹⁶³ Кто много захотел —
 Всегда в нужде. Блажен, кому скупой рукою
 Бог, сколько нужно, дал в удел.

XVII К ЭЛИЮ ЛАМИЮ¹⁶⁴

Мой Элий, Ламия потомок благородный,
 Коль были Ламии, как говорит народ,
 И предки все твои, и внуков род свободный
 Происхождение по книгам поведет
 5 От праотца того, который, по преданью,
 Построил Формию и далеко владел¹⁶⁵
 Неограниченной и непреклонной дланью

¹⁵⁹ Калабрия (I, 33, 15) славилась превосходным медом.

¹⁶⁰ Близ Формии, в земле лестригонской, возделывалось славное формианское вино.

¹⁶¹ Порода галльских овец отличалась густотой и мягкостью шерсти.

¹⁶² Лидия названа странюю Алиатта, отца Креза.

¹⁶³ Фригия получила название Мигдонии, по мнению одних, от царя Мигдона, а по мнению других, по имени поселившегося в ней фракийского племени.

¹⁶⁴ Мы видели в I, 26, что Элий был одним из лучших друзей Горация. Кирхнер относит оду эту к 731 году. Поэт, предлагая другу своему устроить веселый пир, начинает стихотворение шуткой. Он говорит Элию: «Ты потомок Ламия, потому что все предки твои были его потомками, да и потомки твои поведут свой род от него же».

¹⁶⁵ О Формии говорит Гомер (см. «Одиссею» Жуковского, X, 81): «Прибыли мы к многовратному граду, в стране лестригонов, Ламосу».

- Лирисом, Марики стекающим в предел.¹⁶⁶
 Назавтра бурей суровой Эвр нагрянет¹⁶⁷,
 10 Листвой устелет бор, а берега морей
 Бесплодную травой¹⁶⁸, коль точно не обманет
 Ворона старая, предвестница дождей.
 Дров припасай сухих и бури не заметишь,
 А завтра гения-хранителя вином¹⁶⁹
 15 И поросенком ты осьминедельным встретишь
 С веселой челядью, не занятой трудом.

XVIII К ФАВНУ¹⁷⁰

- О Фавн, любовник Нимф, бегущих пред тобою!¹⁷¹
 Границы знойных жатв и нив моих щади
 И молодых ягнят ты бережной стопою,
 Безвредный, обходи.
 5 Коль в новый год заклан тебе ягненок нежный,
 Фиал, Венеры друг¹⁷², налит вином, а там,
 На старом алтаре возжен рукой прилежной,
 Дымится фимиам:
 Играет на траве обильной стадо в поле,
 10 Коль с торжеством твоим опять декабрь пришел,
 Селенье на лугу и празднует на воле,
 И отдыхает вол.

¹⁶⁶ Лирис, см. I, 31, 7. На берегу Лириса была роща, посвященная нимфе Марике.

¹⁶⁷ Эвр, см. I, 28, 25.

¹⁶⁸ Травой, выбрасываемой морским волнением.

¹⁶⁹ Гений-хранитель напутствовал человека в продолжение жизни. Предполагали, что Гораций, говоря о приношении Гению, намекает на день рождения своего друга. Но, по жертвоприношению поросенка, можно думать об осеннем празднике собирания плодов и кровавой жертвы в честь земли. Гораций сам в посланиях (II, 1, 140) говорит, что земле приносят в жертву поросенка, а Гению — вино и цветы в воспоминание краткости жизни.

¹⁷⁰ Фавну, покровителю полей и стад, римляне приносили жертву два раза в год: 13 февраля испрашивали у него милости на предстоящий год, а 5 декабря благодарили за прошедшее покровительство, прося и на будущее время о том же. Эта ода, очевидно, написана в Сабине (следовательно, после 721 года) по случаю праздника первого полугодия.

¹⁷¹ Римский Фавн похож, с одной стороны, на нашего лешего или домового. (Вспомним стихотворение Пушкина к Домовому, которое есть явное подражание нашей оде). Фавн пугал сонных детей и нападал на спящих Нимф.

¹⁷² Вакх, бог фиала, постоянный спутник Венеры.

- Близ волка кроткого забыли страх ягнята¹⁷³
И сыплет бор тебе пустынные листы,
15 А земледелец рад отмстить земле трикраты
Ударами пяты¹⁷⁴.

XIX К ТЕЛЕФУ¹⁷⁵

- За Инахом в какое время¹⁷⁶
Жил Кодр, что пал за край родной¹⁷⁷,
Ты знаешь, про Эака племя¹⁷⁸
Расскажешь, про троянский бой;
5 Но как с хиосским продается
Вином бочонок — хоть дрожишь
От стужи — где для нас найдется
И дом и баня — ты молчишь.¹⁷⁹
Мурене в честь, новорожденной¹⁸⁰
10 Луне во славу, в честь ночей
Три меры влаги благовонной
Иль девять в чашу, мальчик, влей!
Тому три раза по три в пору,
Кто Муз нечетных любит ряд...¹⁸¹
15 Пить больше трех, боясь раздору,
Нагие Грации претят.

¹⁷³ В день осеннего праздника у римлян велся обычай выгонять стада в поле, еще покрытое в Италии в сентябре сочною травой. И римляне верили, что в этот день враждебные животные, как, например, волки, не касаются стад.

¹⁷⁴ Земледельцы пляшут в три такта.

¹⁷⁵ Хотя имя Телефа встречается в I, 13, 1 и IV, 11, 21, но ясно, что лицо, к которому относится эта ода, не имеет ничего общего с упомянутым. Из содержания оды видно, что Гораций смеется над Телефом, углубленным в исторические изыскания и мало способным распорядиться насчет предстоящего пира. Так как в последнем стихе говорится о любви к Глицере, то оду эту должно отнести к 730 году.

¹⁷⁶ Инах, см. II, 13, 21.

¹⁷⁷ Кодр, последний царь афинский.

¹⁷⁸ См. II, 13, 22.

¹⁷⁹ Римляне перед обеденным столом обмывались нагретой водой, и пиршества не всегда бывали в доме амфитриона, но составлялись из посильных приношений в дом того собеседника, у которого было удобнее помещение.

¹⁸⁰ Кто этот был Мурена — трудно сказать достоверно; всего вероятнее, это был Лициний Варрон Мурена, брат Прокулея и Теренции, супруги Мецената.

¹⁸¹ Поэту, по числу Муз, можно на три меры воды влить в чашу девять мер вина; для прочих собеседников на то же количество воды достаточно трех мер.

Отраднo буйствовать! Но что же
 Беренцетийской я досель¹⁸²
 Не слышу флейты? отчего же
 20 Молчат и лира и свирель?
 Сыпь роз! мне ненавистны руки
 Скупые. Пусть услышит Лик¹⁸³
 С соседкою разгула звуки,
 И позавидует старик!
 25 А Рода по тебе вздыхает,
 Как на блестящую зарю¹⁸⁴,
 Она на Телефа взирает;
 А я к Глицере все горю.

XX К ПИРРУ¹⁸⁵

Знать, ты не видишь, Пирр, как для тебя опасно
 Новорожденных львят у львицы отнимать;
 Отступишь скоро ты, сразившись с ней напрасно,
 Как боязливый тать;
 5 Когда она пойдет по хороводу, клича
 Нейрха юношу, который всех милей...
 Еще вопрос: кому достанется добыча —
 Тебе ли, или ей?
 Покуда быстрые ты вынимаешь стрелы,
 10 А зубы страшные вострит она на бой,
 На пальму наступил посредник битвы смелый
 Разутою ногой.
 Играет ветер в кудрях и пряди умащенной
 Лишь изредка дает спускаться до плеча...
 15 Таков один Нирей иль с Иды похищенный¹⁸⁶
 У горного ключа.

¹⁸² Обыкновенно говорится о беренцетийском роге, а здесь Гораций говорит о флейте.

¹⁸³ Гораций хочет, чтобы старый Лик с молодой женою своею Родой услышали соседнюю пирушку и позавидовали молодежи.

¹⁸⁴ Рода, как видно, было равнодушна к Телефу.

¹⁸⁵ Кто этот Пирр и у кого он оспаривает Нейрха — сказать столь же трудно, как утверждать, что ода эта написана в 727 г. Замечательно, что Гораций, сравнив раз ревнивую деву со львицей, во всей оде смешивает эти два образа. Разумеется, что посредником тут может быть только сам Нейрх.

¹⁸⁶ Нирей, по словам Гомера («Илиада», II, 673), был первый красавец между юношами, бывшими в троянском походе. С вершины Иды, обильной ключами, был похищен Ганимед.

XXI
К АМФОРЕ¹⁸⁷

- Был Манлий консулом, когда со мной, амфора¹⁸⁸,
Ты родилась; теперь чего ты ни полна:
Веселья ли, вражды ль и буйного задора,
Безумной ли любви, отрадного ли сна,
5 И на какую б ты не берегла причину
Массийское вино, в день радости моей
Почнем тебя. Сойди! так хочется Корвину¹⁸⁹ —
И мягкого вина побольше нам налей.
Хотя премудростью Сократа благочинной
10 Он славен, но найдешь ценителя ты в нем;
Недаром говорят, что и Катон старинный
Нередко доблести подогревал вином.
Ты нежной пыткой тревожишь вдохновенье
Упрямое. Бегут при помощи твоей
15 Заботы мудрого, и тайные стремленья
Способен раскрывать причудливый Лией.
Умам запуганным ты придаешь надежды,
Отваги бедняку; в нем силы горяча,
Исполненный тобой, он подымает вежды
20 Без страха на шелом и острие меча.
Пусть Вакх с Кипридою, пусть Грации встречают¹⁹⁰
Тебя, хоть пояса развязывать им лень —
И пусть веселые лампы пропылают,
Доколь не сгонит звезд новорожденный день.

¹⁸⁷ Сочинение этой оды можно относить к 728 году. Поэт, приглашая М. Валерия Мессалу Корвина отпраздновать день рождения (Горация или Корвина — трудно решить), воспеваает амфору и заключающееся в ней вино.

¹⁸⁸ Римляне надписывали на амфорах имя консула, чтоб впоследствии судить о старости вина; следовательно, амфора, о которой говорит поэт, была налита при Л. Манлие Торквате в том же самом 689 г., в котором родился и Гораций.

¹⁸⁹ О сохранении вина см. III, 8, 11. М. Валерий Мессала Корвин служил под знаменами Брута и Кассия, перешел к Антонию и, со времени переговоров в Брундизии, был на стороне Октавиана. В 727 году, одержав победу над аквитанцами, он удалился от общественных дел и предался изучению реторики и философии.

¹⁹⁰ Грации, всегдашние спутницы Вакха и Венеры, никогда не слагают своих поясов (*nunquam solventes*).

XXII К ДИАНЕ¹⁹¹

- Высей и рощей владычица дева,
Дев ты спасаешь от смерти, внимая¹⁹²
Трижды зовущим в томлениях чрева¹⁹³,
Ликом тройная.¹⁹⁴
- 5 Пусть же сосна, что мой кров осеняет,
Будет твоею; заклать я ко сроку
Рад кабана ей, хоть он угрожает
Язвою сбоку.¹⁹⁵

XXIII К ФИДИЛЕ¹⁹⁶

- Ежели к небу ты руки возносишь¹⁹⁷
При новолунии с мольбою, Фидила,
Ладан ли, плод ли созрелый подносишь,
Иль поросенком ты Лар ублажила —
- 5 Пышной лозе не навееет заразу
Африк¹⁹⁸, и жатв не иссушит несносный
Жар, а ягнят не коснется ни разу
Тяжкое время поры плодоносной.
Кровью ведь жертв, что заветно хранятся
- 10 Алгида снежного в делях сокрытых,

¹⁹¹ Гораций посвящает Диане, богине лесов, сосну, обещаясь у корней ее ежегодно приносить в жертву кабана. Ясно, что ода написана после 721 года.

¹⁹² Дев здесь вместо жен, так же, как в II, 8, 23.

¹⁹³ Диана, помощница в родах.

¹⁹⁴ Луна на небесах, на земле Диана и Геката в области теней; но, кроме того, у луны и три лика: при рождении, полнолунии и ущербе.

¹⁹⁵ «Одиссея» Жуковского, XIX, 450:

Острым клыком разъяренный кабан; и он выхватил много
Мяса, нагрывуши сбоку, но кость уцелела.

¹⁹⁶ Оббарис считает Фидилу домоправительницей Горация, которой поэт дает наставление, каким образом и в какой мере она должна совершать приношения Ларам, испрашивая у них заступничества хозяйству.

¹⁹⁷ «Одиссея» Жуковского, IX, 294:

«Мы, святотатного дела свидетели, руки со стоном
К Дию-отцу подымали» и проч.

¹⁹⁸ Африк, см. I, 3, 12. Гораций хочет сказать, что стада, пасущиеся на Алгиде (близ Рима) и на албанских полях, предназначены для общественных жертвоприношений.

- Иль на албанской траве, обгаются
Только секиры жрецов именитых.
Не сокрушайся, что не закалаешь
Агнцев двулетних для жертвы урочной —
15 Ежели малых богов ты венчаешь
Лишь розмарином и миртой непрочной.
Если невинной рукой возлагают
Дар, то Пенат, отвратившихся воли,
Пышные жертвы не лучше склоняют
20 Скромной муки или скачущей соли.¹⁹⁹

XXIV К СКУПЦАМ²⁰⁰

- Хотя бы ты богаче был
Заветных кладовых арабской и индийской²⁰¹,
А кирпичами завалил²⁰²
Тирренскую волну и берег апулийский,
5 Но как нужда начнет вбивать
Каленый в темя гвоздь безжалостной рукою²⁰³,
Тебе от страха убежать
Нельзя и — голову затянет смерть петлею.
Не лучше ль скифом жить в степях,
10 У коих шаткий дом в походной весь кибитке?
Не лучше ль гетом на полях
Немерянных плоды и хлеб собирать в избытке?
Там больше года земледел
Трудиться над своим участком не желает,
15 И тот, кому велит раздел²⁰⁴,
Преемником его в работах заменяет.
У них, невинности полна,
Хозяйка пасынков несчастных не обмерит;
Приданным хвастая, жена

¹⁹⁹ Брошенная на огонь соль прыгает с треском.

²⁰⁰ Смысл оды, начиная от 21 стиха, показывает, что она должна была быть написана до окончания междоусобных войн (до 725 г.); в ней, как и во многих других одах, Гораций преследует корыстолюбие, выставляя на вид гибельные следствия роскоши.

²⁰¹ Индия и Аравия славились богатством.

²⁰² О постройках на море см. II, 18, 17.

²⁰³ О принадлежности богини Нужды (Ἄνάγκη), см. I, 35, 17.

²⁰⁴ Они метали жребий, кому обрабатывать известный участок на следующий год.

- 20 Там мужем не вертит, любовнику не верит.
У них в приданое дают
Родительскую честь и страх перед мужчиной
Чужим. Там верность свято чтут,
Там лучше смерть, чем быть бесчестия причиной.
- 25 О, если кто судьбой избран
Всеобщий дух унять от буйств и злодеяний
И хочет, чтоб: *отец граждан*
К подножию его писали изваяний, —
Пусть обуздает он разврат
- 30 И будет славиться в потомках. В том и горе!
Живую доблесть не ценят²⁰⁵,
А скрылась лишь из глаз, так жадно ищут вскоре.
Коль преступлению вослед
Не угрожает казнь, к чему все наши стоны,
- 35 И там, где нравственности нет,
Что пользы принесут напрасные законы?
Когда ни стран пустынных зной,
Ни берег, где Борей в соседстве обитает,
Ни снег, хрустящий под ногой
- 40 От стужи, и ничто купца не устрашает.
А кормчий море победить²⁰⁶
Сумел, и, превратясь в позор, удел убогий
Велит все делать, все сносить,
Чтоб доблестей нейти гористой дорогой.
- 45 Пойдем с толпою заодно
И в Капитолии богов принять упросим²⁰⁷
Иль моря близкого на дно
Каменя, жемчуги и золото забросим,
Ненужную причину бед,
- 50 Коль о грехах своих мы точно сокрушились;
Вполне стереть должны мы след
Корысти, чтобы вновь трудами укрепились
Умы изнеженные в нас.
Свободный юноша на лошадь не садится,
- 55 Он упадет с нее как раз
И даже, срам сказать, охотиться боится.

²⁰⁵ Гораций, стараясь возбудить избранника судьбы, обещает ему славу в потомстве и тотчас поражается мыслью, что не посулил ему ничего при жизни.

²⁰⁶ В I, 3 мы видели, что Гораций борьбу с природой почитает как бы нарушением границ, указанных человеку.

²⁰⁷ Гораций видит два средства уничтожить корыстолюбие: посвятить все частные сокровища богам или бросить все драгоценности в море.

- Зато на игры молодец
В кубарь, спроси его, в запретные ли кости...²⁰⁸
А в это время плут-отец
60 Не разбирает, что товарищи, что гости!²⁰⁹
Он всех обманет, проведет,
Для недостойного наследника скопляет,
Богатство грешное растет,
А бедняку еще чего-то не хватает.²¹⁰

XXV К ВАКХУ²¹¹

- Куда помчишь меня ты, полного тобою,
О Вакх? Избыток сил почувствовав опять,
Какую рощу я иль под какой скалою²¹²
Пещеры песнями стремлюся оглашать?
5 Чтоб слава Цезаря сияла меж звездами
И в свой совет Зевес бессмертного приял —
Я благодарными поведаю устами
О том, чего никто доселе не вещал.
Так не смущается Триада²¹³ на вершине
10 Фракийской видом гор в сиянии снегов,
Как радует меня, заблудшего в пустыне,
Уединенный брег и тишина лесов.
О мощный царь Наяд, почивших над волнами!
Тебе Вакханкам власть угодно было дать
15 По дебрям и лесам могучими руками
Деревья старые с корнями вырывать.
Забыв ничтожество во вдохновеньи строгом,
Одно бессмертное, Леней, я назову²¹⁴ —
Так сладко трепетать и следовать за богом,
20 Листвой зеленых лоз венчающим главу.

²⁰⁸ Trochus — железное кольцо, которое подгоняли палкой.

²⁰⁹ В то время, когда сын проигрывает, отец, не уважая ни прав гостеприимства, ни обязанностей в отношении товарищей в предприятиях, всех обманывает.

²¹⁰ Подобный скряга вечно считает себя бедняком.

²¹¹ Гораций написал оду эту в 724 году, когда получено было известие об акциумской победе. Дифирамб к Вакху здесь только рамка, в которую вставлена похвала Цезарю Октавиану и, между тем, эта рамка как бы невольно делается главной картиной.

²¹² Чтобы вполне предаться вдохновению, поэт ищет уединения лесов.

²¹³ Вакханка.

²¹⁴ Леней, имя Вакха.

XXVI К ВЕНЕРЕ²¹⁵

- Еще недавно жил я с пользой для дев
И не без доблести любви изведал цену,
Но ныне все свое оружие, присмирив,
С усталой лирой здесь я вешаю на стену.
- 5 Сюда, сюда скорей, у левой стороны²¹⁶
Венеры сложим все к подножию богини²¹⁷:
Лом, факелы и лук, столь годный для войны,
Громящий по ночам упрямые твердыни.
О ты, которой Кипр покорен и Мемфис,
- 10 Снегов Сифонии не знающий зимою²¹⁸,
Царица мощная, к мольбам моим склонись
И тронь надменную, бичом взмахнувши, Хлою.

XXVII К ГАЛАТЕЕ²¹⁹

Пусть нечестивых напутствуют крики
Суки чреватой и чибиса птицы²²⁰,

²¹⁵ Сообразив сказанное в примечании к III, 9, должно сочинение этой оды отнести к 727 году, когда Гораций рассорился с Хлоей. Тут он начинает решимостью совершенно отказаться от служения девам и все-таки, под конец оды, молит Венеру тронуть непреклонную красавицу.

²¹⁶ Левая сторона у римлян считалась счастливою.

²¹⁷ О подобном посвящении богам принадлежностей оставленного занятия см. I, 5, 14. Лом для разламывания дверей, факелы для освещения пути или ночных пиршеств и, наконец, лук, вероятно (или, лучше сказать, весьма вероятно), для устрашения привратников.

²¹⁸ Сифония, область во Фракии.

²¹⁹ Много было предположений о том, кто именно Галатее, к которой относится эта ода. Всего проще последовать мнению Оббариуса, который считает ее либертиной, изменившей Горацию для нового обожателя, за которым она отправляется в чужие края на корабле. Поэт в напутственном стихотворении не мог удержаться от иронии. Он начинает оду такими проклятиями нечестивым, что Галатее могла опасаться, не обрушились бы они на нее. Но Гораций успокаивает ее, повернув дело так, что все сказанное относится к нечестивым, а Галатее он желает счастья. Далее, в пример бедствий на чужой стороне, он приводит бегство Европы. Что ода эта написана около 730 г., доказать трудно.

²²⁰ Собака, волк, змея, чибис, ворона, дятел — худое предзнаменование; ворон — хорошее. Римские гадатели обращались лицом на полдень, так что к восходу солнца становились счастливой левой стороной, а к западу правой... Нужно было, чтобы доброе предзнаменование: напр., ворон, являлось с Востока.

- Матерый волк ланувийский и встреча²²¹
 Щенной лисицы!
- 5 Пусть им змея, как стрела, перерезав
 Путь, маштаков остановит в испуге!
 Если ж гадать я с душою смущенной
 Стану подруге,
 Чуткую птицу пока не загонит²²²
- 10 В топи болотные днем непогожим —
 Вещего ворона прямо накличу²²³
 С солнцем восхожим.
 Счастья желаю тебе, Галатея;
 Вспомни про нас, где бы ни было, дева,
- 15 Пусть ни вороны, ни дятла не встретит
 Странница — слева.
 Только смотри: Орион поспешает
 С шумом к закату; примеры мне ясны:
 Адрий стемнел, а порывы Япига²²⁴
- 20 В ведро — опасны.
 Пусть испытают и жены, и дети
 Вражьи свирепых ветров дуновенье,
 Рев почерневшей волны и прибрежных
 Скал сотрясенье.
- 25 Так и Европа, быку-чародею²²⁵
 Ношу доверив роскошного тела,
 В море объята толпою чудовищ,
 Вдруг побледнела.
 В поле цветы собиравшая прежде
- 30 Нимфе в венок, благовония полный,
 Только и видит при сумраке ночи
 Звезды да волны.
 Ставши на берег стоградного Крита²²⁶,
 «О мой родитель!», она вопияла²²⁷:
- 35 «Дочери имя и честь я в безумный
 Час утеряла.

²²¹ Ланувий, город в Лациуме.

²²² Пока, почувяв непогоду, ворона, предвестница дождей (III, 17, 12), не полетит в гнездо.

²²³ Гораций, стан предсказателем, постарается вместе с восходом солнца увидеть ворона.

²²⁴ Япиг — западный ветер.

²²⁵ Так, как ты вверяешься морю. Юпитер, превратясь в быка, понес Европу на остров Крит.

²²⁶ Крит назван в «Илиаде» стоградным.

²²⁷ Отец Европы, по Овидию и Лукиану, Агенор, а по другим — Феникс.

- Что я и где я? Для девы погибшей
Смерть так легка! О моем преступленьи
Слезы я лью наяву ли, иль только
- 40 В ложном виденьи
Сон, растворяя врата из слоновой²²⁸
Кости, привел небывалые грезы?
Лучше ли волны морские, чем в поле
 Свежие розы?
- 45 Если б быка ненавистного — гневной
Мне привели, я б его растерзала,
Я бы чудовищу, милому прежде,
 Роги сломала.
Стыд позабывши, я отчих Пенатов
- 50 Бросила; стыд позабывши, живу я,
Боги! услышьте! и львам на съеденье
 Бросьте нагую.
Пышность доколе ланит не увяла,
Прежде чем тела расцвет потеряю,
- 55 Пищею стройною тиграм достаться
 Лучше желаю».
- «Что ж не умрешь ты, Европа?» взывает
Строгий отец, «или духу не станет?
С ясеня пояс твой верной петлею
- 60 Шею затянет.
Или ты смерть избираешь на острых
Камнях? Скорее же бурному року
Вверься, когда не желаешь рабыней²²⁹
 Прясть по уроку.
- 65 Царскую дочь, как наложницу, примет
В доме жена»... Но смеялась, внимая
Стонам, Венера, и мальчик смеялся,
 Лук послабляя.
Кончив насмешки, богиня сказала:
- 70 «Бойся покорствовать гневному нраву,
Ежели роги твой бык ненавистный
 Даст на расправу.

²²⁸ О вратах сна в «Одиссее» Жуковского, XIX, 562:

Создано двое ворот для вступления снам бестелесным
В мир наш: одни роговые, другие из кости слоновой.
Сны, проходящие к нам воротами из кости слоновой,
Ложны, несбыточны, верить никто из людей им не должен.

²²⁹ Если не желаешь быть рабыней у госпожи, которая, ревнуя тебя к мужу, заставит прясть по уроку.

Ты, что Зевес твой супруг, и не знала,
Полно рыдать, будь достойна такого
75 Счастья: ты имя даешь половине
Круга земного».

XXVIII К ЛИДЕ²³⁰

Что делать мне в священный день
Нептуна? Цекуба обильно²³¹
Налей мне, Лида; что за лень?
И мудрость прогони насильно.
5 Уж полдень, день не будет ждать,
Ты ж по сию все медлишь пору
В подвале скрытую достать
Бибула консула амфору.
Нептуна будем петь вдвоем²³²
10 И Нереид зеленый волос;
Латоне с Цинтией потом²³³
В честь с лирой ты сольешь свой голос.
Хвалу богине пой звучней,
Что Гнидос, Пафос и Циклады
15 С подвластных видит лебедей —
И Ночь почтить мы пеньем рады.

XXIX К МЕЦЕНАТУ²³⁴

Потомок тирренских царей!²³⁵
Вот бочка вина непочата,
И розы, убранство полей,

²³⁰ Эта Лида, вероятно, та самая певица, о которой говорится в II, 11, 21. Праздник Нептуна (в последних числах июля) встречался обыкновенно торжеством под открытым небом. Гораций отправляется в гости к знакомой Лиде и просит вина.

²³¹ Цекуб — известное вино.

²³² После возлияний Гораций хочет воспевать Нептуна.

²³³ Латону, мать Аполлона и Дианы, Цинтию (Диану), см. I, 21, 2, Венеру (см. I, 30, 1) и наконец Ночь, приносящую успокоение.

²³⁴ Между 722 и 725 годами Меценат, во время отсутствия Октавиана, заведывал делами Италии. Гораций в этой оде, приглашая своего покровителя в Сабин, просит его оставить на время свои трудные государственные занятия.

²³⁵ Меценат вел род свой от этрусских (тирренских) царей.

- И нард для волос Мецената —
 5 Все брось. Что любишь ты
 На влажный Тибур и у склона²³⁶
 На Эфулу; брось высоты
 Убийцы отца, Телегона.
 Из гордых чертогов уйди,
 10 Где скукою роскошь томима,
 И больше на дым не гляди
 И суетность шумного Рима.
 Случалось, когда богачи
 У бедного пищу вкушали
 15 Без всяких завес из парчи —
 Морщины у них пропадали.
 Отец Андромеды всегда²³⁷
 Блестит с Прокионом недаром²³⁸:
 Уж Льва показалась звезда
 20 За солнцем, пылающим жаром.
 Уж пастырь со стадом своим
 В кусты убегает от пыли,
 Где дремлет Сильван-нелюдим²³⁹,
 А ветры над речкой почили.
 25 Для граждан ты силичишь знать
 И Рима (блюститель закона):
 Что серы готовят опять?²⁴⁰
 Что бактры и жители Дона?²⁴¹
 Во мраке событий исход
 30 Бог мудро сокрыл и смеется,
 Коль смертный, все знать наперед
 Желая, не в меру мятется.
 О быте вседневном радей,
 А прочее льется рекою,
 35 То тихо средь мирных полей
 Стекающей в море волною,

²³⁶ Из чертога Мецената открывался вид на Тибур, на колонию Эфулу, лежащую на склоне между Тибуром и Пренестами, и на возвышенность, на которой стоял Тускулум, построенный сыном Одиссея и Цирцеи, Телегоном, который, прибыв в Итаку, по неведению убил отца своего.

²³⁷ Отец Андромеды, Цефей, царь египетский. Созвездие его восходит 9 июня.

²³⁸ Прокион восходит 15 июля, а созвездие Льва 20 июля, и солнце, вступив в него, делается необыкновенно знойно.

²³⁹ Сильван (от *silva*), бог лесов.

²⁴⁰ См. I, 12, 56.

²⁴¹ Жители Бактрии, принадлежавшей частью персам, во времена Августа; здесь вместо самих персов.

То мчащей средь скал и дерев
И скот, и хозяйства угодья,
И гул на долинах и рев
40 Стоит от грозы половодья.
Доволен, кто правит собой,
Кто может сказать ежедневно:
Я жил, хоть назавтра грозой
Юпитер задвинется гневно.
45 Хоть солнцу дозволит сиять,
Того не изменит нимало,
Не скажет тому: не бывать —
Что быстрое время умчало.
Фортуна привыкла шутить,
50 Предавшись упрямству слепому,
И почести любит дарить
Мне нынче, а завтра другому.
Как гостью, ее я пою,
Но крылья лишь вскинет порою,
55 Я все ей, что взял, отдаю
И мудро мирюсь с нищетою.
И что мне, коль Африк с грозой,
Коль мачта трещит от удара,
Не стану взывать я с мольбой,
60 Чтоб Кипра и Тира товара
Не вздумала бездна пожрать.
Ладью мою будут, без горя²⁴²,
Поллукс с близнецом охранять
В бурунах Эгейского моря.

XXX К МЕЛЬПОМЕНЕ²⁴³

Воздвиг я памятник вечнее меди прочной
И зданий царственных превыше пирамид;
Его ни едкий дождь, ни Аквилон полночный,

²⁴² Гораций хочет сказать, что он не боится грозного Африка. Он не купец, у которого корабль нагружен драгоценностями. Гораций говорит: «мою жизнь охраняют боги». Поэты часто сравнивают жизнь человека с ладьей. Выбрав морской образ, Гораций остался ему верным, поручая себя Диоскурам (см. I, 3, 2).

²⁴³ Гораций, посвящая в 732 году три первые книги од Меценату, заключает их, в виде эпилога, этой одой, в которой он еще ясней, чем в II, 20, говорит о важности своей заслуги и своем бессмертии. Эта ода имела бесчисленных подражателей, начиная с Проперция и кончая Пушкиным.

- Ни ряд бесчисленный годов не истребит.
5 Нет, я не весь умру, и жизни лучшей долей
Избегну похорон, и славный мой венец
Все будет зеленеть, доколе в Капитолий
С безмолвной девою верховный ходит жрец.²⁴⁴
И скажут, что рожден, где Ауфид говорливый²⁴⁵
10 Стремительно бежит, где средь безводных стран
С престола Давн²⁴⁶ судил народ трудолюбивый;
Что из ничтожества был славой я избран
За то, что первый я на голос эолийский²⁴⁷
Свел песнь Италии. О, Мельпомена! свей
15 Заслуге гордой в честь сама венец дельфийский
И лавром увенчай руно моих кудрей.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

I К ВЕНЕРЕ¹

- Киприда, не воюй! О, пощади меня,
Прошу! прошу! К чему тебе противник старый?
Уже не тот я стал, и нет во мне огня,
Которым я горел пред доброю Цинарой.²
5 О мать жестокая Амуров! не вводи
Оцепенелого опять во искушение;
Ведь я десятый люстр кончаю, уходи
Туда, где юношей зовут тебя моленья.

²⁴⁴ Доколь будут приноситься жертвы Весте и Юпитеру капитолийскому, следовательно, по понятиям римлян, вечно.

²⁴⁵ Берега Ауфида — родина Горация.

²⁴⁶ Давн, первый царь Апулии. Гораций и здесь земляков своих поставил на первом плане.

²⁴⁷ Гораций гордится тем, что первый начал подражать эолийским певцам.

¹ Почти десять лет спустя после издания в свет трех первых книг од, Август предложил Горацию воспеть победы пасынков своих, Тиверия и Друза. Поэт, исполнив волю монарха, присоединил к патриотическим стихотворениям оды эротического содержания и таким образом в 741 или 742 году составились четыре книги од. Эту оду Гораций написал в 739 году, когда ему, как сам он говорит (ст. 7), было без малого 50 лет.

² Настоящее имя Цинары — Лалага (см. I, 22).

- Ты своевременней на паре лебедей
10 Дом Павла Максима³ роскошный и свободный
Могла бы посетить, когда огонь страстей
Желаешь возбудить в груди еще пригодной,
Затем, что знатен он, да и хорош лицом;
Начнет ли говорить, клиент его покоен⁴,
15 И этот юноша, по ловкости во всем
Со знаменем твоим отважный будет воин.
На радости, когда им будет побежден⁵
Отъявленный богач, соперник ненавистный,
Твой лик над озером Албанским станет он⁶
20 Хранить из мрамора под крышей кипарисной.
Там будет пред тобой дымиться фимиам
И вздут до тебя волнистые куренья,
Берецентийский рог наполнит звуком храм⁷,
Сливаясь с флейтою и песнями моления.
25 Там хоры мальчиков и девочек придут,
Два раза в день твое величье воспевая,
Салийской пляскою они тебя почтут⁸,
Стопами трижды в лад о землю ударяя.
И мальчиков и дев оставил я давно;
30 Взаимность возбудить надежды не питаю,
Меня не радует задорное вино
И свежих на чело цветов не возлагаю.
Зачем же, Лигурин, зачем, скажи, порой
Вдоль по щеке моей бежит слеза живая,
35 И неожиданно язык болтливый мой
Коснеет, грустно речь молчаньем прерывая?
В ночных видениях я образ твой храню,
И кажется, вот-вот рукой тебя хватаешь;
То в поле Марсовом тебя не догоню,
40 То ловко ты в волнах, жестокий, уплываешь.

³ Гораций, прося пощады у Киприды, указывает ей на дом Павла Фабия Максима, которому в то время было 40 лет от роду и которого поэт, может быть, иронически называет юношей.

⁴ Защищать клиента подобало всем знатым римлянам.

⁵ Из благодарности, когда, при помощи твоей, он победит соперника в любви.

⁶ Албанское озеро, теперь: Lago di Castello.

⁷ Берецентийский рог (см. I, 18, 13).

⁸ Пляской салийских жрецов.

II К АНТОНИЮ⁹

- С Пиндаром кто состязаться дерзает
Тот и крылами, и долей печальной
Сходен с Икаром, давшим прозвание
Благе кристальной.
- 5 Горным потоком, который дождями
Из берегов всех повынесло снова,
Бурно вскипает, бездонно-глубоко
Пиндара слово.
Грянет ли он в дифирамбе отважном,
- 10 Лавр подобает ему Аполлона;
Речь его новая мчится в размерах,
Чуждых закона.
Или богов и царей воспевает,
Или героев выводит примеры,
- 15 Тех, что сгубили Центавров и страшный¹⁰
Пламень Химеры.¹¹
Тех ли, что с пальмой элийской стяжали¹²
Славу, борца ли, коня ль именует —
Более лестной, чем сто изваяний
- 20 Песнью дарует.
С слезной невестой ли плачет над павшим
Юношей или до звезд выхваляет
Века золотого обычай — он темный
Орк побеждает.¹³
- 25 Лебедь дирцейский¹⁴, когда он несется
Под облаками, Антоний! струю

⁹ Антоний, к которому написана эта ода, был сын триумвира М. Антония и Фульвии, пасынок Октавии. Октавиан воспитал и любил его. Женясь на Марцелле, дочери Октавии, Юлий был претором и впоследствии консулом, но за преступную связь с Юлией, дочерью Августа, казнен в 752 г. Будучи сам поэтом, он предложил Горацию написать оду в пиндарском роде, в честь Августа, на что Гораций отвечает ему этой одой, сочиненной в начале 739 года, во время похода Августа в Германию. Мы перевели по Перлкампу, опускаем общепринятое, но несуществующее имя Iulus, как Ille.

¹⁰ Центавры, дети Иксиона, побеждены Геркулесом и Пирифоем.

¹¹ Победитель огненной Химеры, Беллерофонт.

¹² Элис в Пелопонезе, где совершались Олимпийские игры. Гораций говорит здесь о песнях в честь победителей (ἐπινικία).

¹³ Орк считает все переходящее своим достоянием, но поэт, силою песен даруя бессмертие, побеждает его.

¹⁴ Дирцейский источник, протекающий близ Фив.

Воздуха поднят могучей... С матинской
 Сходен пчелою,
 Пьющей на тмине отрадную влагу,
 30 В роще Тибура я, внемля журчанью
 Речки, с усилением песни слагаю,
 Мал по призванью.
 Ты громогласней, поэт вдохновенный,
 Цезаря лирой прославишь избранной,
 35 Как поведет он в триумфе сикамбров¹⁵,
 Лавром венчанный,
 Выше и лучше которого миру
 Рок и бессмертные боги судили
 Не посылать ничего, хоть золотой бы
 40 Век воротили.
 Дни воспоешь ты веселья и Рима
 Общие, в радости общей, игрища¹⁶,
 Также пред Августом смолкший на стогнах
 Говор судьбища.¹⁷
 45 Тут постараюсь и я, коль достойно
 Петь возмогу, поравняться участием:
 «Солнышко! свет наш!» воскликну, исполнен
 Цезаря счастьем.
 Ты ж, о триумф! лишь покажешься, все мы¹⁸
 50 Вдруг: о триумф! возопивши, ко храму
 Миром пойдем, несть богам благосклонным
 Дань фимиаму.
 Десять быков и не меньше коров ты¹⁹
 Должен принести, а меня оправдает
 55 Нежный телец, что без матери в поле
 Злачном гуляет.
 Сгибом рогов он приводит на память
 Нового месяца облик прекрасный;
 Там же, на лбу, белоснежная метка,
 60 Дальше он красный.

¹⁵ Сикамбры — германское племя, жившее на берегах Рейна.

¹⁶ Общественные игры в честь возвращения Августа.

¹⁷ В торжественные дни всякое публичное разбирательство тяжб на площадях прекращалось.

¹⁸ Гораций во втором лице обращается к триумфу.

¹⁹ Ты — Антоний.

III К МЕЛЬПОМЕНЕ²⁰

- О Мельпомена! кто встречает,
Родясь, твой кроткий взор, почиющий на нем,
Ни труд истмийский не венчает²¹
Того в числе бойцов, тот на коне лихом
- 5 И в колеснице олимпийской
Не будет шествовать. Тому в конце войны,
Венец стяжавшему дельфийский,
За то, что грозные цари отражены,
Не удивится Капитолий.
- 10 Но рощи темные и плеск тибурских вод
Его иной украсят долей.
За песнь Эолии он вечно не умрет²²;
И Рима, городов владыки,
Младые граждане меня зачислят в хор,
- 15 Где дорогих поэтов лики²³,
И зуба зависти не убоюсь с тех пор.
О Пиерида! чьим веленьем²⁴
Звук лиры золотой волнует нашу грудь,
Чья воля лебединым пеньем
- 20 Уста немые рыб способна разомкнуть,
Все благодать мне твоя дарует!
Сказав ли про меня: «Вот римский наш гуслиар»,
Перстом прохожий указывает,
Пою ли, нравлюсь ли, коль нравлюсь — все твой дар.

IV К ГОРОДУ РИМУ²⁵ (Похвала Друза)

Как окрыленного блюстителя громов,
Царя над птицами, которого к победам

²⁰ Эта ода написана, по мнению Кирхнера и Вебера, в 737 году. В ней Гораций увлекается чувством собственного достоинства и благодарит Мельпомену, которая облекла его саном народного поэта.

²¹ Isthmus собственно: перешеек, Коринфский перешеек, на котором праздновались истмийские игры.

²² См. III, 30, 13.

²³ К лику поэтов (vates).

²⁴ Пиерида — Муза (см. III, 4, 39).

²⁵ Винделики, жившие на юг от Дуная (между Боденским озером, Лехом и Инном), часто вторгались в Галлию и даже в Италию. Август послал про-

- Издревле приучил Зевес, отец богов,
Изведав верного над русым Ганимедом²⁶,
5 Не искусившего еще врожденных сил
Из отчего гнезда отвага подымает;
Едва исход весны дожди остановил,
А ветер уж его ширяться научает.
Он нерешителен, но скоро, став смелей,
10 Среди овечьих стад стремится за ловитвой,
Потом кидается на раздраженных змей,
Прельщен кровавою добычею и битвой...
Или как матерью покинутого льва,
Родное молоко сосавшего дотоле,
15 У коего и зуб подрос еще едва,
Дрожащая коза со страхом видит в поле:
Так Друза воина, вблизи Альпийских гор²⁷,
И реты видели в бою и винделики...
(Откуда к ним зашел обычай, что топор
20 Им амазонский дал в десницу вместо пики,
Не стану спрашивать. Всего не должно знать.)
Но те, которые так долго побеждали,
Отвагой юноши смиренные опять,
В паденьи собственном по опыту узнали,
25 К чему способен дух того, кто с юных дней
В семействе приучен к почтению законов,
Что Август, как отец, наставник сыновей,
Мог в души заронить у юношей Неронов.
Родятся храбрые от добрых храбрецов,
30 В коровах и конях отцовский пыл хранится,
И от воинственных и доблестных орлов

тив них пасынка своего Друза, который в 739 году одержал над ними победу; но в том же году они снова обеспокоили Галлию, и Август нашелся вынужденным выслать Тиверия на помощь брату его Друзу. Тогда оба Нерона окончательно покорили винделиков и регов, и обитаемые ими земли присоединены к империи под именем Реции. Когда получено было известие о первой победе Друза, Гораций написал эту оду, в которой от похвалы Друзу переходит к прославлению Августа и заставляя величайшего врага Рима, Аннибала, удивляться неистощимой силе римского мужества.

²⁶ Гораций следует древнему преданию, по которому Юпитер послал своего орла за Ганимедом. По понятиям позднейшим, Юпитер сам превратился в орла.

²⁷ Тиверий Клавдий Нерон, отец Тиверия (впоследствии императора) и Друза, уступил (715) жену свою Ливию Друзиллу, во время ее беременности Друзом, Октавиану. Таким образом, оба Нерона получили воспитание в доме Октавиана, их отчима и опекуна. Тиверий отличился во многих походах, а Друз, после покорения Реции, отправился в Германию и умер на возвратном пути.

- Нельзя же голубю трусливому родиться.
Но воспитанье рост прямой дает умам,
И украшают дух благие поученья,
35 А где на нравственность никто не смотрит, там
Врожденное добро унизят преступленья.
Чем, Рим, Неронам ты обязан, так тому²⁸
Свидетелем Метавр и гибель Аздрубала,
И тот прекрасный день²⁹, когда, рассеяв тьму,
40 Италии заря отрадно воссияла,
И улынулась нам победа в первый раз,
С тех пор, как Афр³⁰ владел землею италийской.
Как пламя по лесу, ходил он между нас
И мчался, словно Эвр, вдоль влаги сиккулийской.³¹
45 Но с той поры уже счастливые труды
Для римских юношей залогом силы были,
Пунийцев стерли мы кровавые следы,
И в храмах свергнутых богов восстановили.³²
Сказал же наконец коварный Аннибал:
50 «Как лани, став волкам добычею кровавой,
Мы их преследуем, а я бы почитал
Их только обмануть или избегнуть — славой.
Народ воинственный, который из огней
Троянских, по волнам, средь гибели всечасной,
55 Святыни древние, и старцев, и детей
На берег перенес Авзонии прекрасной³³,
Как дуб на Алгиде³⁴, который топором
Один лишен ветвей средь сумрака лесного,
Он в поражениях, в несчастьи и в самом
60 Мече губительном находит силы снова.

²⁸ В 547 году консул К. Клавдий Нерон сразился при реке Метавре (в Этрурии) с братом Аннибала, Аздрубалом. Аздрубал был убит, войско его уничтожено, и Аннибал лишился всякой надежды восторжествовать над противниками.

²⁹ Вот почему Гораций называет эту победу: прекрасным днем.

³⁰ Афр — африканец Аннибал.

³¹ Сицилийский Эвр (см. I, 28, 25).

³² Все, за этим следующее, Гораций влагает в уста Аннибала, которого называет коварным, вероятно, за то, что он, вопреки обещанию, продолжал войну за взятие Сагунта.

³³ Авзония — Италия. Эней, родоначальник римлян, отправился из Трои в Италию с пенатами, с престарелым отцом Анхизом и сыном Асканием.

³⁴ Алгид — гора в Лациуме. Гораций сравнивает Рим, получающий новые силы в самом поражении, с деревом, которое еще роскошнее развивается, когда у него обрубают сучья, и с гидрою, у которой отсеченные головы тотчас возобновлялись.

- У гидры, бывшей в труд Ираклу самому,
 Так члены сбитые опять не нарастали,
 Колхийцы равного чудовища ему
 И эхионских Фив дружины не видали.³⁵
- 65 Топи его, еще всплывает краше он,
 Сражайся с ним, он сам неожиданно поражает
 Того, кем прежде был так часто побежден,
 И женам памятной победою блистает.
 Я в Карфаген уже надменного гонца
- 70 Не буду посылать, как прежде. Пала, пала
 Надежда гордая, погигло до конца
 Величье имени со смертью Аздрубала.
 Все руки Клавдия успеют совершить,
 Юпитер их хранит своею благодатью,
- 75 И будет тонкий ум везде руководить
 Его в опасностях пред вражескою ратью».

V К ЦЕЗАРЮ АВГУСТУ³⁶

- Любимый сын богов и Рима лучший страж,
 Давно мы ждем тебя. Священному собранью
 Отцов³⁷ ты слово дал быть вовремя! когда ж
 Вернешься ты по обещанью?
- 5 Пусть свет, о добрый вожды! над родиной взойдет!
 Лишь только лик твой где народу воссияет,
 Как будто бы весной приятней день пойдет
 И ярче солнце запыляет.
- Как мать по юноше, которому злой Нот³⁸,
 Волну карпатскую³⁹ заставя возмутиться,
 Не даст из-за моря — давно сравнялся год —
 Под кров любимый воротиться —
 Бедняжка к небесам обеты шлет с мольбой,
 От берегов кривых лица не отвращая —

³⁵ Кадм убил дракона, пожравшего его спутников. По повелению Минервы, зубы чудовища были посеяны и породили дружину, в рядах которой находился Эхион, помогший Кадму выстроить Фивы.

³⁶ В 738 году Август отправился в Галлию, где пробыл около двух лет. В это время Рим ожидал его с величайшим нетерпением; ему даже воздвигли жертвенник в общественном собрании (curia), следовательно, сочинение этой оды должно отнести к концу 740 или к началу 741 года.

³⁷ Отцов народа — патрициев.

³⁸ Нот, см. I, 3, 13.

³⁹ Карпат, см. I, 35, 8.

Так, Цезарь, ждет тебя всечасно край родной,
 Любовью верною пылая.
 Затем, что бродит вол покойно средь полей,
 Обильные плоды Цереры край питают,
 И плаватель летит вдоль стихнувших морей,
 И честь наветы не пугают.
 Разврат не стал домов почетных осквернять,
 Порок преследуем законами и мнением,
 И сходством чад своих гордиться может мать —
 А кара рядом с преступленьем.
 Про скифов и парфян и знать мы не хотим,
 Сурового никто германца не боится:
 Ведь Цезарь между нас могуч и невредим —
 Так кто ж иберца утратится?⁴⁰
 Всяк в винограднике проводит день своим,
 К сухому дереву побег лоз склоняет⁴¹
 И, отойдя к вину, с отрадой за столом
 Тебя с богами поминает.
 С молитвой пред тобой сливает он фиал⁴²,
 Твою божественность уподобляя Ларам:
 Так точно древний грек Кастора ублажал
 И Геркулеса лучшим даром.
 О добрый вожды! продли на долгие года
 Покой Гесперии, и в трезвом мы и в пьяном⁴³
 Сознаны говорим, с рассветом и когда
 Почует Феб за океаном.

VI К АПОЛЛОНУ⁴⁴

О бог! Ты отомстить хотел, и пред тобою
 Весь Ниобеи род за злой язык исчез⁴⁵,

⁴⁰ Иберца — испанца.

⁴¹ Лоза вьется около сухих деревьев.

⁴² Взывая к тебе, он исполняет обряды жертвоприношения.

⁴³ Гесперия — Италия.

⁴⁴ В 737 году, во время приготовлений к столетнему торжеству, Август поручил Горацию написать песнь столетию (*saeculae*), которую должны были петь хоры мальчиков и девочек. Гораций в этой оде прославляет могущество Аполлона и как бы готовится исполнить лестное поручение, которое облакает его саном народного поэта.

⁴⁵ Ниобея, дочь Тантала, жена фивского царя Амфиона, будучи матерью четырнадцати детей, презирала Латону, у которой было только двое; за это Аполлон убил ее сыновей, а Диана дочерей, сама же Ниобея превращена Латоной в камень.

- И Титий дерзостный, и чуть не взявший Трои⁴⁶
Сам фтийский Ахиллес⁴⁷,
- 5 Который всех сильней, но ты ему не впору;
Хоть он Фетиды сын и славного отца,
Хоть башни дарданов дрожали от напору⁴⁸
Копья в руке бойца.
Как ель, которую секира переела,
10 Как стройный кипарис, что ураган сломил,
Во прах троянский он всем весом рухнул тела
И голову сложил.
Не захватил бы он, скрываясь пред народом
В подложного коня Минервы, торжеством⁴⁹
- 15 Некстати занятых троян и хороводом
Приама полный дом.
Нет, явно б он вошел меж пленных и убитых⁵⁰,
И горе! лепетать несмыслящих детей
Ахейским пламенем пожег бы, даже скрытых
- 20 В утробах матерей.
Когда б Кипридиной мольбою и твоею⁵¹
На милость положи свой гнев, отец богов
Не вздумал новых стен указывать Энею
У дальних берегов.
- 25 О Феб, аргивских Муз⁵² всеведущий учитель,
Во Ксанфе моющий руно своих кудрей!
Камены римской будь всегдашний покровитель,
Летучий Агией!⁵³
Прияв от Феба дар и Фебом наученный,
30 Я от него стяжал прозвание певца;

⁴⁶ Титий, см. II, 14, 8.

⁴⁷ Фтия — город в Фессалии, откуда Ахиллес повел мирмидонов. Мать Фетиды предсказала ему, что он, по смерти Гектора, погибнет от стрел Аполлона.

⁴⁸ Дарданы — троянцы.

⁴⁹ По могуществу своему, он не имеет надобности прибегать к хитростям, как Одиссей и другие спрятавшиеся в деревянного коня, и нападать врасплох на пирующих троян.

⁵⁰ Ахиллес взял бы Трои открытой силой.

⁵¹ Виргилий (в «Энеиде», I, 233) рассказывает, как Венера умоляет Зевеса позволить Энею основать новое государство. Аполлон, строитель Трои, всегда ей покровительствовал. По понятию Горация, Эней мог совершить свой подвиг не раньше смерти Ахиллеса; поэтому он говорит: «когда б» и проч.

⁵² Наставник греческих (аргивских) Муз, будь покровителем римской Музы.

⁵³ Агией, то есть уличный, прозвание Аполлона, которого изображение ставили на улице.

- Вы, девы лучшие, ты, юноша, рожденный⁵⁴
 От знатного отца —
 Вы все, хранимые богинею делийской⁵⁵,
 Оленей на скаку чей укрощает лук,
 35 Старайтесь сохранять со мной размер лесбийский⁵⁶
 За перебором рук.
 Латоны сыну мы должны воздать хваленье
 И той, чей факел нам блестит во тьме ночной;
 Она несет плоды и быстрых лун склоненье
 40 Сменяет чередой.
 Ты скажешь замужем: я небу угождала⁵⁷,
 Когда столетие встречали торжеством,
 Тогда и я богов бессмертных прославляла
 С Горацием певцом.

VII К МАНЛИЮ ТОРКВАТУ⁵⁸

- Снег растаял, уже покрываются зеленью нивы,
 Свежим деревья листом,
 В новой одежде земля, и реки, спадая, минуют
 Быстро крутых берегов.
 5 Грация между сестер и меж Нимф дерзает нагая
 Снова водить хоровод.
 Чтоб ты бессмертья не ждал, поучает и год и мгновенный
 Дня невозвратного час.
 Стужу смиряет Зефир, весну проходящее лето
 10 Гонит, и тотчас за ним

⁵⁴ Девы и мальчики, предназначенные петь в хорах во время столетнего торжества, избирались из лучших семейств.

⁵⁵ Аполлон и Диана (покровительница несовершеннолетних) родились на острове Делосе.

⁵⁶ Сапфический размер. Старайтесь следовать за мной, как я буду перебирать руками струны.

⁵⁷ Гораций обращается к одной из участвующих в девичьем хоре.

⁵⁸ Мы знаем, что Гораций родился во время консульства Манлия Торквата. По одному этому нельзя предполагать, чтобы эта ода была написана к нему. Утверждать, что она написана к его сыну или внуку, тоже невозможно. Новейшие толкователи видят в этом Манлие Нония Асперната, на которого, по словам Светония, Август возложил золотую цепь (torques), предоставив ему с потомством именоваться Торкватом. Ноний был корыстолюбив, и Гораций старается склонить его к беспечной жизни, указывая на неизбежную смерть и скупого наследника.

- Щедрая осень плодов нанесет, и немедля вернется
Холод ленивой зимы.
Только небесный ущерб восполняют летучие луны;
Мы же, туда низойдя,
15 Где родитель Эней, где Тулл богатый и Марций⁵⁹,
В тень обратимся и прах.
Кто может знать, захотят ли к сегодняшней жизни
прибавить
Боги и завтрашний день?
Все то наследника рук проминует скупых, чем успеешь
20 Душу свою ублажить.
Только умрешь, и Минос над тобою лишь только
правдивый⁶⁰
Свой изречет приговор,
Ни красноречье тебя не воротит, Торкват, ни порода,
Ни благочестье твое.
25 Даже Дианой самой из подземного мрака стыдливый
Не возвращен Ипполит⁶¹,
И не сумеет Тезей, по приязни, летейские цепи⁶²
На Пирифое разбить.

VIII К ЦЕНЗОРИНУ⁶³

- Дарить и чашами, и медью дорогой,
О Цензорин, бы я товарищей старался;
Я б подарил, как грек, треножник выписной⁶⁴,
И верно дар тебе не худший бы достался,
5 Когда б я был богат и у меня работ

⁵⁹ Тулл Гостилий и Анк Марций.

⁶⁰ «Одиссея» Жуковского, XI, 568:

В аде узрел я Зевесова мудрого сына Миноса;

Скипетр в деснице держа золотой, там умерших судил он...

⁶¹ Ни герои, ни боги не в силах воскресить своих любимцев. Ипполит, сын Тезея, назван стыдливым потому, что не уступил соблазнявшей его мачехе. Федра оклеветала его перед Тезеем, и Ипполит, проклятый отцом, разбит лошаадьми.

⁶² О Тезее и Пирифое см. III, 4, 79. Цепи названы летейскими по имени Леты.

⁶³ Предполагают, что эта ода относится к К. Марцию Цензорину, бывшему консулом в 746 году. Римляне около 1-го января праздновали Сатурна в Лациуме. Во время этих праздников рабов сажали за стол, а знакомые посылали друг другу подарки. Подобным подарком Цензорину была, вероятно, со стороны Горация эта ода.

⁶⁴ Греки часто дарили красивые треножники, см. «Одиссею» Жуковского, XIII, 13.

- Парразия или Скопаса было много⁶⁵:
 Один из мрамора, другой воссоздает
 Текучей краскою то смертного, то бога.
 Но негде этого мне взять, а может быть,
 10 Несходен дар такой с наклоном твоею.
 Ты песни слушать рад, я песнью подарить
 Могу, и оценить подарок свой сумею.
 Ни знаки надписей на камнях вековых,
 В которых жизнь вождей усопших воссияла
 15 Отвагой прежнею, ни ужас, что постиг
 В день битвы грозного дотоле Аннибала⁶⁶,
 Ни карфагенских стен предательских пожар

 20 Того, кто получил прозвание от победы
 Над Африкой, до той не могут высоты
 Вознесть, как Пиерид калабрских песнопенья⁶⁷,
 И если рукопись безмолвна, что бы ты
 Ни сделал доброго, не жди вознагражденья.
 25 Чем был бы Илии⁶⁸ и Марса славный сын,
 Когда б о Ромуле из зависти забыли?
 Умели же спасти Эака из пучин⁶⁹
 Аида, и брегам блаженным посвятили
 Могучие уста возвышенных певцов.
 30 Мужей, достойных хвал, у смерти исторгает
 Песнь Музы, Муза их возносит до богов:
 Так мощный Геркулес⁷⁰ с Зевесом восседает,
 Созвездье Тиндарид блюдет во тьме ночной⁷¹
 Корабль, терзаемый волною прихотливой,
 35 И виноградною увенчанный листвою,
 Лицей желаниям дает исход счастливый.⁷²

⁶⁵ Скопас, ваятель, родившийся на острове Паросе. Парразий, славный живописец, друг Перикла.

⁶⁶ Гораций говорит об ужасе Аннибала и карфагенском пожаре. Но смысл оды заставляет думать, что он имел в виду картины, на которых эти предметы были изображены в честь Сципиону Африканскому.

⁶⁷ Живший до времен Цицерона поэт Энний был родом из Калабрии. Гораций хочет сказать вообще: римские Музы.

⁶⁸ Илии, то есть Реи Сильвии.

⁶⁹ Об Эаке см. II, 13, 22. Гораций не раз развивает мысль, что забвение тоже смерть, от которой может спасти только песнь Музы.

⁷⁰ Геркулес, восседающий с Зевесом.

⁷¹ Тиндариды (см. I, 3, 2), спасающие плователей и... (так! — *ред.*).

⁷² Вахх из обыкновенных смертных, возвышенных до богов могуществом песнопевцев.

IX К ЛОЛЛИУ⁷³

- Не думай — эта мысль обида —
Чтоб вдохновенные слова
Питомца звучного Ауфида⁷⁴
И песнь не вспомнила молва.
5 Хотя с Гомером мы не смеем
Равняться... у Камен с тех пор
Был Пиндар, Симонид с Алкеем⁷⁵
И величавый Стезихор.⁷⁶
Анакреоновы напевы
10 Свежи, как будто жив шалун,
И страсть у эолийской девы
Живая дышит с нежных струн.⁷⁷
Елена не одна ж познала⁷⁸
Вблизи любимца жар страстей⁷⁹,
15 Когда на блеск его взирала,
На лоск расчесанных кудрей.
Не первый Тевкр стрелой кидонской⁸⁰
Метал. Ужели тяжесть уз
Познал народ лишь илионский?
20 Или достойны песен Муз
Идоменей лишь со Сфенелом?⁸¹

⁷³ М. Лоллий, бывший в 729 году претором Галлии, а в 733 году консулом, потерпел в Германии в 738 году совершенное поражение, но, любимый Октавианом, он тем не менее в 752 году отправлен с усыновленным внуком Августа, К. Цезарем, для усмирения Востока. Здесь за безмерное корыстолюбие он был приговорен молодым Цезарем к принятию яда. Ода эта написана, вероятно, после 738 года, когда Лоллий вместе с Августом отправился в Германию, намереваясь смыть стыд, понесенный римским оружием. Может быть, во время сочинения оды Лоллий еще не успел выказаться в том отвратительном свете, в каком его представляет Тацит, а может быть, Гораций смотрел на него сквозь призму своего дружеского отношения к сыну его. Тем не менее странно слышать похвалу Лоллию из уст неподкупного поэта.

⁷⁴ Берега Ауфида — родина Горация.

⁷⁵ Пиндар, родом из Виофии, певец олимпийских игр. Симонид, элегический поэт. Алкей, см. I, 35, 5.

⁷⁶ Стезихор — сицилиец, певец войны и вождей.

⁷⁷ Сапфо, см. II, 13, 24.

⁷⁸ Не одни герои, воспетые поэтами, достойны были славы; но, не найдя песнопевцев, они умерли для потомства.

⁷⁹ Любимец Елены, Парис.

⁸⁰ Тевкр, см. I, 7, 22. Гора Кидон на острове Крите, обильном тростником, из которого приготавливались стрелы.

⁸¹ Идоменей — предводитель критян. Сфенел, см. I, 15, 24.

А Гектор? С Деифобом он⁸²
 Не первый в увлеченьи смелом
 Сражался за детей и жен.
 25 Героев до Агамемнона
 Довольно было, но вослед
 Ни сожаленья им, ни стога
 Священный не исторг поэт.
 От погребенной лени мало
 30 И доблесть скрытая ушла —
 Мою бы душу волновало,
 Коль я б не пел твои дела
 И допустил, чтобы, о Лоллий!
 Тебе забвенью шло вослед⁸³;
 35 С твоим умом, с твоею волей
 Прямой в дни счастья и бед,
 Скупцов противник постоянный
 И всемогущего сребра,
 Не раз на консульство избранный,
 40 Но полон чести и добра;
 Ты пользы не равнял со славой,
 Дары зловредных отвергал
 Всегда с улыбкой величавой
 И вражьи строи побеждал. —
 45 Ты прав, счастливецем не считая
 Того, кто многим завладел;
 Жить, мудро благо избирая —
 Вот счастья истинный удел.
 Кто встретит бедность без испуга,
 50 Кто смерть пороку предпочтет,
 Тот за отечество и друга
 Без страха с радостью умрет.

X К ЛИГУРИНУ⁸⁴

О несговорчивый Киприды баловник,
 Когда нежданный пух смирит твой гордый лик,

⁸² Деифоб, один из храбрейших троянцев.

⁸³ Вероятно, здесь намекается насчет неблагоприятных толков в народе по поводу понесенного Лоллием поражения.

⁸⁴ Эта ода, *lusus poeticus* (поэтическая игрушка), как ее называет Вебер, написана в подражание греческим образцам. Время ее сочинения определить трудно. Можно предполагать, что это тот самый Лигурин, о котором см. IV, 1, 33.

А ножницы к кудрям приблизятся с угрозой⁸⁵,
И спорить цвет лица твой перестанет с розой,
5 Увидя в зеркале увядшие черты,
Тогда, о Лигурин, не раз промолвишь ты:
«Зачем у мальчика все чувства не развиты,
Иль отчего теперь не так свежи ланиты?»

XI К ФИЛЛИДЕ⁸⁶

Есть полный у меня бочонок превеликий
Девятилетнего албанского⁸⁷, а плеть
Венки, Филлида! там в саду меж павиликой
Плюща довольно есть,
5 В котором так блестят волос твоих извивы.
Дом полон серебра и набожно увит
Пред агнцем жертвенным, под ветвями оливы
Святой алтарь стоит.⁸⁸
И там и сям спешат прислужники толпою,
10 Девицы, мальчики одни перед другим.
Огни качаются, вершиной подвижною
Вращая черный дым.
Но, чтобы радость ты вкусила полной мерой,
Знай, иды праздновать с тобою наша цель⁸⁹,
15 День этот, избранный поморскою Венерой,
Разделит нам апрель.⁹⁰
Рожденья моего не так мне память свята,
И праздника, клянусь, торжественней мне нет,
Затем, что началась с него у Мецената
20 Чреда текущих лет.

⁸⁵ До получения тоги, мальчики носили длинные волосы.

⁸⁶ В последний раз в жизни, около 741 года, следовательно, на 52 году от роду, Гораций, влюбившись в Филлиду, приглашает ее к себе в Сабин отпраздновать день рождения Мецената 13-го апреля. Желая совершенно покорить сердце Филлиды, поэт объявляет ей, что богатый Телеф (не тот, о котором говорится в I, 13, и III, 19) не отвечает на любовь ее, а, напротив, влюблен в богатую и бойкую красавицу.

⁸⁷ Албанское вино было из лучших сортов.

⁸⁸ В доме не только все готово к празднеству, но и к жертвоприношению, которым оно должно начаться.

⁸⁹ Иды (большею частью время полнолуния). В марте, мае и октябре 15-е число, а в остальных месяцах 13-е.

⁹⁰ Римляне называли март именем родоначальника Марса, а апрель по имени матери Энея Венеры Афродиты, от 'αφρός (пена).

- К чему на Телефа ты взоры обратила?
Тебе он не чета, и девой увлечен
Богатой, бойкою; она его пленила,
И рад оковам он.
- 25 Сгоревший Фаэтон⁹¹ — на что примера строже
Надменным замыслам? Еще пример для нас:
Земного ездока Беллерофонта тоже⁹²
Крылатый сверг Пегас.
- Итак, к возможному стремись всегда душою
30 И выше должного загадывать не смей,
Страшась неравенства. Смелей же, друг! с тобою
Конец любви моей.
- Для женщины иной пылать уж я, конечно,
Не буду. Выучи песнь новую и пусть
35 Услышу голос твой отрадный. Песни вечно
Рассеивают грусть.

XII К ВИРГИЛИЮ⁹³

- Уж спутники весны, смиряющие море,
С востока ветерки вздымают паруса,
Оттаяли поля, и речки на просторе
Без снегу тихая сияет полоса,
5 И птичка бедная, стыд Кекропсову дому⁹⁴,
Гнездо свое нося, по Итису грустит⁹⁵,
И плачется на то, что сластолюбцу злому,
Фракийскому царю никто не отомстит.

⁹¹ Фаэтон, сын Солнца и Климены, выпросил у отца позволение проехать на огненной колеснице, но за самонадеянность низвергнут молнией Юпитера в реку По.

⁹² О Беллерофонте см. III, 7, 13. Пегас свергнул Беллерофонта, захотевшего вознестись на небо и видеть, что делает Юпитер.

⁹³ Поэт Virgilий умер в 735 году. Но некоторые толкователи допускают мысль, что эта ода, написанная при жизни автора «Энеиды», позже вошла в состав четвертой книги. Судя по тону стихотворения, можно охотно согласиться с Оббариусом, который считает Virgilия, к которому обращается поэт, придворным врачом Неронов.

⁹⁴ Кекропс, основатель Афин.

⁹⁵ Прокна, дочь афинского царя Пандиона, обесчещенная Тереем, мужем сестры ее Филомелы, вместе с сестрой убила сына своего Итиса и накормила им Теряя. Боги, спасая сестер от преследований, превратили Прокну в ласточку, Филомелу в соловья, а Теряя в удода.

- На нежной мураве в рожок пастуший трубит
10 Страж вскормленных овец, бродящих средь полей,
И бога радует, который стадо любит
И черные холмы Аркадии своей.⁹⁶
Виргилий! жажда к нам пришла с весной чудесной;
Но если пить кален ты думаешь до дна,
15 Богатых юношей любимец повсеместный,
На благовонный нард сменяй себе вина:
За склянку нарда кадь получишь, без сомненья,
Что у Сульпиция сокрыта⁹⁷ в погребах,
Способную внушить отважные стремленья
20 И горьких нужд с тебя смыть ежедневный страх.
Коль хочешь в радости участвовать ты нашей,
С товаром собственным скорее приходи⁹⁸,
Но чтоб тебя встречал я безвозмездно с чашей,
Как в доме у себя богатый, ты не жди.
25 Так не замедли же, оставь расчет и скупость,
И вспомня о костре, что ожидает нас, —
В премудрость примешай ты временную глупость...
У места весело безумствовать подчас.

ХІІІ К ЛИКЕ⁹⁹

- Ли́ка! услышали боги меня,
Ли́ка! услышали! ты устарела,
Но и старухой, бесстыдница, ты
Пить да играть бы, как прежде, хотела.
5 Выпив, однако ж, Э́рота к себе
Песнью дрожащей¹⁰⁰ вотще не зови ты:
К Хи́е красавице он отлетел¹⁰¹,
Цитру ее полюбя и ланиты.

⁹⁶ Пан — покровитель стад, особенно чтимый в Аркадии, которой холмы Гораций называет черными, то есть мрачными, потому что на них росли хвойные деревья.

⁹⁷ Славные сульпициевы погреба, впоследствии погреба Гальбы.

⁹⁸ Я не могу играть роль богача, угощая всех на свой счет. Пусть каждый приносит вклад, а ты, Виргилий, приноси нарду.

⁹⁹ Мы видели (III, 10), как Гораций издевается над жестокостью Ли́ки. В настоящей оде, написанной гораздо позже, может быть, около 736 г., поэт мстит устаревшей красавице злобной насмешкой.

¹⁰⁰ Голос старухи дрожит.

¹⁰¹ Хи́я — вымышленное имя неизвестной красавицы.

- Ветренник дряхлых не терпит дубов,
 10 Он и тебя-то за то покидает,
 Что, при морщинах и черных зубах,
 Голову снег у тебя покрывает.
 Знай же, ни Коса пурпурная ткань¹⁰²,
 Ни самоцвет, как бы ни был он светел,
 15 Лет тебе тех не воротят, что раз
 День мимолетный в таблицах отметил.¹⁰³
 Где твоя прелесть? где свежесть лица?¹⁰⁴
 Где красотой облеченное тело?
 Что же от той-то, от той-то в тебе,
 20 Негой дышавшей, еще уцелело?
 Той, что похитила сердце мое,
 Сердце, плененное юной Цинарой?
 Только Цинары короток был век.
 Ликой же, этой вороною старой,
 25 Рок дорожит и ее охранять
 На бесконечные годы собрался,
 Чтоб молодежь хохотала, глядя,
 Как от светильника пепел остался.

XIV К АВГУСТУ¹⁰⁵

- Какие заботы отцов иль квирит,
 О Август! тебя возвеличат дарами?
 Про доблесть твою кто векам возвестит
 Резцом в изваяньях или письменами?
 5 Из всех в поднебесной живущих владык
 Ты первый, и равного нет во вселенной.

¹⁰² На острове Косе готовились чрезвычайно легкие и прозрачные ткани, бывшие преимущественно в употреблении у либертинов.

¹⁰³ У римлян каждый день отмечался в нарочно для того заведенных таблицах (*fasti*).

¹⁰⁴ Где та красавица Лика, в которую я был влюблен, несмотря на то, что сердце мое было занято Цинарой (см. I, 22).

¹⁰⁵ После победы Друза в 739 г. (см. IV, 4), Август не только послал Тиверия в Германию, но, по причине вновь угрожавшей войны, в скором времени и сам отправился усмирять могучих победителей консула Лоллия (IV, 9). Возвратясь в Рим, Август предложил Горацию написать оду в честь Тиверия и Друза; но как последний везде действовал совокупно с братом, то поэт в предлагаемой оде (741) прославляет подвиги Тиверия и Друза и оканчивает похвалой их отчима Августа.

- Недавно строптивый узнал винделик¹⁰⁶,
Что можешь свершить ты отвагой военной.
Ведь Друз же с твоими войсками пленил
10 Могучих генавнов, ярму непокорных.
Он грозные башни на Альпах громил
И бил в рукопашную брэннов проворных,
Отмщая за дерзость им карой двойной;
А старший Нерон¹⁰⁷ в то же самое время
15 К победе пошел за счастливой звездой
И ретов рассеял суровое племя;
Какой у него повелительный вид,
Когда, упоенных предсмертной отвагой
В бою за свободу, врагов он разит!
20 Как Австер, владеющий шумною влагой,
При тучах, рассеянных хором Плеяд¹⁰⁸,
Так он, во враждебные строи влетая,
Их мучить стремительным натиском рад,
Коня боевого в огонь посылая.
25 Как быкообразный несется Ауфид¹⁰⁹,
Текущий в полях апулийского Давна¹¹⁰,
Когда он, вскипев половодьем, грозит
Цветущие нивы залить своенравно,
Так мчится на варваров Клавдий грозой¹¹¹ —
30 И панцирь железный для них не защитой;
Где сам без урона промчится герой,
И ближний, и дальний повержен, убитый!
Ты дал ему войско, совет и богов
В тот день знаменитый¹¹², когда отворился
35 И порт пред тобою, и стража дворцов
Бежала, и град Александра смирился.
Три люстра спустя, благодатный исход

¹⁰⁶ Винделики, генавны и брэнны — племена одного и того же альпийского народа.

¹⁰⁷ Тиверий.

¹⁰⁸ В конце апреля с восхождением Плеяд прекращаются дожди. Нет сомнения, что Гораций хочет представить Австер во всей полноте его силы, и потому должно здесь понимать ветер при безоблачной небе, так же, как в другом месте (III, 27, 19). Поэт сам об этом говорит:

А порывы Япига в ведро ужасны.

¹⁰⁹ Могучие потоки изображались с рогами — признаком силы.

¹¹⁰ Давн, см. III, 30, 11.

¹¹¹ Клавдий Друз.

¹¹² Через 15 лет Друз одержал победу над винделиками и ретами — в день покорения Александрии.

Фортуна с улыбкой войне даровала,
 И прежнюю доблесть, и прежний почет
 40 Желанною славою вновь увенчала.
 Кантабр непокорный тобой удивлен¹¹³
 И мид, и индеец, и скиф отдаленный...¹¹⁴
 Народ италийский всегда огражден
 Тобою, и Рим повелитель вселенной.
 45 Тобою истоки скрывающий Нил
 И Истр завоеван, и Тигр многоводный¹¹⁵ —
 Ты даже седой океан усмирил,
 Что рвется к британцам¹¹⁶ волною холодной,
 И галлы, которым и смерть не страшна,
 50 Тебе и иберцы¹¹⁷ со страхом внимают,
 И диких сикамбров уже племена¹¹⁸
 Доспехи бросать пред тобой замышляют.

XV ПОХВАЛА АВГУСТУ¹¹⁹

Уже я воспевать хотел коварный бой
 И гибель городов, но лирный глас раздался,
 И Феб вещал, чтоб я с тирренскою волной¹²⁰
 Под утлым парусом бороться не пускался.
 5 Твой век, о Цезарь! вновь обилием плодов
 Благословил труды оратаев счастливых,
 Зевесу нашему вернул его орлов,
 Сорвавши их со стен парфян самолюбивых,
 И двери Януса Квирина затворил,
 10 И обуздал и ввел в границы дух бесчинный,
 Рукою мощною пороки устрасил
 И доблестью нас обрадовал старинной.

¹¹³ См. III, 8, 21.

¹¹⁴ В 734 году парфы возвратили Августу утраченные Крассом значки. В том же году индийцы просили дружеских отношений. То же сделали и скифы.

¹¹⁵ Нил, Истр и Тигр вместо Египта, Дакии и Армении.

¹¹⁶ См. III, 5.

¹¹⁷ Испанцы.

¹¹⁸ Сикамбры (см. IV, 2, 35).

¹¹⁹ Посвятив четвертую книгу од, согласно желанию Августа, прославлению пасынков его, Гораций оканчивает ее этим стихотворением, в котором старается показать благотворное влияние на Рим единодержавия Августа. Сочинение этой оды можно отнести ко времени около 742 года.

¹²⁰ Древние нередко сравнивали поэтический труд с усилием плователя (см. IV, 14, 42).

- Она-то имени латинскому дала
Почет, взлелеяла великий дух народа,
15 И славу римскую она-то разнесла
От ложа Геспера до солнечного восхода.
Коль будет Цезарь нас от бедствий охранять,
Ни мятежи граждан не повредят покою,
Ни гнев, который рад всегда мечи ковать
20 И бедным городам опять грозить войною.
Ни тот, кто пьет Дунай в высоких берегах,
Не смеет нашего слушаться закона,
Ни гет, ни сер, ни перс, наш вероломный враг¹²¹,
Ни тот, кто родился у вод далеких Дона.
25 А мы в рабочие и праздничные дни,
Лице скромного присевши за дарами,
Средь наших жен, детей и нашей всей родни,
Как должно, помолясь сперва перед богами,
Всех наших праотцов, героев воспоем
30 Лидийской флейтою¹²² и в этой песне громко
Анхиза старого и Трою помянем,
Венеру и ее достойного потомка.¹²³

ПЕСНЯ СТОЛЕТИЮ¹²⁴

Феб и Диана, владычица дева лесная,
Светлых небес украшенья. Вы, целой вселенной
Чтимые! — дайте, о чем мы вас молим, взывая
В день сей священный.

- 5 В книгах Сивиллиных, должному нас научивших,
Сказано, мальчикам чистым да избранным девам
Ныне бессмертных, семь наших холмов облюбивших,
Славить напевом.

¹²¹ Геты, персы, серы, см. I, 12, 56.

¹²² Лидийской флейтою — Гомеровою.

¹²³ Анхиза, Венеру и Энея как прародителей юлианского рода, к которому Август принадлежал по усыновлению.

¹²⁴ Эта песня названа столетнею (*carmen saeculare*), потому что написана по случаю торжества, происходившего каждые сто десять лет. В 737 году от основания Рима Август восстановив эти празднества, прерванные междоусобными войнами, поручил Горацию сочинить песнь для хоров избранных мальчиков и девочек, которые, по уставу Сивиллиных книг, должны были в эти торжественные дни славить Аполлона и Диану.

10 Солнце кормилец! ты день с колесницей горючей
Кажешь и прячешь, о пусть, возрождаясь незримо,
Вечное, — ты ничего не увидишь могучей
Города Рима.

15 О Илития¹²⁵, родов безувечных причина,
Кротко храни матерей, как всегда охраняла,
Будет ли имя твое на молитве Люцина
Иль Генитала.

20 Вырасти отроков, благослови совещанье
Наших отцов¹²⁶, что судьбу обеспечило женам,
В новом, обильном потомстве пошли оправданье
Новым законам.¹²⁷

Каждые сто десять лет неизменной чредою
Пусть к нам веселые игры и песни приходят,
Светлых три дня пусть нам столько ж ночей за собою
Сладких приводят.

25 Вы же, правдиво поющие Парки, внемлите —
Рок оправдал приговор ваш незыблемой волей,
Все, что для нас совершилось, — в грядущем продлите
Счастливой долей.

30 Пусть, умножая плоды и стада, возлагает
Почва на кудри Цереры венки колосистый,
Ветер Зевеса пусть юным полям навевает
Дождик росистый.

35 О Аполлон, опуская и стрелы, и очи,
Кроток и милостив, мальчиков внемли молениям.
Внемли, Луна! властелинка двурога ночи,
Дев песнопениям.

¹²⁵ Боги, по мнению древних, были довольны многими прозваниями (πολλωνομιά). поэтому Гораций величает Илитию-Диану, покровительницу родов, попеременно названиями Люцины (помогающей человеку явиться на свет) и Гениталы (помощницы в родах).

¹²⁶ Совещания Сената по поводу замужества.

¹²⁷ Незадолго до того изданный Августом закон (lex Julia), с целью уменьшения холостяков и улучшения нравов.

Если вы создали Рим¹²⁸, и велели вы сами
Прочное выбрать владенье в земле итальянской,
Край свой родной заменяя иными местами,
40 Горсти троянской,

Той, средь которой прошедши горящую Трою,
Родины гибель увидя, Эней непорочный
Путь проложил, заменяя утраты судьбою
Более прочной;

45 Боги! возвысьте в понятливой юности нравы!
Боги! вы старость святой тишиной окружите!
Ромула внукам потомства, богатства и славы
Громкой пошлите!

Кто ублажает вас, белых быков закалая,
50 Славный праправнук Анхиза и светлой Киприды¹²⁹
Миром да правит на гибель врагам, но прощая
Падшим обиды.

Море и суша в деснице его. Уж мидийцы
Видят готовую кару в албанской секире¹³⁰,
55 Скифы надменные ждут приговоров, индийцы
Молят о мире.

С древней Стыдливостью, с Миром и Честью дерзает
Доблесть¹³¹ забытая вновь появляться меж нами,
Снова Довольство отрадное всем рассыпает
60 Рог свой с дарами.

О прорицатель! украшенный луком блестящим¹³²,
Феб Аполлон! девяти драгоценный Каменам¹³³,
Чье благотворное знание целебно¹³⁴ болящим,
Слабнущим членам.

¹²⁸ Рим создан Аполлоном в том смысле, что Эней, внемя прорицанию бога, отправился, по его указанию, из Трои в Италию, где основал новое государство.

¹²⁹ Август по усыновлению причислен к Юлианскому роду, происходящему от Юла (Julus), сына Энеева.

¹³⁰ Албанская секира — то же, что римское могущество, ведущее начало от Alba-Longa, основанной троянскими выходцами.

¹³¹ Во время междоусобных войн божества эти оставили свои храмы.

¹³² Гомеровское — ἄρρητότοκος.

¹³³ Которых он предводитель, корифей.

¹³⁴ Овидий заставляет Аполлона выражаться о себе как об изобретателе медицины: «Inventum medicina meum est».

65 Если ты видишь с любовью алтарь Палатинский¹³⁵,
Римскую жизнь и красу итальянского края,
Дай, чтобы счастье несло над землею латинской,
Век возрастая.

Ты же, царишь ли на Алгиде иль Авентине,
70 Видишь, Диана, пятнадцать мужей пред тобою, —
Их ты услышь.¹³⁶ И зывающих мальчиков ныне
Тронься мольбою.

С полною верою в то, что понравилась небу
Песня моя, возвращаюсь домой умиленный,
В хоре священном хвалу и Диане и Фебу
Петь наученный.¹³⁷

ЭПОД 1-ой КНИГИ, ПЕСНЬ 2-я.¹³⁸ СЕЛЬСКИЙ АЛЬФИЙ

«Блажен, кто вдалеке от всех житейских зол,
Как род людей первоначальный,
На собственных волах отцовский пашет дол,
Не зная алчности печальной.
5 Ни море злобное, ни труб воинских звон
Не возбуждают в нем тревоги;
Бежит он форума, не обивает он
Граждан значительных пороги.

¹³⁵ Храм, построенный Августом в честь Аполлону на горе Палатинской.

¹³⁶ На Авентине, одном из семи римских холмов, находился храм Дианы, а на Алгиде в Лациуме праздновались ее торжества. — 15 мужей, заведовавших празднеством столетия.

¹³⁷ Последнюю строфу поет в хоре каждый, относя к себе воспоминание о чести, выпавшей ему на долю.

¹³⁸ Время сочинения этой эподы достоверно неизвестно, но по мастерству всего строя и отделки должно быть отнесено к позднейшим годам, около 724 г. от о. Р. Не будем перечислять мнений комментаторов, к кому обращалась эпода, описывающая будто бы, под личиной сатиры, чувства любви к сельской жизни то Мецената, то друга Горация Альфия (Альфий) Тибулла, то, наконец, самого поэта. Мы присоединяемся к мнению, считающему Альфия современным богатым ростовщиком. Похвалу сельской жизни Гораций с первого стиха влагает в уста Альфия, и только последние четыре стиха эподы указывают на то, что корыстолюбие его берет верх над сельскими мечтами.

- Зато с раскидистой и юною лозой
10 Высокий тополь сочетает,
Иль за пасущимся в изложине глухой
Ревущим стадом наблюдает.
Ножом ненужный сук обрежет и привьет
Ему в замен ростков надежных,
15 В сосуды чистые сам выжимает мед
Или овец стрижет он нежных.
Когда же осень вновь встает среди полей,
Гордясь плодов живым нарядом,
Как рад тянуться он за грушею своей
20 Иль за пурпурным виноградом,
Чтоб им тебя, Приап! или тебя почтить,
Отец Сильван! границ блюститель.
Потом под старый дуб ложится опочить
Иль на лужайку сельский житель.
25 А между тем река шумит вдоль берегов,
И рощи полны птичьим пеньем,
И раздается плеск немолкнущих ручьев,
Склоняя к легким сновиденьям.
Когда ж придти с зимой и ливням, и снегам
30 Зевес гремящий назначает,
Сердитых кабанов в тенеты там и сям
Охотник псами загоняет;
Иль жерди укрепя, навешает сетей
Дроздам прожорливым засадой,
35 Иль зайцев, а не то залетных журавлей,
Из петли достает с отрадой.
Каких корыстных дум такая тишина
Беспечной жизни не развеет?
А дома между тем стыдливая жена
40 Детей возлюбленных лелеет.
И дочь Апулии, с загаром на щеках,
Или сабинка молодая,
Она сухих ветвей подложит на очаг,
С охоты мужа поджидая,
45 И стадо приюта на отдых за плетнем,
Идет доить сосцы тугие,
И кружку достает душистую с вином,
И кушанья непокупные.
Лукринских устриц¹³⁹ тут не ставьте предо мной,
50 Ни рыб из дорогой породы,

¹³⁹ Лучшими устрицами считались добытые из Лукринского озера близ Бай.

- Хотя б восточный ветер их зимнею порой
Загнал случайно в наши воды.
Ни африканских птиц не жду я со степей,
Мне рябчик Ионии не нужен,
55 Когда по выбору, с роскошнейших ветвей
Оливок подадут на ужин,
И луговой щавель, и мальвы предо мной
Целебные — или ягненок,
На праздник Термина убитый, иль молодой,
60 У волка вырванный козленок.
Как весело следить, вкушая свой досуг,
За приходящими стадами
И видеть, как волы, понурясь, тащут плуг,
Вверх обороченный зубцами.
65 А вокруг блестящих Лар, вернувшись в дом владык,
Рабов ватага присмирела»¹⁴⁰.
Все это говоря, наш Альфий ростовщик
В себе уж видит земледела;
А деньги между тем он к идам все собрал
70 И бьется их раздать в календы.

¹⁴⁰ Римляне содержали в почетной чистоте своих домашних богов, стоявших на очаге среди атриума и не только чистили их, но и покрывали восковым лаком. Вокруг этого алтаря ложились ужинать вернувшиеся с занятий рабы.

II ОВИДИЙ

ЭЛЕГИИ (Из Книги любви)

1

Славить доспехи и войны собирался я строгим размером,
Чтоб содержанью вполне был соответствен и строй.
Все были ровны стихи. Но вдруг Купидон рассмеялся,
Он из второго стиха ловко похитил стопу.
«Кто, злой мальчик, тебе такую дал власть над стихами?
Вещий певец Пиерид, не челядинец я твой.
Кстати ль Венере хватать доспех белокурой Минервы?
Ей, белокурой, к лицу ль факела жар раздувать?
Кто похвалил бы, когда б Церера владела лесами,
А властелинкой полей дева с колчаном была б?
Кто представит себе с копьем златовласого Феба,
Марса, напротив того, с лирой богинь Аонид?
Много, мальчик, и так у тебя огромных владений,
Что ж, честолюбец, тебе новых успехов искать?
Или всё в мире твое? Твоя Геликона долина?
Может ли Феб называть даже и лиру своей?
Только что первым стихом достойно я начал страницу,
Тотчас же ты на втором силы ослабил мои.
Нет у меня предмета, приличного легким размерам, —
Отрока иль дорогой девушки в длинных кудрях».
Так роптал я. Но он, колчан растворяя немедля,
Выбрал, на горе мое, мне роковую стрелу.
Сильным коленом согнув полумесяцем лук искривленный,
«Вот же, — сказал он, — воспеть можешь ты это, певец!»
Горе несчастному мне! Как метки у мальчика стрелы!
Вольное сердце горит, в нем воцарилась любовь:
Шестистопным стихом начну, пятистопным окончу,
Битвам железным и их песням скажу я: прости!
Миртом прибрежным теперь укрась золотистые кудри,
Муза, и в песню вводи только одиннадцать стоп.

Что б это значило? Всё как будто жестка мне постеля,
 И одеялу нигде места сыскать не могу,
 Целую долгую ночь провел в бессоннице томной,
 Как ни ворочался я, больно усталым костям.
 Я бы почувствовал, кажется, если б томился любовью.
 Иль незаметно она в сердце вливает свой яд?
 Подлинно так! Вонзились мне в сердце колючие стрелы,
 И побежденную грудь злобный смущает Амур.
 Что ж, уступить? иль раздуть борьбою мгновенное пламя?
 Да, уступлю. Покорясь, ношу удобней нести.
 Видывал я, как вдруг от качания вспыхивал факел,
 Видывал, как потухал он, не тревожим никем.
 Терпят ударов воли, еще непривычные к плугу,
 Больше гораздо, чем те, что покорились ярму.
 Рот у строптивых коней колючими рвут удилами,
 Чувствуют меньше узду те, что покорны браздам.
 Злее гораздо палит Амур ему непокорных,
 Чем таких, что терпеть рабство ему поклялись.
 Видишь, — себя я признал, Купидон! твоею добычей;
 Руки покорные сам я воздеваю к тебе.
 Нечего мне воевать, прошу пощады и мира,
 Я безоружен, меня покорить тебе не хвала.
 Волосы миртом венчай, у матери взявши голубок,
 А колесницу для них вотчим тебе подарит,
 В ней ты будешь стоять; под крик триумфальный народа
 Править запряженных птиц ловкой ты будешь рукой.
 Юношей пленных вослед и дев поведут за тобою;
 Шествие их для тебя будет славнейший триумф.
 Сам я, пленник недавний, пойду со свежелою раной,
 Новые цепи твои чувствуя пленной душой.
 Здравый Смысл поведут, связав ему за спину руки,
 Стыд туда же, и всех, кто на Амура восстал, —
 Все да боятся тебя. И руки к тебе воздевая,
 Голосом громким народ пусть восклицает: триумф!
 Спутники Лести пойдут при тебе Заблужденье и Дерзость —
 Эта толпа за тебя вечно готова стоять.
 Этим-то войском своим ты людей и богов побеждаешь:
 Стоит отнять у тебя только их помощь, — ты наг.
 Рада триумфу сыновнему, мать на высоком Олимпе
 Зарукоплещет и роз станет кидать на тебя.
 Ты же, алмазами крылья, алмазами кудри убравши,
 На золотых колесах будешь стоять золотой.

Тут, я знаю тебя, зажжешь сердец ты немало.
И мимоходом еще многих поранишь людей.
Если бы даже хотел, унять своих стрел ты не в силах:
Жаркое пламя своей близостью жгучей палит.
Так же шествовал Вакх, покоривши пределы Гангеса,
Тиграми он управлял, правишь голубками ты.
Если часть твоего могу я составить триумфа,
Так пощади! На меня сил, победитель, не трать!
Цезарь, родственник твой, тебе да послужит примером,
Дланью победной своей он побежденных хранит.

5

Солнце палило, и только полуденный час миновало,
Членам давая покой, я на постелю прилег.
Часть приоткрыта была и часть закрыта у ставней,
В комнате был полусвет, тот, что бывает в лесах.
Сумерки так же сквозят вослед уходящему Фебу,
Или когда перейдет ночь, а заря не взошла —
Должно такой полусвет для застенчивой девы готовить:
В нем-то укрыться скорей робкий надеется стыд.
Вижу, Коринна идет, и пояса нет на тунике,
Плечи белеют у ней под распущенной косой, —
Семирамида роскошная так проходила на ложе,
Или Лаиса, красой милая многим сердцам.
Я тунуку сорвал; прозрачная мало мешала,
А между тем за нее дева вступила в борьбу;
Но как боролась она, — как бы не желая победы:
Было легко победить ту, что себя предала.
Тут появилась она очам без всякой одежды,
Безукоризненно всё тело предстало ее.
Что за плечи и что за руки тогда увидал я!
Так и хотелось пожать формы упругих грудей!
Как под умеренной грудью округло весь стан развивался,
Юность какая видна в этом роскошном бедре!
Что ж я хвалю по частям? Что видел я, было прекрасно.
Если бы мне довелось чаще так полдень встречать.

НА СМЕРТЬ ПОПУГАЯ

«Попка, восточный индеец, всему подражатель крылатый...»

См. т. 1. С. 205–206

III КАТУЛЛ

Давай любить и жить, о Лезбия, со мной!
За толки стариков угюмых мы с тобой,
За все их не дадим одной монеты медной.
Пускай восходит день и меркнет тенью бледной,
5 Для нас, когда заря зайдет за небосклон,
Настанет ночь одна и бесконечный сон.
Сто раз целуй меня, и тысячу, и снова
Еще до тысячи, опять до ста другого,
До новой тысячи, до новых сот опять.
10 Когда же много их придется насчитать,
Смешаем счет тогда, чтоб мы его не знали,
Чтоб злые нам с тобой завидовать не стали,
Узнав, как много раз тебя я целовал.

IV С КИТАЙСКОГО

ТЕНЬ

Башня лежит,
 Все уступы сочтешь.
Только ту башню
 Ничем не сметешь.
Солнце ее
 Не успеет угнать, —
Смотришь, луна
 Положила опять.

V ГАФИЗ

Девой — слово назовем,
Новобрачным — дух:
С этим браком тот знаком,
Кто Гафизу друг.

Göthe

Представляя на суд истинных любителей поэзии небольшой букет, связанный в моем переводе из стихотворных цветов персидского поэта, считаю нелишним сказать несколько слов, могущих споспешествовать верному воззрению на предполагаемые пиесы. Не зная персидского языка, я пользовался немецким переводом, составившим переводчику почетное имя в Германии; а это достаточное ручательство в верности оригиналу. Немецкий переводчик, как и следует переводчику, скорее оперсичит свой родной язык, чем отступит от подлинника. С своей стороны и я старался до последней крайности держаться не только смысла и числа стихов, но и причудливых форм газелей, в отношении к размерам и рифмам, часто двойным в соответствующих строках.

Даже поверхностное знакомство с нашим поэтом служит отрадным подтверждением двух несомненных истин: во-первых, что дух человеческий давно уже достиг этой эфирной высоты, которой мы удивляемся в поэтах и мыслителях нашего Запада; во-вторых, что цветы истинной поэзии неувядаемы, независимо от эпохи и почвы, их производившей. Напротив того, если они действительно живые цветы, — экзотическое их происхождение сообщает им особенную прелесть в глазах любителей.

Новым подтверждением тому, что Азия страна чудес и вопиющих противоположностей, является странная судьба или, лучше сказать, странное духовное развитие нашего поэта.

Магомет-Шемзеддин, *солнце* веры, по прозванию Гафиз, блюститель Корана, так как он с начала до конца знал наизусть эту священную книгу, — родился в Ширазе и жил в нем с первого до последнего десятилетия XIV века нашей эры. Он принадлежал к секте дервишей и софи или созерцательных мудрецов и

мистиков, предавался богословским и философским трудам, сочинял в аскетическом вдохновении возвышеннейшие гимны, в которых попирает во прах всё плотское, за что и получил прозвание: *мистический язык*. Он был великим, славным учителем своего времени, окруженным толпою учеников, и в качестве наставника состоял в такой милости при дворе, что великий визирь Хаджи-Ковамеддин-Магомет-Али выстроил для него отдельную школу. И вдруг, под старость лет, этот мистик и мудрец добровольно отказывается от всех плодов своих долговременных усилий, и бойкая песня старца расцветает теми яркими красками жизни, тем ароматом неподдельной свежести, какими украшены песни юности только немногих избранных; а между тем всё, что пережил, изведal и перемыслил старец, звучит в его лире, перестроенной на новый лад.

Этот нравственный переворот возбудил негодование в прежних приверженцах поэта; тем не менее у него нашлись благородные и просвещенные друзья. Окруженный их любовью и уважением, Гафиз скончался в глубокой старости в 1389 году. Прах его покоится в Моселе — одном из прелестных предместий Шираза и поныне привлекает почитателей поэта.

Переведенные мною песни относятся ко второй эпохе его деятельности, и я желал бы, чтобы читатель испытал хотя часть того наслаждения, которое выпало на долю моему труду.

I

Звезда полнóчи дугой золотою скатилась,
На лоно земное с его суетою скатилась.

Цветы там она увидала и травы долины,
И радостной их и живой пестротою пленилась.

Она услышала: звонки говорливые стада,
И мелких, серебряных звуков игрою пленилась.

Коня увидала она, проскакавшего в поле,
И лошади статной летучей красою пленилась.

И мирными кровами хижин она и деревьев,
И даже убогой гнилушкой лесною пленилась.

И всё полюбя, уж на небо она не просилась —
И рада была, что ночью порою скатилась.

II

О! если бы озером был я ночным,
А ты луною, по нем плывущей!

О! если б потоком я был луговым,
А ты былинкой, над ним растущей!

О! если бы розовым был я кустом,
А ты бы розой, на нем цветущей!

О! если бы сладостным был я зерном,
А ты бы птичкой, его клюющей!

III

Мы, Шемзеддин со чадами своими,
Мы, шейх Гафиз и все его монахи —
Особенный и странный мы народ.
Удручены и вечных жалоб полны,
Без устали ярмо свое влача,
Роняя перлы из очей горячих —
Мы веселы и ясны, как свеча.
Подобно ей, мы таем, исчезаем,
И, как она, улыбкой счастья светим.
Пронизаны кинжалами ресниц
Жестоких, вечно требующих крови,
Мы только в этих муках и живем.
В греховном море вечно утопая,
С раскаяньем несколько не знакомы,
А между тем свободные от злого,
Мы вечно дети света, а не тьмы —
И тем толпе вполне непостижимы.
Она людей трех видов только знает:
Ханжу во-первых, варвара тупого,
Фанатика, с его душою мрачной;
А во-вторых, развратника без сердца,
Ничтожного, сухого эгоиста —
И, наконец, обычной колеей
Бредущего; но для людей, как мы,
Ей не найти понятия и названья.

IV

Если вдруг, без видимых причин,
Затоскую, загрущу один,

Если плоть и кости у меня
Станут ныть и чахнуть, без кручин,

Не давай мне горьких пить лекарств:
Не терплю я этих чертовщин.

Принеси ты чашу мне вина,
С нею лютню, флейту, тамбурин.

Если это не поможет мне,
Принеси мне сладких уст рубин.

Если ж я и тут не исцелюсь,
Говори, что умер Шемзеддин.

V

Я был пустынною страной;
Огонь мистический спалил
Моей души погибший дол;
Песок пустыни огневой,
Я там взвивался и пылил,
И, ветром уносимый,
Я в небеса ушел.
Хвала Творцу! во мне он
Унял убийственный огонь...
Он дождик мне послал сырой —
И, кротко охлажденный,
Я прежний отыскал покой;
Бог дал мне быть веселой,
Цветущею землей.

VI

О! как подобен я — смотри!
Свече, мерцающей впотьмах;
Но ты, в сияющих лучах,

Восход зари.
Лишь ты сияй, лишь ты гори,
Хотя по первому лучу
Твой яркий свет зальет свечу,
Но умолять тебя хочу:
Лишь ты гори,
Чтоб я угас в твоих лучах

VII

Дано тебе и мне
Созвездием любовным
Украсить небеса:
Ты в них луною пышной,
Красавицей надменной,
А плачущей Плеядой
При ней мои глаза.

VIII

Десять языков лилеи
Жаждают песни соловья,
И с немеющих выходит
Ароматная струя.

IX

Ветер нежный, окрыленный,
Благовестник красоты,
Отнеси привет мой страстный
Той одной, что знаешь ты.

Расскажи ей, что со света
Унесут меня мечты,
Если мне от ней не будет
Тех наград, что знаешь ты.

Потому что под запретом
Видеть райские цветы
Тяжело — и сердце гложет
Та печаль, что знаешь ты.

И на что цветы Эдема,
Если в душу пролиты
Ароматы той долины,
Тех цветов, что знаешь ты.

Не орлом я быть желаю
И парить на высоты;
Соловей Гафиз ту розу
Будет петь, что знаешь ты.

Х

Падет ли взор твой гордый
На голову во прахе
Трактирного порога,
Не тронь ее, — молю я!
То голова Гафиза,
Что над собой не властен...
Не наноси ты словом
Ему — или зазорным
Насилием — обид.
Не знающее меры,
Всё существо в нем словно
Лишь из трактирной пыли
Всемилосердый создал —
Он знает, что творит.
Обдумай только это —
И кротким снисхожденьем
Твою исполнит душу
Тогда бедняги, старца,
Упавшего постыдно,
Неблагородный вид.

ХІ

Книгу мудрую берешь ты, —
Свой бокал берет Гафиз;
К совершенству всё идешь ты, —
К бездне зол идет Гафиз.

В рабстве тягостном живешь ты
Терпеливою овцой, —

Как пустынный лев в неволе,
Все оковы рвет Гафиз.

С тайной гордостью ведешь ты
Список мнимо добрых дел, —
Новый грех ежеминутно
На себя кладет Гафиз.

Многих избранных блюдешь ты
Поучением своим, —
К безрассудствам безрассудных
Веселясь, зовет Гафиз.

Меч убийственный куешь ты
Покарать еретиков, —
Светлый стих свой, драгоценный,
Золотой, кует Гафиз.

К небу ясному встаешь ты,
Дымом тяжким и густым, —
Горной речки блеск и свежесть
В глубь долин несет Гафиз.

Всё скажу одним я словом:
Вечно, бедный человек,
Горечь каждому даешь ты, —
Сладость всем дает Гафиз.

ХII

Ты в мозгу моем убогом
Не ищи советов умных,
Только лютней он веселых,
Только флейт он полон шумных.

ХIII

Пусть, насколько хватит сил,
Чернь тебя клянет!
Пусть zeloty на тебя
Выступят в поход!

Ты не бойся их, Гафиз;
Вечно милосерд,
Сам Аллах, противу них,
Твердый твой оплот.

Зельзебилами¹ твою
Жажду утолит,
Сварит солнце для тебя
Райских этих вод.

Чтобы горести твои
Усладить вполне,
Он бескрылого не раз
Ангела пришлет.

Мало этого: он сам,
В благодсти своей,
Поэтический венец
На тебя кладет.

И не Греция одна,
Даже и Китай —
Песни вечные твои
С завистью поет.

Будут некогда толпой
Гроб твой навещать;
Всякий умница тебя
С честью помянет.

И когда умрешь ты, — твой
Просветленный лик
Солнце, блеском окружа,
В небо понесет.

XIV

В царство розы и вина приди,
В эту роцу, в царство сна — приди.

Утиши ты песнь тоски моей,
Камням эта песнь слышна — приди.

¹ Зельзебил — райский источник.

Кротко слез моих уйми ручей;
Ими грудь моя полна — приди.

Дай испытать мне здесь, во мгле ветвей,
Кубок счастья до дна — приди.

Чтоб любовь дотла моих костей
Не сожгла, — она сильна, — приди.

Но дождись, чтоб вечер стал темней;
Но тихонько и одна — приди.

XV

Веселись — о, сердце-птичка!
Пой, довольное судьбиной,
Что тебя пленила роза,
Воцарившись над долиной.

Уж теперь тебе не биться
В грубой сети птицелова,
И тебя не тронут когти,
Не укусит зуб змеиный.

Правда, что занозы розы
Глубоко в тебя вонзились,
И истечь горячей кровью
Ты должна перед кончиной.

Но зато твоей кончине
Нет подобной ни единой: —
Ты умрешь прекрасной смертью,
Благородной, соловьиной.

XVI

Предав себя судьбам на произвол,
Моя душа жила голубкой мирной;
Но твой — о солнце! пламень к ней дошел, —
Испепелил ее твой огонь всемирный.

И вот, смотри, что пепел произвел:
Свободных крыл гордая стезей обширной,

Божественного гения орел
Дышать взлетает радостью эфирной.

XVII

Грозные тени ночей,
Ужасы волн и смерчей, —
Кто на покойной земле,
Даже при полном желаньи,
Вас понимать в состояньи?
Тот лишь один вас поймет,
Кто, под дыханием бурь,
В неизмеримом плывет
От берегов расстоянья.

XVIII

Ах, как сладко, сладко дышит
Аромат твоих кудрей!
Но еще дышал бы слаще
Аромат души твоей.

XIX

В доброй вести, нежный друг, не откажи,
При звездах прийти на луг — не откажи.

И в бальзаме, кроткий врач души моей,
Чтоб унять мой злой недуг, — не откажи.

В леденцах румяных уст, чтобы мой взор
За слезами не потух, — не откажи.

В пище тем устам, что юности твоей
Воспевают гимны вслух, — не откажи.

В персях, нежных, как лилейные цветы,
В этих округленных двух, — не откажи.

И во всём, на что завистливо в ночи
Смотрит неба звездный круг, — не откажи.

В том, чему отдавшись раз, хотя на миг,
Веки счастья помнит дух, — не откажи.

В том, что властно укротить еще одно:
Пред могилою испуг, — не откажи.

XX

Ежели осень наносит
Злые морозы, — не сетуй ты.
Снова над миром проснутся
Вешние грозы — не сетуй ты.

Ежели мертвой листвою
Всюду твой взор оскорбляется,
Знай, что из смерти живые
Выглянут розы, — не сетуй ты.

Если тернистой пустыней
Путь твой до Кабы¹ потянется,
Ни на колючий кустарник,
Ни на занозы не сетуй ты.

Если Юсуф² одинокий
Плачет, отторжен от родины,
Знай, что заблещут звездами
Жаркие слезы, — не сетуй ты.

Всё переходчиво в мире,
Жребий и твой переменится;
Только не бойся судьбины
Злобной угрозы, — не сетуй ты.

XXI

Гиацинт своих кудрей
За колечком вил колечко,
Но шепнул ему зефир
О твоих кудрях словечко.

¹ Каба или Кааба — мечеть с гробом Магомета.

² Юсуф — Иосиф.

XXII

Твой вечно, неизменно,
Пока дышать я буду;
Усну ль я под землей —
Взлечу к твоей одежде
Я пылью гробовой.

XXIII

О помыслах Гафиза
Лишь он один да Бог на небе знает.
Ему он только — сердце
Греховное и пылкое вверяет.
И не одним прощеньем
Всемилосердый благ, — он благ молчаньем...
Ни ангелам, ни людям
Об этом он словечка не роняет.

XXIV

Сошло дыханье свыше,
И я слова распознаю:
«Гафиз! зачем мечтаешь,
Что сам творишь ты песнь свою?
С предвечного начала
На лилиях и розах
Узор ее волшебный
Стоит начертанный в раю!»

XXV

Уж если всё от века решено, —
Так что ж мне делать?
Назначено мне полюбить вино, —
Так что ж мне делать?
Указан птице лес, пустыня льву,
Трактир Гафизу.
Так мудростью верховной суждено, —
Так что ж мне делать?

XXVI

Не будь, о богослов, так строг!
Не дуйся, моралист, на всех!
Блаженства всюду ищем мы, —
А это уж никак не грех!

Нас, как израильских сынов,
Пустынный истомил побег,
И мы у неба просим яств,
А это уж никак не грех!

<К чему нам райской тубы¹ сень
И Гавриил на небесах?
Дверей трактира ищем мы,
А это уж никак не грех!>

Да, нам старик трактирщик друг,
Мы сознаемся в том при всех, —
Притворства избегаем мы,
А это уж никак не грех!

Людскую кровь не станем лить
Мы для воинственных потех;
Льем виноградную мы кровь,
А это уж никак не грех!

Мы разверзаем клад души,
Чтобы для сладостных утех
Все перлы сердца раскидать,
А это уж никак не грех!

Мы славим милую в стихах,
И нас, быть может, ждет успех,
Пленительным пленен поэт,
А это уж никак не грех!

Ты, как осел или верблюд,
Кряхтя, тащи тяжелый мех, —
Мы всё, что давит, с плеч долой,
А это уж никак не грех!

¹ *Туба* — дерево, распространяющее свои ветви над всем раем.

XXVII

Гафиз убит. А что его убило, —
Свой черный глаз, дитя, бы ты спросила.

Жестокий негр!¹ как он разит стрелами!
Куда ни бросит их — везде могила.

Ах, если есть душа у райской птицы,
Не по тебе ль ее трепещут крыла?

Нет, не пугай меня рассудком строгим,
Тут ничего его не сможет сила.

Любовь свободна. В мире нет преграды,
Которая бы путь ей заступила.

О состраданье! голос сердца нежный!
Хотя бы ты на помощь поспешило.

Знать, из особой вышло ты стихии, —
Гафиза песнь тебя не победила.

¹ Черный глаз красавицы. Вот истинный скачок с 7-го этажа, зато какая прелесть!

VI ГЁТЕ

I ПОСВЯЩЕНИЕ К ФАУСТУ (Г-ву)

«Вы вновь ко мне, воздушные виденья!..»
См. т. 1. С. 151-152

II ИЗ ФАУСТА

Так ты отдай те дни мне снова,
Когда я сам в развитии был,
Когда поток живого слова
За песней песни торопил.

Когда я видел мир в тумане,
Из ранней почки чуда ждал,
Когда я все цветы срывал,
Что распускались на поляне.

Бедняк — я был вполне богат,
И предан правде и обману рад.
Порывам буйные дай крылья,
Тем горьким счастьем пресыти,
Дай мощь вражде, любви веселье,
Мою ты юность вороти.

III САМОБОЛЬЩЕНИЕ

Соседкин занавес в окне
Волнуется опять,
Знать, хочет заглянуть ко мне
И дома ль я, узнать?

И точно ль гнев ревнивый свой,
Что целый день таю,
Я оскорбленною душой
Навеки сохраню.

Но нет! ребенок милый мой
Не думает о том, —
Я вижу, ветер заревой
Играет полотном.

IV НА ОЗЕРЕ

И силу в грудь, и свежесть в кровь
Дыханьем вольным лью,
Как сладко, мать-природа, вновь
Упасть на грудь твою.

Волна ладью в размер весла
Качает и несет,
И вышних гор сырая мгла
Навстречу нам плывет.

Взор мой, взор — зачем склоняться?
Или сны златые снятся?
Прочь ты, сон! хоть золотой, —
Здесь любовь и жизнь со мной!

На волнах сверкают
Тысячи звезд сотрясенных,
В дымном небе тают
Призраки гор отдаленных.

Ветерок струится
Над равниною вод,
И в залив глядится
Дозревающий плод.

V
НОВАЯ ЛЮБОВЬ — НОВАЯ ЖИЗНЬ

Сердце, сердце, что такое?
Что смутило жизнь твою?
Что-то странное, чужое;
Я тебя не узнаю!
Всё прошло, что ты любило,
Всё, о чем ты так грустило:
Труд и отдых, всё прошло, —
До чего уже дошло!

Иль тебя цветком росистым
Эта девственность чела,
Взором кротким, нежно чистым
Своевольно увлекла?
Вдруг хочу от ней укрыться,
Встрепенуться, удалиться,
Но мой путь еще скорей
Вновь, увы! приводит к ней.

И меня на нити тонкой,
Безнаказанно шутя,
Своей равною ручонкой
Держит девочка-дитя;
Красоты волшебной сила
Круг заветный очертила.
Что за странность — как во сне!
О любовь! дай волю мне!

ГЕРМАН И ДОРОТЕЯ

I

КАЛЛИОПА

Судьба и участие

«Я не видал, чтобы площадь и улицы были так пусты!
Город — шаром покати! будто выморочный, и полсотни,
Кажется мне, изо всех обывателей в нем не осталось.
Вот любопытство что делает! Всякий бежит до упаду,
Чтобы только взглянуть на печальный изгнанников поезд.
Будет с полмили до той дороги, которой им ехать,
А, невзирая на пыль и полуденный зной, — побежали.
Право, я с места не тронусь затем, чтобы видеть несчастье
Добрых бегущих людей, с уцелевшим именем. Несчастливым
Чуждые страны за Рейном оставить пришлось и, на нашу
Землю ступя, захватить уголок безмятежно счастливый
Этой обильной долины, следя за ее направленьем...
Ты постушила прекрасно, жена, что, из жалости, сына
К бедным с холстиною старой, с питьем отпустила и пищей
Для раздачи, затем, что давать есть дело богатых.
Малый-то как покатыл! да как жеребцами он правит!
Право, повозочка новая очень красива, удобно
В ней четверым поместиться — и кучеру место на козлах.
Нынче один он поехал; смотри, как вернул в переулок».
Так, доволен собой, у домовых ворот против рынка
Сидя, жене говорит «Льва Золотого» хозяин.
И на слова его так отвечала разумно хозяйка:
«Право, старую я дарю неохотно холстину:
Часто на множество нужд ее и за деньги не сыщешь,
Если понадобится. Только нынче с такою охотой,
Много рубашек получше и наволок я отдавала;
Слышала, дети и старцы идут по дороге раздеты;
Только простишь ли ты мне? И в твоём я шкапу похищала,
И особенно, что твой халат с индийским узором
Я отдала. Он и жидок, и стар, да и вышел из моды».
Но, улыбнувшись, на то ей отвечивал добрый хозяин:
«Всё-таки старого жаль мне халата из ситцу — индийский
Был настоящий; такого теперь ни за что не достанешь.
Правда, его не носил я. Теперь хотят, чтоб мужчина
Всё ходил в скюртуке и всегда красовался в бужеше.
Вечно ходи в сапогах; в изгнании туфли и шапки».
«Видишь, — сказала жена, — иные из тех воротились,

Что смотрели на поезд: должно быть, уж он миновался.
Как башмаки запылились у них, как лица пылают,
Каждый держит платок носовой и пот утирает.
Нет! в такую жару далеко так на зрелище это
Я не кинусь бежать. И мне, право, довольно рассказов». —
Ей на такие слова сказал с ударением хозяин:
«Редко такая погода к такому жнитву подходила;
Хлеб мы так же сухой уберем, как и сено убрали;
На небе ясно кругом, не видать ниоткуда ни тучки —
И с востока отрадною дышит прохладою ветер.
Вот постоянное ведро, и рожь совершенно созрела.
Завтра начнем понемногу косить мы обильную жатву».
Так говорил он. Меж тем мужчины и женщины больше
Всё прибывали и больше, в дома проходя через площадь.
Так наконец с дочерьми воротился, резво подъезжая
К обновленному дому, сосед через площадь. Богатый
Был он хозяин в дому, да и первый купец в околотке.
(Ехал же он в открытой коляске ландауской работы.)
Улицы ожили все; городок населен был довольно:
Много и фабрик в нем, и много ремесл процветало.
Так у домовых ворот сидели оба, довольны,
Острым словом насчет проходящей толпы забавляясь.
Только хозяйка достойная так начала и сказала:
«Видишь ли, пастор идет сюда, а с ним и аптекарь,
Наш сосед: мы от них до подробности всё разузнаем,
Что они видели там и что видеть не радует сердца».
Дружески оба они подошли, поклонились супругам,
На деревянные скамьи садясь у ворот, отрясая
Пыль на ногах и платками в лицо навевая прохладу.
Первый, после взаимных приветствий, с речами своими
Так обратился аптекарь, сказав почти голосом грустным:
«Точно, таков человек, и один тут не хуже другого,
Рад позевать, если где-нибудь с ближним беда

приключилась.

Разве не всякий бежит смотреть на картину пожара
Иль на преступника, в час его шествия к месту кончины?
Вот и теперь все бегут смотреть на несчастья добрых
Изгнанных; даже никто не подумает, может быть, сам он
Скоро подобным несчастьем будет испытан. Такая
Ветреность хоть непростительна, только сродна человеку.
И на это в ответ благородный, разумный им пастор:
Он украшением был города, юноша, к мужеству близкий,
Был он проникнут высоким значеньем Святого Писанья —
В нем изучаем наклонности мы и судьбу человека, —

Также знал хорошо и лучшие книги мирские.

Он-то сказал: «Не должно бы, по мне, осуждать нам

невинных,

В грудь человека природой вдохнутых способностей. Часто
То, до чего не легко ни уму, ни рассудку достигнуть,
Тайно-счастливым и темным стремленьям доступно бывает.
Вот, не влеки любопытство к себе человека так сильно,
Что же, узнал ли бы он отношенье чудесное в мире
Всех предметов друг к другу? Сначала он нового ищет,
Дальше стремится к полезному всем прилежаньем и силой,
А наконец и к добру, почерпая в нем дух и значенье.
В юности легкая спутница, ветренность с ним, и она-то
Все покрывает опасности, все исцеляет недуги
Сердце томящей беды, как скоро она миновалась.
Точно! Отдашь предпочтенье тому, кто в позднейшие годы
Эту веселость развил в положительный разум, который
В счастье, равно как в несчастье, деятельно, смело стремится.
Он утраты свои заменяет познанием блага». —
Дружески речь прервала, горя нетерпеньем, хозяйка:
«Что, говорите, вы видели, сильно хотелось бы знать мне». —
«Вряд ли, — на просьбу такую сказал с удареньем аптекарь, —
После всего, что узнали мы, буду я весел так скоро.
Да и кому рассказать все различные виды несчастья?
Только что в поле мы вышли, уже в отдалении стала
Пыль нам видна; от холма до холма необъятною цепью
Поезд тянулся; в пыли различить было трудно предметы.
Но когда мы сошли поперечной дорогой в долину,
Много и конных и пеших толпилось еще перед нами.
Да! к несчастью, довольно мы видели бедных скитальцев,
Слышали кой от которых, как тяжело и горько изгнанье
И как сердцу отрадно сознание, что жизнь уцелела.
Грустно было смотреть на имущества разного рода,
В доме их не видать, потому что хороший хозяин
Всё расположит кругом и на месте, затем, чтобы тотчас
Были они под рукой; тут всё полезно и нужно.
Ну, а теперь это всё увидеть на разных подводах,
Без толку, наскоро всё перемешанным в быстром побеге.
Шкап, на нем решето с шерстяным лежит одеялом,
Зеркало под простыней, в корыто попала постеля.
Ах, как и сами мы видели за двадцать лет на пожаре,
Страх до того человека лишает сознание, что он
Часто хватает безделицу, а дорогого не помнит.
Так и эти везут с неразумной заботою вещи
Непригожие, только волю и лошади тягость:

Старые доски да бочки, гусиный садок и насести.
Жены и дети влачатся, под ношей узлов задыхаясь,
Тащат кульки и корзины с вещами, ненужными вовсе.
Да, тяжело человеку с последним добром расставаться!
Так по пыльной дороге тянулся толпящийся поезд,
В беспорядке мешаясь. Тому, кто на тощих животных,
Хочется ехать потише; другой впопыхах погоняет;
Вдруг послышался крик детей придавленных и женщин,
И между ревом скота собак раздалось завыванье,
Голос мольбы стариков и больных, которые сверху
Громоздко-грузной подводы в постелях сидели, качаясь.
Но, колею потеряв, колесо забирает со скрыпом
К самому краю дороги, и с насыпи фура в канаву
Падает. С маху людей, закричавших ужасно, далёко
Кинуло в поле, но, к счастью, так, что никто не убилися.
Им вослед сундуки повалились, но ближе упали.
Право, кто видел падение, тот ожидал, что увидит,
Как тяжелые шкапы и ящики всех передавят.
Фура сломалась, и люди лежали без помощи, каждый
Мимо ехал и шел, озабоченный только собою.
Всех за собой нетерпенье и общий поток увлекали.
Мы поспешили на помощь, — и что же? больные и старцы,
Те, которым и дома едва выносимо страданье
Долгое, здесь распростерты лежат, от боли стоная,
Солнечным зноем палимы и в серой пыли задыхаясь».
Тронут, на это сказал человеколюбивый хозяин:
«Если бы Герман нашел и снабдил их платем и пищей,
Я не желал бы их видеть: мне больно смотреть на несчастье.
Тронуты первую вестью такого страданья, мы тотчас
Скудную лепту от наших избытков послали, чтоб только
Нескольким помочь подать, а тем и себя успокоить.
Но не станем печальных картин обновлять перед нами:
Страх проникает и то очень быстро во грудь человека,
А забота мне даже и самого зла ненавистней.
В дальнюю комнату лучше пойдем: там очень прохладно;
Солнце в нее никогда не вступает, и воздух горячий
В толстые стены нейдет, а маменька полный стаканчик
Старого нам принесет, чтобы было чем думы рассеять.
Здесь невесело пить: мухи вьются, жужжа над стаканом».
Все удалились они и довольны были прохладой.
Мать принесла им заботливо чистую влагу напитка,
В светло-граненой бутылке, на ясном подносе из цинка,
С зеленоватыми рюмками — истым бокалом рейнвейна.
Так все трое они обсели светло налощенный

Круглый, коричневый стол, на тяжелых, незыблемых ножках.
Весело пело стекло у хозяина и у пастора;
Только третий сидел неподвижно задумчив над чашей,
И к нему обратился хозяин с доверчивой речью:
«Пей, сосед дорогой! покамест милость Господня
Нас хранит и в грядущем так же будет хранить нас.
Кто не сознается, что со времени злого пожара
Он, наказав однажды и строго, нас радовал снова
И охранял непрестанно, как сам человек охраняет
Более всякого члена любезную ока зеницу.
Что ж, неужели Он впредь нас оставит своей благодатью?
(Только опасности нас научают сознать Его силу.)
И неужели Он город цветущий, который из пепла
Вновь Он руками прилежными граждан построил, осыпав
Щедро дарами, опять разоря, уничтожит усилья?»
С кроткою радостью речь перервал рассудительный пастор:
«Веруйте в Бога и верны останьтесь таким убежденьям,
Ибо и в счастье они наш ум укрепляют, и в горе
Лучшей отрадой дарят и сердца оживляют надеждой».
«Да! — заметил хозяин, исполнен созрелого слова, —
Сколько я раз с изумленьем приветствовал рейнские воды,
Если, смотря по делам, я в дороге к нему возвращался;
Вечно велик представал он мне, чувство и дух возвышая;
Но и представить не мог я, чтоб этот приветливый берег
В непродолжительном времени стал нам окопом от франков
И русло это рвом и защитой от всякого худа.
Видите, так защищает природа и верные немцы,
Так защищает сам Бог, и кого ж поборают сомненье?
Все уж борцы утомились, и все намекает на мир нам,
Если бы мне с наступающим праздником вместе дожждаться,
В это же время, когда в нашей церкви звонят и под голос
Труб и органа Те Деум высокая слышится песня,
Если бы, батюшка, я говорю, в тот же день и мой Герман
У алтаря, перед вами, с невестою вышел своею
И повсюду торжественный праздник в грядущие годы
В то же время и днем мне домашнего счастья являлся.
Право, мне как-то не радостно юношу видеть, который
Дома прилежно заботлив, а в людях медлительно робок,
Мало веселья находит в люди казаться и даже
Он убегает сообщества девушек и равнодушен
К танцам веселым, которые всю молодежь привлекают».
Так говоря, стал прилежно он слушать, и скоро далекий
Топот копыт раздался, и повозка, суча колесами,
Быстро под своды ворот подкатилась с грохотом тяжким.

II ТЕРПСИХОРА Герман

Только что в комнату благовоспитанный сын показался,
Взором его пронизательным встретил пастор на пороге,
Всю окинул фигуру и стал замечать поведение,
Как наблюдатель, который лица выраженье читает,
И, улыбнувшись, к нему обратился с доверчивой речью:
«Вы воротились как будто другим человеком: ни разу
Вас и вашего зора таким оживленным не помню,
Так веселы и довольны. Заметно, что вы разделили
Бедным дары и от них благодарность святую прияли».
Сын на такие слова отвечал откровенно и скромно:
«Я не знаю, похвально ли я поступил; только сердце
Так поступать мне велело, как я расскажу вам подробно.
Магушка! вы так долго копались при выборе платья
Старого, поздно уже готов был завязанный узел,
Мешкали также вино уложить осторожно и пиво,
И когда наконец за ворота я выехал, тут же
Хлынули с женами мне и детьми горожане толпами
Прямо навстречу, — давно миновался изгнанников поезд.
Я поспешил и поехал резво по дороге в деревню,
Где, по рассказу, они ночевать остаются сегодня.
Только по новой дороге пустился я, вдруг на глаза мне
Фура попалась из плотного лесу, везла ее пара
Дюжих волов заграничных, самой огромной породы.
Сбоку же девушка шла и, походкою верной ступая,
Пару сильных животных, предлинным хлыстом понукая,
То подгонит, то сдержит. Она управляла разумно.
Только что я поравнялся, девушка смело поближе
Вдруг к лошадям подошла и сказала: не все мы в такой же
Горькой участи были, как видите нас на дороге.
Я не привыкла еще чужого просить подаянья.
Часто вручают его для того, чтоб разделаться с бедным.
Только нужда заставляет меня говорить: на соломе
Здесь жена богача разрешилась недавно родами.
Стоило много труда на волах и с беременной скрыться.
Мы отстали от всех, и едва она в жизни осталась.
Новорожденный лежит у нее на руках неодетый,
И лишь чем-нибудь малым помочь в состоянии наши,
Ежели в ближней деревне, где все ночевать собирались,
Мы их застанем; но я опасуюсь, что там уже нет их.
Коль из холста у вас лишнее что-нибудь есть и вы сами

Здесь по соседству живете, пожалуйста бедным на помощь». Так говорила она и, бледна, поднялась на соломе, Взор обращая ко мне, родильница. Я отвечал им: «Истинно часто сам Бог добрым людям влагает сознание О нужде, предстоящей внезапно несчастному брату; Матушка, будто предчувствуя ваш несчастье, узел Мне подала, чтобы я его отдал нагому страдальцу». Я развязал узелки у завязки и подал халат ей Нашего батюшки, подал холстины еще и рубашек. Благодаря, восклицала она: «Счастливы не верят, Что чудеса в наши дни совершаются, только несчастный Руку Господню и перст, на добро указующий, видит, Что Он на нас оказал через вас, и на вас Он окажет». И при мне осязать родильница стала холстину Весело, и особливо фланельный подбой на халате. «В ту деревню, — сказала ей девушка, — надо спешить нам, Где товарищи наши пробудут всю ночь, отдыхая. Там для ребенка, что нужно, я всё приготовлю». И еще раз, поклонясь, мне она изрекла благодарность, Тронула с места волов, и фура поехала; я же Всё лошадей еще сдерживал — сердце решить не умело, Ехать ли мне поскорее в деревню и там по народу Кушанье всё разделить, или тотчас и тут же на месте Девушке всё передать, чтоб она разделила разумно; Только раздумие в сердце я скоро решил и тихонько Следом поехал за нею, догнал и сказал ей поспешно: «Милая девушка! мне не одной холстины в повозку Матушка нынче дала, чтобы ею одел я нагого: Много прибавила пици она и всяких напитков. В заднем бауле повозки довольно того и другого. Мне захотелось и эти дары передать всё тебе же; Так, мне кажется, лучше я всё порученье исполню, Ты их разумно раздашь, а я бы их роздал случайно». Девушка мне отвечала: «Я ваши подарки со всею Правдой раздам и обрадую тех, кто нуждается больше». Так говорила она. Я открыл поскорее баулы, Вытащил окорока полновесные, вытащил хлебы, Также бутылки с вином и пивом и передал всё ей. Дал бы охотно и больше; но ящики все опустели. Всё уложила она родильнице в ноги и дальше В путь отправилась. Я лошадей развернул, да и в город». Только что Герман окончил, сосед разговорчивый тотчас В речи вступил и воскликнул: «Блажен, кто в годину

изгнанья

И беспорядка живет в своем доме одною душою,
И к кому ни жена, ни малютки не жмутся с боязнью.
Я сознаю мое счастье. Никак не решился теперь бы
Я называться отцом и радеть о жене и о детях.
Часто уже о побеге я думал, и лучшие вещи
Все укладывал. Старые деньги и цепи покойной
Матери, — всё еще цело: из них ничего я не продал;
Правда, много б осталось вещей, неудобных к отправке.
Даже кореньев и трав, со стараньем отысканных мною,
Было бы жаль мне, хотя и немного стоят товары.
Если провизор останется в доме, я буду покоен.
Спас я наличные деньги да тело свое, так и всё я
Спас. Одному человеку легко убежать и укрыться».
Юноша Герман на то с удареньем заметил соседу:
«Нет, я мненья другого и вашу речь осуждаю.
Разве тот человек достойный, кто в горе и счастье,
Лишь о себе помышляя, делить ни тоски, ни веселья
Не умеет и в сердце на это призванья не слышит?
В наше время скорей я на брак в состояньи решиться:
Сколько достойных девиц лишены покровительства мужа,
Сколько мужчин без жены, подающей отраду в несчастьи».
С тихой улыбкой отец на это: «Я рад тебя слушать,
Редко со мной говоришь ты такие разумные речи».
Но мягкосердая мать перебила слова его быстро:
«Сын мой, ты прав! И тебе мы, родители, служим примером:
Мы избирали друг друга не в ясные дни наслажденья:
Нет! скорей нас печальное самое время связало.
В понедельник поутру, я помню еще, накануне
Был тот страшный пожар, который разрушил наш город,
За двадцать лет перед этим, как раз в воскресенье, как нынче,
Время было сухое, и мало воды в околотке.
В праздничных платьях все жители вышли гулять за заставу,
По деревням разбрелись, по корчмам и по мельницам ближним.
В самом конце занялось, и пламя пожара вдоль улиц
Кинулось быстро, своим стремлением ветер рождая.
Все амбары, наполнены жатвы обильной, сгорели,
Улицы все погорели по самую площадь, отцовский
Дом мой сгорел по соседству отсюда, а с ним вот и этот.
Мало спасли мы. Всю ночь, эту грустную ночь, я сидела
Перед городом в поле, храня сундуки и постели.
Сон наконец превозмог, и когда зарева прохлада,
Провозвещница раннего солнца, меня разбудила,
Дым увидала и жар я, и голые стены да печи.
Сердце заняло мое. Только солнце еще лучезарней,

Чем когда-либо, встало и в душу надежду вдохнуло.
Я поскорей поднялась. Захотелось невольно мне видеть
Место, где дом наш стоял, и целы ли куры, которых
Я особенно любила; разум-то был еще детский.
В ту минуту, когда я по дымным бродила обломкам
Нашего дома и видела всё разрушенье жилища,
Ты показался с другой стороны и обыскивал место.
Лошадь твою завалило в конюшне. Горячие балки
Тлели в мусоре черном, и не было следу скотины.
Так в раздумьи печальном стояли мы друг против друга.
Вся стена, разделявшая наши дворы, развалилась.
За руку тотчас меня ты взял и стал говорить мне:
Лиза! зачем ты пришла? Ступай! прочадеют подошвы.
Видишь, как мусор горяч; сапоги и покрепче, да тлеют.
И, поднявши меня, ты понес через свой опустелый
Двор. Там одни ворота уцелели со сводами; только
В целом доме осталось, и те же они до сегодня.
Ты, опустив меня, стал целовать, и я отвернулась.
Только на то отвечал ты значения полным приветом:
«Дом мой сторел, оставайся и строитья вновь помогай мне,
Я же, напротив, отцу твоему помогу в его деле».
Но понятья я тебя не могла, доколе к отцу ты
Матери не подослал и не кончил веселою свадьбой.
Даже поныне я помню полуобгорелые балки
С радостью и, как теперь, вижу солнце в торжественном блеске.
Этому дню я супругом обязана. Первое время
Диких развалин меня подарило возлюбленным сыном.
Вот почему я хвалю тебя, Герман, что, полон надежды,
Девушку тоже избрать ты задумал в печальное время
И не пугаешься брака в годину войны и развалин».
С живостью тотчас на это заметил отец и сказал им:
«Мысли такие похвальны, и всё, что ты нам рассказала,
Маменька, истинно так приключилось от слова до слова.
Только что лучше, то лучше: не всякому в жизни придется
Всем заводиться опять, начав с безделицы каждой,
И не всем же себя так мучить, как мы и другие.
О, блажен, кому дом от отца и от матери полный
Достается! его украшать только станет наследник!
Трудно во всём начинать! И всего труднее в хозяйстве,
Мало ли нужно вещей человеку! а всё дорожает
С каждым днем, и на то припасай он поболее денег.
Так-то и я на тебя надеюсь, мой Герман, что скоро
В дом ты невесту ко мне приведешь, с хорошим приданым.
Дельный мужчина, конечно, достоин богатой невесты,

Да и приятно, когда за желанной супругою в двери
Всякого рода добро понесут в сундуках и коробках.
Не напрасно для дочери мать в продолжение многих
Лет холстину готовит из пряжи надежной и тонкой,
Крестный прибором серебряным так дорожится недаром
И отец бережет дорогие червонцы в конторке.
Юношу ей со временем должно обрадовать этим
Всем приданым за то, что ее между всеми избрал он.
Да, я знаю, как весело в доме жене, если утварь
Вся знакомая собственность ей и в покоях, и в кухне,
Если и стол и постеля накрыты ее достоянием.
Только б невесту богатую принял я с радостью в дом свой.
Бедную станет муж презирать и начнет обходиться,
Как со служанкою, с той, что пришла с узлом, как служанка.
Несправедливость порок наш, а время любви переходит.
Да, мой Герман, мою бы ты старость утешил, когда бы
Мне ты невесточку в дом из соседства привел, понимаешь,
Вон, из зеленого дома. Отец человек с состоянием,
Фабрики знатно идут у него, от торговли он с каждым
Днем богатеет. Купец со всего барыши наживает.
Только три дочери всех; им одним достается именье.
Старшая сговорена уж, я знаю, и только вторая
Да меньшая на время, быть может, доступны исканьям.
Если бы я на твоём был месте, не стал бы я медлить,
Девушку взял бы себе, как я себе маменьку выбрал».
Скромно отвечивал сын на такие отцовские речи:
«Точно, хотел, по желанию вашему, дочь у соседа
Взять за себя я. Росли мы вместе, часто играли
В прежнее время на площади подле колодца, и часто
Я им от шалостей мальчигов резвых бывал обороной.
Всё это было давно, и по возрасту девушкам должно
Было в дому оставаться и резвые игры покинуть.
Верно, они образованны. Я, как старинный знакомый,
Всё еще в дом их ходил, исполняя желание ваше;
Но никогда я не мог проводить с ними весело время.
Вечно смеялись они надо мной и меня обижали:
Мой сюртук очень длинен, и цвет и сукно слишком грубы,
Волосы дурно причесаны и не завиты, как должно.
Вздумал и я нарядиться, как те молодые сидельцы,
Что по праздникам в доме у них появляются, те, что
Целое лето вертятся в своей полушелковой тряпке.
Только я рано довольно заметил насмешки их снова;
Это мне стало обидно и гордость мою унижало.
Больно мне было: они чистоту моих побуждений

Не хотели понять, и особенно Мина, меньшая.
К ним на Святой я ходил с последним моим посещением.
Новый сюртук, что теперь наверху в гардеробе повешен,
Был на мне, и завил волоса я не хуже другого.
Только вошел я, они засмеялись; но я не смутился.
За клавикордами Мина сидела, отец их был тут же.
Он с удовольствием слушал, как пела любезная дочка.
Многого в песне понять я не мог и не знал, что такое,
Только часто я слышал Памина и часто Тамино.
Я не хотел быть немым, и, только окончилось пенье,
О содержаньи его и об этих двух лицах спросил я.
Все замолкли, смеясь, но отец отвечал мне: “Ты, верно,
Знаешь только, мой друг, одного Адама и Еву?”
Тут никто удержаться не мог, и всё хохотало:
Мальчики, девушки, все; — а старик поджимал свое брюхо.
Шляпу мою со стыда уронил я, и всё это время,
Что ни пели они, ни играли, а смех продолжался.
Я со стыдом и печалью домой воротился, повесил
В шкаф свой новый сюртук, волоса растянул завитые
Пальцами и поклялся никогда не бывать в этом доме.
Я был прав, потому что они и горды, и без чувства,
И, я слышал, у них я слышу и поныне Тамино». —
Мать на это ему: «На детей бы ты, Герман, не должен
Был так долго сердиться; а, право, они еще дети.
Мина, точно, добра и всё тебя помнит, наемни
Спрашивала у меня про тебя. Вот ее бы ты выбрал!»
Грустно задумчив, на это ей сын отвечал: «Я не знаю,
То оскорбление как-то глубоко запало мне в сердце,
И не хотелось бы мне опять ее песню услышать».
Только отец подхватил, возвышая сердитые речи:
«Мало я радости нажил в тебе и всегда говорил я
Это, когда к лошадям ты оказывал склонность да к пашне.
Чем работник у добрых людей занимается, тем ты
Занят; отец, между тем, всё время без сына, который
Честь бы ему приносил, находясь между прочих сограждан.
Мать и давно уж меня всё пустою надеждой питала
С самой школы, когда ни писать, ни читать не учился
Ты, как другие, и вечно сидел на скамейке последним.
Правда! Всё оттого, если нет самолюбия в сердце
Юноши и не влечет его честь на высокую степень.
Если б отец обо мне так заботился, как о тебе я,
В школу меня посылал, да держал бы учителя в доме,
Да! я был поважней бы хозяина «Льва Золотого».
Медленно сын поднялся и тихонько приблизился к двери,

Безо всякого шуму, но следом за ним раздраженный
Так отец закричал: «Ступай! Я знаю упрямца!
Что же! ступай занимайся хозяйством, чтоб я не бранился,
Но не думай, что ты деревенскую девку, мужичку
Можешь когда-либо в дом привести мне своею женою.
Жил я на свете довольно — умею с людьми обходиться.
И господам угождаю, и дамам, и все остаются
Мною довольны, затем, что умею польстить незнакомцу.
Но за это хочу, чтоб невестушка мне воротила
Всё, наконец, и труды, и заботы мои услаждая.
На клавикордах играть мне должна она. Лучшие люди
Города пусть у меня собираются так же, как в доме
Это в воскресные дни у соседа бывает...» Тихонько
Сын надавил на замок, и безмолвен из комнаты вышел.

III ТАЛИЯ Граждане

Так от заносчивой речи почтительный сын удалился;
Но отец продолжал в том духе, в котором он начал:
«Если нет чего в человеке, того и не будет,
И напрасно мне ждать исполнения лучших желаний,
Чтоб был сын не таков, как отец, но лучше гораздо.
Что же бы с домом случилось и с городом, если бы каждый
Не старался поддерживать, возобновлять, что имеет,
И украшать в духе времени, по заграничным примерам?
Не как грибу из земли, наконец, расти человеку
И на месте том сгнивать, на котором родился,
Не оставляя следа своих занятий при жизни.
Так же по дому легко угадать, каков-то хозяин,
Как городок проезжая, понять, каково в нем начальство.
Там, где башни и стены в развалинах, где по канавам
Сор накопился, и сор по улицам всюду разбросан,
Там, где тронулся камень с места и вновь не задвинут,
Где перегнило бревно и дом вотще ожидает
Новой подпоры, — понятно, что там управленье худое;
Где чистоты и порядка от всех не требуют свыше,
Там легко гражданин привыкает к будничной грязи,
Как и нищий к своим под конец привыкает лохмотьям.
Вот почему я хотел, чтобы в скором времени Герман
Попутешествовал: пусть хоть Страсбург да Франкфурт увидит
И веселый Мангейм, построенный ровно и чисто.

Кто видал города большие и чистые, будет
Свой родной городок, как ни мал он, стараться украсить.
Разве не хвалит приезжий наших ворот обновленных?
Не прославляет ли всяк мостовой, широких каналов,
Под землей проведенных, с которыми мы безопасно
Можем огонь утушить везде при самом начале?
Всё окончено это со времени злого пожара.
В ратуше я шесть раз строителем был, и всё время
Слышал одни похвалы и признательность добрых сограждан.
Всё, начатое мной, я старался окончить и планы
Честных людей исполнять, от которых они отказались.
Так за дело взялись, наконец, все члены совета.
Каждый стремится теперь, и уже утвердили постройку
Новой дороги, которая свяжет наш город с большою.
Только я сильно боюсь, молодежь поступать так не станет!
Думают только одни о весельи пустом да нарядах,
А другие всё дома сидят, забившись за печкой.
И боюсь я весьма, чтоб мой Герман таким не остался».
Добрая, умная мать отвечала на это немедля:
«К сыну, однако, никак ты быть справедливым не хочешь.
Этим путем ни за что не достигнешь желаемой цели:
Мы не можем детей изменять по собственной воле,
Как они созданы Богом, такими должны мы любить их,
О воспитаньи радеть, склонностей в них не стесняя,
Тот имеет одну способность, а этот другую,
Каждый своею живет и каждый по-своему только
Добр и счастлив. Напасть на Германа я не позволю.
Знаю, он достоин того, что получит в наследство,
И хозяином будет отличным, примерным для граждан.
Я предвижу, что он и в совете не будет последним.
Но пересудами ты, как сегодня, да вечно бранью
Ежедневно у бедного дух отнимаешь последний».
И она удалилась из комнаты следом за сыном,
Чтобы его отыскать где-нибудь и словами участия
Снова обрадовать. Сын почтительный этого стоил.
Только что вышла она, отец, улыбаясь, заметил:
«Станный, однако, народ эти женщины, так же, как дети!
Каждому хочется жить, поблажая собственной воле,
И потом еще ждут, чтобы любили их да хвалили.
Как постоянно везде справедлива пословица древних:
Кто вперед пойдет, тот назад подается. И правда!»
И в раздумьи на эти слова заметил аптекарь:
«С вами я, сосед, охотно согласен, и сам я
Рад улучшенью, когда оно ново и дешево стоит.

Но какая же польза, коль денег больших не имеешь,
Быть в хлопотах, улучшить стараясь внутри и снаружи?
Гражданин ограничен во всём, он блага достигнуть
Даже с сознанием не может; ему кошелек не позволит.
Много потребностей есть, и затем затруднения всюду.
Я бы многое сделал. Но кто ж не боится издержек
При перемене? к тому ж времена-то пришли дорогие.
В мыслях дом мой давно улыбался мне в модном наряде,
В нем давно предо мной сверкают огромные стекла;
Но куда за купцом угоняться, который кроме
Средств, владеет путями добыть всё лучшее прямо?
Посмотрите на новый дом против нас: как красиво
Из штукатурки бегут завитки по зеленому полю.
Стекла огромные в окнах блестят и сияют так ярко,
Что собой остальные дома затмили на рынке.
После пожара, однако, ведь наши были всех красивей:
Там над аптекою ангел, здесь вывеска «Льва Золотого».
Так и сад мой был известен во всем околотке.
Каждый проезжий, бывало, сквозь красную смотрит решетку
На размалеванных карлов моих и на каменных нищих.
А кого, бывало, попотчую кофеем в гроте
(Правда, грот-то теперь запылен и почти развалился),
Тот не мог нахвалиться сиянию раковин ярких,
Чудно подобранных. Даже не раз знатоки ослепленным
Оком смотрели на блеск свинца и на яркость кораллов.
В зале не менее нравились всем живописные стены,
По которым гуляют в садах разодетые дамы
С господами, держащими в тонких перстах по цветочку.
Кто захочет теперь и смотреть-то на это? Я редко
С горя и сам гуляю. Теперь всё должно быть иначе.
Да, как они говорят, со вкусом, всё просто и гладко;
Все скамейки из дерева, ни позолоты не нужно
Им, ни резьбы; а чего выписное-то дерево стоит?
Я бы тоже не прочь заводиться чем-нибудь новым,
Об руку с веком идти и утварь менять беспрестанно.
Но для всякого страшно безделицу самую тронуть.
Кто в настоящее время платить в состоянии рабочим?
Вздумал на вывеске я Михаила Архангела как-то,
Было, опять золотить, да кстати и страшного змея,
Что у ног-то его извивается, только опять я
Бурыми их оставил: меня испугали запросом».

IV
ЭВТЕРПА
Мать и сын

Так говорили мужчины, беседея. Мать, между прочим,
Сына пустилась искать, за воротами дома сначала,
Где, по привычке, он сиживал часто на камне скамейки,
Но, не найдя его там, заглянуть пошла на конюшню:
Может быть, сам убирает он милых лошадок, которых
Сосунками купил, никому не вверяя присмотра.
Там ей работник сказал, что в сад он пошел. И, не медля,
Мимо конюшни она и мимо красивых сараев,
Вдоль по двойному двору, торопливо прошла и вступила
В сад, который далеко холстом протянулся до самых
Стен городских, и его перешла, на растенья любуясь,
Тут же подпорки поправила те, на которых тяжелый
Сук опирается яблони или развесистой груши,
Несколько также червей посняла мимоходом с капусты.
Домовитая женщина шагу напрасно не ступит.
Так прошла и весь сад она длинный до самой беседки,
Свежею зеленью скрытой; но сына в ней не было: так же,
Как и в саду, по сю пору нигде его не было видно.
Только калитка едва приперта из беседки (калитку
Эту в стене городской проломил, по особенной власти,
Предок почтенный давно, как был он еще бургомистром),
Так свободно она перешла и сухую канаву,
Где виноградник от самой дороги в надежной ограде
Вдоль по тропинке крутой поднялся, обращаясь на полдень.
Также и тут, восходя, она любовалась обильем
Гроздий, которые чуть укрывались под зеленью листьев;
В средней высокой и скрытой аллее дышала прохлада.
Должно по плитам нетесаным было в нее подыматься.
Всюду висели кругом мускатель и прозрачный гутедель, —
Был между ними и сизо-малиновый крупной породы, —
Сажены все для того, чтоб поднос украшать перед гостем.
Но в остальном винограднике лозы росли особливо:
Их виноград, для вина дорогого назначенный, мельче.
Так, поднимаясь в гору, она улыбалась заране
Осени близкой и дню, в который во всем околотке
Гроздья снимают и жмут и бочонки вином наполняют...
Вечером всюду потешным огнем озаряется небо
С треском, и тем почитается эта прекрасная жатва.
Но беспокойней пошла она дальше, окликнувши сына
Два или три раза — ей только башни градские на это

Слали в ответ многократно свое говорливое эхо.
Странно ей было искать: далеко никогда не ходил он.
Если ж, бывало, пойдет, то скажется ей, для того, чтоб
Все опасения любящей матери тем успокоить,
Только она всё надеялась встретить его на дороге.
Обе калитки вверху и внизу виноградника были
Отперты настезь, — и так она в поле вступила, которым
Вся от вершины холма далеко покрывалась равнина.
Всё по своей же земле еще шла она весело, всюду
Свой озирая посев и обильную рожь, у которой
Колос светло-золотой колыхался по целому полю.
Между посевом пошла она полем по узкой тропинке
Прямо к холму, на котором огромная груша стояла,
Там, где рубеж отделял их поля от соседнего поля.
Кто ее тут посадил — неизвестно. По дальней округе
Всюду виднелась она, и плоды ее славились также.
В полдень под нею жнецы подкреплялись обеденной пищей,
А пастухи, отдыхая в тени, берегли свое стадо.
Были под нею скамейки из дикого камня и дерну.
Точно, мать не ошиблась: там Герман сидел, отдыхаая.
На руку тихо склоняясь, он, казалось, смотрел в отдаленье:
В горы по той стороне; а к матери был он спиною.
Тихо подкралась она и плеча его тихо коснулась.
Он обернулся — она увидала в очах его слезы.
«Матушка, — ей он, смутясь, — вы меня изумили», и тотчас
Юноша слезы отер, благородного чувства исполнен.
«Как? — заметила мать изумленная, — сын мой, ты плачешь?
Это мне ново в тебе! я слез за тобою не знала!
Чем огорчен ты, скажи? что тебя тут сидеть заставляет
В уединеньи под грушей? зачем эти слезы во взоре?»
Юноша кроткий на это сказал ей, владея собою:
«Истинно, нет у того под грудью железною сердца,
Кто в настоящее время не чувствует горя скитальцев;
Нет и ума в голове у того, кто о собственном благе,
О безопасности родины в эту годину не мыслит.
То, что я видел и слышал сегодня, мне тронуло сердце.
Вот я вышел сюда и смотрю на обильные нивы,
Как живописно они от холма до холма раскинулись!
Вижу, как рожь по загонам золотая качается; вижу,
Как обещают плоды переполнить у нас кладовые.
Только — увы! — неприятель так близко. Хоть рейнские воды
Нас и хранят, но — увы! что и воды и горы народу
Этому страшному, он, как ненастная туча, несется!
Старых и малых они отовсюду скликают и мощно

Прямо вперед да вперед напирают. Толпа не боится
Смерти, и новая тотчас стремится толпа за толпою.
Ах! и немец решается в доме своем оставаться?
Может быть, думает он уклониться от общего горя?
Милая матушка! знайте, сегодня и грустно и больно
Мне, что наемни меня отстранили при выборе граждан
В ратное дело. Не спорю. один у родителей сын я,
Наше хозяйство огромно, и наши занятия важны:
Но не лучше ли там, на границе мне ждать нападения,
Чем вот тут у себя ожидать униженья и рабства?
Да, я чувствую сам в груди нетерпенье и силу.
Жить я готов и равно умереть готов для отчины.
Пусть и другие во мне пример достойный увидят.
Право, если бы нам молодежь всю сильную нашу
Там, на границе, поставить и ждать неприятелей смело,
О! не пришлось бы топтать им нашу чудесную землю,
В наших глазах истреблять и плоды и обильную жатву,
Повелевая мужчинам, а жен и девиц расхищая.
Видите, матушка, я решился в душе поскорее
Сделать то, что благим и достойным мне кажется: тот, кто
Думает долго, из двух не всегда выбирает удачно.
Видите, я не вернусь уже в дом наш, а прямо отсюда
В ближний город иду и воинам там посвящаю
Эту руку и эту грудь на службу отчизне.
Батюшку спросите вы, нет ли в сердце моем благородства
И не влечет ли честь и меня на высокую степень».
Добрая, умная мать отвечала ему, проливая
Тихие слезы (они на глазах показались невольно):
«Что это, сын мой, в тебе и в душе у тебя изменилось,
С матерью ты говоришь не так, как говаривал прежде, —
Прямо, открыто, во всем поверяя желания сердца.
Если бы третий теперь тебя подслушал, он, точно,
Словом твоим и значением твоих речей увлеченный,
Стал бы решение твое хвалить за его благородство;
Только зная тебя коротко, я тебя осуждаю.
В мыслях иное совсем у тебя, и скрываешь ты сердце.
Не барабан, не труба тебя вызывают, я знаю;
Не желание к девушкам в новом мундире явиться,
Нет! по способностям ты вполне предназначен к другому —
Дом охранять, безмятежно и мирно возделывать поле.
Вот почему откровенно скажи: отчего ты решился?»
«Матушка, вы ошибаетесь, — сын ей на это, — день на день
Не приходит, и юноша станет мужать понемногу,
Часто он зреет в тиши скорее на дело, чем в этой

Дикой жизни, которая многих людей погубила.
Как я ни тих и ни смирен, однако, в груди незаметно
Сердце мое научилось неправо и зло ненавидеть;
В мире я тож различить худое с хорошим умею,
Да и в работе мои окрепли и руки и ноги, —
Всё это правда, и в этом я смело могу быть уверен.
Только вы всё-таки, матушка, правы, и я вполонину
Правду вам говорил, а в другой говорило притворство.
Если признаться, меня не близость беды вызывает
Вон из дому отца и не те высокие мысли
Быть полезным отечеству, а неприятелю страшным:
Это одни я слова говорил, для того, чтоб от вас мне
Скрыть те чувства, которые сердце мое раздирают.
Так оставьте меня вы, матушка. Если напрасным
Чувством полна эта грудь, пусть и жизнь эта вянет напрасно.
Слишком уверен я в том, что стремление частное только
Вредно себе самому, если к целому все не стремятся».
Благоразумная мать на это ему: «Продолжай же
Всё рассказывать мне до самой подробности мелкой.
Все вы пылки, мужчины, и видите лишь окончанье;
А затруднение пылких легко совращает с дороги,
Женщина в этом искусней: она помышляет о средствах,
Как бы дорогой окольной желаемой цели достигнуть.
Ты откровенно скажи мне, чем так сильно растроган,
Как никогда я тебя не видала. Взволнован ты сильно,
А на глазах поневоле горячие слезы сверкают».
К матери пав на грудь и грусти давая свободу,
Громко юноша добрый заплакал навзрыд и сказал ей:
«Батюшка нынче ужасно меня оскорбил укоризной.
Этого я никогда заслужить поведением не думал.
С первых мне лет почитать родителей было отрадой.
Всех умней для меня казались виновники жизни,
Благопремудрые судьи и пестуны темного детства.
Много в ребячестве я перенес от товарищей школьных:
За доброту они мне нередко коварством платили.
Часто случалось от них сносить швырки и удары.
Если ж, бывало, они над отцом начнут издеваться,
Как он задумчивым шагом идет в воскресенье из церкви,
Ленту на шляпе его осуждать иль цветы на халате,
Бывшим ему так к лицу и отданном только сегодня, —
Страшно сжимался кулак у меня, и с отчаянной злобой
Я колотить начинал без разбору, куда ни попало.
Громко, с носами, разбитыми в кровь, они выли и только-
Только могли убежать от ужасных пинков и побоев.

Так подрастал я на то, чтобы после от бабушки часто
Вместо других выносить оскорбленья и речи укора.
Если, бывало, его в заседаньи последнем взволнуют,
Я отвечаю за всё: за козни и споры совета.
Часто об участи жалкой моей вы и сами жалели.
Но в душе я ценил заботы родителей нежных,
Их попеченья для нас свое умножать состоянье,
Часто стесняя себя из желанья детям оставить.
Только — увы! — не в одном береженьи для будущих целей
Счастье наше сокрыто и, как ни приятно довольство, —
Счастия нет в умножении наших полей и достатка.
Вместе с отцом престарелым стареются также и дети,
Светлого дня не видав и о завтрешнем вечно заботясь.
Сами взгляните сюда и скажите, не правда ль, как чудно
Всё раскидалось кругом: внизу виноградник и сад наш,
Дальше сараи, конюшни и дом, как полная чаша;
Но когда я на дом посмотрю и увижу окошко,
То из коморки моей, под самую крышей, невольно
Мне на память приходит время, в которое там я
Долго месяца ждал по ночам или раннего солнца.
Крепкого сна на короткое время бывало довольно.
Ах! каким одиночеством веяли в эти минуты
Комната, сад и холмов далеко убежавшие скаты!
Всё предо мною лежало пустынно, и ждал я подруги».
Добрая мать отвечала на это разумною речью:
«Сын мой, если ты новобрачную ждешь, чтобы с нею
Ночь обратилась тебе в половину прекрасную жизни,
Все дневные заботы твои награждая, поверь мне,
Мать и отец для тебя желают того же. Мы сами
К выбору девушки часто тебя принуждали советом.
Только я знала сама, а теперь говорит мое сердце,
Ежели час роковой не настанет да вовремя в пору
Девушки суженой нет, все поиски будут напрасны,
Пуще всего ошибиться при выборе кажется страшным.
Сын мой, сказать ли тебе, мне кажется, ты уже выбрал,
Сердце грустней у тебя и чувствительной стало гораздо.
Прямо со мной говори, а мне уже сердце сказало:
Ты сегодня ту девушку, ту изгнанницу выбрал».
«Милая матушка, — сын подхватил с увлеченьем, —
Точно, точно, ее! и если сегодня же в дом свой
Я невестой ее не введу, в такой суматохе
Всех переездов и войн и следа ее после не сыщешь.
Матушка, тщетно тогда будет всё для меня достоянье,
Тщетно грядущие годы украсятся жатвой обильной,

Самый дом наш и сад для меня потеряют значенье.
Нежность матери даже — увы! — не утешит страдальца.
Чувствую сам, что любовь разрешает все прочие узы,
Если скрепляет свои; и не девушка только оставит
Мать и отца своего, прилепляясь к мужу душою:
Нет! и юноша мать и отца позабудет, увидя,
Как удаляется девушка, милая сердцу навеки.
Вот почему я пойду, куда поведет меня горе.
Батюшка высказал ясно решение свое, и мне дом ваш
С этой минуты чужой, потому что девушка эта —
Так решено — никогда в нем не будет моею супругой».
Добрая, умная мать перебила слова его быстро:
«Двое мужчин будто горы становятся друг против друга —
Горд, непреклонен, никто уступить не желает другому,
К первому доброму слову язык повернуть не решится.
Сын мой, послушай меня: я покуда питаю надежду,
Что отец, если девушка, точно, добра и достойна,
Сам, невзирая на бедность ее, оправдает твой выбор.
Часто в пылу говорит он и то, чего не исполнит,
Так и на то, в чем сперва отказывал, будет согласен.
Только доброго слова он ждет — и ждать его вправе:
Он отец. И ты знаешь, что гнев его после обеда
Редко значителен: тут говорит он в жару и не хочет
Верить другим, потому что вино возбуждает все силы
В нем, не давая внимать речам постороннего слова.
В это он время себя одного только слышит и знает.
Но приближается вечер, и, мало-помалу стихая,
Все разговоры его с друзьями начнут истощаться.
Он становится кротче, я знаю, когда освежится
И припомнит, что он в увлеченьи обидел другого.
Встань! Мы тотчас пойдем — в решении скором удача.
Нам друзей его должно застать, они еще там же
С ним сидят; особенно духовный отец будет нужен».
Так говорила она и взяла, подымаясь с камня,
За руку сына, который охотно последовал. Оба
Молча пошли, в голове обсуждая решительный замысл.

V ПОЛИГИМНИЯ Космополит

Точно, все трое еще сидели, беседуя вместе:
Сам хозяин, особа духовная, с ними аптекарь.
Всё еще так же у них разговор продолжался, и часто

То к одному, то к другому предмету их речи склонялись.
Но добродушный пастор с благородною целью заметил:
«С вами я спорить не буду: я сам сознаю, человеку
К лучшему должно стремиться, и он, как мы видим, стремится
Если не к высшему, то, по возможности, нового ищет,
Но далеко не заходит, затем, что при этом желаньи
Нам от природы склонность дана оставаться при старом,
Тем наслаждаясь, к чему уже каждый привык с малолетства.
Всякий род жизни хорош, будь естествен он да разумен.
Много ищем мы все, а всего-то нам нужно немного.
Жизнь коротка и судьбой ограничена смерного доля.
Я никогда охуждать не стану того, кто отважно
Все объезжает моря и земные пути, непрестанно
Полон забот и надежд, и рад, если прибыль осыплет
Щедро его и людей ему близких своими дарами.
Только по-моему так же почтен гражданин безмятежный:
Он наследство отцовское тихой стопою обходит
И, сообразно со временем, должен возделывать поле.
Почва владенья его не меняется с каждой весною,
Вновь насажденное дерево к небу не тогчас подымет
Длинные ветви свои, отягченные цветом обильным.
Нет! хозяину нужно терпенье, нужен и чистый,
Верный себе самому спокойный рассудок и разум.
Малую долю семян он лону земли поверяет,
Также немного пород разводит домашних животных,
Всем помышлением только стремясь к тому, что полезно.
Счастлив тот, у кого от природы такая склонность:
Он питает нас всех. Блажен обыватель в безвестном
Городе, если успел сочетать ремесло с земледельцем:
Не тяготее над ним ежедневный страх селянина
И не смущает забота граждан, которые вечно
Многoго ищут, во всём желая равняться с богатым,
Высшим себя по породе, особенно жены и дочери.
Благословите поэтому тихие склонности сына,
Также супругу его, если ровню себе изберет он».
Так пастор говорил. И мать вошла в это время,
За руку сына ввела и поставила перед супругом.
«Часто, — сказала она, — отец, мы, болтая друг с другом,
Всё помышляли с тобой о дне веселом, в который,
Выбрав невесту, нас наконец обрадует Герман.
Думали так мы и сяк тогда, то одну, то другую
Девушку нашей родительской речью ему присуждая.
Вот теперь тот день вожделенный настал, и невесту
Небо ему привело, показало, а сердце решило.

Не всегда ли мы говорили: пусть выбирает.
Ты недавно желал, чтоб открыто и всею душою
К девушке он привязался. И вот наступила минута:
Он привязался, избрал и решился в душе, как мужчина.
Эта девушка та иностранка, что в поле он встретил.
Благослови их, иль он поклялся, что останется холост».
«Батюшка, — сын подхватил, — на ней позвольте жениться!
Сердце избрало ее; она вам достойной невесткой
Будет». Только отец молчал. Пастор в это время
Быстро встал и сказал: «Мгновение только решает
Всю судьбу человека и всё направление жизни.
Как ни рассматривай дела, решение всё-таки будет
Делом мгновенья, и должное выберет только разумный.
Очень опасно при выборе тут же в побочных предметах
То и другое обдумывать: этим сбивается чувство.
Герман чист. Я знаю его с малолетства. Ребенком
Он уже рук не протягивал то к одному, то к другому.
Только возможного он желал и держал его крепко,
Так не смущайтесь теперь, что вдруг перед вами явилось
То, чего вы давно ожидали. Явление, точно,
Приняло образ иной, а не образ ваших желаний.
Часто за нашим желаньем мы цели желанья не вторим:
Свыше снисходят дары, облеченные в собственный образ.
Что ж! Той девушки вы не чуждайтесь, которая сыну
Вашему доброму, умному, тронула душу впервые.
Счастлив тот, кому первая милая руку протянет:
Лучшее чувство его не умрет, затаенное в сердце.
Я по лицу его вижу, что участь его совершилась.
Страсть роковая мгновенно юношу делает мужем.
Воля в нем есть, и я опасаясь, что после отказа
Лучшие годы свои проведет он в томительной грусти».
Тотчас на это разумно, к слову, заметил аптекарь:
(Речи давно с языка у него покушались сорваться):
«Лучше и здесь пойдем надежным путем середины —
Споро, не скоро! Сам Август избрал эти речи девизом.
Я охотно служить готов дорогому соседу,
Свой ограниченный разум на пользу его предлагая.
И особенно для юности нужно во всем руководство.
Дай отсюда пойду и девушку там испытаю.
Выспрошу тех, кто знает ее и вместе живет с ней.
Я обманусь не легко: и слов разумею значение».
Тотчас сын поспешал на это крылатую речью:
«Что ж, ступайте, сосед, расспросите. Но мне бы хотелось,
Чтобы при вас господин пастор был товарищем в деле.

Двое подобных мужей — какой же поруки надежней?
Батюшка! Девушка эта не беглянка, поверьте,
Не из тех, кто пускаются всюду искать приключений
И неопытных юношей в сети свои уловляют.
Нет! разрушительный жребий войны, сотрясающей землю,
Тот же самый, который много зданий разрушил
До основания, он-то несчастную из дому выгнал.
Мало ли знатных людей, благородных, скитаются в горе!
Принцы, скрываясь, бегут, в изгнаныи живут государи.
Ах! всё та же судьба и ее от сестер оторвала.
Здесь на чужбине она, забывая о собственном горе,
Служит другим и, сама бесприютная, им помогает.
Точно, велики несчастья и нужды, покрывшие землю,
Но, быть может, в самом несчастье тут кроется счастье:
Может быть, я объятем невесты и верной супруги
Буду обязан войне, как вы когда-то пожару».
Тут заметил отец, значительно рот раскрывая:
«Как это, сын мой, теперь развязался язык твой, который
Многие годы коснел и ворочался только с усилием.
То, что всем отцам угрожает, узнал я сегодня,
Мать готова всегда поблажать желаниям пылким
Сына, и каждый сосед заодно уже действует с ними,
Если против отца или против супруга восстанье.
Но противиться я всем вместе не стану: что пользы?
Тут я только одно упрямство предвижу да слезы.
Что ж, ступайте, смотрите, и с Богом мне в дом приводите
Дочь, а не то, так пусть забудет он девушку эту».
Так отец говорил. В порыве восторга воскликнул
Сын: «Еще нынче же вечером явится дочь к вам такую,
Как разумный мужчина себе представляет невесту.
Счастлива добрая девушка будет тогда, я надеюсь.
Да, мне вечно она признательна будет, приемля
Мать и отца от меня, каких разумные дети
Могут лишь пожелать. Но мешкать я больше не буду:
Тотчас же лошадей запрягу, да следом за милой,
Наших друзей подвезу и действовать им предоставлю.
Небом клянусь, что во всём на решение их полагаюсь.
Девушку я, не назвавши своей, опять не увижу».
Герман бросился тотчас в конюшню, где борзые кони
Смирно стояли и чистый овес подбирали проворно
С сеном сухим, накошенным в самой душистой долине.
Тотчас блестящие им удила влагая, продернул
В посеребренные пряжки он ремни и немедля
Стал пристегивать длинные, прочно-широкие вожжи;

Вывел на двор лошадей, где работник услужливый скоро
Стал за дышлом легко потрогивать с места повозку.
Тут же веревками чистыми к ваге они прикрепили
Быстрых, статных коней проворно везущую силу.
Герман сел и с бичом в руках покатил за ворота.
Только что сели друзья, занимая покойное место,
Быстро повозка поехала вдоль мостовой, оставляя
Всё за собой — и стены, и белые башни градские.
Так с пригорка резво на пригорок знакомой дорогой
Герман к шоссе поспешал и тихой не мешкал ездой.
Но когда он вблизи увидел деревенскую башню
И в расстояньи недалёком дома, обнесенные садом,
То подумал немного и стал придерживать коней.
Тенью развесистых лип, которые много столетий
Здесь выростали и корни пускали глубокие в землю,
Выгон широкий был окружен перед самой деревней.
Он поселянам служил и гражданам местом веселья.
Вырыт под сенью древесной тут в уровень с дерном колодезь.
Тотчас пониже ступеней видны скамейки из камня.
Ими обставлен родник, выбегающий резвой волною.
Стены кругом невысоки, чтоб черпать удобнее было.
Герман решил своих лошадей под эту тенью
Миг задержать. Поступя таким образом, стал говорить он:
«Слезьте, друзья, и ступайте разведывать: точно ль достойна
Девушка эта руки, которую ей предлагаю.
Знаю, вы мне о ней не расскажете новых диковин.
Буду один я теперь, немедля пошел бы в деревню,
И судьбу мою милая в несколько слов бы решила.
Вы ее легко отличите меж всеми другими:
Верно, с ней ни одна воспитаньем сравниться не может.
Кроме того, укажу на признаки чистой одежды:
Красной поддевкой у ней обозначена выпуклость груди,
Плотно черный корсет красивый стан облегает,
Ворот рубашки лежит, опрятными складками собран,
Так что рисует на белом округлость ее подбородка.
Ясно и смело красуется всей головы очертанье,
В несколько раз на серебряных шпильках накручены косы,
Синими складками ниже поддевки красуется юбка
И на ходьбе обнимает красивую, стройную ногу.
Только я вам говорю, и особенно стану просить вас:
С девушкой вы ни полслова. Не дайте заметить ей тайны,
Слушайте только других, да что они вам порасскажут.
Как наберете вестей отца и мать успокоить,
Возвращайтесь ко мне, и дальнейшее мы пообсудим.

Вот что выдумал я дорогой, ехавши с вами».

Так говорил он. Друзья между тем поспешили к деревне,
Где по садам, по домам и сараям толпились люди
Кучами, вдоль же дороги стояли повозка к повозке.
Подле возов лошадей и волов кормили мужчины.
Женщины всюду белье по заборам и пряслам сушили.
А у ручья, веселясь, плескались резвые дети.
Так, пробираясь между повозок, людей и животных,
Шли соглядатаи, вправо и влево смотря, не видать ли
Где-либо образа девушки, сходного с тем описанием, —
Только напрасно: нигде не являлась прекрасная дева.
Стала теснее вокруг толпа сгущаться, мужчины
Подняли спор за повозки, и женщины тут же вмешались
С криком. В эту минуту старик почтенного вида
К ним подошел, — и немедля затихли шумные споры.
Только знак замолчать он угрозой отцовскою подал:
«Или несчастья нас, — восклицал он, — еще не смирили,
Чтобы друг к другу мы снисходительней были, хотя бы
Кто и на время забыл соразмерить свой каждый поступок?
В счастье взыскательны все. Ужель, наконец, и несчастье
Вас не научит не ссориться с братом, как в прежнее время?
Чтоб заслужить милосердие, вы уступите друг другу
Место на чуждой земле и делите имущество равно».

Так говорил он. Все замолчали и стали покойно,
Гнев умиря, приводить в порядок скот и повозки.
Слову чужого судьи внемля и в нем замечая
Миролюбивый рассудок, к нему пастор обратился
И, говоря, приступил с такой значительной речью:
«Правда, отец мой! Покамест народ проживает тихонько
В счастье, питаясь плодами земли, дары приносящей
С каждым временем года и с каждой новой луною,
Всё в то время само собою приходит, и всякий
Сам для себя и хорош, и умен, и живет, как живется.
Тут разумнейший муж отличаться от прочих не может.
Все события идут тихонько обычной дорогой.
Но лишь только нужда, расторгая условия жизни,
Зданье веков подорвет, по садам пронесется и нивам,
Жен и мужей, из жилища обычного выгнав, заставит
Денно и ночью скитаться, с боязнью в душе, по чужбине, —
Ах! в то время невольню к разумному все обратятся,
И не напрасно теряет он мудрое слово совета.
Вы не судей ли, отец, между этим бегущим народом?
Мне так кажется: вы усмирили так скоро волнение.
Право, сегодня вы мне явились одним из вожатых,

Тех, кто народам изгнанникам путь открывали в пустыне.
Точно как будто с Навином беседуя иль Моисеем».
И на это судья отвечал со значительным видом:
«Истинно, может наш век сравнен быть с теми веками
Важных явлений, о коих история нам повествует.
Кто вчера да сегодня прожил в настоящее время,
Прожил целые годы: такое скопление событий.
Я когда оглянусь, то кажется мне, что седею
Старостью я удручен, — а силы во мне еще свежи.
О, мы смело себя сравниваем с теми, которым
Некогда Господь в купине горящей явился.
Нам он также предстал в огне и в облаке дымном».
В ту минуту, когда пастор продолжать собирался
Свой разговор и про участь скитальцев спрашивать

далее,

На ухо быстро шепнул ему тайные речи товарищ:
«Вы, с судьей говоря, постарайтесь на девушку речи
Свесть. А я, между тем, разыскивать стану и тотчас
К вам, отыскавши ее, ворочусь». Пастор поклонился,
А соглядатай пошел смотреть по садам и сараям.

VI КЛИО Современность

На вопросы пастора, что потерпели скитальцы
И давно ли они лишены домашнего крова,
Тотчас судья отвечал: «Несчастья наши не кратки:
Горькую чашу страданий мы пили за эти все годы,
Тем ужасней, что лучшая нам изменила надежда.
Кто не сознается, как трепетало в нем весело сердце,
Как в свободной груди все пульсы забились живее
В ту минуту, когда засветилось новое солнце,
Как услышали впервые об общих правах человека,
О вдохновенной свободе и равенстве также похвальном?
Всякий в то время надеялся жить для себя, и, казалось,
Все окопы в руках эгоизма и лени, так долго
Многие страны собой угнетавшие, разом распались.
В эту годину не все ли народы равно обратили
Взоры свои на столицу вселенной, которая долго
Ею была и теперь названье вполне оправдала?
Не были ль те имена провозвестников радости равны
Самым ярко блестящим, подъятым на звездное небо?

Разом отваги, и духу, и речи прибавилось в каждом.
Первые приняли мы, как соседи, живое участие.
Тут война началась. С оружием двинулись франки
Ближе, но с виду нам показались только друзьями.
Ими и были они. С возвышенной думой стремился
Всяк из них насаждать веселое древо свободы,
Всем обещая свое и каждому выбор правленья.
Вся молодежь ликовала, за ней ликовала и старость.
Новое знамя везде окружали веселою пляской.
Так, получа перевес, завладели немедленно франки
Прежде духом мужей по готовности огненной к делу,
А по ловкости и сердцами прекрасного пола.
Ноша войны истребительной нам не казалась в тягость,
В отдаленны надежда манила отрадной улыбкой
И увлекала веселые взоры по новой дороге.
О, как весело время, когда жениху и невесте
В танцах мечтается день желанного их сочетанья;
Но еще радостней было время, когда показалось
Близким, возможным всё, что свято душе человека.
Все языки развязались. Мужчины, юноши, старцы —
Все говорили свободно о чувствах и мыслях высоких.
Споро, однако, затмилось небо. К добру неспособный,
Гнусный род объявил свои притязанья на власти.
Друг на друга восстав, они притесняли соседей
Новых, и братьев своих, высылая хищные рати.
Наши начальники буйствовать стали и грабить большое,
И до ничтожной безделицы грабили мелкие люди.
Каждый, казалось, желал, чтоб только хватило на завтра.
Мы терпели, и с каждым днем росло угнетенье.
Воплей не слушал никто. Властители сами теснили.
Тут уж горе и зло проникло в самых спокойных:
Каждый желал и клялся отмстить за все оскорбленья
И за двойную потерю обманутой горько надежды.
Счастье в эту минуту приняло сторону немцев,
И ускоренными маршами в бегство пустились франки.
Ах! тогда-то мы только всё горе войны распознали.
Добр и велик победитель; по крайней мере, таким он
Кажется: как своего, он падит побежденного мужа,
Если последний снабжает его ежедневно всем нужным.
Но бегущий законов не знает; он только со смертью
Борется и, без разбору, мгновенно добро истребляет.
Кроме того, он взволнован. Отчаянье в сердце теснится
И понуждает его на всякий злодейский поступок.
Нет святого ему ничего. Он хищник. Дикая жажда,

Став поруганьем жены, обращает ужас в веселье.
Всюду видит он смерть, и минуты последние страшно
Празднует, крови он раз и рад завыванию муки.
Злобно у наших мужчин проснулась гневная воля:
Мстить за все оскорбленья и взять под защиту остатки.
Всё взялось за оружие, видя проворно бегущих,
Видя их бледные лица и робко неверные взгляды.
Всюду немолчный набат зазвучал. Ни близкое горе,
Ни опасность, ничто не могло удержать исступленья.
Мирная утварь полей превратилась в оружие смерти.
Скоро с вил и косы заструились кровавые капли.
Без пощады, без жалости били врагов, и повсюду
Злоба слепая и слабая трусость рыкали ужасно.
Нет, в смятении таком опять увидеть человека
Я не желал бы. Сноснее смотреть на свирепого зверя.
Лучше молчи о свободе: ну, где ему править собою!
Только расторгни границы, в ту же минуту всё злое,
В темный угол законом втесненное, выйдет наружу».
«Доблестный муж! — заметил ему с ударением пастор, —
Не удивительно мне, что так к человеку вы строги:
Слишком вы много худого от злых начинаний терпели.
Но оглянитесь назад на печальные дни, и невольно
Сами сознаетесь, что нередко в них видно благое.
Мало ли чувств благородных, сокрытых до времени в сердце,
Вдруг пробуждает опасность? Нередко нужда человека
Делает ангелом неба, защитником бедного брата».
Старый почтенный судья с улыбкой на это ответил:
«Вы мне мудро напомнили, как поминают порою
После пожара владельцу дома, что золото, верно,
И серебро еще цело, на месте пожарища, в слитках.
Правда, немного всего, но это немного ценно;
И обедневший, копая, доволен своею находкой.
Так охотно и я обращаю веселые мысли
К тем немногим прекрасным поступкам, которые помню.
Да! не стану скрывать: я видел, враги примирились,
Для спасения города, видел и то, что для дружбы,
Детской любви и родительской нет невозможного в мире.
Видел, как юноша вдруг становился мужчиною, видел,
Как старик молодец и за юношу действовал отрок.
Даже слабый пол, как его называют обычно,
Смелость и силу свою показал и присутствие духа.
Тут позвольте мне вам рассказать прекрасный поступок
Великодушной девицы, которая в доме огромном,
В обществе маленьких девочек только одна оставалась.

Все мужчины у них на общих врагов ополчились.
В это время на двор напала беглая шайка,
Стала грабить и тотчас проникла до женских покоев.
Там беглецы увидали красавицу деву и с нею
Девочек милых, которых детьми бы назвать справедливей.
С дикой страстью они без жалости кинулись прямо
На трепещущий рой, приступая к деве отважной.
Но, из ножен одного мгновенно выхватя саблю,
Изверга ею в крови она положила на месте.
С силой мужчины затем подала она девочкам помощь:
Ранила, кроме того, четырех, и они убежали.
Тут заперла она двор и с оружием помощи ждала».
Только пастор услышал похвалы неизвестной девице,
Тотчас в душе у него просияла надежда за друга.
Он уж готовился было спросить, что случилось с нею,
Нег ли здесь на печальном пути ее между народа, —
Только тут же как раз подошел проворно аптекарь,
За полу дернул пастора и стал шептать ему тихо:
«Девушку эту ведь я нашел наконец между сотен
По описанью! Пойдемте. Взгляните своими глазами.
Вы и судью-то возьмите с собой. Он сам порасскажет».
Но когда обернулись они, судья уж отозван
Был своими, которые в нем для совета нуждались.
Тотчас, не медля, однако пошел за аптекарем пастор,
К щели забора, и первый заметил второму лукаво:
«Видите ль девушку эту? Она пеленает ребенка.
Я как раз узнал и ситец старый, и синий
Верх подушки, который сегодня ей передал Герман.
Точно, и скоро, и с толком она разделила подарки.
Вот вам ясные признаки; прочие все совпадают:
Красной поддевкой у ней обозначилась выпуклость груди,
Плотно черный корсет красивый стан облегает,
Ворот рубашки лежит, опрятными складками собран,
Так что рисует на белом округлость ее подбородка.
Ясно и смело красуется всей головы очертанье,
В несколько раз на серебряных шпильках навернуты косы,
Синими складками ниже поддевки красуется юбка
И на ходьбе облипает красивую стройную ногу.
Это она, без сомненья. Пойдемте и всё разузнаем,
Как поведение ее: добра ли она, домовита ль».
Тут заметил пастор, сидящую взором пытаю:
«Что восхищает собой она юношу, право, не диво,
Если испытанных глаз для нее разбор не опасен.
Счастлив, кто одарен от природы наружностью видной:

Всюду с приветом его встречают и всюду он дома.
Каждый подходит к нему, и каждый рад с ним промедлить,
Если с прекрасной наружностью вежливость он совмещает.
Я вам ручаться могу, что юноше девушка эта
Жизни грядущие дни озарит весельем и женской
Силой во все времена ему помощницей будет,
Верно, в теле таком совершенном душа сохранилась
Чистой; а свежая юность сулит блаженную старость».
С важным радушием тотчас на это заметил аптекарь:
«Часто наружность обманчива. Мало я ей доверяю.
Сколько раз я видал оправданье пословицы старой:
Пуда соли не съевши с новым знакомым, не должен
Ты легковерно ему доверять, а время покажет,
Как тебе с ним обходиться и прочно ли дружество ваше.
К добрым людям сперва позвольте нам обратиться.
Девушка им знакома. Вот что-то они порасскажут».
«Тоже и я похваляю осторожность, — пастор заметил, —
Сватаем мы не себе; а сватать другому опасно».
И немедля навстречу пошли они к честному мэру.
Он, окончив дела, возвращался назад по дороге.
Тотчас с речью к нему пастор приступил осторожный:
«Девушку видели мы. Она в саду недалеко,
Сидя под яблонью, детские платья готовит из ситца
Старого. Ей, вероятно, его подарили недавно.
С виду достойною нам она показалась. Скажите,
Вы ее знаете? Мы вопрошаем с похвальной целью».
Ближе к ним подойдя и в сад поглядев, судья им
Тотчас сказал: «Вы ее уже знаете: вам говорил я
О прекрасном поступке девушки той благородной,
Что обнаженным мечом и себя и своих защитила —
Это она. И вы видите, как сложена она сильно.
Только ее доброта соответствует силе. До часу
Смерти отца старика она лелеяла. Горем
Был он убит, нуждой городка и лишением имуществ.
С тихую грустью она претерпела и новое горе:
Смерть жениха, благородного юноши. В первом порыве
Пылких желаний своих, стремясь за неверною славой,
Он пустился в Париж и умер ужасною смертью.
Был и там он, как дома, врагом крамол и бесчинства».
Так говорил судья. Друзья поклонились оба,
И пастор достал золотой (серебра, сколько было
В кошельке, он уже незадолго до этого роздал,
Видя, как проходили печальной толпою скитальцы).
Он, подавая его судье, сказал: «Разделите

Лепту по всем неимущим, и Бог да умножит даянье». Но, отклоняя подарок, судья сказал: «Мы успели Талер-другой захватить и довольно вещей и одежды. Я надеюсь, всего не растрата, домой возвратимся». Тут заметил пастор и втер ему в руку монету: «В наше время давать никто не медли и так же Каждый спешит принимать, что вручает ему благостыня! Ныне не знает никто, надолго ль добром он владеет, Долго ль скитаться ему по чужой стороне, не имея Поля и сада, которыми он в состояньи кормиться». «Эх! — заметил на это с заботливым видом аптекарь, — Деньги случись у меня в кармане, я все бы их отдал Вам: и мелочь, и крупные — верно, нуждаются много. Но без подарка я вас не пущу, — покажу хоть готовность Вам служить. Не беда, что поступок от чувства отстанет». Так говоря, за ремни он вытянул кожаный, шитый, Полный кисет, где хранился табак у него, и, красиво Узел раздвинув, стал оделять. Нашлась в нем и трубка. «Дар маловажен», — прибавил он. Мэр же на это заметил: «Все-таки добрый табак для дорожного вещь недурная». И немедля пустился аптекарь хвалить ему кнастер. Только пастор его дернул, и оба с судьёю расстались. «Время! — сказал благомыслящий муж, — в томлении ждет нас Юноша. Он бы желал как можно скорее услышать Весть». И они поспешили, пришли и нашли у повозки Юношу. Он прислонился под липами: лошади рыли Землю. Герман их под уздцы держал и, потупя Взоры, друзей не видал, доколе они, подошедши, Звать не стали его, подавая веселые знаки. Издали начал уже говорить аптекарь. Но скоро Ближе они подошли. Тогда пастор, ухватив За руку друга, сказал, у товарища речь отбивая: «Благо тебе, молодой человек! Ни оком, ни сердцем Ты не ошибся! Тебе и спутнице юности благо! Вы друг друга достойны. Скорее ворочай повозку. Мы в деревню немедля поедем, а там, предложенье Сделав девушке, с милой скорее домой возвратимся». Юноша молча стоял, внимая без знаков веселья Речи высоко-отрадной из уст почтенного мужа, Но, вздыхая, сказал: «сюда мы приехали быстро, А домой со стыдом, быть может, тихонько вернемся. Тут, с тех пор как я жду, меня обуяли забота, Ревность, сомненье и всё, что влюбленное сердце тревожит. Не потому ли, что мы богаты, а девушка эта

Так бедна и без крова, она предложение примет?
Бедность бывает горда, когда не заслужена. Малым
Девушка эта довольна, прилежна, а с тем и богата.
Где, по вашему мнению, с такой красотой и нравом
Девушка может взрасти, не пленя у юноши сердца?
И неужели досель любви ее сердце чуждалось?
Не торопитесь до места, чтоб нам со стыдом потихоньку
Не пришлось лошадей повернуть. Мне страшно: быть может,
Сердцем ее уж другой обладает и вместе с пожатьем
Этой руки и обет счастливец приял неизменный».
Рот уж пастор раскрыл, готовясь утешить страдальца;
Но говорливый сосед перебил его речь по привычке:
«Точно, по прежним годам, теперь бы мы знали, что делать:
Всякое дело в ту пору порядком своим совершалось.
Только родители сыну, бывало, невесту отыщут,
Тотчас к себе зазовут надежного друга семейства
Да зашлют его сватом к родителям самой невесты.
Тот, нарядившись, бывало, как следует, хоть в воскресенье,
После обеда, пойдет к гражданину почетному в гости,
В дружески общие с ним разговоры вступит сначала,
Речь то в одну, то в другую сторону ловко склоняя,
И наконец с похвалой не забудет сказать о невесте,
О женихе и о доме, откуда его подослали.
Умные люди сейчас заметят намеренье. Ловкий
Посланный, видя согласие, мог продолжать объясненье.
Если не ладилось дело, самый отказ был не важен.
Если ж оно удавалось, то сват навсегда оставался
Первым лицом на всяком семейном празднике в доме.
Целую жизнь не могли забыть супруги, что этой
Ловкой рукой скреплены когда-то первые узы.
Нынче же этот обычай со многим другим превосходным
Вышел из моды. Теперь все сами свататься стали.
Всякий сам и отказ-то теперь получай, если эта
Участь его ожидала — красней, перед девушкой стоя».
«Будь что будет! — воскликнул Герман, почти не внимая
Всей этой речи и в сердце своем принимая решимость, —
Сам я пойду и хочу узнать мой жребий от самой
Девушки. Я ей так от души во всем доверяюсь,
Как мужчина когда-либо мог только женщине верить.
Всё, что скажет она, хорошо и разумно, я знаю;
Если я даже ее в последний увижу, то снова
Хочется встретить мне взор открытого черного ока.
Ежели к сердцу прижать ее не дано мне, то снова
Грудь я и плечи увижу, которых алкают объятья.

Снова увижу уста, с которых лобзанье и слово:
«Да» мне счастье сулят или бесконечную муку.
Только оставьте меня: вам нечего ждать. Вы ступайте
К батюшке прямо да к матушке: пусть они знают, что сын их
Выбор сделал хороший, что девушка эта прекрасна.
Так оставьте ж меня. Через холм, по тропинке, один я,
Мимо груши и вниз, через наш виноградник, быстрее,
Прямо домой ворочусь. О, если бы этой дорогой
Милую весело я и немедля повел! Но, быть может,
Грустно один побреду и с весельем навеки расстанусь».
Так говоря, отдавал он вожжи пастору, который
Ловко их принял, владея конями, точащими пену,
Сел поскорее в повозку и занял место возницы.
Только медлил еще осторожный сосед и примолвил:
«Я вам охотно, мой друг, поверю и дух мой и душу;
Плоть и кости, однако, не в лучшей сохранности будут,
Если духовные руки мирскими браздами владеют».
Но, улыбнувшись на это, пастор разумный заметил:
«Смело садитесь и тело, равно как и душу, мне верьте.
Эта рука управлять вожжами давно научилась.
Также и глаз приметался ко всем поворотам искусным.
В Страсбурге мы управлять лошадьми привыкли в то время,
Как провожал я туда молодого барона. Бывало,
Каждый день приходилось мне править, катя за заставу,
Вдоль по пыльной дороге к далекому лугу, под липы,
Между толпами народа, который день целый гуляет».
Страх вполовину забыв, сосед подошел, но уселся,
Как человек, готовый спрыгнуть во всякое время.
И жеребцы понеслись домой, соскучась по стойлу.
Пыль облаками клубилась под их тяжелым копытом.
Юноша долго смотрел, как пыль подымалась, как снова
Пыль опускалась вдали. Так долго стоял он без мысли.

VII ЭРАТО Доротея

Точно как странник, который, взглянув перед самым закатом
Прямо на быстрое, красное солнце, после невольной
Видит его и на темных кустах и на скалах утеса
Перед очами: куда бы ни кинул он взора, повсюду
Светит оно перед ним и качается в красках чудесных.
Так пред Германом образ возлюбленной девушки тихо

Плыл, и, казалось, она проходила тропой через жатву;
Но, ото сна с изумленьем очнувшись, он обернулся
Прямо к деревне и вновь изумился — всё то же явление:
Стройная девушка шла к нему по дороге навстречу.
Пристально стал он смотреть. Нет, это не сон: в самом деле
Это она. По кувшину в руке, большой да поменьше,
Взяв за ручки, несла и так поспешала к колодцу.
Весело к ней навстречу пошел он. Ее появленье
Придало силы ему; он стал говорить, изумленный:
«Как я скоро тебя, достойная девушка, вижу
Вновь готовой на помощь и доброе дело услуги!
Что ты одна далеко так идешь на этот колодезь?
Ведь другие же все водой обошлись из деревни.
Правда, эта гораздо свежей и для вкуса приятней.
Ты ее, верно, несешь больной, спасенной тобою?»
Добрая девушка, вежливо кланяясь, тотчас сказала:
«Вот и за лишний путь до колодца уже и награда,
Встречу с добрым, который всего так щедро нам подал.
Видеть подателя так же отрадно, как видеть даянье.
Сами пойдемте взглянуть, как розданы ваши подарки
И ото всех, кому помогли вы, принять благодарность.
Но чтобы тотчас вы знали, зачем я черпаю воду
Именно здесь, где чистый бежит непрестанно источник,
Я скажу вам причину: неосторожные люди
Воду, вогнав лошадей и волов в деревенский источник,
Всю возмутили в ручье, из которого черпает житель.
Также мытьем да стираньем они перепачкать успели
Все колоды в деревне и все замутили колодцы.
Всяк о себе помышляет, да как бы скорей и проворней
Нужды исправить свои; о другом он и думать не хочет».
Так говорила она и вниз по широким ступеням
Вместе сошла с провожатым. На низкие стенки колодца
Сели оба немедля. Она перегнулась черпать.
Взяв за ручку другой кувшин, и он перегнулся.
И на лазури небесной они увидали свой образ:
В зеркале чистом они, колыхаясь, кивали друг другу.
«Дай мне напиться», — сказал ей юноша, полон веселья, —
И кувшин подала она. Тут, опершись на сосуды,
Оба они отдохали; она ж обратилась к другу:
«Как это здесь ты? откуда? без лошадей и повозки,
Так далеко от места, где мы повстречались недавно?»
Герман в раздумьи глаза опустил, но скоро, подняв их
На нее и взглянув ей весело в очи, он тотчас
Стал покоен в душе. Но всё говорить о любви с ней

Было б ему невозможно. Глаза у нее не любовью —
Чистым рассудком светились и ждали разумного слова.
С духом собравшись, доверчиво девушке стал говорить он:
«Дай мне вымолвить слово и дать ответ на вопрос твой.
Я пришел сюда для тебя! Зачем мне скрываться!
В доме я счастлив, со мной родители милые оба,
Им помогаю я домом и нашим имением править.
Сын у них я один, а много различных занятий:
Я заведую всеми полями, а батюшка в доме
Правит; заботливость матушки всё оживляет хозяйство.
Но ты, верно, сама видала, как часто прислуга
То легкомыслием, то неверностью мучит хозяйку.
Вечно менять заставляет ее и вдаваться в ошибки.
Вот почему уже матушка с давней поры пожелала,
Чтобы девушка в доме, помощница делом и сердцем,
Дочь заменила, которой она так рано лишилась.
Нынче у вояз тебя увидав веселой и ловкой,
Силу заметив руки и здоровье пышное членов,
Слыша речи твои разумные, я изумился.
И при знакомых родителям дома хвалил иностранку,
Как тебя надлежало хвалить. Теперь я желанье
Их и мое объявляю. Прости мне, что я заикаюсь».
«Не затрудняйтесь, — сказала она, — продолжать ваши речи.
Я не обижусь, напротив, слушаю вас благодарно,
Прямо и всё говорите; я слова не стану пугаться:
Вы хотели нанять меня служанкою в дом свой,
Батюшке да матушке в помощь при общем хозяйстве,
Девушкой считая меня незлобной душою,
Расторопной, к тому же способной к домашней работе.
Вы коротко объяснились, и я коротко вам отвечу:
Да, я за вами пойду — послушаюсь голоса рока.
Долг мой исполнен теперь: родильницу я возвратила
Близким людям; они ее спасению рады.
Большая часть собралась, другие отыщутся также.
Все полагают наверное скоро домой воротиться.
Этой надеждой изгнанники вечно себя обольщают.
Я же себя не прельщаю надеждою легкою в эти
Грустные дни и за ними лишь грустных дней ожидаю.
Все расторгнуты узы на свете, и кто закрепит их,
Кроме нужды величайшей, которая всем угрожает?
В доме достойного мужа работою снискивать хлеб свой,
Быть на глазах у достойной хозяйки я рада охотно.
Вечно на девушек-странниц двусмысленно падает слава...
Да, я за вами пойду, как скоро кувшины с водою

Снова друзьям отнесу и напутствие добрых услышу.
Вместе пойдемте со мной: от них меня вы примите». Сладостно юноша слушал решение девушки доброй, Всё сомневаясь, не лучше ли чистую правду открыть ей. Лучшим, однако ж, ему показалось не сказывать правды, Прежде ввести ее в дом и там уж в любви объясниться. Ах! и на пальце у ней увидал он кольцо золотое, Так он дал говорить ей и стал внимательно слушать: «Что ж, — продолжала она, — пойдемте к ним: осуждают Девушек тех, которые долго стоят у колодца, И, однако, болтать приятно над светлою влагой». Тут они поднялись и оба еще оглянулись Раз в колодец назад, и сладостный трепет объял их. Молча затем взяла она оба кувшина за ручки, Вверх по ступеням взошла, и Герман за милою следом Ношу ее разделить, просил одного он кувшина. «Нет, — сказала она, — равновесная тяжесть сподручней; А господин, который приказывать будет, не должен Мне служить. На меня вы напрасно глядите с раздумьем: Жребий женщины — быть заране готовой к услугам. Только ими она наконец достигает до власти Той заслуженной, которая в доме ей подобает. Брату служит сестра, с малолетства родителям служит: Так и вся жизнь у нас ограничена вечным уходом, Или занятьем всегда и то и другое готовить. Благо, если она привыкла во всякое время, Днем и ночью, равно поспевать на каждое дело, Если работа пустой, игла ей не кажется тонкой, Если, живя для других, она о себе забывает! Все эти добрые качества будущей матери нужны, В час, как младенец ее, больную, разбудит, от слабой Требуя пищи, и к боли еще приобщится забота. Двадцать мужчин сообща не вынесут трудности этой, — Да и сносить не должны, но быть нам должны благодарны». Так говорила она и вместе с своим провожатым В сторону садом прошла, до самого току сарая, Где лежала родильница. С нею и дочери были — Те спасенные девушки, чистой невинности образ. Оба вместе входили. С другой стороны показался В то же время судья, двух малюток ведя за собою. Мать доселе совсем было их потеряла из виду; Но почтенный судья наконец в суматохе нашел их. Весело кинулись дети здороваться с матерью милой, Радуюсь братцу и сверстнику, им незнакомому; тут же

Кинулись все обнимать Доротею, с веселым приветом,
Хлеба прося и плодов, а главное — прежде напиться.
И кругом подала она воду. Родильница, дети,
Дочери, девочки, — все напились, и судья освежился.
Жажду все утоля, похвалили чудную воду.
В ней кислота содержалась, здоровая людям в напитке.
С думою светлой во взоре им девушка тотчас сказала:
«Нынче, должно быть, друзья, кувшин подношу напоследках
К вашим горячим устам и их прохлаждаю водою.
Если ж прохладный напиток когда-либо в жар освежит вас
Или случится в тени вкусить вам покой и прохладу,
То не забудьте меня и этой услуги, которой
Вы обязаны больше любви, чем родственным связям.
Ваше добро в продолжение жизни мне памятно будет.
Жалко мне расставаться; но всякий теперь для другого
В тягость скорей, чем в отраду, и все наконец на чужбине
Мы разбреемся, коль нам возбранят возвратиться в отчизну.
Вот молодой человек, который снабдил нас дарами:
Этим бельем для ребенка и тою приятною пищей.
Он в свой дом меня пришел пригласить для того, чтоб
Там я служила его родителям, людям богатым.
Я не хочу отказать, потому что девушка служит
Всюду, и в тягость ей жить в дому за чужою услугой.
С ним я охотно иду: он, кажется, юноша дельный,
Верно, родители будут такие ж, как должно богатым.
Так прощайте ж, моя дорогая подруга, и будьте
Счастливы вашим малюткой, который весело смотрит.
Ежели к сердцу его вы в узорных пеленках прижмете,
Не забудьте юношу, чьим они были подарком,
И который меня с этих пор одевает и кормит.
Муж достойный, — сказала она, обращаясь к мэру, —
Вы, заменявший отца мне, примите мою благодарность».
И, наклонясь к родильнице доброй, она целовала
Грустную женщину и услышала молитвенный шепот.
Тоже почтенный судья, обращаясь к Герману, молвил:
«Принадлежите вы к тем разумным хозяевам, друг мой,
Что помышляют людей достойных держать при хозяйстве.
Часто видать мне случалось, как лошадей, как рогатый
Скот и овец при мене и продаже внимательно смотрят;
А человека, который своим поведением хорошим
Всё сохраняет, иль всё разрушает недолжным поступком,
Вот его-то берут случайно, на счастье в дом свой
И уже каются поздно потом в необдуманном деле.
Только мне кажется, вы это поняли: девушка эта,

Вами в родительский дом приглашенная, точно, достойна.
Будьте к ней благосклонны. Она в занятиях хозяйства
Вам сестру заменит и дочь родителям вашим».
Много родных между тем и знакомых родильницы стали
Тут собираться, неся Доротее различных подарков.
Все, услышавши решение девушки, благословляли
Германа взором значительным, полным особенных мыслей,
Так что иная в ушко тихонько шепнула соседке:
«Не о чем ей горевать, коли он женихом ее будет».
За руку девушку взяв, немедленно Герман сказал ей:
«Нам пора; уже день вечереет, а город не близко».
Женщины с говором тут обнимать Доротеею пустились.
Герман ее увлекал, а она посылала поклоны.
Тут со слезами и криком ей дети вцепились в платье:
Мать вторую никак они отпустить не хотели.
Несколько женщин, однако, сказали им строго на это:
«Тише, дети! она отправится в город и много
Вам принесет бисквитов, которые братец в то время
Там заказал, как нес аист его мимо пекарни.
Скоро вернется она, неся золоченые свертки».
Дети пустили ее, и Герман едва из объятий
Мог Доротеею увлечь; но платки развеялись долго.

VIII МЕЛЬПОМЕНА Герман и Доротея

Так шли оба они навстречу вечернему солнцу,
Лик скрывавшему свой за грозными тучами, редко
Там или сям из-за дымки бросая пылающим взором
Освещение зловещее вдоль широкого поля.
«Только бы буря, — Герман сказал, — не навеяла града
Или жестокого ливня на нашу чудную жатву».
Оба они любовались высокой и зыбкою рожью,
С ними равной почти, невзирая на рост их высокий.
Тут же к верному спутнику девушка речь обратила:
«Добрый друг! кому я обязана счастьем впервые —
Кровом покойным, когда изгнанники ждут непогоды, —
Прежде всего скажите и нрав родителей ваших
Мне откройте, которым служить я от сердца готова.
Кто господина узнал, тот легче ему угодает,
Приноровляясь к предметам важнейшим в глазах господина
И на которые он все мысли свои обращает.

Чем же, скажите, отцу и матери быть мне угодной?»
Ей на речи такие юноша умный ответил:
«Как, превосходная девушка, ты поступаешь разумно,
Заблаговременно зная стараясь родителей нравы.
Вот я целую жизнь отцу угодить не умею,
Рано и поздно блюдя и поле, и наш виноградник.
Матери я угождал — она мой труд оценила;
Так и ты превосходной ей девушкой будешь казаться,
Если, как за своим добром, присмотришь за домом.
Но отец не таков: и блеск наружный он любит...
Добрая девушка, я бездушным могу показаться,
При посторонней в отце открывая подобную слабость;
Но, клянусь, что впервые эти смелые речи
С языка, болтать не привычного, ныне слетели.
Ты у меня пробуждать доверчивость в сердце умеешь...
Добрый отец мой любит прикрасы известные в жизни,
Внешних знаков любви и почтения к себе ожидает.
Он способен остаться довольным и худшим слугою,
Лишь бы тот понял его, а лучшим быть недовольным».
Радостно на это она отвечала, удвоив
Скорость легких шагов, по тропинке, почти потемневшей:
«Право, я надеюсь обоим быть им угодной.
Матушки вашей нрав моему совершенно подобен,
А наружный-то вид для меня с малолетства не новость:
Франки, наши соседи, ценили в прежнее время
Вежливость выше всего. Дворянин, гражданин и рабочий
Ею владел и ее развивал в своих приближенных.
Так потом завелось и у наших немцев, что дети
По утрам приходили к родителям, ручки целуя
Да приседая, и чинно затем весь день провожали.
Всем, чему учена, к чему с малолетства привыкла,
Всем, чем сердце полно, старику угождать я готова.
Но кто скажет мне: как должна поступать я с тобою,
Будущим господином и сыном единственным в доме?»
Так говорила она, и к груше они подходили.
Полный месяц сиял так чудно с вечернего неба.
Ночь наступила. Последнее зарево солнца потухло.
Так пред глазами у них отделялись резкой чертою
Свет, прозрачный как день, и черные тени ночные.
И с наслаждением Герман вопрос отрадный услышал,
Под широким навесом груши, на месте любимом,
Бывшим ныне свидетелем слез его тайных по милой.
И, садясь на скамью отдохнуть немного, влюбленный
Юноша за руку девушку взял и тихо сказал ей:

«Сердце пусть научит тебя: его ты послушай».
Но ни слова он больше прибавить не смел, хоть минута
Благоприятна была: отказ получить он страшился.
Ах! да к тому ж у нее и кольцо на пальце он видел.
Так безмолвно они сидели друг подле друга.
Девушка сказала затем: «Как сладостно светит
Чудный месяц! Как день, его прозрачно сиянье.
В городе я и дворы, и дома различаю подробно.
Вон под кровлей окно: берусь сосчитать я и стекла».
«Что ты видишь, — на это ей юноша умный ответил, —
Это наше жилище, куда идем мы с тобою.
То окно у меня из комнаты вышло. Быть может,
Будет оно и твоим. В дому у нас перемена.
Наши эти поля, и завтра жатва начнется.
Здесь мы будем в тени отдыхать, подкрепляясь пищей.
Но поспешим виноградник и сад пройти, не замедлясь:
Видишь, какая заходит гроза; вдали промелькнула
Молния, и месяц вот-вот сокроется в тучи».
Тотчас они поднялись и стали спускаться с пригорка
Вдоль колосистой ржи, любясь прозрачностью ночи.
Так и в темный потом вступили они виноградник,
И ее он повел по нетесаным каменным плитам,
Вдоль закрытой тропинки разложенным в виде ступеней.
Тихо ступала она, положила ему руки на плечи.
Светом дрожащим луна под зеленью их находила.
Но гроза, наконец, темнотой окружила влюбленных.
Бережно девушку сдерживать юноша сильный старался;
Но она, не зная тропы и грубых ступенек,
Оступилась, ногу свихнула и чуть не упала.
Ловко догадливый юноша руки раскинул и быстро
Милую принял в объятья, свое ей плечо подставляя.
Грудь упала на грудь, и щека до щеки прикасалась.
Так неподвижно стоял он, движению первому верен, —
Не прижимая ее, а только противясь давлению.
Чувствовал он драгоценную ношу и сердца биенье;
Веяло с уст ее на него ароматом. В объятьях
Величавую женщину слышал могучий мужчина.
Боль скрывая, она ему сказала шутливо:
«Это знак худой, говорят разумные люди,
Если ногу свихнешь перед самым порогом жилища,
Я, признаюсь, для себя бы желала получше приметы.
Повременим немного, не то с хромою служанкой
Ты хозяин плохой во мненьи родителей будешь».

IX
УРАНИЯ
Будущность

Музы! Любви задушевной помощницы нежные, сами
Вы превосходному юноше путь до сих пор пролагали,
До обрученья еще прижали к груди его деву, —
Споспешествуйте союз прекрасной пары упрочить,
Тучи, что счастье их омрачают, немедля рассейте,
Прежде, однако, всего расскажите, что делают в доме.
Мать в нетерпеньи вступила в мужскую комнату в третий
Раз, откуда она, хлопоча, недавно лишь вышла,
Речь заводя о грозе, о быстром луны затмении,
Об отсутствии сына потом и опасностях ночи;
Стала друзей порицать, что, не молвя с девушкой слова
И предложенья не сделав, так бросили юношу рано.
«Не увеличивай зла! — отец недовольный воскликнул. —
Разве не видишь, и сами мы ждем не дождемся развязки».
Но равнодушно сосед начал говорить, не вставая:
«Вечно покойного я отца поминаю в минуты
Всяких тревог с благодарностью: он еще в мальчишке корень
Нетерпенья во мне до последнего отпрыска вырвал,
Так что мудрец ни один ожидать, как я, не сумеет».
«Как же, — пастор спросил, — ухитрился старик, расскажите?»
«Я расскажу вам охотно, и пусть себе это заметит
Каждый, — ответил сосед. — Я мальчишкой раз, в воскресенье,
С нетерпеньем стоял и не мог дождаться кареты,
Нанятой в тот день везти нас к колодцу под липки.
Только она не являлась, а я, как хорек, поминутно
Бегал по лестнице вверх и вниз, и от двери к окошку.
Руки свербели мои, столы я царапал, топтался
Взад и вперед и едва, едва не катились слезы.
Все это муж рассудительный видел; когда же я слишком
Стал дурачиться, он меня, за руку взявши, покойно
Прямо к окошку подвел, с такой мне памятной речью:
«Видишь ли там, напротив, сегодня закрыта столярня?
Завтра ее отопрут — заходят пила и рубанок
От зари до зари во всё рабочее время.
Только подумай о том. Когда-нибудь утро настанет,
Мастер, со всеми рабочими вставши, возьмется за дело:
Гроб готовить тебе и кончить скоро и ловко,
И понесут к нам отсюда заботливо дом деревянный,
Где терпеливый, равно и нетерпеливый, покойно
В скором времени будут лежать под тяжелой крышей».

Тотчас мысленно всё на глазах у меня совершилось:
Доски, казалось, прилажены, черная краска готова.
Сел я покойно и стал ожидать терпеливо карету.
Если в сомнительном теперь ожидании другие
Бегают, суясь везде, я тотчас гроб вспоминаю».
С легкой улыбкой заметил пастор: «Значительный образ
Смерти мудрым не страх, добродетельным не кончина.
Первых он к жизни зовет и их вызывает на подвиг,
А во-вторых, укрепляет надежду спасения в горе.
Смерть становится жизнью тем и другим, — и родитель
Бойкому мальчику в смерти на смерть указал понапрасну.
Юноше должно показывать старость почтенную, старцу
Юность показывать должно, чтоб оба они любовались
Круговращением вечным, и жизнь восполнялась бы жизнью...»
Но отворилася дверь. Показалася чудная пара, —
И удивились друзья, удивились родители, видя,
Что невеста едва с женихом не равняется ростом.
Право, даже дверь показалась низка для обоих:
Так они были высоки, когда на порог становились.
Герман представил ее родителям речью летучей:
«Батюшка добрый, примите радушно ее, по заслугам,
Добрая матушка, тотчас ее о хозяйстве спросите,
Чтоб убедиться, как стоит она сближения с вами».
Тотчас в сторону он превосходного взявши пастора,
Так сказал: «Достойнейший муж, теперь помогите
Узел распутать, который меня ужасает развязкой.
Девушке я еще предложенья не делал; напротив,
В дом, по мнению ее, она поступает служанкой,
И боюсь, чтоб она не ушла, услышавши про свадьбу.
Но объяснимся сейчас. Не должно ее заблужденья
Длитель, и моя неизвестность становится мне нестерпимой.
Мудрость, которую в вас мы чтили, и тут покажите,
Только не медля». И тотчас ко всем пастор обратился.
Но, к несчастью, слова отца уже омрачили
Душу девушки. Он с улыбкою самодовольства
Эти веселые речи сказал, но в смысле хорошем:
«Да, дитя мое, рад я сердечно, что тот же у сына
Вкус, который отец в свое показывал время:
Лучшую в танцах всегда выбирал он и лучшую после
В дом привел как жену, вот эту маменьку нашу.
По невесте, мужчиною выбранной, можно немедля
Знать, каков-то он сам и себе он знает ли цену.
Только и вы-то, я думаю, медлили мало решеньем.
Кажется мне, что за ним последовать очень нетрудно».

Герман эти слова на лету услышал, и все члены
Дрогнули в нем, а в кружке наступило внезапно молчанье.
Но превосходная девушка, этой насмешливой речью,
Как показалось ей, глубоко в душе оскорбившись,
С краской летучей, ей щеки покрывшей по самый затылок,
Еле владея собой, в последнем усилии духа,
Так старику отвечала, едва огорченье скрывая:
«Не приготовил меня ваш сын к такому приему,
Мне выставляя обычай отца, почтенного мужа,
В обхожденьи разумного с каждым лицом предстоящим.
Кажется мне, не довольно исполнены вы состраданья
К бедной, ступившей за этот порог и готовой служить вам.
Вы желаете мне указывать с горькой насмешкой,
Как мой жребий далек от вас и вашего сына.
Правда, я бедна, с узлом небольшим я вступаю
В дом, переполненный всем, что радует сердце хозяев.
Но я вижу себя и чувствую все отношенья.
Так благородно ль меня язвить насмешкой такою,
Что на пороге меня почти прогоняет из дому?»
Герман подал знак, в испуге, духовному другу,
Чтобы он в дело вступился и тотчас рассеял сомненье.
Мудрый вышел вперед и, видя тихое горе
Девушки, затаенную скорбь и блестящие слезы,
В духе своем положил не тотчас распутать сплетенье,
А изведать сначала смущенной девушки душу.
К ней теперь обратился он так испытующей речью:
«Знать, чужеземная девушка, ты обдумала мало,
Если к чужим поступить в услуженье так скоро решилась,
Как нелегко быть в доме и волю признать господина.
Только ударь по рукам, и участь целого года
Решена, а быть может, придется терпеть из-за слова.
Ведь ходьба-то не самое тяжкое дело в услуже,
Также и пот трудовой над вечно томящей работой:
Труд разделяет с рабом заодно и прилежно свободный.
Но брюзгливость сносить господина, когда без причины
Он хулит, и, причудливый, хочет того да другого,
Женскую прихоть, которую всякая малость тревожит,
Грубый детский задор и нередко дерзкую шалость —
Вот что трудно терпеть, и, при этом, обязанность скоро,
Не замедляя ничем, исполнять, да к тому ж без ворчанья.
Но на это, мне кажется, ты не способна, коль шуткой
Так оскорбилась отцовской; а нет ничего ежедневней
Мучить девушку тем, что юноша мил ей такой-то».
Так заключил он. Дослушала девушка меткие речи.

Силы ей изменили, чувства просились на волю,
Тяжкий вырвался вздох из высоко поднявшейся груди,
И она, проливая горячие слезы, сказала:
«О! никогда рассудительный муж, желающий в горе
Нам советом помочь, не знает, как мало способно
Слово холодное грудь облегчить от тяжелой напасти.
Вы довольны и счастливы: может ли шутка вас тронуть?
Но до больного нельзя и даже слегка прикоснуться.
Нет! что пользы теперь, хотя б удалось притворяться?
Пусть раскроется то, что бы после умножило горе
И, быть может, меня истомило безмолвным страданьем.
Так отпустите меня! Мне в доме нельзя оставаться,
Я пойду своих отыскивать бедных, которых
В горе покинула, лучшее лишь для себя избирая.
Воля теперь моя неизменна. Поэтому можно
В том признаться, что в сердце иначе таилось бы годы:
Да! насмешка отца во мне поразила не гордость,
Не щекотливость, которая вовсе служанке не к стати,
Но затронула сердце мое, где склонность рождалась
К юноше, бывшему нынешний день избавителем нашим.
В первый раз он еще, как нас на дороге покинул,
В мыслях был предо мной, и думала я, что, быть может,
Втайне счастливицу-девушку он нарекает невестой.
Снова встретив его у колодца, я так была рада,
Будто мне существо неземное свой образ явило.
С радостью шла я за ним, как меня приглашал он в служанки.
Сердце, однако, мне льстило (в том признаюсь откровенно),
Что когда-либо я заслужу себе счастье, быть может,
Став опорой со временем необходимою в доме.
Но впервые — увь! — я вижу опасность, которой
Подвергалась, живя вблизи любимого втайне.
Только теперь мне понятно, как девушке бедной далеко
До богатого юноши, даже и самой достойной.
Всё это я говорю, чтоб не быть осужденной напрасно.
Случай меня оскорбил, но он же раскрыл мне и зренье.
Тихо надежду тая, ожидать мне пришлось бы всечасно,
Что со временем в дом иная вступит невеста, —
И могла ли бы я стерпеть сокровенное горе?
Счастливый случай меня остерег, и сердце удачно
Тайну раскрыло свою, пока еще зло исцелимо.
Всё теперь я сказала. И в доме ничто не удержит
Долей меня: оставаться здесь мне страшно и стыдно,
Высказав склонность свою и сладкой надежды безумство.
Не удержит меня ни ночь, покрывшая небо

Тучами, ни гром (его я слышу раскаты),
Ни порывистый дождь на дворе, покрывающий землю,
Ни завывание бури: всё это сносить я привыкла
В бегстве печальном, врагов за собой по пятам ожидая.
Времени водоворот давно приучил нас к терпенью.
Снова пойду, расставаясь со всем, что дорого сердцу.
Я ухожу. Прощайте! Моя судьба совершилась».
Так говорила она и быстро в дверях повернулась,
Тот узелок, что с собой принесла, сохраняя подмышкой.
Но руками обеими девушки стан обнимая,
Мать, изумленная, ей закричала, в сильном смущении:
«Что это значит? скажи мне, к чему напрасные слезы?
Нет, я тебя не пущу, и ты нареченная сыну».
Но, напротив того, отец, вполне раздраженный,
К плачущей обратился с такой недовольною речью:
«Вот какая награда мне за всё снисхожденье,
Что и день-то мой кончается самым несносным!
Нет для меня ничего нестерпимее женского плача,
Страшного крика и всяких пустых, запутанных действий
Там, где с малым рассудком легко всё тихо уладить.
Мне тяжело поведение такое странное видеть
Долее... Сами кончайте всё, я спать отправляюсь».
Быстро он обернулся, шаги направляя к покою,
Где привык отдыхать и ложе супругов стояло.
Сын, однако, его удержал умоляющим словом:
«Батюшка! не уходите, на девушку вы не сердитесь:
Я один виноват во всей суматохе, в которой
Зло неожиданно так наш друг увеличил притворством.
Муж почтенный, на вас полагаюсь во всем: говорите,
Не умножая печали и страха, решайте же дело.
Так глубоко уважать я вас не буду в грядущем,
Если радостью злобной вы мудрость замените вашу».
Но, улыбаясь, на это пастор достойный заметил:
«Чья бы мудрость могла прекрасное вызвать признание
Этой девушки доброй и нам раскрыть ее душу?
Разве забота сама тебе не в восторг и не в радость?
Сам теперь говори. К чему объяснение чужое?»
Герман вышел вперед с веселья полною речью:
«Не сожалею о слезах и этой летучей печали,
Ею закончено счастье мое и твое, я надеюсь.
Милую чуждую девушку не искать в услуженье
Я к колодцу ходил — любви заискать приходил я.
Только — увы! — мой трепетный взор был не в силах
проникнуть

Склонность в сердце твоём — в очах твоих только заметил
Я привет, повстречав их на зеркале тихом колодца.
В дом тебя отводить половиной мне счастья было.
Вот ты его довершила. О, будь же благословенна!»
Девушка, сильно растрогана, юноше в очи глядела,
Не избегая объятий его и лобзаний — вершины
Радости, если они давно желанной порукой
Счастья, которому, любящим кажется, нет и предела.
Всё пастор затем объяснил остальным предстоящим.
Девушка вышла вперед, в умиленьи отцу поклонилась
И, целуя руку, которую он не давал ей,
Так сказала: «Прошу извинить при моем изумленьи
Прежние слезы печали и эти слезы восторга.
О, простите мне первое чувство, простите и это,
Дайте мне только сперва привыкнуть к новому счастью.
Первая пусть неприятность, внесенная мною смущенной,
Будет последней. К чему обязалась служанка усердно
Вам с любовью услуживать, дочь исполнить готова».
И отец ее тотчас же обнял, слезы скрывая.
Мать подошла и ее целовала от чистого сердца.
Взявшись за руки, обе женщины плакали молча.
Добрый, умный пастор сперва отцовскую руку
Взял поспешно и снял кольцо обручальное с пальца
(Только не вдруг: оно на округлом суставе держалось),
После у матери снял кольцо и, детей обручая,
Так сказал: «Вторично да будут назначены кольца
Эти союз закрепить, во всём подходящий на старый.
Юноша проникнут к девушке страстью глубокой,
Девушка нам говорит, что и юноша мил ей не меньше.
Так обручаю вас здесь и в грядущем благословляю».
Кланяться тотчас стал сосед, всех благ пожелавши;
Но как только пастор кольцо золотое на палец
Девушки стал надевать, изумлен, увидел на другое,
То, которое Герман еще у колодца заметил.
И пастор обратился с шуточно-дружеской речью:
«Как! вторично ты обручаешься? Только бы первый
Твой жених к алтарю не пришел с возбраняющим словом».
Но она отвечала: «О, пусть мне дозvoлят минуту
Воспоминаньям отдать: их стоит добрый, который
Дал мне, прощаясь, кольцо и сам не вернулся в отчизну.
Всё он предвидел, когда, желаньем свободы и жаждой
Подвигов, при новом порядке он вызван невольно
Был в Париж, где его темница и смерть ожидали.
Друг мой, — сказал он, — прости. Я иду, потому что на свете

Все, как кажется мне, уничтожены прочные связи:
Основные законы сильнейших держав ниспровергли,
От старинных владельцев отторгнуто их достоянье,
Дружба от дружбы: так пусть и любовь расстается с любовью.
Здесь я тебя покидаю; а где мы снова сойдемся —
Кто может знать? Разговор наш может быть и последним.
Как справедливо твердят, человек на земле только странник.
Более странником стал теперь, чем когда-либо, каждый:
Земли стали не наши, сокровища все переходят,
Золото и серебро чекан заветный теряют,
Плаваясь. Всё в движеньи, как будто бы мирозданье
Хочет, в прежний хаос разложась, опять воссоздаться.
Сердце свое ты храни для меня, и если сойдемся
Мы на развалинах мира, тогда обновленными будем
Существами, которым судьба не предпишет закона.
Может ли что оковать пережившего наши утраты?
Если же нам никогда не удастся избежать напасти
И с восторгом принять друг друга в объятия снова,
О, тогда сохрани в душе мой трепетный образ,
Чтоб равно быть готовой принять и счастье, и горе.
Если тебя привлекают иное жилище и связи,
Будь благодарна судьбе за то, что она посылает,
Добрый добром отдавай, а любящим — чистой любовью,
Но, повсюду в дорогу готовая легкой стопою,
Чтоб в глубокое горе не впасть вторичной утраты,
Каждым днем дорожи; но жизнь не выше другого
Блага считай и цени, — обманчиво каждое благо. —
Так сказал он, и мне никогда с той поры не являлся.
Всё утратя, я тысячу раз эту речь вспоминала
И теперь вспоминаю, когда любовь мне готовит
Чудный удел, и надежда врата предо мной отверзает.
О, прости мне, мой друг, что, твою даже чувствуя руку,
Я дрожу. Мореходцу, вошедшему в пристань, невольно
Кажется, будто твердыня земли колеблется тоже».
Так сказала она и вместе кольца надела.
Ей на это жених отвечал в благородном волнении:
«Тем прочней, Доротей, да будет, при общем смятении,
Наш союз. Мы будем друг друга держаться
Крепко и так же крепко стоять за наши владения.
Тот, кто в смутное время сам колеблется духом,
Зло умножает и средства ему дает разрастаться.
Кто же незыблем в душе, тот собственный мир созидает.
Немцам вовсе нейдет волнение страшной тревоги
Распространять, а самим и туда и сюда подаваться.

Это наше, должны мы сказать и поддерживать слово.
И поныне еще превозносят решимость народов,
Бога, законы, родителей, жен и детей защищавших,
Если даже они, сражаясь с отвагою, пали.
Ты моя, и мое отныне моим стало дважды.
Не с тоскою и страхом беречь и блюсти его стану,
Но с отвагой и силой. И если б теперь неприятель,
Или вперед нам грозил, сама снаряди меня в битву.
Буду я знать, что ты блюдешь за родительским домом.
О! я смело в ту пору грудью врагов повстречаю,
И если б каждый думал, как я, то сила б восстала
Против силы и мир нас всех обрадовал вскоре».

VII ШИЛЛЕР

I ВЕЧЕР

«Бог лучезарный, спустись! — жаждают долины...»

См. т. 1. С. 44

II ДИФИРАМБ

«Боги всегда к нам...»

См. т. 1. С. 45

III К ЦВЕТАМ

Дети солнечного восхода,
Пестрых пажитей цветы,
Вас взлелеяла природа
В честь любви и красоты.
Ваши яркие уборы
Под перстом прозрачным Флоры
Так нарядно хороши;
Но, любимцы неги вешней,
Плачьте: прелесть жизни внешней
Не вдохнула в вас души.

Вслед за жаворонком, нежно
Соловьи о вас грустят;
На листьях у вас небрежно,
Колыхаясь, Сильфы спят;
Ваши пышные короны
Превратила дочь Дионы
В брачный полог мотыльков.
Плачьте, плачьте, дети света!

В вас тоска понятна эта —
Вам неведома любовь.

Но томление разлуки
Выношу я, не скорбя;
Друг мой Нанни! эти руки
Вьют подарок для тебя.
Жизнь и душу, страсть и речи,
Сердца нежные предтечи,
Вам теперь передаю,
И сильнейший меж богами
Здесь, под скромными листьями,
Скрыл божественность свою.

СЕМЕЛА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Юнона.
Семела, фивская царевна.
Юпитер.
Меркурий.

Действие происходит в Фивах, во дворце Кадыма.

ПЕРВАЯ СЦЕНА

Юнона

(Сходит с колесницы, окруженная облаком)

Прочь вы! с колесницей крылатой,
Павлины Юоны; ждите меня
На заоблачных высях Цитеры.

(Колесница и облако исчезают)

А, здравствуй, дом моей несытой злобы,
Привет тебе, проклятья вражий кров
И ненавистный двор! Так вот то место,
Где пред лицом стыдливым дня Юпитер
Бесчестит ложе гордое мое!
Здесь громовержца смеет женщина —
Простая смертная, мгновенный прах, —

Исхитив лаской из моих объятий,
Теперь к своим приковывать устам.

Юнона, Юнона!
У горнего трона
Ты одна стоишь.

Храмы шлют тебе куренье,
Всюду чтители твои.
Без любви на что почтенье?
Что и небо без любви?
Нужно было мне в обиду,
Чтобы пена родила Киприду,
Вечных и смертных —
Всех победил ее взор огневой.
Горе! — в гнев тебе Юнона
Родила и Гермiona —
И навек прости покой!

Иль не царица богов я?
Иль не сестра громовержца?
Иль мне властитель Зевес не супруг?
Разве не мне повинуются оси
Грузного неба? Не я ли блистаю в венце
олимпийском?

Га! Я чувствую
В жилах бессмертных Сатурнову кровь,
Сердце богини в груди разрослось.
Мести! Мести!
Унижать меня безнаказанно!
Безнаказанно сеять раздор меж богами
И в ясный чертог небожителей звать
Эриду? Какая безмерная дерзость!
Знай же, безумная!
Смерть у Коцита научит тебя
Божеское различать от праха земли!
Пусть задавит тебя твой гигантский убор;
Прахом ты будешь
Вместо богини.
В доспехах мести
Схожу с Олимпа высокого я
И сладко-снотворные
Льстивые речи
Изобрела;
Смерть и погибель

Скрываются в них.
Чу, шаги ее!
Вот ближе,
Ближе к паденью и гибели верной!
Увейся покровом земным, божество!

(Уходит.)

Семела
(кричит на сцену)

Уж солнце к западу!.. Скорей, служанки,
Наполните чертог приятной амброй,
Роз и нарциссов набросать вокруг;
Да не забудьте златотканый полог...
Уж солнце к западу, а он еще нейдет!

Юнона
(входит в образе старухи)

Благодарение бессмертным! Дочь моя!

Семела
О, боги! Бодрствую иль брежу я? Бероя!

Юнона
Ужель свою кормилицу-старушку
Забыла ты?

Семела
Бероя, видит Зевс!
Позволь, чтоб дочь тебя прижала к сердцу!
Здорова ль ты? Зачем из Эпидавра
Пришла ко мне? Ну, как живешь? Не правда ль,
По-прежнему еще ты мать мне?

Юнона
Мать!
Давно ты так звала меня.

Семела
Зову
И буду звать — пока из темной Леты
Я не напьюсь.

Юнона

Берое, может быть,
Недолго ждать до волн самозабвенья;
Но Кадма дочь из них не будет пить.

Семела

Как, милая? Загадками ты прежде
Не говорила; дух седых волос
Теперь в уста твои влагает речь;
Ты говоришь: я Леты не увижу?

Юнона

Да, я сказала. Что ж сединам ты
Смеешься? Правда, что богам они,
Как светлые власы, сетей не ставят.

Семела

Прости! Могла ль смеяться я власам
Седым, как будто эти вечно будут
Златой волной катиться мне на плечи?
Но что же ты сквозь зубы проворчала?
Бог, говоришь ты?

Юнона

Бог, сказала я?
Ну да, ведь боги всюду! Их молитвь
Нам, слабым смертным, должно. Боги там,
Где ты, Семела. — Как спросила ты?

Семела

Какая злость! Однако ж говори,
Что привело тебя из Эпидавра?
Не то ли уж, что боги окружают
Твою Семелу?

Юнона

Только то, клянусь!
Каким огнем твои покрылись щеки,
Когда «Юпитер» я произнесла!
Послушай, дочь моя: ужасный мор
Свирепствует в несчастном Эпидавре.
Там каждое дыханье ядовито,
Жених невесту, мать сжигает сына.
Костры горят и превращают в день

Полночный сумрак. Вопли и рыдания
По воздуху разносят смертный ужас.
Прогневанным Юпитер смотрит оком
На бедный наш народ. Вотще пред ним
Струится жертвенная кровь. Вотще
У алтаря, измучась, на коленях,
Взывает жрец, — он на моленье глух.
И вот меня несчастная отчизна
Ко дочери Кадма шлет: не упрошу ль
Ее избавить нас от смертной кары?
Кормилица Бероя, говорят,
Должно быть, много значит у Семелы,
Семела же у Зевса много значит;
А вот и всё — не поняла я слов:
«Семела много значит у Зевеса».

С е м е л а

(с жаром и забывшись)

Скажи, что завтра кончится зараза!
Меня Зевс любит — нынче ж стихнет мор!

Ю н о н а

(неожиданно пораженная)

Так правда, что стоустая молва
От Гемуса до Иды разглашает?
Тебя Зевс любит? Зевс приветствует
Тебя во всем величьи, как Юнону,
Средь изумленных небожителей?
О, боги! пусть теперь сокроет Оркус
Мои седины — я жила довольно...
Во всем величии нисходит сын Сатурна
К ней, к ней — она сосала грудь мою!
К ней!

С е м е л а

О, Бероя, он явился мне

Красавцев краше всех Аврориных детей.
Да, в этот миг он был небесней и светлей,
Чем Геспер, ароматом окруженный
И членами в эфире погруженный.
Он гордо шел, как бы Гиперион,
Когда за мощными плечами
Звенят колчан и лук. Зефиром окрылен,
Блистал покров, виясь за ним клубами.

Так океан серебристыми волнами
Блестает. Серебра приятный звон —
Его слова; их перелив светлее
Живой мелодии на лире у Орфея.

Ю н о н а

Ах, дочь моя! Как всё в тебе полно
Минувшего небесным наслажденьем;
Что ж делалось тогда с твоими слухом, зреньем,
Когда воспоминание одно
Теснится в грудь дельфийским вдохновеньем!
Но что же ты не склонилась разговор
На Зевсов драгоценнейший убор?
Что ж ты скупилась? Расскажи, как стрелы
Громовые сверкают пред Семелой,
А им бы рвать густые облака!
Девкалион и Прометей красою
Могли снабжать — громит же лишь Зевес.
Один лишь гром, который он бросал
К твоим ногам, один лишь гром тебя
Так высоко возносит над землей.

С е м е л а

Что говоришь ты? Здесь о громе речи
Не может быть.

Ю н о н а
(улыбаясь)

Тебе к лицу и шутки!

С е м е л а

Небесней моего Юпитера не может
Быть сын земли; но гром... Какой же гром!

Ю н о н а

И... ревность!

С е м е л а

Нет, Бероя! Видит Зевс.

Ю н о н а

Клянешься?

Семела
Видит Зевс! мой Зевс!

Юнона

Клянешься?

Несчастливая!

Семела
(в испуге)
Вероя! Что с тобой?

Юнона

Ну, повтори слова те, по которым
Несчастней нет тебя на всей земле,
Погибшая! То был не Зевс!

Семела

Не Зевс?

Презренная!

Юнона

Коварный соблазнитель
Из Аттики, под маской божества,
Похитил честь твою, невинность, стыд!
Семела падает без чувств
Да, упади! Чтоб вечно не вставать!
Пусть ночь навек потушит светоч твой,
Пусть тишина скует навек твой слух!
Останься здесь на месте кладным камнем!
О, стыд, о срам! стыдливый день бежит
Опять назад в объятия Гекаты!
О, боги! боги! неужель Берое
Шестнадцать лет в разлуке проработать
И встретить так дочь Кадма суждено!
Я с радостью пошла из Эпидавра
И со стыдом должна идти домой.
Отчаянье я принесу... О, горе!
О, мой народ! Скорее до второго
Потопа мор пробудет, он скорей
Загромоздит телами темя Эты,
Скорей вся Греция в кладбище превратится,
Чем ты, Семела, гнев богов смягчишь:
Обмануты я, ты, и Греция, и все!

Семела

(поднимается, дрожа, и протягивает к ней руку)

Моя Бероя!

Юнона

Друг, очнись. Быть может,
То был Зевес! Но кажется, что нет!
А всё ж, быть может, он! Теперь узнать нам
должно;

Пусть он откроется, не то навек
Беги его; пусть Фивы за тебя
Презренному отмстят кровавой мстью.
Взгляни, о дочь! взгляни своей Берое
В лицо: уже по симпатии я
Всегда твоя. — Не испытать ли нам
Его, Семела?

Семела

Нет, клянусь богами,
Я в нем ошиблась бы.

Юнона

Ужели б ты
Была покойней, вечно сомневаясь,
Хотя бы он и подлинно был Зевс?

Семела

(скрывает лицо на коленях Юноны)
Нет! он не Зевс!

Юнона

И, блеском окруженный,
Тебе бы так явился, как едва ль
Являлся он Олимпу? Что тогда,
Семела? Ты бы каялась, зачем
Его пытала.

Семела

(с силой)

Он открыться должен.

Юнона

(скоро)

Дотоле он не знай твоих объятий —

Откройся прежде! — Слушай, дочь моя,
Что верная кормилица тебе
С любовью от души советует.
Скажи, когда он явится? скажи!

Семела

Он обещал, что прежде, чем к Фетиде
В объятия сойдет Гесперион.

Юнона

(забывшись, с жаром)

Как? Га! Сегодня снова

(сдержавшись)

пусть придет,

И только что в восторге упоенья
Он распахнет объятия за тобой,
Ты отступи — припомни — будто громом
Поражена. Га! Как смутится он!
Недолго, дочь моя, ты дли смущенье
И продолжай железным, хладным взором
Отталкивать его. Страстней, сильнее
Он будет льнуть к тебе; ведь спесь красавиц
Плотина лишь, что дождевой поток
Запрет на миг, и с яростию новой
Нахлынут волны... Тут ты станешь плакать;
Против Гигантов он стоял спокойно,
Глядя, как гнев сторукого Тифея
В его престол кидал Олимп и Оссу,
Но слезы милой победят его...
Ты улыбаешься? А, вижу, ученица
Здесь превзошла наставницу свою!
Вот и попросишь ты, чтоб бог исполнил
Одно твое невинное желанье:
В знак божества и пламенной любви
Он Стиксом поклянется — избежать
Ему нельзя — уж Стикс его связал.
А ты скажи: «Не знай меня, доколе
Во всей красе, как дочери Сатурна,
Не явишься ты царской дочери Кадма».
Семела, ты не бойся, если он
Начнет тебе присутствие свое
Описывать ужасным, в пламени
Трескучем, при раскатах громовых,
Чтоб, запугав, лишить тебя желанья...

Семела, это всё пустые страхи.
И боги лишь скупятся для людей
Такой красой, таким величьем славы.
Не отступайся, и сама Юнона
Завистливо скосится на тебя...

Семела

Дурная-то, с воловьими глазами?
В жару любви он часто признавался,
Как черной желчью мучает она
Его.

Юнона

(в гневе, в замешательстве, в сторону)

Га! смерть червю за поношенье!

Семела

Что? Как, Бероя? Что ты там ворчишь?

Юнона

(в замешательстве)

Так, ничего, Семела! Черной желчью
И я терзаюсь... Часто строгий взгляд
Зовется у влюбленных черной желчью;
Воловьё же глаза не так дурны.

Семела

О! самые беспутные, Бероя,
Какие могут в голове светить!
К тому ж примета ядовитой злобы
Желто-зеленый цвет ланит. Мне жаль
Зевеса: от навязчивой любви
И вздорной ревности царицы нет ему
Одной покойной ночи. Это просто
Должна быть в небе пытка Иксиона.

Юнона

(с ужасным смущением и злобою ходит взад и вперед)

Ну, полно же!

Семела

Бероя! Что за горечь?
Иль я сказала более, чем правда
И ум велят?

Юнона

Ты более сказала,
Чем ум и правда девушке велят.
Считай за счастье, если голубые
Глаза твои не рано в челн Харона
Заглянут. У Юноны тоже храмы...
Бродя между людьми, она не мстит
Так ни за что, как за насмешки злые.

Семела

Что ж! пусть придет и слушает! Что мне?
Юпитер каждый волос на главе
Моей хранит, так что же тут Юнона?
Однако же, Бероя, бросим это.
Еще сегодня я во всей красе
Увижу Зевса. Пусть себе Юнона
Хоть в Оркус путь отыщет.

Юнона

(в сторону)

Этот путь
Найдет другая, может быть, но прежде:
Уж в этом мне порукой Зевсов гром!

(К Семеле)

Да, да! у ней займет дыханье зависть,
Когда дочь Кадма пред лицом Эллады
Подыметя с триумфом на Олимп.

Семела

(легковерно улыбаясь)

Ужель
Про Кадма дочь узнает Греция?

Юнона

А будто б от Сидона до Афин
Про что другое говорят? Семела!
Боги, боги станут пред тобой
На колени, — боги пред тобой!
Смертные с покорной головою
Будут ждать за трепетной чертою,
Что невеста громовержца...

Семела
(быстро вскакивая, кидаясь к ней на шею)
Ах!

Юнона
И в века во все пределы
То расскажет мрамор белый,
Что Семелу чтили здесь —
Ту красавицу Семелу,
Чьи лобзания свели
В прах владыку, громовержца
С олимпийской высоты.
Тысячезвучные крылья молвы встрепенутся,
Звуки их с моря восстанут и с гор разольются.

Семела
(вне себя)
О, Аполлон! О, Пифия! Что ж он
Не явится!

Юнона
И сквозь облако куренья
Ты услышишь их моленья.

Семела
(вдохновенная)
И доступна буду всем,
Гнев его смягчу мольбами,
Молнии — залью слезами,
Счастье, счастье обещаю всем.

Юнона
(про себя)
Бедная! Зачем?
(Погружаясь в размышление.)
Чувствую!.. но звать меня беспутной...
Нет же! в Тартар состраданье!
(К Семеле)
Ну, беги ж, мой друг, беги же,
Чтобы Зевс не видел; чем он доле
Будет ждать, тем пламенней восхощет
Он к тебе...

Семела

Бероя, небеса

В твои уста вложили сами речи!
О, блаженство! Боги предо мною
На колени станут, а вокруг
Смертные с покорной головою —
Нет же, нет, бегу, бегу, мой друг!

(Поспешно удаляется.)

Юнона

(с восторгом смотрит ей вслед)

Слабая, гордая женщина! Жаль мне тебя!
Огонь пожирающий — страстные взоры его;
В каждом лобзании смерть, в каждом объятии
Вихрь удушающий! Смертному телу нельзя
Снести лицемерья того, чья рука
Громы кидает. Га! пусть

(в испугленном восторге)

Под молньеносной рукой
Воск ее смертного тела растает,
Как пред лампадою солнца
Утренний снег, — и неверный,
Вместо нежного стана невесты,
Собственный ужас обнимет.
С каким торжеством я тогда,
Взор пресыщая, с вершины Цитеры к нему
воззову,
Так что в руке у него задрожит громовая
стрела:

«Полно; что ж ты, Сатурний,
Так обнимаешь жестоко!»

(Поспешно уходит.)

Симфония.

ВТОРАЯ СЦЕНА

Прежняя зала. Внезапный свет.
Зевес в образе юноши. Меркурий в отдалении.

Зевес

Сын мой!

Меркурий
(с преклоненной головой
становится на колени)
Зевс!

Зевес

Скорей! спеши! лети!
Направь полет на берега Скамандра:
Там плачет над холмом своей пастушки
Пастух, — никто не должен плакать,
Когда Сатурний любит.
Ступай и оживи умершую!

Меркурий
(вставая)

Твоей главы могучей мановенье
Меня уносит вдаль в одно мгновенье
И вмиг назад.

Зевес

Летя через Аргос,
Я встретил дым, клубящийся от жертвы
На алтаре моем — приятно было мне,
Что мой народ так чтит меня; слетай
К моей сестре Церере и скажи,
Чтоб в десять тысяч раз она посея
Умножила аргийцам на полвека.

Меркурий

Я с быстротою трепетной всегда
Спешу исполнить гнев твой, вседержитель,
А милость — с радостной; ведь счастьем
наделять
Людей богам отрадно, а карать
Людей богам прискорбно. — Где велишь
Принести их благодарность: нанизу,
В пыли, иль наверху, в божественном чертоге?

Зевес

Внизу, в божественном чертоге! Во дворце
Моей Семелы! Ну, лети!
(Меркурий уходит.)

Она нейдет
Принять царя Олимпа, как всегда,

На грудь свою, взволнованную негой.
О, что же нейдет ко мне моя Семела
Навстречу? Мертвое, пустынное молчанье
Во всём дворце, который прежде так
Вакхически неистово шумел.
Ни ветерка... я видел торжество
В очах Юноны — своему Зевесу
Не хочет в сретенье Семела поспешить...

(Молчание. Он продолжает.)

Га! Неужель преступная войти
В святилище моей любви дерзнула?
Сатурния — Цитера и триумф
Ужасно... признаки... Семела, ты не бойся!
Не бойся, я твой Зевс. Дохну, и небеса,
Подвинувшись, покажут: я твой Зевс!
Где воздух тот, который смеет сильно
Подуть на ту, что Зевс своей зовет?
А козни мне смешны... Семела, где ты?
Давно я жду прильнуть к твоей груди
Главою, отягченной целым миром,
От бурь правленья чувства убаюкать,
Забыть во сне кормило и бразды
И потонуть в отраде наслажденья.
О, счастье! О, нега опьяненья
Самим бессмертным! Что Урана кровь,
Что нектар и амброзия, и что
Олимпа трон, золотой венец небес,
Могущество, бессмертье, вечность, бог
Без любви?
Пастух, что под журчание ручья
В объятьях милой забывает стадо,
Моим громам не позавидует.
Она идет... О перл моих созданий!
О женщина! Перед творцом твоим
Молиться должно. Я тебя создал —
Молися мне. Зевс молится Зевесу,
Создавшему тебя. Га! Кто во всей вселенной
Мне изречет проклятье? Как презренны,
Как незаметны все мои миры,
Мои моря лучей, мои системы
И вся моя огромная цевница,
Как мудрецы твердят, как это всё мертво
В сравнении с душой.

Семела
(приближается, не подымая глаз)

Зевес

Моя краса! Престол мой — прах! Семела! Ты
(спешит ей навстречу; она хочет уйти)
Бежишь? Безмолвствуешь? Семела! Ты бежишь?

Семела
(отталкивая его)

Прочь!

Зевес
(пораженный; после молчания)

Грезит Зевс? Или природа хочет
Разрушиться? — Так говорит Семела? —
Как, нет ответа? Жадно простираю
К тебе объятия — так не билось сердце
Мое пред дочерью Агенора, так
Оно и к Леде не рвалось, уста
Мои так уст Данаи не искали,
Как в этот миг.

Семела
Молчи! Ты лжец!

Зевес
(с нежным упреком)

Семела!

Семела
Прочь!

Зевес
(с величием смотря на нее)

Я Зевес!

Семела
Ты Зевес?
Страшись, хвостун! Он грозно у тебя
Потребует украденный убор,
Которым ты ругался — ты не Зевс!

Зевес

(величественно)

Вселенная, вращаясь вокруг меня,
Так назвала меня.

Семела

Га! богохульство!

Зевес

(кротче)

Как, милая? Откуда речь такая?
Кто ж у меня похитил это сердце?

Семела

Оно того, кого ты обезьянишь.
Чтоб женщину увлечь, приходят люди
Под маской божества. — Прочь! ты не Зевс!

Зевес

Ты сомневаешься? Ужель сомнительно
Семеле божество мое?

Семела

(печально)

Когда бы ты

Был Зевс, никто из смертных не коснулся б
До этих уст... О, если б ты был Зевс!

Зевес

Ты плачешь? Здесь Зевес, а ты в слезах, Семела?
(Преклоняется.)

Скажи, проси — и рабская природа
Падет, дрожа, к твоим ногам. Скажи —
И реки бой начнут с своим теченьем,
И горы: Геликон, Кавказ и Цинт,
Афос, Микала, и Родоп, и Пинд,
Вслед за моим могучим мановеньем,
Сорвавшись, на поля и доли налетят,
Завьются в воздухе и солнце затемнят.
Скажи — и ветры все, в одно мгновенье ока,
Помчатся с севера на море и с востока,
Посидаона трон тяжелый покачнут;
Пучины вздуются и берега зальют;
В огнях предстанет ночь, из грома гром родится,

И полюс затрещит и небо задымится.
Волнами океан начнет топить Олимп;
Перед тобой Оркан засвищет песнь победы...
Скажи!

Семела

Я женщина, я смертная.
Как можно пред горшком горшечнику
Или художнику перед статуей пасть?
склоняться,

Зевес

Пигмалион пал пред своим созданием, —
Своей Семеле молится Зевес.

Семела

(сильнее плача)

Ну, встань же, встань! О, горе мне, несчастной!
Я лишь богов могу любить, а боги
И сам Зевес — смеются надо мной!

Зевес

Зевес у ног твоих.

Семела

О, встань же! Высоко
Там на громах в объятиях Юноны
Зевес смеется слабости червя.

Зевес

(с жаром)

Семела и Юнона! Га! Кто червь?

Семела

О, необъятно-счастлива была бы —
Дочь Кадма, если б ты был Зевс, —
Но ты не Зевс!

Зевес

(встает)

Я Зевс.

Он протягивает руку: в зале появляется радуга.
Музыка сопровождает явление.

Что? Видишь ты?

Семела

И человек могуч любовью вечных.
Тебя Сатурний любит — я одних
Богов могу любить.

Зевес

Еще сомненья!

Как будто власть свою я у богов
На время выпросил, а не родился с ней!
Семела, боги людям сообщают
Благотворенья силу, но не кар,
А смерть и гибель — вот печать богов:
Карающим увидишь ты Зевеса.

Он протягивает руку: удар, огонь, дым и землетрясение.
Музыка сопровождает эти явления.

Семела

Довольно! Отпусти десницу! О, помилуй!
Помилуй бедный свой народ! Тебя
Родил Сатурн!

Зевес

А, легковерная!

Ужель Зевесу, женщине в угоду,
Планет и солнц течение изменять?
Зевс всё исполнит! Часто сын богов
Скале огнечреватой рвал утробу,
Но он землей и связан: это может
Один Зевес.

Он протягивает руку: солнце исчезает, внезапная ночь.

Семела

(падает перед ним)

О! если б, всемогущий,
Ты мог любить!

Снова день.

Зевес

Дочь Кадма вопрошает
Крониона, что, любит ли Кронион?
Один намек — и, сбросив божество,
Он примет плоть, чтоб только быть любимым.

Семела

И будто Зевс?..

Зевес

Сам Аполлон признался
Нам, как отрадно человеком быть
Между людьми. Скажи — я человек!

Семела

(кидается к нему на шею)

Зевс, в Эпидавре женщины зовут
Твою Семелу девушкой глупой:
Любима Зевсом, говорят, а что ж
Не выпросит у Зевса ничего?

Зевес

(с жаром)

Пусть женщины краснеют в Эпидавре!
Проси, проси — и видит Стикс — владыка
Самих богов... и если Зевс замедлит, —
Пусть грозный бог меня в одно мгновенье
В бездонный мрак небытия сразит!

Семела

(вскакивает с радостью)

Теперь я вижу своего Зевеса!
Ты поклялся — и клятву слышал Стикс!
Так никогда не обнимай иначе
Меня, как ты...

Зевес

(кричит в испуге)

Несчастливая! Посто́й!

Семела

Сатурнию...

Зевес

(хочет ей зажать рот)

Умолкни!

Семела

Обнимаешь.

Зевес

(бледный, отвернувшись от нее)

Уж поздно! Звук разлился! Стикс! Семела!
Ты выпросила смерть.

Семела

А, так-то любит Зевс!

Зевес

Я небо отдал бы за то, чтоб меньше
Любить тебя!

(С холодным ужасом смотрит на нее)

Погибшая!

Семела

Юпитер!

Зевес

(свирепо уставив глаза в землю)

Теперь я понял твой триумф, Юнона!
Проклятье ревности! Увы, красотка-роза,
Ты слишком хороша, ты слишком драгоценна
Для Ахерона!

Семела

Не скупись же славой!

Зевес

Проклятье славе! Ею ты ослеплена!
Проклятье моему величью, — раздробило
Оно тебя! Проклятие, проклятье
Мне, — счастье я строил на песке!

Семела

Пустые страхи, Зевс! я не боюсь
Твоих громов.

Зевес

Обманутый ребенок!

Ступай, простись в последние с твоими
Подругами: ничто, ничто не в силах
Теперь спасти тебя, Семела! Я твой Зевс.
И этого уж нет — ступай.

Семела
Завистник!.. Стикс! Ты не уйдешь теперь.
(Уходит.)

Зевес

Нет, не триумф, а трепет ждет ее!
И в силу власти, по которой мне
Подножием земля и небо служат,
К утесу самому крутому, во Фракии
Алмазной цепью прикую злодейку...
Да, я клянусь!
Меркурий является в отдалении.
Что значит твой полет?

Меркурий

Горячие признательные слезы
Счастливых.

Зевес

Всех их погуби опять.

Меркурий
(в изумлении)

Зевес!

Зевес

Никто не должен быть счастливым!
Она умрет...

Занавес опускается.

VIII МИЦКЕВИЧ

I

Всплываю на простор сухого океана,
И в зелени мой воз ныряет, как ладья.
Среди зеленых трав и меж цветов скользя,
Минуя острова кораллов из бурьяна.

Уж сумрак — ни тропы не видно, ни кургана;
Не озарит ли путь звезда, мне свет лия?
Вдали там облако, зарницу ль вижу я?
То светит Днестр: взошла лампада Аккермана.

Как тихо. — Постоим. — Я слышу, стадо мчится —
То журавли; зрачком их сокол не найдет.
Я слышу, мотылек на травке шевелится

И грудью скользкой уж по зелени ползет.
Такая тишь! Что мог бы в слухе отразиться
И зов с Литвы. Но нет! никто не позовет. —

II

О милая дева! К чему нам, к чему говорить?
Зачем, при желании чувством с тобой поделиться,
Не в силах я прямо душой в твою душу пролиться?
Зачем это чувство я должен на звуки дробить,
Пока они в слух твой и в сердце твое проникают,
На воздухе вянут, в устах у меня застывают.

Люблю! ах, люблю! я взываю сто раз день и ночь,
А ты же смеешься и гневна бываешь порою,
Зачем я не в силах горячей любви превозмочь,

Иль выразить, высказать, в песни излить пред тобою.
Но, как в летаргии, не вижу возможности я
Подняться из гроба и признак подать бытия.

Давно утрудил я уста бесполезным стараньем,
Теперь я с твоими устами хочу их спаять
И лишь объясняться с тобою сердец трепетаньем
Да лишь в поцелуях и вздохах любовь выражать.
И так говорил бы с тобою часы, дни и годы
До смерти природы и после кончины природы.

IX
КЁРНЕР

МОСКВА

«Как высоки церквей златые главы...»
См. т. 1. С. 110

Х ШЕНЬЕ

І ЛИДА

«Ланиты у меня на солнце загорели,
И ноги белые от терний покраснели.
День целый я прошла долиною; влекли
Меня со всех сторон бляения вдали. —
Бегу: но, верно, ты скрываешься, враждуя,
Всё пастухи не те. — О где же, где найду я
Тебя, красавец мой? Скажи, поведай мне
Где ты пасешь стада? В которой стороне?
О нежный отрок! ты краснеешь предо мною.
Взгляни, как я бледна, — истомлена тобою:
Люблю твое чело невинное и нрав.
Пойдем. — Не всё ж искать ребяческих забав.
О нежный отрок мой! узнай, как я страдаю,
Хочу забыть тебя, и всё не забываю.
Прекрасное дитя, к тебе влекут мечты:
Как дева робкая, склоняешь взоры ты.
Грудь белая твоя, полуприкрыта тканью,
Еще не отдалась любовному желанью.
Пойдем. Узнаешь всё. Тебя я научу.
С душою девственной беседовать хочу,
Пока, преодолев невольное смущенье,
Как я, познаешь ты и вздохи, и томленье,
А детских щек твоих вот этот пышный цвет,
Единственно моих лобзаний будет след.
О! если б, наконец, ты раннею зарею
Пришел на грудь ко мне прикинуть головою!
Я, сон лелея твой, боялась бы дохнуть,
Чтоб не будить тебя, дышала бы чуть-чуть
И, складки тонкого раскинув покрывала,
Я б от твоих ланит горячих отгоняла
И дерзких комаров, и беспокойных пчел».

.....
И Нимфа, отрока сыскав, стоит, вздыхает,
Трепещет и его с собою увлекает.
Садится на траву. Ей уступает он,
И горд, и втайне рад, и явно пристыжен.
Уж прикоснулася неверными перстами
Она к нему. Одна ее рука кудрями
Играет отрока; другая же рука
Ласкает шелк ланит младенческих слегка.
«Дитя! — зовет она — приди на зов мой страстный,
Прекрасен, юн, ко мне и юной, и прекрасной,
Ко мне, прелестный друг, ты на колени сядь.
Скажи, как много лет успел ты сосчитать?
Бывал ли первым ты борцом между друзьями?
Им нынче (говорят) скользящими руками,
Счастливым! жать пришлось тебя к груди своей,
И на тебе сиял струящийся елей.
Ты потупляешь взор? О, как должна гордиться
Та, у которой мог, красавец, ты родиться!
Богинею рожден ты, верно. — Что с тобой?
Ты весь дрожишь. Дитя, коснись вот здесь рукой:
Грудь у меня пышней, чем у тебя, скруглилась.
Но это, знаешь ли? Быть может, опустилась
Одежда женская перед тобой хоть раз, —
Но это не одно различие у нас.
Ты улыбаешься, краснея? Как сияет
Огонь твоих очей! Как твой румянец тает!
Не Гиацинт ли ты, любимый сын небес?
Иль тот, за кем орла ниспосылал Зевес?
Иль тот, кто зарожден пленять богинь собою,
Из лона Мирры шел, одетого корою?¹
Дитя! кто б ни был ты, хочу тебя обнять!
Дитя! люби меня. Как часто отвергать
Умела юношей я пыл неукротимый;
Но ты, ты будь моим, хочу я быть любимой.
.....
И возвестит векам мой камень гробовой,
Что Гименеем был развязан пояс мой».

¹ Мирра, дочь ассирийского царя Цинира, превращенного в благовонное дерево. Плиний говорит, что кору этого дерева разрезали сверху донизу, добывая благовоние. Цинир прижил с Миррою Адониса.

II

Супруг надменный коз, лоснящийся от жиру,
Встал на дыбы и, лоб склоня, грозит Сатиру.
Сатир, поняв его недружелюбный вид,
Сильнее уперся разрезами копыт,
И вот навстречу лбу несется лоб наклонный,
Удар: и грянул лес, и дрогнул воздух сонный.

XI БАЙРОН

**«О солнце глаз бессонных! Звездный луч...»
*См. т. 1. С. 74***

XII БЕРАНЖЕ

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

О Франция! мой час настал, я умираю.
Возлюбленная мать, прощай! Покину свет;
Но имя я твое последним повторяю.
Любил ли кто тебя сильнее меня? О нет!
Я пел тебя, еще читать не наученный,
И в час, как смерть удар готова нанести,
Еще поет тебя мой голос утомленный.
Почти любовь мою одной слезой... Прости!

Когда цари пришли и гордой колесницей
Тебя растоптанной оставили в пыли,
Я кровь твою унять умел их багряницей
И слезы у меня целебные текли.
Бог посетил тебя грозой благотворной;
Благословениям грядущего внимай:
Осемила мир ты мыслью плодотворной
И равенство пожнет плоды ея. Прощай!

Я вижу, что лежу полуживой в гробнице,
О защите же всех, кто мною был любим,
Вот, Франция, твой долг смиренной голубице,
Не прикасавшейся к золотым полям твоим.
Но чтоб ты слышала, как я к тебе взываю,
В тот час, как Бог меня в иной приемлет край,
Свой камень гробовой с усилием подымаю...
Рука изнемогла, он падает... Прощай.

ХІІІ ГЕЙНЕ

I

Из слез моих много родится
Роскошных и пестрых цветов,
И вздохи мои обратятся
В полуночный хор соловьев.

Дитя! если ты меня любишь,
Цветы все тебе подарю,
И песнь соловьиная встретит
Под милым окошком зарю.

II

Лилею, розой, голубкой, денницей
Когда-то и я восторгался сторицей.
Теперь я забыл их, пленяся одною
Младую, родною, живою душою:
Она, всей любви и желаний царица,
Мне роза, лилея, голубка, денница.

III

Ланитой к ланите моей прикоснись, —
Тогда наши слезы сольются;
И сердцем теснее мне к сердцу прижмись —
Огнем они общим зажгутся.

И если в тот пламень прольются рекой
Те общие слезы мученья,
Я, крепко тебя охвативши рукой,
Умру от тоски наслажденья.

IV

Дитя! мои песни далеко
На крыльях тебя унесут,
К долинам Гангесова тока:
Я знаю там лучший приют.

Там, светом луны обливаясь,
В саду всё зардевшись цветет,
И лотоса цвет, преклоняясь,
Сестрицу заветную ждет.

Смеясь, незабудкины глазки
На дальные звезды глядят,
И розы душистые сказки
Друг другу в ушко говорят.

Припрыгнув, внимания полны,
Там смирно газели стоят;
А там, в отдалении, волны
Священного тока шумят.

И там мы под пальмой младую,
Любви и покоя полны,
Склонившись, уснем — и с тобою
Увидим блаженные сны.

V

Как из пены вод рожденная,
Друг мой прелести полна,
Ведь другому обрученная,
Ты пред ним сиять должна.

Сердце, ты, многострадальное,
На измену не ропщи,
И безумие печальное
Ты оправдывать ищи.

VI

Я не ропщу, пусть сердце и в огне;
Навек погибшая, роптать — не мне;
Как ни сияй в алмазах для очей,
А ни луча во мгле души твоей.
Я это знал. Ведь ты же снилась мне;
Я видел ночь души твоей на дне,
И видел змей в груди твоей больной,
И видел, как несчастна ты, друг мой.

VII

Да, ты несчастна — и мой гнев угас.
Мой друг, обоим нам судьба — страдать.
Пока больное сердце бьется в нас,
Мой друг, обоим нам судьба — страдать.

Пусть явный вызов на устах твоих,
И взор горит, насмешки не тая,
Пусть гордо грудь трепещет в этот миг:
Ты всё несчастна, как несчастен я.

Улыбка горем озарится вдруг,
Огонь очей слеза зальет опять,
В груди надменной язва тайных мук,
Мой друг, обоим нам судьба — страдать.

VIII

На севере дуб одинокий
Стоит на пригорке крутом;
Он дремлет, сурово покрытый
И снежным, и лдяным ковром.

Во сне ему видится пальма,
В далекой, восточной стране,
В безмолвной, глубокой печали,
Одна, на горячей скале...

IX

Слышу ли песенки звуки,
Той, что певала она, —
Снова томительной муки
Грудь, как бывало, полна.

Так и потянет невольно
В горы да к темным лесам, —
Всё, что и горько, и больно,
Может быть, выплачу там.

X

Мой друг, мы с тобою сидели,
Доверчиво, в легком челне.
Тиха была ночь — и хотели
Мы морю отдаться вполне.

И остров видений прекрасный
Дрожал, озаренный луной.
Звучал там напев сладкогласный,
Туман колыхался ночной.

Там слышались нежные звуки,
Туман колыхался, как хор, —
А мы, преисполнены муки,
Неслись на безбрежный простор.

XI

Твои пылают щечки
Румянцем вешних роз,
А в крошечном сердечке
По-прежнему мороз.

Изменится всё это,
Увидишь ты сама,
На сердце будет лето,
А на щеках зима.

ХII

Я плакал во сне; мне приснилось,
Что друг мой во гробе лежит;
И я проснулся — и долго
Катилися слезы с ланит.

Я плакал во сне; мне приснилось,
Что ты растаешь со мной;
И я проснулся — и долго
Катилися слезы рекой.

Я плакал во сне; мне приснилось,
Что ты меня любишь опять;
И я проснулся — и долго
Не в силах я слез был унять.

ХIII

Когда на дороге, случайно,
Мне встретилась милой родня:
И мать, и отец, и сестрица —
Любезно узнали меня.

Спросили меня о здоровьи,
Прибавивши сами потом,
Что мало во мне перемены,
Одно, что я бледен лицом.

О тетках, золовках и разных
Докучных расспрашивал я,
О маленькой также собачке,
С приветливым лаем ея.

Спросил, между прочим, о милой:
Как с мужем она прожила?
И мне отвечали любезно,
Что только на днях родила.

И я их любезно поздравил
И нежно шептал им в ответ,
Прося передать поздравленья
И тысячу раз мой привет.

Сестрица прибавила громко:
— С собачкой случилась беда;
Как стала большою, взбесилась, —
Утоплена в Рейне тогда.

В малютке есть с милою сходство,
Улыбку ее узнаю:
И те же глаза, что сгубили
И юность, и душу мою.

XIV

С порога рыбачьей избушки
Мы видели море вдали;
Вечерний туман отделялся
Приметно от волн и земли.

Один за другим зажигались
Огни на большом маяке,
И лишний один разглядели
Еще мы корабль вдалеке.

Шла речь о крушеньях и бурях,
О том, что матросу беда, —
Что он между небом и бездной,
Надеждой и страхом всегда.

Про Север и Юг толковали,
Какие по тем берегам
Особые есть населенья,
Какие обычаи там.

В цветах берега у Гангеса,
Леса-исполины растут,
И стройные, кроткие люди
Там лотос, склоняясь, чтут.

В Лапландии грязные люди,
Курносый, невзрачный народ:
К огню подберется, да рыбу
Готовя, пищит и орет.

Дослушали девочки жадно,
Никто ни полслова потом;
Корабль в отдалении скрылся, —
Давно потемнело кругом.

XV

Красавица-рыбачка,
Причалъ свою ладью,
Пойди и сядь со мною,
Дай руку мне свою.

Доверчиво головкой
На грудь склонись ко мне,
Ведь ты ж себя вверяешь
Беспечно глубине.

С приливом и отливом,
Что море, грудь моя,
И много чудных перлов
Во глубине ея.

XVI

Нисходят во гроб поколенья,
Идут и проходят года,
И только одна в моем сердце
Любовь не пройдет никогда.

Хоть раз бы еще на колени
Упасть мне и встретить твой взор,
И только сказать, умирая:
Madame, je vous adore!¹

XVII

Они любили друг друга,
Но каждый упорно молчал;

¹ Мадам, я вас обожаю! (франц.).

Смотрели врагами, но каждый
В томленьи любви изнывал.

Они расстались — и только
Встречались в виденьи ночном;
Давно они умерли оба,
И сами не знали о том.

XVIII

Когда я про горе свое говорил,
То каждый зевал да молчанье хранил;
Когда же в стихи я его нарядил,
То много великих похвал заслужил.

XIX

Как луна, светя во мраке,
Прорезает пар густой,
Так из темных лет всплывает
Ясный образ предо мной.

Все на палубе сидели,
Гордо Рейн судно качал,
Поздний луч младую зелень
Берегов озолочал.

И у ног прекрасной дамы
Я задумчиво сидел,
Бледный лик ея на солнце
Ярким пламенем горел.

Струн томленье, хоров пенье,
Жизнь как праздник хороша! —
Небо тихо голубело,
Расширялася душа.

Чудной сказкою тянулись
Замки, горы мимо нас
И светились мне навстречу —
В паре ясных женских глаз.

XX

Во сне я милую видел:
Во взоре забота, испуг.
Когда-то цветущее тело
Извел, обессилил недуг.

Ребенка несла, а другого
Вела злополучная мать;
Во взоре, походке и платье
Нельзя нищеты не признать.

Шатаясь, брела она к рынку,
И тут я ее повстречал.
Она посмотрела... — и тихо,
И горестно я ей сказал:

— Пойдем ко мне в дом. Невозможно
И бледной и хворой бродить:
Я стану усердной работой
Тебя и кормить и поить.

Детей твоих стану лелеять,
Всю нежность на них обратя,
Но, прежде всего, на тебя-то;
Бедняжка! больное дитя!

Тебе никогда не напомним
Ничем о любви я своей,
И если умрешь ты — я буду
Рыдать на могиле твоей.

XXI

Как цвет ты чиста и прекрасна,
Нежна, как цветок по весне.
Взгляну на тебя — и тревога
Прокрадется в сердце ко мне.

И кажется, будто б я руки
Тебе на чело возложил,
Молясь, чтобы Бог тебя нежной,
Прекрасной и чистой хранил.

XXII

Хотел я с тобою остаться,
Забиться, моя красота!
Но было нам должно расстаться:
Ты чем-то была занята.

Тебе я сказал, что связала
Нам души незримая связь;
Но ты от души хохотала,
И ты мне присела, смеясь.

Страданья прибавить сумела
Ты чувствам влюбленным моим,
И даже польстить не хотела
Прощальным лобзаньем своим.

Не думай, что я застрелюся,
Как мне и ни горек отказ,
Всё это, мой друг, признаюся
Со мною бывало не раз.

XXIII

Ах! опять всё те же глазки,
Что так нежно улыбались,
И опять всё те же губки,
Что так сладко целовались.

Этот голос, мне когда-то
Дорогой, — не изменился;
Только сам уже не тот я,
Измененным воротился.

Вновь меня объемлют страстно
Бледно-розовые руки,
Но лежу у ней на сердце,
Полон холода и скуки.

XXIV

По бульварам Саламанки
Воздух благорастворенный.
Там, в прохладный летний вечер,
Я гуляю с милой донной.

Я рукой нетерпеливой
Обнял стройное создание,
И блаженным пальцем слышу
Гордой груди колыханье.

Но по липам слышен шорох,
Полный чем-то невеселым,
И ручей внизу плотины
Злобно грезит сном тяжелым.

Ах, сеньора! чует сердце:
Скоро буду я в изгнаньи;
По бульварам Саламанки
Не ходить нам на гуляньи.

XXV ГОРНАЯ ИДИЛЛИЯ

На горе стоит избушка,
Где живет старик седой;
Там сосна шумит ветвями,
Светит месяц золотой.

Посреди избушки кресло,
Все в резьбе его края;
Кто на них сидит, тот счастлив,
И счастливец этот — я.

На скамье сидит малютка,
Подпершись на локоток.
Глазки — звезды голубые,
Ротик — розовый цветок.

И малютка эти звезды
Кротко на меня взвела,
И лилейный пальчик хитро
К розе уст приподняла.

Нет, никто нас не увидит,
Мать так пристально прядет,
И отец, под звуки цитры,
Песнь старинную поет.

И малютка шепчет тихо,
Тихо — звуки затая;
Много тайн немаловажных
От нее разведал я.

«Но как тетушка скончалась,
И ходить нельзя уж нам
На стрелковый праздник в Гослар;
Хорошо бывает там.

Здесь, напротив, так пустынно
Гор холодных вышины,
И зимой мы совершенно
Будто в снег погребены.

Я же робкая такая,
Как ребенку, страшно мне;
Знаю, ночью злые духи
Бродят в нашей стороне».

Вдруг малютка приумолкла,
Как бы слов страшась своих,
И ручонками прикрыла
Звезды глазок голубых.

Пуще ветер шумит сосною,
Прялка воет и ревет,
И под звонкий голос цитры
Песнь старинная поет:

«Не страшись, моя малютка,
Покушений власти злой;
День и ночь, моя малютка,
Серафимы над тобой!»

XXVI

Желтеет древесная зелень,
Дрожа, опадают листы...
Ах, всё увядает, всё меркнет,
Все неги, весь блеск красоты.

И солнце вершины лесные
Тоскливым лучом обдаёт,
Знать, в нём уходящее лето
Лобзанье прощальное шлет.

А я, я хотел бы заплакать,
Так грудь истомилась тоской...
Напомнила эта картина
Мне наше прощанье с тобой.

Я знал, расставаясь, что вскоре
Ты станешь жилицей небес,
Я был — уходящее лето,
А ты — умирающий лес.

XXVII ПОСЕЙДОН

Солнце лучами играло
Над морем, катящим далеко валы;
На рейде блистал в отдалении корабль,
Который в отчизну меня поджидал;
Только попутного не было ветра,
И я спокойно сидел на белом песке
Пустынного берега;
Песнь Одиссея читал я — старую,
Вечно юную песнь. — Из ея
Морем шумящих страниц предо мной
Радостно жизнь подымалась
Дыханьем богов,
И светлой весной человека,
И небом цветущим Эллады.
Благородное сердце мое с участием следило
За сыном Лаэрта в путях многотрудных его;
Садился с ним в печальном раздумьи
За радушный очаг,

Где царицы пурпур прядут;
Лгать и удачно ему убежать помогало
Из объятия нимф и пещер исполинов;
За ним в киммерийскую ночь, и в ненастье,
И в кораблекрушение неслось,
И с ним несказанное горе терпело.
Вздохнувши, сказал я: — «Злой Посидаон,
Гнев твой ужасен,
И сам я боюсь
Не вернуться в отчизну!»
Едва я окончил —
Запенилось море,
И бог морской из белеющих волн
Главу, осокóю венчанную поднял,
Сказавши в насмешку:
«Что ты боишься, поэтик?
Я нимало не стану тревожить
Твой бедный кораблик,
Не стану в раздумье о жизни любезной тебя
Вводить излишнею качкой.
Ведь ты, поэтик, меня никогда не сердил:
Ни башенки ты не разрушил у стен
Священного града Приама,
Ни вóлоса ты не спалил на глазу
Полифема, любезного сына,
И тебе не давала советов ни в чем
Богиня ума — Паллада Афина».
Так воззвал Посейдон
И в море опять погрузился,
И над грубою остротой моряка
Под водой засмеялись
Амфитрита — женщина-рыба
И глупые дочери Нерея.

XXVIII ЭПИЛОГ

Будто на ниве колосья,
Зреют, колеблясь, в душе человека
Помыслы;
Но между них прорываются ярко
Помыслы нежно-любовные, словно
Алые да голубые цветы,

Алые да голубые цветы!
Брезгают вами жнецы, как травой бесполезной,
Нагло затем вас молотят дубины;
Даже бездомный прохожий
Вдоволь насытит и взоры, и сердце,
Да, покачав головой,
Даст вам название плевел прекрасных...
Но молодая крестьянка
Вас на венок
Ищет заботливо,
Вами убрать золотистые кудри,
И в этом уборе спешит в хоровод,
Где дудки да песни отрадно манят,
Иль под развесистый вяз,
Где голос любезного слаще манит
Дудок и песен.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

Из Гафиза

I

Ежели порой согласишься ты
Как на ветрогона на поэта —
Кровью сердца каждый стих родной
Он питает, вроде пеликана.

Запоеет ли песнь свою Гафиз,
Охмелеет трезвый, пьяный пляшет,
Флаг Гафиза в лагере певцов,
Гордость всех и украшение стана.

Пусть, Гафиз, любезный попугай
Золотого страстью Джиннистана,
Не говеет клюв твой никогда
Без лобзаний или марципана.

Горе нам несчастным! Ах, с чалмой
Потерять и голову недолго,
Но когда она скатилась с плеч,
Что же нам бояться Тамерлана?

Далеко искал живых ключей
Александр — из них он не напился.
Мы в отчизне можем пить из них
В погребке седого грубияна.

Если вдруг порыться захотел
Ты в густых кудрях головки юной,
У рассудка в отпуск не просись,
Преупряма эта обезьяна.

II

Нет, мой друг,
Не гляди на пьющих с строгостью такой,
А получше.
Тот умен,
Да потом к трактиру ближе и другой
Да получше.

Не цени
Эту добродетель, гордую собой,
И в копейку.
Тресни раз
И в другой ее по шее ты сухой
Да получше.

Бородач,
Пресловутый объяснитель всяких тайн,
Ум высокий!
Эту ночь
Бытия открытjem новым нам раскрой
Да получше.

Вот бокал
В эту руку, а другою обовью
Плечи милой.
К счастью путь,
Если можешь, укажи ты мне и пой
Да получше.

Не хватай
Ты веревки грубой, если захотел
Удавиться,
Прядь кудрей
Благовонных на себя надень петлей
Да получше.

Хоть Гафиз
Прихворнет, седого, мудрого врача
Не впускайте,
Пусть войдет
Полногрудый, краснощекий, молодой,
Да получше.

III

Так уж меня с моею ивой
Поставил жребий прихотливый:
Ей не видать меня несчастным,
Ее не вижу я счастливой.

Она обижена хотя бы,
Я ей надел венец красивый,
А я, как будто за улыбку,
Благодарю за взгляд спесивый.

IV

Терзают грудь земли, и, посмотри, она
Клад золотой ее терзавшему дает.
Летят каменья в дерево, и вот оно
Тому, кто кинул камень, шлет своих плодов.
Разбили раковину, а она тому,
Кто сокрушил ее, дарит эфирный <?> перл.
Ты ль, человек, неблагодарней хочешь быть
Земли, деревьев, даже раковин самих.

V

Помнишь ли ты, нежный друг мой, как светло
Было всё, что окружало нас?

Как уж первый взор твой на чело мое
Наложил печать любви сей час?

Как с твоих, меня бранить готовых уст,
Поцелуев сладость полилась?

Как на нас глядела кроткая луна,
И с нее мы не спустили глаз?

Как всего, о чем мечтать не смеет ум,
Небо нам послало в этот час?

Как жемчужный клад стихов Гафиза вдруг
Стал пышней и краше во сто крат
Помнишь ли ты, нежный друг...

VI

Как бы эфира сотрясенье слышу,
Как будто сфер воздушных пенье слышу,

Как будто кроткий с неба пролетает,
И тихих крыльев я движенье слышу.

Иль ветер весть доносит мне от милой?
Я сладостное откровенье слышу.

Иль это весть о недалеком счастье?
Я то, что гонит все мученья, — слышу.

VII

Взгляни! Ты, дышащий хулой
И ограниченный народ!
Безумство светлое со мной
Не так встречается, как ты,
О! жертва вечной слепоты;
Оно с нагорной высоты
Мне миллион лобзаний шлет.

Из Мицкевича

СВИТЕЗЯНКА

Кто этот юноша скромный, прекрасный,
Рядом с ним дева кто эта,
Идут по берегу Свитязи ясной
В проблесках лунного света?

Дева ему предлагает малины,
Он ей цветов предлагает;
Знать, то виновник девичьей кручины,
Видно, по ней он вздыхает.

Каждую ночь я в условную пору
Тут их под дубом встречаю.
Здесь стрелок он и рыщет по бору;
Кто эта дева — не знаю.

Скрылась — куда? И откуда? Поныне
Это никто не узнает.
Всходит она, как цветок на трясине,
Искрой ночной пропадает.

«Друг мой, скажи мне, — зачем ты скрываешь?
Тайна к чему нам пустая?
Что за тропинку глухую ты знаешь?
Где твоя кровля родная?

Лето минуло, дождлива погода,
Лист пожелтел на вершинах, —
Буду ль всегда твоего я прихода
Ждать на прибрежных долинах?

Полно блуждать, как упырь невидима,
Серной мелькать молодою;
Лучше останься ты с тем, кем любима!
Милая, следуй за мною!

Домик мой здесь недалеко; раздольно
В нем меж кустами ольшины;
Там молока и плодов с нас довольно,
Всякой довольно дичины». —

«Стой! Стой! Отвечу пред гордым мужчиной,
Вспомня отцовский обычай:
В голосе вашем привет соловьиный,
В сердце же помысл лисичий.

Страшно! Любви я не верю, робею;
Хитрый обман злонамерен.
Может быть, я и была бы твоею,
Только ты будешь ли верен?»

Юноша пал на колени, хватает
Землю, клянется ей светом,
Ясной луною и адом... Кто знает,
Будет он верен обетам?

«Этим обетам будь верен, мой милый!
Кто нарушает подобный, —
Здесь ему горе, и там, за могилой,
Горе душе его злобной».

Дева венки свой надела в смущеньи,
Смокнула, махнула рукою
И, поклонившись стрелку, в отдаленьи
Скрылась знакомой тропею.

Он ей вослед, но напрасны старанья!
Сколько стрелок ни метался,
Дева исчезла, как ветра дыханье;
Он одинокий остался.

Где он? свернул незнакомой тропею...
Гнется трясина живая,
Тихо кругом, лишь трещит под ногою
Изредка ветка сухая.

Вот и к воде подошел он в смущеньи,
Взоры блуждают без цели...
По лесу ветер завыл в отдаленьи,
Волны, кипя, зашумели.

Льются и плещут, кипя и сверкая.
О, это призрак напрасный!
Чудная дева всплыла, разверзая
Влагу на Свитязи ясной.

В каплях чело ее мягче сияет
Роз белоснежных завоя,
Легче тумана покров обвивает
Тело ее неземное.

«Юноша, юноша нежный, прекрасный, —
Дева взывает с упреком, —
Что ты тут бродишь у Свитязи ясной
В полночь в раздумьи глубоком?»

Юного сердца порывы так жарки,
Ты околдован мечтою...
Может быть, речи вертявой дикарки
Были насмешкой пустою?

Слушай и верь мне: с тоскою расставшись,
Брось этот призрак печальный;
Здесь оживешь ты; здесь будем, обнявшись,
Плывать по влаге кристальной.

Взлюбишь ли ты лишь, как ласточка, шибко
Волн по верхам прикасаться,
Или, доволен и весел, как рыбка,
День весь со мною плескаться;

Ночью ж, на дне серебристой купели
Под зеркалами живыми,
Нежась на мягкой лилейной постели,
Тешиться снами златыми!»

То, не касаясь до влаги стопами,
Радугой блещет лучистой,
То, погружаясь, играет с волнами,
Пеною брызжет серебристой.

Юноша к ней; но, опомнясь, с разбегу
Хочет прыгнуть и не хочет;
В ноги к нему подкатившись по берегу,
Нежно волна их щекочет.

Льнет и щекочет так сладко-игриво,
Так в нем душа замирает,
Будто бы руку ему торопливо
Милая тайно сжимает.

Вмиг позабыты душой омраченной
Клятвы пред девой лесною,
К гибели мчится стрелок ослепленный,
Новой взманен красотою...

Мчится и смотрит, и смотрит и мчится
Следом коварного тока,
Синяя бездна дрожит и кружится,
Берег остался далеко.

Рук белоснежных он ищет руками,
Очи в очах утопают,
Хочет к устам прикоснуться устами,
Волны бегут и сверкают.

Вдруг ветерок пропорхнул, разгоняя
Тучки серебристой завесу;
Юноша смотрит, черты узнавая...
Ах, это дева из лесу!

«Где же обет твой священный, мой милый?
Кто нарушает подобный,
Здесь ему горе, и там, за могилой,
Горе душе его злобной.

Где тебе мчаться равниною водной,
С бездной играть голубою?
Бренное тело землею холодной,
Очи закроются тьмою.

А у знакомого дуба скитаться
Будет душа твоя злая;
Тысячу лет суждено ей терзаться,
В пламени адском сгорая!»

Слышит стрелок эти речь в смущеньи,
Взоры блуждают без цели;
По лесу ветер завыл в отдаленьи,
Волны, кипя, зашумели.

Мечутся волны толпой разъяренной,
Плещут, клокочут и стонут,
Пасть разверзается хляби бездонной,
Дева и юноша тонут.

Волны поныне и в брызгах и в пене
Плещут, исполнены гнева;
Мчатся по ним две знакомые тени —
Юный стрелок то и дева!

СВИДАНИЕ В ЛЕСУ

«Ты ль это? Так поздно?» — «Я сбился в потемках с дороги.
При месяце тусклом тропа обманула лесная.
Грустила? Меня вспоминала?» — «Скажи мне, могла я
О чем постороннем подумать, любимец мой строгий?» —

«О, дай же мне руку! Позволь целовать эти ноги!
Дрожишь; что с тобою?» — «Не знаю; в лесу я, гуляя,
Пугаюсь, что лист зашумит или птица ночная...
Ах! знать, мы преступны, коль сердце так полно тревоги!» —

«Взгляни-ка мне в очи, в лицо. Никогда не бывала
Вина так смела и тревога с улыбкой такою!
Ужель ты преступна, что быть мне с собой позволяла?»

Сижу я далеко. Любуюсь с отрадой немою...
И так я, мой ангел земной, наслаждаюсь тобою,
Как будто ты духом, как будто ты ангелом стала».

Из Гейне

Томный звон в груди моей
Внятен мне всё боле;
Взвейся ж, песенка весны,
Прозвени на воле.

Мчися в дом, где под окном
Дышат незабудки,
Если розу встретишь там,
Поклонись малютке.

* * *

На бледном ты лице моем,
Знать, не прочла ни слова?
И слышать жалкий мой упрек
Из уст моих готова?

О! для надменных этих уст
Всё б шутки да лобзанья,
Мне могут быть смешны мои
Предсмертные страданья.

* * *

И если ты будешь моею женой,
Завидную выберешь долю:
Начнутся забавы одна за другой,
Плезиров и радостей вволю.

Бранись и шути, сколько хочешь, — я тих,
Безмолвно всему покорюся;
Но если стихов не похвалишь моих,
Я тут же с тобой разведуся.

ШЕКСПИР

АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА¹

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

М. Антоний	}	триумвиры.
Октавий Цезарь		
М. Эмилий Лепид		
Секст Помпей		
Домиций Энобарб	}	приверженцы Антония.
Вентидий		
Эрос		
Скар		
Дерцет		
Димитрий		
Филон	}	приверженцы Цезаря.
Меценат		
Агриппа		
Долабелла		
Прокулей		
Тирей	}	приверженцы Помпея.
Галл		
Менас		
Менекрат		
Варрий		

Тавр, военачальник у Цезаря.

¹ Представляя на суд образованной публики перевод «Антония и Клеопатры», считаю неизлишним заметить, что я присоединил в выносках только необходимейшие объяснения текста и те варианты по экземпляру Коллера, которые явно изменяют в данном месте смысл в пользу дела. Читатели извинят немногие 6-глагольные стихи, встречающиеся в моем переводе, тем более что у Шекспира не только такие стихи, но и лишённые всякой меры, — не редкость. *Переводчик.*

К а н и д и й, военачальник у Антония.
С и л и й, один из вождей у Вентидия.
Э в ф р о н и й, посол Антония к Цезарю.

А л е к с а с
М а р д и а н
С е л е в к
Д и о м е д

} придворные Клеопатры.

Г а д а т е л ь.

П о с е л я н и н.

К л е о п а т р а, царица Египта.

О к т а в и я, сестра Цезаря и жена Антония.

Х а р м и а н ь
И р а

} прислужницы Клеопатры.

В о ж д и, воины, вестники и прочие придворные.

Место действия — в различных частях Римской империи.

А К Т I

Сцена 1

Александрия. Комната во дворце Клеопатры.

Входят Димитрий и Филон.

Ф и л о н

Нет, сумасбродство нашего вождя
Выходит из границ; отважный взор,
Сверкавший вдоль рядов и легионов,
Как панцирь Марса, ныне преклонен
Иль обращен, почтительный и страстный,
На смуглое чело: героя сердце,
Что в жарких битвах заставляло пряжки
Срывать на груди, — совсем не то —
И ныне служит мехом, опахалом —
Жар египтянки страстный охлаждать.
Смотри-ка! вот они идут сюда!

Трубы. Входят Антоний и Клеопатра со свитой,
евнухи обмахивают ее опахалами.

Вглядись получше: и увидишь в нем
Ты третий столп вселенной обращенным
В шута развратной женщины. — Вглядись.

Клеопатра
Пусть и любовь, — но велика ль, скажи?

Антоний
Жалка любовь, которой мера есть.

Клеопатра
Я знать хочу предел твоей любви.

Антоний
Так дай же небо новое и землю.

Входит посланный.

Посланник
Из Рима весть.

Антоний
Не мучь — и в двух словах...

Клеопатра
Нет, выслушай, Антоний, ты его.
Быть может, Фульвия во гневе; иль, как знать,
Быть может, Цезарь безбородый шлет
Тебе приказ: «Исполни то и то,
Займи то царство, это защити;
Спеши и не гневи нас».

Антоний
Как, мой друг?

Клеопатра
Быть может, нет — всего верней, тебе
Остаться доле здесь нельзя, и Цезарь
Зовет тебя — так выслушай, Антоний,
Что ж Фульвия? да — то есть Цезарь? — оба?
Зови послов. Что вспыхнул ты, Антоний,
Бесспорно, как и то, что я царица.
В честь Цезаря твой стыд, иль дань ланиты
Крикливой брани Фульвии? Послы!

Антоний
Пусть в Тибре тонет Рим и мощный свод
Большого царства рухнет! Вот мой мир.
Все царства — прах. Питает тук земной

Людей и скот: всё благородство жизни
Вот в чем:

(обнимает ее)

когда два любящих дерзнут
Так сблизить жребии, а в этом мы
(Под страхом казни объявляю свету)
Недостижимы.

Клеопатра

Выспренная ложь!
Муж Фульвии — что ж, любит он ее?
Пусть я кажуся глупой, но не буду.
Антоний вечно верен сам себе.

Антоний

Коль не взволнован Клеопатрой он. —
О! из любви к живым часам любви
Не трать в тяжелых разговорах время;
Пусть нашей жизни каждый миг продлен
Забавами. Чем скоротаем ночь?

Клеопатра

Прими послов.

Антоний

Эх, спорщица царица!
Которой всё к лицу: и брань, и смех,
И слезы; каждый твой порок стремится
Быть красотой и вызвать поклоненье.
Что за послы! я твой и только твой!
Мы ночью город обойдем, вникая
В народный дух. Пойдем, моя царица, —
Вчера звала. Не обращайтесь к нам.

Уходят Антоний и Клеопатра со свитой.

Димитрий

Иль Цезаря Антоний так не ценит?

Филон

Порой, когда он больше не Антоний,
В нем и великих качеств нет, какими
Украшен должен быть Антоний.

Д и м и т р и й

Жаль,

Что общую он подтверждает ложь
О нем рассказов в Риме. Но, надеюсь,
Умней он будет завтра. — Будь здоров.

Сцена 2

Там же, другая комната.

Входят Хармиань, Ира, Алексас и Гадатель.

Х а р м и а н ь

Послушай, Алексас, милый Алексас, чудесный Алексас, все-
наичудеснейший Алексас, где гадатель, которого ты так хвалил
царице? О! если бы мне узнать того человека, который, как ты
говоришь, должен будет прикрывать рога свои венком¹.

А л е к с а с

Гадатель!

Г а д а т е л ь

Что вам угодно?

Х а р м и а н ь

Так это он? Ты ль, ведающий всё?

Г а д а т е л ь

Я в бесконечной книге тайн природы
Прочел не много.

А л е к с а с

Руку дай ему.

Входит Энобарб.

Э н о б а р б

Проворней стол внесите, да вина
Побольше — пить здоровье Клеопатры.

¹ Хармиань говорит о своем будущем муже, который, по словам Алексаса, будет по ее милости рогат.

Хармиань

Голубчик! счастье доброе мне дай!

Гадатель

Я не творю, — предвижу только я.

Хармиань

Так сделай милость, высмотри его.

Гадатель

Еще пышней ты будешь, чем теперь.

Хармиань

Он, верно, говорит о полноте.

Ира

Нет, ты румяниться под старость будешь.

Хармиань

Лишь только б не морщины.

Алексас

Да не мешайте! слушайте его.

Хармиань

Тсс...

Гадатель

Влюбляться чаще, чем любимой быть.

Хармиань

Так лучше же вином отогреться.

Алексас

Нет, выслушай его.

Хармиань

Ну, предскажи-ка отличное счастье. Заставь меня в одно утро выйти замуж за трех царей и овдоветь после их всех, заставь на пятидесятом году иметь ребенка. Устрой, чтобы я вышла за Октавия Цезаря и стала ровнею своей госпоже.

Г а д а т е л ь

Свою царицу ты переживешь.

Х а р м и а н ь

О, превосходно! Долгая мне жизнь
Дороже смокв¹.

Г а д а т е л ь

Ты счастливой была
Досель, чем предстоит тебе.

Х а р м и а н ь

Так, верно, дети мои будут без имени. Скажи-ка, сколько у
меня будет мальчиков и девочек?

Г а д а т е л ь

Будь каждое твое желанье — лоном,
И лоном плодотворным, — миллион.

Х а р м и а н ь

Прочь, дурак: прощаю тебя как колдуна.

А л е к с а с

Ты думаешь, одни простыни твои знают про твои желания?

Х а р м и а н ь

Ну, расскажи-ка Ире ты теперь.

А л е к с а с

Мы все желаем знать свою судьбу.

Э н о б а р б

Мне, да и большей части из вас судьба нынешнюю ночь —
пьяному в постель.

И р а

Вот ладонь, предвещающая непорочность, если не что другое.

Х а р м и а н ь

Точно, как разлитие Нила предвещает голод.

¹ В этом выражении уже намек на род смерти Клеопатры и Хармиани.

Ира

Прочь, ты, шутовка, где тебе гадать.

Хармиань

Нет, если влажная ладонь не признак плодородия, то я даже не в состоянии почесать у себя ухо¹. Пожалуйста, предскажи ей будничную судьбу.

Гадатель

У вас одинаковая судьба.

Ира

Но как же? как? рассказывай подробней.

Гадатель

Я всё сказал.

Ира

Неужели моя судьба ни на вершок не лучше ее?

Хармиань

Ну, а если бы твоя судьба и была на вершок лучше моей, куда бы ты прибавила этот вершок?

Ира

Разумеется, не к носу моего мужа.

Хармиань

Да спасет нас небо от дурных помыслов. Алексас, поди сюда; твою судьбу, твою судьбу! О! пусть он женится на женщине, которая не может ходить, милая Изида, умоляю тебя! и пусть она умрет, и дай ему еще худшую, и за худшею еще худшую, пока самая худшая со смехом не проводит до могилы его, бывшего пятьдесят раз рогносцем. Добрая Изида! услышь мою молитву, если и откажешь мне в более важном. Добрая Изида! умоляю тебя!

Ира

Аминь. Дражайшая богиня, услышь молитву твоего народа, потому что насколько сокрушительно видеть красивого мужчину с женой легкого поведения, настолько убийственно-неприятно видеть уродливого малого не рогатым; поэтому,

¹ Т.е. сделать самой легкой вещи.

добрая Изида! наблюдай приличие и пошли ему достодолжную судьбу.

Хармиань

Аминь.

Алексас

Посмотрите-ка! Если бы во власти их состояло сделать меня рогатым, они сами готовы бы сделаться распутными, чтобы этого добиться.

Энобарб

Тсс! — Вот идет Антоний.

Хармиань

Нет, — царица.

Входит Клеопатра.

Клеопатра

Антония вы не видали?

Энобарб

Нет, государыня.

Клеопатра

Он не был здесь?

Хармиань

Нет, государыня.

Клеопатра

Он в дуге был веселом — вдруг его схватила мысль о Риме. — Энобарб!

Энобарб

Царица!

Клеопатра

Сыщи и приведи его. Алексас где?

Алексас

Здесь, весь к услугам. — Вождь сюда идет.

Входит Антоний с посланником и свитой.

Клеопатра

Не будем на него смотреть. — Пойдем.

Уходят Клеопатра, Энобарб, Алексас, Ира,
Хармиань, гадатель и свита.

Посланник

Всех прежде Фульвия твоя пошла войной.

Антоний

На Люция, на брата моего?

Посланник

Да, но война недолго длилась. Время
Врагов сдружило к Цезарю враждой,
А тот счастливее в бою, — изгнал
Их из Италии при первой схватке.

Антоний

Ну хорошо. Еще похуже весть?

Посланник

С больных вестей послам не по себе.

Антоний

Коль речь ведут с глупцом иль трусом. — Ну!
По-моему, что было, то прошло;
Лишь правду говори — словам смертельным
Внимаю, будто лести.

Посланник

Лабиев

(О, злая весть!) войска парфян подвинул
И Азию с Ефрата покорил.
Победы знамя в Сирию он внес,
И в Лидию, и в Ионию; — меж тем ...

Антоний

Антоний, хочешь ты сказать.

Посланник

О вождь!

А н т о н и й

Будь прям, — молвы всеобщей не смягчай;
По-римски называй ты Клеопатру,
Ругай словами Фульвии, брани
Мои ошибки смело — так, как злоба
И ненависть их видят. — О! без бурь
Мы в плевелах заглохнем. Нас бранить —
Полоть нас значит. — Будь здоров пока!

П о с л а н н и к

Высокой воле покоряюсь я.

(Уходит.)

А н т о н и й

Что в Сикионе нового? скажи!

1-й слуга

Из Сикиона вестник. Был он тут?

2-й слуга

Он приказаний ждет.

А н т о н и й

Так пусть войдет.

Пора сорвать египетскую цепь

(Входит другой посланный.)

Иль в сумасбродстве потонуть. Кто ты?

П о с л а н н и к

Твоя супруга Фульвия скончалась.

А н т о н и й

Где?

П о с л а н н и к

В Сикионе:

О времени болезни и другом
Важнейшем — сам прочтешь.

(Подает письмо.)

А н т о н и й

Оставь меня. —

(Посланник уходит.)

Почил великий дух. Ведь я желал.
Что часто мы с презреньем отвергаем,
Желали б воротить; что нам приятно,
Становится от повторенья горьким
И самому себе противоречит¹.
Вот и мила, затем что умерла. —
Готов бы руку дать ей без угроз.
Пора бежать волшебницы царицы; —
Сто тысяч зол и без числа родит
Бездействие мое. Гей! Энобарб!

Э н о б а р б

Что ты прикажешь, повелитель?

А н т о н и й

Отсюда нужно мне поторопиться.

Э н о б а р б

В таком случае мы погубим всех наших женщин. Мы видим, как смертельно для них даже невнимание, а если нужно будет согласиться на наш отъезд, им просто смерть.

А н т о н и й

Я должен прочь уехать.

Э н о б а р б

Из-за важной причины пусть женщины умирают: истинная жалость бросать их из-за пустяков, но при важном обстоятельстве их следует считать ни во что. Если Клеопатра хотя малость об этом проведает, то немедленно умрет. Я видал ее двадцать раз умирающею из-за гораздо ничтожнейшей причины. Мне кажется, в смерти есть сила, действующая на нее, как любовные объятия, — до такой степени она на нее падка.

А н т о н и й

Она хитрей, чем может человек придумать.

¹ В прежних изданиях было: By revolution lowering; у Колльера: By repetition souring.

Энобарб

Нет, право, нет! страсти ее состоят из тончайших частиц чистой любви. Эти бури и потоки нельзя назвать вздохами и слезами. Это ураганы и ненастья сильнейшие, чем те, о которых говорит календарь. Тут не может быть притворства, а если есть, то оно пускает ливень не хуже Юпитера.

Антоний

Лучше никогда бы мне с ней не встречаться!

Энобарб

О! тогда бы ты не видал совершеннейшего создания и, отказавшись от такого наслаждения, лишил бы свое путешествие всякого значения.

Антоний

Фульвия умерла.

Энобарб

Повелитель?

Антоний

Фульвия умерла.

Энобарб

Фульвия!

Антоний

Умерла.

Энобарб

Ну, так принеси богам благодарственную жертву. Когда их божественности угодно отнять у мужа жену, то пусть он подумает о портных на сей земле и успокоится мыслью, что когда старые платья изношены, они поставлены на то, чтобы шить новые. Если бы кроме Фульвии не было женщин, тебе действительно пришлось бы плохо и дело было бы плачевное; а теперь горе увенчано утешением: из твоей старой женской рубашки выходит новая юбка. И действительно, слезы должны жить в чесноке, чтобы проливаться от подобного горя.

Антоний

Тревога, поднятая ею в Риме,
Не терпит моего отсутствия.

Энобарб

А тревога, поднятая тобою здесь, не терпит твоего отъезда. Особенно тревога Клеопатры, которая только и дышит твоим присутствием.

Антоний

Довольно легких слов. Дай знать вождям
Решенье наше. А причину я
Поспешности сам объясню царице,
Проя любви отсрочки: не одна
Смерть Фульвии, с важнейшими другими
Причинами, зовет нас; много писем
Нас дружески увещевают в Рим
Немедленно вернуться. Секст Помпей
На Цезаря восстал и приобрел
На море власть: изменчивый народ
(Который чувством не почитит заслуги,
Пока жива заслуга) рад признать
Всё, что Помпей великий совершил,
За сыном: — этот, храбростью и силой
Возвыся власть и имя, во главе
Стал войск. Усилясь, он способен быть
Грозой вселенной. Много в зачатьи,
Что силой жизни только волос конский,¹
А не змея по яду. Объяви
Ты нашим подчиненным, чтобы все
К отъезду торопились.

Энобарб

Всем скажу.

(Уходит.)

Сцена 3

Входят Клеопатра, Хармиань, Ира и Алексас.

Клеопатра

Где он?

¹ Понятие о конском волосе, превращающемся в волосатика, еще сохранилось у нашего народа.

Хармиань
Его с тех пор я не видала.

Клеопатра
Узнай, где он, кто с ним, чем занят он?
Не я тебя послала. — Если грустен,
Скажи ему, что я пляшу; а весел, —
Что вдруг занемогла. — Вернись скорей.

Алексас уходит.

Хармиань
Коль точно любишь ты его и хочешь
Любимой быть, то ты взялась не так.

Клеопатра
Что ж делать мне, что упустила я?

Хармиань
Всё уступай, — ни в чем не прекословь.

Клеопатра
Ты учишь сдуру, как его утратить.

Хармиань
Не мучь его, и рассуди: что нас
Пугает часто, надоест как раз.
(*Входит Антоний.*)
Вот и Антоний.

Клеопатра
Я больна, не в духе.

Антоний
Мне тяжело свой замысл ей открыть.

Клеопатра
На помощь, Хармиань, я упаду,
Не выдержу, и силы отказали
В услуге мне.

Антоний
Дражайшая царица!

Клеопатра
Прошу, не стой так близко.

Антоний

Что с тобой?

Клеопатра
В твоих глазах прочла благую весть.
Что говорит супруга? — К ней ступай.
Сюда бы ей тебя не отпускать.
Пусть не сочтет, что я тебя держу...
Я над тобой не властна: ты ее.

Антоний

Богам известно...

Клеопатра

Никогда царица

Так не была обманута, хоть я
Предвидела измену.

Антоний

Клеопатра!

Клеопатра

Как верить, что ты предан, что ты мой,
Хотя б клялся престолами богов,
Коль изменил ты Фульвии? Безумно
Связать себя обетом, сокрушенным
В минуту клятвы.

Антоний

Милая царица!

Клеопатра

Нет, свой побег не думай украшать.
Скажи: «Прости!», — и в путь; когда молил
Остаться здесь — ни слова про отъезд:
Сулил и взор наш вечность, и уста,
И негу брови, не было частички
В нас не небесной; всё осталось то ж,
Иль, величайший полководец в мире,
Ты — величайший лжец.

А н т о н и й

Как это так!

К л е о п а т р а

Будь я с твоею силой, ты б узнал,
Что сердце есть в Египте.

А н т о н и й

Дай сказать.

Событий власть на службу нас зовет
На время только; сердцем я вполне
И нераздельно здесь с тобой. Наш край
Мечами граждан блещет. Секст Помпей
Отважно к римским пристаням спешит,
И двух властей домашних равный спор
Родит раскол опасный. Ненавистных
Взлюбили за могущество; изгнанник
Помпей, богат заслугами отца,
Прокрался в души недовольных всем
Теперешним, — но грозных по числу.
Больной застою мир целенья ждет
От резких перемен. — Но извинит
В твоих глазах отъезд мой лучше всех
Смерть Фульвии.

К л е о п а т р а

Хоть глупость от меня

Лета не отведут, но отвели
Ребячество. Как Фульвии скончаться?

А н т о н и й

Она скончалась, верь, моя царица!
Взгляни сюда, в свободный час прочти,
Какой она затеяла раздор.
И лучшее ты под конец узнаешь:
Где умерла...

К л е о п а т р а

О лживая любовь!

Где склянки те, что ты наполнить должен
Печали влагой? вижу, вижу в смерти
Я Фульвии, как примешь ты мою.

А н т о н и й

Не ссорься боле, но готовься слушать
Про замыслы мои: жить или пасть
Им, как решишь сама; клянусь огнем,
Животворящим нильский ил, — пойду
Отсель твоим борцом, слугой, неся
Войну и мир, как скажешь.

К л е о п а т р а

Хармиань!

Шнуровку! нет! то хуже мне, то лучше,
Так и Антоний любит.

А н т о н и й

Нежный друг!

Поверь его любви — ее ничто
Не сокрушит.

К л е о п а т р а

Мне Фульвия — пример.

Ты отвернись-ка да поплачь об ней,
Потом скажи, прощаясь, что слезы
Льешь об Египте; сцену разыграй
Высокого притворства и уверь,
Что это честь.

А н т о н и й

Ты злишь меня, оставь!

К л е о п а т р а

Ты можешь лучше, — но и так к лицу.

А н т о н и й

Клянусь мечом я...

К л е о п а т р а

И щитом. Теперь

Искусней, но не всё тут. Хармиань!
Взгляни, как римский Геркулес хорош
В порыве гнева.

А н т о н и й

Я оставлю вас.

Клеопатра

Мой витязь вежливый, одно лишь слово:
Так нам расстаться должно, — нет, — не то;
Любили оба мы. — Опять не то;
Ты это знал, — что я хочу сказать?
О! память у меня точь-в-точь Антоний,
Я всё забыла.

Антоний

Если б не видал
Безумства я у ног твоих, то счел бы
Безумной самое тебя.

Клеопатра

Как тяжело
Носить безумство так у сердца близко,
Как носит Клеопатра. Но прости...
Смертелен каждый шаг мой для меня,
Коль ты им недоволен. — Честь зовет
Тебя отсюда. — Глупых слов не слушай —
Пусть будут боги все с тобой и меч
Твой обовьется лавром, — а успех
Перед твоими стелется стопами.

Антоний

Пойдем.

Разлука так и медлит и спешит,
Что ты идешь, здесь царствуя, за мною;
А я, бежав, — всё остаюсь с тобою.
Пойдем!

Уходят.

Сцена 4

Рим. Комната в доме Цезаря.
Входят Октавий, Цезарь, Лепид и свита.

Цезарь

Ты видишь сам, Лепид, и не забудь;
Не цезарское чувство ненавидеть
Великого совместника: вот слухи
Александрийские: он ловит рыбу, пьет,

Жжет факелы в ночных пирах — и сам
Мужчиной стал не больше Клеопатры;
А Птолемея вдова ничем
Не женственной его. Послов он слушал вскользь,
Забыв о соправителях. Ты в нем
Отыщешь все возможные пороки,
Которым люди следуют.

Лепид

Едва ль
Они затмить в нем доблестное могут.
Его ошибки, словно звезды в небе,
Еще пышней горят во тьме, скорей
В крови, а не в привычках; жребий больше,
Чем произвол.

Цезарь

Ты слишком снисходителен. Положим,
Простительно мять ложе Птолемея,
Платить за шутки царствами, на спор,
По правилам искусства, пить с рабами,
Шататься днем по улицам, бороться
С вонючей чернью — это всё пустяк
(Хотя каких достоинств не затмят
Такие вещи), но ничем Антоний
Не извинит того, что нам нести
Его безумств так тяжело бремя. — Если
Досуги он на негу расточает,
То отвращенье да иссохший мозг
О том напомнят; но терять часы,
Зовущие на подвиг барабаном
И воплем государства, — это стоит
Бранить, как мальчика бранят, который
Всё отдает за радость в настоящем
Наперекор уму.

Входит посланник.

Лепид

Вот снова весть.

Посланник

Приказ исполнен твой, и каждый час
Ты, благородный Цезарь, будешь слышать
О ходе дел. Помпей владеет морем

И, кажется, склонил он тех, кому
Был Цезарь только страшен. — К кораблям¹
Уже толпы стеклися недовольных
И ропщут на тебя.

Цезарь

Я это знал.

Мы можем видеть с первых государств,
Что кто высок — и мил, пока высок,
А кто упал, хоть не был век любим
И быть не мог, — стал мил, как нет его.
Похожа чернь на зыбкий флаг речной,
Что взад-вперед, как раб, следит за ветром
И треплется движеньем.

Посланник

Цезарь! я

С известием, что Менекрат и Менас,
Известные пираты, овладев
Морским пространством, всех родов киями
Его браздят; не первый уж набег
В Италию проник, приморский житель
Дрожит, и вся в волненьи молодежь!
Чуть судно где покажется, берут,
Лишь бы завидеть, а Помпея имя
Опаснее всех сил его.

Цезарь

Антоний!

Брось кубки сладострастия. Когда
Разбитый ты спешил из-под Мутины,
Где сам убил и Гирция, и Панзу,
Двух консулов, — шел голод по твоим
Пятам. Но ты, изнеженный, сносил
Его с терпеньем дикаря, ты жажду
Мочою конской утолял да ржавой
Водой болотной, что и скот не пьет;
Не презирал ты самых диких ягод
И, как олень, когда поля в снегу,
Ты грыз кору древесную; на Альпах
Ты, по рассказам, ел такое мясо,
Что вид его смертелен был, — и это

¹ В прежних изданиях: to the ports; у Колльера: to the fleets.

(О срам, о стыд тебе мои слова)
Ты всё сносил так твердо, что ланиты
Твои не побледнели.

Л е п и д
Жаль его.

Цезарь
Хотя бы стыд его обратно в Рим
Прогнал. Давно пора нам сообща
На поле показаться; собери
Для этой цели мне совет; Помпей
Растет от нашей лени.

Л е п и д
Завтра, Цезарь,
Я буду в состояньи донести,
Что мог собрать на море и на суше
В отпор године злой.

Цезарь
До той поры
О том же позабочусь сам. — Прощай.

Л е п и д
Прощай же, Цезарь. Если весть придет
О внешних происшествиях, — прошу,
Не медля, дай мне знать.

Цезарь
Не сомневайся:
Смотреть на это буду как на долг.
(Уходят.)

Сцена 5

Александрия. Комната во дворце.
Входят Клеопатра, Хармиань, Ира и Мардиан.

Клеопатра
Хармиань!

Хармиань
Государыня.

Клеопатра
Ах, ах!
Дай мандрагоры выпить мне.

Хармиань
Зачем?

Клеопатра
Чтоб времени заспать пробел огромный,
Когда Антоний мой не здесь.

Хармиань
Ты слишком
Им занята.

Клеопатра
Изменница!

Хармиань
О нет!

Клеопатра
Ты, евнух Мардиан!

Мардиан
Что вам угодно?

Клеопатра
Не петь тебя теперь заставлю. — Мне
Все в евнухе противно. Счастлив ты,
Что, обессилев, твой свободный ум
Не мчится из Египта. Есть ли страсти
В тебе?

Мардиан
Да, есть, царица.

Клеопатра
В самом деле?

Мардиан

Нет, не на деле. Ведь на деле я
Способен лишь на честные дела,
Но есть порыв о том размыслить, что
С Венерой делал Марс.

Клеопатра

О Хармианы!
Где он по-твоему? Стоит? Сидит?
Иль ходит где? Иль едет на коне?
Счастливец конь, Антония ты носишь.
Гордися, конь! Ты знаешь ли, кто он?
Пол-Атласа земли ты носишь — щит
Вселенной! Что, молчит он или шепчет:
«Где ты, моя змея у нильских вод?»
Так он зовет меня. А я теперь
Впиваю яд сладчайший, пусть он помнит
Меня, хоть я от уст влюбленных Феба
Черна и поддалась годам. — Когда
Ты был в живых, широколобый Цезарь,
Кусочек царский я была; Великий
Помпей, свой взор в мои вперяя брови,
Стоял и бросить якорь здесь желал,
Теряясь в созерцаньи.

Алексас

Владычице Египта мой привет.

Клеопатра

Как с Марком ты Антонием не схож!
Но прибыл от него, и драгоценный
Раствор позолотил тебя. Скажи,
Что делает мой храбрый Марк Антоний?

Алексас

Последним делом, светлая царица,
Был поцелуй, последний из упавших
На этот перл, слова вонзились в сердце.

Клеопатра

Пусть их мое исторгнет ухо.

А л е к с а с

«Друг, —

Сказал он, — передай мои слова:
Шлет верный римлянин вот этот перл
Великой египтянке, и у ног
Ее, чтоб дар возвысить скудный, брошу
Я царства перед пышный трон; Восток
Весь назовет ее своей царицей».
Тут мне кивнул и сел он на коня,
Который ржал так громко, что ответ
Мой заглушен был.

К л е о п а т р а

Скучен он иль весел?

А л е к с а с

Похож на время года; меж теплом
И холодом — не скучен и не весел.

К л е о п а т р а

О, соразмерность чудная! заметь!
Заметь! голубка Хармиань! вот муж!
Он не был скучен, чтоб казаться ясным
В глазах приверженцев; он не был весел,
Чтоб не сказали, что оставил радость
В Египте он, а так ни то ни сё.
О, что за смесь! Не радость и не грусть.
И обе крайности тебе к лицу,
Как никому. Встречал моих послов?

А л е к с а с

Да, я их встретил двадцать. Для чего
Их шлепь так много?

К л е о п а т р а

Кто рожден в тот день,
Как я писать к Антонию забыла,
Пусть будет нищим. Хармиань, бумаги!
Спасибо, Алексас. — Что, Хармиань!
Был Цезарь мне так мил?

Х а р м и а н ь

О, дивный Цезарь!

Клеопатра

Похвалишь вновь, так подавись! тверди:
«О, дивный Марк Антоний!»

Хармиань

Храбрый Цезарь!

Клеопатра

Клянусь Изидой, что польется кровь
Из зуб твоих, коль с Цезарем сравнишь
Мужчину из мужчин.

Хармиань

Я не во гнев

Пою на голос ваш.

Клеопатра

В поре незрелой,

Когда мой разум зелен был, могла
Я хладнокровно это говорить!
Пойдем, дай мне бумаги и чернил:
Пусть каждый день он слышит мой привет,
Пока в Египте хватит населенья.

АКТ II

Сцена 1

Мессина. Комната в доме Помпея.

Входят Помпей, Менеkrat и Менаc.

Помпей

Коль боги правосудны, то они
Помогут делу правых.

Менеkrat

Знай, Помпей,

Их медленность не есть еще отказ.

Помпей

Пока мы молим их у алтаря,
О чем мы просим — вянет.

Менекрат

Мы слепцы.

Себе нередко молим зла, в котором
Отказывает промысл, и отказ
На пользу нам.

Помпей

Надеюсь на успех:

Народ мне предан, море всё мое,
Я властью — новый месяц, но предвижу
Надеждой полнолуные. Марк Антоний,
В Египте сидя за трапезой, в поле
Не выйдет, Цезарь накапливает деньги,
Сердца теряя, а Лепид, обоим
Им льстя за лесть, не любит никого,
А сам не мил им.

Менекрат

Цезарь и Лепид

Явились в поле с силою большой.

Помпей

Кто весть принес? Всё это ложно.

Менекрат

Сильвий.

Помпей

Он бредит. Мне известно, что они
Антония ждут в Риме. Но любовь
Да усладит уста у Клеопатры!
И даст волшебной ей красы и неги,
Чтоб вечными пирами отуманен
Был сластолюбец. Яства Эпикура
Пускай манят и дразнят аппетит,
А сон и пища погружают доблесть
В летейский сумрак. — Ты что скажешь, Варрий?

Входит Варрий.

Варрий

Бесспорно то, что должен я сказать.
Антония ждут ежечасно в Рим.
С тех пор как выбыл из Египта, — мог
Он долгий кончить путь.

Помпей

Полегче весть
Была бы мне приятней. Менас, я
Не думал, чтоб влюбленный сластолюбец
Решился шлем надеть из пустяков.
Он их обоих стоит как солдат,
Но возгордимся тем, что наш порыв
Сорвал с колен египетской вдовы
Антония, столь падкого на негу.

Менас

Что Цезарь друг Антонию — не верю;
Его женой покойной оскорблен
Был Цезарь; брат его с ним воевал,
Хоть, кажется, невинен в том Антоний.

Помпей

Не знаю, Менас, как вражды меньшие
Дают дорогу большим. Не восстань
На них, они сцепились бы друг с другом.
Причин у них довольно обнажить
Свои мечи. Но знать еще нельзя,
Как свяжет нами возбужденный страх
Их разногласья меньшие и споры.
Будь что богам угодно! Убережь
И жизнь, и честь нам может только меч.
В путь, Менас!

Уходят.

Сцена 2

Рим. Комната в доме Лепида.
Входят Энобарб и Лепид.

Лепид

Любезный Энобарб! Благое дело
Ты сделаешь, склоня вождя в речах
Быть кротким, вежливым.

Энобарб

Я попрошу его
Самим собою быть: затронет Цезарь,

Пусть Цезаря Антоний смерит взглядом
И закричит, как Марс. Клянусь Зевесом,
Будь борода Антония моею,
Сегодня б я не сбрил ее.

Лепид

Не время
Теперь на частные раздоры.

Энобарб

Время
Всегда на то, что происходит в нем.

Лепид

Но пусть большому меньшее уступит.

Энобарб

Нет, коль начнется с меньшего.

Лепид

Прошу,
Не горячись и не копай в золе.
Вот Марк Антоний сам.

Входят Антоний и Вентидий.

Энобарб

А вот и Цезарь.

Входят Цезарь и Агриппа.

Антоний

Мы если здесь поладим, — то ступай
Ты в Парфию, Вентидий.

Цезарь

Я не знаю,
Спроси Агриппу, Меценат!

Лепид

Друзья,
Что нас свело, так важно. — Не дозволим
Безделкам нас разъединять. — Упреки
Примите кротко. Если наш раздор
Возвысит голос, то убьет целенье
Он язв. Итак, высокие друзья

(Тем более, чем пристальной прошу),
Опасных мест касайтесь мягким словом,
Чтоб не умножить зла.

А н т о н и й

Благая речь!
У войска, перед битвой, я бы думал
Вот так.

Цезарь

С приездом в Рим.

А н т о н и й

Благодарю.

Цезарь

Прошу, садись.

А н т о н и й

Нет, ты садись.

Цезарь

Вот так!

А н т о н и й

Я слышал, делом ты смущен ничтожным
Иль чуждым для тебя.

Цезарь

Я б стал смешон,
Когда б напрасно иль из пустяков
Считал себя обиженным; тобой —
Тем более; еще смешней, когда бы
С упреком поминал тебя, — да мне
И называть тебя не приходилось.

А н т о н и й

Я жил в Египте, что ж ты в том нашел?

Цезарь

Не более, чем в римской жизни ты
Моей, нашел в Египте. Если ж против
Меня ты шел, то жизнь твоя в Египте —
Другой вопрос!

А н т о н и й

Как слово *шел* понять?

Цезарь

Ты удостой понять изо всего,
Что я здесь вынес: брат твой и жена
Восстали на меня, и ты у них
Предлогом был и лозунгом войны.

А н т о н и й

Ты в заблужденьи: никогда мой брат
Не опирался на меня. Я сам
О том разведал и узнал от лиц,
Тебе мечом служивших. Разве он
Мне не был так же вреден, как тебе?
Не восставал ли он на убежденья,
Нам общие? Мои все письма могут
Заверить в том. — Но если хочешь ссору
Натягивать (из цельного не выйдет), —
Возьми другое.

Цезарь

Сам себя хваля,
Мои сужденья ты хулишь; а сам
Натягиваешь извиненья.

А н т о н и й

Нет!

Не можешь ты (я в этом убежден)
Не согласиться с истиной, что я,
Товарищ твой в делах, враждебных брату,
Не мог смотреть с отрадой на войну
Во вред мне самому. — Моя жена —
Желал бы я тебе иметь такую!
Вселенной треть твоя, и ты легко
С ней справишься, но не с такой женой.

Э н о б а р б

Пусть бы у всех нас были такие жены, чтобы мужья ходили
на войну вместе с бабами.

А н т о н и й

Так непреклонна в злобном крике, Цезарь!
Что гнев ее (однако не лишенный

И тонкости), я с грустью говорю,
Тебе был в тягость. Но сознайся, тут
Не мог помочь я.

Цезарь

Я тебе писал;
Но на пирах александрийских ты
В карман мой клал письма, и посла,
Не выслушав, с насмешкой проводил.

Антоний

Он без доклада ворвался: я только
Трех угостил царей и не был тем,
Как был с утра, но на другой же день
Я сам о том сказал ему, что значит
Почти просить прощения. Оставь
Ты парня своего теперь: его
Из наших прений вычеркни.

Цезарь

Ты клятву
Свою нарушил в главном, а меня
Не упрекнешь ты в том.

Лепид

Полегче, Цезарь!

Антоний

Нет, нет, Лепид! пускай он говорит;
Священна честь, которую он тронул,
Сочтя меня неверным. Дальше, Цезарь;
Я в главном поклялся...

Цезарь

Дать помощь мне и войск, когда спрошу,
В том и другом ты отказал.

Антоний

Скорей

Забыл в часы, когда я был сознания
Лишен отравой. Насколько можно,
Перед тобой винюсь; но добродушие
Пусть не в ущерб величью будет; силу
Свою я помню. — Правда, Фульвия,

Меня желая вызвать из Египта,
С тобой боролась, — я, невинный повод
Вражды, прошу прощения, насколько
Дозволит честь.

Л е п и д

Вот благородство речи.

М е ц е н а т

Когда бы вам угодно было бросить
Взаимную вражду и позабыть,
То вспомните, как всё зовет теперь
Вас к мировой.

Л е п и д

Прекрасно, Меценат.

Э н о б а р б

Или если вы на срок займете друг у друга любви, то можете,
когда о Помпее не будет и помину, возратить каждому свое:
будет у вас время ссориться, когда делать станет нечего.

А н т о н и й

Во всём солдат! ты лучше замолчи.

Э н о б а р б

Я и забыл, что правда должна молчать.

А н т о н и й

Ты оскорбляешь всех, — итак, молчи.

Э н о б а р б

Ну, хорошо; я ваш покорнейший камень.

Ц е з а р ь

Его речей не смысл я осуждаю,
А только выраженья; невозможно
Быть дружбе там, где мысли и дела
В таком разладе. Но когда б я знал
Звено, могущее связать нас, я б его
Из края в край искал.

А г р и п п а

Позволь мне, Цезарь...

Цезарь

Агриппа, говори.

Агриппа

Есть у тебя от матери сестра,
Прекрасная Октавия; Антоний
Теперь вдовец.

Цезарь

Что за слова, Агриппа?

Услыша это, Клеопатра вправе
Назвать нерассудительным тебя.

Антоний

Я не женат; позволь мне, Цезарь, слышать
Дальнейшие слова Агриппы.

Агриппа

Чтоб дружбою вас прочной сочетать,
Как братьев, и союзом неразрывным
Связать сердца, Антонию бы должно
Жениться на Октавии, достойной
По красоте быть замужем за лучшим
Мужиною и светлой добротой
Украшенной превыше всяких слов, —
Весь мелкий спор, что кажется велик,
И страх большой, грозящий нам теперь,
Исчезнут в этом браке. Правда станет
Такой же сказкой, как полуднамок
Теперь нам правдой. Общая любовь
Последует за вашей обоюдной. —
Простите мне слова мои; я их
Обдумывал не раз.

Антоний

Что скажет Цезарь?

Цезарь

Не прежде, чем услышит замечанья
Антония.

Антоний

Чем может тут Агриппа,
Хоть я скажу: Агриппа, по рукам!
Дать делу ход?

Цезарь
Всей цезаревой властью
И властью над Октавией.

Антоний
Мне даже
Не снится быть помехой предложенью
Столь светлому. Дай руку мне свою.
Скрепи союз прекрасный, и отныне
Пусть нами правит братская любовь
Для славных целей.

Цезарь
Вот моя рука.
Передаю тебе сестру; нежней,
Чем я, не может брат любить; она
Да свяжет наши царства и сердца.
Не избегай нас снова.

Лепид
В добрый час.

Антоний
Не думал я мечом грозить Помпею;
Недавно он великую услугу
Мне оказал, и отблагодарить
Я должен, чтоб не слыть неблагодарным.
Покончив, вызову его.

Лепид
Пора!
Иль мы должны искать Помпея, или
Он нас найдет.

Антоний
Где флот его стоит?

Цезарь
Перед горой Мизенума.

Антоний
Как силен
На суше он?

Цезарь

Войск множится, а морем
Владеет он один.

Антоний

По слухам так. —
Жаль, с ним не говорил я! поспешим;
Но прежде, чем вооружимся, кончим
То, что хвалили.

Цезарь

С радостью великой.
И я теперь зову тебя к сестре
Отсюда прямо.

Антоний

Будь так добр, Лепид,
Не оставляй нас.

Лепид

Доблестный Антоний,
Не остановит и болезнь меня.

Трубы. Уходят Цезарь, Антоний и Лепид.

Меценат

Поздравляю с приездом из Египта.

Энобарб

Половина Цезарева сердца, достойный Меценат! мой почтенный друг Агриппа!

Агриппа

Добрый Энобарб!

Меценат

Нам есть чему порадоваться, что все дела так хорошо распутались. А ты, между прочим, повеселился в Египте?

Энобарб

Да, действительно: мы спали так, что белому дню становилось стыдно, а ночи освещали попойками.

М е ц е н а т

Восемь жареных вепрей на завтрак и только на двенадцать человек; правда ли это?

Э н о б а р б

Это только муха в сравнении с орлом; на пирах у нас бывало много других чудовищных проделок, на которые стоило обратить внимание.

М е ц е н а т

Она, должно быть, роскошнейшая женщина, если судить по слухам.

Э н о б а р б

Когда она увидела в первый раз Марка Антония, то похитила его сердце. Это было на реке Цидне.

А г р и п п а

Там она действительно показала себя, или мой рассказчик много выдумал в ее пользу.

Э н о б а р б

Я расскажу вам:
Ее галера, как блестящий трон,
Горела на воде, корма литая
Из золота; пурпурные ветрила
Благоухали так, что ветер страстный
В них замирал; — серебряные весла
Под звуки флейт ложились мерно, так
Что к ним вода, влюбленная в удары,
Резвей текла. Но перед ней самой
Скудеет описание: распростерта
В своей палатке (светлой, парчевой),
Она была прелестней той Венеры,
В которой кисть природу превзошла.
Вокруг ее мальчишки-купидоны
С улыбками и тенью опахал,
В которой жар ланит как бы не гас,
А пуще рдел.

А г р и п п а

Антоний, верно, таял!

Э н о б а р б

Ее служанки, словно Нереиды
Или Сирены, ей служили взглядом
И с прелестью в движениях. Сирена
Рулем водила; шелковые снасти
Давлению цветочно-нежных рук
Покорствовали. От галеры тихо
Сладчайшее несло благоуханье
К обоим берегам, куда стеклись
Все городские жители. Антоний
Один сидел на площади и воздух
Присвистывал¹, который, если б можно
Быть пустоте, ушел бы к Клеопатре,
Оставляя свет пустым.

А г р и п п а

О, египтянка!

Э н о б а р б

Когда она причалила, Антоний
Ее позвал на ужин; но она,
Сказав, что лучше он пусть будет гостем,
Его позвала. Вежливый Антоний
Наш женщине сказать не в силах: «нет»,
Побритый десять раз, идет на пир,
И там-то заплатил за всё он сердцем,
Что только ел глазами.

А г р и п п а

Чародейка!

Великий Цезарь сам к ней бросил меч
На ложе. Он пахал, — она пожалала.

Э н о б а р б

Я видел, как от сорока прыжков
По улице, ейхватило дух.
Начавши речь, она смолкала вновь;
Но, недостаток обратя в красу,
И бездыханная дышала силой.

¹ Как присвистывают собак.

М е ц е н а т

Теперь Антоний должен с ней расстаться.

Э н о б а р б

Нисколько. — Не захочет он. Над ней
Лета бессильны; с нею наслаждение
Не увядает. Женщины другие
Нас пресыщают, а она всё больше
Родит желанья. Низкое в ней даже
Так благородно, что жрецы готовы
Благословлять ее паденье.

М е ц е н а т

Когда краса, и ум, и скромность могут
Пленить Антониево сердце, то
Октавия ему счастливый жребий.

А г р и п п а

Пойдем, мой Энобарб, будь гостем мне,
Пока ты здесь.

Э н о б а р б

Благодарю покорно.

Сцена 3

Там же. В доме Цезаря. Входят: Цезарь, Антоний,
между ними Октавия. За ними свита.

А н т о н и й

Порою мир и долг меня лишат
Твоих объятий.

О к т а в и я

Я всё это время
Молиться стану за тебя богам.

А н т о н и й

(Цезарю)

Покойной ночи. — Нет, Октавия,
Из уст молвы не слушай мне хулы:
Я не всегда знал меру, но теперь

Всё в колею войдет. — Покойной ночи,
Возлюбленная! Доброй ночи, Цезарь!

Цезарь

Покойной ночи.

(Уходят Цезарь и Октавия.)

Входит гадатель.

Антоний

Что, друг? Скучаешь, верно, по Египту?

Гадатель

Его бы мне не покидать — тебе же
Не посещать.

Антоний

Скажи-ка, почему?

Гадатель

Я это вижу чувством, но не в силах
Сказать, а ты спеши назад в Египет.

Антоний

Скажи ты мне, чье счастье станет выше:
Мое иль Цезарево?

Гадатель

Цезарево.

Поэтому не будь ты с ним, Антоний,
Твой демон — дух-защитник — благороден,
Высок, отважен и недостижим,
Когда с ним цезарева нет; но рядом
С ним твой робеет, словно побежденный, —
Будь розно с ним.

Антоний

Ты так не говори.

Гадатель

Другому — нет, — но одному тебе:
Сыграй ты с ним в игру какую хочешь,
Ты проиграешь. Он природным счастьем
Тебя всегда побьет. Твой меркнет блеск,

Коль рядом светит он. Итак, послушай:
Вблизи его твой дух теряет власть,
А порознь с ним он благороден.

А н т о н и й

Прочь!

Вентидию скажи, что я зову.

(Гадатель уходит.)

Он едет в Парфию. — Судьба иль случай,
Он прав. — Ему послушны даже кости,
И в играх с ним расчет мой побежден
Его удачей: жребий брось — он вынет.
Его петух всегда моих побьет
Наперекор всему; перепела
Его дерут моих. — Скорей в Египет!
Хотя женюсь я здесь для примиренья, —
Моя вся радость там.

(Входит Вентидий.)

Сюда, Вентидий!

Ты ехать в Парфию готовься. — Порученье
Твое написано. Пойдем. Возьми его.

Уходят.

Сцена 4

Там же. На улице.

Входят Лепид, Меценат и Агриппа.

Л е п и д

Не беспокойтесь больше, — поспешите
За вашими вождями.

А г р и п п а

Марк Антоний

Хотел обнять Октавию, и в путь.

Л е п и д

Пока в доспехах встречу вас, в которых
Вы оба молодцы, — прощайте.

М е ц е н а т

М ы ,

Когда не ошибаюсь, будем там
Скорей тебя, Лепид.

Л е п и д

Ваш путь короче, —
Мой план ведет окольною дорогой;
Вы будете дня за два до меня.

М е ц е н а т и А г р и п п а
Ну, в добрый час.

Л е п и д

Прощайте!

Все уходят.

Сцена 5

Александрия. Комната во дворце.

Входят Клеопатра, Хармиань, Ира и Алексас.

К л е о п а т р а

Где музыканты? музыка отраднa
Для нас, влюбленных.

С л у г а

Музыка, сюда!

Входит Мардиан.

К л е о п а т р а

Оставь. — Сыграем в кегли, Хармиань.

Х а р м и а н ь

Рука болит. Сыграйте с Мардианом.

К л е о п а т р а

Ведь женщине что с евнухом играть,
Что с женщиной. Сыграешь ли со мной?

М а р д и а н

Царица, как умею.

К л е о п а т р а

Готовность и плохому игроку
Простить заставит. Но оставим это —

Дай удочку. Пойдем к реке, и там
Под звуки дальней музыки дурачить
Я стану златоперых рыб, ловя их
Крючком за скользкий рот,— и что поймаю,
При каждой буду думать: вот Антоний,
И говорить: «Ага! попался ты!»

Хармиань

Как весело вам было удить вместе,
Побившись об заклад в тот раз, когда
Твой водолаз ему на крюк вздел рыбу
Соленую, а он тащил.

Клеопатра

О время!

Смеясь, его покой смутила я,
Смеясь, и успокоила; а утром,
Часу в девятом, на постель споила,
Ему надела свой покров и платье,
Сама же — филиппинский меч его.

Входит вестник.

О! Из Италии? Наполни праздный слух
Ты добрыми вестями мне.

Вестник

Царица!

Царица!

Клеопатра

Что? Антоний умер? Если

Ты это скажешь, раб, — убьешь меня, —
А скажешь: он свободен, счастлив — можешь
Брать золото — и голубую жилку
Сыскать, лобзая руку, что цари
Дрожащими устами целовали.

Вестник

Да, он здоров.

Клеопатра

Вот золото еще.

Но слушай, раб! Мы часто говорим:
Кто умер, стал здоров; коль это смысл

Твоих речей, то золото, расплава,
Вольют в твои зловецкие уста.

Вестник

Царица! выслушай меня.

Клеопатра

Ну, продолжай.

Но не добром ты смотришь. Коль Антоний
Свободен и здоров, зачем грустить,
Неся такую весть? — А если болен,
То Фурией предстань, в венке из змей,
А не женщиной.

Вестник

Выслушать угодно?

Клеопатра

Хочу прибить, не выслушав тебя.
Но если скажешь, что Антоний жив,
Здоров, друг Цезарю и не в плену,
Тебя осыплю золотом и градом
Жемчужным.

Вестник

Он здоров.

Клеопатра

Вот хорошо.

Вестник

Друг Цезарю.

Клеопатра

Ты честный человек.

Вестник

Век с Цезарем так дружен не был он.

Клеопатра

Проси богатств.

Вестник

Царица! Но, однако...

Клеопатра

Не нравится мне это *но*, в нем гибнет
Всё предыдущее, к чему тут: *но!*
Но — это страж темничный и ведет
Ужасного преступника. — Мой друг,
Дай мне твою услышать весть вполне
С худым и добрым. Цезарю он друг,
Здоров, сказал ты, и свободен он?

Вестник

Свободен? — Нет! Сказать я так не мог:
С Октавией он связан.

Клеопатра

Для чего?

Вестник

Для ложа.

Клеопатра

Я бледнею, Хармиань!

Вестник

Царица! Он Октавии супруг.

Клеопатра

Чтоб ты пропал от самой злой чумы!

(Бьет его.)

Вестник

О, успокойся!

Клеопатра

Что сказал ты? Прочь!

Ничтожный раб! Иль я твои глаза
Швырну, как мяч; повырву волоса,

(бьет его, и он падает)

Сечь проволокой прикажу, велю
Сварить в соли.

Вестник

Царица! пощади!

Я весть принес, но их женил не я.

Клеопатра

Скажи, что нет, — отдам тебе страну
И вознесу тебя, — тот мой удар
Зачти за то, что ввел меня во гнев,
И дам тебе всего, чем можно скромность
Вознаградить.

Вестник

Царица! он женат.

Клеопатра

(хватает нож)

Подлец! ты слишком долго жил.

Вестник

Уйду!

За что ж, царица? Я не виноват.

(Уходит.)

Хармиань

О государыня! приди в себя:
Ведь точно, он не виноват ни в чем.

Клеопатра

И неповинных так же гром разит.
Нил! утопи Египет! Дети сердцем,
Все обратитесь в змей. — Верни раба!
Хотя бешусь — не укушу. — Верни.

Хармиань

Он и взойти боится.

Клеопатра

Я не трону.

Итак, моим рукам бесчестье бить
Того, кто беззащитен. Ведь всему
Причиной я сама. — Войди сюда!

(Вестник возвращается.)

Хоть честно, да неловко сообщать
Дурные вести; радости давай
Сто языков, а горестных вестей
Не нужно слушать, чувствуешь их сам.

Вестник

Я долг исполнил свой.

Клеопатра

Что ж, он женат?

Не будешь мне противней, чем теперь,
Коль скажешь «да».

Вестник

Царица, он женат.

Клеопатра

Будь проклят! Ты стоишь всё на своем?

Вестник

Ужель мне лгать?

Клеопатра

О, если б ты солгал,
И пусть бы пол-Египта залило
Для размноженья гадких змей. Уйди, —
Будь ты Нарциссом, ты б казался мне
Чудовищем. Так точно он женат?

Вестник

Прошу меня простить.

Клеопатра

Так он женат?

Вестник

Не гневайся, гневить я не хочу;
Но как винить за то, что я тебе
Послушен. Он Октавии супруг.

Клеопатра

О, если б только от его вины
Ты стал лжецом! Так это верно? Прочь!
Товар, который ты привез из Рима,
Мне слишком не по деньгам. Пропадай
Ты с ним.

Вестник уходит.

Хармиань
Ваше величество! терпенье!

Клеопатра
А я еще, Антония хваля,
Хулила Цезаря.

Хармиань
О! сколько раз.

Клеопатра
Вот мне награда! уведи меня!
Мне дурно. Ира! Хармиань! — нет, нет.
Ты вестника спроси, мой Алексас:
Что, какова Октавия собой?
Узнай лета, склонности ее
И цвет волос. — Вернись и расскажи.

(Алексас уходит.)

Пусть пропадет навек. — Нет, Хармиань,
Хоть будь с одной он стороны — Горгона,
С другой — он Марс. — Пусть спросит Алексас:
Она какого росту? Сжался, Хармиань,
Не говори со мной. — Пойдем ко мне.

Уходят все.

Сцена 6

Близ Мизенума. Входят с одной стороны
Помпей и Менас с трубами и литаврами; с другой Цезарь,
Антоний, Лепид, Энобарб и Меценат с войском.

Помпей
Заложники мои у вас, а ваши
Здесь у меня: поговорим до битвы.

Цезарь
Похвально объясниться. Мы затем
В письме к тебе послали предложенья.
Согласен ты на них — так дай нам знать,
Удержат ли они твой гневный меч
И молодежь вернется ль без урона
В Сицилию?

Помпей

Послушайте, вы трое,
Единые властители земли,
Предстатели бессмертных! — я не знаю,
За что отец мой будет не отмщен
Друзьями сына, если Юлий Цезарь,
Явившись к Бруту тенью, — при Филиппах
Увидел вас в бою из-за него?
Чем бледный Кассий ввергнул в заговор?
За что своею кровью честный Брут
И прочие ревнители свободы
Кропили Капитолий? Не за то ль,
Чтоб был один не больше, чем другой?
На то и я воздвигнул флот, который
Своею ношей дразнит пену волн,
Чтоб покарать неблагодарность Рима
К великому отцу.

Цезарь

Обдумай время.

Антоний

Ты флотом нас не утратишь, Помпей,
На море мы посмотрим, — а на суше,
Ты знаешь, мы сильнеей.

Помпей

На суше — так;
Ты стал богат, заняв мой отчий дом;
И как себе кукушка гнезд не вьет,
Живи покуда в нем.

Лепид

Нельзя ль узнать
(Чтоб не увлечься в сторону), как принял
Ты предложение наше.

Цезарь

В нем вопрос.

Антоний

Не просьбам уступай, а только взвесь
Свой выигрыш.

Цезарь

И то, что может быть
Твоим великим счастьем.

Помпей

Предлагали
Сицилию с Сардинией вы мне,
Чтоб я моря очистил от пиратов
И Рим снабдил пшеницей. Если я
Так поступлю, не иззубрим мечей
И не погнем щитов.

Цезарь, Антоний и Лепид
Мы так писали.

Помпей

Так знайте, я пришел сюда принять
Условия ваши. Только Марк Антоний
Меня выводит из терпенья. Пусть
Рассказ мой повредит мне; только знай:
Когда твой брат на Цезаря восстал,
То ваша мать в Сицилии нашла
Прием радушный.

Антоний

Слышал я, Помпей,
Об этом и давно тебя хотел
Благодарить.

Помпей

Дай руку мне свою.
Не думал я здесь встретиться с тобой.

Антоний

Постели мягки на Востоке. Ты
Нечаянно меня, спасибо, вызвал
На пользу мне.

Цезарь

С последней нашей встречи
В тебе есть перемена.

Помпей

Я не знаю,
Как злобный рок браздит мое лицо,
Но он не может в грудь мою проникнуть
И сердце покорить.

Лепид

Я рад тебе.

Помпей

Надеюсь я, Лепид. — Вот мы сошлись;
Желал бы я всё видеть на бумаге
За нашей скрепой.

Цезарь

Этим мы займемся.

Помпей

Мы угостим друг друга на прощанье.
По жребию: с кого начать?

Антоний

С меня!

Помпей

Нет, нет, Антоний! лучше бросим жребий,
Но кухню египетской своей
Ты нас затмишь. Я слышал, Юлий Цезарь
Там растолстел.

Антоний

Ты слишком много слышал.

Помпей

Верь, что худого я не помышлял.

Антоний

И не сказал.

Помпей

Ну, хорошо. — Я слышал. —
И слышал, что Аполлодор пронес...

Э н о б а р б

Не продолжай. Он нес...

П о м п е й

Что, сделай милость?

Э н о б а р б

Да, знать, царицу к Цезарю в ковре.

П о м п е й

Тебя узнал я! воин, как живешь?

Э н о б а р б

Недурно, да недурно и вперед:
Жду четырех пиров.

П о м п е й

Дай руку мне:

Твоим врагом я не был, — признаюсь,
Я с завистью видал тебя в боях.

Э н о б а р б

Я не любил тебя; но должен был
Хвалить, когда ты стоил десять раз
Моих похвал.

П о м п е й

Храни свой нрав простой,

Он так тебе пристал. — Я всех
Зову на свой корабль. — Кому вперед
Угодно?

Цезарь, Антоний и Лепид

Сам ты нас веди.

П о м п е й

Пойдемте.

Уходят Помпей, Цезарь, Антоний, Лепид,
солдаты и свита.

М е н а с

(в сторону)

Отец твой, Помпей, никогда бы не согласился на такой до-
говор. — Мы, кажется, с тобой встретились?

Э н о б а р б

На море, кажется.

М е н а с

Так точно.

Э н о б а р б

Ты на море держался превосходно.

М е н а с

А ты на суше.

Э н о б а р б

Я рад всякого хвалить, кто меня похвалит, тем не менее нельзя отрицать моих подвигов на суше.

М е н а с

Ни подвигов моих на море.

Э н о б а р б

Да, — но ты многое мог бы скрывать для собственной безопасности: ты был ужасным вором на море.

М е н а с

А ты на суше.

Э н о б а р б

В этом случае я отказываюсь от подвигов на суше. Но дай мне руку, Менас. Если бы глаза наши имели право надзора, то увидали бы, как два вора целуются.

М е н а с

У всякого человека лицо честно, каковы бы ни были руки.

Э н о б а р б

Но ни у одной хорошенькой женщины нет честного лица.

М е н а с

Это не упрек: они воруют сердца.

Э н о б а р б

Мы прибыли сюда сражаться с вами.

М е н а с

Я, собственно, жалею, что это обратилось в пиршество. Помпей сегодняшним смехом просмеет свое счастье.

Э н о б а р б

Если это правда, то он уже не воротит его слезами.

М е н а с

Действительно, так. Мы не думали найти здесь Марка Антония. Скажи, пожалуйста, женат он на Клеопатре?

Э н о б а р б

Сестру Цезаря зовут Октавией.

М е н а с

Правда. Она была замужем за Каем Марцеллом.

Э н о б а р б

А теперь замужем за Марком Антонием.

М е н а с

Что ты говоришь!

Э н о б а р б

Точно, так.

М е н а с

Так Цезарь и он связаны теперь навеки.

Э н о б а р б

Если бы я должен был пророчить насчет этой связи, я бы предсказал не то.

М е н а с

Я думаю, политика более действовала в этом браке, чем взаимная любовь.

Э н о б а р б

Я то же думаю. Но ты увидишь, что узы, назначенные скрепить их приязнь, задушат их дружбу. Октавия благочестива, холодна и тихого нрава.

Менас

Кто ж бы не желал иметь такой жены?

Энобарб

Только не тот, кто сам не таков; а Марк Антоний не таков. Его тянет к египетским пиршествам. Тогда вздохи Октавии раздуют в Цезаре пламя, и, как я уже сказал, что должно было связать их дружбу, станет непосредственной причиной их разрыва. Антоний осуществит любовь свою там, где она находится; здесь женился он случайно.

Менас

Так оно, верно, и случится. Послушай, пойдешь ты на корабль? у меня есть кубок про тебя.

Энобарб

Я его принимаю. Мы напрактиковали горло в Египте.

Менас

Так пойдём же.

Уходят.

Сцена 7

На палубе Помпеева корабля. Близ Мизенума. Музыка.
Входят два или три служителя, неся пиршественный стол.

1-й слуга

Они сейчас будут сюда, товарищ, уже некоторые из этих благородных деревьев не крепко стоят. Малейший ветер может их свалить.

2-й слуга

Лепид весь раскраснелся.

1-й слуга

Они из милости давали ему пить свой излишек.

2-й слуга

Чуть кто коснется больного места у другого, он кричит «довольно» и обращает их снова к единомуслию, а себя к питью.

1-й слуга

Но тем сильней война между ним и благоразумием.

2-й слуга

Вот что значит быть товарищем великих людей. По мне уж лучше держать в руках бесполезный тростник, чем бердыш, который я не могу поднять.

1-й слуга

Быть призванным в высший круг и не уметь в нем вернуться — то же, что иметь дыры там, где нужны глаза. Только безобразит лицо.

Звук рожка. Входят Цезарь, Антоний, Помпей, Лепид, Агриппа, Меценат, Энобарб, Менас и другие начальники.

Антоний

(Цезарю)

Таков обычай. Измеряют Нил
Ступеньками у пирамид и судят
По низкой, средней иль большой воде
О голоде иль урожае. Чем
Полнее Нил, тем более надежд. —
Когда спадет он, сеют прямо в ил,
И земледел снимает скоро жатву.

Лепид

Там змеи есть большие.

Антоний

Да, Лепид.

Лепид

Ваши египетские змеи, сказывают, рождаются тоже из илу, при содействии вашего солнца; так же и крокодил ваш.

Антоний

Да, это так.

Помпей

Садись. — Вина за здоровье Лепида!

Л е п и д

Я не совсем здоров, как бы должен быть, но от вина не откажусь.

Э н о б а р б

Пока не уснешь, а до тех пор, я думаю, всё будешь около него.

Л е п и д

Нет, действительно, я слышал — эти Птолommeевы пирамиды — прелестные вещицы. Нет, не возражайте, я это слышал.

М е н а с

(тихо)

Помпей, два слова.

П о м п е й

На ухо скажи.

М е н а с

(тихо)

Прошу тебя, встань с места своего. —
И выслушай два слова.

П о м п е й

Погоди.

Еще вина Лепиду!

Л е п и д

Скажи, какого рода вещь ваш крокодил?

А н т о н и й

Он видом похож на самого себя и шириной во всю свою ширину; высотой он равен с самим собою и движется собственными членами. Питается он своею обычною пищею, и когда составные его части разрушаются, то он переходит в новое создание.

Л е п и д

Какого он цвета?

А н т о н и й

Своего собственного.

Л е п и д

Вот странная гадина.

А н т о н и й

Это правда. И его слезы мокры.

Ц е з а р ь

Удовлетворит ли его это описание?

А н т о н и й

После всех кубков, подносимых ему Помпеем; ведь он настоящий эпикуреец.

П о м п е й

(тихо Менасу)

Поди повесься. Что пристал? ступай!
И делай, что велел я. Где мой кубок?

М е н а с

За все мои заслуги, согласись:
Поди сюда.

П о м п е й

Ты спятил. — Что тебе?

М е н а с

Я кланялся пред счастьем твоим.

П о м п е й

Ты честно мне всегда служил. Так что ж?
Гуляйте, господа!

А н т о н и й

Смотри, Лепид,

Не сядь на мель, ты можешь потонуть.

М е н а с

Владыкой света хочешь быть?

П о м п е й

Как, что?

Менас

Владыкой света хочешь быть? скажи.

Помпей

Да как же это?

Менас

Только согласись.

И пусть я беден с виду, но могу
Тебе весь свет отдать.

Помпей

Ты, верно, пьян.

Менас

О нет, Помпей! я кубка избегал.
Дерзай — и будь Юпитером земным:
И вся земля по дальний океан
Твоя, коль хочешь.

Помпей

Да скажи мне, как?

Менас

Вот эти три властителя земли
На корабле твоём. Перерублю канат,
В открытом море их схвачу за горло,
И всё твоё.

Помпей

Эх! сделал бы ты так,
А не болтал. Во мне всё это было б подлость,
В тебе же — ревность к службе. Не забудь,
Что у меня не польза правит честью,
Честь — пользою. Жалей, что твой язык
Так предал дело; — сделай это тайно,
Я б всё потом в прошедшем оправдал,
Теперь же осуждаю. — Брось и пей.

Менас

(тихо)

Отныне

За шатким счастьем я твоим нейду.

Кто ищет и находки не берет, —
Век не найдет.

Помпей
За здравие Лепида!

Антоний
Его б на берег снести. Я за него.

Энобарб
Твой, Менас, тост!

Менас
Спасибо Энобарбу!

Помпей
Лей в кубки! лей по самые края.

Энобарб
Вот сильный малый, Менас.

(Указывает на слугу, который тащит Лепида.)

Менас
Чем же?

Энобарб
Он
Вселенной треть несет, иль ты не видишь?

Менас
Но треть пьяна. Когда бы все три части —
Весь мир, кружись.

Энобарб
Ты пей да веселись!

Менас
Не унывай!

Помпей
Наш пир — еще не пир александрийский.

Антоний
Но доспевает. Сдвинем кубки — о!!
В честь Цезаря.

Цезарь

По мне — так и не надо.
Безумный труд — хотеть свой мозг отмыть
И пуще пачкать.

Антоний

Сыном будь минуты.

Цезарь

Пей! Я с тобой. Хоть рад скорей не есть
Четыре дня, чем так пропить один.

Энобарб

(Антонию)

О! храбрый повелитель! В честь вина —
Египетских-то вакханалий нам
Не проплясать ли?

Помпей

Славно, храбрый воин!

Антоний

Пойдем, друг другу руки подадим,
Пока вино победно не опустит
Нас тихо в Лету.

Энобарб

За руки беритесь.

Пусть музыка гремит у нас в ушах.
Я вас расставлю. — Мальчик песнь начнет,
И каждый с ним настолько громко пой,
Насколько хватит крепкой груди.

Музыка играет.

Энобарб заставляет их подать друг другу руки.

Песня.

Приходи с жезлом в руках,
Толстый Вакх, с огнем в глазах.
Мы печаль зальем вином,
В кудри грозди заплетем.
Лей! чтоб свет пошел кругом!
Лей! чтоб свет пошел кругом!

Цезарь

Чего ж еще? Помпей! покойной ночи,
Брат! нам пора: заняться наши ропщут
На эту шалость. — Время, господа! —
Ланиты рдеют. Сильный Энобарб
Слабей вина, и у меня язык
Дробит слова. — От пьянства стали мы
Шутами все. — Что толковать? прощайте.
Антоний! руку!

Помпей
Мы еще сочтемся.

Антоний
И хорошо. — Дай руку.

Помпей
О Антоний!
Ты взял мой дом! но что ж? ведь мы друзья.
Пойдемте в лодку.

Энобарб
Да не упадите.
(Уходят Помпей, Цезарь, Антоний и свита.)
Я, Менас, на берег нейду.

Менас
Пойдем ко мне
В каюту. — Гей! литавры, бубны, флейты!
Пускай Нептун услышит, как мужей
Великих провожают. — Громче дуй!

Энобарб
Кричи ура! Вот шапку я швырну!

Менас
Ура! мой храбрый капитан. Пойдем.

Уходят.

АКТ III

Сцена 1

Равнина в Сирии. Вентидий входит с триумфом, с ним Силий и другие римские начальники и солдаты. Впереди несут труп Пакора.

Вентидий

Вот, гордый парф, ты побежден, и мне Судьбой дано отмстить за Марка Красса. Царевича перед войсками труп Нести. Пакором платишь ты, Ород,¹ За Марка Красса.

Силий

Доблестный Вентидий,
Пока твой меч согрет в крови парфян,
Ты в Мидию преследуй беглецов,
В Месопотамию и все углы,
Куда уйдут: тогда твой вождь Антоний
Почтит тебя триумфом и венком
Чело твое украсит.

Вентидий

Силий! Силий!

С меня довольно. Знай, что подчиненный, —
Не слишком отличайся. Верь мне, Силий,
Не делать лучше ничего, чем славу
Стяжать, когда начальник наш вдали.
И Цезарь, и Антоний вечно брали
Чрез подчиненных, а не сами. Соссий,
Который тем был в Сирии, чем я,
За то, что вмиг добиться громкой славы
Сумел, — его всю милость потерял.
Кто сделал больше, чем начальник сам,
Тот стал уже начальнику начальник;
А честолюбье, страсть вождей, — урон
Обидной им победе предпочтет.
Я б сделал для Антония и больше,
Но оскорбишь его, — и подвиг мой
Тогда пропал.

¹ Пакор, сын парфянского царя Орода.

С и л и й

Ты всем богат, Вентидий,
Что война и меч его ведет
К отличиям. — Антонию напишешь?

В е н т и д и й

Означу скромно всё, что совершил
Я именем его волшебным в битвах.
Как от его знамен и верных войск
Непобедимой коннице парфян
Пришлось бежать.

С и л и й

Где сам-то он теперь?

В е н т и д и й

Предполагал в Афинах быть. Туда,
Как нам обоз позволит, поспешим
И явимся пред ним. — Итак, вперед.

Уходят.

Сцена 2

Передняя в доме Цезаря.

Встречаются Агриппа и Энобарб.

А г р и п п а

Что! как расстались братья?

Э н о б а р б

Сошлись с Помпеем. Тот уехал. — Всем
Скреплять дано. Октавия в слезах:
Жаль Рима. Цезарь грустен, а Лепид,
Как Менас говорит, желтухой болен
С Помпеевой пирушки.

А г р и п п а

Друг Лепид!

Э н о б а р б

А ведь добряк: как Цезаря он любит!

Агриппа

Нет, Марк Антоний для него кумир.

Энобарб

А Цезарь? Да ведь это наш Зевес.

Агриппа

А что ж Антоний? Он Зевесу бог.

Энобарб

Кто? Цезарь, что ль? О! он недостижим!

Агриппа

Антоний! О! Арабский Феникс наш!

Энобарб

Ты, Цезаря хваля, скажи лишь: «Цезарь».

Агриппа

Да он обоим сыплет похвалы.

Энобарб

Но Цезарь мил ему, — мил и Антоний:

Не может ум, язык, резец, поэт

Постичь, изречь, изобразить, воспеть

Его любви к Антонию. — А Цезарь?

Ниц, ниц пред ним.

Агриппа

Он любит их обоих.

Энобарб

Они ведь крылышки ему, он жук.

(Звук трубы.)

Чу! значит: на коня! — прощай, Агриппа!

Агриппа

Счастливо! — добрый воин, и прощай!

Входят Цезарь, Антоний, Лепид и Октавия.

Антоний

Не беспокойся дальше.

Цезарь

Часть лучшую меня берешь с собой;
В ней чти меня. — Сестра! ты будь женой,
Какой тебя я представлял — и будь
Дружна со мной. Мой доблестный Антоний,
Пусть эта добродетель в ней — меж нас
Цементом будет дружбы обоюдной
Для связи здания, а не тараном
Для разрушенья. Лучше б без нее
Друзьями быть, чем нам такую связь
Не почитать.

Антоний

Не оскорбляй меня
Сомнением.

Цезарь

Я кончил.

Антоний

Никогда
Во мне причин малейших не откроешь
Так опасаться. Да хранят же боги
Тебя, склоняя римские сердца
К твоим желаньям. — Мы простимся здесь.

Цезарь

Прощай, сестра дражайшая! Прощай!
Пусть ласковы к тебе стихи будут
И дух в тебе развеселят! Прощай.

Октавия

Мой благородный брат!

Антоний

Апрель в твоих глазах — весна любви,
А слезы — дождь весенний. — Не грусти.

Октавия

Брат, пригляди за домом мужа. И...

Цезарь

Ну что ж, Октавия?

О к т а в и я

Я на ухо скажу.

А н т о н и й

Язык не хочет слушать сердца, сердце
Не в силах научить язык; так пух
Лебяжий чист стоит над глубиной,
Не наклоняясь никуда.

Э н о б а р б

(*тихо Агриппе*)

Заплачет Цезарь?

А г р и п п а

Грусть в его лице.

Э н о б а р б

Будь он конем — и то бы дрянью стал,
А то мужчина.

А г р и п п а

Как же, Энобарб?

Антоний, увидав, что Юлий Цезарь
Убит, стонал навзрыд — и при Филиппах
Заплакал, отыскавши Брутов труп.

Э н о б а р б

Знать, в этот год он с насморком был. Плакать
Над тем, кого сгубил. — Верь в это, если
Заплачу сам.

Ц е з а р ь

Октавия моя,

Писать я буду часто: не заставит
Ничто забыть тебя.

А н т о н и й

(*Цезарю*)

Скорей, скорей,

С тобой хочу вступить в борьбу любви:
Вот так, держу тебя, — вот отпустил
И передал богам.

Цезарь
Прощай, будь счастлив!

Лепид
Все сонмы звезд да освещают ваш
Отрадный путь.

Цезарь
Прощай, прощай.
(Целует Октавию.)

Антоний
Прощай.
Уходят при звуках труб.

Сцена 3

Александрия. Комната в дворце.
Входят Клеопатра, Хармиань, Ира и Алексас.

Клеопатра
Где этот малый?

Алексас
Он войти боится.

Клеопатра
Смелей, смелей. — Поди сюда!

Входит вестник.

Алексас

Царица!
Еврейский Ирод не войдет к тебе,
Коль ты не в духе.

Клеопатра
Головы хочу
Я Ирода; но не со мной Антоний,
Так кто ж ее добудет? — Подойди!

Вестник
Большая царица!
Клеопатра
Видел ты
Октавию?

Вестник
Да, видел.
Клеопатра
Где же?

Вестник
В Риме
Ее в лицо я видел, как вели
Ее вдвоем и брат, и Марк Антоний.

Клеопатра
Она с меня ли ростом?

Вестник
Нет, царица.

Клеопатра
А слышал голос? звонок или тих?

Вестник
Царица, слышал; голос тих у ней.

Клеопатра
Так, плохо: долго он ее любить не может.

Хармиань
Ее любить? О небо! невозможно!

Клеопатра
Надеюсь, Хармиань! хрипла, мала!
Есть в поступи величие у ней?
Припомни! если ты видал величье.

Вестник
Она плетется. Ходит, как стоит.
И с виду труп скорей, чем существо,
Как статуя без жизни.

Клеопатра

В самом деле?

Вестник

Иль наблюдать не мастер я.

Хармиань

В Египте

Трех зорких не найдешь таких.

Клеопатра

Он с толком,

Мне кажется. — Знать, ничего в ней нет.

Ведь малый мог бы рассудить.

Хармиань

Отлично.

Клеопатра

Смекнул ли ты лета ее?

Вестник

Она

Была вдовой.

Клеопатра

Вдовой? О Хармиань!

Ты слышишь?

Вестник

Ей, я думаю, лет тридцать.

Клеопатра

Лицо ты помнишь? Длинно или кругло?

Вестник

До безобразья кругло.

Клеопатра

Большей частью

Тот, у кого лицо такое, глуп.

А цвет волос каков?

Вестник

Царица, черный.
А лоб у ней так мал, как только ты
Желать могла.

Клеопатра

Вот золото тебе.
Ты не сердись за давешний мой пыл.
Пошлю тебя обратно. — Вижу я:
Ты деловой. — Ступай и собирайся,
Я письма приготовлю.

Хармиань

Славный малый.

Клеопатра

Действительно. Жалею, что его
Прибила я. — А по его словам,
Добра в ней очень мало.

Хармиань

Ничего.

Клеопатра

Величье он видал и мог судить.

Хармиань

Видал ли он? Спаси его, Изида!
Служил тебе так долго!

Клеопатра

У меня
К нему еще вопрос есть, Хармиань;
Но не спеши. Введи его ко мне,
Когда начну писать. Авось, удастся!

Хармиань

Царица, будь покойна.

Уходят.

Сцена 4

Афины. Комната в доме Антония.
Входят Антоний и Октавия.

Антоний

Нет, нет, Октавия, одна вина
Была бы извинительна, и это,
И тысяча вещей в подобном роде,
Но он Помпею вновь грозит войной
И свой устав народу объявил,
Меня судил легко, а принужденный
С почетом поминать, он поминал
В размерах скудных, холодно и вяло:
Где случай предстоял хвалить, он только
Сквозь зубы бормотал.

Октавия

О мой супруг!
Не верь всему, а вынужденный верить,
Не возмущайся. Если ваш разрыв
Возможен, то несчастнее меня
Быть женщине нельзя, молясь за двух. —
Я насмешу богов, взывая к ним:
«О, защитите моего супруга»,
И заглушая ту мольбу другой:
«О, защитите брата моего».
Прозя тому и этому победы,
Вредишь мольбам, — меж крайностей таких
Дороги нет.

Антоний

Октавия моя,
Склони любовь свою к тому, кто лучшей
Защитой будет ей. Но честь забыть —
Забыть себя. Скорей не быть твоим,
Чем в нищете такой твоим. Но ты
Просилась примирить нас. Я меж тем
Вооружусь, чтоб брата твоего
Унять. — Спешి — и все твои желанья
Исполнятся.

Октавия

Благодарю, супруг мой.
Юпитер сил да даст мне, слабой, слабой,
Вас примирить. Возникни между вами

Война — всё то же, если б треснул мир
И трупами наполнилася пропасть.

А н т о н и й

Когда увидишь, кто виной раздора,
Того и осуждай; не можем быть
Мы так равно виновны, чтоб любовь
Твоя делилась поровну. — Готовься
К отъезду. Спутников назначь сама
И полагай издержек, сколько хочешь.

Уходят.

Сцена 5

Другая комната там же.
Встречаются Энобарб и Эрос.

Э н о б а р б

Что нового, друг Эрос?

Э р о с

Странные новости.

Э н о б а р б

Что такое?

Э р о с

Цезарь и Лепид объявили войну Помпею.

Э н о б а р б

Это старо. Что же далее?

Э р о с

Цезарь, употребивши его в войне против Помпея, отказывает ему в славе содействия, и, мало того, обвиняет за письма, которые он будто бы писал к Помпею. По собственному обвинению засадил его, и теперь несчастная треть сидит, пока смерть не расширит его владений.

Э н о б а р б

Так, мир, — ты с парой челюстей остался,
И пусть меж них ты весь свой бросишь корм,
Они друг друга смеют. — Где Антоний?

Э р о с

В саду. Вот ходит так — и бьет ногой
Тростник, крича: «Безумец ты, Лепид», —
И рад за горло война схватить,
Убившего Помпея.

Э н о б а р б

Флот наш двинут.

Э р о с

В Италию, на Цезаря. — Да, кстати,
Тебя, Домиций, повелитель звал,
А новости скажу потом.

Э н о б а р б

Вздор, верно;
Но пусть. — Сведи к Антонию меня.

Э р о с

Пойдем.

Уходят.

Сцена 6

Рим. Комната в доме Цезаря.

Входят Цезарь, Агриппа и Меценат.

Цезарь

Презренье к Риму выражает он
В Александрии; вот один пример:
Публично на серебряной трибуне
И тронах золотых он с Клеопатрой
Сидел на площади. — У ног сидел
Цезарион, который, по словам их,
Сын моего отца, и с ним все дети,
Плоды их сладострастья. Как царице
Самодержавной придал он к Египту
Ей Сирию, и Лидию, и Кипр.

Меценат

И это всё в глазах народа?

Цезарь

На площади для зрелищ объявил
Своих сынков царями он царей;
Армян, парфян и медов Александру
Вручил; а Птоломею — Финикию,
Киликию и Сирию. — Она
В тот день была богинею Изидой
Одета. Часто, слышно, уж она
Послов так принимала.

Меценат

Разгласи

Всё это в Риме.

Агриппа

Раздражен давно

Таким нахальством, он к нему остынет.

Цезарь

Народ всё знает. От него он тоже
Все жалобы приемлет.

Агриппа

На кого?

Цезарь

На Цезаря: за то, что, у Помпея
Сицилию отнявши, половины
Ему не отдал; дальше, будто я,
Взяв корабли взаймы, — не возвратил.
Потом за то, что власти триумвира
Лишил Лепида, а его доход
Себе оставил.

Агриппа

Дай на всё ответ.

Цезарь

Всё сделано, и вестник мой отправлен;
Пишу ему, что стал Лепид жесток,
Что власть свою употреблял во зло
И заслужил паденье. Что добычу
Я разделю, но требую того же

В Армении и прочих государствах,
Им покоренных.

М е ц е н а т

Он не согласится.

Ц е з а р ь

Тогда и мы не согласимся с ним.

Входит Октавия со свитой.

О к т а в и я

Мой Цезарь! Здравствуй, Цезарь дорогой!

Ц е з а р ь

Пришлось тебя отверженной назвать!

О к т а в и я

Так не назвал ты, да и нет причин.

Ц е з а р ь

Ты разве не украдкой здесь? Не так
Сестре бы Цезаря приехать должно.
Вослед жене Антония войска
Идти должны, и ржание коней
Заране возвещать о ней, деревья
Быть вдоль всего пути людей полны,
Алкающих ее увидеть. Пыль,
Которую взметут толпы народа,
Должна до неба встать. А ты пришла
Торговкой в Рим, предупреждая знаки
Любви народной. А любви не требуй —
Ее не будет. На море и суше
Должны бы мы встречать тебя; с почетом
У каждого ночлега.

О к т а в и я

Милый брат!

Приехала я так не поневоле,
А по желанью. Муж мой, Марк Антоний,
Узнав, что ты готовишься к войне,
Мне сообщил о том — и я просилась
Домой.

Цезарь

А он и рад, чтоб не стояла
Ты между ним и похотью его.

Октавия

Ты так не думай.

Цезарь

Я за ним слежу,
И ветер мне приносит весть о нем.
Где он теперь?

Октавия

В Афинах, милый брат.

Цезарь

Нет, бедная сестра. Уж Клеопатра
Его сманила. Власть свою вручил
Он женщине распутной, и они
Царей земли собирают для войны:
У них и Вокх союзник — царь ливийский,
И Архелай, каппадокийский царь,
И пафлагонский Филадельф, и Малх
Арабский, и Адал фракийский,
Понтийский царь, и Ирод иудейский,
И комагенский Митридат; Аминт
И Полемон, мидийский, ликаонский,
И ряд иных держав.

Октавия

О горе мне,
Что сердце я двум разделила милым,
Враждующим друг с другом.

Цезарь

Здесь живи.
Ты письмами разрыв наш замедляла;
Но я узнал, что ты оскорблена
И что опасно медлить. — Не грусти,
Не возмущайся временной грозой,
Могущею нарушить твой покой.
Гляди на все решения судьбы
Без слез вперед. Ты в Риме мне теперь
Милее, чем была. Ты бесконечно

Оскорблена, и за тебя отмстить
В служители свои избрали боги
Меня и всех, кому ты дорога.
Так будь теперь покойна.

А г р и п п а

В добрый час.

М е ц е н а т

Услышь привет мой! В Риме все сердца
Полны к тебе любви и сострадания.
Один тебе Антоний изменил:
Он позабыл тебя среди разврата,
И женщине беспутной власть свою
Сдал против нас.

О к т а в и я

Ужели это правда?

Ц е з а р ь

К несчастью так, сестра. Но сделай милость:
Будь терпелива. — Милая сестра!

Все уходят.

Сцена 7

Лагерь Антония близ мыса Аксиума.
Входят Клеопатра и Энобарб.

К л е о п а т р а

Я разочтусь с тобой за это, верь.

Э н о б а р б

За что, за что, за что?

К л е о п а т р а

Ты говорил, что быть мне на войне
Не следует.

Э н о б а р б

А разве я не прав?

Клеопатра

На нас идут; ужели лично нам
Не защищаться?

Энобарб

(тихо)

Я б ответил ей;
Когда на службе жеребец с кобылой,
То лишний жеребец, — а то кобыла
Носи коня и всадника.

Клеопатра

Что? что?

Энобарб

Антония ты станешь только путать,
Занявши сердце, мозг его и время,
Столь нужные тогда. И так его
За ветреность бранят, а в Риме слухи,
Что поведут войну евнух Фотин
Да женщины твои.

Клеопатра

Будь проклят Рим,
Язык отсохни у клеветников. —
Война со мною и, глава страны,
Я воином явлюсь. — Не возражай!
Я не отстану.

Энобарб

Нет, — я замолчу.

Вот повелитель.

Входят Антоний и Канидий.

Антоний

Странно мне, Канидий,
Что из Тарента и Брундузия
Он море Ионийское так быстро
Рассек и взял Торин. — Ты не слыхала?

Клеопатра

Поспешности дивится больше всех
Тот, кто небрежен сам.

А н т о н и й

Упрек хорош.
Он честь бы сделал опытному мужу,
Бранящему ленивых. Мы, Канидий,
Выходим в море.

К л е о п а т р а

Да, бесспорно, в море!

К а н и д и й

Но почему?

А н т о н и й

Он нас туда зовет.

Э н о б а р б

Ты ж на единоборство звал его.

К а н и д и й

Да, чтобы с ним сойтися при Фарсале,
Где Цезарь и Помпей сражались, но
Опасные условия он отвергнул, —
Ты сделай то ж.

Э н о б а р б

На кораблях твоих
Плоха прислуга: пастухи, крестьяне
И всякий сброд; у Цезаря во флоте
Она всё та же, что дралась с Помпеем.
Его суда быстрее, твои тяжеле. —
Не стыдно битвы не принять морской
И выйти к бою в поле.

А н т о н и й

В море, в море!

Э н о б а р б

Великий вождь, отвергнешь этим ты
Всё, чем на суше так могуч. Смутишь
Войска, в которых большее число —
Отборная пехота; всё искусство
Свое оставишь праздным и, покинув
Вернейший путь к успеху, ты себя
Отдашь на произвол судьбы, лишась
Уверенности твердой.

А н т о н и й

Выйдем в море.

К л е о п а т р а

Я шестьдесят дам кораблей, каких
У Цезаря нет лучше.

А н т о н и й

Мы излишек

Судов сожжем и с остальными встретим
У Акциума Цезаря. — Не будет

(входит вестник)

Успеха — выйдем в поле. — Ты что скажешь?

В е с т н и к

Весть несомненна: видели, как Цезарь
Торином овладел.

А н т о н и й

Он мог ли там быть лично? — Невозможно.
Уж много, что войска дошли. Канидий,
На девятнадцать легионов — тысяча
Двенадцать конных здесь возьми. А мы

(входит солдат)

К судам. — Пойдем, моя Фетида! Что ты?

С о л д а т

О! повелитель! в море не ходи;
Не верь гнилым доскам! иль ты не ценишь
Мой меч и эти раны? Египтянам
Да финикийцам предоставь нырять,
А мы привыкли побеждать на суше,
Сходясь в упор.

А н т о н и й

Ну хорошо. — Ступай.

Уходят Клеопатра, Антоний и Энобарб.

С о л д а т

Клянусь Ираклом! кажется, я прав.

К а н и д и й

Солдат, ты прав, но все его дела

Не от себя: вождя другие водят,
И все мы слуги женские.

Солдат

На суше
Вся конница с тобой и легионы?

Канидий

Да, Марк Октавий, Марк Юстей, еще
Публикола и Целий выйдут в море,
А мы на суше остаемся. — Цезарь
Невероятно быстр.

Солдат

Его войска
Шли так в раздроб из Рима, что он сбил
Все наблюденья.

Канидий

Кто ведет их, слышал?

Солдат

Да говорят, что Тавр.

Канидий

Его я знаю.

Входит вестник.

Вестник

Канидия зовет наш повелитель.

Канидий

Теперь чревато новостями время
И каждый час рождает что-нибудь.

Уходят.

Сцена 8

Равнина близ Акциума.

Входят Цезарь, Тавр, начальники и свита.

Цезарь

Тавр!

Т а в р

Повелитель!

Цезарь

В битву не вступай.

Не нападай, дай на море нам кончить.
Исполни всё, что в свитке здесь пишу.
Всю нам судьбу решит один удар.

(Уходит.)

Входят Антоний и Энобарб.

Антоний

Всё наше войско выставь за холмом
В виду у Цезаревых войск. — Оттуда
Пересчитать удобно корабли
И по движеньям их соображаться.

(Уходят.)

К а н и д и й проходит по одной стороне сцены с своими легионами,
по другой Т а в р, военачальник Цезаря, с своими. Вскоре после того,
как они прошли, слышится шум морского сражения.

Энобарб

Срам, сущий срам! я видеть не могу:
«Антониада», главное из всех
Египетских судов, бежит, и с нею
Все шестьдесят. Глядеть, так жжет глаза.

Входит Скар.

Скар

О, боги и богини.

Энобарб

Что с тобой?

Скар

Часть лучшая вселенной пропадает
От глупости. — Мы царства и владенья
Процеловали.

Энобарб

Битва как идет?

С к а р

На нашей стороне повальный мор,
И смерть верна. Колдунья¹ египтянка!
Чума бы на нее! В развале битвы,
Когда успех был парой близнецов-
Ровесников, и чуть ли наш не старший,
Как от июльских оводов корова,
Она, поднявши парус, понеслась.

Э н о б а р б

Я это видел: взору было больно —
Не вынес я.

С к а р

Едва она ушла
Под ветер, — жертва чар ее — Антоний,
Как селезень влюбленный, поднял крылья
И бросив бой, за нею полетел.
Поступка я не видывал постыдней:
Честь, мужество и опыт никогда
Себя так не срамили.

Э н о б а р б

Горе! горе!

Входит К а н и д и й.

К а н и д и й

На море счастьем нашему конец.
Оно печально тонет. Будь наш вождь,
Каким бывал, — всё шло бы хорошо.
О! что за страшный подал он пример
Нам бегством собственным.

Э н о б а р б

Вот как дела? Ну так скажи всему
Прощай.

К а н и д и й

Они ушли к Пелопонезу.

¹ В прежних изданиях «nag» клепер, у Колльера «hag» колдунья.

С к а р

Достичь его легко. — Там буду ждать
Дальнейшего.

К а н и д и й

Я Цезарю хочу
Сдать конницу и легионы: шесть
Уже царей оружие сложили.

Э н о б а р б

Пойду еще за раненой судьбою
Антония, хотя рассудок мой
Противным ветром веет на меня.

(Уходит.)

Сцена 9

Александрия. Комната во дворце.
Входят Антоний и слуги.

А н т о н и й

Послушайте! земля мной тяготится,
И стыдно ей меня носить. Друзья!
Я в мире запоздался и навек
Дорогу потерял. Есть у меня
Корабль с казной — делитесь и бегите,
А Цезарь примет вас.

В с е

Бежать! Не нам!

А н т о н и й

Я сам бежал и трусам дал пример
Затылок обращать. Друзья, ступайте!
Избрал себе дорогу я теперь,
В которой вы не нужны мне. — Ступайте!
Вон тот корабль; всё заберите. — О!
Краснею перед тем, за чем я шел,
И волоса мои поднимают спор:
Седые в черных ветреность поносят,
А эти слабость, трусость в тех. — Друзья,
Ступайте. — Дам к приятелям вам письма,

Которые ваш сгладят путь. Прошу
Вас, не печальтесь и не возражайте;
С отчаяньем скажу: да будет тот
Оставлен, кто себя оставит. Ваш
Теперь корабль с казной. — Идите в море.
Меня, прошу, оставьте на минуту.
Нет! не могу уже повелевать,
Итак, прошу. — Я скоро вас увижу.

(Садится.)

Входят Эрос и Клеопатра,
поддерживаемая Хармианью и Ирой.

Эрос

Царица, подойди, утешь его.

Ира

Утешь его, царица дорогая.

Хармиань

Да, да, утешь. — Что ж можешь ты еще?

Клеопатра

Дай я здесь сяду. — О, Юнона!

Антоний

Нет, нет, нет, нет, нет!

Эрос

Взгляни сюда, мой вождь!

Антоний

Нет, прочь, прочь, прочь!

Ира

Царица! повелительница наша!

Эрос

Наш повелитель!

Антоний

Да, друг мой, точно. — При Филиппах он
Владел мечом не лучше скомороха,
Когда суровый, сухопарый Кассий

Был мной сражен и сумасшедший Брут:
Он на других всё выезжал, в войне
Неопытный; теперь же... — Так и быть.

Клеопатра

О! помогите!

Эрос

Царица, вождь! царица.

Ира

Пойди, царица, с ним поговори;
Он сам себя не помнит от стыда.

Клеопатра

Ну, хорошо. Меня вы поддержите. О!

Эрос

Встань, благородный вождь: идет царица,
Главу склоня, и смерть ее близка. —
Один лишь твой привет ее спасет.

Антоний

Я честь свою нарушил этим бегством
Неблагородным.

Эрос

Добрый вождь, царица!

Антоний

О! до чего дошел я, египтянка!
Смотри, как стыдно мне встречать твой взор!
Когда взгляну назад и вижу всё,
Что погубил в бесчестьи.

Клеопатра

Друг мой, друг!

Прости ветрилам робким. Я не знала,
Что ты уйдешь за мною.

Антоний

Египтянка!

Ты знала, что к твоей корме привязан
Я сердцем и что ты меня влечешь.

Ты знала, что душою я твой раб
И что твой взгляд мне воспретить мог волю
Богов исполнить.

Клеопатра
О, прости!

Антоний

Теперь

У юноши молитв пощады должен
И кланяться смиренно я, который
По прихоти своей играл полмиром,
Творя судьбы и руша. — Знала ты,
Что ты владела мной и что мой меч,
Ослаблен страстию, тебе во всем
Покорен будет.

Клеопатра
О, прости, прости!

Антоний

Не лей же слез — и знай: одна из них
Мне всех утрат дороже. — Поцелуй! —
Вот мне награда. — Твой учитель послан;
Вернулся он? Я весь как из свинца! —
Вина и яств сюда! Я над судьбой
Тем злей смеюсь, чем злей она со мной.

Уходят.

Сцена 10

Цезарев лагерь в Египте.

Входят Цезарь, Долабелла, Тирей и другие.

Цезарь

Пускай войдет Антониев посол. —
Его ты знаешь?

Долабелла

Он у них учитель.

Ты видишь, как он гол, когда прислал
Из своего крыла перо такое.
Давно ли мог с вестями он излишних
Царей послать.

Входит Эвфроний.

Цезарь

Войди и говори.

Эвфроний

Антонием я послан вот как есть.
Недавно я в делах его был мал,
Как на листочке миртовом росинка
В сравненьи с морем.

Цезарь

Ну, с чем прислан ты?

Эвфроний

Тебя признав владыкой, просит он:
Позволь ему в Египте жить, а если
Откажешь в том, он просьбу уменьшает:
Позволь ему меж небом и землей
Дышать в Афинах частным гражданином,
Об этом просит он. А Клеопатра,
Пред властью твоей склоняясь, молит
Для сыновей престола Птолomeев,
Коль соизволишь только.

Цезарь

На мольбы

Антония я глух. — Но для царицы
Готов исполнить просьбу; пусть она
Покрытого теперь позором друга
Прогонит из Египта, их убьет. —
Тогда исполню просьбу. — Вот и всё.

Эвфроний

Будь счастлив.

Цезарь

Проводить его за лагерь.

(Эвфроний уходит. Тирею.)

Вот красноречье докажи свое:
Антония отбей от Клеопатры.
Ступай и от меня сули ей всё,
Чего захочет, — сам еще прибавь. —
Ведь женщины и в счастья-то не тверды,

А в горе и весталка изменит.
Тирей, будь поискусней, а награду
Себе придумай.

Тирей
Цезарь, я иду.

Цезарь
Скажи мне: как беду Антоний сносит
И что в его движенье каждым ты
Мог подсмотреть?

Тирей
Я постараюсь, Цезарь.
Уходит.

Сцена 11

Александрия. Комната во дворце.
Входят Клеопатра, Энобарб, Хармиань и Ира.

Клеопатра
Что, Энобарб, мне делать?

Энобарб
Что? умри.

Клеопатра
Кто виноват, Антоний или я?

Энобарб
Один Антоний, давши воле власть
Над разумом. Пускай бежала ты
От грозного лица войны, пугавшей
Строй строем, — он зачем бежал с тобой?
Как допустить, чтобы любовный зуд
Сбил полководца, да еще в минуту,
Когда полмира борется с полмиром,
А сам он спорный пункт. — Тут равен стыд
Потере, гнаться за бегущим флагом —
И бросить флот.

Клеопатра
Прошу, не говори.
Входят Антоний и Эвфроний.

Антоний

Так вот его ответ?

Эвфроний
Да, повелитель.

Антоний
Царицу милость ждет, коли она
Продаст меня.

Эвфроний
Так точно.

Антоний

Ты скажи ей:

Пошли вот эту голову седую,
И мальчик Цезарь царствами тебя
Засыплет.

Клеопатра
Эту голову, мой вождь?

Антоний

Ступай, скажи, что молодости розой
Украшенный, пред миром он в долгу:
Его суда, монеты, легионы
Могли бы быть у труса, а войска —
Сражаться так же храбро у ребенка,
Как и у Цезаря. — Затем ему
Я предлагаю: пусть, забыв надменность,
Со мною, падшим, меч против меча
Сразится. Лучше напишу. Пойдем.

Уходят Антоний и Эвфроний.

Энобарб

Да, жди, чтобы победоносный Цезарь
Свое унижил счастье и схватился
С борцом. Я вижу: ум людей — частица
Их счастья, — и внешние предметы

Влияют так на внутреннюю жизнь,
Что вместе страждут. Как, имея смысл,
Мог он мечтать, чтоб пышный Цезарь рядом
С ним тощим стал? О Цезарь, в нем и ум
Ты победил.

Входит слуга.

Слуга

От Цезаря посол.

Клеопатра

Ужель без всякой пышности? Смотрите,
Как те горды перед увядшей розой,
Что пред шипком склонялись. Пусть войдет.

Энобарб

(в сторону)

Спор между мной и честностью возник,
А преданность, достоинство глупцов,
Доводит долг до глупости. Но тот,
Кто следует за падшим властелином,
Одержит верх над одержавшим верх
И не забвен.

Входит Тирей.

Клеопатра

Что Цезарю угодно?

Тирей

Прими меня одна.

Клеопатра

Здесь все друзья, не бойся!

Тирей

И, стало быть, Антонию друзья.

Энобарб

Как Цезарю, так и ему мы нужны
Или не нужны. Если Цезарь хочет,
Начальник наш в нем друга рад снискать,
А мы за ним, да к Цезарю.

Тирей

Итак,
Знай, славная царица: Цезарь просит
Тебя не забывать никак, что он
Всё Цезарь.

Клеопатра

Дальше. — Истинно по-царски!

Тирей

Он знает, что с Антонием тебя
Не так любовь, как страх связует.

Клеопатра

О!

Тирей

Поэтому жалеет он о чести,
В которой ты должна терпеть пятно,
Не заслужа его.

Клеопатра

Он бог и знает

Всю правду. Честь моя не отдана,
А отнята скорей.

Энобарб

Чтоб знать верней,

Спрошу Антония. О! как ты утл!
Оставим утопать тебя, когда
Всем милым ты покинут.

Тирей

Передать

Мне Цезарю твои желанья? Он
Ждет просьб твоих, чтоб их исполнить. Лучшей
Мечтой его, чтоб ты себе опорой
Его избрала счастье. Но вспыхнет
В нем дух при вести, что забыла ты
Антония, скрываясь под защиту
Владыки мира.

Клеопатра

Как тебя зовут?

Тирей

Меня зовут Тиреем.

Клеопатра

Добрый вестник,
Скажи владыке Цезарю, что я
У победителя целую руку,
Что свой венец кладу к его ногам
И на коленях жду из уст всесильных
Судьбы Египта.

Тирей

Вот твой лучший путь.
Когда в борьбу со счастьем вступит ум,
Пусть он дерзает, сколько хватит сил, —
Не будет неудач. Позволь свой долг
Запечатлеть мне на руке твоей.

Клеопатра

Да, Цезарев отец, исполнен дум
Властительных, нередко к недостойной
Руке моей с лобзаньем приникал.

Входят Антоний и Энобарб.

Антоний

Любезности! клянусь громами неба!
Ты кто таков?

Тирей

Я исполнитель воли
Первейшего владыки, чьи слова —
Закон для всех.

Энобарб

Ты высечен быть хочешь.

Антоний

Гей, кто там? — Ах ты коршун! Ад и небо!
Бессилен я. Бывало, крикну: «Гей»!
И, как мальчишки, все взапуски кричат:
«Что вам угодно?» Слышишь! Я
Еще Антоний. Шельму взять и высечь.

Энобарб

Играть со львенком лучше, чем со львом
Перед концом его.

Антоний

Луна и звезды!
Пори его! Будь двадцать тут послов
От Цезаря — и я б застал их дерзость
С рукой — вот этой, как ее зовут,
Что звали Клеопатрой? Сечь его,
Пока, как мальчик, он лица не скорчит,
Моля пощады. — Вытащить его.

Тирей

Антоний!

Антоний

Вытащить и, конча сечь,
Привести назад — шут Цезаря снесет
К нему все наши порученья.

(Слуги уводят Тирея.)

Как мы сошлись, ты отцветала. Что?
Я бросил ложе неизмятым в Риме,
Прижить детей законных не хотел
С бесценной женщиной, чтобы меня
Позорили с рабами?

Клеопатра

Добрый друг.

Антоний

Изменницею ты была всегда,
Но стоит нам в пороках очерстветь
(О горе!), боги ослепляют нас.
Глазам наш гной мешает видеть ясно,
Мы грех свой обожаем, — и смешно им,
Как гибнем мы.

Клеопатра

О! до чего дошло?

Антоний

Объедком я нашел тебя, остывшим
На цезарской тарелке; да, отгрызком

Князя Помпея, краше тех часов
Горячих, не отмеченных молвой,
Которых негу ты вкушала. Верно:
Хотя могла постигнуть чистоту,
Ее не знала ты.

К л е о п а т р а
За что мне это?

А н т о н и й
Терпеть, чтоб раб, который мог сказать
За грош спасибо, избранную мной,
Твою смел тронуть руку, царский дар,
Залог сердец высоких! О! зачем
Я не могу с Базанского холма
Рогатый скот перекричать с досады;
Быть вежливым теперь мне то же, что,
С веревкою на шее, за проворство
Благодарить учтиво палача.

(Слуги приводят Тирея.)

Что, высекли его вы?

1-й слуга
Преисправно!

А н т о н и й
Кричал? Просил пощады он?

1-й слуга
Молил, чтоб сжалились над ним.

А н т о н и й
Коль жив отец твой, пусть жалеет он,
Что ты не дочь, а ты жалея, зачем
За Цезарским триумфом шел, с тех пор
Как высекли тебя за то; отныне
Зноби тебя при виде дамских рук,
Как в лихорадке. К Цезарю вернись
И расскажи прием свой, да скажи,
Что сердит он меня. Как видно, он
Надмен и горд и видит, чем я стал,
Забыв, чем был я; бесит он меня.
Успеть не трудно в этом с той поры,
Как добрые, светившие мне звезды

Оставили свой путь и в бездну ада
Умчали свет свой. Если ж не по сердцу
Ему, что говорю и что случилось,
Скажи, что там мой бывший раб Гиппарх;
Пусть вешает его, сечет, казнит, —
И мы сочлись. Ты сам же подстрекни.
Теперь с своими прочь рубцами! — Вон!

Тирей уходит.

Клеопатра

Ты кончил ли?

Антоний

Увы! земной наш месяц
Затмился, это уж одно сулит
Антонию конец.

Клеопатра

Я пережду.

Антоний

Льстя Цезарю, ты будешь глазки делать
Его слуге?

Клеопатра

Ты не согласишься мне?

Антоний

Ты холодна ко мне.

Клеопатра

О милый! если

Я холодна, пусть небо град родит,
Его отравит и ударит первым
Куском в меня, — и как растает он,
Пусть жизнь моя исчезнет! а второй
Сразит Цезариона, чтоб мой род
Был позабыт, а добрые мои
Египтяне лежали после бури
Без погребенья, нильским комарам
В добычу.

А н т о н и й

Полно! Верю я теперь.
Сбирается в Александрию Цезарь,
Сойдемся там. Войска у нас дрались
На суше славно; флот разъединенный
Наш собрался и грозен на волнах.
Где ты, моя отвага? Слышишь, друг?
Коль с поля я вернусь, чтобы лобзать
Твои уста, я появлюсь в крови.
Мой меч и я для хроники жнецы:
Еще надежда есть.

К л е о п а т р а

Вот мой герой!

А н т о н и й

С тройною силой, сердцем и дыханьем
Сражаться буду зло. Во дни, когда
Легко жилось, за шутку я щадил
Чужую жизнь; теперь я стисну зубы
И в Тартар всех, кто схватится со мной.
Пойдем еще весельем встретим ночь.
Зови вождей печальных. Кубки вспень.
Опять раздражим ночь.

К л е о п а т р а

Мой день рожденья ныне.

Я скромно думала провесть его, но ты —
Антоний вновь, я буду Клеопатрой.

А н т о н и й

Мы справимся еще.

К л е о п а т р а

Всех благородных

Начальников звать к нашему вождю.

А н т о н и й

Да, с ними я поговорю, а ночью
Вино из ран их проступить заставлю.
Пойдем, царица, сок еще в нас есть.
В бою меня полюбит смерть, — берусь
Помочь ее язвительной косе.

Уходят Антоний и Клеопатра.

Энобарб

Теперь он с молнией заспорит. Кто взбешен,
Спасается от страха. В этом духе
Рад голубь страуса клевать. Я вижу вновь,
Что у вождя, как мозгу станет меньше,
Прибудет сердце. Во вражде с умом
Отвага гложет меч свой. Надо мне
Подумать, как его оставить.

АКТ IV

Сцена 1

Лагерь Цезаря близ Александрии.

Входят Цезарь, читая письмо, Агриппа, Меценат и другие.

Цезарь

Меня бранит он мальчиком, как будто
Прогнать меня он в силах из Египта,
Посла он сек, зовет на поединок
Антоний Цезаря: рубака старый,
Знай: к смерти много есть дорог, и мне
Смешон твой вызов.

Меценат

Ты подумай, Цезарь:
Когда взбешен такой властитель, значит,
Пришло не в мочь. Не дай ему очнуться,
Воспользуйся его смущеньем. Ярость
Всегда оборонялась плохо.

Цезарь

Всем

Вождям скажи, что завтра в бой последний
Вступаем мы. В рядах у нас довольно
Служивших у Антония недавно,
Чтоб нам его поймать. Распорядись,
Да угости войска: запасов много —
И есть за что им дать. Бедняк Антоний!

Сцена 2

Александрия. Комната во дворце.
Входят Антоний, Клеопатра, Энобарб, Хармиань,
Ира, Алексас и другие.

Антоний

Со мной нейдет он в бой, Домиций.

Энобарб

Нет.

Антоний

Да отчего же нет?

Энобарб

Он думает, что в двадцать раз счастливей
Он будет двадцать против одного.

Антоний

Сразимся завтра на море и суше:
Жив буду иль омою честь в крови, —
И это жизнь. Ты храбро будешь драться?

Энобарб

Рубиться и кричать: «Всё сгинь!»

Антоний

Отлично!

Ступай, зови ко мне домашних слуг.

(Входят слуги.)

Пируйте эту ночь. Дай руку мне,
Ты честен был, действительно. Ты тоже,
И ты, — и ты, и ты — служили славно:
Цари вам были равны.

Клеопатра

Это что?

Энобарб

Одна из тех причуд, в которых горе
Из сердца рвется.

Антоний

Честен был и ты.

Желал бы стать я всеми вами вдруг

И вместе всех вас тут же превратить
В Антония, чтоб послужить вам так,
Как вы служили мне.

С л у г а

Избави бог!

А н т о н и й

Друзья, еще мне послужите ночь
И кубки наливайте мне, как будто
Мои владенья с вами заодно
Еще покорны мне.

К л е о п а т р а

Чего он хочет?

Э н о б а р б

Заставить плакать их.

А н т о н и й

Пробудьте ночь,
Быть может, с ней конец и службе вашей.
И не видать меня вам, или видеть
Печальной тенью: завтра, может быть,
Поступите к другому господину.
Смотрю на вас, как будто на прощаньи.
Друзья мои, не отсылаю вас;
Мне ваша служба дорога по смерти.
Вы прослужите два часа, не больше,
И награди вас боги!

Э н о б а р б

Для чего

Их так смущать? они, ты видишь, плачут,
И я, осел, почуял лук, — стыдись, —
Не обращай нас в женщин.

А н т о н и й

Ха, ха, ха!

Чтоб я пропал, коль этого хотел,
Пусть эти слезы к счастью! Друзья,
Вы поняли меня в печальном смысле,
Я вас хотел утешить и прошу,
Чтоб факелов зажгли вы. Знайте, дети,

Надеюсь, я назавтра поведу вас
Туда, где жду победоносной жизни,
А не почетной смерти. Ужин ждет,
Пойдем зальем заботы.

Сцена 3

Там же. Перед дворцом.
Входят два солдата на часы.

1-й солдат

Брат, доброй ночи. Что-то будет завтра.

2-й солдат.

Вся наша будущность решится. Ну, прощай.
Ты ничего вдоль улиц не слышал?

1-й солдат

Нет. Что такое?

2-й солдат.

Быть может, только слухи.
Доброй ночи.

1-й солдат

Спасибо. Доброй ночи.

Входят еще два солдата.

2-й солдат.

Солдаты, будьте чутки на часах.

3-й солдат

Вы тоже. Доброй ночи, доброй ночи.

Два первых становятся на свои места.

4-й солдат

Нам здесь,

(становятся на места)

а завтра, если только флоту

Удача будет, я вполне уверен,

На суше постоят.

3-й солдат

Лихое войско —
И полное надежд.

Под сценой слышна музыка гобоев.

4-й солдат

Постой! Что там за шум?

1-й солдат

Чу! Чу!

2-й солдат.

Слышь!

1-й солдат

То музыка в воздухе.

3-й солдат

Нет, под землю.

4-й солдат

Хороший знак, как полагаешь?

3-й солдат

Нет.

1-й солдат

Тсс... говорят вам. Что-то это значит?

2-й солдат.

Бог Геркулес, Антонием любимый,
С ним расстается.

1-й солдат

Пойдем: узнаем, слышали ль другие
То, что и мы.

Они идут к другим часовым.

2-й солдат.

Гей, вы, ребята!

Все

Гей, гей,

Гей, гей, вы слышали?

(Говорят между собой.)

1-й солдат

Да, это что-то странно.

3-й солдат

Вы слышите, вы слышите, друзья?

1-й солдат

Пойдем за звуком вдоль своих постов,
Посмотрим, что-то будет.

Все

Точно, странно.

Уходят.

СЦЕНА 4

Там же. Комната во дворце.

Входят Антоний, Клеопатра, Хармиань и другие слуги.

Антоний

Эрос! мой панцирь!

Клеопатра

Отдохни немножко!

Антоний

Нет, нет, голубка. Эрос! панцирь, Эрос!

(Входит Эрос с панцирем.)

Поди-ка, друг, и в сталь меня¹ одень,
Коль ныне бросит нас фортуна, то
За непочет к ней. — Дай!

Клеопатра

Я помогу.

Куда вот это?

Антоний

Ах, оставь! оруженосец
Ты сердца моего — не так, — так, — так.

¹ В прежних изданиях: thine, у Колльера: mine.

Клеопатра
Вот помогла! Так быть должно.

Антоний
Прекрасно;
Теперь мы молодцы. Товарищ, видишь?
Ступай и ты вооружись.

Эрос
Сейчас.

Клеопатра
Что, дурно застегнула?

Антоний
Славно, славно.
Кто расстегнет вот это, прежде чем
Сниму его на отдых, встретит бурю.
Ты, Эрос, плох; моя царица лучше
Тебя, оруженосец. Ну! — О друг мой!
Когда б могла меня ты видеть в битве
И в этом царском деле знала толк,
Сказала б нынче ты: «Вот мастер».
(Входит начальник в полном вооружении.)
Здравствуй!
На вид один ты опытный боец:
Встаем с зарей на милую работу
И весело идем к ней.

Начальник
Как ни рано,
А тысячи стоят уже в броне
На берегу и ждут тебя.

Клики, звуки труб.
Входят начальники и солдаты.

2-й начальник
Какое утро! С добрым утром, вождь!

Все
Вождь, с добрым утром.

Антоний
Славный звук, ребята!
Как юный ум, который хочет быстро

Развиться, — утро рано началось,
Так, так; подай сюда вот, — хорошо.
Прощай, подруга: будь со мной что будет,
Прими лобзанья война. Теперь

(Целует ее)

Мне было б стыдно, совестно с тобой
В любезности пускаться. Я прощусь,
Как человек стальной. Кто хочет в битву,
Иди за мной! Введу в нее. Прощай!

Уходят Антоний, Эрос, начальники и солдаты.

Хармиань

Угодно ль вашу комнату?

Клеопатра

Пойдем.

Ушел героем. Если б он да Цезарь
Теперь войну решили поединком!
Тогда б Антоний... нет уж, — пусть! пойдем.

Уходят.

Сцена 5

Лагерь Антония у Александрии. Звук труб.

Входят Антоний и Эрос, навстречу им выходит солдат.

Солдат

Антонию дай Бог сегодня счастья!

Антоний

Когда б тебя и ран твоих тогда
Послушал я да вышел в поле...

Солдат

То бы

Восставшие теперь цари и воин,
Оставивший тебя сегодня, шли
Еще с тобой.

Антоний

Кто ж нас оставил?

Солдат

Кто?

Тебе ближайший: кликни Энобарба,
Он не услышит иль во стане вражьем
Ответит: «Я не твой».

Антоний

Да что ты?

Солдат

Он

У Цезаря.

Эрос

Он ящичков с богатством
Своим не брал.

Антоний

Ушел он?

Солдат

Несомненно.

Антоний

Пошли к нему его богатства, Эрос,
Всё до соринки, слышишь! передай
(Я подпишусь) привет и благодарность:
Скажи, что я желаю, чтобы он
Уж более не находил причин
Менять вождя. О! жребий мой, ты портишь
И честных. Торопись же. Энобарб!

Сцена 6

Лагерь Цезаря перед Александрией.
Звуки труб. Входят Цезарь с Агриппой,
Энобарб и другие.

Цезарь

Ступай, Агриппа, битву сам начни.
Хочу, чтоб был Антоний взят живым.
Так ты и объяви.

Агриппа

Исполню, Цезарь.

Агриппа уходит.

Цезарь

Всеобщий мир уже не далеко:
Удайся ныне — и три части света
Украсятся оливою свободы.

Входит вестник.

Вестник

Антоний в поле.

Цезарь

Передай Агриппе:

Перебежавших выставить вперед,
Чтобы Антоний злость свою излил,
Как будто на себя же.

Уходят Цезарь со свитой.

Энобарб

Алексас изменил. В земле еврейской
Антониев посол, уговорил
Он Ирода Антония оставить
Для Цезаря. За этот труд повешен
Он Цезарем. Канидий и другие
Изменники — имеют содержанье,
А не почет. Я скверно поступил
И так за то клянусь себя, что мне
Ничто не мило.

Входит солдат Цезаря.

Солдат

Энобарб! Антоний

Прислал тебе богатства все твои
С своим приветом: посланный его
Нашел меня; он у твоей палатки
Мулов развьючил.

Энобарб

Всё тебе дарю.

Солдат

Не смейся надо мною, Энобарб,
Я правду говорю. Ты проводи

Погонщика за лагерь; мне на службу,
А то б я сам провел. Ваш повелитель —
Всё истинный Зевес.

Солдат уходит.

Э н о б а р б

Нет на земле бесчестнее меня,
Я в этом убедился. О, Антоний!
Источник доброты, как бы воздал
Ты честной службе, ежели и подлость
Засыпал золотом! Изныло сердце,
И коль оно не лопнет с горя, горю
Я подсоблю, — убьет и горе — правда.
Против тебя мне драться? Нет, канаву
Сыщу, чтоб умереть в ней: чем грязней,
Тем моему приличнее поступку.

Сцена 7

Поле битвы между обоими лагерями.

Крик. Барабаны и трубы. Входит Агриппа и другие.

А г р и п п а

Назад! Мы слишком зарвались вперед.
И Цезарю работа есть: их натиск
Все наши ожиданья превзошел.

(Уходит.)

Крик. Входят Антоний и Скар, раненый.

С к а р

Мой храбрый повелитель! вот так бой!
Дерись мы так сперва, мы б их прогнали
С пробитыми башками.

А н т о н и й

Ты в крови?

С к а р

Была на I моя похожа рана,
А вышел N теперь.

А н т о н и й

Они бегут.

С к а р

Мы их загоним в норы. У меня
Еще царпин на шесть места хватит.

Входит Э р о с.

Э р о с

Они разбиты. Наш успех привел
К победе светлой.

С к а р

В спину их лупи
И догоняй, как зайцев. Трусов гнать —
Забава.

А н т о н и й

Награжу тебя сперва
За добрые слова и в десять раз —
За доблести. Пойдем.

С к а р

Я поллечусь.

Сцена 8

Под стенами Александрии.

Крики. Входит Антоний маршем, Скар и войска.

А н т о н и й

Мы в лагерь их прогнали. Побегите
Наш подвиг возвестить царице. Завтра,
До восхода солнца, выпустим ту кровь,
Что им пришлось спасти сегодня. Всех
Благодарю за храбрость. Вы сражались
Не только в пользу дела, но как будто
Всяк за себя. Все Гекторами были.
Войдите в город: жен обнять, друзей
В веселии. Пусть радостные слезы
Омоют вашу кровь, а поцелуи
Залечат раны чести.

(Скару)

Дай мне руку.

Входит Клеопатра со свитой.

Великой феи ласки, мой герой,
Тебя благословят. О, солнце мира!
Ко мне на шею, и во всем наряде
Сквозь панцирь мой на сердце мне: скакать
На радостных биеньях.

Клеопатра

Вождь вождей!
О доблесть! Ты смеешься, избежав
Великой сети мира.

Антоний

Соловей мой,
Мы их угнали спать! Дитя мое!
Пусть седина есть в черноте у нас,
Но мозг еще питает нервы так,
Что с юными поспорит. Видишь, вот он.
Его устам дай руку ты свою.
Целуй, мой храбрый. Ныне он сражался,
Как будто бог, враждебный людям, бьет
Их в образе его.

Клеопатра

Тебе я, друг,
Дам панцирь — весь из золота. Он царский.

Антоний

Он заслужен, хоть будь он из рубинов,
Как колесница Феба. Дай мне руку.
Торжественно войдем в Александрию,
Вперед наш щит изрубленный несите,
Как подобает. Поместись мы все
В большом дворце, — поужинали б вместе
И выпили б за завтрашний успех,
Опасностью манящий царской. Трубачи,
Будите ревом меди слух граждан,
Сливайте треск свой с дробью барабанной,
Пусть вам земля и небо отвечают
Приветствием на наше приближенье.

Сцена 9

Лагерь Цезаря.

Солдаты на часах. Входит Энобарб.

1-й солдат

Коль нас не сменят в этот час, то мы
Вернемся к караулу. Ночь ясна.
И говорят, что во втором часу
Утра начнется бой.

2-й солдат

Вчера для нас
Был тяжкий день.

Энобарб

О! Ночь, услышь меня!

3-й солдат

Кто этот человек?

2-й солдат

Молчи и слушай.

Энобарб

Свидетельствуй, о месяц благосклонный!
Когда с презреньем будут поминать
Изменников, что бедный Энобарб
Раскаялся, как видишь.

1-й солдат

Энобарб!

3-й солдат

Тсс! — слушай дальше.

Энобарб

О, мощная владычица печали!
Обдай меня зловецим паром ночи,
Чтоб эта жизнь, враждебная желанью,
Меня не тяготила больше; сокруши
Мне сердце о скалу моей вины,
Пускай тоска его рассыплет в прах
И с ним всё зло исчезнет. О, Антоний!
Ты столько же высок, как низок я,

Прости меня в душе своей, и пусть
Меня включает свет в презренный список
Изменников и беглецов,
Антоний! О, Антоний!

(Умирает.)

2-й солдат

Пойдем, поговорим мы с ним.

1-й солдат

Нет, слушай: речь его важна, быть может,
Для Цезаря.

3-й солдат

И то. Да он уснул.

1-й солдат

Не обмер ли? Молиться так нельзя
На сон грядущий.

2-й солдат

Подойдем к нему.

3-й солдат

Проснись, проснись, промолви слово!

2-й солдат

Слышишь?

1-й солдат

Его постигла смерть. Слышь! Барабаны
Сурово будят спящих. В караул
Снесем его. Он не простой: свой час
Уже мы отстояли.

3-й солдат

Так пойдем,

Быть может, он очнется.

(Уходят, унося труп.)

Сцена 10

Между двумя лагерями.

Входят Антоний и Скар с войсками.

Антоний

Они готовят бой морской: мы им
Не нравимся на суше.

Скар

Там и здесь.

Антоний

Пусть вызовут на воздух иль в огонь,
И там сразимся с ними. Только вот что:
На пригородных мы холмах должны
Оставить пеших с нами (флоту отдан
Приказ, и он из пристани пошел),—
С холмов заметней положенье их
И видны все движенья.

(Уходят.)

Входит Цезарь с своими войсками.

Цезарь

Не нападут, так должно нам стоять
На суше смирно: лучший свой народ
Они во флот послали. Вы ступайте
В долины и держитесь крепче там.

(Уходят.)

Снова входят Антоний и Скар.

Антоний

Не встретились еще. Вон из-под той
Сосны увижу всё и расскажу,
Что видел.

(Уходит.)

Скар

Ласточки навили

Гнезд в парусах у Клеопатры; наши
Авгуры мрачны, — говорят: не знаем —
И не хотят нам говорить. Антоний
Отважен и уныл; он в шатком счастье

Меж страхом и надеждой перед тем,
Что есть и что возможно.

Крики вдали, как бы от морского сражения. Входит Антоний.

Антоний

Всё пропало!

Злодейка египтянка изменила;
Мой флот передался врагу; и вон
Они кидают шапки, как при встрече
С давнишними друзьями. Трижды шельма!
Я продан новичку. И я в душе
Враждую лишь с тобой. Пусть все бегут.
Я отомщу коварной чародейке
И кончу. Всем вели бежать, — ступай.

(Скар уходит.)

О солнце! мне тебя уж не видать.
Со счастьем здесь Антоний расстается
И руку жмет ему. Как это случилось?
У ног моих лежавшие сердца
Любимцев изменили мне и тают
Пред Цезарским расцветом; оголили
Сосну, царившую над всеми. Продан я.
О, лживый дух Египта! Сила чар!
Твои глаза меня кидали в битву;
Мне грудь твоя была венцом и целью,
Но, как цыганка, ты играла мной
И обманула, пресытив несчастьем.
Гей! Эрос, Эрос!

(Входит Клеопатра.)

А, колдунья! Прочь!

Клеопатра

Что так мой друг на милую взбешен?

Антоний

Прочь, или я с тобою расплачусь
И Цезарю триумф расстрою. Пусть он
Ликующим тебя плебеям кажет;
Ступай за колесницей, как пятно
Всем женщинам. Пусть смотрят на тебя
Как на чудовище, за грош, и пусть
Смиренная Октавия изрежет
Тебе лицо ногтями.

(Клеопатра уходит.)

Хорошо,
Что ты ушла, коль точно хорошо,
Чтоб ты жила, но лучше бы тебе
Подпасть под гнев мой, тут бы смерть одна
Спасла тебя от многих. Эрос, гей!
На мне рубашка Несса. Научи
Меня Алкид, мой предок, ярой злобе,
Дай на луну мне зашвырнуть Ликаса
И дай рукой, привычной к булаве,
Не пощадить себя. Колдунье смерть!
Я римскому мальчишке ею продан
И гибну так. За то и смерть ей. Эрос!
Уходит.

Сцена 11

Александрия, комната во дворце.
Входят Клеопатра, Хармиань, Ира и Мардиан.

Клеопатра

О, помогите! Злей он, чем Аякс
Был над щитом, — и фессалийский вепрь
Так не был лют.

Хармиань

Вот памятник! Запрись
И весть ему пошли, что ты скончалась.
Душе расстаться с телом легче, чем
С величием.

Клеопатра

В памятник! Ты, Мардиан,
Скажи, что я себя лишила жизни
И что последний зов мой был: Антоний!
Прошу, ты это погрустней скажи.
Дай, Мардиан, мне знать, как примет он
Мою кончину. В памятник скорей!

Все уходят.

Сцена 12

Там же, другая комната.
Входят Антоний и Эрос.

Антоний

Еще меня ты видишь, Эрос?

Эрос

Вижу.

Антоний

Порой нам туча кажется драконом
Иль облако порой медведем, львом,
Градской стеной, наклонною скалой,
Зубчатой голубою цепью гор
С деревьями, — один обман воздушный
Для глаз: ты призраки видал такие
В вечерний сумрак?

Эрос

Да, мой повелитель.

Антоний

То, что сейчас конем казалось, вмиг
Расплылось в облаках, и незаметно,
Как на воде вода.

Эрос

Да, точно так.

Антоний

Мой добрый Эрос, вот начальник твой —
Такой же призрак: я еще Антоний,
Но видимый свой образ не могу
Я более удерживать, мой друг,
Я бился за Египет, а царица...
Я верил ей, я сердце отдал ей,
С ней вместе шли за мною миллионы,
Теперь отпавших; Эрос, а она
Смешала карты с Цезарем и славу
Мою его триумфу проиграла.
Не плачь, мой Эрос! Мы еще с собою
Покончим сами. О бесстыдница твоя!
(Входит Мардиан.)
Она мой меч украла.

М а р д и а н

Нет, Антоний;

Она тебя любила и связала
Свою судьбу с твоей.

А н т о н и й

Прочь, наглый евнух!

Я продан, и за то она умрет.

М а р д и а н

Долг смерти можно только раз отдать;
Она сдала свой. Замысл твой исполнен
Ее рукой. Последние ее
Слова: «Антоний! дивный мой Антоний!»
Тут тяжкий вздох прервал внезапно имя
Антония, — она, его деля
Меж сердцем и устами, схоронила
В себе.

А н т о н и й

Так умерла?

М а р д и а н

Да, умерла.

А н т о н и й

Снимай с меня оружие, Эрос. Труд
Дневной покончен, — спать пора. — Что цел
Уйдешь, тебе богатая награда
За труд твой. Вон, — ну, — убирайся! — вон!
(*М а р д и а н уходит.*)

И щит Аякса о семи листах
Не спас бы сердца моего от бури.
О! лопни, грудь! Ты, сердце, разорви
Свой утлый склеп. Скорее, Эрос! я
Уже не воин: прочь убор измятый,
Ты с честью мне служил. Уйди на время.
(*Э р о с уходит.*)

Тебя я, Клеопатра, догоню,
Чтоб выплакать прощенье. Решено. —
Отсрочка — мука. — Светоч твой угас;
Усни и успокойся. Всякий труд
Теперь — лишь порча; да — всю силу свяжут
Усилия. Запечатал и покончил.

Эрос! — иду, царица! — Эрос! — Жди!
В садах блаженных мы рука с рукой
Пойдем, и нам дивиться станут духи.
Эней с Дидоной будет позабыт,
И всё столпится к нам. Гей! Эрос! Эрос!

Э р о с

Что, повелитель?

А н т о н и й

С смерти Клеопатры

Так жизнь моя бесчестна, что богам
Моя противна низость. Я, мечом
Деливший свет и на хребте Нептуна
Сдвигавший города судов, — смущен
Отвагой женской. Я слабее той,
В чьей смерти Цезарь услышал: «Сама
Себя я победила». Эрос, ты
Клялся: когда придет нужда (она
Теперь пришла), когда я за собой
Увижу неизбежную погоню
Беды и страха, — ты по первой просьбе
Убьешь меня. Исполни ж, час настал.
Удар не мне, то Цезарю удар,
Ты не бледней.

Э р о с

Да возбранят мне боги!

То сделать, что все дротики парфян,
Желая, сделать не сумели.

А н т о н и й

Эрос!

Хотел ли б видеть в Риме из окна
Ты господина своего в цепях,
С поникшей головой, с лицом, покрытым
Огнем стыда, меж тем как перед ним
Счастливый Цезарь с колесницы трусость
Его клеймит?

Э р о с

Нет, не хотел бы видеть.

А н т о н и й

Ну! — твой один удар меня излечит.
Вынь честный меч, которым ты отчизне
Полезен был.

Э р о с

Нет, пощади меня.

А н т о н и й

Когда тебе я волю дал, ты это
Исполнить не клялся ль, когда скажу?
Исполни же, иль вся бывшая служба
Твоя — одна случайность. Вынь свой меч.

Э р о с

Так отверни же от меня лицо:
Я в нем еще кумир вселенной вижу.

А н т о н и й

Так ну же.

(Отворачивается от него).

Э р о с

Меч обнажен.

А н т о н и й

Исполни ж разом то,
Зачем его извлек.

Э р о с

Мой добрый вождь,
Мой господин, мой повелитель, дай мне,
Пока не пал удар, сказать «прости».

А н т о н и й

Уж ты его сказал; прощай и ты.

Э р о с

Прости, мой вождь. Ударить что ль?

А н т о н и й

Ну, Эрос!

Эрос

Вот же:

(падает на свой меч)

Антоний, смерти не увижу
Твоей.

Антоний

Меня ты втрое благородней!
Ты, храбрый Эрос, указал мой долг,
Тебе столь тяжкий. Эрос и царица
Своей отвагой превзойдут меня
В преданьях славы: но пойду теперь
Навстречу смерти, как жених, и лягу
Как бы на ложе милой. Видишь, Эрос,
Твой вождь умрет твоим учеником.
Ты научил.

(Падает на свой меч.)

Как! нет? не умер я?

Гей, стража! приколите!

Входит Дерцет и стража.

1-й страж

Что за шум?

Антоний

Друзья, я худо начал дело; вы
Докончите его.

2-й страж

Звезда скатилась.

1-й страж

И час его пробил.

Все

Увы! о горе!

Антоний

Кто предан мне, убей меня.

1-й страж

Не я.

2-й страж

Да и не я.

3-й страж

Да и никто из нас.

Стража уходит.

Дерцет

Твой рок и смерть всех приближенных гонят.
Снеси я к Цезарю вот этот меч и весть,
К нему войду я в милость.

Входит Диомед.

Диомед

Где тут Антоний?

Дерцет

Здесь, Диомед, вот здесь.

Диомед

Он жив?

Что ж ты ответа не даешь?

Дерцет уходит.

Антоний

Ты ль, Диомед? Своим мечом меня
Ты приколи.

Диомед

Великий повелитель,
Меня к тебе послала Клеопатра.

Антоний

Давно ль послала?

Диомед

Тотчас.

Антоний

Где она?

Диомед

В свой памятник ушла. Невольный страх
Предрек ей всё, что быть должно. Заметив
(Хоть это всё несбыточно), что ты
Ее в сношеньях с Цезарем считаешь
И бесишься, — она тебе о смерти
Своей послала весть; но, устрасаясь
Ее последствий, шлет меня сказать
Всю правду. Да боюсь, пришел я поздно.

Антоний

Да, поздно, Диомед. Покличь мне стражу.

Диомед

Гей! стража полководца! — стража! Гей!
Сюда! — начальник вас зовет.

Входит стража.

Антоний

Меня, друзья, снесите к Клеопатре.
В последний раз прошу у вас услуги.

1-й страж

О! горе нам, что ты не пережил
Всех верных слуг своих.

Все

Ужасный день!

Антоний

Нет, добрые друзья, — судьбе жестокой
Не льстите вашим горем; пусть она идет
Нас наказать, — а мы ее накажем
Тем, что легко всё стерпим. Подымите
Меня. Я часто вас, друзья, водил;
Теперь меня снесите и примите
Мою признательность за всё.

(Уходят, унося Антония.)

Сцена 13

Там же. Памятник.
Наверху появляется Клеопатра,
Хармиань и Ира.

Клеопатра
О Хармиань! отсюда я не выйду.

Хармиань
Царица, успокойся.

Клеопатра
Никогда!
Всем горестям и ужасам я рада,
И горек мне покой. Моя печаль
С причиной соразмерна — как она,
Должно быть, велика. Что? умер он?

Диомед
Уж смерть над ним, но всё не умер он.
Ты с памятника можешь видеть: стража
С той стороны сюда его несет.

(Внизу стража вносит Антония.)

Клеопатра
О солнце!
Сожги свой ясный круг! оставь во тьме
Вселенную. Антоний! о Антоний!
На помощь, Хармиань! на помощь, Ира!
(Внизу стоящим.)
Друзья, поднять его нам помогите.

Антоний
Тише!
Не Цезарем Антоний побежден,
Сам над собой Антоний торжествует.

Клеопатра
Так быть должно: Антония сразить
Лишь мог Антоний, но, увы! зачем же!

Антоний
Слабею, египтянка, умираю,
Но миг прошу у смерти, чтоб из тысяч

Еще последний, бедный поцелуй
Отдать твоим устам.

К л е о п а т р а

Нет, я не смею
(Прости, мой добрый друг), боюсь, меня
Поймают: нет, не будет украшаться
Мной торжество у Цезаря-счастливица;
Пока у яда, у ножа, у змей
Есть сила или жало, — я свободна!
Октавия, с холодностью в очах
И скромностью, — не доживет до чести
Смеяться мне. Сюда, сюда, Антоний!
Подруги, помогите мне его
Поднять,

(вниз)

и вы.

А н т о н и й

Скорей, не то умру.

К л е о п а т р а

Как трудно¹. Как ты стал тяжел, мой друг.
Вся наша сила в горе перешла,
И вот нам тяжело: будь я Юноной,
Тебя б Меркурий крепкокрылый поднял
И посадил с Зевесом. Ближе, ближе!
Глуп, кто желает. О, скорей, скорей.
(Они поднимают Антония наверх.)
Вот здесь, вот здесь, умри теперь, где жил.
Очнись в лобзаннях: будь они целебны,
Я б уст не пощадила.

В с е

Грустный вид.

А н т о н и й

Я умираю, друг мой, умираю:
Дай мне вина, чтоб мог я говорить.

¹ В прежних изданиях sport, шутка, у Колльера port, тяжесть.

К л е о п а т р а

Нет, говорить позволь мне и Фортуны
Бранить, пока со злости колеса
Она не сломит.

А н т о н и й

Друг, одно лишь слово:
Верь Цезарю и честь, и счастье. О!

К л е о п а т р а

Две вещи несовместных.

А н т о н и й

Слушай, друг мой:
У Цезаря верь только Прокулею.

К л е о п а т р а

Отваге и руке своей я верю,
А не придворным Цезаря.

А н т о н и й

О горестной судьбе моей и смерти
Не сокрушайся, лучше вспоминай
Мое бывшее счастье, когда
Я был первейшим властелином мира
И благороднейшим; да и умру
Не подло: пред согражданином снял
Я шлем, и римлянином римлянин
Был побежден. Мой отлетает дух.
Я не могу.

(Умирает.)

К л е о п а т р а

Великий муж, ты умер?
Тебе не жаль меня? иль мне остаться
Во мрачном мире? без тебя он мне
Не лучше стояла! Видите, подруги,
Венец земли рассыпался. Мой друг!
Увы! исчез военный лавр, и знамя
Утрачено: мальчишки и девчонки
С мужчинами равны; отличья нет,
И ничего достойного не видит
Уже луна.

(Падает в обморок.)

Хармиань
Царица, успокойся.

Ира
Да и она скончалась.

Хармиань
О!

Ира
Царица!

Хармиань
О госпожа!

Ира
Владычица Египта!
Императрица!

Хармиань
Тише, тише, Ира!

Клеопатра
Не более как женщина; и горю
Подвластна, как доящая служанка
И в самой низкой должности. Готова
Теперь швырнуть я скипетр злым богам,
Сказав, что мир был миру их подобен,
Пока они алмаз наш не украли.
Всё вздор: терпенье — глупость, нетерпенье
Прилично бешеной собаке: что ж, грешно
Врываться к смерти в тайный дом, пока
Она к нам не придет? Как ваше мнение?
Что, что? Не бойтесь! Что ты, Хармиань!
Мои подруги! Видите ль, подруги!
Наш свет угас.

(Страже внизу.)

Друзья! Скрепите сердце;
Его мы похороним с полной честью
По римскому обряду, чтобы смерть
Гордилась нашей встречею. Пойдем:

Великий дух, твой дом захолодел.
Пойдемте! — есть отрада для сердец —
Решимость и немедленный конец.

АКТ V

Сцена 1

Лагерь Цезаря перед Александрией.
Входят Цезарь, Агриппа, Долабелла, Меценат,
Галл, Прокулей и другие.

Цезарь

Скажи ты, Долабелла, чтоб он сдался;
Ведь это всё напрасно, — да скажи,
Что, верно, на смех нам так медлит он.

Долабелла

Сейчас отправлюсь, Цезарь.

Долабелла уходит.

Входит Дерцет с мечом Антония.

Цезарь

Что это значит? Кто ты, что дерзнул
К нам так войти?

Дерцет

Меня зовут Дерцетом.

Антонию служил я; стоил он
Хороших слуг. Пока он мог стоять
И говорить, я жизни не падал
Против его врагов. Коль соизволишь,
Прими меня к себе; чем был ему,
Тем Цезарю я буду; не угодно —
Вот жизнь моя.

Цезарь

Что хочешь ты сказать?

Дерцет

Сказать, о Цезарь! что Антоний умер.

Цезарь

Надлом такой великой вещи громче
Раздаться должен. Содроганье света
Должно бы львов по улицам погнать,
А граждан по вертепам. Не один
Антоний умер: именем его
Полсвета звали мы.

Дерцет

Он умер, Цезарь.

Не от руки привычной палача,
Не от ножа убийцы; нет, рука,
Которой он чертил деянья славы,
Направлена отвагою сердечной,
Пронзила это сердце. Вот и меч,
Из раны я извлек его. На нем
След благородной крови.

Цезарь

Вы печальны,

Друзья. Да, эта весть, клянусь, царей
Заставит плакать.

Агриппа

Странно, что природа

В нас возбуждает плач над тем, чего
Мы добивались.

Меценат

Поровну в нем было

Добра и зла.

Агриппа

Подобный дух еще

Не правил человеком; но вы, боги!
Вложили в нас большие недостатки,
Чтобы людьми нас сделать. Цезарь тронут.

Меценат

В таком огромном зеркале, конечно,
Себя он должен видеть.

Цезарь

О Антоний!

Я к этому привел тебя, но мы
Взрезаем и болячки. Должно было,
Чтоб день паденья моего ты видел
Иль твой увидел я: обоим нам
Был тесен мир. Теперь дай плакать мне,
Как будто кровью сердца плачу я
Над тем, что ты, мой брат, мой соревнитель
В делах высоких, ровня мой по власти,
Друг и товарищ пред лицом войны,
Десница тела моего и сердце,
Которым я отогревал свое,
Что наши звезды так непримиримо
Нас разделили. Слушайте, друзья...
Нет, лучше расскажу в другое время.

(Входит посланный.)

И вид его о вести говорит.
Послушаем, что скажет. Ты откуда?

Посланный

Да бедный я египтянин. Царица,
В свой памятник сокрывшись под конец,
Желает знать намеренья твои,
Чтобы на всё себя приуготовить,
Что ты решишь.

Цезарь

Скажи, чтоб не боялась.
Я скоро дам ей знать через своих,
Как наше к ней почтительно и кротко
Решение. Не может Цезарь жить
И быть жесток.

Посланный

Так будь храним богами.

(Уходит.)

Цезарь

Послушай, Прокулей, ступай, скажи:
Ее стыдить мы не хотим; старайся
Ее по мере скорби утешать,

Чтобы она великодушной смертью
Не победила нас. Живая, в Риме
Она составит вечный нам триумф.
Ступай, не медля принеси ответ,
И как ее нашел ты.

Прокулей
Тотчас, Цезарь.

(Уходит.)

Цезарь
Галл, ты ступай с ним. Где же Долабелла,
Идти за Прокулеем?

Все
Долабелла!

Цезарь
Оставьте вы его; сейчас я вспомнил,
Зачем его послал, — он скоро будет.
Пойдем в палатку, докажу вам всем,
Как тяжело было мне начать войну,
Как в письмах я и вежливым и кротким
Старался быть. Пойдемте все за мной,
Всё покажу, чем вас уверить можно.

Все уходят.

Сцена 2

Александрия. Комната в памятнике.
Входят Клеопатра, Хармиань и Ира.

Клеопатра

Отчаянье мне позволяет вновь
Покойней видеть жизнь. Как беден Цезарь!
Не быв фортуной, он лишь раб фортуны,
Слуга ее причуд. Великий подвиг
То сделать, что кончает все дела,
Связует рок, оковывает случай, —
Уснул, и уж не хочется той грязи,
Которою и нищий сыт, и Цезарь.

Прокулей, Галл и солдаты подходят к памятнику
и останавливаются у двери.

Прокулей

От Цезаря египетской царице
Привет и просьба: обсуди, чем может
Тебе служить он.

Клеопатра

Как тебя зовут?

Прокулей

Мне имя Прокулей.

Клеопатра

Антоний мне

Советовал довериться тебе;
Но мне обман не страшен с той поры,
Как верность мне не в пользу. Если вождь твой
Царицу хочет видеть попрошайкой,
Скажи ему: величье не позволит
Просить мне меньше царства. Пусть отдаст
Он сыну моему Египет снова;
Он даст мне тем так много моего,
Что преклоню колени.

Прокулей

Будь покойна;

Ты в царственных руках, в том нет сомненья,
Вполне доверься моему владыке,
Он полон так щедрот, что их на всех
Несчастных разливает. Я ему
Скажу, как ты смирилась; и тебя
О том просить твой повелитель станет,
Чего теперь ты молишь на коленях.

Клеопатра

Скажи, что я, его покорна счастью,
В нем признаю владыку. Ежечасно
Учусь повиновенью и желала б
Лицо его увидеть.

Прокулей

Передам,

Не беспокойся: жребий твой прискорбен,
Я знаю, и виновнику его.

Г а л л

Ты видишь, как легко ее схватить.

Прокулей и два солдата влезают по лестнице и окружают Клеопатру. Солдаты отодвигают засовы и отворяют двери.

И р а

Царица! государыня!

Х а р м и а н ь

О Клеопатра! Ты в плену, царица!

К л е о п а т р а

Скорей, моя рука.

(Выхватывает кинжал.)

П р о к у л е й

(Хватает и обезоруживает ее.)

Стой, стой, царица!

Не наноси себе вреда; не предал
Тебя, а спас я.

К л е о п а т р а

Как, от смерти даже?

Собак, и тех она от мук спасает.

П р о к у л е й

Не избегай ты милостей вождя
Самоубийством: дай увидеть свету
Всё благородство дел его, ты их
Своею смертью сдержишь.

К л е о п а т р а

Где ты, смерть?

Сюда, приди, приди, возьми царицу,
Как женщин да ребят!

П р о к у л е й

О, успокойся!

К л е о п а т р а

Нет, я не буду есть, не буду пить,
А ежели начнут пустые толки,

Не буду спать. Свой бранный дом разрушу,
А Цезарь делай, что он может. Знай,
Я не пойду в цепях к его двору,
Смущать не будет трезвыми очами
Октавия меня. Ужели мне
Посмешищем обрадованной черни
Явиться в Риме? Лучше лечь в Египте
В трясины! Лучше в нильский ил меня
Нагую бросьте, чтоб от комаров
Я вспухла безобразно! Лучше, сделав
Из пирамиды виселицу, вы
Меня в цепях повесьте.

Прокулей

Ты рисуешь
В ужасных красках всё, но ждет тебя
У Цезаря иное.

Входит Долабелла.

Долабелла

Прокулей,
Всё, что ты сделал, Цезарю известно.
Он за тобою шлет, а у царицы
Я буду сторожить.

Прокулей

Что ж, Долабелла.
Я очень рад. Повезливей с ней будь.
(Клеопатре.)
Я Цезарю скажу, чего ты хочешь,
Коль доверяешь мне.

Клеопатра

Скажи, что смерти.

Уходят Прокулей и солдаты.

Долабелла

Царица, ты слыхала про меня?

Клеопатра

Не знаю.

Долабелла
Верю, ты меня уж знаешь.

Клеопатра
Слыхала или знаю, всё равно.
Смешно вам сны детей иль женщин слушать,
Не правда ли?

Долабелла
Я не пойму, царица.

Клеопатра
Мне снилось, будто властвовал Антоний,
О! вновь бы сон такой, чтобы опять
Такого мужа видеть!

Долабелла
Если хочешь...

Клеопатра
Был лик его подобен небу: в нем
Блистало солнце и луна, светя
На крошку-землю.

Долабелла
Мощное созданье.

Клеопатра
Ногами он шагал за океан,
Его рука была короной миру¹,
А голос чище всех поющих сфер,
Но для друзей; когда ж он им хотел
Потрясть испуганную землю, то
Гремел, как гром. А доброта его,
Зимы не зная, знала только осень,
Еще пышней растущую от жатв.
Он в радостях напоминал дельфина,
Весь никогда не погружаясь в них,
Короны, царства, острова, как мелочь,
Он сыпал из карманов.

¹ Геральдическое сравнение, взятое с гербов, у которых вместо короны рука с поднятым мечом.

Долабелла

Нет, царица.

Клеопатра

Ты лжешь и оскорбляешь слух богов.
Но если есть иль был когда такой,
То он превыше всяких снов: природа
Всегда мечтам уступит, но, создав
Антония, природа бьет мечтанья,
Назвав тенями их.

Долабелла

Позволь, царица,

Как ты сама, велика скорбь твоя,
И ты несешь, как можешь, эту ношу;
Но пусть ни в чем успеха не найду,
Коль грусть твоя не перешла ко мне
До глубины души.

Клеопатра

Благодарю.

Ты знаешь ли, что Цезарь мне готовит?

Долабелла

Мне тяжело об этом сообщать.

Клеопатра

Нет, я прошу.

Долабелла

Как он ни благороден...

Клеопатра

Он хочет увести меня в триумф?

Долабелла

Царица, это мысль его, я знаю.

(За сценой.)

Дорогу дайте! Цезарь!

Входят Цезарь, Галл, Прокулей, Меценат, Селевк и свита.

Цезарь

Которая царица тут Египта?

Долабелла

Вот повелитель наш, царица.

Клеопатра падает на колени.

Цезарь

Встань, не должна ты преклонять колен,
Прошу, царица, встань же, встань!

Клеопатра

Богам

Угодно, чтобы пред своим владыкой
Смирилась я.

Цезарь

Не будь ты так мрачна.

О всех обидах, нанесенных мне,
Хотя и кровных, я как о случайных
Готов забыть.

Клеопатра

Единый царь земли!

Я дел своих не в силах выставлять
В блестящем свете; сознаюсь, во мне
Пороки есть, которые нередко
Стыдили пол наш.

Цезарь

Клеопатра, знай:

Мы извиним скорей, чем увеличим;
И если ты исполнишь замысл мой
(К тебе столь благосклонный), то найдешь
В размене прибыль; если же меня
Жестоким выставишь, идя путем
Антония, то ты себя лишишь
Благих моих даров, детей повергнешь
В беду, какой я не готовил им,
Коль доверяешь мне. Я уйду.

Клеопатра

Ступай, весь мир тебе открыт: он твой;
А мы, значки твоей победы, будем,
Где поместишь. Сюда, мой повелитель.

Цезарь

Ты мне советуй в доме Клеопатры.

Клеопатра

Вот список денег, блюд и украшений
Моих: тут всё подробно сочтено,
Безделки не забыто. Где Селевк?

Селевк

Я здесь, царица.

Клеопатра

Вот мой казнохранитель; пусть он скажет,
Под страхом казни, утаила ль я
Что для себя. — Ты говори, Селевк!

Селевк

Царица!

Скорей с печатью буду на устах,
Чем тут скажу неправду.

Клеопатра

Что ж я скрыла?

Селевк

На скрытое объявленное купишь.

Цезарь

Нет, Клеопатра, не красней! твою
Я мудрость одобряю.

Клеопатра

Видишь, Цезарь!

Как тянет власть к себе: мои теперь твои;
Сменяй ты рок: твои моими будут.
Неблагодарность этого Селевка
Так злит меня. О, раб! ты не верней
Любви наемной! — Что бежишь? — Уйдешь —
Верь; но глаза твои поймаю, дай
Хоть крылья им. Бездушный раб, собака!
Какой подлец!

Цезарь

Приди в себя, царица!

Клеопатра

О, Цезарь! как обиден этот стыд;
Когда меня почтил ты посещеньем
И удостоил взора своего
Меня в беде, — мой собственный слуга
Теперь мое несчастье умножает
Своею злобой! Если б даже, Цезарь!
Я скрыла несколько безделок женских,
Пустых игрушек, из таких вещей,
Которыми дарят знакомых; если б
И отложила поценнее вещи
Для Ливии и для Октавии,
Чтоб их смягчить, — ужели изменять
Мне должен тот, кто взрос при мне? О Боже!
Пасть было легче. Сделай милость, прочь!

(Селевку.)

Иль дух мой бросит искры из золы
Моиx несчастий. Будь ты человек,
Ты б пожалел меня.

Цезарь

Уйди, Селевк.

Селевк уходит.

Клеопатра

Ты знаешь, нам, великим, не простят
Чужих пороков, — ежели мы пали,
То именем ответим за других —
И никому не жаль нас.

Цезарь

Клеопатра,

Ни скрытого, ни явленного мы
К добыче не причислим: всё твое,
Располагай по воле всем; и знай,
Что Цезарь не купец, чтобы искать
Продажных у тебя вещей. Не бойся;
Не делай мрачных дум своей тюрьмой;
Нет, нет, царица, мы с тобой поступим
По твоему совету. Ешь и спи:
Нам так близка судьба твоя и грусть,
Что я навек твой друг; итак, прощай.

Клеопатра
Мой повелитель!

Цезарь
Нет, не так. Прощай.

Трубный звук. Цезарь со свитой уходит.

Клеопатра
Слова, подруги, всё слова, чтоб я
Забыла честь. Послушай, Хармиань.

(Шепчет Хармиани.)

Ира
Кончай, царица; минул светлый день,
И мы идем во мрак.

Клеопатра
Скорей вернись:
Я там уже сказала; всё готово;
Ступай, поторопи.

Хармиань
Сейчас, царица.

Входит Долабелла.

Долабелла
Царица где?

Хармиань
Ты видишь.
Хармиань уходит.

Клеопатра
Долабелла?

Долабелла
Царица, призван волею твоей,
Которой я как бы святыне предан,
Скажу тебе, что Цезарь положил
Чрез Сирию идти и через три дни
Тебя с детьми твоими шлет вперед.
Воспользуйся известьем; твой приказ я,
Как обещал, исполнил.

Клеопатра
Долабелла,
Твоя должница я.

Долабелла
Я твой слуга.
Прощай, царица; к Цезарю спешу.

Клеопатра
Прощай, спасибо.
(Долабелла уходит.)
Ты что скажешь, Ира?

Египетская куколка и ты
На выставку со мной поступишь в Риме;
Рабочие, с передниками в зале,
С кирками, с молотками, приподымут
Нас напоказ, и будем мы вдыхать
Их смрадный запах.

Ира
Да спасут нас боги!

Клеопатра
Да, Ира, так-то. Ликторы-нахалы
Нас схватят, как блудниц; а рифмоплеты,
Паршивцы, воспоят нас; скоморохи
Сейчас же нас сыграют и представят
Пирь александрийские; Антоний
Представлен будет пьяным; а мальчишка,
Пицца, придаст великой Клеопатре
Движения развратницы.

Ира
О, боги!

Клеопатра
Да, это несомненно.

Ира
Мне этого не видеть; знаю: ногти
Мои крепче глаз.

Клеопатра
Да! это путь:
Сбить их приготовленья, осмеяться

Расчетам верным¹ их. — Что, Хармиань?

(Хармиань возвращается.)

Подруги, дайте лучший мой наряд:
Царицею отправлюсь к Цидну вновь
Антония встречать. Скорее, Ира.
Да, Хармиань, мы кончим непременно.
Сегодня, долг исполня свой, ступай
Гулять навек. Подай венец и всё.
Что там за шум?

Ира уходит.

За сценой шум. Входит один из стражей.

Страж

Поселянин какой-то

Тебя желает видеть непременно;
Он смокв тебе принес.

Клеопатра

Впусти. Какое бедное орудье
(страж уходит)
Великого. Он мне принес свободу.
Решилась я; и ничего во мне
Нет женского: от головы до ног
Вся мрамор я; непостоянный месяц
Уж не моя планета.

Страж возвращается с поселянином, несущим корзину.

Страж

Вот он сам.

Клеопатра

Уйди, и здесь его оставь.

(Страж уходит.)

С тобою ли красотка Нила, змейка,
Которой яд без боли убивает?

Поселянин

Да, со мной; но я не из тех, которые тебе бы посоветовали ее трогать. Ее укушение бессмертно. Те, которые от него умирают, редко или никогда не выздоравливают.

¹ В прежних изданиях: absurd, нелепым; у Колльера: assur's, верным.

Клеопатра

Не помнишь ли, кто умер от нее?

Поселянин

Очень многие мужчины да женщины. Не далее как вчера я слышал от одной: славная женщина, только отчасти охотница солгать, чего женщине делать не следует, разве честным путем. Вот она рассказывала, как она умерла от ее укушения и какие терпела боли. Действительно, она прекрасно отзывается о змейке; но кто поверит всему, что они говорят, не найдет проку и в половине того, что они делают. Но это не беспрерывная правда, что эта змейка — единственная змейка.

Клеопатра

Ступай себе, прощай.

Поселянин

Желаю тебе вдоволь натешиться над змейкой.

Клеопатра

Прощай.

Поселянин ставит на пол корзину.

Поселянин

Ты должна подумать, видишь ли, что змея все-таки змеиное отродье.

Клеопатра

Да, да; прощай.

Поселянин

Видишь ли, змее верить нельзя, разве в руках у людей знающих, ведь в змее нет ничего доброго.

Клеопатра

Не беспокойся, мы за ней присмотрим.

Поселянин

И хорошо. Не давайте ей, пожалуйста, ничего, потому что она не стоит корма.

Клеопатра

Что, съест она меня?

Поселянин

Не думай, чтобы я был так прост; я знаю, что сам черт не съест женщину; я знаю: женщина — блюдо для богов, если только черт его не приготовил; но, действительно, эти подлецы черти делают в отношении женщин много горя богам, потому что из десяти ими созданных черти, наверное, испортят пять.

Клеопатра

Ну, хорошо, ступай же, прощай.

Поселянин

Точно так: желаю тебе натешиться змейкой.

(Уходит.)

Ира возвращается с платьем, короной и прочим.

Клеопатра

Дай платью и надень венец: во мне
Позыв к бессмертию. Уж соку гроздий
Египетских не освежать мне уст.
Проворней, Ира. Кажется, я слышу:
Зовет Антоний; вижу, он восстал,
Хвалит мой подвиг; слышу, он смеется
Над Цезаревым счастьем; боги им
Дарят людей, чтоб извинить потом
Свою немилость. Я иду, супруг!
Отважная, так звать тебя не вправе!
Вся воздух, вся огонь, другим стихиям
Жизнь низшую отдам. Что вы совсем?
Примите ж с уст моих последний жар,
Друг Хармиань! Навеки, Ира!
(Целует их. Ира падает и умирает.)
Иль поцелуй мой жалит? Ты упала?
Коль с жизнью так легко рассталась ты,
То смерть разит, как будто щиплет милый:
С приятной болью. Как недвижна ты!
Так, отходя, ты миру говоришь,
Что с ним не стоит и прощаться.

Хармиань

Пролейте, тучи, дождь, и я скажу,
Что сами боги плачут.

Клеопатра

Стыдно мне:
Кудрявый к ней Антоний выйдет к первой,
Расспросит обо мне и передаст
Ей поцелуй, в котором неба жду.
Скорее, гад!
(К аспиду, которого достала из корзины.)
Разрежь смертельным зубом узел жизни
Запутанный, — бедняк мой ядовитый,
Позлись и кончи. О! когда б ты мог
Проговорить, ты б Цезаря назвал
Ослом.

Хармиань
Звезда Востока!

Клеопатра
Тише, тише!
Малютка, видишь, грудь мою сосет
И усыпит кормилицу.

Хармиань
О сердце!

Клеопатра
Как нектар, сладко, нежно, как дыханье,
И — о, Антоний! Нет, возьму еще.
(Прикладывает другого аспида к руке.)
Чего мне ждать.

(Падает на ложе и умирает.)

Хармиань
В пустынном этом мире? Да, прощай.
Гордись же, смерть, ты женщину прияла,
Каких уж нет. Пушистые окошки,
Закройтесь. Золотой не встретит Феб
Подобных глаз! Корона покачнулась
На ней, поправлю — и потом гулять.

Вбегают стражи.

1-й страж
А где царица?

Хармиань
Тише, не буди.

1-й страж
Цезарь прислал.

Хармиань
Ленивого посла.
(Прикладывает к себе аспиду.)
Скорей, кончай, чуть слышу я тебя.

1-й страж
Гей, вы! Здесь плохо: здесь обманут Цезарь.

2-й страж
Он Долабеллу шлет: покличь его.

1-й страж
Что ж, Хармиань? Благое это дело?

Хармиань
Прекрасное, достойное царицы,
Которой предки — длинный ряд царей.
А! Воин!

(Умирает.)
Входит Долабелла.

Долабелла
Что здесь?

2-й страж
Все умерли.

Долабелла
Недаром, Цезарь,
Ты этого боялся; сам придешь
Взглянуть на то, что так всегда желал
Предотвратить.

(За сценой.)
Прочь! — Цезарю дорогу!
Входит Цезарь со свитой.

Долабелла
О, властелин! ты истинный авгур:
Твой страх сбылся.

Цезарь
Геройская кончина:
Смекнула всё и царственно пошла
Своим путем. — Как умерли они?
Не вижу крови.

Долабелла
Кто тут был последний?

1-й страж
Простой поселянин принес ей смокв.
Вот и корзина.

Цезарь
Значит, яд.

1-й страж
О, Цезарь!
Вот Хармиань стояла, говорила,
При мне она поправила корону
На мертвой госпоже, да затряслась
И покатилась.

Цезарь
Доблестная слабость!
У них от яду опухоль была б
Наружная; она же словно спит
И ждет, чтоб в сеть красы другой Антоний
Запутался.

Долабелла
Здесь на груди у ней
Есть капля крови, да немного вспухло,
И так же на руке.

1-й страж
То аспидов следы; на листьях смокв
Есть слизь, какую аспид оставляет
В пещерах Нила.

Цезарь

Очень вероятно,
Что умерла она от них; мне врач ее
Рассказывал, как род легчайший смерти
Она искала. — С ложем взять ее
И женщин с ней из памятника вынести.
С Антонием ее похоронить:
И ни в одной могиле на земле
Такой четы не будет. Власть таких
Событий и на их творца влияет.
Потомства жалость не уступит славе
Виновника несчастья. Наше войско
Торжественно отправит погребенье —
И в Рим. Стань, Долабелла, во главе
Порядка при великом торжестве.

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Юлий Цезарь

Октавий Цезарь Марк Антоний М. Эмилий Лепид	} триумвиры по смерти Цезаря.
---	-------------------------------

Цицерон Публий Попилий Лена	} сенаторы.
-----------------------------------	-------------

Марк Брут Кассий Каска Требоний Лигарий Деций Брут Метелл Цимбер Цинна	} заговорщики против Юлия Цезаря.
---	-----------------------------------

Флавий
Марулл } трибуны.

Артемидор, книдский софист.
Гадатель.
Цинна, поэт.
Другой поэт.

Люцилий
Титиний
Мессала
Молодой Катон
Волюмний } друзья Брута и Кассия.

Варрон
Клит
Клавдий
Стратон
Люций
Дарданий } слуги Брута.

Пиндар, слуга Кассия.
Кальпурния, жена Цезаря.
Порция, жена Брута.
Сенаторы, граждане, стражи, слуги и прочие.

Место действия большею частью в Риме,
затем в Сардесе и, наконец, близ Филипп.

АКТ I

Сцена 1

Рим. Улица.

Входят Флавий, Марулл и толпа граждан.

Флавий

Пошли домой, бездельники, — домой!
Иль нынче праздник? Что ж! Вам неизвестно:
Работникам не сметь в рабочий день
Ходить без знаков своего занятия?
Твое какое ремесло, скажи?

1-й гражданин

Да я-то плотник.

Марулл

А где отвес и кожаный передник?
Зачем в одежде праздничной пришел?
А ты, твое какое ремесло?

2-й гражданин

По правде, в сравнении с тонким ремесленником, я занимаюсь только, так сказать, починкой.

Марулл

Да ремесло-то? отвечай прямой.

2-й гражданин

Ремесло, которым, надеюсь, могу заняться с чистой совестью: оно состоит в том, чтобы исправлять худые следы.

Флавий

Но ремесло? мошенник! ремесло!

2-й гражданин

Нет, прошу тебя, не надрывайся надо мной; а если что и надорвется, то я у тебя зачиню.

Марулл

Что ты под этим разумеешь? Чинить меня хочешь, нахал?

2-й гражданин

Да, произвести починку у тебя.

Флавий

Башмачник что ли ты?

2-й гражданин

Точно, я всю жизнь провозился с шилом. Я не занимаюсь ни купеческими, ни бабьими делами, а только шилом. Я действительно врач старых башмаков; когда им приходится худо, я их восстанавливаю. Лучшие люди, из ступающих на воловьку кожу, ходили на моем рукоделии.

Флавий

Зачем же ты теперь не в мастерской?
Зачем людей по улицам ты водишь?

2-й гражданин

По правде сказать, чтобы истрепать их башмаки; это прибавит мне работы. Но действительно мы не работаем, чтобы увидеть Цезаря и порадоваться его триумфу.

Марулл

Какая радость? Что ж он приобрел?
Каких он пленных к вам приводит в Рим,
Прикованных за пышной колесницей?
Дубины! камни! хуже, чем скоты!
О! Римляне без сердца и без чувств,
Не знали что ль Помпея? — Сколько раз
Влезали вы на стены и бойницы,
На крыши, окна и на трубы даже,
И, на руках держа детей, вы там
Сидели смиренно день-деньской, чтоб видеть,
Когда Помпей великий вступит в Рим.
Его едва завидя колесницу,
Не общий ли вы подымали крик,
Так что до дна, бывало, дрогнет Тибр,
Когда раздастся громкий ваш привет
По берегам извилистым его?
А не надели лучших вы одежд?
А не решились праздновать весь день?
Не сыплете цветов на путь тому,
Кто праздновать идет Помпея кровью?
Ступайте прочь!
Скорей домой, падите на колени
Молить богов об отвращеньи кар
За черную неблагодарность вашу.

Флавий

Так, добрые сограждане, сберите
За грех такой, бедняги, всех своих,
Сведите к Тибру их, — и лейте слезы
В его поток, пока на мелком месте
Он верхних скал не станет лобызать.

(Граждане уходят.)

Смотри, как чувства тронуты у них;
Сознав вину, они уходят молча.
Ты к Капитолию ступай, а я
Пойду сюда. Разоблачи кумиры,
Коли найдешь их в знаках торжества.

Марулл

Но можно ль нам?
Ты знаешь, нынче праздник Луперкалий.

Флавий

Да ничего; кумира не оставь
Ни одного ты в цезарских трофеях.
А я так с улиц прогоню народ;
Ты сделай то же, увидав толпу.
У Цезаря, как перья эти вырвешь,
Так он пониже спустится летать,
А то бы он, поднявшись вон из глаз,
Держал нас всех под раболепным страхом.

Уходят.

Сцена 2

Там же. Публичная площадь.

В торжественном шествии под музыку входят Цезарь;
Антоний, готовый для бега впуска¹; Кальпурния, Порция,
Деций, Цицерон, Брут, Кассий и Каска, за ним большая
толпа и гадатель.

Цезарь

Кальпурния!

Каска

Тс!.. Цезарь говорит.

(Музыка умолкает.)

Цезарь

Кальпурния!

Кальпурния

Я слышу, мой супруг.

Цезарь

Когда Антоний пустится бежать,
Стань прямо на пути его. — Антоний!

¹ В праздник Луперкалий даже знатные граждане бегали нагие по стогнам и били кожаными ремнями встречных. Удары эти, по мнению римлян, исцеляли бесплодных женщин.

Антоний
Владыко Цезары!

Цезарь
Спеша, ты не забудь, Антоний, тронуть
Кальпурнию: с бесплодных, говорят,
Лишь тронуть их в священном этом беге,
Снимается проклятье.

Антоний
Я припомню.
Что Цезарь скажет: «сделай», уж готово.

Цезарь
Начните; весь исполните обряд.
(Музыка.)

Гадатель
Цезары!

Цезарь
А! кто зовет?

Каска
Ну, не шуметь. — Молчать, вам говорят!
(Музыка умолкает.)

Цезарь
Кто это из толпы меня зовет?
Сквозь музыку, я слышу, прорвался
Крик: «Цезары!» Говори, внимает Цезарь.

Гадатель
Ид¹ марта берегись.

Цезарь
Кто он таков?

Брут
Гадатель просит в марте ид беречься.

¹ Иды — 15 число.

Цезарь

Привесть его; взгляну ему в лицо.

Каска

Гей, там в толпе! Ты к Цезарю ступай.

Цезарь

Ну, что ты говорил мне, повтори.

Гадатель

Ид марта берегись.

Цезарь

Да он мечтатель; пусть идет; пойдем.

Трубный звук; все уходят, кроме Брута и Кассия.

Кассий

Пойдешь ли ты обряд увидеть бега?

Брут

Я — нет.

Кассий

Прошу тебя, ступай.

Брут

Меня не тянет к играм, нет во мне
Веселости, какой Антоний дышит.
Тебе мешать я не намерен, Кассий,
И я тебя оставляю.

Кассий

Брут, за тобой с недавних пор слежу:
Я у тебя в глазах не вижу ласки
И той любви, к которой я привык.
Стал слишком сухо, жестко подавать
Ты руку преданному другу.

Брут

Кассий!

Не заблуждайся: если мрачен взор мой,
То обратил смущенное лицо
Я больше на себя. — С недавних пор
Враждебные меня тревожат страсти

И одному мне свойственные мысли; —
Быть может, тень их на меня легла,
Но пусть о том друзья мои не тужат
(И в их числе, конечно, Кассий, ты),
А видя лишь в небрежности моей,
Что бедный Брут, в войне с самим собой,
Встречать других любовью забывает.

К а с с и й

Так, Брут, не понял я твоей тоски,
Поэтому в груди своей таил
Я помыслы великого значенья.
Скажи мне, Брут, ты видишь ли свой лик?

Б р у т

Нет, Кассий, глаз себя не видит, разве
Чрез отраженье в чем-нибудь другом.

К а с с и й

Да, это верно;
И многие жалеют, Брут, о том,
Что пред тобой нет зеркала, чтоб видел
Ты доблести в нем тайные свои
И распознал бы тень свою. Я слышал
О Бруте толки самых лучших римлян
(Один бессмертный Цезарь не в числе).
Влача ярмо години, все желают,
Чтоб честный Брут глазами их взглянул.

Б р у т

К какой беде меня ведешь ты, Кассий,
Коль хочешь, чтобы я в себе искал,
Чего во мне и нет.

К а с с и й

Так слушать приготовься, добрый Брут:
Ты понял, что себя без отраженья
Ты не увидишь; я же, твой кристалл,
Тебе открою скромно про тебя же
Всё то, чего поныне ты не знал.
Ты, добрый Брут, меня не осуждай:
Когда б я был насмешник площадной,
Иль клятвою обычной заверял
В любви всех встречных; если б ты узнал,

Что людям льщу и висну я на них,
А за спиной ругаюсь; или узнаешь,
Что на пирах отдать себя готов
Я всякому, тогда страшись меня.

(Трубный звук и радостные клики.)

Брут

Что там за клики? Я боюсь, народ
Венчает Цезаря.

Кассий

Так ты боишься?
Не хочешь, значит, чтобы это было.

Брут

Нет, не хочу, хотя его люблю.
Но для чего меня ты держишь, Кассий?
И что такое хочешь мне внушить?
Коль речь о благе общем, ставь пред оком
Одним мне честь, а смерть — перед другим,
И я смотреть на обе стану равно.
Пусть я храним богами в той же мере,
В какой мне честь милей, чем смерть страшна.

Кассий

В тебе я доблесть так же знаю, Брут,
Как внешние твои черты я знаю. —
Так точно, честь — предмет моих речей. —
Не знаю я, как ты иль кто иной
Глядят на жизнь; но лично для меня
Желал бы лучше я не жить, чем жить,
Страшась такого ж существа, как я.
Свободным родился я, как и Цезарь,
Ты тож; питались оба мы, как он;
Как он, мы оба сносим зимний холод;
Однажды в бурный и суровый день,
Когда смятенный Тибр плескался в берег,
Сказал мне Цезарь: «Можешь ли ты, Кассий,
Прыгнуть со мной в сердитую волну
И вон туда доплыть?» При этом слове,
Одетый, я, во всём как был, прыгнул
И звал его с собой: прыгнул и он. —
Поток ревел, но бойкими руками
Дея его, мы гнали вбок волну,

И напирали непреклонной грудью.
Но не доплыв до цели, Цезарь вскрикнул:
«На помощь, Кассий, или утону».
И, как Эней, великий предок наш,
Что из горящей Трои на плечах
Анхиза вынес, вытащил из Тибра
Я Цезаря. И этот человек
Стал божеством, а Кассий стал ничтожным
Созданием и должен спину гнуть,
Когда ему кивнет небрежно Цезарь.
В Испании был в лихорадке он,
И, как его, бывало, схватит, вижу,
Как он дрожит: да, этот бог дрожал.
Сбежал и цвет обычный с робких уст,
И этот взор, что ныне страшен миру,
Утратил блеск. — Я слышал, он стонал;
Да и язык, что заставляет римлян
Внимать и речь записывать его,
Увы! кричал: «Титиний, дай напиток»,
Как девочка больная. Боги! странно,
Что человек столь слабого сложенья
Потряс величье мира — и один
Себе взял пальму.

(Радостные клики и трубы.)

Брут

Снова клик всеобщий!

Я убеждаюсь, это рукоплещут
Тем почестям, что Цезарь вновь стяжал.

Кассий

Да, Брут, стоит над этим тесным миром
Он как колосс, а, маленькие люди,
Мы бродим меж его громадных ног,
Ища себе могилы недостойной.
Но часто мы — творцы своей судьбы:
Не наши звезды, добрый Брут, а мы
Тому виной, что стали мы бессильны.
Что Брут, что Цезарь: что ж такое Цезарь?
Чем это имя твоего звучней?
Хоть рядом напиши — одна краса,
Произнеси, — все то же и для уст,
Взвесь, — равный вес, — стань ими заклинать, —
Брут на духов воздействует, как Цезарь.

Нет, ты скажи, во имя всех богов,
Чем, наконец, питается наш Цезарь,
Что вырос так? Век! Ты покрылся срамом.
Рим! Ты забыл рождать мужей великих.
Когда ж был век от самого потопа,
В котором был бы славен лишь единый?
Когда ж сказать об Риме было можно:
В его стенах¹ один лишь человек.
О! мы с тобой слышали от отцов,
Что был когда-то Брут, который в Риме
Скорее б стал терпеть толпу чертей,
Чем повелителя.

Б р у т

В твоей любви ко мне не сомневаюсь;
К чему меня влечешь, отчасти вижу;
Что думаю о всём я современном,
Впоследствии скажу. Теперь как друга
Тебя прошу, чтоб больше ты меня
Не побуждал. О том, что ты сказал,
Раздумаю; то, что сказать имеешь,
Найду я время выслушать спокойно
И рассудить о деле столь высоком.
До той поры вот что обдумай, друг:
Брут лучше быть готов поселянином,
Чем сыном Рима величать себя
При тягостных условиях, какие,
Мне кажется, возложит век на нас.

К а с с и й

Я рад, что слабой речию своей
Огня хоть столько мог извлечь из Брута.

Б р у т

Окончен бег, и Цезарь воротился.

Возвращается Цезарь со свитой.

К а с с и й

Как подойдут они, так дерни Каску
Ты за рукав; он с резкостью обычной
Расскажет о событиях важных дня.

¹ Вместо прежнего walks, пространство, у Колльера walls, стены.

Брут

Изволь. Однако, посмотри же, Кассий,
Как светит гнев на Цезарском челе,
У прочих вид обруганной прислуги,
Кальпурния бледна, а Цицерон
Глядит глазами раздраженной крысы,
Как будто бы в Капитолийском преньи
Сенаторы пошли против него.

К а с с и й

Нам скажет Каска, что такое там.

Цезарь

Антоний!

А н т о н и й

Цезарь!

Цезарь

Ко мне людей давай ты потучней
Да с лысиной, таких, что ночью спят.
У Кассия сухой и тощий вид,
А всё от дум: такой народ опасен.

А н т о н и й

Не бойся, Цезарь, не опасен он:
Он благородный римлянин и дельный.

Цезарь

Будь он потолще; мне-то он не страшен,
Но если б с именем моим совместен
Был страх, то был бы всех мне тяжелей
Поджарый Кассий. Он читает много,
Он зоркий наблюдатель, он провидит
Дела людские; он не любит игр,
Как ты, Антоний, музыки не любит,
Смеется редко и смеется так,
Как будто над самим собой за то,
Что вызвало в нем что-либо улыбку.
Такие люди вечно беспокойны,
Пока над ними высший кто-нибудь;
Вот почему они всегда опасны.
Я говорю, чего страшиться можно,
А не чего страшусь: ведь всё я — Цезарь.

Ты справа стань, я глух на это ухо,
И мне открой, как думаешь о нем.

Цезарь со свитой уходят, Каска остается.

К а с к а

Меня ты дернул за рукав: в чем дело?

Б р у т

Да, расскажи нам, Каска, что случилось,
И отчего так Цезарь мрачен стал?

К а с к а

Ведь ты же был с ним, или не был ты?

Б р у т

Тогда б не стал спрашивать я Каску.

К а с к а

Ну, ему предлагали корону, а когда предложили, он отклонил ее кистью руки, вот так; и народ поднял радостные клики.

Б р у т

Чему ж они воскликнули вторично?

К а с к а

Ну, да тому же.

Б р у т

Кричали трижды: в третий раз чему?

К а с к а

Ну, да тому же.

Б р у т

Корону разве трижды предлагали?

К а с к а

Да, действительно так, и он трижды отклонял ее, но с каждым разом слабее прежнего, и за каждым разом честные мои соседи подымали радостные клики.

Б р у т

Кто предлагал ему корону?

К а с к а

Да Антоний.

Б р у т

Скажи, как было дело, добрый Каска.

К а с к а

Я скорей в состоянии повеситься, чем рассказать, как было дело. Это больше было шутовство, на которое я не обращал внимания. Я видел, Марк Антоний предложил ему корону — собственно не корону, а так, вроде венка, и, как я вам сказывал, он отклонил ее раз; но при всем том, он, по-моему, рад был бы взять ее. Тот предложил вторично: он вторично отклонил ее; но, по-моему, тяжело ему было отнять от нее свои пальцы. Тогда тот ее предложил ему в третий раз: он отклонил ее в третий; и за каждым его отказом толпа подымала клики, шлепала корявыми руками, швыряла вверх свои потные шапки и распространяла такое смрадное дыхание по поводу непринятия Цезарем короны, что Цезарь едва не задохнулся. Ему сделалось дурно, и он упал. А я, с своей стороны, боялся засмеяться, чтобы не раскрыть рта и не надышаться зловония.

К а с с и й

Постой, скажи. Так сделалось с ним дурно?

К а с к а

Он упал на площади, с пеной у рта, и не мог говорить.

Б р у т

Ведь у него падучая болезнь.

К а с с и й

Нет, не у Цезаря; вот ты, да я,
Да честный Каска, мы теперь в падучей.

К а с к а

Не понимаю, что ты под этим разумеешь, знаю только, Цезарь упал. Будь я бесчестный человек, если эти оборванцы не рукоплескали и не свистали ему, смотря по тому, нравился ли он им, или не нравился, как они это делают с комедиантами на театре.

Б р у т

Что ж он сказал, когда пришел в себя?

К а с к а

Вот, прежде еще чем упал, заметя радость толпы тому, что он отказался от короны, он как рванет на себе тунику и давай им предлагать перерезать ему горло. Будь я какой-нибудь ремесленник и если бы я не поймал его на слове, то пусть бы провалился с этими подлецами, — а тут он упал. Когда пришел опять в себя, то сказал, что, если сделал или сказал неприличную вещь, просить их милость счесть это следствием болезни. Три или четыре бабы подле меня воскликнули: «Эко, добрая душа!», — и простили ему от чистого сердца; но это ровно ничего не значит: если бы Цезарь зарезал их матерей, они поступили бы не иначе!

Б р у т

И вслед за тем так мрачен он ушел?

К а с к а

Да.

К а с с и й

А Цицерон сказал ли что-нибудь?

К а с к а

Он говорил по-гречески.

К а с с и й

Чего же он хотел?

К а с к а

Да если я скажу вам это, то пусть не увижу вас более в лицо: но те, которые понимали его, смеялись между собою и качали головами: для меня же, собственно, это было тарбарской грамотой. Могу рассказать вам еще новость вот какую: Марулла и Флавия, за то что сорвали повязки с статуй Цезаря, угомонили. Прощайте. Много еще было глупостей, да всего не припомнишь.

К а с с и й

Придешь ли ты ко мне на ужин, Каска?

К а с к а

Нет, я уже другому обещался.

К а с с и й

Ну так придешь ко мне обедать завтра?

К а с к а

Да, если буду жив и ты не сойдешь с ума, и обед твой будет стоить труда его съесть.

К а с с и й

Ну хорошо, я буду ждать тебя.

К а с к а

Ну ладно; прощайте оба.

(К а с к а уходит.)

Б р у т

Каким теперь он грубым малым стал,
А пылок был, когда ходил он в школу.

К а с с и й

Таков еще поныне он во всех
Отважных, благородных предприятиях,
Хоть принимает неуклюжий вид.
Он грубостью своею приправляет ум,
И от того варит людской желудок
Охотнее слова его.

Б р у т

Да, это так. — Пока тебя оставлю.
Коль завтра хочешь говорить со мной,
Я в дом к тебе приду, а пожелаешь,
То приходи ко мне, — я буду ждать.

К а с с и й

Так жди. Меж тем размысли о делах.

(Б р у т уходит.)

Да, Брут, ты благороден, но я вижу
Твой честный нрав быть может отклонен
От сродного ему: вот почему
Искать себе подобных должен честный.
Где тот, кого нельзя совлечь с пути?
Мне Цезарь враг, а Брута любит он.
Но если б я был Брут, а он был Кассий,
Ему бы мной не править. В эту ночь

Ему в окошки почерков различных
Записки брошу, как бы разных граждан.
Во всех скажу: какого мненья Рим
Высокого о нем, да вставлю темный
На честолюбье Цезаря намек.
И вслед за тем пусть Цезарь бережется,
Столкнем его, иль тяжко нам придется.

Уходит.

Сцена 3

Там же. Улица. Гром и молния.
Входят с разных сторон Каска с обнаженным мечом
и Цицерон.

Цицерон

Здорово. Ты от Цезаря ли, Каска?
Чего так тяжко дышишь и расстроен?

Каска

Ты не смущен, когда весь шар земной
Дрожит, как зыбкий лист? О, Цицерон!
Видал я бури, при которых ветер
Колол дубы корнистые, видал я,
Как океан, сердясь и пенясь, рос
И восставал на тучи громовые;
Но никогда по нынешнюю ночь
Не шел еще под огненным дождем.
Иль спор возник междуособный в небе,
Иль мир своей надменностью богов
Послать ему заставил разрушенье.

Цицерон

Так ты еще чудесней видел вещи?

Каска

Невольник (знаешь сам его в лицо)
Приподнял руку левую, и, вспыхнув,
Она, как двадцать факелов, светила,
А для руки безвреден был огонь.
Да вот (с тех пор меча я не влагал)
У Капитолия я встретил льва:
Он грозно глянул на меня и прочь

Пошел, меня не тронув; сбились в кучу
До сотни бледных женщин, искаженных
Испугом, и клялись, что в их глазах
По улицам шли люди все в огне.
А вот вчера ночная птица в полдень
Уселась как раз на площади,
Крича и укая! Когда так много
Чудес собралось, пусть не говорят:
«Причина вот такая, — это просто»,
А я уверен, не добро сулят
Они стране, в которой показались.

Цицерон

Да, странным духом веет это время,
Но люди часто свой отыщут смысл
В вещах, вполне значенью их обратный.
Придет ли Цезарь завтра в Капитолий?

Каска

Наверно. Он Антония просил
Сказать тебе, что там он будет завтра.

Цицерон

Так доброй ночи, Каска; в эту бурю
Нельзя ходить.

Каска

Прощай же, Цицерон.

(Цицерон уходит.)

Входит Кассий.

Кассий

Кто это?

Каска

Римлянин.

Кассий

Звук речи Каски.

Каска

Твой слух недурен. Кассий, что за ночь?

К а с с и й

Отличнейшая ночь для честных граждан.

К а с к а

Кто помнит небо полным так грозой?

К а с с и й

Тот, кто вины так полной землю помнит.
А я вот всё по улицам ходил
И подвергал себя опасной ночи.
И так без пояса, как видишь, Каска,
Грудь подставлял я громовой стреле:
И только синей молнии извив
Разрежет небо — выставлю себя
Я целию прямой ее лучу.

К а с к а

Зачем же так ты небо искушал?
Судьба людей бояться и дрожать,
Когда владыки-боги посылают
Таких ужасных вестников беды.

К а с с и й

Ты, Каска, туп; тебе той искры жизни,
Что в римлянах должна быть, недостало
Или не нужно. Ты смущен и бледен,
И полон страха, растерялся весь,
Увидя гнев необычайный неба;
Но если б ты причину знать хотел,
Зачем огни и привиденья бродят,
Что свойства птиц меняет и зверей,
Что старцев учит врать, детей пророчить,
Что обращает каждой вещи вид
Естественный и ей всегда присущий
В чудовищность: тогда бы ты нашел,
Что небо этот дух внушает им,
Орудиям угроз и увещаний,
Стране с таким чудовищным устройством.
Я мог бы, Каска, и того назвать,
Кто очень сходен с этой ночью грозной,
Гремит, сверкает, разверзает гробы
И, как Капитолийский лев, рычит.
Он не сильнее тебя или меня

По личной силе, только вырос страшно
И грозен, как вот этот чудный взрыв.

К а с к а

На Цезаря намек; — не так ли, Кассий?

К а с с и й

Будь он кто б ни был; те же все у римлян
И плоть, и кровь, что и у предков были,
Но в нас, увы, отцовский умер дух,
Дух матерей руководитель наш;
Ярмо и гнет в нас обличают женщин.

К а с к а

Да, говорят, сенаторы назавтра
Решились Цезаря признать царем
С тем, чтоб венец на море и на суше
Носил он вне Италии, везде.

К а с с и й

Тогда я знаю, где носить кинжал свой;
От рабства Кассий Кассия спасет:
Вот в чем вы, боги, дали слабым силу,
Вот в чем вы, боги, пагубны тиранам.
Ни стены башен, ни литая медь,
Ни мрак тюрьмы, ни связь цепей железных
Не могут силы духа удержать.
И жизнь, когда ей ноша мира в тягость,
Всегда властна сама себя увольнить.
Я это знаю, пусть же знает свет:
Тиранства часть лежащую на мне
По воле свергнуть я могу.

К а с к а

Я тоже.

Так каждый раб хранит в своих руках
Власть уничтожить собственное рабство.

К а с с и й

Да как же Цезарь сделался тираном?
Бедняк! я знаю, он бы не был волком,
Будь римляне не овцы перед ним;
Не стал бы львом, будь римляне не лани.
Кто хочет скоро вздуть большой огонь,

Берет соломы горсть: что Рим за дрянь,
За сор и за отребье, чтобы презренным
Быть матерьялом к освященью вещи
Такой пустой, как Цезарь? — Но, мой гнев!
Куда меня завел ты? Говорю
Перед рабом, быть может, добровольным
И должен буду дать ответ; но я
Вооружен и не боюсь напастей.

К а с к а

Ты с Каской говоришь, и не был он
Наушник подлый. Вот моя рука:
Ищи друзей, чтоб злу всему помочь,
И я не ближе всякого шагну
Ногой вот этой.

К а с с и й

Значит, по рукам.
Так знай же, Каска, многих я успел
Из римлян благомыслящих склонить
На предприятие общее, — исход
Которого почетен и опасен.
Я знаю, что теперь все ждут меня
Под портиком Помпея: в эту ночь
Не весело по улицам ходить,
И состоянье самое стихий,
Уподобляясь делу наших рук,
Вполне кроваво, огненно и страшно.

Входит Цинна.

К а с к а

Постой немного; кто-то к нам спешит.

К а с с и й

То Цинна, я походку узнаю;
Он друг. — Чего ты, Цинна, так спешишь?

Ц и н н а

Ищу тебя. Кто здесь? Метелл ли Цимбер?

К а с с и й

Нет, это Каска, наш сообщник в деле.
А что, меня не ожидают, Цинна?

Ц и н н а

Я очень рад. Вот страшная-то ночь!
Двум-трем из наших призраки являлись.

К а с с и й

Меня не ждут ли? Говори.

Ц и н н а

Да, ждут.

О, Кассий! Если б мог ты к нашей цели
И Брута благородного склонить.

К а с с и й

Не беспокойся, Цинна, вот письмо,
Вложи его ты в преторское кресло,
Чтоб Брут его нашел, а это кинь
В его окошко, это воском ты
К статуе Брута старого прилепишь;
Всё конча, в дом Помпея к нам вернись.
А что, Требоний там и Деций Брут?

Ц и н н а

Все, одного Метелла Цимбра нет.
Он за тобой к тебе пошел. Спешу
Записки разместить, как ты просил.

К а с с и й

Потом явись к Помпееву театру.

(Цинна уходит.)

Пойдем, мой Каска; нам с тобой застать
В дому еще до света должно Брута.
Три четверти в нем наши, а всего
Себя отдаст он нам при первой стычке.

К а с к а

О! Как высок в народных он сердцах:
То, что у нас предстало бы пороком,
Одна его наружность, как алхимик,
В достоинство и доблесть превратит.

К а с с и й

Его и как нам нужен вид его,
Представил очень верно ты. Пойдем.

Уж полночь теперь, и до зари
Его разбудим и уговорим.

АКТ II

Сцена 1

Там же. Брутов сад. Входит Брут.

Брут

Гей, Люций! встань!
Я не могу по положенью звезд
Судить, как утро близко. Люций, слышишь!
Как спит; вот мне бы этот недостаток.
Ну, Люций, ну? Вставай же, слышишь, Люций!

Люций входит.

Люций

Ты кликал, господин?

Брут

В рабочую мою дай светоч, Люций.
Когда зажжешь, приди меня позвать.

Люций

Исполню, господин.

(Уходит.)

Брут

Один исход тут — смерть его. А я
Его столкнуть причин не знаю личных,
Но ради общих. Он венца желает.
Насколько это в нем изменит дух, —
Вопрос. Лишь знойный день рождает змей;
Ходить при этом должно осторожно.
Ему венчаться? Это, — тут, ручаюсь,
Ему дадим мы жало, чтобы мог он
По воле им вредить. Величье — зло,
Когда оно от совести отделит
Власть; говоря об Цезаре по правде,
Не помню я, чтоб страсти превышали
Рассудок в нем. Но — общая заметка, —

Смиренье — лестница для честолюбцев,
Кто лезет вверх, лицом к ней обращен;
А кто достигнул самой высшей точки,
Тот к лестнице уж обращает тыл,
И смотрит вверх, смеясь ступеням нижним,
По коим взлез. Так сделать Цезарь может:
Предупредим, пока он так не сделал;
И если не оправдывает он
Еще вражды к нему, рассудим вот как:
Коль увеличить то, чем он теперь,
Так или этак может выйти крайность;
Затем считать его яйцом змеи
С зародышем, опасным по природе,
И в скорлупе еще убить его.

Люций возвращается.

Люций

Свечу зажег я в комнате твоей;
Искав кремня, нашел вот на окне
Письмо с печатью; не было, я знаю,
Такого там, когда я шел в постель.

(Подает ему письмо.)

Брут

Ступай опять в постель: еще не день.
Не завтра ли, скажи мне, иды марта?

Люций

Не знаю, господин.

Брут

Взгляни-ка в календарь, да мне скажи.

Люций

Исполню, господин.

(Уходит.)

Брут

Так испаренья в воздухе сверкают
И свет такой, что я могу читать.

(Вскрывает письмо и читает.)

«Брут, ты уснул: встань, на себя взгляни!
Иль Риму?.. Говори, рази, спасай!

Брут, ты уснул, — восстань!»
Подобные внушения везде
Мне подымать случалось не раз.
«Иль Риму?..» Вот как я дополнить должен:
Иль Риму пред одним дрожать? Как! Риму?
Мой предок некогда из Рима выгнал
Тарквиния, лишь он царем был назван.
А «говори, рази, спасай!» — иль призван
И говорить я и разить? О! Рим,
Клянусь, что в деле твоего спасенья
Получишь всё от Брутовой руки.

Люций возвращается.

Люций

Четырнадцать дней марта миновалось.

(Слышен стук извне.)

Брут

Ну, хорошо. Ступай к дверям, стучат.

(Люций уходит.)

С тех пор, что Кассий так восстанавливал
На Цезаря меня, я не уснул.
Меж исполненьем страшного поступка
И первым побуждением — всё время
Как будто призрак или гнусный сон:
У духа и его орудий смертных
Совет, — весь человеческий состав,
Как небольшое государство, терпит
Всеобщего восстания пору.

Люций возвращается.

Люций

За воротами брат твой Кассий¹, он
Тебя желает видеть.

Брут

Он один?

Люций

Нет, там их много с ним.

¹ По Юнии — сестре Брута и жене Кассия.

Брут

Ты знаешь их?

Люций

Нет, шляпы так опущены у них
И лица так укутаны плащами,
Что я никак не в силах распознать
В них признака малейшего.

Брут

Впусти их.

(Люций уходит.)

То соучастники. О, заговор!
Стыдишься ты открыть чело в ночи,
Когда свободней зло. О! где же днем
Найдешь такую темную пещеру,
Чтоб скрыть свой страшный лик? Нет, не ищи.
Прикрой его улыбкою и лаской:
Но выйди ты таким, каков ты есть,
То сам Эрев достаточно не темен,
Чтобы тебя от подозренья скрыть.

Входят Кассий, Каска, Деций, Цинна,
Метелл Цимбер и Требоний.

Кассий

Боюсь, тебя мы слишком беспокоим:
Брут, с добрым утром; кстати ль мы пришли?

Брут

Я встал давно; не спал всю эту ночь.
Тех, что пришли с тобою, знаю ль я?

Кассий

Да, каждого из них, и каждый здесь,
Тебя глубоко уважая, хочет,
Чтобы и сам ты мнение разделял
Всех благородных римлян о тебе.
И вот Требоний.

Брут

Очень рад ему.

К а с с и й

Вот Деций Брут.

Б р у т

И этому я рад.

К а с с и й

Вот это Каска, а вот это Цинна,
С Метеллом Цимбром.

Б р у т

Всем я очень рад.
Какие же бессонные заботы
Легли у вас меж ночи и очей?

К а с с и й

Могу ль одно я слово сообщить?

(Шепчутся.)

Д е ц и й

Вот здесь восток: не здесь ли день встает?

К а с к а

Нет.

Ц и н н а

О! извини, — те серые полоски
По облакам уж предвещают день.

К а с к а

Сознаетесь вы оба, что ошиблись.
День всходит здесь, куда мой кажется меч;
Значительно оно сдается к югу,
Коль время года раннее расчесть.
Через два месяца на север выше
Подвинет солнце свой огонь, и прямо
Над Капитолием тогда восток.

Б р у т

Все дайте мне поочередно руки.

К а с с и й

И клятвою свой замысл утвердим.

Б р у т

Не нужно клятв: коль облик человека,
Страданье наших душ, вражда времен
Бессильны вас подвинуть — расходитесь
И каждый ляг на праздную постель.
Да властвует надменное тиранство
И каждого по жребию разит.
Но если в них, в чем я уверен, хватит
Огня разжечь трусливых и отвагой
Дух слабых женщин закалить, тогда,
Сограждане, что нас сильней подвинет,
Чем собственное дело возрожденья?
Какая связь надежней тайны римлян,
Сказавших слово, чтоб его хранить?
Каких нам клятв, коль честь сказала чести:
«Так быть должно, не то мы все умрем?»
Клянутся пусть жрецы, лгуны и трусы,
Старье-скелеты, слабые душонки,
Способные приветствовать обиду.
Пусть чернь клянется, коль не верят ей,
Но не порочь ты нашего решенья,
Неукротимой силы наших душ,
Предположив, что замысл наш иль дело
Нуждаться могут в клятве, — если каждый
Сын Рима каждой чистой каплей крови,
В опасности быть выродком отдельным,
Нарушит хоть малейшую частицу
Того, что он однажды обещал.

К а с с и й

Что ж Цицерон? Изведать нам его?
Мне кажется, за нас он постоит.

К а с к а

Его не должно упускать.

Ц и н н а

Никак.

М е т е л л

О! Дайте нам его: его седины
Нам мненье доброе приобретут
И голоса сберут за наше дело:
Все скажут, что он нас своим рассудком

Руководил, и пыл наш молодой
Вполне потонет в важности его.

Б р у т

О, прочь его! ему не доверяйте.
Он никогда не примется за дело,
Начатое другим.

К а с с и й

Так прочь его.

К а с к а

Он точно нам нейдет.

Д е ц и й

Что ж, иль один погибнуть должен Цезарь?

К а с с и й

Ты, Деций, прав. Мне кажется, не должно,
Чтоб Марк Антоний, Цезарев любимец,
Мог пережить его: мы в нем найдем
Искусного проныру; вам известно,
Что если в ход свои он пустит средства,
То нас стеснит? чтоб это отвратить,
Пусть с Цезарем падет Антоний вместе.

Б р у т

Наш путь бы слишком стал кровав, Кай Кассий:
Снять голову и члены изрубить
Всё то же, что по злобе умертвить
И ненавидеть вслед еще за тем.
Антоний член ведь Цезаря, не боле.
Пусть, Кай, жрецы, не мясники мы будем.
На Цезарев мы все восстали дух,
А в духе человека крови нет.
О! если б нам дух Цезаря настигнуть,
А Цезаря не трогать! Но, увы!
За дух свой должен Цезарь пасть. — Друзья,
Убьем его отважно, но не злобно,
Будь он сражен, как жертва для богов,
А не забит, как падаль для собак.
Пусть в нас сердца, как умные владыки
На буйный подвиг подбивают слуг,
Потом бранят для виду. Так наш подвиг

Предстанет неизбежным, а не злым;
Так в нас найдут общественные взоры
Лишь очистителей, а не убийц.
А Марк Антоний, что о нем и думать:
Он Цезаревой не сильней руки
Без Цезаревой головы.

К а с с и й

А мне он
Тем страшен, что так Цезаря любя...

Б р у т

Эх, добрый Кассий, ты о нем не думай.
Ведь Цезаря любя, он только в силах
За Цезаря страдать и умереть.
И это много, потому что предан
Веселью он, разгулу и пирам.

Т р е б о н и й

Он не спасен; но пусть не умирает:
Он будет жить и хохотать над всем.

(Колокол звучит.)

Б р у т

Тсс! надо счесть удары.

К а с с и й

Било три.

Т р е б о н и й

Пора нам разойтись.

К а с с и й

Но неизвестно:

Что, выйдет нынче Цезарь, или нет;
С недавних пор он предрассудков полн,
В противность прежним мнениям своим
О снах, воображеньи и обрядах.
Быть может, эти чудные явления,
Необычайный ужас этой ночи
И мнения авгуров убедят
Его нейти сегодня в Капитолий.

Д е ц и й

Не бойтесь: если б он и согласился,
Я убежду его; он любит слушать,
Что деревом единорога ловят¹,
Медведей — зеркалами, рвом — слона,
Сетями — льва, а человека — лестью.
Но я скажу, что гонит он лстецов,
И обольщенный, он ответит: «Точно».
Поверьте дело мне;
Желанья в нем сумею я склонить
И приведу его к вам в Капитолий.

К а с с и й

Нет, лучше все мы звать его пойдем.

Б р у т

В осьмом часу: не правда ли, не позже?

Ц и н н а

Не позже, да никто не опоздай.

М е т е л л

А Цезарю и Кай Легарий враг.
За выговор, что похвалил Помпея:
Дивлюсь, никто не вспомнит про него.

Б р у т

Да, да, Метелл, сходи-ка ты за ним:
Он предан мне, я был ему полезен.
Пришли его, а я его настрою.

К а с с и й

Нас утро гонит: мы уходим, Брут. —
Друзья, рассыпьтесь; помните, что сказали,
Чтоб римлянами показать себя.

Б р у т

Друзья, смотреть бодрей и веселей,
Чтоб замысл наш во взорах не был явен.
Как римские актеры наши — твердо

¹ Охотник, будто бы, раздражив единорога, прятался за дерево; а зверь, вонзивши в дерево свой рог, становился добычей ловца. Медведь, увидав себя в зеркале, не обращает внимания на охотника.

И не смущаясь, исполняйте всё.

Затем желаю доброго вам утра.

(Все уходят, кроме Брута.)

Гей! Люций! — Крепко спит? Да не беда,

Вкушай же сна медвяную росу:

Нет у тебя ни образов, ни грез,

Рождаемых в мозгу людей заботой.

Вот ты и крепко спишь.

Входит Порция.

Порция

Брут! мой супруг!

Брут

Что скажешь, Порция? Зачем ты встала?

Нельзя себя с твоим сложеньем нежным

Суровой стуже утра подвергать.

Порция

Да и тебе. Невежливо ты, Брут,

Ушел с моей постели, а вечер,

Вскочив из-за трапезы, стал ходить

Да всё вздыхал, крестом сложивши руки.

И на мои вопросы, что с тобой,

Ты на меня смотрел, глаза уставя;

Я стала приставать, — ты тер свой лоб

И в нетерпении ногой затопал;

Я пристаю, ты все-таки молчишь,

Но, замахав рукой сердито, ты

Даешь мне знак уйти. — Я уйду,

Боясь еще усилить нетерпенье,

Которым ты пылал, и в то же время

Надеясь, что всему причиной вспышка,

Каким приходит час у всех мужчин.

Но ты не ешь, не говоришь, не спишь;

И если б мог твой вид так измениться,

Как это всё твой изменило нрав,

Тебя бы, Брут, я не узнала. — Друг мой,

Позволь мне знать, чего ты так грустишь.

Брут

Мне не совсем здоровится и только.

Порция

Брут мудр — и будь он не совсем здоров,
То средства бы искал он быть здоровым.

Брут

Сыщу. — Ступай же, Порция, в постель.

Порция

Коль болен Брут, здорово ль так ходить
Полунагим и утренний туман
Ему вдыхать? Как! Если болен Брут,
Что ж бросил он здоровую постель
Для вредоносных испарений ночи,
И ждет, чтоб тяжкий воздух и сырой
Болезнь его усилил. — Нет, мой Брут,
Таишь в душе ты важную болезнь,
Которую я в качестве супруги
Имею право знать: и на коленях
Прошу во имя прежней красоты
Моей, — во имя клятв твоих — и той
Великой клятвы, что связала нас,
Открой мне, — части самого тебя,
Чем удручен ты, что за люди ночью
Сбирались у тебя; их было здесь
Шесть или семь, впотьмах скрывавших лица.

Брут

Друг Порция, не преклоняй колен.

Порция

Я б не склонялась, будь ты добрый Брут.
Скажи мне, Брут, иль в свадебном условии
Есть оговорка, чтобы тайн твоих
Не знала я? Или самим тобой
Я до границ известных только стала,
Делить с тобой трапезу и постель,
Да говорить подчас? Живу ль я лишь в предместьи
Твоей любви? Так Порция у Брута
Наложница тогда, а не жена.

Брут

Ты истинно достойная жена —
И дорога мне, как багряный ток,
Что к грустному мне сердцу приливает.

П о р ц и я

Будь это так, я б знала эту тайну.
Я женщина, бесспорно, но такая,
Которую в супруги Брут избрал.
Я женщина, бесспорно, тем не меньше,
С хорошей славой, — я Катона дочь.
Ужели я, как весь наш пол, слаба
С таким отцом и за таким супругом?
Скажи мне всё, — я тайну сохранию.
Терпение свое я испытала,
Нарочно рану сделавши себе
Вот на бедре: так скрыть ее могу я,
А тайну мужа нет?

Б р у т

О, боги! Пусть
Такой жены я сделаюсь достоин.
(Стучат извне.)
Чу! чу! стучат. Уйди, мой друг, на время:
И вслед за тем, я поделюсь с тобой
Своей сердечной тайной.
Все замыслы свои тебе открою,
Весь смысл моих нахмуренных бровей.
Уйди скорее.

(Входят Люций и Лигарий.)

Люций, кто стучит?

Л ю ц и й

Больной с тобою говорить желает.

Б р у т

Лигарий; нам Метелл о нем сказал.
Ты отойди. А, Кай Лигарий! Что?

Л и г а р и й

Услышь привет из ослабевших уст.

Б р у т

О, что за время, добрый Кай, ты выбрал,
Носить платок! Вот будь-ка ты здоров!

Л и г а р и й

Да я здоров, коль Брут затеял подвиг,
Вполне достойный имени его.

Брут

Затеял подвиг я такой, Лигарий,
Лишь будь здоров, — твой слух о нем услышит.

Лигарий

Клянусь же всеми римскими богами,
Что свергнул я болезнь. — Душа граждан!
Достойный сын столь доблестного лона,
Как заклинатель ты заговорил
Мой дух больной. Лишь броситься вели,
И с невозможностью я стану биться
И даже справлюсь с ней. Что делать мне?

Брут

То, что должно больным послать здоровье.

Лигарий

Но одному здоровому болезнь?

Брут

Так быть должно. В чем это дело, Кай,
Скажу, когда пойдем к тому, над кем
Оно должно случиться.

Лигарий

Так ступай.
И с сердцем вновь пылающим пойду,
Не зная сам куда. — С меня довольно,
Что Брут меня ведет.

Брут

Итак, пойдем.

Уходят.

Сцена 2

Там же, комната во дворце Цезаря.
Гром и молния. Входит Цезарь в ночной одежде.

Цезарь

Земля и небо ночью враждовали.
Кальпурния во сне вскричала трижды:
«Спасите! Цезаря убить хотят». — Кто тут?

С л у г а

Я, господин.

Цезарь

Скажи жрецам, чтоб жертвовали тотчас.
И дай мне знать их мненья про успех.

Входит Кальпурния.

К а л ь п у р н и я

Так что же, Цезарь? Думаешь идти!
Ты из дому ступить не должен ныне.

Цезарь

А Цезарь выйдет. Всё, что мне грозит,
Проходит за спиной моей, а взглянет
Лишь Цезарю в лицо, — и пропадет.

К а л ь п у р н и я

Я никогда не верила приметам,
Теперь я их боюсь. — Оставляя всё,
Что видели и слышали мы сами,
Ужасно то, что видел караул.
На улице вдруг оценилась львица;
Могилы извергали мертвецов;
На тучах люди огненные бились
Пешком, верхом, по правилам войны;
Кровь брызгала от них на Капитолий,
На воздухе был слышен крик сраженья,
Стон раненых и ржание коней,
И приведенья вдоль по стогнам выли.
О! Цезарь, это все необычайно —
И я боюсь.

Цезарь

Как избежать того,
Что решено могучими богами?
Да, Цезарь выйдет; эти предсказанья
Вселенной так, как Цезарю, грозят.

К а л ь п у р н и я

Пред смертью нищих не видать комет,
А небеса горят пред смертью царской.

Цезарь

Трус прежде смерти много раз умрет,
А храбрый смерть вкушает лишь однажды.
Из всех чудес, какие я слышал,
Странней всего мне, что боятся люди,
Хоть видят: смерть — конец наш неизбежный,
Приходит, не спросясь.

Слуга возвращается.

Ну что авгуры?

Слуга

Хотят, чтоб нынче ты не выходил.
Они, вскрывая внутренности жертвы,
Никак найти в ней сердца не могли.

Цезарь

Хотели боги трусость пристыдить:
Животным точно б Цезарь стал без сердца,
Когда б из страха пробыл дома день.
Нет, Цезарь не таков; опасность знает,
Что Цезарь сам опаснее ее.
Мы с ней два льва, рожденных в тот же день,
Но только я и старше и страшней;
И Цезарь все-таки пойдет.

Кальпурния

О, мой супруг!

Всю мудрость ты уверенностью губишь.
Не выходи сегодня и считай,
Что страх не твой, а мой тебе помеха.
Пошлем в сенат; пусть Марк Антоний сходит —
Сказать, что ты сегодня нездоров.
Дай на коленях упросить тебя.

Цезарь

Пусть Марк Антоний скажет, что я болен;
И для тебя я дома остаюсь.

Входит Деций.

Вот, Деций Брут, пусть так он скажет им.

Деций

Здорово, Цезарь! с добрым утром, Цезарь!
Пришел тебя я пригласить в сенат.

Цезарь

И вовремя пришел ты: передай
Сенаторам привет мой и скажи,
Что я придти сегодня не хочу,
Не в силах, — ложь; не смею, — ложь тем больше,
А не хочу. Так и скажи им, Деций.

Кальпурния

Скажи, — он болен.

Цезарь

Цезарь станет лгать?
На то ль я в даль победы длань простер;
Чтоб от седых бород таить мне правду?
Деций, скажи: придти не хочет Цезарь.

Деций

Позволь, могучий Цезарь, знать причину;
Скажи я так, они смеяться станут.

Цезарь

Причина, — так хочу: я не приду,
И этого достаточно сенату:
Но чтобы лично вразумить тебя,
Я из любви к тебе скажу, в чем дело.
Жена моя Кальпурния так хочет,
Ей нынче ночью мой приснился лик.
Как бы колодец во сто желобов,
Точил он кровь; а римляне толпами
С улыбкой шли и мыли руки в ней.
Она тут видит знаки и намеки
Грозящих бед и молит на коленах,
Чтобы сегодня дома пробыл я.

Деций

Весь этот сон превратно истолкован:
Виденье это к радости и счастью.
Твой лик, точащий кровь из желобов,
И римляне, что в ней с улыбкой мылись —
Знак, что великий Рим ты обновишь
Живительною кровью, и столпятся
К тебе искать отличий, знаков, прав.
Так вот что сон Кальпурнии пророчит.

Цезарь

И ты его прекрасно объяснил.

Деций

Да коль еще услышишь, что скажу:
Так знай. — Сенат надеть решился ныне
На Цезаря могучего венец.
Поплешь ты им сказать, что ты не будешь,
Они отдумать могут; даже в смех
Оборотить; иной, пожалуй, скажет:
«Сенат закройте до поры, как сон
У Цезаря жена увидит лучше».
А спрячься Цезарь, разве не зашепчут:
«Что! Цезарь испугался?»
Прости мне Цезарь; но любовь моя
Тебе на пользу это говорит,
И разум мой покорствуется любви.

Цезарь

Ну что ж, не бред, Кальпурния, твой страх?
Стыжусь, что сам я мог ему поддаться.
Дай мне хитон — и тотчас я пойду
Входят Публий, Брут, Лигарий, Метелл,
Каска, Требоний и Цинна.
А вот и Публий звать меня идет.

Публий

Услышь привет мой Цезарь.

Цезарь

Здравствуй, Публий.
Как, Брут, ужель так рано поднялся!
Здорово, Каска. — Кай Лигарий, — Цезарь
Не поступал с тобою так враждебно,
Как лихорадка, истомив тебя.
Который час?

Брут

Пробило, Цезарь, восемь.

Цезарь

Благодарю за ваш привет и труд.

Входит Антоний.

Каков Антоний! по ночам пирует,
А тем не меньше встал. — Антоний, здравствуй!

Антоний

Ты также, Цезарь.

Цезарь

Торопи их там.

Мне совестно так ждать себя заставить.
А, Цинна, — а, Метелл, — как, ты, Требоний?
Хочу с тобой часок потолковать.
Меня сегодня вызвать не забудь:
Держись поближе, чтоб тебя я вспомнил.

Требоний

Так, Цезарь, так. — К тебе я буду ближе,
(в сторону)

Чем бы того твой лучший друг желал.

Цезарь

Друзья, войдем, вина здесь вместе выпьем
И как друзья отсюда все пойдем.

Брут

Что тож, да не всегда все то же, Цезарь!
Об этом с болью сердца мыслит Брут.

Уходят.

Сцена 3

Там же. Улица близ Капитолия.

Входит Артеmidор, читая письмо.

Артеmidор

«Цезарь, берегись Брута; обрати внимание на Кассия; не сближайся с Каской; не спускай глаз с Цинны; не верь Требонию; замечай за Метеллом Цимбром; Деций Брут тебя любит; Кайя Лигария ты оскорбил. Один и тот же замысл у всех этих людей, — и он направлен против Цезаря. Если ты не бессмертен, взгляни вокруг себя: беспечность открывает путь заговору. Да хранят тебя всемогущие боги! Преданный тебе

Артеmidор.»

Дождусь, пока здесь Цезарь не пройдет,
Подам ему вот это как проситель.
Прискорбно сердцу, что не может доблесть
Жить, избегая завести зубов.
Прочтешь, о Цезарь! Рок тебя спасает;
А нет, — судьба измене помогает.

(Уходит.)

Сцена 4

Другая часть той же улицы, перед домом Брута.
Входят Порция и Люций.

Порция

Прошу тебя, ты сбегай-ка в сенат:
Не стой, чтоб отвечать мне, а беги.
Чего стоишь?

Люций

Узнать, за чем бежать.

Порция

Желала б я, чтоб сбегал и вернулся
Ты прежде, чем могу сказать за чем.
О твердость, будь мне верною опорой!
Скалой от сердца отдели язык мой.
Я сердцем муж, но женщина я силой,
Как трудно тайну женщине хранить!
А ты все здесь?

Люций

Да что же делать мне?
Иль сбегать в Капитолий, да и только,
Потом к тебе вернуться, да и только?

Порция

Взгляни, каков на вид твой господин,
Пошел он нездоровым; да заметь,
Что делает там Цезарь? Кто его
Просители? — Чу! — слышишь! Что за шум?

Люций

Да я не слышу.

Порция

Слушай, сделай милость.
Я слышу сильный шум, как словно бой
Из Капитолия доносит ветром.

Люций

Не слышу, право.

Входит гадатель.

Порция

Ты, поди сюда,

Откуда ты?

Гадатель

Из собственного дома.

Порция

Который час?

Гадатель

Должно быть, час девятый.

Порция

А что? Прошел ли Цезарь в Капитолий?

Гадатель

О! нет еще: хочу на место стать,
Чтоб видеть, как пройдет он в Капитолий.

Порция

Что, с просьбою ты к Цезарю, не так ли?

Гадатель

Так точно, если Цезарю угодно
Меня, из дружбы к Цезарю, услышать,
То попрошу, чтоб он себя берег.

Порция

Ты разве знаешь, что ему грозят?

Гадатель

Не знаю чем; боюсь, всё может случиться.
Затем прощай. — Здесь улица тесна:

Просителей за Цезарем толпа,
Сенаторов да преторов с ним столько,
Что слабого задушат человека.
Сыщу пошире место, чтобы мне,
Как Цезарь подойдет, заговорить с ним.

(Уходит).

П о р ц и я

Мне нужно в дом войти; — всего слабей
Ты наше сердце женское! О, Брут!
Пусть замыслам твоим поможет небо. —
Ведь малый слышал: Брут о чем-то просит,
А Цезарь не согласен. — О, мне дурно!
Ты сбегай, Люций, к мужу моему,
Скажи, что мне здесь весело, — вернись
И передай мне, что тебе он скажет.

Уходят.

АКТ III

Сцена 1

Там же. Капитолий; заседание сената.

Толпа народа на улице, ведущей к Капитолию;
тут же Артемидор и гадатель. Трубы. Входят Цезарь,
Брут, Кассий, Каска, Деций, Метелл, Требоний, Цинна,
Антоний, Лепид, Попилий, Публий и другие.

Цезарь

Настали иды марта.

Гадатель

Да, Цезарь; только не прошли.

Артемидор

Бог помощь, Цезарь! вот, прочти записку.

Деций

Тебя Требоний просит, выбрав час,
Прочтешь его покорнейшую просьбу.

Артемидор

Сперва мою прочти, о Цезарь; дело
В ней ближе к Цезарю. Прочти же, Цезарь!

Цезарь

Что ближе к нам, оставим под конец.

Артемидор

Не отлагай, прочти немедля, Цезарь.

Цезарь

Он не с ума ль сошел?

Публий

Поди ты прочь!

Кассий

Что с просьбами на улице пристали?
Ступайте в Капитолий.

Цезарь входит в Капитолий, прочие следуют за ним.
Все сенаторы встают.

Попилий

Желаю на сегодня вам удачи.

Кассий

Удачи в чем, Попилий?

Попилий

В добрый час.

(Он подходит к Цезарю.)

Брут

Что говорил Попилий Лена?

Кассий

Он на сегодня нам желал удачи.
Боюсь, наш замысел открыт.

Брут

Смотри, как с Цезарем он: замечай.

К а с с и й

Проворней, Каска, упредить нас могут.
Брут, как тут быть? коль дело станет явно,
То Кассий или Цезарь не вернется,
Я сам себя убью.

Б р у т

Не бойся, Кассий:
Речь не о нас ведет Попилий Лена;
Вон он смеется и не смутен Цезарь.

К а с с и й

Требоний дело знает: видишь, Брут,
Он в сторону Антония отводит.

Уходят Антоний и Требоний.
Цезарь и сенаторы занимают свои места.

Д е ц и й

Нет здесь Метелла Цимбра? Пусть идет
И Цезарю подаст свое прошение.

Б р у т

Он подает, пойдем к нему на помощь.

Ц и н н а

Поднять ты, Каска, первый должен руку.

К а с к а

Все ли готовы?¹

Ц е з а р ь

Что еще забыли,
В чем должен Цезарь и сенат помочь?

М е т е л л

Высокий, славный, всемогущий Цезарь,
Смиренному позволь Метеллу Цимбру
К тебе припасть.

(Падает на колени.)

¹ В прежних изданиях вопрос этот делает Цезарь.

Цезарь

Предупреждаю, Цимбер,
Такая лесь и ползанье такое
Способны в пошлых людях кровь разжечь
И обратить решенный приговор —
В каприз ребенка. Только не безумствуй,
Вообразя, что Цезарская кровь
Изменит свойство и растает так же,
Как тает у глупцов от сладких слов,
Низкопоклонства и собачей ласки. —
Твой брат был изгнан по суду: и если,
Прося о нем, ты станешь льстить и гнуться,
То оттолкну тебя я прочь, как пса.
Знай, Цезарь справедлив, и только дело
Он может брать в расчет.

Метелл

Иль голоса достойней нет, чем мой,
Чтоб слаще тронуть Цезарево ухо,
Моля о брате изгнанном моем?

Брут

Не лestia, твою целую руку, Цезарь,
И я прошу, чтоб Публий Цимбер был
Немедленно назначен к возвращенью.

Цезарь

Как, Брут!

Кассий

О сжался, Цезарь; Цезарь, сжался:
К твоим стопам и Кассий припадает,
Прося, чтоб Публий Цимбер был прощен.

Цезарь

Я б тронут был, будь я таков, как вы;
Способен сам просить, я б слушал просьбы;
Но сходен я с Полярною звездой:
Она стоит недвижна, постоянна,
И в небесах товарища ей нет.
Весь свод небесный искрами расписан,
И всё огни, и все они блестят,
Но лишь один меж всеми неподвижен.
И в мире так; он полон весь людей;

А у людей и плоть, и кровь, и чувство.
Но знаю я меж них лишь одного,
Который стал на месте, недоступном
Для всех напоров: и что это я,
Позвольте мне вам показать немного
Тем, что стоял я за изгнание Цимбра,
Да и теперь на том же всё стою.

Ц и н н а

О, Цезарь!

Цезарь

Прочь! Олимп ты сдвинуть хочешь?

Б р у т

Цезарь!

Цезарь

Сам Брут не тщетно ль гнет колена?

К а с с и й

Так говорите ж руки за меня.

Каска поражает Цезаря. Цезарь хватает его за руку.
Его колют другие заговорщики и, наконец, Марк Брут.

Цезарь

Et tu, Brute? — Так гибни, Цезарь.

(Умирает.)

Сенаторы и народ удаляются в смущении.

Ц и н н а

Свобода, вольность! Умерло тиранство!
Бегите возгласить, по улицам кричите:
Свобода, вольность! и освобожденье.

Б р у т

Народ и вы, сенаторы! Не бойтесь,
Зачем бежать? Долг отдан честолюбью.

К а с к а

Ступай к трибуне, Брут!

Деций

Ты, Кассий, тоже.

Брут

Где Публий?

Цинна

Он здесь, вполне смущен волнением этим.

Метелл

Держись дружнее, на случай, чтоб какой
Друг Цезаря...

Брут

К чему держаться тут? Не бойся, Публий:
Никто вреда тебе не замышляет
И никому из римлян. — Так скажи им.

Кассий

Оставь нас, Публий; чтоб, напав на нас,
Народ твоих не оскорбил седин.

Брут

Ступай, и пусть в ответе будем только
Мы, сделавшие дело.

Требоний возвращается.

Кассий

Где Антоний?

Требоний

Бежал домой. Мужчины, жены, дети
Бегут, вопя, как пред кончиной мира.

Брут

Судьба, посмотрим, чем-то ты решишь. —
Что мы умрем, мы знаем; об отсрочке,
Чтоб время протянуть, хлопочут люди.

Каска

Кто двадцать лет у жизни вырывает,
У страха смерти столько ж вырвет лет.

Брут

Уверься в том, и благом станет смерть.
Мы Цезарю друзья, коль сократили
В нем смертный страх. Да, римляне, склоняйтесь,
Омоем руки в Цезарской крови
Мы до локтей и обагрим мечи,
Затем пройдем на площадь городскую
Махать оружием красным над собой
И все кричать: свобода! мир! и вольность!

Кассий

Склоняйтесь же и мойте. — Через сколько
Веков должна игратья эта сцена
Высокая, в незарожденных царствах,
На языках, неведомых еще.

Брут

Как часто пасть на сцене должен Цезарь,
Лежащий здесь у статуи Помпея,
Как прах.

Кассий

И каждый раз, как это будет,
То каждый раз найдут в союзе нашем
Людей, что дали родине свободу.

Деций

Что ж! Нам идти!

Кассий

Да, все теперь пойдем:
Брут поведет: а след его украсят
Достойнейшие римские сердца.

Входит слуга.

Брут

Тсс!.. Кто идет? — Антониев любимец.

Слуга

Мне господин велел склонить колена;
Так, Брут, упасть, велел мне Марк Антоний
И вот что, лежа в прахе, передать:
Брут благороден, мудр, могуч и честен;

Цезарь был мощен, храбр, высок и добр:
Скажи, что Брута я люблю и чту,
А Цезаря боялся, чтил, любил.
Коль Брут дозволит, чтобы безопасно
Антоний мог к нему прийти узнать,
Чем заслужил лежать убитым Цезарь,
То мертвый Цезарь так не будет дорог
Антонию, как Брут живой; напротив,
Он рад идти за благородным Брутом
В опасности всех смут, — не уклоняясь.
Вот что сказал мой господин Антоний.

Б р у т

Он римлянин и мудрый, и отважный;
Иначе я не разумел о нем.
Скажи ему, коль он сюда придет,
То всё поймет; и, честью заверяю,
Его не тронут.

С л у г а

Тотчас позову.

Слуга уходит.

Б р у т

Я знаю, он нам будет верным другом.

К а с с и й

Когда бы так; но чувство мне твердит,
Что он опасен, — и не ошибалась
Ни разу подозрительность моя.

Антоний возвращается.

Б р у т

Да вот Антоний. — Здравствуй, Марк Антоний.

А н т о н и й

О мощный Цезарь! Так-то ты лежишь?
Иль все твои победы и триумфы
В такую малость сжались? — Ну, прощай. —
Не знаю я, на что решились вы,
Кто должен пасть еще и кто отмечен:
Коль я в числе, то самый лучший час,
Час Цезаревой смерти; нет оружия

Достойней тех мечей, что осыятили
Вы кровью самой благородной в мире.
Прошу вас, если на меня вы злы,
Пока в крови дымятся ваши руки,
Натешьтесь. Тысячу проживши лет,
Не буду так готов я умереть:
Мне лучше места нет и рода смерти,
Как, с Цезарем здесь рядом, пасть от вас,
Избранники возвышенные века.

Б р у т

Антоний! Смерти не проси у нас.
Кровавы и жестоки мы на вид,
Такими наши руки и их дело
Являют нас; ты наши руки видишь,
И их кровавый подвиг пред тобой;
Но ты в сердцах не видишь состраданья,
А только жалость к общим стонам Рима
(Огонь теснит огонь, а жалость — жалость)
На Цезаря восстала. На тебя же
У нас мечи тупые, Марк Антоний,
И наши руки в грозный час¹, и наши
Сердца по-братски ждут тебя принять
С любовью, добрым чувством и почетом.

К а с с и й

Твой голос будет не слабей других
При назначеньи новых должностей.

Б р у т

Но подожди, пока мы успокоим
Толпу, которую волнует страх,
И мы тебе изложим, почему,
Так Цезаря любя, его убить
Я мог.

А н т о н и й

В твоей я мудрости уверен.
Пусть каждый даст кровавую мне руку:

¹ В прежних изданиях: Our arms, in strength of malice. У Колльера: Our arms in strength of welcome дает совершенно противоположный оттенок мысли и следует прочесть, в таком случае, вместо: «в грозный час» — «дружески».

Твою, Марк Брут, я первую пожму —
Затем, Кай Кассий, руку дай твою, —
Там, Деций Брут, твою, — твою, Метелл, —
Твою, мой Цинна, — руку, храбрый Каска, —
Последним, но не сердцу, ты, Требоний,
Вам всем — увы! что я могу сказать?
Стою на почве скользкой до того,
Что вам одним из двух казаться должен
Я: трусом, а не то льстецом. —
Что я любил тебя, о Цезарь! правда.
И если дух твой видит нас теперь,
Не возмутится ль больше он, чем смертью,
Увидя, что Антоний твой мирится
И руки жмет кровавые врагов,
О светлый муж! у трупа твоего?
Будь глаз моих не меньше ран твоих,
Чтоб слезы лить, как кровь из тех струится,
Мне б это лучше шло, чем заключать
Союз любви с убийцами твоими.
Прости мне, Юлий! — Здесь, лихой олень,
Настигнут ты и пал; ловцы стоят
В доспехах, окровавленных добычей.
Ты, мир! был лесом этому оленю;
И был, о, мир! твоею он красой.
Не как добыча ль множества князей
Лежишь ты здесь?

К а с с и й

Антоний!

А н т о н и й

О, прости меня, Кай Кассий:
Про Цезаря враги сказали б то же;
А в друге это холодно и скромно.

К а с с и й

Я не корю, что Цезаря ты хвалишь,
Но с нами чем ты связан хочешь быть?
Желаешь ли вступить в число друзей,
Иль нам идти, не звав тебя на помощь?..

А н т о н и й

Затем-то жал я ваши руки; только
Забылся, как на Цезаря взглянул.

Я всем вам друг, и всех я вас люблю,
Уверенный, что объясните вы
Мне: как и чем опасен Цезарь был.

Брут

Иначе б это всё казалось зверством.
Мы так свои причины обсудили,
Что будь, Антоний, Цезарю ты сын,
Ты б убедился.

Антоний

Только мне и нужно,
Да сверх того, прошу позволить мне
На площадь тело выставить его
И там с трибуны, как прилично другу,
Речь произнести к его похоронам.

Брут

Согласен, Марк Антоний.

Кассий

Брут, два слова. —
Не знаешь ты, что делаешь: как можно
Антонию позволить речь сказать?
Ты знаешь ли, как может быть взволнован
Народ его словами?

Брут

Извини;
Я сам сперва с трибуны объясню,
Из-за каких причин погиб наш Цезарь:
Скажу, что всё, что станет говорить
Антоний, мы согласно разрешили,
И что мы будем рады, если Цезарь
Все почести получит похорон.
Нам в этом больше пользы, чем вреда.

Кассий

Не знаю: но по-моему не так.

Брут

Антоний, вот групп Цезаря, возьми.
Ты нас в речи своей не осуждай,
Но Цезаря превозноси, как хочешь;

И объяви, что мы на то согласны,
Без этого не прилагай и рук
К похоронам: ты должен говорить
С трибуны, на которую иди,
Когда я кончу речь.

А н т о н и й

Пусть будет так;
Я большего не требую.

Б р у т

Так приготовь же труп и к нам ступай.

Уходят все, кроме Антония.

А н т о н и й

Прости ты мне, о горсть земли кровавой,
Что я с твоими мясниками ласков!
Развалина достойнейшего мужа,
Какой живал когда-либо в веках.
О горе тем, кто пролил эту кровь!
Над ранами твоими здесь пророчу
(Они, как рты с багровыми губами,
Раскрывшись молча, ждут моих речей):
Падет проклятье на людские члены,
Раздор домашний и мятеж гражданский
Италию во всех частях смутят:
Кровь и убийства будут так в ходу
И ужасы так будут ежедневны,
Что матери лишь улыбаться будут,
Когда детей их станут четверить.
Привычка к злу всю жалость уничтожит;
И дух твой, Цезарь, мстью возбужден,
Из ада прянув с огненною Атой,
В пределах этих голосом монарха
Воскликнет: «Смерть!», — и спустит псов войны,
Чтоб это зло смердело по земле —
Непогребенной падалью людской.

(Входит слуга.)

Не Цезарю ль Октавию ты служишь?

С л у г а

Так точно, Марк Антоний.

А н т о н и й

Цезарь ему писал, чтоб ехал в Рим.

С л у г а

Он письма получил и на пути,
А мне велел тебе сказать словесно —
(*видит труп*)

О Цезарь!

А н т о н и й

Ты полон грусти, отойди и плачь.
Я вижу, заразительна печаль.
Мои глаза, в твоих росу заметив,
Льют слезы. На пути твой господин?

С л у г а

Лишь за семь миль ночует он от Рима.

А н т о н и й

Скорей к нему с известьем, что случилось.
Скажи, здесь грустный Рим, опасный Рим,
Рим, где еще Октавию нет места.
Ступай и так скажи. — Нет, погоди;
Не уезжай: дай этот труп снесу
На площадь; там я речию своею
Разведаю, как думает народ —
О замыслах таких людей кровавых;
Сообразуясь с этим, передашь
Ты юному Октавию всё дело.
Вот, помоги мне.

(*Уходят, унося труп Цезаря.*)

Сцена 2

Там же. Форум.

Входят Брут, Кассий и толпа граждан.

Г р а ж д а н е

Хотим отчета: дайте нам отчет.

Б р у т

Так вот, меня вы выслушайте, други.
Ступай ты, Кассий, улицей другой

И раздели толпы. —
Кто хочет мне внимать, останься здесь;
А кто пойдет за Кассием, — ступай!
Причины смерти Цезаря публично
Изложатся.

1-й гражданин
Я стану Брута слушать.

2-й гражданин
Я слушать Кассия хочу; и услышав
Обоих, мы причины их сличим.

Кассий уходит с толпою граждан.
Брут восходит на ростру.

3-й гражданин
Вот благородный Брут взошел. Молчанье!

Брут

Прошу терпенья до конца.

Римляне, сограждане и друзья! выслушайте мое объяснение и храните молчание, чтобы услышать меня: верьте моей чести и уважайте мою честь, чтобы мне поверить; судите меня вашим разумом и пробудите чувства ваши, чтобы лучше судить меня. Если есть в этом собрании друг Цезаря, то я скажу ему, что Брут любил Цезаря не меньше его. Если же этот друг спросит, почему Брут восстал на Цезаря, то вот мой ответ: не потому что я любил Цезаря менее, но потому что я любил Рим более. Ужели вам лучше, чтобы Цезарь был жив и вы все умерли рабами, чем что Цезарь умер, а вы все живете свободными? Цезарь любил меня, и я плачу о нем; он был счастлив, я этому радуюсь; он был отважен, я уважаю его, но он был честолюбив, и я убил его. Итак, слезы за любовь его; радость о его счастье; честь его отваге и смерть его честолюбию. Кто здесь так низок, что желал бы быть рабом? Если есть такой, говори: потому что я его оскорбил. Кто здесь так груб, что не желал бы быть римлянином? Если есть такой, говори: потому что его я оскорбил. Кто здесь так презрен, что не питает любви к своей родине? Если есть такой, говори: потому что я его оскорбил. Прерываю речь и жду ответа.

Все

Никого, Брут, никого.

Брут

Так я никого не оскорбил. Я сделал с Цезарем не более того, чтобы вы сами сделали с Брутом. Розыск о смерти его распisan в Капитолии: слава его не уменьшена там, где он был доблестен, и не преувеличены его недостатки, за которые он претерпел смерть.

(Входит Антоний и посторонние с трупом Цезаря.)

Вот труп его, оплакиваемый Марком Антонием, который, хотя и не причастен его убийству, должен воспользоваться выгодами его смерти: местом в общественном управлении; да и кто же из вас этого не должен? Затем уйду; так же как убил я лучшего друга, во благо Риму, храню я свой кинжал и про себя, если угодно будет моему отечеству потребовать моей смерти.

Все

Да здравствует, да здравствует наш Брут!

1-й гражданин

Домой его проводим с торжеством.

2-й гражданин

Ему поставим статую близ предков.

3-й гражданин

Пусть Цезарем он будет.

4-й гражданин

Совершенства

Все Цезаря мы увенчаем в Бруте.

1-й гражданин

Сведем его домой при общих кликах.

Брут

Сограждане!

2-й гражданин

Молчать! Брут говорит.

1-й гражданин

Молчите же!

Брут

Сограждане, пусть я один уйду.
В угоду мне с Антонием останьтесь.
Труп Цезаря почтите, — и почтите
Ту речь во славу Цезаря, что мы
Антонию сказать вам разрешили.
Я вас прошу, никто не уходи
За мной, пока Антоний не dokonчит.

(Уходит.)

1-й гражданин

Постойте! слушать, что Антоний скажет.

3-й гражданин

Пусть он взойдет на ростру, мы хотим
Внимать. — Взойди, Антоний благородный.

Антоний

Во имя Брута вас благодарю.

4-й гражданин

Что он сказал о Бруте?

3-й гражданин

Что за Брута

Он всех обязан нас благодарить.

4-й гражданин

О Бруте дурно не толкуй, он тут.

1-й гражданин

Ведь Цезарь был тиран.

3-й гражданин

И точно: благо,

Что от него освободился Рим.

2-й гражданин

Тсс!.. Слушайте, что скажет нам Антоний.

Антоний

Возлюбленные римляне!

Граждане

Тсс! Слушай.

Антоний

Друзья и римляне, внимайте. Хоронить
Я Цезаря являюсь, а не славить.
Зло от людей переживает их,
Добро ж от них хоронят часто с ними,
Пусть будет так и с Цезарем. — Ведь Брут
Сказал, что Цезарь был честолюбив.
Коль это правда, — это злой порок,
И за него ответил Цезарь зло.
Здесь с позволенья Брута и других
(А Брут вполне достойный человек,
Как все они, достойные все люди),
Пришел я речь над Цезарем сказать,
Он был мне друг, был справедлив и верен,
Но Брут сказал, он был честолюбив,
А Брут вполне достойный человек.
Он много пленных приводил нам в Рим,
И выкуп их обогатил казну:
Где ж честолюбье Цезарь тут являл?
При воплях бедных Цезарь плакал сам;
Должно черствей бы честолюбье быть:
Но Брут сказал, он был честолюбив,
А Брут вполне достойный человек.
При вас на празднике я Луперкалий
Ему корону трижды предлагал,
И трижды он ее отверг. — Где ж честолюбье?
Но Брут сказал, он был честолюбив,
А он вполне достойный человек.
Я не желаю опровергнуть Брута,
А только то, что знаю, говорю.
Он дорог был вам всем не без причины:
Так что ж мешает вам о нем грустить?
О смысл! Ты в грубых перешел скотов,
А люди ум утратили. — Простите —
Моя душа здесь с Цезарем во гробе.
Пока я с ней в разлуке, замолчу.

1-й гражданин

Мне кажется, в его речах есть толк.

2-й гражданин

Коль дело разобрать получше, Цезарь
Неправо осужден.

3-й гражданин

Ты полагаешь?

Боюсь, что худший заместит его.

4-й гражданин

Заметил ты? Венца не принял он:
Знать, точно не был он честолюбив.

1-й гражданин

Коль это так, иным придется плохо.

2-й гражданин

Бедняк! Его глаза горят от слез.

3-й гражданин

Всех в Риме благороднее Антоний.

4-й гражданин

Прислушайтесь, он вновь заговорил.

Антоний

Еще вчера был Цезарь в силах словом
Подвинуть мир, — теперь он здесь лежит,
И не почитит его последний нищий.
О други! если б я хотел поднять
В сердцах у вас и в думах бунт и злобу,
Я Брута бы и Кассия обидел,
А ведь они достойнейшие люди.
Я не хочу их обижать, скорее
Обижу мертвеца, себя и вас,
Чем обижать таких людей достойных.
Но вот пергамент с Цезарской печатью,
Найденный мной; его тут завещанье.
Услышь народ, что в нем заключено
(Я, виноват, его вам не прочту),
Он бы лобзать стал Цезаревы раны,
Мочить платки в святой его крови;
Да волоса бы стал просить на память, —
И перед смертью вспоминать о нем,

Чтоб передать его как дар бесценный
Своим потомкам.

4-й гражданин

В чем дело, в чем? Прочти нам, Марк Антоний.

Все

Читай, читай! что Цезарь завещал.

Антоний

Друзья, терпенье; мне нельзя читать:
Не след вам знать, как Цезарь вас любил.
Ведь вы не пни, не камни вы, а люди,
И, Цезаря послушав завещанье,
Вы вспыхнете неистовым огнем.
Не след вам знать, что вам его наследство.
Дойди до вас, о, что б в то время было?

4-й гражданин

Читай, хотим мы выслушать, Антоний;
Ты Цезареву волю нам прочти!

Антоний

Хотите потерпеть и подождать?
Я промах дал, об этом вам сказав.
Боюсь обидеть честных я мужей,
Убивших Цезаря: боюсь я, право.

4-й гражданин

Где ж честные? — Предатели они!

Все

Давай нам завещанье!

2-й гражданин

Они низкие убийцы! бездельники! завещание! читай нам
завещание!

Антоний

Меня вы принуждаете прочесть?
Так обступите ж Цезарево тело,
Чтоб увидать того, кто завещал.
Сойти ли мне? Дозволите вы мне?

Все

Сходи скорей.

2-й гражданин

Сойди.

3-й гражданин

Тебе мы дозволяем.

4-й гражданин

Кружком все обступите.

1-й гражданин

От гроба прочь; — от тела отойди.

2-й гражданин

Антонию дать место. — О! благороднейший
Антоний!

Антоний

Нет, так ко мне не жмитесь, дайте место!

Все

Прочь! дайте место! прочь!

Антоний

Коль слезы есть у вас, готовьте их.
Всем вам вот этот плащ знаком. Я помню,
Когда в нем Цезарь вышел в первый раз,
То было летним вечером, в палатке,
Он в этот день неврийцев покорил.
Вот! вот где Кассиев прошел кинжал!
Смотрите, как ворвался злобный Каска!
А это Брут возлюбленный прошиб:
И вот, лишь вырвал он проклятый нож,
Уж Цезарева кровь за ним вослед
Рванулась, как за дверь, чтобы узнать,
Что точно ль Брут стучится так жестоко:
Ведь Цезаревым ангелом был Брут.
О Боги! как он Цезарю был дорог!
Такой удар язвительней был всех;
И только Цезарь это увидал,
Неблагодарность злей, чем сталь убийц,
Его сразила: замер мощный дух;

И, завернув лицо вот в этот плащ,
К подножию Помпеевой статуи,
С которой кровь струилась, Цезарь пал.
Друзья! Что это было за паденье!
И я, и вы, мы все упали с ним,
Обрадовав кровавую измену.
Вы плачете, — я чувствую, что в вас
Проснулась жалость: в этих каплях нежность.
Вы плачете, друзья, лишь увидав
Изъян в одежде Цезаря? Смотрите,
А вот он сам изменой искажен.

1-й гражданин
О горестное зрелище!

2-й гражданин
О благородный Цезарь!

3-й гражданин
О грустный день!

4-й гражданин
О гнусные предатели!

1-й гражданин
О вид кровавый!

2-й гражданин
Мы им отмстим! отмстим — скорей, — ищи, —
Пали, — жги, — бей, — жить не давай измене.

Антоний
Сограждане, стойте.

1-й гражданин
Молчите! пусть Антоний говорит.

2-й гражданин
Прослушаем, пойдём за ним, умрем с ним.

Антоний
Друзья мои, не должен увлекать
Я вас к такому бурному восстанью.
Ведь это подвиг доблестных мужей:

Что побудило их, увы! не знаю,
Но все они и мудры, и достойны,
И, верно, вам во всем дадут отчет.
Я не пришел украсть у вас сердца,
Я не вития, я не то что Брут;
Я человек, как видите, простой
И предан другу; это знали сами
Дозволившие речь мне произнести.
Ведь у меня ни письменного нет,
Ни слов, ни сильной речи, ни движений,
Чтоб волновать людскую кровь; нет, я
Сказал, что каждый знает — и вскрываю
Ран Цезарских уста немые, молвить
Прося их за меня; но будь я Брут,
А Брут — Антоний; вот тогда Антоний
Потряс бы дух ваш и такой язык
Дать каждой ране Цезаря сумел,
Что б даже камни в Риме возмутились.

Все

Мы возмутимся.

1-й гражданин

Брутов дом сождем.

3-й гражданин

Пойдем мы заговорщиков отыщем.

Антоний

Позвольте мне, сограждане, сказать.

Все

Тсс... Говорит Антоний благородный.

Антоний

Вы знаете ль из-за чего идти,
Чем заслужил любовь такую Цезарь?
Вам неизвестно. Нет! — Я вам скажу,
Ведь вы его забыли завещанье.

Все

Да, точно, — стойте, слушайте его.

А н т о н и й

Так вот оно, за Цезарской печатью.
Из римских граждан каждому дает
Он семьдесят пять драхм на человека.

2-й гражданин

О благородный Цезарь! — Мы отмстим его смерть.

3-й гражданин

О царственный наш Цезарь!

А н т о н и й

Дослушайте меня вы терпеливо.

В с е

Молчите, тсс...!!

А н т о н и й

К тому ж он все гулянья отдал вам, —
С беседками, садами молодыми,
По этот берег Тибра: это вам
С потомками на вечное владенье,
Чтоб сообща гулять и веселиться.
Вот Цезарь был: дожدهшься ли другого?

1-й гражданин

Нет! — никогда! — Пойдем, скорей, скорей!
В священном месте труп его сожжем,
И головнями запалим дома
Изменников. — Беритесь за труп.

2-й гражданин

Ступайте за огнем.

3-й гражданин

Ломай скамейки.

4-й гражданин

Коверкайте прилавки, ставни, всё.

Граждане уходят с трупом Цезаря.

А н т о н и й

Теперь пошло. О зло, ты на ногах,
Иди, куда захочешь! — Ты, что скажешь?

Входит слуга.

С л у г а

Октавий только что приехал в Рим.

А н т о н и й

Где он?

С л у г а

Они с Лепидом в Цезаревом доме.

А н т о н и й

Я навестить его туда пойду,
Он прибыл кстати: счастье улыбнулось
И в добром духе даст теперь нам всё.

С л у г а

Я слышал, он сказал, что Брут и Кассий
Из Рима, как безумцы, понеслись.

А н т о н и й

Они узнали, верно, как народ
Я взволновал. — К Октавию пойдём.

Уходят.

Сцена 3

Там же. Улица.

Входит Ц и н н а, поэт.

Ц и н н а

Приснилось мне, что с Цезарем пирую,
И грусть мои все помыслы гнетет.
Я не хотел за двери выходить,
Да что-то гонит, вызывает.

1-й гражданин

Ты, — как тебя зовут?

2-й гражданин

Куда идешь?

3-й гражданин

Где ты живешь?

4-й гражданин

Ты женатый, или холостяк?

2-й гражданин

Ты каждому отвечай прямо.

1-й гражданин

Да и коротко.

4-й гражданин

Да и умно.

3-й гражданин

Да и по правде; смотри, не забудь.

Цинна

Как меня зовут? Куда иду? Где живу? Женат или холост? Так, чтобы каждому ответить прямо, коротко, умно и по правде: скажу умно, я холостяк.

2-й гражданин

По-твоему одни дураки женятся: ты за этот ответ запла-тишься мне затрещиной. Ну, далее: прямо.

Цинна

Прямо, иду на похороны Цезаря.

1-й гражданин

Как друг или как враг?

Цинна

Как друг.

2-й гражданин

На это ты точно ответил прямо.

4-й гражданин

Место жительства? вкратце.

Цинна

Вкратце, близ Капитолия.

3-й гражданин
Твое имя? по правде.

Цинна
Мое имя, по правде, Цинна.

1-й гражданин
В клочки его: он заговорщик.

Цинна
Я поэт Цинна, я поэт Цинна.

4-й гражданин
В клочки его за его скверные стихи; в клочки его за его скверные стихи.

Цинна
Я не заговорщик Цинна.

2-й гражданин
Не в том дело; его имя Цинна: вырвите только это имя у него из сердца и пустите его.

3-й гражданин
Рви, рви его! давайте головней, неси огня! ну, к Бруту, к Кассию; всё жги. Одни пусть идут в дом Деция, другие в дом Каски; к Лигарию. Вперед! пошел!

Уходят.

АКТ IV

Сцена 1

Там же. Комната в доме Антония.
Антоний, Октавий и Лепид сидят за столом.

Антоний

Так всем им смерть, чьи имена вот тут.

Октавий

Твой брат умрет: согласен ты, Лепид?

Л е п и д

Согласен.

О к т а в и й

Так отметь его, Антоний.

Л е п и д

С условием, чтобы и Публий не жил;
Который сын сестры твоей, Антоний.

А н т о н и й

Пусть так; смотри, его я к смерти мечу.
Сходи-ка в дом ты Цезаря, Лепид;
Духовную возьми, и мы посмотрим,
Что можно нам обрезать в завещаньи.

Л е п и д

Так я вас здесь найду?

О к т а в и й

Здесь, или в Капитолии.

Лепид уходит.

А н т о н и й

Вот слабый, бесполезный человек,
Лишь годный на посылки: стоит ли
При тройственном разделе мира он
Отдельной части?

О к т а в и й

Ты его так понял

И пользовался голосом его
Для приговоров к смерти и изгнанию?

А н т о н и й

Я видел больше дней, чем ты, Октавий,
Каким его почетом ни покроем,
Чтоб нам самим постыдных нош не знать,
Всё понесет он, как несет осел
Нам золото, потя и кряхтя,
Куда погоним или поведем;
А как дотащит клад, куда нам нужно,
Так ношу сняв, отпустим мы его
На волю, как осла, ушами хлопать —
И на подножный корм.

О к т а в и й

Что хочешь, делай,
Но он бывалый доблестный солдат.

А н т о н и й

Мой конь таков, Октавий; и за то
Определил ему я меру корма.
Животное я выучил сражаться,
Стоять, вертеться и скакать вперед.
Движеньями его мой правит ум:
Лепид во многих случаях таков;
Его учи, направь, гони вперед.
Он человек пустой и только сыт
Искусствами, делами, подражаньем,
Изношенными у других людей
И новыми в его глазах: считай
Его за собственность. Теперь, Октавий,
Займемся важным делом. Брут и Кассий
Набрали войск: мы дать должны отпор;
Поэтому союзников сберем,
Сзовем друзей и напряжем все силы,
И пусть решим, не медля, на совете,
Как тайные дела раскрыть удобней
И дать верней отпор беде открытой.

О к т а в и й

Поступим так, а то исхода нет.
Нам отовсюду слышен лай врагов;
И многие с улыбкой, я боюсь,
Скрывают в сердце миллионы козней.

Сцена 2

Перед палаткой Брута, в лагере близ Сардеса.
Барабан бьет. Входят Брут, Люцилий, Люций и солдаты.
Пиндар и Титиний выходят к ним навстречу.

Б р у т

Стой!

Л ю ц и л и й

Гей! дайте же ответ и стойте.

Б р у т

Ну что, Люцилий? или Кассий близко?

Люцилий

Он под рукой; тебе вот Пиндар хочет
От господина передать поклон.

(Пиндар передает Бруту письмо.)

Брут

В письме он ласков. Господин твой, Пиндар,
Сам изменясь иль по наветам злым,
Дал важную причину мне желать,
Чтоб не было того, что было. — Верно,
Здесь всё мне объяснит он.

Пиндар

Я уверен,
Мой благородный господин предстанет,
Каким он есть, и честным, и достойным.

Брут

Сомненья в этом нет. Постой, Люцилий,
Скажи ты мне, как принял он тебя.

Люцилий

С любезностью, с достаточным почетом,
Но не с таким радушием семейным,
Не с той свободной, дружелюбной речью,
Как то бывало прежде.

Брут

Описал ты,
Как стынет пылкий друг. Заметь, Люцилий,
Когда любовь начнет скудеть и чахнуть,
То принужденно вежлива она.
Ужимок нет в простой, открытой дружбе;
Притворщики ж, как кони с места, пылки,
Казисты и на вид с задатком сил,
Но попытают лишь кровавой шпоры,
Опустят гривы, как плохие клячи
Без выдержки. — Идут его войска?

Люцилий

Они сегодня в Сардесе ночуют.
Часть большую и конных вообще
Ведет сам Кассий.

За сценой марш.

Брут

Чу! Да вот он прибыл.

Пойдем к нему навстречу потихоньку.

Входит Кассий с солдатами.

Кассий

Стой!

Брут

Стой! Передай команду дальше.

За сценой

Стой!

За сценой

Стой!

За сценой

Стой!

Кассий

Достойный брат, меня ты оскорбил.

Брут

Пусть судят боги, оскорблял ли я
Своих врагов? Так оскорблю ли брата?

Кассий

Брут, прикрываешь трезвым видом ты
Обиду. Продолжая так...

Брут

Стой, Кассий,

Спокойно жалуйся. Тебя я знаю.
Здесь на глазах обоих наших войск,
Которым в нас друзей лишь видеть должно,
Не будем ссориться: ушли их прочь;
В моей палатке, Кассий, обвиненья
Ты выскажи. Я буду слушать.

К а с с и й

Пиндар,

Вели моим начальникам немного
Свои войска отсюда отвести.

Б р у т

Люцилий, сделай то ж — и никого
К нам не пускать во время совещанья.
Пусть Люций да Титиний стерегут нас

Уходят.

Сцена 3

В палатке Брута.

Люций и Титиний в некотором от нее расстоянии.

Входят Брут и Кассий.

К а с с и й

Что ты меня обидел, очевидно:
Был осужден тобою Люций Пелла
За то, что он с сардийцев подкуп взял;
О нем просил я, зная человека,
Ты письмами моими пренебрег.

Б р у т

Участьем в нем ты сам себя обидел.

К а с с и й

В такое время, как теперь, нехстати
Малейшую погрешность разбирать.

Б р у т

Дай, Кассий, мне тебе сказать: ты сам
За жадность рук не раз был осуждаем,
Что недостойным продавал места
За золото.

К а с с и й

Я с жадными руками?

Так говоря, ты знаешь, что ты Брут,
Не то б, клянусь, упрек твой был последним.

Брут

Прикрыло имя Кассия продажность,
Так наказанье голову и прячет.

Кассий

Что, наказанье?

Брут

Припомни март, припомни иды марта.
Великий Юлий не во имя ль правды
Сражен? Какой подлец его бы тронуть
Своим кинжалом не во имя правды
Осмелился? Как! чтоб один из нас,
Кем был убит первейший муж на свете,
За покровительство вора; чтоб мы
Себе марали пальцы в низких взятках
И продавали вокруг себя почет
За столько дряни, сколько схватишь горстью?
Псом лучше быть и лаять на луну,
Чем римлянином быть таким.

Кассий

Не зли

Меня, Брут, не стерплю я: ты забылся,
Так на меня насевши. Я солдат
Поопытней тебя и поспособней
Условья предлагать.

Брут

Не хвастай, Кассий.

Кассий

Таков я точно.

Брут

Я говорю, ты не таков.

Кассий

Не напирай; не то я сам забудусь,
Поберегись, не зли меня еще.

Брут

Прочь, жалкий человек!

К а с с и й

Возможно ли?

Б р у т

Послушай, что скажу я:
Иль уступать твоей мне быстрой желчи?
Дрожать затем, что злится сумасшедший?

К а с с и й

О боги! боги! это всё сносить?

Б р у т

Всё это? Больше! злись, пока не лопнешь.
Ступай, кажи свой гнев твоим рабам
И их заставь дрожать. Что ж, мне прижаться?
Мне за тобой ухаживать? Мне стать
И пред твоим кичливым гневом ползать?
Клянусь, весь яд ты собственный проглотить,
Хотя б ты лопнул: с нынешнего дня
Ты будешь мне забавен, нет, смешон,
Коль станешь злиться.

К а с с и й

До чего дошло?

Б р у т

Ты говоришь, что лучший ты солдат:
Так докажи, что ты недаром хвастал.
Я очень буду рад затем, что я
Всегда готов у доблестных учиться.

К а с с и й

Ты все назло мне да назло мне, Брут;
Солдат, сказал я, старший, а не лучший.
Сказал я лучший?

Б р у т

Пусть, мне всё равно.

К а с с и й

Сам Цезарь так меня не смел бы трогать.

Б р у т

Молчи! его б не смел ты так гневить.

К а с с и й

Я бы не смел?

Б р у т

Нет.

К а с с и й

Как! я б не смел его гневить?

Б р у т

Никак

Под страхом смерти.

К а с с и й

На любовь мою

Не чересчур рассчитывай; могу

Я сделать то, о чем жалеть я буду.

Б р у т

Ты сделал то, о чем жалеть бы должен.

Не страшны, Кассий, мне твои угрозы:

Я честностью вооружен так крепко,

Что их считаю, как бесплодный ветер,

Я ни во что. Я у тебя просил

Известных сумм, в которых отказал ты.

Я не могу брать деньги низким средством.

Клянусь, скорей свое чеканить сердце

Я рад и капать кровь свою на драхмы,

Чем из мозольных рук крестьянских рвать

Уловками их крохи. У тебя я

Хотел занять в уплату легионам,

Ты не дал. Поступил ли ты, как Кассий?

Я б так ли Каю Кассию ответил?

Когда Марк Брут так станет скуп, о боги!

Что дрянь такую от друзей запрет,

Да разразят его все ваши громы

На части.

К а с с и й

Я тебе не отказал.

Б р у т

Ты это сделал.

К а с с и й

Нет, ответ мой только
Привез глупец. Брут растерзал мне сердце;
Сносить ошибки друга должен друг,
Мои же ищет Брут преувеличить.

Б р у т

Ничуть, пока я не терплю от них.

К а с с и й

Не любишь ты меня.

Б р у т

Твоих пороков.

К а с с и й

Глаз друга их никак бы не видал.

Б р у т

А глаз льстеца не захотел бы видеть,
Хоть вышиной предстань они с Олимп.

К а с с и й

Сюда, Антоний и Октавий юный,
Вы Кассию отместите одному,
Устал жить Кассий, ненавидим тем,
Кого он любит: с ним враждует брат,
Кричит, как на раба, и все ошибки
Его списал и знает наизусть,
Мне ими в зубы тычет. — О, я душу
Рад выплакать глазами. Вот кинжал мой,
А вот моя нагая грудь, в ней сердце,
Дороже Плутусовых мин и злата.
Если ты римлянин, достаь его.
Я, золото скрывавший, выдам сердце.
Рази, как Цезаря ты поразил; я знаю,
Что и тогда, когда всего сильней
Его ты ненавидел, все любил
Его ты больше, чем когда-либо
Ты Кассия любил.

Б р у т

Вложи кинжал свой.
Злись, если хочешь, в этом волен ты;

Что хочешь, делай; гневом стыд скрывай.
О Кассий! с агнцем связан ты, в котором
Не больше злобы, чем огня в кремне:
Бить надо долго, чтоб сверкнули искры
И тот же холод вновь.

К а с с и й

На то ль жил Кассий,
Чтобы был для Брута он смешон, забавен,
Когда кровавым горем раздражен?

Б р у т

Так говоря, я раздражен был сам.

К а с с и й

Ты сознаешься в этом? — Дай мне руку.

Б р у т

Возьми и сердце с ней.

К а с с и й

О Брут!

Б р у т

В чем дело!

К а с с и й

Иль ты, любя меня, стерпеть не можешь,
Когда в пылу забудусь, мне врожденном
От матери.

Б р у т

Да, Кассий, и отныне,
Когда ты с Брутом будешь слишком строг,
Подумав: мать ворчит в нем, он уступит.

(Шум за сценой.)

П о э т

(за сценой)

Впустите! я вождей желаю видеть.
Меж ними спор возник. Нехорошо
Им быть одним.

Люций
(за сценой)
Тебя к ним не допустят.

Поэт
(за сценой)
Нет, остановит только смерть меня.
Входит поэт.

Кассий
Что там? В чем дело?

Поэт
Стыдитесь, полководцы! Что вы это?
Жить в дружбе двух таких мужей удел.
Клянусь, я больше лет, чем вы, узрел.

Кассий
Ха, ха! Как плохо циник нам рифмует.

Брут
Вон ты отсюда, прочь пошел, нахал!

Кассий
Брут, не сердись: таков его обычай.

Брут
Я знаться с ним готов, когда он сам
Знать будет время. На войне на что
Шуты нам эти? Ну, любезный, вон.

Кассий
Ступай, ступай, уйди.

Поэт уходит.
Входят Люцилий и Титиний

Брут
Люцилий и Титиний, пусть войскам
Начальники ночлеги заготовят.

Кассий
Да, воротясь, и Мессалу введите
Немедля к нам.

Люцилий и Титиний уходят.

Брут
Вина нам чашу, Люций.

Кассий
Не думал я, чтоб мог ты так сердиться.

Брут
О Кассий! множеством скорбей я болен.

Кассий
Своей ты философии не верен,
Когда бедам случайным поддался.

Брут
Никто не переносит бедствий лучше:
Скончалась Порция.

Кассий
А! Порция?

Брут
Она скончалась.

Кассий
Как я цел остался,
Когда я так тебе надоедал?
О нестерпимый, горестный урон!
Какой болезнью?

Брут
От тоски разлуки
И горя, что Октавий и Антоний
Так стали сильны. (Эта весть пришла
С ее кончиной.) — Растерявшись, тут
Она огня, украдкой, проглотила.

Кассий
Да так и умерла.

Брут
Так точно.

К а с с и й

О! вы, праведные боги!

Входит Люций с вином и факелами.

Б р у т

Не говори об ней ты больше. Чашу мне
Вина. В ней потоплю раздор наш, Кассий.

К а с с и й

Я сердцем жажду выпить этот кубок.

(Пьет.)

Лей, Люций, чтоб вино над чашей вздулось;
Без меры пью я Брутову любовь.

Входят Титиний и Мессала.

Б р у т

Войди, Титиний. Здравствуй, Мессала.
Здесь потесней мы к факелу подсядем
И разберем, что нам нужней всего.

К а с с и й

Ты скрылась, Порция?

Б р у т

Прошу — ни слова больше.

Вот, Мессала, я письма получил,
Что молодой Октавий и Антоний
Идут на нас с огромнейшею силой
И на Филиппы направляют путь.

М е с с а л а

О том же самом и ко мне писали.

Б р у т

Что ж добавляют?

М е с с а л а

Что, сделав списки, общим приговором
Октавий, Марк Антоний и Лепид
До ста сенаторов лишили жизни.

Б р у т

На этот счет не сходны наши письма:
Про семьдесят сенаторов казненных
Мне пишут, Цицерон один из них.

К а с с и й

Как, Цицерон?

М е с с а л а

Да, Цицерон убит,
И находился в списке осужденных.
Ты от жены ли письма получил?

Б р у т

Нет, Мессала.

М е с с а л а

И ничего об ней в твоих нет письмах?

Б р у т

Нет, Мессала.

М е с с а л а

Признаться, это странно.

Б р у т

Что? иль в твоих известья есть об ней?

М е с с а л а

Нет, ничего.

Б р у т

Как римлянин, всю правду мне скажи.

М е с с а л а

Перенеси ж, как римлянин, всю правду:
Она скончалася, и странной смертью.

Б р у т

Прости же, Порция! Все, Мессала, мы смертны.
Мысль, что придется умереть и ей,
Дала теперь мне силу это вынести.

М е с с а л а

Таков великий муж в великой скорби.

К а с с и й

Искусством я пришел к тому ж, как вы,
Но так сносить не мог бы по природе.

Б р у т

Да, но приступим поскорее к делу,
Спешить ли нам, по-вашему, к Филиппам?

К а с с и й

По мне, не следует.

Б р у т

Твой довод?

К а с с и й

Вот он.

Пусть лучше враг отыскивает нас:
Тут он, себе в ущерб, издержит средства
И утомит свои войска, а мы,
Тем временем отсиживаясь, будем
Покойны, в бой готовы и бодры.

Б р у т

Хороший довод уступает лучшим.
Народ между Филиппами и нами
Являет принужденную приязнь,
Он с ропотом поборы нам платил.
Наш враг, пройдя их край, дополнить может
Числительность свою — и подойдет
Усилен, освежен и обнадежен.
От этих выгод мы егоотрежем,
Когда его мы встретим при Филиппах,
Тот край в тылу остава.

К а с с и й

Слушай, брат.

Б р у т

Нет, извини меня. Не позабудь,
Что у друзей всё, что могли, мы взяли.
Ряды у нас полны, и зрел наш замысл,
А неприятель с каждым днем сильней.
Мы на вершине, — клонимся к упадку.
Уж таково течение дел людских:
Тот, кто попал в прилив — достигнет счастья,
Кто пропустил его, во весь путь жизни
По отмелям пробьется да невзгодам.
Вот мы теперь плывем с таким приливом,

И мы должны ловить поток попутный,
Или свой замысл бросить.

К а с с и й

Так ступай,
Куда ты хочешь! — Двинемся и мы,
Чтоб со врагом сойтиться при Филиппах.

Б р у т

Ночная мгла застигла наш совет,
Природа наша хочет взять свое,
Хотя на срок дадим мы ей покой.
Мы всё сказали?

К а с с и й

Всё. Покойной ночи.
Так завтра рано встанем, и в поход.

Б р у т

Люций, мой плащ.
Люци й уходит.
Друг Мессала, прощай,
Прощай, Титиний. — Доблестный мой Кассий,
Прощай, покойно спи.

К а с с и й

О, милый брат!
Недоброе преддверье ночи было.
Пусть наши души не враждуют снова!
Не правда ль, Брут?

Б р у т

Теперь в порядке всё...

К а с с и й

Прощай же.

Б р у т

Доброй ночи, добрый брат.

Титиний и Мессала

Прощай, наш Брут.

Брут

Всем вам покойной ночи.

(Уходят Титиний, Кассий и Мессала.

Люций возвращается с плащом.)

Подай мне плащ. — А лютня где твоя?

Люций

В палатке, здесь.

Брут

Ты говоришь, как сонный.

Бедняк, не диво, — на ногах всю ночь.

Зови ты Клавдия и с ним Варрона.

Пусть на подушках спят в моей палатке.

Люций

Варрон и Клавдий!

Входят Варрон и Клавдий.

Варрон

Ты звал нас, господин?

Брут

Я вас прошу, ложитесь здесь и спите:

Быть может, вас я скоро разбужу

И к брату Кассию дам порученье.

Варрон

Мы постоим и будем ждать приказа.

Брут

Нет, этого я не хочу. — Ложитесь,

Друзья мои. Раздумаю, быть может.

Вот, Люций, книжка, что я так искал.

Я сам ее в карман плаща засунул.

Слуги ложатся.

Люций

Я знал, что ты мне не давал ее.

Брут

Прости мне, друг, забывчив я ужасно.

Ты в состояньи ль, не смежая глаз

Усталых, песню мне сыграть иль две?

Люций

Да — ежели тебе угодно.

Брут

Очень.

Я слишком мучаю тебя, — но ты так добр.

Люций

Ведь это долг мой, — господин.

Брут

Мне б долгу

С тебя не брать превыше сил твоих:

Как молодежи сладок сон, я знаю.

Люций

Я спал уж, господин.

Брут

Прекрасно сделал и заснешь опять:

Не задержу тебя; пока я жив,

Хочу тебе оказывать добро. —

(Музыка и пение.)

Какой напев сонливый. Сон всеильный,

Иль ты свой жезл свинцовый наложил

На мальчика, который песнь тебе

Играет? Милый мальчик, доброй ночи;

Не буду я так зол, чтобы тебя

Будить; начнешь кивать и сломишь лютню.

Приму ее, — и доброй ночи, друг мой.

Постой, постой: загнул ли я там лист,

Где бросил чтенье? Кажется, вот здесь.

Садится. Является дух Цезаря.

Как тускло светит факел. — А! Кто тут?

Я думаю, усталость глаз моих

Творит такое странное виденье.

Оно ко мне подходит. — Точно ли

Ты что-нибудь? Бог, ангел или дьявол,

Что стынет кровь, и дыбом волос мой?

Промолви, что ты.

Дух

Злой дух твой, Брут.

Б р у т

Зачем явился ты?

Д у х

Сказать: меня увидишь при Филиппах.

Б р у т

Так я тебя увижу.

Д у х

При Филиппах.

(Д у х исчезает.)

Б р у т

Что ж, появляйся при Филиппах мне.
Едва я стал покоен, — ты исчез.
Злой дух, с тобой поговорить хотел бы.
Гей! Люций! Клавдий! Гей! Варрон! проснитесь.
Клавдий!

Л ю ц и й

Расстроились струны, господин;

Б р у т

Он думает, что всё еще за лютней.
Люций! проснись!

Л ю ц и й

Ах! господин.

Б р у т

Иль видел сон ты, Люций, что кричишь?

Л ю ц и й

Не знаю, господин, кричал ли я.

Б р у т

Да, ты кричал. Ты видел что-нибудь?

Л ю ц и й

Нет, ровно ничего.

Брут

Усни же, Люций, снова ты. — Гей, Клавдий,
Гей, малый, встань!

Варрон

Господин.

Клавдий

Господин.

Брут

Чего вы так, друзья, во сне кричали?

Варрон и Клавдий

Мы, господин?

Брут

Да, видели вы что?

Варрон

Нет, ничего я не видал.

Клавдий

Я тоже.

Брут

Привет мой брату Кассиюнесите:
Пусть тронет он войска свои пораньше,
А мы за ним последуем.

Варрон и Клавдий

Исполним.

Уходят.

АКТ V

Сцена 1

Входят Октавий, Антоний и их войска.

Октавий

Антоний! вот сбылись мои надежды.
Ты говорил, враг не сойдет в долины,

А будет всё по высотам держаться;
Не то выходит: их войска вблизи;
Они хотят застать нас при Филиппах
И раньше дать ответ, чем мы их спросим.

А н т о н и й

Эх! я им в душу заглянул и знаю
Причину этих действий: им бы можно
Идти в другое место; нет, с задором
Трусливым к нам спустились, вздумав дерзко
Заверить нас, что мужество в них есть;
Но это вздор.

Входит вестник.

В е с т н и к

Готовьтесь, вожди;
Враги идут рядами боевыми,
Кровавое их вывешено знамя,
И что-нибудь немедля делать надо.

А н т о н и й

Октавий, поведи свои войска
Вперед, тихонько, влево по равнине.

О к т а в и й

Я вправо тронусь, ты держися влево.

А н т о н и й

Зачем ты в важный миг мешаешь мне?

О к т а в и й

Я не мешаю, но я так хочу.

Марш. Барабаны бьют. Входят Брут и Кассий с своими войсками; Люцилий, Титиний, Мессала и другие.

Б р у т

Они стоят и говорить желают.

К а с с и й

Титиний, стой; мы выйдем к объяснению.

О к т а в и й

Давать нам знак к сраженью, Марк Антоний?

А н т о н и й

Нет, Цезарь, мы их нападение выждем.
Пойдем; вожди нас ждут на пару слов.

О к т а в и й

Не трогаться до знака.

Б р у т

Так сперва
Слова, сограждане, потом удары?

О к т а в и й

Но не милее нам слова, чем вам.

Б р у т

Слова благие лучше злых ударов.

А н т о н и й

Брут, на словах ты добр, при злых ударах:
Ведь ты пронзил же Цезарево сердце,
Крича: «Да здравствует наш Цезарь!»

К а с с и й

Мы, Антоний,

Еще твоих ударов не видали;
Но речь твоя ограбила пчел Гиблы¹,
Пустив без меду их.

А н т о н и й

Но не без жал.

Б р у т

О! да, без звуков даже; ведь у них,
Антоний, ты похитил их жужжанье,
И ты жужжишь, собираясь уязвить.

А н т о н и й

Предатели! Вы так не поступили,
Когда преступные кинжалы ваши
Соткнулися у Цезаря в груди;

¹ Гибла, Hybla, гора в Сицили, изобилующая любимыми растениями пчел.
«Hyblaea avena» (Virg.)

Как обезьяны, вы казали зубы,
И, лстя, как псы, сгибаясь, как рабы,
Вы Цезаревы ноги целовали,
Пока проклятый Каска, как собака,
В затылок Цезаря не вьелся. — О! лстецы!

К а с с и й

Лстецы! Вот, Брут, себя благодари;
Его язык не оскорблял бы ныне
Тебя, когда б ты Кассия послушал.

О к т а в и й

Ну, — к делу. Пусть нас спор потеть заставит,
Его решат нам капли покрасней.
Здесь меч на заговорщиков я вынул —
Когда же, думаете вы, вложу
Я снова меч свой? Никогда, пока
Всех тридцати трех Цезаревых ран
Не отомщу или доколе жертвой
Предателей — иной не станет Цезарь.

Б р у т

Ты, Цезарь, от предателей не можешь
Пасть, если не привел их.

О к т а в и й

Я надеюсь:
Я не рожден пасть от кинжала Брута.

Б р у т

Будь, юноша, в роду ты всех достойней,
Не мог бы ты почетней умереть.

К а с с и й

Пустой школяр не стоит этой чести,
С гулякой и притворщиком связавшись.

А н т о н и й

Старик-то Кассий.

О к т а в и й

Прочь пойдем, Антоний!
Предатели, швыряю в зубы вам
Свой вызов. Если смелость есть сегодня,

То выходите в поле; если ж нет, —
Когда сберетесь с духом.

Уходят Октавий, Антоний и их войска.

К а с с и й

Ну, ветер, дуй, встань хлябь, плыви челнок.
Поток растет, и всё во власти рока.

Б р у т

Люцилий, гей! два слова.

Л ю ц и л и й

Что прикажешь?

Брут и Люцилий говорят на стороне.

К а с с и й

Мессала, —

М е с с а л а

Что ты, вождь мой?

К а с с и й

Мессала,

Мой день рожденья нынче; в этот день
Родился Кассий. Мессала, дай руку:
Будь мой свидетель в том, что принужден я,
Как некогда Помпей, поставить всю
Свободу нашу на одно сражение.
Ты знаешь, я эпикурейских мнений
Держался строго. Ныне их меняю
И начинаю верить в предвещанья.
Когда мы шли от Сардеса, два мощных
Орла на знамя к нам передовое¹
Уселись и из рук солдат клевали —
Так до Филипп они нас провожали;
С утра ж сегодня поднялись они,
А вместо их вороны с коршунами,
Над головой у нас летая, смотрят
На нас, как на бессильную добычу;
Их тени скорбным кажутся навесом,
Под коим наше войско дух испустит.

¹ В прежних изданиях: former ensign, у Колльера: forward ensign.

Мессала

Не верь ты в это.

Кассий

Верю я отчасти,
Но духом бодр и чувствую решимость
Всем бедствиям идти навстречу твердо.

Брут

Так вот, Люцилий.

Кассий

Да, достойный Брут.
Пусть боги нынче нас хранят, чтоб нам
В любви и мире старости достигнуть!
Но так как все дела людские шатки,
То худшее, что может быть, обсудим.
Коль эту битву проиграем мы,
То этот разговор у нас последний.
Как ты решился поступить тогда?

Брут

По правилам тем самым философским,
По коим я Катона осуждал
За смерть, которую себе нанес он.
Не знаю как, но нахожу я низким
И малодушным сокращать срок жизни,
Страшась того, что может быть; терпением
Вооружась, дождусь решений высших,
Что нами правят здесь.

Кассий

Так проиграв сраженье,
Согласен ли ты будешь, чтоб тебя
Вдоль римских улиц повели в триумфе?

Брут

Нет, Кассий, нет, мой римлянин, не думай,
Чтоб Брут пошел в оковах в Рим. На это
Он слишком горд душой. Но этот день
Пусть то, что началось на иды марта,
Кончает. Свидимся ль с тобой, не знаю.
Итак, простимся здесь в последний раз:
Навек, навек будь счастлив ты, мой Кассий;

Коль свидимся, то, верно, улыбнемся,
А если нет, мы дружески простились.

К а с с и й

Навек, навек будь счастлив ты, мой Брут:
Коль свидимся, то, верно, улыбнемся,
А нет, ты прав: мы дружески простились.

Б р у т

Веди ж войска. О! если б кто мог знать
Исход сегодняшнего дня заране!
Но дело в том, что кончится же день,
Тогда исход узнаем. Гей, вперед!

Уходят.

Сцена 2

Там же. Поле сраженья.
Шум. Входят Брут и Мессала.

Б р у т

Ты, Мессала, скачи, записку эту
Тем легионам передай вдаль.
Вели им разом ринуться; я вижу,
Слабеют у Октавия в крыле,
И быстрый натиск опрокинет их.
Скачи скорей: веди их всех в долину.

Уходит.

Сцена 3

Там же. Другая часть поля.
Шум. Входят Кассий и Титиний.

К а с с и й

Взгляни, Титиний, подлецы бегут!
Я на своих сам кинулся враждебно:
Вот это наше знамя повернуло;
Я труса сам убил и вырвал знамя.

Т и т и н и й

О Кассий! Брут дать знак поторопился.
Взяв перевес над Цезарем, напал он

Заносчиво; войска пустились грабить,
Меж тем Антоний всех нас окружил.

Входит Пиндар.

Пиндар

Спасайся, вождь, спасайся! Марк Антоний
В твоих палатках, вождь, и потому
Спасайся, благородный Кассий, дальше.

Кассий

Тот холм не близко. Посмотри, Титиний,
Уж не мои ль палатки там горят?

Титиний

Да.

Кассий

Если любишь ты меня, Титиний,
Садись на моего коня, дай шпоры,
Чтобы тебя до тех он войск домчал,
Потом назад; хочу я убедиться,
Враги или друзья нам те войска.

Титиний

Я с быстротою мысли возвращусь.

(Уходит.)

Кассий

Взойди на этот холм повыше, Пиндар:
Я близорук, Титинию вослед
Гляди и говори, что видишь в поле.

(Пиндар уходит.)

Я в этот день дохнул впервые, — время
Свершило круг, где начал — там и кончу.
Путь жизни я прошел. Гей, малый, что там?

Пиндар

(сверху)

О вождь мой!

Кассий

Что такое?

Пиндар

Вон всадниками окружен Титиний,
Со всех сторон они к нему несутся,
Но он всё скачет: вон они уж близко.
Смелей, Титиний! слезли! О! и он: —
Он взят; и чу!

(клики)

их радостные клики.

Кассий

Сойди сюда и больше не смотри.
Какой я трус, коль дожил до того,
Чтоб лучший друг мой на моих глазах
Был в плен захвачен.

Входит Пиндар.

Ты, поди сюда.

Я в Парфии тебя взял в плен, и жизнь
Твою спасая, клятву взял с тебя,
Что, что бы я тебе ни приказал,
Ты все исполнишь. Вот, исполни клятву:
Будь вольным; и вот этот добрый меч,
Пронзивший Цезаря, вонзи мне в грудь.
Не возражай: берись за рукоять;
Когда лицо закрою, как теперь,
Направь свой меч. — О Цезарь, ты отмщен,
И тем мечом, которым ты убит.

(Умирает.)

Пиндар

Вот я свободен, но не то бы было,
Располагай собою я. О Кассий!
Бежит туда отсюда Пиндар, где
Никто об нем из римлян не услышит.

(Уходит.)

Возвращаются Титиний и Мессала.

Мессала

Одно другого стоит тут, Титиний;
Октавия сбил благородный Брут,
Как легионы Кассия Антоний.

Титиний

Рад будет очень этой вести Кассий.

Мессала

Где ты его оставил?

Титиний

Неутешный,

Здесь на холме он с Пиндаром стоял.

Мессала

Не он ли это на земле лежит?

Титиний

Лежит он, словно не живой. О сердце!

Мессала

Он это, что ль?

Титиний

Нет, Мессала, то был он,

Но Кассия нет более. О солнце!

Как ты во мглу спешишь в лучах багровых,

День Кассия в крови багровой тонет.

Сокрылось солнце Рима. День наш миновал;

Мгла, тучи, бедствия идут. Наш подвиг кончен.

Безверием в успех мой он убит.

Мессала

Сомнением в удачи он убит.

О заблужденье гнусное, дитя

Тоски! зачем людской подвижной мысли

Ты представляешь вещь, которой нет?

О заблужденье! зачинаясь скоро,

Ты до родов счастливых не доходишь,

Убивши мать, зачавшую тебя.

Титиний

Ну, Пиндар, где ты, Пиндар?

Мессала

Отыщи

Его, Титиний; к доблестному Бруту

Меж тем пойду я, этой вестью слух

Ему пронзить; я говорю, пронзить;

Сталь острая, отравленные стрелы

Для Брутовых ушей не хуже вести

Об этом зрелище.

Титиний

Скорей же, Мессала;
Здесь Пиндара меж тем я поищу.
Зачем меня услал ты, храбрый Кассий?
Не повстречал ли я твоих друзей;
И мне они победного венка
Не возложили ль на чело, прося
Свести к тебе? Ты слышал ли их клики?
Увы! ты все растолковал превратно.
Но на чело свое прими венок,
Твой Брут велел отдать его тебе;
Его исполню волю. Брут, сюда:
Взгляни, как Кайя Кассия почтил я.
О боги! вас сын Рима призывает:
Меч Кассия Титиния пронзает.

(Умирает.)

Шум. Входят Мессала и Брут, молодой Катон, Стратон,
Волюмний и Люцилий.

Брут

Где, Мессала, где труп его лежит?

Мессала

Смотри! вон там; над ним грустит Титиний.

Брут

Титиний вверх лицом.

Катон

И он убит.

Брут

О Юлий Цезарь! ты еще могуч:
Твой бродит дух и обращает наши
Мечи на нашу грудь.

Катон

Титиний честный!

Смотри, как труп он Кассия венчал!

Брут

Живых двух римлян равных им найдешь ли?
Из всех последний римлянин, прощай!

Рим никогда не в силах породить
Подобного тебе. — Друзья, я должен
Вот этому усопшему гораздо
Слез более, чем заплачу при вас;
Но будет время, Кассий, будет время.
Итак, в Тассос отправьте труп его.
Мы в лагере его не похороним:
Смутило б это нас. — Пойдем, Люцилий;
И молодой Катон; пойдете в поле.
Ты, Лабео и Флавий, троньте войско:
Пробило три; друзья, до тьмы ночной
Пусть нам судьбу решит вторичный бой.

Сцена 4

Другая часть поля.

Шум. Входят, сражаясь, солдаты обеих армий;
затем Брут, Катон, Люцилий и другие.

Брут

Теперь, друзья, голов не опускайте!

Катон

Тот выродок, кто не пойдет за мной!
Провозглашу свое я имя в поле.
Гей! вы, я сын Марка Катона!
Тиранов враг и друг страны родной.
Гей! вы, я сын Марка Катона!

(Устремляется на врагов.)

Брут

А я, я Брут, Марк Брут, отчизны друг,
Я Брут, и вы во мне признайте Брута!

(Уходит, напирая на врагов. Катон осилен и падает.)

Люцилий

О юный, доблестный Катон, ты пал!
Но умер ты отважно, как Титиний,
И стоишь чести сыном быть Катона.

1-й солдат

Сдавайся, иль умри.

Люцилий

Сдаюсь с одним,
Чтоб умереть. Здесь столько, что немедля
(предлагает деньги)
Меня убьешь ты. Так убей же Брута,
И пусть тебя прославит смерть его.

1-й солдат

Нет, мы не смеем — благородный пленник.

2-й солдат

Дорогу, вы! Антонию скажите,
Что пойман Брут.

1-й солдат

Скажу. Да вот он сам.
(Входит Антоний.)
Брут взят, Брут взят, наш полководец.

Антоний

Где он?

Люцилий

Он в безопасности, Антоний.
Опасности нет никакой для Брута.
Поверь ты мне, что никогда живой
Врагу не дастся благородный Брут.
И, верно, боги от такого срама
Его спасут. Где б ты его ни встретил,
Живого или мертвого, — найдешь
Ты Брута в нем, каким он должен быть.

Антоний

Это не Брут, друзья; но верьте, пленник
Он столько ж важный. Взяв его под стражу,
Поласковой с ним будьте. Я бы лучше
Таких людей друзьями, чем врагами
Желал иметь. Ступайте разузнать,
Что, жив ли Брут или убит: и нам
К Октавию в палатку принесите
Ответ, как обстоит всё дело.

Уходит.

Сцена 5

Другая часть поля.

Входят Брут, Дарданий, Клит, Стратон и Волюмний.

Брут

Сюда, моих друзей остаток бедный,
На камне этом сядемте.

Клит

Стагилий

Шел с факелом вперед, но не вернулся.
Он или в плен попал, или убит.

Брут

Садись-ка, Клит: убит, вернее слово,
Оно теперь в ходу. Послушай, Клит.

(Шепчет ему.)

Клит

Как, я, мой вождь? Нет, ни за что на свете.

Брут

Ну, так молчи!

Клит

Скорей убью себя.

Брут

Послушай-ка, Дарданий.

Дарданий

Чтоб решился

Я на такое дело?

Брут

О Дарданий!

Дарданий

О Клит!

Клит

Какое злое порученье
Тебе дал Брут?

Д а р д а н и й

Убить его, — о Клит!
Ты видишь ли, он в думу погрузился.

К л и т

Теперь так полон скорби благородный
Сосуд, что из очей она струится.

Б р у т

Пойди сюда, Волюмний мой, два слова:

В о л ю м н и й

Что ты прикажешь, вождь?

Б р у т

Вот что, Волюмний,
Дух Цезаря мне два раза являлся
В ночное время. В Сардесе впервые,
Да вот вчера на филиппинском поле.
Мой час настал, я знаю.

В о л ю м н и й

Нет, мой вождь.

Б р у т

Нет так, Волюмний, в этом я уверен.
Ход дел мирских ты сам, Волюмний, видишь:
Враги догнали нас до края бездны:
Достойней нам самим в нее прыгнуть,
Чем ждать, пока столкнут нас. Друг Волюмний,
Ты знаешь, мы с тобой ходили в школу;
Прошу тебя во имя старой дружбы,
Держи мой меч, я брошусь на него.

В о л ю м н и й

Не дружеское это дело, вождь.

(Шум увеличивается.)

К л и т

Беги, беги, мой вождь! нельзя тут медлить.

Б р у т

Прощайте же вы все; — и ты, Волюмний. —
Стратон, ты это время всё проспал;

Прощай и ты. — Сограждане, отрадно
Душе моей, что во всю жизнь не встретил
Я никого, кто б не был верен мне,
Мне этот день злосчастный больше славы
Доставит, чем Октавий и Антоний
Приобретут победой недостойной.
Прощайте ж все. А Брутовы уста
Окончат скоро собственную повесть.
Ночь пред глазами; кости ждут покоя,
Давно им этот час желанным был.

(Шум. Крики извне: бегите, бегите, бегите.)

К л и т

Беги, мой вождь!

Б р у т

Спасайтесь! Я за вами.

Уходят Клит, Дарданий и Волюмний.
Стратон, побудь с своим ты господином,
Прошу тебя. Ты был хороший малый —
И честью отзывалась жизнь твоя,
Так поддержи мой меч и отвернись,
Я брошусь на него. Стратон, согласен?

С т р а т о н

Сперва дай руку мне. Теперь прощай.

Б р у т

Прощай, Стратон! — Ты, Цезарь, спи в покое,
Тебя убить трудней мне было вдвое.

Бросается на меч свой и умирает.

Шум. Отступление. Входят Октавий, Антоний, Мессала,
Люцилий и их войска.

О к т а в и й

Кто этот человек?

М е с с а л а

Он моего

Вождя слуга. Стратон, где господин твой?

С т р а т о н

Свободен, Мессала, от тех оков,
Какими связан ты, и только могут

Сжечь победителя его. Сам Брут
Победу над собою одержал.
Никто другой его не славен смертью.

Люцилий

Таким найти могли мы только Брута.
О Брут, благодарю тебя, что ты
Люцилия слова так оправдал.

Октавий

Служивших Бруту всех зову к себе.
Ты хочешь ли мне время посвятить?

Стратон

Да, если Мессала меня уступит
Тебе.

Октавий

Не откажи, друг Мессала.

Мессала

Стратон, как умер вождь мой?

Стратон

Я меч держал, он бросился на меч.

Мессала

Октавий, так возьми его к себе,
Он отдал долг последний господину.

Антоний

То римлянин был — благородней всех.
Все заговорщики, за исключением
Его, так поступили, как он сам,
Из ненависти к Цезарю; один
Он, повинувшись чести и любви
К общественному благу¹, к ним пристал.
Он жизнью был кроток; и стихии
Так в нем соединились, что природа

¹ В прежних изданиях: He only in a general honest thought,/And common good to all; у Колльера: He only in a generous honest thought of common good to all.

Могла б восстать и возвестить вселенной:
«Вот это человек был!»

О к т а в и й

По доблестям его, со всем почетом
Свершим над ним обряды похорон.
Пусть труп его в моей палатке ночью
Лежит во всем воинственном убранстве.
Войскам покой. — А мы делить пойдем
Всё, что дано нам этим славным днем.

КОММЕНТАРИИ

Условные сокращения

- БДЧ* — журнал «Библиотека для чтения».
- ВЕ* — журнал «Вестник Европы».
- ВО 1* — Вечерние огни. Собрание неизданных стихотворений А. Фета. М.: Типогр. А. Гацтука, 1883.
- ВО 2* — Вечерние огни. Выпуск второй неизданных стихотворений А. Фета. М.: Типогр. М. Г. Волчанинова, 1885.
- ВО 3* — Вечерние огни. Выпуск третий неизданных стихотворений А. Фета. М.: Типогр. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1888.
- ВО 4* — Вечерние огни. Выпуск четвертый неизданных стихотворений А. Фета. М.: Типогр. А. И. Мамонтова и К^о, 1891.
- ВО 1979* — *Фет А. А.* Вечерние огни / Изд. подгот. Д. Д. Благой, М. А. Соколова. 2-е изд. М.: Наука, 1979 («Литературные памятники»).
- ГМТ* — Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва).
- Гораций1856* — Оды К. Горация Флакка. Перевод с латинского А. Фета. СПб.: В типогр. Королева и комп., 1856.
- Гораций1883* — К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета. М.: Типогр. М. П. Щепкина, 1883.
- ЖМНП* — «Журнал Министерства народного просвещения».
- Из неиздан. переписки* — Из неизданной переписки русских литераторов. Публикация Ю. Д. Левина // Шекспир. Библиография. М., 1960.
- ЛГ* — «Литературная газета».
- Лит. Насл.* — Литературное наследство. М.: Наука, 1931–2000. Т. 1—102. Изд. продолжается.
- ЛП* — <*Фет А. А.*> А. Ф. Лирический Пантеон М.: В типогр. С. Селивановского, 1840.
- ЛС 1894* — *Фет А. А.* Лирические стихотворения. В 2-х частях. СПб.: Типогр. бр. Пантелеевых, 1894.
- МВ* — *Фет А. А.* Мои воспоминания: 1848–1889. Чч. 1—2. М.: Типогр. А. И. Мамонтова и К^о, 1890.
- Москва.* — журнал «Москвитянин».
- Некрасов. Переписка* — Переписка Н. А. Некрасова: В 2-х т. / Составление и комментарии В. А. Викторovichа, Г. В. Краснова, Н. М. Фортунатова. М., 1987.
- ОЗ* — журнал «Отечественные записки».
- ПССт1901* — *Фет А. А.* Полное собрание стихотворений: [В 3-х т.] / Под ред. Б. В. Никольского. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1901.
- ПССт1910* — *Фет А. А.* Полное собрание стихотворений: [В 2-х т.] / Со вступ. статьями Н. Н. Страхова и Б. В. Никольского СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1910.
- ПССт1912* — *Фет А. А.* Полное собрание стихотворений: [В 2-х т.] / Со вступ. статьями Н. Н. Страхова и Б. В. Никольского (Приложение к журналу «Нива»). СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1912.

ПССм1937 — Фет А. А. Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., ред. и прим. Б. Я. Бухштаба. Л.: Сов. писатель, 1937 («Библиотека поэта»).

ПССм1959 — Фет А. А. Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подг. текста и прим. Б. Я. Бухштаба. Л.: Сов. писатель, 1959 («Библиотека поэта»).

Письма к Дружинину — Письма к А. В. Дружинину. Летописи Гослитмузея. М., 1948.

ОР РГБ — Отдел рукописей РГБ.

ОР РНБ — Отдел рукописей РНБ.

РВ — журнал «Русский вестник».

РГ — Фет А. А. Ранние годы моей жизни. М.: Типогр. А. И. Мамотова, 1893.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).

РиП — журнал «Репертуар и Пантеон».

РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).

РО — журнал «Русское обозрение».

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

РСл — журнал «Русское слово».

Сб1850 — Фет А. А. Стихотворения. М.: В типогр. Н. Степанова, 1850.

Сб1856 — Фет А. А. Стихотворения. СПб.: В типогр. Эдуарда Праца, 1856.

Сб1863 — Фет А. А. Стихотворения. В 2-х частях. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1863.

Совр. — журнал «Современник».

Соч. — Фет А. А. Сочинения: В 2-х т. / Сост., вступ. ст., коммент. А. Е. Тархова. М.: Худож. литература, 1982.

СиП1986 — Фет А. А. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. Б. Я. Бухштаба. Подг. текста и примеч. Б. Я. Бухштаба и М. Д. Эльзона. Л.: Сов. писатель, 1986 («Библиотека поэта»).

Сп1892 — Список, составленный Фетом при подготовке собр. стний в 1892 г. (РГБ).

СтПрП — Фет А. А. Стихотворения. Проза. Письма / Сост. и прим. Г. Д. Аслановой, Н. Г. Охотина, А. Е. Тархова. М.: Сов. Россия, 1988.

Т 1 — Тетрадь автографов (РО ИРЛИ), содержащая стихотворения Фета 1854-1859 гг.

Т 2 — Тетрадь автографов (РО ИРЛИ), содержащая стихотворения Фета 1859-1885 гг.

ТетрРГБ — Тетрадь автографов (ОР РГБ), содержащая стихотворения Фета (переводы) 1853—1862 гг.

Толстой. Переписка — Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями: В 2 т. Изд. 2-е. М., 1978.

Тургенев. Письма — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961—1968.

Фет(ОЗ) — Ответ на статью «Русского вестника» об «Одах Горация» // Отечественные записки. 1856. № 6 (июнь). Отд. II. С. 27—44.

Хрон. указ. — Хронологический указатель, приложенный к ПССт1901 и ПССт1910, составленный Б. В. Никольским.

Шестаков(1) — Шестаков С. Оды Горация в переводе г. Фета / Русский вестник. 1856. № 2 (февраль). Т. 1. С. 562—578.

Шестаков(2) — Шестаков С. Еще несколько слов о русском переводе Горациевых од // Русский вестник. 1856. № 12 (декабрь). Т. 6.

О ФЕТЕ-ПЕРЕВОДЧИКЕ

«Переводческая деятельность Фета громадна», — писал в 1936 г. Б. Я. Бухштаб в обзорной статье «Судьба литературного наследства А. А. Фета». Однако, перечислив основные труды Фета-переводчика, исследователь высказал мнение, что переводы эти вряд ли нуждаются в переиздании «иначе как в выборках в собрании стихотворений» поэта¹. Именно так и была до последнего времени представлена эта сторона творчества Фета в подготовленных Б. Я. Бухштабом нескольких изданиях полного собрания стихотворений и поэм в серии «Библиотека поэта» (1937, 1959, 1986). Лишь в последнее время сложившаяся традиция была нарушена. Несколько глав из сочинения А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление» в переводе Фета были включены в том избранных работ немецкого философа². В 1998 г. в издательстве «Радуга» был переиздан «Юлий Цезарь» Шекспира в переводе Фета, в 2003 г. — «Антоний и Клеопатра»³. Одновременно наметилась существенная переоценка художественных достоинств фетовских переводов.

«Критика неизменно отрицательно отзывалась о его переводах, — пишет современный исследователь, — его переводческие принципы оценивались как неуместное экспериментаторство и обозначались неточным, допускающим многочисленные интерпретации термином «буквализм»⁴. Между тем деятельность Фета-переводчика является неотъемлемой частью не только его творчества, но и всей истории русской переводной литературы, воссоздать которую в полном объеме еще предстоит.

Дело не только в том, что все, созданное пером великого поэта, должно быть издано и осмыслено. В своих по преимуществу поэтических (и не только поэтических) переводах Фет оказался новатором, в силу многих причин далеко не до конца понятым современниками и не вполне оцененным позднейшими поколениями. В оставленном им переводческом багаже поражает не только объем — почти вся римская поэзия, полный перевод «Фауста» Гёте, перевод главной книги А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление», а также немалое число лирических стихотворений и поэм Гёте, Шиллера, Мицкевича, А. Шенье и других лириков. Не менее важно то, что в процессе перевода поэтом были выработаны своеобразные принципы, сохраня-

¹ Литературное наследство. Т. 22—24. М.; Л., 1936. С. 596.

² Шопенгауэр А. Избранные произведения / Составитель, автор вступит. статьи и примеч. И. С. Нарский. М., 1993.

³ Шекспир У. Антоний и Клеопатра. Перевод А. А. Фета / Текст и комментарии подготовил А. В. Ачкасов. Курск, 2003.

⁴ Ачкасов А. В. Шекспир в переводе Фета в контексте русской переводческой школы середины XIX века // Шекспир У. Антоний и Клеопатра. С. 160.

ющие актуальность для историков и теоретиков этого рода творчества⁵.

Ко времени выхода в свет второй части сборника 1863 г., положенного в основу настоящего тома, Фет не был новичком в области перевода. По интенсивности переводческой деятельности его можно сравнить с В. А. Жуковским, чьи переводы также в несколько раз превышали оригинальное творчество. Суть, разумеется, не в количественном соотношении того и другого. Сравнение с Жуковским, хотя и напрашивается, должно быть оговорено значительным несовпадением творческих установок, которыми руководствовались два поэта, обращаясь к переводу. Жуковский, чей вклад в историю русской переводной литературы трудно переоценить, в силу своих эстетических убеждений позволял себе достаточно вольное обращение с оригиналом. В определенной степени он «прививал» переводимые им произведения к русской литературе, в то время как Фет такой задачи никогда перед собой не ставил. Он стремился лишь к адекватному воспроизведению того или иного произведения. «Жуковский, — писал В. Я. Брюсов, — во всех своих переводах заботился больше всего о том, чтобы передать *сюжет и образы* таков был его метод перевода; он часто изменял даже размер, совсем не думал о движении стиха и лишь изредка обращал внимание на его звуковое значение <...>. Фет, наоборот, внимательнее всего относился именно к *движению стиха*, и его русские стихи почти точь-в-точь укладываются на оригинал: цезуре соответствует цезура, enjambement — enjambement и т. д.; Фет жертвовал ради такого совпадения даже смыслом, так что иные гекзаметры в его переводах Овидия и Вергилия становятся понятны лишь при справке в латинском тексте»⁶. Собственно просветительская задача, стоявшая перед Жуковским, может быть сформулирована по отношению к Фету позднее, когда он обратился к систематическому переводу целого ряда римских поэтов.

Известно, что практически все русские стихотворцы, начиная с Тредьяковского и Ломоносова, выступали как переводчики. Это было обусловлено самой историей России, самим ее геополитическим положением в мире, которое обязывало ее впитывать, выражаясь словами поэта, не только «острый галльский смысл» и «сумрачный германский гений». И в этом бесконечном процессе переводчик выдвигался на одно из почетнейших мест.

К тому времени, когда Фет вступил в литературу одновременно как поэт и переводчик, то есть к началу 1840-х гг., древние и совре-

⁵ Выдержки из статей, предисловий к переводам и из переписки Фета были опубликованы в кн.: Русские писатели о переводе. XVIII—XX вв. / Под ред. Ю. Д. Левина и А. В. Федорова. Л., 1960. По этому изданию они воспроизведены в кн.: Перевод — средство взаимного сближения народов / Сост. А. А. Клышко, предисл. С. К. Апта. М., 1987.

⁶ Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 106.

менные иностранные авторы были представлены в России многочисленными переложениями, переводами, подражаниями. Иными словами, русский переводческий рынок к 1830-м — 40-м гг. был уже достаточно богат. Однако, подводя строго к обзору существовавших в наличии переводов на русском языке, даже в конце XIX столетия можно было сделать вывод о том, что «переводная литература у нас не только не поражает своим обилием, но и положительно бедна»⁷. В то же время, смотря на проблему переводной художественной литературы шире, серьезных оснований для подобного вывода, думается, нет.

«Ко второй половине XVIII века, — писал М. П. Алексеев, — к переводческой деятельности чувствуется такой интерес и такая настоятельная необходимость, что основывается специальное общество переводчиков, содержащееся на государственные средства»⁸. Несмотря на невысокое качество переводов, делавшихся нередко опосредованно, с французского, общее движение к более полному освоению мировой культуры было очевидным. Заданная реформами Петра I тенденция к вращению России в европейский контекст была могучим стимулом к развитию переводческой деятельности, пусть эта деятельность и была в первую очередь направлена на освоение научных достижений. «Хотя сам Петр, если верить преданию, после некоторого колебания и прочел одну сатиру Ювенала, — пишет современный исследователь, — это никак не сказалось на его отношении к поэзии, недаром при нем не было напечатано ни одной переводной поэтической книжки, а уже подготовленная к печати в 1700 г. И. Копиевским книга «Горацый Флякус о добродетели, стихами поэтыцкими, русский» так и не увидела света, и никаких следов этого перевода не сохранилось»⁹.

Однако в последующие годы репертуар переводной художественной литературы стремительно расширялся, так что М. П. Алексеев мог с некоторой долей преувеличения сказать о второй половине XVIII столетия: «Классические писатели всех времен и народов тогда переводились отдельно и целыми собраниями в таком огромном количестве, что сотни, если не тысячи великих произведений мировой литературы до сих пор имеются у нас только в переводах екатерининского времени»¹⁰.

Следует, правда, заметить, что «переводческий бум» касался более прозы, чем поэзии, да и сама поэзия перелажалась нередко про-

⁷ Рубакин Н. А. Предисловие // Библиографический указатель переводной беллетристики в связи с историей литературы и критикой. С предисловием Н. А. Рубакина. СПб., 1897. С. III.

⁸ Алексеев М. П. Проблема художественного перевода. Вступительная лекция в Иркутском государственном университете 15 декабря 1927 года. Иркутск, 1931. С. 28.

⁹ Николаев С. И. Глава I, раздел «Поэзия» // История русской переводной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. II. Драматургия. Поэзия / Отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб., 1996. С. 97.

¹⁰ Алексеев М. П. Проблема художественного перевода. С. 28.

зой. Лишь «после карамзинской реформы русской литературной речи» начался тот период в истории русского художественного перевода, который можно назвать «периодом творческим»¹¹. «Отдельные переводы достигают в эту эпоху значительного совершенства и достаточно близко воспроизводят подлинники; мы имеем от этого времени даже настоящие шедевры переводческого искусства»¹². Говоря о переводчиках 1820-х — 1850-х гг., М. П. Алексеев отметил, что именно эти годы характерны не количеством, а качеством переводов, к которым относились «с редкой серьезностью и добросовестностью». Именно в то время возникают споры вокруг самих принципов перевода, появляются «капитальные критические разборы отдельных переводов», формируются принципы переводческого искусства.

История повторяется, и не всегда в соответствии с известным афоризмом о трагедии и фарсе. Если во второй половине XVIII века вопрос о «пользе» собственно художественной литературы, в том числе и переводной, представлялся весьма актуальным, то к 1840-м годам этот вопрос вновь встал на повестку дня с тем, чтобы к началу 1860-х произведений, «для одной забавы сочиненные», были подвергнуты поруганию и осмеянию. О том, что подразумевалось в ту или иную эпоху под словами «польза» и «забава», можно было бы говорить отдельно. В разговоре о Фете-переводчике важно отметить, что взлет его поэтического творчества (в том числе и переводческого) пришелся на годы, не вполне благоприятные для сторонников «чистого искусства», к числу которых с полным правом следуют отнести Фета. В области поэтического перевода, как и вообще художественного творчества, Фет высказался не только как поэт и переводчик, но и как литературный критик и теоретик.

Предисловия и комментарии, которыми Фет снабжал свои переводы, а также статьи, в которых он вступал в полемику с критиками этих переводов, изобилуют признаниями и наблюдениями, имеющими как общеэстетическое, так и практическое значение, и позволяют связать его имя с определенным этапом в истории русского переводческого искусства.

Среди предшественников этого нового этапа переводческого мастерства Е. Г. Эткинд особо отметил имя «неутомимого экспериментатора в области метрики и строфики» А. Х. Востокова, еще в 1802 году изумившего современников попыткой передать по-русски сложные латинские размеры (алкееву, сапфическую и др. строфы) при переводе од Горация. Среди последователей Востокова, стремившегося к преодолению классицистической догмы, состоявшей в тенденции к сглаживанию, нивелированию поэтической речи, ученый назвал рядом с Тютчевым, Блоком и др. имя Фета. Правда, он предположил, что поэты, освободившие русский стих от пут классицизма, были, ско-

¹¹ Алексеев М. П. Проблема художественного перевода. С. 29.

¹² Там же.

рее всего, не знакомы с идеями и опытами Востокова¹³. Не имея пока достоверных доказательств противного, укажем все же на близкое знакомство Фета еще на студенческой скамье с профессором С. П. Шевыревым, видным теоретиком и практиком перевода, нашедшим в молодом поэте, очевидно, то, что он искал в своем стремлении окончательно разорвать с классицистической традицией, реформировав русский стих.

Высокая оценка фетовских переводов из Горация, сделанная Шевыревым при публикации 13-ти од в «Москвитянине» (1844, № 1), означала не только поддержку молодого поэта со стороны маститого профессора, это была и поддержка тех принципов, которым следовал Фет, обращаясь к воспроизведению по-русски одного из труднейших для перевода римских лириков. Трудно представить, чтобы, общаясь с Шевыревым, Фет остался непосвященным в эстетические споры, одним из активных участников которых был его учитель¹⁴. Представляется далеко не случайным, например, что поэмы Фета были написаны октавами, за внедрение которых в русский стих ратовал Шевырев. Думается, что таким образом Фет занял определенную позицию в споре о русской октаве, поднятом в 1822 г. П. Катениным, на стороне которого позднее выступил Шевырев¹⁵. Мечтавший о перевороте в стихотворном языке, который будет осуществлен новым поколением поэтов, в том числе и переводчиков, Шевырев прозорливо рассмотрел в молодом поэте одного из них. Вот почему, публикуя оригинальные стихотворения и переводы Фета, он не скупился на похвалы. Говоря о переводах из Горация, он писал в предисловии: «Г. Фет в своем переводе воспроизводит нам дух поэта римского — и передает его с близостью неимоверною. <...> Г. Фет переводит Горация так, как бы сам Гораций выражал свои римские языческие мысли на нашем языке»¹⁶. Позднее этот отзыв подтвердит Ап. Григорьев¹⁷.

Не углубляясь в историю переводческой мысли названного периода, отметим лишь, что взгляды на данный предмет А. А. Фета, одно-

¹³ Эткинд Е. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973. С. 54.

¹⁴ Отношения Фета и С. П. Шевырева начали привлекать внимание исследователей, но они, несомненно, нуждаются в дальнейшем изучении (см.: Успенская А. В. Антологическая поэзия А. А. Фета. СПб., 1997. С. 8—9, 16—17; Ратников К. В. Фетовские переводы од Горация в оценке Шевырева // А. А. Фет и русская литература. XVI Фетовские чтения. Курск, 2002. С. 67—71.

¹⁵ См. об этом: Эткинд Е. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. С. 155—201.

¹⁶ Москвитянин. 1844. № 1. С. 27. Подробнее об этом см. в преамбуле к комментариям к разделу «Гораций».

¹⁷ Статья Ап. Григорьева, напечатанная впервые в «Москвитянине» (1852), вошла в 1-й том его Полного собр. соч. и писем, под ред. В. Спиридонова. Пг., 1918. С. 181.

го из наиболее усердных русских поэтов-переводчиков, сформировались в эпоху, когда возможности русской стихотворной речи уже значительно обогатились. После Батюшкова, Баратынского, Грибоедова, наконец, Тютчева, Пушкина и Лермонтова говорить об ограниченных возможностях русской просодии было невозможно. Все русские поэты, выступавшие и в роли переводчиков, внесли свой вклад в эту область, обогатив не только стихотворный, но и общелитературный язык. И вклад каждого был особым.

Продолжая в качестве переводчика линию Востокова, Катенина, П. А. Вяземского, Шевырева, Фет волей или неволей противостоял другой — представленной блестящими именами Карамзина, Жуковского, Тютчева, Лермонтова и даже Пушкина. Правда, он никогда открыто не декларировал задачу «спорить» с Жуковским или Пушкиным, переводя А. Шенье, Ламартина, Гёте или Шиллера. За читателем оставалось право сравнивать разные переводы и оценивать их творческие принципы¹⁸. «...Нас нимало не смущают упреки в шероховатости, например, нашего перевода Ювенала, — писал Фет в предисловии к переводам Катулла. — Такой упрек был бы совершенно уместен, если бы мы, подобно величайшему стилисту Пушкину, брались за подражание Катулла, а не за перевод. Подражают, как хотят, а переводят, как могут»¹⁹.

Лишь однажды у него вырвался если не упрек, то взволнованный возглас, вызванный далеко зашедшей полемикой. «Я всегда был убежден, — писал Фет в своем «Ответе на статью “Русского вестника” об “Одах Горация”», — в достоинстве подстрочного перевода и еще более в необходимости возможного совпадения форм, без которого нет перевода. Представлю пример: Лермонтов перевел известную пьесу Гёте “Über allen Gipfeln”; но уклонился от наружной формы оригинала. Что же вышло? Две различные пьесы, одинаковые по содержанию, но не имеющие по духу, а затем и по впечатлению на читателя ниче-

¹⁸ Е. Эткинд, сравнивая переводы «Лесного царя» Гете, сделанные Жуковским и Фетом, пишет: «А. А. Фет, как всегда, полемизировал с Жуковским, но эта полемика носила поверхностный характер — Фет сохранил условный литературно-романтический характер баллады и, верный своим переводческим принципам, лишь стремится к большему сходству с подлинником, словесному и ритмико-синтаксическому; Фет понимает это сходство как буквальную близость. Можно только удивляться тому, с какой дотошностью Фет слово в слово следует подлиннику <...>. В значительной степени утрачена поэтическая непосредственность баллады, ее драматическая интонация и, конечно, ее фольклорная подоснова» (*Эткинд Е. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина*. С. 107). Интересный анализ фетовского перевода, значительно корректирующий мнение Эткинда, содержится в статье: *Ачкасов А. В. Erlkönig: перевод Фета (?) и подстрочник Цветаевой (Заметки на полях) // А. А. Фет и русская литература. XVI Фетовские чтения*. Курск. 2002. С. 71—93.

¹⁹ Цит. по: *Русские писатели о переводе*. С. 331.

го общего. Гёте заставляет взор ваш беззаботно, почти весело скользить по высям гор и вершинам неподвижных деревьев. Утешение: “*Ruhest du auch*” приходит к вам почти неожиданно и застает вас под влиянием объективного чувства. У Лермонтова с первого слова торжественная тишина осени заставляет предчувствовать развязку»²⁰.

Далее Фет формулирует свое понимание проблемы соотношения перевода и оригинала, которому он следовал, в частности, обращаясь к одам Горация: «Итак, оставляя в стороне трудности, какие представляет древний поэт, переселяясь, так сказать, в среду новой, чуждой народности, необходимо было обратить внимание на возможную верность оригинальной форме. <...> Передавая склад латинского стиха размером новым, я мог руководиться только тем, что у человека бесознательно — слухом, чутьем. Спрашиваю: была ли возможность поступить иначе? Не хочу этим сказать, чтоб мой слух или чутье были непогрешительны, но пришлось довольствоваться тем, что есть. Под их руководством я нередко бросал перевод верный, подстрочный, за то, что он производил на меня своим тоном впечатление негорацианское, и начинал новый. Покончив с размером, я принимался за смысл, за слово»²¹.

Как видно из этих признаний, при всем стремлении к точности, характерном для Фета-переводчика, он прекрасно понимал разницу между буквализмом и передачей поэтического строя оригинала, стремясь по мере сил уловить именно этот строй, заключавшийся в нераздельном единстве содержания и формы²². Несомненно, фетовские переводы не были в прямом смысле ни подстрочными (под этим словом он имел в виду, вероятно, то, что ныне называется эквилинарностью), ни буквальными. Но они не были и вольными, как у Жуковского или Пушкина. В то же время ему удавалось подчас максимально приблизиться к оригиналу, уловить музыкальный строй переводимого произведения, достигнув редкого в истории перевода сплава точности и поэтичности. В своем «буквализме» Фет не дошел до того предела, за которым текст становился совершенно неудобочитаемым, как это случилось с некоторыми переводами В. Я. Брюсова, без сомнения, учитывавшего в своих поисках опыт

²⁰ Отечественные записки. 1856. № 6. С. 29. Много лет спустя Фет, рассуждая, в связи с Пушкинскими речами Тургенева и Достоевского, о том, что такое народный поэт, заметил: «Поэт бывает всегда или велик, как Пушкин, или мал, как я, но всегда народен, и вот причина, почему поэта переводить нельзя. “Не пылит дорога, не дрожат листья, погоди немного, отдохнешь и ты” — писал русский Лермонтов, а оригинал писал немец Гёте» (письмо к С. В. Энгельгардт от 14 июня 1880 г. // *Фет А.* Стихотворения. Проза. Письма / Сост. и прим. Г. Д. Аслановой, Н. Г. Охотина, А. Е. Тархова. М., 1988. С. 386).

²¹ Отечественные записки. 1856. № 6. С. 29—30.

²² «Сочинять Горация, исказить произвольной формой или, с другой стороны, оплошать буквальным переводом <...> я не мог решиться» (Там же. С. 30).

Фета. Хотя и такой предельный «буквализм» заслуживает право на существование и исследование²³.

Неслучайно именно Брюсов, предпринявший перевод не только «Энеиды» Вергилия, до него уже переведенной Фетом, но и од Горация, высоко оценил труд своего предшественника. Среди переводов од Горация, «стремящихся произвести то же впечатление, как подлинник», лучшими Брюсов называет переводы, выполненные Фетом. «Довольно близкие к оригиналу, большею частью правильно передающие его смысл, написанные легким рифмованным стихом, эти переводы до сих пор, — писал Брюсов в 1916 г., — удовлетворяют потребности читать по-русски нечто подобное одам Горация. Читатель по этим переводам получает довольно правильное понятие об одах Горация и иногда, в наиболее удачных переводах, испытывает подлинное художественное наслаждение. Пока не представляется никакой надобности делать вторичную работу, уже исполненную Фетом»²⁴. И все же, стремясь к еще большему буквализму, он попытался передать Горация по-русски еще раз, «по возможности со всей точностью».

Не останавливаясь на вопросе о «буквализме» Фета (конкретные примеры его будут приведены в комментариях к соответствующим переводам в наст. изд.), сошлемся на вполне обоснованный вывод М. Гаспарова: «Буквализм — не бранное слово, а научное понятие. Тенденция к буквализму — не болезненное явление, а закономерный элемент в структуре переводной литературы. Нет золотых середин и нет канонических переводов “для всех”»²⁵.

Не менее убедителен и еще один вывод ученого. Отмечая, что в истории русского художественного перевода «периоды преобладания более точного перевода и более вольного перевода сменялись поочередно», Гаспаров считает, что оба типа перевода должны существовать «одновременно и на равных правах»²⁶. Вот почему, отвечая в 1973 г. на вопрос Б. Я. Бухштаба о достоинствах переводов Фета из латинской поэзии, именно Гаспаров дал им высокую оценку: «Главное качество античных переводов Фета — они точны, даже переводы Горация, где рифма мешала точности. А точность эта была трудна: ведь он переводил не простых авторов — если Овидий нетруден, а Вергилий и Катулл хорошо разжеваны комментаторами, то Проперций,

²³ Приведем для примера блестящее исследование М. Л. Гаспарова «Брюсов и буквализм (По неизданным материалам к переводу “Энеиды”)», опубликованное в восьмом выпуске сборника «Мастерство перевода» (М., 1971. С. 88—128). Это исследование редакция решила опубликовать лишь в качестве дискуссионного.

²⁴ Брюсов В. Несколько соображений о переводе од Горация русскими стихами // Мастерство перевода. М., 1971. С. 126. Статья Брюсова опубликована впервые в качестве приложения к указанной выше статье М. Гаспарова.

²⁵ Гаспаров М. Брюсов и буквализм... Цит. изд. С. 112.

²⁶ Там же. С. 108.

Ювенал, Плавт — поэты трудные, а Персий — труднейший. Когда читаешь античные переводы Фета, то видишь, что ему доставляло удовольствие именно следовать за фразами подлинника слово в слово, ощущать радость понимания этого ребуса мировой культуры и выхватывать из бездонных запасов русского языка, которые все у него под рукой, неожиданные, но безупречно соответствующие слова»²⁷.

Позиция Фета-переводчика отличалась своеобразием, которое, будь оно ясно выражено аналитически, как считал известный филолог-германист А. В. Михайлов, могло направить эволюцию русского поэтического перевода по иному руслу. В чем же состояло это своеобразие?

«Не истолковывать текст переводчик не может, — писал А. В. Михайлов, — однако текст перевода должен являть свою творческую первичность. Во всяком случае текст перевода не должен выглядеть так, как если бы он был перевод *интерпретируемого* текста. <...> Фетовское требование точности заключало в себе известное неразличение, некоторую недифференцированность: оно было одновременно и требованием поэтической *первичности*, или изначальности. Фет залог первичности видел, как можно думать, не в свободе от буквы оригинала, но в *следовании букве* — которую поэт берет на себя как внутреннюю задачу»²⁸. Пытаясь реконструировать переводческую методологию Фета, исследователь, кажется, ближе других подошел к ее определению. «В идеале или ради чистоты переводчику следовало бы каким-то чудом перепрыгнуть через толкование, интерпретацию, и все знают, что это до известной степени вполне возможно: непосредственно разумея текст, переводчик думал бы только над тем, как *это же* скажется по-русски, и надо только дожидаться, пока *это* скажется, и, например, вовсе не пытаться как-либо “обкатывать” текст по-русски, перелгать его прозой, всячески пробовать и т. д. Тогда, если угодно и если можно простить такое выражение, — поэтическая сила переводчика-поэта должна *заглатывать* чужой смысл целиком и должна справляться с ним. Заглатывание — это обратное пережевыванию; “синтетичность” того, что само сказалось, — обратно “аналитичности”. Фет не интерпретирует, а вникает, и он не разжевывает, а “заглатывает”, и он дает сказать тому же, что само “сказалось”, верит, как верит и своим собственным удачным строкам и строфам. Фетовская точность — это, таким образом, первичность поэтического импульса, первичность поэтического высказывания, поэтической интенции и, *вместе с этим*, точность передаваемого смысла (данного в чужом тексте наперед)»²⁹. Иными словами, Фет никогда не вступал в

²⁷ Цит. по: *Асланова Г. Д.* Афанасий Фет — переводчик латинских поэтов // Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета. Курск, 1990. С. 54.

²⁸ *Михайлов А. В.* А. А. Фет и боги Греции // *Михайлов А. В.* Обратный перевод. Русская и западно-европейская культура: Проблема взаимосвязей. М., 2000. С. 442.

²⁹ Там же.

«спор» с переводимым им автором. Все его переводы отличаются стремлением постигнуть оригинал и по возможности точно передать его по-русски.

Любопытно, что почти в тех же словах писал Фет своей знакомой писательнице (и переводчице) С. В. Энгельгардт 5 февраля 1881 г. о своем переводе «Фауста» Гёте, отказываясь делать в нем какие-либо существенные исправления: «Это дело Фета. — У него там есть какая-то неведомая для меня кладовая, из которой он порой что-то достает, а я исправлять его находки решительно отказываюсь. Но может случиться, что на такие капитальные указания, какие сделаны были мне у Вас на чтении, указания на торчащие русской кузнечной работы винты и гайки в английской машине, у Фета в кладовой случайно и отыщется настоящий винт (что и случилось), — то я этому бесконечно рад. Но если Вы думаете, что я способен и сделать, и сам что-то подпиливать, то это неверно. <...> Главное, повторяю, это тон целого, и Фет в него попал — это я знаю и все это признают; и Соловьев <Вл. С. Соловьев>, знающий оригинал наизусть, — говорит, что перевод производит действие оригинала. А что есть недорисовки — это я сам знаю, но знаю, что едва ли Фет найдет их в своей кладовой, т. е. найдет полное соответствующее, ибо и то, что он уже нашел, граничит с чудом, и за дальнейшее искание в этом направлении я лично не берусь, тут одной грубой чертой погубишь дело, в котором только и весь вопрос. <...> Разве можно то, что дано счастливейшей минутой, и штопать как чулок»³⁰.

Дальнейшие исследования принципов перевода, которые можно извлечь из того, что осталось в творческом наследии Фета, возможно, определяют подлинное место этого наследия в истории русской переводной литературы. Но и сейчас можно с уверенностью сказать, что интенсивная переводческая деятельность значительно обогатила ритмико-синтаксический состав фетовской лирики, насытила его многообразием метров и образного строя, послужила источником того музыкального полифонизма, который поэт внес в русскую просодию³¹. Уже на склоне лет он признавался своему молодому другу вел. кн. Константину Константиновичу (К. Р.): «... нашему брату поэту учиться гармонии стиха и до гроба необходимо и отрадно»³².

Уже самими обстоятельствами своего рождения Фет был поставлен в особые условия, которые, при всем их драматизме, пошли на пользу его будущим занятиям переводами. Рожденный в России от матери-немки, которую русский степной помещик Афанасий Неофитович Шеншин увез из Германии, где у нее остались отец, муж,

³⁰ Фет А. Стихотворения. Проза. Письма. С. 388.

³¹ См., напр.: Успенская А. В. Место античности в творчестве А. А. Фета // Русская литература. 1988. № 2. С. 142—149; ее же: Антологическая поэзия А. А. Фета. С. 29—63.

³² К. Р. Избранная переписка / Составитель Л. И. Кузьмина. СПб., 1999. С. 290. Письмо от 9 июля 1888.

дочь и многочисленные родственники, научившийся прежде сочинять стихи, чем писать, и сочинять по-немецки, а не по-русски, Фет является представителем того билингвизма, которому найдется немало примеров во все времена. Он был переводчиком, так сказать, от рождения.

Вот как описывал Фет в конце жизни эти свои первые шаги на поэтическом и переводческом поприще. «Писать я тогда не умел, так как отец весьма серьезно смотрел на искусство чистописания <...>. Это не мешало мне наслаждаться ритмом затверженных немецких басенок, так что по ночам, проснувшись, я томился сладостною попыткой переводить немецкую басню на русский язык. Вот наконец после долгих усилий русские стихи заменяют немецкие. Но как безграмотному удержать свой перевод?»³³ Мальчик вскакивает с постели и босой бежит в спальню к матери, чтобы продиктовать результат своих творческих усилий. Удивительно, что память сохранила не только образы детства, но и сами первые, переведенные им стихи. Вот они:

Ein Bienchen fiel in einen Bach,
Das sah von oben eine Taube
Und brach ein Blättchen von der Laube
Und warf's ihm zu. Das Bienchen schnamm danach.
In kurzer Zeit sass unsre Taube
Zufrieden wieder auf der Laube.
Ein Jäger hatte schon den Hahn danach gespant.
Das Bienchen kam: pik! stach's ihn, in die Hand,
Puff ging der ganze Schuss daneben.
Die Taube flog davon. Wem dankte sie ihr Leben?

а затем перевод:

Летела пчелка, пала в речку,
Увидя то, голубка с бережечку
С беседки сорвала листок
И пчелке кинула мосток.

Затем голубка наша смело
На самый верх беседки села.
Стал егерь целиться в голубку,
Но пик! пчела его за губку.
Паф! дробь вся пролетела,
Голубка уцелела³⁴.

Включать этот детский перевод в собрание сочинений, может быть, и не стоит, но он как нельзя лучше характеризует страсть к стихотворству, проявившуюся у Фета уже в самом раннем возрасте одно-

³³ Фет А. Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 16—17.

³⁴ Там же. С. 17—18.

временно со страстью перелагать стихи с одного языка на другой. Не менее любопытно и то, что в своих первых попытках перевести будущий поэт, пока неосознанно, стремился быть близким к переводимому тексту и даже сохранял количество переводимых строк.

Нисколько не умаляя самобытности поэтического дарования Фета, Ап. Григорьев отметил, что «талант его создан под влиянием Горация и Гёте» (*ОЗ*. 1850. Т. 68. № 2. С. 54). Одновременно критик находил, что у него много общего с талантом Гейне и он «так же капризно-безучастен ко всему, как талант А. де Мюссе». И хотя в определенном смысле Григорьев ставил Гёте и Гейне выше Фета, характерна уже сама тенденция вписать лирику Фета в мировой контекст, попытаться определить его самобытность, сопоставляя не с русской, а именно с европейской поэзией. Примечательно, что Григорьев, отрицая всякую связь Фета с Лермонтовым, даже не упомянул о Пушкине.

Судя по воспоминаниям самого Фета, именно немецкая поэзия, прежде всего Гёте и Шиллера, стала предметом его первых попыток овладеть вершинами мировой лирики. Обладая особенной поэтической памятью, он, можно сказать, носил эту поэзию в себе и «с собой», время от времени отдаваясь желанию передать по-русски тот или иной текст.

Было замечено, что по количеству (не объему) переведенных Фетом пьес Гейне стоит впереди Шиллера и даже (если не считать позднего перевода «Фауста») Гёте. Отчасти исследователи объясняли это особой близостью Фета именно к Гейне. Однако феномен может быть объяснен и прямо противоположным образом. Именно в силу особой близости, сродства Фета с поэзией Гёте, на что указывал знающий Ап. Григорьев, Фет сравнительно редко обращался к переводам его отдельных лирических стихотворений. Не исключено также, что многие переводы из Гёте остались неизвестными исследователям. Подобное, очевидно, может быть сказано и в отношении Шиллера. В то же время именно новизна лирического мира Гейне, столь несхожего с миром Фета, лишенного, по словам того же Ап. Григорьева, «едкости» и «иронии», обладала для поэта особой притягательной силой. Впоследствии Фет упрекал молодого поэта П. П. Перцова: «...мне кажется, что Вы находитесь под сильным давлением Гейне. Гейне и сам страдает манерностью, но таков он по природе, и мы ему это прощаем; но принимать чужой изъясн за образец — большая ошибка»³⁵.

Вот как описывал сам Фет в полемической статье по поводу перевода Горация состояние, в котором он находился, общаясь с латинским подлинником: «Если вдохновение — горячка и вместе лихорадка, то могу сказать, что я переводил Горация по вдохновению. Удивительно ли, что, когда он переходил, так сказать, целиком в мои объятия, я не смел поправить на нем и волоска. Мне жаль было изме-

³⁵ Письмо от 12 апреля 1891 г. // *Перцов П. П. Литературные воспоминания 1890—1902 гг.* / Вступит. ст., сост., подг. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 2002. С. 100.

нить в его глаголе время или переместить слово, точно так же, как бывает жаль человеку передвинуть в комнате кресло, на котором любил сидеть его добрый отец, или умерла любимая мать»³⁶. И далее: «Но среди горячечного бреда случались бедственные отрезвления. Добрый Гораций, ни с того ни с другого, на меня дулся. Он наотрез отказывался войти в русскую шкуру, и ни за что не хотел передразнивать самого себя рифмами. Что тут было делать? Чем жертвовать?»³⁷

Отвечая филологу-классику, упрекнувшему его в том, что Гораций переведен рифмованными стихами (упрек, который не раз еще будет брошен Фету), поэт-переводчик открыто сознается, что сам чувствовал противоестественность подобной модификации горацианского стиха (Гораций «ни за что не хотел передразнивать самого себя рифмами»). Мог ли он перевести Горация без рифм? Разумеется, мог, о чем свидетельствует несколько од, на которые он ссылался в упомянутом «Ответе». Об этом свидетельствовали и дальнейшие переводы из Горация (сагиры, послания) и более поздние переводы из других латинских поэтов, выполненные Фетом. Но оды «перевелись» рифмованными стихами, и в дальнейшем Фет не захотел возвращаться к уже сделанному и кардинально переделывать свои перево-

³⁶ Фет А. Ответ на статью «Русского вестника» об «Одах Горация» // Отечественные записки. 1856. № 6. С. 30. Ср. с тем, что писал П. А. Вяземский в предисловии к своему переводу романа Б. Констан «Адольф»: «Есть два способа переводить: один независимый, другой подчиненный. Следуя первому, переводчик, напившись смыслом и духом подлинника, переливает их в свои формы; следуя другому, он старается сохранить и самые формы, разумеется, соображаясь со стнхиями языка, который у него под рукою. Первый способ превосходнее, второй невыгоднее; из двух я избрал последний. <...> Из мнений моих <...> легко вывести причину, почему я связал себя *подчиненным переводом*. Отступления от выражений автора, часто от самой симметрии слов, казались мне противоестественным изменением мысли его» (См.: Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика / Составление, подготовка текстов, вступит. ст. и комментарий Л. В. Дерюгиной. М., 1984. С. 128). Характерно следующее признание переводчика: «К тому же кроме желанья моего познакомиться русских писателей с этим романом имел я еще мне собственную цель: изучивать, опыловать язык наш, производить над ним попытки, если не пытки, и выведать, сколько может он приблизиться к языку иностранному, разумеется, опять без увечья, без распятыя на ложе Прокрустовом» (Там же). Противопоставляя свои принципы перевода тем, которым следовали Карамзин и Жуковский (Вяземский называет их «пересозданиями»), переводчик, признавая непревзойденность их в указанном роде, утверждает, что «переселения их не отзываются почвою и климатом родины». Сам же он, по собственному признанию, «стремился испытать, можно ли, <...> не насильствуя природы нашей, сохранить в переселении запах, отзыв чужбины, какое-то областное выражение» (Там же). Сходные принципы неоднократно декларировались и Фетом.

³⁷ Фет А. Ответ на статью «Русского вестника» об «Одах Горация». С. 30.

ды. В 1856 г. он объяснял свой принцип ориентацией на «благорасположение» того круга читателей, на который «уменьше писать общепонятные стихи с рифмами могли подействовать <...> лучше и вернее самого строгого буквального перевода или самого добросовестного критического труда»³⁸. Разумеется, Фет, понимая лучше других невозможность адекватного воспроизведения подлинника, ограничивал свою задачу посылкой достоверной передачей духа и буквы оригинала.

Говоря о сосуществовании с давних пор двух точек зрения на возможность перевода художественных текстов, М. П. Алексеев заключал: «Все высказанные по этому поводу взгляды можно, по существу дела, разбить на две основные группы; одна часть теоретиков, критиков, литературных практиков уже издавна доказывает невозможность перевода с одного языка на другой; — другая, признавая его неисчислимы трудности, ищет вместе с тем наилучших способов для более или менее удовлетворительного решения непосильной задачи»³⁹. Приводя среди противников перевода мнения Данте («Пир»), Шелли («Защита поэзии»)⁴⁰, М. П. Алексеев пронизательно замечал: «Между внешней и внутренней формой слова существует теснейшая связь; именно об этом говорит Шелли, предвосхищая выводы будущей лингвистики. Интересно, что тонкое поэтическое чутье помогло и русскому поэту А. А. Фету сделать аналогичное наблюдение и обосновать свою точку зрения на слово, как на организм, и свою теорию различения будничного и поэтического языка задолго до того, как явления того же порядка констатировал А. А. Потехин в своей книге «Мысль и язык». В статье 1867 года Фет бросает, между прочим, следующее любопытное наблюдение: “при выражении будничных потребностей сказать ли: «Ich will nach der Stadt» или «Я хочу в город» математически одно и то же. Но в песне, то обстоятельство, что die Stadt steht, а город городится — может обнажить целую бездну между этими двумя представлениями”»⁴¹.

³⁸ Там же. С. 28.

³⁹ Алексеев М. П. Проблема художественного перевода. С. 12.

⁴⁰ «Язык поэтов, — писал Шелли, — всегда стремился к известного рода однообразному и гармоничному повторению звуков, без чего он не был бы поэзией, и что вряд ли менее необходимо для сообщения ее влияния, чем самые слова, взятые вне отношения к этому особому порядку. Отсюда бесплодность всякого перевода; стремиться перелить создания поэта с одного языка на другой столь же разумно, как бросить фиалку в тигель, с целью скрыть основной источник ее цвета и запаха. Растение должно возникнуть вновь из собственного семени или оно не даст цветка, — в этом и заключается тяжесть проклятия вавилонского смешения языков» (Пер. К. Балмонта. Цит. по: Алексеев М. П. Проблема художественного перевода. С. 12—13). Из этого рассуждения Шелли родилось, кстати, не только название статьи В. Я. Брюсова «Фиалки в тигеле» (1905), но и взгляды на перевод, выраженные в ней и в ряде статей более позднего периода.

⁴¹ Алексеев М. П. Проблема художественного перевода. С. 13.

Как и все дети его круга, Фет с малых лет изучал другие иностранные языки, как древние, так и новые, но систематический характер его образование приобрело лишь со времени поступления в пансион Крюммера (в Лифляндии), куда он был отправлен в 1834 г. Здесь он получил основательные знания латыни, развитые впоследствии в Московском университете⁴². Природный поэтический талант счастливо соединялся с трудолюбием и усидчивостью, что позволяло Фету даже в самые трудные времена военной службы уделять время для переводов. Открытость к восприятию иной культуры, стремление с максимальной точностью воспроизводить строй и ритмику переводимого поэта стали отличительными чертами Фета-переводчика на всю жизнь, а общение еще в ранние годы с одаренными филологами-классиками привело в позднейшее время к дружбе с известными знатоками древних языков — Д. И. Нагуевским, Ф. Е. Коршем, Вл. С. Соловьевым, А. В. Олсуфьевым и др.⁴³

Переводы Фета, в целом, высоко оценивались литераторами его времени. Их охотно публиковали журналы «Москвитянин», «Отечественные записки», «Современник», «Русское слово» и многие другие периодические издания. Высоко ценил фетовские переводы Ап. Григорьев, сам испытывавший влияние Фета как переводчика, с которым он отчасти вступал в соревнование в своих переводах из Гёте, Гейне, Байрона, Ламартина и других поэтов. После Шевырева, приветствовавшего переводы Горация на страницах «Москвитянина», одним из тех, кто поддерживал Фета-переводчика, стал с 1853 г. И. С. Тургенев, отдававший много времени и сил для скрупулезной сверки переведенных пьес с оригиналом.

Трудно представить себе в полном объеме вклад Тургенева в фетовские переводы, но отдельные замечания, сохранившиеся в письмах Тургенева к поэту, наконец, признания самого Фета, сделанные им в переписке и в поздних воспоминаниях, позволяют говорить о том, что поддержка и помощь Тургенева сыграли значительную роль в том, что переводы Фета выходили отредактированными и готовыми к печати. Практически все переводы, включенные в *Сб1863*, были просмотрены и отредактированы Тургеневым. Именно он подарил Фету сборник немецкого поэта Г.-Ф. Даумера, создавшего изящные стилизации в духе Гафиза, которые современники приняли за подлинные переводы.

Тургенев же благословил Фета заняться переводами шекспировских пьес, исполняя таким образом наказ Т. Н. Грановского, подарившего ему когда-то том Шекспира с многозначительной надписью: «Со страхом... и верою приступите...» (этот том сохранился в мемориальной библиотеке Тургенева в Орле). В письме к А. Ф. Дамичу от 22 марта 1885 г. Фет, говоря о своих переводах трех пьес Шекспира,

⁴² См. об этом: *Успенская А. В.* Антологическая поэзия А. А. Фета. С. 7—9.

⁴³ См.: *Асламова Г. Д.* Афанасий Фет — переводчик латинских поэтов. С. 49—55.

свидетельствовал: «все три слово в слово сверены мною с покойным Тургеньевым по оригиналу»⁴⁴. Нет сомнений, что Тургеньев, называвший себя «заклятым гётеанцем», не раз побуждал Фета перевести «Фауста».

Несмотря на частые споры Тургеньева и Фета по поводу того или иного места в переводимых произведениях, зафиксированные в их переписке и в позднейших воспоминаниях поэта, можно с уверенностью говорить о том, что их переводческие принципы были близки. Они определялись прежде всего стремлением к максимальной точности, почти дословности перевода. Тургеньев, и сам нередко выступавший в роли переводчика (в том числе и Гёте), мог по достоинству оценить как поэтический талант Фета, так и его способность к точной передаче иноязычного текста на русский язык. Особенно ценны сохранившиеся в письмах Тургеньева замечания к переводам из Гафиза, к которым он отнесся исключительно внимательно, после того как накануне «Современник» издательски отрецензировал переведенного Фетом «Юлия Цезаря», ведь ответственность за допущенные в нем промахи отчасти ложилась и на Тургеньева, просмотревшего каждую строку текста и сверившего ее с оригиналом.

Позднее, когда отношения с Тургеньевым были почти прерваны, роль советчиков и редакторов выполняли Н. Н. Страхов, внимательно просмотревший перевод «Мира как воли и представления» А. Шопенгауэра и «Фауста» Гёте, Вл. Соловьев, участвовавший даже в совместном переводе «Энеиды» Вергилия, граф А. В. Олсуфьев и другие. И все же Фет никогда не забывал того, что сделал для него Тургеньев, поддержавший его, в частности, и как переводчика. Вот почему он поспешил послать в Париж уже тяжело больному Тургеньеву свой перевод первой части «Фауста» Гёте (1882). Отзыв Тургеньева, обещавшего «с великим интересом» прочитать перевод Фета, до нас не дошел.

Фет принадлежал к тому типу поэта, кто внимательно прислушивается к чужому мнению. Как правило, он с благодарностью принимал замечания своих редакторов и критиков. Более того, он сам стремился найти таких редакторов, хотя и мучил их нередко упрямыми возражениями и спорами. Потребность в диалоге была одной из насущных его потребностей, об этом, в частности, убедительно свидетельствует дошедшее до нас, к сожалению, далеко не в полном объеме, его эпистолярное наследие.

Одним из первых развернутых откликов на переводы Фета была статья С. П. Шестакова, опубликованная в 1856 г. во вновь образованном журнале «Русский вестник», редактором которого стал М. Н. Катков. Уже сам факт, что филолог-классик взялся рецензировать поэтический труд, означал признание. «Мы можем поздравить наших читателей, — писал Шестаков, — с прекрасным приобретени-

⁴⁴ Из неизданной переписки русских литераторов / Публикация Ю. Д. Леви-на // Шекспир. Библиография. М., 1960. С. 561.

ем, а г. Фета с прекрасным трудом»⁴⁵. Правда, вся статья была посвящена критике перевода и предисловия, написанного в виде краткого жизнеописания Горация, но в целом труд оценивался как «подвиг», притом совершенный «прекрасно»⁴⁶.

Большую часть замечаний Шестакова Фет принял, некоторые из них он учел лишь при подготовке издания Горация в 1883 г., поначалу не признав правоты своего рецензента. Однако раздраженный некоторыми показавшимися ему несправедливыми придирками, а также упреками в неверной трактовке фактов биографии Горация, и — возможно, более всего — указанием на некомпетентность («недостаточно быть поэтом, а надо быть вместе филологом»), Фет немедленно решил отвечать. Хотя он и благодарил своего критика за дельные замечания, ответ на статью Шестакова звучал местами резковато. Так, откликаясь на совет обращаться за помощью к филологам, Фет, намекая на свое пребывание с июля по декабрь 1853 г. в военном госпитале, писал: «...там, где я переводил Горация, не было филологов»⁴⁷. Впрочем, в дальнейшем он учел и это пожелание Шестакова, сблизившись, как уже говорилось, с известными знатоками древних языков. Но и в своем ответе Шестакову Фет показал себя «не только поэтом», но и настоящим филологом, внимательно проштудировавшим известные комментарии и переводы Горация, оспаривая одни и соглашаясь с другими. Шестаков, сам переводивший с греческого и латинского языков, посчитал необходимым ответить на статью Фета⁴⁸. В своей второй статье он еще раз подтвердил высокую оценку переводов Фета, убеждая его в доброжелательном характере своего отклика. «Можно сказать наверно, — писал Шестаков, — что ни в одной литературе не было еще ни одного перевода древнего поэта, который бы совершенно был свободен от недостатков. Вот в каком смысле говорил я в начале первой моей статьи о трудности и неблагодарности переводов с древних языков. Я говорил это в защиту г. Фета, с целью возвысить его труд в глазах публики...»⁴⁹.

Совершенно иной характер носила рецензия Д. Л. Михаловского, скрывшегося под псевдонимом М. Лавренский, на фетовский перевод «Юлия Цезаря». Обрушив на Фета, взявшегося за перевод шекспировской драмы, целый град обвинений в пренебрежении русским языком, в «идолопоклонстве» перед размером подлинника и прочих упреков, рецензент, похоже, искал не только и не столько истину. Вывод критика был уничтожающим: «...промахов такая бездна, что перевод

⁴⁵ Шестаков С. Оды Горация в переводе г. Фета // Русский вестник. 1856. Кн. 1. Февраль. С. 562.

⁴⁶ Там же. С. 571.

⁴⁷ Фет А. Ответ на статью «Русского вестника» об «Одах Горация» // Отечественные записки. 1856. № 6. Июнь. С. 44.

⁴⁸ Шестаков С. Еще несколько слов о русском переводе Горациевых од // Русский вестник. 1856. Т. 6. Декабрь. Кн. 2. С. 620—646.

⁴⁹ Там же. С. 621.

г. Фета весь можно назвать одним огромным, сплошным промахом...»⁵⁰. Через несколько лет после упомянутой статьи, в 4-м номере «Современника» за 1864 г. появился перевод «Юлия Цезаря», выполненный самим Михаловским. Как показывают современные исследования (см. подробнее преамбулу к переводам из Шекспира в наст. изд.), собственные опыты Михаловского в столь многотрудном деле, как переводы Шекспира, были весьма уязвимы. Более того, сами принципы его перевода, тяготевшие к увеличению числа строк и пренебрежению стихотворными размерами и строфикой, могут быть подвергнуты критике⁵¹. Понятно, что при настойчивом стремлении Фета к тому, что принято называть эквилинеарностью и эквиритмизмом, их переводческие принципы были кардинально противоположными.

С Михаловским, как и с И. И. Введенским (приятелем Фета в годы пребывания в пансионе М. П. Погодина и учения на первом курсе Московского университета), случилось то, что нередко случается не только с переводчиками. Удачное выступление на том или ином поприще вовремя и к месту создает общественное мнение или репутацию, которые долгое время продолжают бытовать и гипнотизировать не только современников, но и последующие поколения. При ближайшем рассмотрении, однако, выясняется, что имевший репутацию лучшего переводчика Диккенса и Теккерея Введенский обращался с подлинниками весьма вольно⁵², а Михаловский, получивший в 1890 г. Пушкинскую премию за переводы из Шекспира (в том числе за «Антония и Клеопатру»), «гладкости и изящества при переводе с английского <...> добивался в известной мере за счет увеличения числа стихов» и «вообще со стиховой формой <...> обращался весьма вольно <...>, мало внимания уделял <...> передаче строфической структуры оригинала»⁵³.

Но дело было, по-видимому, не только в эстетических разногласиях. Объявленный в том же 1859 г. среди сотрудников «Современника», Михаловский, возможно, выполнял «социальный заказ» редакторов органа революционных демократов, с которыми Фету было явно не по пути. Может быть, именно поэтому Фет не стал отвечать Михаловскому, которого насмешливо называл «Лабордоновым», хотя собирался это сделать (*Письма к Дружинину*. С. 339). К тому же Дружинин, хотя и отметил справедливость некоторых замечаний Михаловского, не советовал Фету вступать в препирательство с критиком его перевода (Там же. С. 341). Подробнее о статье Михаловского см. в преамбуле и комментариях к переводам из Шекспира).

Еще в конце 1857 г. Некрасов отказался взять 29 переводов Фета из Гейне. Об истинных причинах этого бесповоротного решения мож-

⁵⁰ М. Лавренский. Шекспир в переводе г. Фета // Современник. 1859. № 6. Отд. III. С. 287.

⁵¹ См.: Ачкасов А. В. Фет — переводчик Шекспира // А. А. Фет и русская литература. XV Фетовские чтения. Курск; Орел, 2000. С. 60—73

⁵² Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX века. Л., 1985. С. 129—143.

⁵³ Там же. С. 256.

но только догадываться, так как в письме к Фету от 18 декабря 1857 г. он никак его не объясняет⁵⁴. На сей раз причиной было, по всей видимости, сотрудничество в «Современнике» М. Л. Михайлова, опубликовавшего в 3-м номере журнала подборку переводов из Гейне (в том же году сборник стихотворений Гейне в переводе Михайлова вышел, при участии Некрасова, в Петербурге). Формальный поводом к отказу было, как известно, требование Фета оплачивать его переводы гораздо дороже, чем ранее. Но главной причиной, по которой Некрасов отдал предпочтение Михайлову, была, конечно, близость идейно-эстетических установок редакторов «Современника» и их ближайших сотрудников — М. Л. Михайлова и Д. Л. Михаловского. Приводя письмо Михаловского к Некрасову 1866 г., в котором переводчик признается, что «не может работать над ерундой, хотя бы она была сочинена какою-либо знаменитостью, напр., Гейне», Ю. Д. Левин делает совершенно справедливый вывод: «Таким образом, на первый план выдвигалась идейная направленность и содержательность переводимого произведения»⁵⁵. Очевидно, именно здесь, а не в неудовлетворительности самих переводов лежала истинная причина разрыва Фета с «Современником». Неслучайно даже переводы из Гейне, особенно удавшиеся Фету, то и дело становились предметом насмешек и пародий в среде революционных демократов, в особенности, Д. Минаева.

Фета интересовала именно «ерунда», которую писали Гейне, Гёте, Гафиз, Анакреонт, Гораций, Катулл и другие воспеватели красот природы, птичек, облаков, прелестей юных дев и прочей «чепухи». И его не интересовали политические и сатирические стихотворения, к примеру, Гейне, из которых он не перевел ни одного. По той же причине он, напечатав лишь один перевод из Беранже, отказался продолжить свои опыты и, таким образом, оставил творчество французского поэта-песенника на попечение того же Михайлова, В. Курочкина и других переводчиков, давших читателям «русского Беранже»⁵⁶. Попытки некоторых литераторов противостоять «актуализации» и политизации творчества Беранже, успеха не имели⁵⁷. Немаловажную роль во все более ожесточавшейся внутрилитературной борьбе играли и ма-

⁵⁴ См.: Переписка Н. А. Некрасова: В 2-х т. М., 1987. Т. 1. С. 527.

⁵⁵ Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX века. С. 249.

⁵⁶ Впрочем, следует отметить, что между переводами из Беранже М. Л. Михайлова и В. С. Курочкина существует значительная разница. Михайлов даже высказывал сомнения в переводимости Беранже (см.: Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX века. С. 210—212).

⁵⁷ Известная в свое время писательница и переводчица Е. В. Новосильцева (писавшая под псевдонимом Т. Толычева), родная сестра приятельницы Фета С. В. Энгельгардт и сама хорошо знакомая с поэтом (в РО ИРЛИ сохранились ее переводы из Беранже с правкой Фета), в 1862 г. опубликовала в «Отечественных записках» подробный критический разбор четвертого издания «Песен Беранже» в переводе В. Курочкина (ОЗ. 1862. Т. СXLIV. Отд. III. С. 1—54).

териальные интересы. Переводами можно было заработать гораздо больше, чем другими видами литературной деятельности.

Принято считать, что статья Михаловского сыграла роковую роль в литературной судьбе Фета. Это очевидное преувеличение. В том, что Фет, рассчитывавший жить литературным трудом, убедился в неосуществимости своих замыслов, виноват был не только Михаловский. Никто из действующих литераторов, кроме успешных издателей вроде Краевского или Некрасова, не мог обеспечить себе безбедного существования таким образом. Большинство литераторов, в том числе и переводчиков, остро нуждались. Статья Михаловского просто сыграла роль детонатора, сильно подорвав репутацию Фета как переводчика. Так или иначе, к концу 50-х Фет вынужден был решить для себя жизненно важный вопрос. Уволившись с военной службы в 1857 г. и в том же году став человеком семейным, он обязан был смотреть на свое положение в современном литературном процессе реально, не рассчитывая на счастливый поворот судьбы. За ним не было ни наследственного состояния, позволявшего свободно предаваться «литературным мечтаниям», ни сильной поддержки в литературном мире. Один из немногих его литературных друзей и советчиков — И. С. Тургенев — в 1856 г., после нескольких лет, проведенных в ссылке и под негласным надзором полиции, решил вновь отправиться «в чужие края», так и не закрепившись на родине.

Фет как никто иной понимал, что теряла русская литература и он сам от этого внезапного отъезда, пытался, как мог, вернуть писателя домой. Но со временем он понял, что остался в одиночестве. Даже близкие люди не могли оценить сложного положения, в котором оказался Фет, принужденный рассчитывать на литературные заработки, не имея под ногами твердой почвы.

Вот что писал, например, редактор журнала «Библиотека для чтения» А. В. Дружинин Л. Н. Толстому 31 декабря 1859 г.: «Было недавно Фет со своим Гафизом, из которого стихотворений десять превосходны, но остальное ерунда самая бессмысленная. Сам Фет прелестен, но стоит на опасной дороге, скарденность его одолела, он уверяет всех, что умирает с голоду и должен писать для денег. Раз вбивши себе это в голову, он не слушает никаких увещаний, сбывает по темным редакциям самые бракованные из своих стихотворений...»⁵⁸ Эти слова были написаны уже после появления в «Библиотеке для чтения» «Юлия Цезаря» и отзыва Михаловского в «Современнике».

Привыкший принимать решения раз и навсегда, никогда не отступавший перед трудностями, Фет, располагая не слишком большими средствами, доставшимися ему в виде приданого жены⁵⁹, и своих

⁵⁸ Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями: В 2-х т. М., 1978. Т. 1. С. 294.

⁵⁹ Приданое М. П. Боткиной составляло 15 тыс. руб. сер., как свидетельство вала в 1900 г. секретарь Фета Е. В. Кудрявцева в письме к редактору журнала, опубликовавшего воспоминания племянника Фета Семенковича (ОР РГБ. Ф. 315. Картон 14. Ед. хр. 40. Л. 3).

собственных денег, приобрел в июле 1860 г. в Мценском уезде Орловской губернии степное поместье Степановку и с жаром принялся за обустройство его. 17 лет неустанных трудов принесли плоды, и в ноябре 1877 г. Фет, значительно приумножив свое скромное состояние, смог приобрести уже за 100 000 руб. прекрасное имение в Курской губернии, с живописным парком и прудом. Именно здесь суждено было поэту вновь пережить немало поэтических восторгов и вдохновений. Помимо нескольких поэтических сборников («Вечерние огни»), именно в Воробьевке Фет занялся интенсивной переводческой деятельностью. Здесь были переведены «Фауст» Гёте, «Мир как воля и представление» Шопенгауэра, Катулл, Овидий, Проперций, Тибулл и другие римские поэты.

Итак, Фет переводил всю жизнь, с раннего детства до самой смерти, которая застала его над переводами «Любвных элегий» и просмотром корректур «Скорбей» Овидия⁶⁰. Осознавая эту часть своей творческой деятельности как самостоятельное целое, сам поэт выделил в первом двухтомном собрании своих стихотворений 1863 г. том избранных переводов.

Если первая часть *Сб1863* была, в основном, ориентирована на состав *Сб1856* (см. преамбулу к комментариям 1-го т. наст. изд.), и лишь дополнена новыми стихотворениями, то вторая часть (составившая солидный том) — представляла собой нечто новое в издательской традиции. Такого рода сборники не были характерны для эпохи, хотя с начала 1860-х гг. Н. В. Гербелем были выпущены в свет сборники переводов Н. В. Берга, И. П. Крешева, М. Л. Михайлова и др. Как правило, раздел переводов включался под тем или иным заглавием в собрания оригинальных стихотворений, за исключением тех случаев, когда перевод одного или нескольких произведений какого-либо автора, выполненный одним переводчиком, выходил отдельным изданием. Следует отметить также, что с середины 1850-х гг. Н. В. Гербелем, который был сослуживцем Фета и поддерживал с ним дружеские отношения, были предприняты несколько собраний сочинений иностранных авторов в русских переводах (Шиллера, Шекспира, Байрона, Гёте). В этих изданиях Фет принял участие как переводчик.

Далеко не все, что переводил Фет до выхода в свет *Сб1863*, вошло в него. Так, сюда не вошли переводы из А. де Ламартина, которым в свое время поэт увлекался. Позднее он вспоминал, что ему пришлось потратить немало сил, чтобы убедить Ап. Григорьева, идолом которого был Ламартин, в «невозможной прозаичности бесконечных стихов» этого поэта и довести приятеля до того, что чтения Ламартина Григорьев стал бояться, «как фрейлины Анны Иоанновны боялись чтения Тредьяковского» (РГ. С. 153). Между тем фетов-

⁶⁰ Асланова Г. Д. Дополнения и уточнения к «Летописи жизни А. А. Фета», составленной Г. П. Блоком // А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 346.

ские переводы из Ламартина были одобрительно встречены в свое время критикой, а эпиграфом к «Лирическому Пантеону» была поставлена строфа из стихотворения Ламартина «Chant d'Amour» («Песнь любви»).

Но если отсутствие Ламартина в *Сб1863* можно объяснить «разочарованием», то отсутствие ряда ранних переводов из Гёте, опубликованных в «Лирическом Пантеоне» («Майская песня», «Ночные думы», «Первая потеря», «Певец», «Прекрасная ночь» и «Утренняя жалоба»), объяснить сложнее. Ведь увлечение Гёте, начавшееся, по-видимому, очень рано, Фет сохранил до конца жизни. Учитывая, что иногда он возвращался к своим старым переводам (так, например, он дважды перевел стихотворение Гёте «Прекрасная ночь» («Die schöne Nacht»), впервые опубликованное в «Лирическом Пантеоне» (1840), можно предположить, что в *Сб1863* поэт включил те произведения, которые были переведены им сравнительно недавно, одновременно представив чем-то особенно важные для него переводы, как, например, «Посвящение к Фаусту», обращенное к Ап. Григорьеву.

«Гёте! — восклицал Ап. Григорьев в рецензии на *Сб1850*, — вот истинный идеал лирического поэта по преимуществу, вот на чьем имени и, всего более, на чьих произведениях остановишься невольно, говоря о сущности лирической поэзии <...> Это — эхо природы и человеческого духа, на все равно отвечающее, все возводящее равно в перл создания»⁶¹. Даже поэзию Гейне критик справедливо «выводил» из школы Гёте: «...как поэт он, точно так же, как г. Фет, ученик великого учителя, поклонение которому как образцу уцелело в нем, несмотря на нелюбовь к личности Гёте»⁶².

Но и приверженность Гёте не была актуальной в эпоху предъявленных к литературе общественно-политических требований. Как в Германии, так и в России начинается переоценка наследия великого поэта. Представители «молодой Германии» — В. Менцель, К. Гуцков, Г. Гейне, Л. Берне и другие потратили немало ядовитых стрел, чтобы уязвить Гёте при жизни и после смерти. Как писал Гейне в «Романтической школе» (1832—1833), «...против него заключили союз крайняя правая и крайняя левая; и в то время, как черный поп колотил его распятием, неистовый санкюлот лез на него с пикой»⁶³. Впрочем, Гейне, защищая Гёте от нападок крайне правых и крайне левых, ставил в упрек поэту его эстетизм. Говоря, например, о «самостоятельной ценности шедевров Гёте», Гейне утверждал, что они «украшают наше дорогое отечество, как прекрасные статуи украшают сад, и все же это статуи. В них можно влюбиться, но они бесплодны: создания Гёте не порождают действия, как создания Шиллера. Дело есть дитя слова, а прекрасные слова Гёте бездетны. Это проклятие лежит на всем, что порождено

⁶¹ Отечественные записки. 1850. Т. 68. № 2. С. 49—50.

⁶² Там же. С. 54.

⁶³ Гейне Г. Собр. соч.: В 10 т. / Под общей ред. Н. Я. Берковского, В. М. Жирмунского, Я. М. Металлова. Л., 1958. Т. 6. С. 179.

только искусством»⁶⁴. С таким мнением, конечно, решительно не был согласен Фет, для которого творчество Гёте было одним из величайших проявлений человеческого духа. В предисловии к переводу второй части «Фауста» Фет, отделяя понятие художественной идеи от других, ссылаясь на Платона: «Мы решаемся только грубо указать на коренное различие уличной *идеи*, как понимал это слово кучер г. Гейне, от платоновской. Первая есть отвлеченное понятие, нигде в мире, кроме мозгов, не существующее <...> вторая <...> сама есть сущность, и более действительная, чем предметы мира видимого, объективная основа и источник бесконечной цепи явлений»⁶⁵. Недаром Фет сказал о «Фаусте», что это его «художественная религия — и пропаганда»⁶⁶.

О том, что именно под влиянием Гёте Фет пережил сильнейшее увлечение античностью, поэт писал сам в своих воспоминаниях. «Между тем, хмель, сообщаемый произведениями мировых поэтов, овладел моим существом и стал проситься наружу. Гёте со своими римскими элегиями и *Германом и Доротеей* и вообще мастерскими произведениями под влиянием античной поэзии увлек меня до того, что я перевел первую песню *Германа и Доротеи*» (РГ. С. 209). Наличие довольно значительного пласта антологической лирики в творческом наследии Фета объясняется во многом влиянием Гёте (и Шиллера). В то же время сами античные авторы были предметом переводческих опытов поэта с юношеских лет. Не случайно и из А. Шенье Фет выбирает именно антологические пьесы.

Описывая ранние годы своей жизни, Фет вспоминал, что, «поддаваясь байроновско-французскому романтизму Григорьева», он вносил в их среду «не только поэта-мыслителя Шиллера, но, главное, поэта объективной правды Гёте» (РГ. С. 153). «Талантливый Григорьев, — писал Фет, — сразу убедился, что без немецкого языка серьезное образование невозможно...» (Там же). Вообще в кружке, сформировавшемся в конце 30-х гг. вокруг Ап. Григорьева, переводы были не редкостью. Так, Фет вспоминал позднее о «превосходных» переводах «Еврейских мелодий» Байрона, выполненных А. Студитским, который был в то же время предан и Шекспиру. Много занимался переводами и сам Ап. Григорьев, а также Я. П. Полонский и другие участники кружка.

Из переводов Байрона в сборник вошел лишь один, который был переведен и опубликован ранее. Но помещение уже опубликованного стихотворения было обусловлено, по-видимому, желанием Фета выделить значение поэта, бывшего когда-то его кумиром. «В нашей с Григорьевым духовной атмосфере, — вспоминал он на склоне лет о годах юности, — произошла значительная перемена. Мало-помалу иде-

⁶⁴ Там же. С. 177 — 178.

⁶⁵ Фет А. А. Предисловие и комментарии ко II части «Фауста» Гете / Публ. Н. П. Генераловой // 175 лет со дня рождения А. А. Фета. Сб. научн. трудов. Курск, 1996. С. 72.

⁶⁶ Письмо к С. В. Энгельгардт от 5 февр. 1881 // Фет А. Стихотворения. Проза. Письма. С. 388.

алы Ламартина сошли со сцены, и место их, для меня, по крайней мере, заняли Шиллер и, главное, Байрон, которого *Каин* совершенно сводил меня с ума» (РГ. С. 192). «Упоение Байроном» скоро прошло, и более поэт не обращался к его переводам. Правда, однажды он вспомнил о нем, обсуждая с Толстым свое стихотворение «Никогда».

«Мысль о кончине человеческого мира стара, как человек, — писал он Л. Толстому 3 февраля 1879 г. — Байрон наскочил на нее в своей “Тьме”. Солнце потухло. Ветра нет, корабли гниют, и два врага узнают друг друга при раздуваемом ими последнем костре. Байрон выпустил из виду, что прежде такой ничтожный мир, как земля, подобно луне, остынет, чем такой громадный, как солнце, а, главное, когда то или другое потеряет нужную теплоту — выйдет ясно не его “Тьма”, а моя картина. Воскресение из мертвых придумано не мной. В Иосафатской долине нам приказано явиться целиком, как жил в Воробьевке, для этого и волк приносит во рту мою ногу. А ну как приказано будет поднять Шеншина для репетиции? Послушают ли его, что это, мол, положение для бывшего человека невозможно? Да ведь и родиться из земли, и писать другому такому же земляку то, что я пишу, — еще менее возможно, а ведь нас не послушали, говорят *пиши*»⁶⁷.

По тому же выборочному принципу в *Сб1863* вошел лишь один перевод из Т. Кёрнера. Сама структура сборника выдержана не в порядке хронологии, а, по-видимому, в каком-то ином концептуальном ключе. Открывается он переводом 4-х книг од Горация и завершается большим циклом переводов из Гейне, причем значительная часть переводов из этого цикла была опубликована ранее. Представляя в *Сб1863* новую, значительно расширенную подборку стихотворений Гейне, Фет отдавал дань увлечению, в котором признавался позднее в своих мемуарах (см. подробнее преамбулу к комментариям к переводам из Гейне в наст. томе), и одновременно представлял лиру немецкого поэта в наиболее характерных и важных, на его взгляд, произведениях.

Помещение в начале сборника 4-х книг од Горация было обусловлено не только хронологией. Помимо поэтических достоинств, многое в творческой судьбе Горация делало его близким русскому переводчику. Как видно даже из собственных признаний Фета, пример Горация имел в его глазах значение воспитателя юношества, но не только юношества. Гораций, как известно, обращался к Цезарю, нередко используя влияние своего друга Мецената. Посредством своего перевода Фет тоже обращался к Цезарю, пытаясь предостеречь его от опасностей, грозящих государству в эпоху важнейших исторических перемен. Надежды, которые значительная часть русского общества возлагала на восшедшего в феврале 1856 г. на престол Александра II, побудила Фета посвятить свой труд новому государю. Спустя 27 лет, издавая полный перевод Горация, Фет посвятил свой труд «Священной памяти Императора Александра II». В этих двух посвящениях (а на втором, как свидетельствуют неопубликованные

⁶⁷ Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями: В 2-х т. Т. 2. С. 45.

письма к Фету его приятеля И. П. Новосильцова, поэт особенно настаивал) крылся глубокий символический смысл.

Гораций дан в сопровождении Овидия и Катулла (эти переводы уже частично были опубликованы ранее), а перевод с китайского был включен впервые именно в *Сб1863*.

Значительно пополнен был сборник переводами из Гафиза. Вслед за Гафизом были помещены переводы из Гёте и Шиллера.

Словом, это был своеобразный «Лирический Пантеон» мировой поэзии, в которую Фет вступил еще на заре своей литературной деятельности. В том первом поэтическом сборнике, столь недоброжелательно встреченном О. Сенковским, уже присутствовал не только раздел переводов (из Гёте, Шиллера, Горация, Ламартина), но также, хотя и не выделенные в специальный раздел, «Антологические стихотворения», которые, в том или ином составе, будут присутствовать во всех последующих поэтических сборниках Фета.

Может быть, само название первого поэтического сборника Фета следует толковать именно в том смысле, который вложил Гёте в заглавие своего «Западно-восточного дивана», с которым русский поэт, без сомнения, был уже знаком. А издевательские эпитеты Сенковского («всё-бесница», «всебожница») следует трактовать как непонимание или неприятие критиком попытки молодого поэта следовать за Гёте, поставившим задачей создать в «Диване» «западно-восточный синтез»⁶⁸. Недаром еще в 1836 г. Шевырев писал о Гёте: «Поэты всего мира, всех веков и стран участвовали через Германию в воспитании Гёте, — и потому галерея его произведений, вмещающих славу и гордость его отечества, представляет Пантеон всемирной поэзии. <...> Наконец, в лирических произведениях Гёте еще более, нежели где-нибудь, стекаются отголоски от лиры всех народов...»⁶⁹. Характерно, что Шевырев, формулируя, по выражению В. М. Жирмунского, доктрину «искусства для искусства», обращается к стихотворению Гёте «Певец», перевод которого был включен в первый поэтический сборник молодого Фета: «Но спросят нас: для чего воздвигнут сей изящный Пантеон всемирной поэзии? Имеет ли он значение в жизни? К чему ведут эти сокровища искусства? Мы отвечаем на сии вопросы стихами самого же поэта:

Ich singe wie der Vogel singt,
Der in den Zweigen wohnt.

Мы переводим сии слова на язык современного философа: “искусство имеет цель самое в себе”⁷⁰. И не Шевырев ли подсказал Фету название для его первого поэтического сборника?

⁶⁸ См.: *Брагинский И. С.* Западно-восточный синтез в «Диване» Гёте // *Гёте И. В.* Западно-восточный диван. М., 1988. С. 572—599.

⁶⁹ *Шевырев С. П.* Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов. М., 1836. С. 288—290. Цит. по: Жирмунский В. М. Гёте в русской литературе. Л., 1981. С. 144.

⁷⁰ Там же. С. 145.

Эпиграф к V разделу *Сб1863* «Гафиз» повторяет эпиграф Гёте к «Хафиз-наме» («Книге Хафиза»). Мистический брак «Слова» и «Духа», осуществленный в песнях Гафиза, становится для Фета, как и для Гёте, основой поэтического мироздания, общего как для Востока, так и для Запада. Спустя много лет, в ответ на вопрос Л. Н. Толстого, знаком ли он с творчеством поэта Мирзы Шафи (точнее, М. Ш. Вазеха, 1796—1852), переведенного еще в начале 1850-х гг. Ф. Боденштедтом, Фет писал: «С Мирзой Шафи совершенно незнаком и жалею, я люблю Восток»⁷¹. Еще в 1850 г. Ап. Григорьев, рецензировавший *Сб1850*, отмечал, что стихотворения, написанные в подражание восточным стихотворцам, «так и дышат воздухом степей Аравии», в особенности выделяя подражание «Песни песней» — «Не дивись, что я черна...»⁷².

Можно заметить и иные черты, структурно роднящие 2-ю часть *Сб1863* и «Западно-восточный диван». Это, например, сочетание прозаических и поэтических текстов.

Как и для Гёте, для Фета становится значимым включение прозаического текста (предисловие к разделу в виде биографии Горация или Гафиза, подстрочные примечания — обширные, как к одам Горация, или небольшие, как к Гафизу) в поэтический контекст. Этот прозаический текст играет не только вспомогательно-пояснительную, но и структурообразующую роль, которая особенно заметно проявится значительно позднее, при публикации второй части «Фауста» Гёте и отдельного издания од и сатир Горация в 1883 г. Но и в *Сб1863* значительное пространство занято подробнейшими комментариями к 4-м книгам од Горация, где, наряду с известными или извлеченными из специальных работ сведениями, содержатся оригинальные трактовки, догадки и гипотезы. Выразителен подстрочный комментарий к ст. 3 последнего стихотворения («Гафиз убит. А что его убило...»), где речь идет о смелом сравнении черного глаза красавицы с «жестоким негром»: «Вот истинный скачок с 7-го этажа, зато какая прелесть!» Здесь и автоцитата (из статьи о Тютчеве, где лирическому поэту необходимо было прыгать с седьмого этажа, чтобы подтвердить свое поэтическое первородство), и полемика с противниками «чистого искусства» (в частности, с Михаловским, иронически поставившим эту фразу в качестве эпиграфа к свой разгромной статье о шекспировском переводе Фета), и смелое вторжение в поэтический текст.

Если условно разделить поэтическое творчество поэта на четыре этапа, а именно: 1) до 1840 г. — времени появления первого поэтического сборника; 2) 1841—1863, времени творческой зрелости и выхода в свет трех поэтических сборников — 1850, 1856 и 1863 гг.; 3) 1864—1883, эпохи удаления из литературы, обращения к разнообразной хозяйственной, судебной и публицистической деятельности, завершив-

⁷¹ Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями: В 2-х т. Т. 2. С. 92.

⁷² Отечественные записки. 1850. Т. 68. № 2. С. 68.

шейся появлением первого выпуска «Вечерних огней», полного перевода «Фауста» Гёте и полного Горация; 4) наконец, последнего этапа — 1884—1892, периода создания следующих четырех книг «Вечерних огней», ряда книг переводов римских поэтов (Проперция, Катулла, Тибулла, Овидия, Марциала и др.), то придется признать, что творческий путь поэта был, несмотря на сложности его личной и творческой судьбы, на удивление целостен и последователен. Можно даже сказать, что, вопреки историческим обстоятельствам и превратностям жизни, Фет, как никто иной, сумел реализовать почти все свои замыслы.

Сб1863 занимает особое место в поэтическом наследии Фета. После него Фет «замолчал» на 20 лет, но через два десятка лет он вернулся к своим излюбленным поэтам — Горацию и Гёте, вернулся к поэтическим сборникам, которые войдут в историю русской поэзии под заглавием «Вечерние огни» (это заглавие будет дано им Н. Н. Страховым, сменившим в качестве литературного советчика Фета Ап. Григорьева и И. С. Тургенева). Но принцип их построения будет отличаться от сборников 50-х годов лишь тем, что в них будут печататься по преимуществу новые стихотворения. Наконец, в 80-е годы Фетом будет предпринят уникальный опыт — систематического стихотворного перевода ряда римских классиков, создание своеобразной антологии римской поэзии, к которой он обращался в предшествующие десятилетия лишь выборочно.

5, 7 (17, 19) ноября 1860 г. Тургенев писал Фету, иронически именуемому им «жрецом чистого искусства»: «Или Вы, не шутя, считаете себя в отставке? Знаете ли что? Попробуйте перечесать Проперция (Катулла также или Тибулла) — не найдете ли над чем потрудиться, не спеша? Одну элегию в неделю — “ничего, можно”. <...> Вам еще грешно класть перо на полку» (*Тургенев. Письма*. Т. 4. С. 259). Слова Тургенева оказались пророческими. Все упомянутые им в этом письме поэты вышли в 80-е годы «в переводе и с объяснениями А. А. Фета» отдельными книгами. К ним прибавился еще ряд поэтов: Вергилий, Овидий, Персий, Марциал, Ювенал, Плавт, Лукреций.

Фет хорошо понимал значение своей работы как переводчика для русской культуры. «Для собственного удовольствия я и поныне занимаюсь переводом образцовых сочинений, — писал он А. Ф. Дамичу 22 марта 1885 г., — причем неизменно держусь, во-первых, подстрочности, во-вторых, по возможности буквральности, тогда как первого условия почти никто из наших переводчиков не соблюдает. Что я владею стихотворным языком не хуже всякого другого — в этом, кажется, сомненья быть не может. Поэтому я совершенно разделяю Ваше мнение, что по мере развития в публике здравого вкуса и знакомства с делом мои переводы должны вытеснить всех конкурентов до появления каких-либо исключительных специалистов этого дела»⁷³.

⁷³ Из неизданной переписки русских литераторов. С. 561.

В то же время он не переоценивал своих достижений в области перевода. По поводу переведенной им «Энеиды» Виргилия Фет писал Д. И. Нагуевскому: «Если мои переводы далеки от желаемого совершенства, то тем не менее могут служить фундаментом для будущих, более счастливых или искусных переводчиков. Переводить песни прозой невозможно. Стихи имеют свои права, которых нарушать нельзя» (письмо от 11 марта 1887 г.)⁷⁴.

Представить себе творческий путь Фета без переводов сложно. Они являются органической частью его наследия. Без них не обошелся ни один из этапов творческого пути поэта. Более того, было уже замечено, что именно интенсивное занятие переводами предшествовало у Фета взлету его поэтической фантазии. Он мог бы, вероятно, сказать вместе с Жуковским, что его ум, «как огниво, которым надобно ударить об камень, чтоб из него выскочила искра»⁷⁵.

Позднее, когда Фету была присуждена Пушкинская премия за полный перевод Горация, Вл. Соловьев поздравил его стихами, в которых ясно выражена высокая оценка вклада Фета-переводчика в русскую культуру:

Перелетев на крыльях лебединых
Двойную грань пространства и веков,
Подслушал ты на царственных вершинах
Живую песнь умолкнувших певцов.

И приманил твой сладкозвучный гений
Чужих богов на наши берега,
И под лучом воскресших песнопений
Растаяли сарматские снега.

И пышный лавр средь степи нелюдимой
На песнь твою расцвел и зашумел
И сам орел поэзии родимой
К тебе с высот невидимых слетел.

* * *

До последнего времени переводы Фета помещались в конце собраний его стихотворений, хотя в последних прижизненных сборниках переводные стихотворения располагались в одном ряду с оригинальными. В сохранившемся в *ТепРГБ* (о ней см. ниже) списке стихотворений, предназначенных для издания 1863 г., оригинальные и переводные стихотворения также не разделены. По-видимо-

⁷⁴ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Сообщено М. Д. Эльзоном.

⁷⁵ Письмо к Гоголю от 6 (18) февраля 1847 г. // *Жуковский В. А. Собр. соч.:* В 4-х т. Т. 4. М.; Л., 1960. С. 544.

му, идея выделить переводы в отдельный том пришла к Фету не сразу.

Что касается первого посмертного издания 1894 г., подготовленного Н. Н. Страховым и К. Р., то здесь переводы вообще были принципиально исключены. В предисловии к первому тому Страхов сообщал, что «уже начаты приготовления к *Полному собранию сочинений А. Фета*, которое будет обнимать все им написанное, будет расположено в строго-хронологическом порядке и снабжено вариантами и библиографическими указаниями». Правда, тут же издатель оговаривался, что «этого большого издания нельзя обещать в скором времени» (*ЛС 1894*. Т. 1. С. XVI).

По смерти Страхова (1896) за подготовку нового издания взялся Б. В. Никольский. В заметке «От издателя» к *ПССМ1901* говорилось, что цель нового издания состоит в том, чтобы дать «возможно полное собрание стихотворений Фета, как оригинальных, так и переводных, за исключением только из числа последних тех, которые уже вошли в состав отдельных изданий (переводы из древних, «Фауст» Гёте) или могут появиться, по своим значительным размерам, отдельными книжками» (С. III). Сообщалось также, что издание «имеет в виду удовлетворить по возможности и взыскательным требованиям научной критики как относительно точности текста и полноты собрания, так и в отношении хронологических указаний». С этой целью, по утверждению издателя, «впервые был привлечен к делу весь печатный и весь доступный в настоящее время рукописный материал» (Там же). Очевидно, К. Р. передал Никольскому хранившиеся у него рабочие тетради Фета и другие материалы⁷⁶. Об этом свидетельствует указание на то, что в наблюдении за изданием, «как и за первым посмертным, приготовленным к печати покойным Н. Н. Страховым, содействовал по-прежнему принять участие Великий Князь Константин Константинович, отвечая тем предсмертному желанию самого покойного поэта» (С. IV).

Действительно, *ПССМ1901* следует признать наиболее полным собранием стихотворений Фета, в том числе и переводных. В основу третьего тома этого издания, включавшего поэтические переводы, не изданные особыми сборниками, были положены, как указы-

⁷⁶ Их видел у него Б. Садовской, указавший, что «черновые рукописи А. А. Фета составляют собственность редактора первого посмертного издания его стихотворений, профессора Б. В. Никольского» и принесший ему благодарность «за дозволение воспользоваться ими» (*Садовской Б.* Ледоход. Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 187). Правда, он ошибся, так как редактором первого посмертного издания (1894 г.) был все-таки Н. Н. Страхов. Садовской даже дал краткое описание этих тетрадей и опубликовал разночтения в двух статьях: «Рукописи А. А. Фета (Важнейшие разночтения)» и «Описание рукописей А. А. Фета» (Там же. С. 84—94; 185—187). Поскольку первые редакторы не намеревались включать в издания 1894 и 1901 гг. большую часть переводов, среди этих тетрадей не оказалось тех, что содержали переводы из римских классиков, «Фауст» Гёте и др.

валось в редакторском предисловии, *Сб1863* и «Вечерние огни» (С. IX). Правда, Б. В. Никольский ни словом не обмолвился о переводах шекспировских пьес, выполненных Фетом во второй половине 50-х годов.

Можно предположить, что при определенных условиях они могли войти во второй том *Сб1863*. Или, что гораздо более вероятно, составить отдельный том (вместе с не дошедшим до нас переводом «Тимона Афинского» и, возможно, «Гамлета» (см. об этом преамбулу к переводам из Шекспира) задуманного Фетом трехтомника. В начале 1859 г. он с радостью сообщал, что редактор и издатель журнала «Русское слово» гр. Г. А. Кушелев-Безбородко согласен купить издание его стихотворений в трех томах, но впоследствии это предприятие не состоялось⁷⁷.

Ценность *ПССМ1901* состояла в том, что здесь впервые было опубликовано большое количество стихотворений Фета по рукописям. «...Притом, — как писал в 1937 г. Б. Я. Бухштаб, — в значительной части по утраченным ныне рукописям, так что и в отношении текстов и в отношении датировок это издание является для многих стихотворений единственным источником» (*ПССМ1937*. С. 680). Сказанное относится в полной мере к переводным пьесам.

Несмотря на серьезную и во многом справедливую критику издания Б. В. Никольского⁷⁸, оно сохраняет свою ценность до сих пор, в частности потому, что здесь впервые были опубликованы не только многие стихотворения, но и некоторые переводы, которые следующий издатель Фета не включил в новое собрание. Речь идет о первом комментированном Полном собрании стихотворений Фета, подготовленном Б. Я. Бухштабом (*ПССМ1937*). Хотя раздел переводных стихотворений здесь довольно велик (достаточно сказать, что составитель поместил в раздел «Переводы» часть од Горация), некоторые из переводных сочинений все же отсутствовали. Среди них следует назвать — из Гёте: поэму «Герман и Доротея», балладу «Лесной царь», стихотворения «Паж и мельничиха», «Юноша и мельничный ручей»; из Шиллера — драму «Семела» и двустушие «Дитя в колыбели»; из А. де Мюссе — «Дюпон и Дюран»; из Гольдшмита — «Зачем я влюбился в тебя, дорогая...»; из Каролины фон Гель — «Забуть, — ах, вмиг забыть бы...»; с немецкого — «Я с лучшей стороны смотреть на всё готов...». Лишь в отношении одного исключенного перевода Б. Я. Бухштаб дал обоснование причин, по которым он это сделал («Элегия» А. де Мюссе)⁷⁹.

⁷⁷ См.: *Трепалина М. И.* А. А. Фет и Я. П. Полонский в журнале «Русское слово» (на материале переписки Фета и Полонского 1850-х гг.) // А. А. Фет и русская литература. XV Фетовские чтения. Курск—Орел, 2000. С. 215—218.

⁷⁸ См.: *Бухштаб Б.* Судьба литературного наследства А. А. Фета // Литературное наследство. Т. 22—24. С. 584—592.

⁷⁹ Там же. С. 587.

«Переводы ограничены лирикой, — писал исследователь, обосновывая свои принципы отбора для *ПССм1937*, — и притом только напечатанной при жизни Фета или вошедшей в список 1892 г. Исключение сделано для Гейне, влияние которого на творчество Фета особенно значительно: включены три посмертные перевода из Гейне, не вошедшие в список 1892 г. С другой стороны, из римских лириков, которых Фет перевел чуть ли не всех, притом полными собраниями стихотворений, даны лишь избранные переводы» (С. 680). Такое, в сущности, малообоснованное исключение остальных переводов из корпуса стихотворений вызвало у некоторых современных исследователей сомнение в принадлежности их Фету⁸⁰, что вряд ли справедливо, поскольку в абсолютном большинстве случаев (и это подтверждается сохранившимися автографами) Б. В. Никольский действительно пользовался достоверными источниками. За неимением этих источников, мы обязаны печатать известные переводы по его изданию, как это делается в случаях с оригинальными произведениями.

В последующих переизданиях Собрания стихотворений Фета, подготовленного Б. Я. Бухштабом в серии «Библиотека поэта» (1959 и 1986), раздел переводов только сокращался: исчезли переводы из Горация, Катулла, Овидия, Ламартина, уменьшилось число переводов из Гёте, Шиллера, Гейне, Мицкевича и др. В *ПССм1959* исключение «Германа и Доротеи» Гёте, «Семелы» Шиллера и «Дюпона и Дюрана» Мюссе, входивших в *Сп1892* мотивировалось «крупным объемом» названных произведений (С. 710). Правда, А. Е. Тархов включил эти переводы в 1-й том *Соч.* Фета, справедливо отметив, что «в наше время признана ценность отдельных фетовских переводов, однако сколько-нибудь обобщающей работы по этому вопросу не существует»⁸¹. В целом же, с течением времени в издательской практике наблюдалось сокращение числа переведенных Фетом произведений, что, наряду со ставшими привычными пренебрежительными суждениями о его переводах, отнюдь не способствовало объективной их оценке.

Наличие в настоящем томе раздела «Приложений» обусловлено необходимостью более полно представить объем работы Фета-переводчика за указанный период и расширить круг имен, входивших в орбиту его творческих интересов. Сюда впервые после первой публикации в «Современнике» включены переводы двух трагедий Шекспира, а также ряд др. пьес, по тем или иным причинам не вошедших в *Сб1863*: переводы из Мицкевича, а также публикуемые впервые переводы «Из Гафиза», сохранившиеся в *ТемпРГБ* и на отдельных листах (*РГБ*).

В заключение необходимо сказать несколько слов о сохранившейся в *РГБ* рабочей тетради Фета (далее *ТемпРГБ*), большая часть

⁸⁰ Ачкасов А. В. Ertlkönig: перевод Фета (?) и подстрочник Цветаевой (Заметки на полях). С. 71—93.

⁸¹ См.: Фет А. А. Соч.: В 2 т. / Сост., вступит. ст., комментарии А. Е. Тархова. М., 1982. Т. 1. С. 530.

которой занята переводами, вошедшими в *Сб1863*, хотя часть из них находится в другой тетради, хранящейся в *РО ИРЛИ. ТемпРГБ* датируется довольно точно 1853 — 1863 гг. на основании записи на первой же странице, где обозначены журналы, прочитанные Фетом в указанный период. Содержащийся на л. 150—151 список состоит из 84 ст-ний, которыми пополнился *Сб1863*. О том, что поэт вносил записи в эту тетрадь (переменяя их обычными деловыми пометами о выдаче денег рабочим и проч.) в указанные годы, свидетельствует наличие обильной правки чернилами и карандашом, которая соответствует ранним редакциям переводов, появившимся в периодике с 1854 г. Впоследствии некоторые переводы (например, из Овидия) Фет дорабатывал по этой же тетради для *ВО 1*.

Судя по характеру заполнения *ТемпРГБ*, в которой листы 17—50 и 117—148 остались чистыми, можно с уверенностью предположить, что первоначально она предназначалась для переводов из Горация. Причем поэт начал заполнять ее с листа 51 (где помещены переводы 3-й и 4-й книг «Од»), оставив 50 первых листов чистыми, куда он, по-видимому, собирался переписать две первые книги од, давно уже готовые и, с его точки зрения, не нуждающиеся в доработке. Очевидно, убедившись в этом, Фет начал заполнять первые листы другими стихотворениями: здесь находятся две первых строфы стихотворения «Забудь меня, безумец иступленный...», «В темноте, на треножнике ярком...», «Диана, Эндимюн и Сатир», но затем идут переводы из Гафиза, Овидия, Горация (в тетради содержатся переводы не только од, но и эподов XIII, XV, XVII, а также нескольких сатир). В конце тетради (с л. 152 об.) находятся черновые редакции переводов из Шиллера.

Любопытно, что черновой автограф стихотворения «Толпа теснилася. Рука твоя дрожала...», которое было, благодаря последним разысканиям, окончательно определено как переводное (с французского стихотворения приятельницы Фета С. В. Энгельгардт), находится именно в *ТемпРГБ*, еще раз подтверждая ее предназначение как тетради для переводов. Впоследствии это стихотворение вошло в *ВО 1*.

Тексты и комментарии к переводам из Горация и Катулла подготовлены А. В. Успенской, в подготовке текстов принимала участие Н. З. Коковина (сверка редакций *Сб1863* и *Гораций1883*), тексты и комментарии к переводам из Шекспира («Приложения») — А. В. Ачкасовым, тексты и комментарии к переводам из Шиллера и Гейне (в том числе в разделе «Приложения») — В. А. Лукиной, тексты и комментарии к переводам из Овидия, Гафиза (при участии В. А. Лукиной), Гёте, Мицкевича, Шенье, Беранже, а также к соответствующим разделам «Приложений» — Н. П. Генераловой; ею же написана общая прамбула к комментариям.

І. ГОРАЦИЙ

На протяжении нескольких десятков лет Фет отдавал дань античности не только как читатель, но и как переводчик. Переводы римских классиков по объему намного превышают фетовское оригинальное творчество. Фет перевел сатиры Ювенала (1885), стихотворения Катулла (1886), элегии Тибулла (1886), «Энеиду» Вергилия (1888), элегии Проперция (1888), сатиры Персия (1889), почти все эпиграммы Марциала, главы из поэмы Лукреция «О природе вещей», комедию Плавта «Горшок» (1891), «Метаморфозы», «Любовные элегии» (1887) и «Тристии» (1892) Овидия. Но наибольший интерес представляют переводы из Горация, ставшие, по словам самого Фета, делом всей его жизни. Первые оды были переведены еще на студенческой скамье в 1839 г., а через сорок пять лет, в 1883 г. вышел первый в России полный перевод римского поэта.

Филологи оценивали этот перевод очень высоко. С. П. Шевырев, напечатавший в 1844 г. в «Москвитянине» подборку из тринадцати од в переводе Фета, писал: «Мы до сих пор подобного перевода еще не имели. У нас были подражания Горацию — и только...» (Москва. 1844. Ч. 1. № 1. С. 27). Особо выделял переводы из Горация Ап. Григорьев: «стих его достигает необыкновенной силы, ловкости и чистоты отделки; выражение идет почти рука об руку с Горациевым, и можно смело сказать, что такого перевода Горация нет ни в одной литературе» (Григорьев Ап. Полн. собр. соч. и писем. Пг., 1918. Т. 1. С. 181)

Конечно, Фет вовсе не являлся первооткрывателем Горация. В XVIII в. римского поэта переводили, подражали ему, заимствовали те или иные его мотивы Тредиаковский, Ломоносов, Кантемир, Сумароков, Капнист, Поповский, Барков и другие русские стихотворцы (См.: Берков П. Н. Ранние русские переводчики Горация // Изв. АН СССР. Отд. общественных наук. Сер. истории и философии. 1935. № 10. С. 1039—1055).

В начале XIX в. интересные эксперименты в области метрики и строфики, важные и для русского стихосложения, и для развития переводческой техники, осуществил А. Х. Востоков. В 1802 г. он издал брошюру «Опыты лирической поэзии», в к-рой были представлены разнообразные размеры античной поэзии и переведены некоторые оды Горация — размером, приближавшимся к подлиннику.

В XIX в. непосредственными предшественниками фетовских переводов были труды А. Ф. Мерзлякова, М. А. Дмитриева, В. И. Орлова; в 1862 г. вышли переводы И. П. Крешева.

Т. о., к 40-м гг. XIX в. читающая публика в России могла познакомиться с Горацием в различных вариантах. Но переводы эти осуществлялись поэтами, обладавшими разной степенью поэтического дарования, с разными переводческими принципами. Поэтому общая картина творчества Горация была мозаичной. К тому же на качестве

переводов сказывались стереотипы эпигонской «гладкописи», распространявшейся в русской поэзии второго и третьего ряда в 1820-е и 30-е гг. По верному наблюдению Л. Гинзбург, русские поэты той эпохи оказывались между двумя опасностями: впасть в невнятицу и безвкусицу или подменить чужой образ «привычными формулами среднепоэтического стиля» (*Гинзбург Л. О лирике. 2-е изд. Л., 1974. С. 73*).

Даже не будучи первооткрывателем, Фет, приступая к переводам из Горация, мог быть уверен в ценности своей работы. В России не только не было адекватного перевода Горация — не было и перевода полного, не были переведены даже четыре книги од.

Работа Фета тем более интересна, что он, как переводчик, сочетал в себе большого поэта и хорошего филолога-классика. Он достаточно свободно ориентировался в подлиннике, не прибегая к посредникам — французским или немецким переводам.

До четырнадцати лет Фет учился дома и древними языками почти не занимался. Настоящая учеба началась, когда Фет был отправлен в частную классическую гимназию Крюммера, находившуюся в лифляндском городке Верро (ныне Выру), неподалеку от Дерпта (Тарту, Эстония).

Три года пребывания в этой гимназии сыграли важную роль в формировании и человеческой, и литературной судьбы поэта. Биограф Фета Г. П. Блок писал о «мудром немце Крюммере»: «Это имя в те времена гремело. Его чтили и дерптские профессоры, и местные бароны» (*Блок Г. П. Рождение поэта: Повесть о молодости Фета. Л., 1924. С. 15*). Основными предметами в гимназии были математика и древние языки. По воспоминаниям Фета, Крюммер говорил: «Главное значение школы в моих глазах не те или другие сведения, которые сами по себе большею частью являются совершенно бесполезными в жизни, а в привычке к умственному труду и способности в разнообразии жизненных явлений останавливаться на самых в данном отношении существенных... Упражнять разум для будущего правильного мышления можно только математикой и древними языками» (*РГ. С. 114—115*).

Латинским языком занимались очень много: по несколько часов ежедневно. Когда Фет поступал в пансион М. П. Погодина, он мог свободно, без словаря, переводить с листа «Энеиду». Со второго года обучения прибавляли греческий язык по одному часу в день, но греческим Фет овладел в гораздо меньшей степени.

В числе других учителей был молодой кандидат богословия Йенского университета Х. Айзеншмидт, знаток древних языков, убежденный сторонник классического образования. Он знакомил учеников с поэзией Гёте и Шиллера, обучая на примере их поэзии правилам стихосложения. Он был лично знаком с Гёте, и это придавало его урокам особую убедительность. Таким образом, увлечение античностью сочеталось у Фета с увлечением немецкой поэзией, а с ней он воспринимал и западноевропейский опыт усвоения античности.

В пансионе Крюмера Фет получил первые филологические навыки скрупулезного, вдумчивого изучения латинских подлинников, но главное — живой интерес к миру античности.

Полгода, проведенные затем в московском пансионе профессора Погодина, мало что к этому добавили. В 1838 г. Фет поступил на юридический факультет Московского университета, а через полгода, досдав греческий язык, перевелся на словесный факультет.

Университетские годы были, наверное, самым счастливым временем в жизни Фета. В 1837—1838 гг. после учебы в Германии вернулись молодые блестящие профессора Д. Л. Крюков, П. Г. Редкин, Н. И. Крылов, И. И. Давыдов, декан факультета, читал лекции по эстетике, С. П. Шевырев — историю литературы, Крюков — латынь. Об уровне преподавания древних языков говорит тот факт, что Крюков читал свои лекции полностью на латинском языке, а на уроках греческого тексты переводились не на русский язык, а на латынь, комментировались тексты также на латыни. Фет вспоминал о начале работы над Горацием: «Увлеченный одами Горация в изящных изустных переводах покойного Дмитрия Львовича Крюкова на русский язык, я перевел две-три оды стихами и показал их моему профессору. Первою, я помню, была XIV первой книги — “К Республике”. Благоклонный отзыв знатока обоих языков придал мне охоту и любовь к занятию...» (ОЗ. 1856. Т. 106. С. 27—28). Произошло это, по-видимому, в первом полугодии 1839/40 учебного года, когда Крюков читал со студентами второго курса оды Горация (РГ. С. 209—210). В конце жизни Фет вспоминал, что его перевод оды «К Республике» был даже прочитан Крюковым в студенческой аудитории, несмотря на то, что университетское начальство не одобряло сочинения стихов студентами. Памяти учителя Фет посвятил стихотворение «Когда светильником пред нашими очами...» (1855), где вспоминал о том, что именно Крюков впервые раскрыл перед ним красоту поэзии Горация (см. наст. изд., т. 1, с. 220).

В первом поэтическом сборнике Фета *ЛП* (1840) были напечатаны оды I, 5 и I, 25.

Кроме Крюкова, фетовские переводы Горация одобряли и др. профессор: С. П. Шевырев, возможно, И. И. Давыдов (См.: *ПССм1937*. С. 753). Фет в мемуарах рассказывал о долгих беседах с Шевыревым: «Он отнесся с великим участием к моим стихотворным трудам и снисходительно проводил за чаем по часу и по два в литературных со мною беседах. Эти беседы меня занимали, оживляли и вдохновляли» (РГ. С. 209). В поэме «Студент» (1884) Фет также вспоминал об этих беседах: «И за полночь мы за стаканом чаю/Сидим, вникаем в римского певца...». Таким образом, занятия Горацием давали возможность общения, в котором он в тот момент весьма нуждался. Важно и другое: многие исследователи отмечали, что Фет как поэт созрел чрезвычайно быстро. Одно из объяснений этому — тщательная работа в начале творческого пути над языком переводов, явившаяся для него серьезной школой, возможно, и толчком, разбудившим поэтическое вдохновение.

Ободренный первым успехом, Фет продолжал работать над Горацием. В 1844 г. Шевырев напечатал в первой книге *Москва*, редактором которого он был, тринадцать стихотворений: оды 1, 2, 4, 5, 8, 9, 13, 14, 17, 22, 23, 25, 38 из первой книги.

После окончания университета, Фет, получив место в полку, расквартированном в глуши Херсонской губернии, почти порывает связи с литературными кругами. После 1847 г., явившегося своеобразным пиком творческого вдохновения поэта, стихи появляются все реже, а напечатать их практически не удается. В эти годы, однако, Фет продолжает заниматься Горацием. Эти переводы были нитью, связывавшей Фета с литературной жизнью, кругом сочувствующих единомышленников, средством преодолеть духовное одиночество. 30 апр. 1847 г. он сообщил Я. П. Полонскому о завершении перевода первой книги од Горация (*РО ИРЛИ*), а в письмах к С. П. Шевыреву от 10 июня и 30 окт. 1848 г. — о работе над переводами 2-й книги (*ОР РГБ*). Шевырев напечатал две из них в *Москва* за 1849 год. Несмотря на выход в свет в 1850 г. нового сборника ст-ний (задержка с печатаньем произошла, по-видимому, по вине Ап. Григорьева, поскольку цензурное разрешение было получено еще в 1847 г.), Фет, отягощенный службой, не мог уделять переводам достаточно времени.

В 1853 г., после перевода в гвардию, Фет получил, наконец, возможность бывать в столице; стали восстанавливаться литературные связи. Однако новая вспышка творческой активности наступила не сразу. И опять важную роль сыграли переводы из античной поэзии. Фет вспоминал свою встречу с Тургеневым в 1853 г.: «Новых стихотворений в то время у меня почти не было, но Тургенев не переставал восхищаться моими переводами од Горация, так что, по просьбе его, смотрившего в оригинал, я прочел ему почти все переведенные в то время две первые книги од». Тургенев горячо убеждал Фета переводить дальше: «Продолжайте, продолжайте! Как скоро окончите оды, я сочту своим долгом и заслугой перед нашей словесностью напечатать ваш перевод» (*МВ*. Ч. 1. С. 6—7). Фет последовал его совету. Сначала перевод шел с трудом, затем все легче, свободнее: «...я захватил с собою Горация в объяснениях Ореллия и принялся переводить самые трудные оды из второй и третьей книг. Сначала я пришел в совершенное отчаяние от возникших на каждой строке затруднений; но с каждой новой победой я все более осваивался с атмосферой моего труда, все более и более отрадного. К величайшей радости моей, я в месяц, проведенный в Лопухинке, окончательно перевел две последние книги од, тогда как перевод первых двух тянулся в продолжение пятнадцати лет» (Там же. С. 27).

За месяц было переведено 45 ст-ний (III и IV кн. од). С этого момента в творчестве Фета намечается явный подъем: начиная с 1854 г. ст-ния идут почти тем же потоком, что и в первой половине 40-х. Конечно, огромное значение имело то, что с 1853 г. Фет возобновил и

расширил литературные связи, обрел круг единомышленников, доброжелательных слушателей и читателей. Но, в определенном смысле, это возвращение в литературу началось с мощного толчка, данного работой над Горацием.

Отделка и доработка од Горация продолжалась до 1856 г. Огромную роль в подготовке их к изданию сыграл Тургенев; он просмотрел с оригиналом в руках все четыре книги од. Вопрос о Тургене — редакторе Фета — достаточно сложен: редакторская работа над сборником 1856 г. не может быть оценена однозначно. Сам Фет считал, что «издание из-под редакции Тургенева вышло настолько же очищенным, насколько и изувеченным» (МВ. Ч. 1. С. 104—105). Однако строгость, переходящая в придирчивость, в отношении переводов дала хорошие результаты; во всяком случае перевод Горация практически не вызвал стилистических упреков, чего нельзя сказать о других переводах Фета из римских классиков.

О том, как тщательно и придирчиво Тургенев просматривал переводы, свидетельствует, например, такой эпизод, рассказанный Фетом в его мемуарах: «Тургенев радовался окончанию перевода од Горация и сам вызвался проверить мой перевод вместе со мною из строки в строку. Споров и смеху по этому поводу у нас возникло немало. Между прочим, в XXI оде книги первой он восстал против стиха: “На Краге ль, по весне...” Тургенев уверял, что ему хорошо известно, что краснокожие с перьями на голове и поднятыми тамагауками бегают по лесам Америки, восклицая: “На Краге по весне”, причем он выговаривал весне так, как будто в конце стояло обратное э» (МВ. Ч. 1. С. 36). Любопытно, что осмеянное Тургеньевым выражение сохранилось в переводе.

Все четыре книги од были напечатаны в ОЗ в 1856 г. В том же году перевод вышел отдельной книгой. В 1857 г. Фет напечатал в БЧ «Песнь столетию»; в сборнике 1863 г. — перевод II эпода. Некоторые переводы из Горация, выполненные, очевидно, до выхода в свет Сб1863 и сохранившиеся в ТемпРГБ (сатиры 1, 2, 3 из кн. I и Эпод XIII) напечатаны не были.

В 60-х годах Фет перевел «Послание к Пизонам», но опубликовать его не смог. Новый подъем творческой активности начался в 80-е гг. И вновь возвращение в литературу началось с переводов: в 1881 г. Фет выпустил перевод А. Шопенгауэра, затем — «Фауста» Гёте, а к 1882 г. завершил полный перевод Горация. В 1883 г. перевод был напечатан, а на следующий год Фету была присуждена за него полная Пушкинская премия.

В 1886 г. за переводы римских классиков он был избран членом-корреспондентом Академии наук.

Таким образом, на протяжении почти шести десятков лет творческая судьба Фета была тесно связана с переводами из римской классики и, в первую очередь, — с переводами Горация.

В этом напряженном интересе к античности, несомненно, сказались нечто более серьезное, чем дань общепринятому увлечению, тра-

диционному элементу образованности. Постоянное обращение к миру классической древности соответствовало глубинным душевным устремлениям, особенностям личности поэта. В этой работе сказалось то же стремление уйти от повседневности в мир более высокий и идеальный, которое пронизывало и все оригинальное творчество Фета. Поиски высшей красоты и гармонии давали возможность освободиться от пут безрадостного, а часто — мучительного существования, преодолеть «мрак жизни вседневной». «Без чувства красоты жизнь сводится на кормление гончих в душно-зловонной псарне», — писал Фет (РВ. 1863. № 1. С. 467).

Занятия переводами античных поэтов в полной мере отвечали этим устремлениям. Возможно, они даже в большей степени были способны вносить успокоение в мятущуюся душу: уходить в далекий, свободный от злобы мир античности было проще, чем в мир собственной поэзии, где вдохновение давалось не просто и не всегда. Занимаясь переводами, Фет из области чистого поэтического вдохновения переходил в область не менее возвышенную и, может быть, в столь же недоступную непосвященным, — в область классической филологии. Переводы Горация и других римских поэтов — труд не только творческий, но и научный. Погружение в древний текст требовало к тому же особенной тщательности и скрупулезности — качеств, которым, между прочим, придавал огромное значение Фет-человек (в отличие от Фета-поэта «с помутившимися глазами, с безумными словами», как он писал о себе Я. П. Полонскому): в армии — подтянутый, исполнительный службист, в деревне — распорядительный и расчетливый помещик. При этом Фет-переводчик римских классиков ближе, чем поэт, к прозаической, реально-бытовой своей ипостаси; занятия переводами служили как бы соединительным звеном между жизнью и творчеством, как правило, активизируясь в моменты творческого подъема, а в отдельных случаях, возможно, являлись даже исходным толчком, будившим поэтическое вдохновение.

О том, насколько важен был для Фета вечный эстетический идеал, заключенный, по общему убеждению его современников, в античности, свидетельствует прежде всего его антологическая поэзия. Но в античности Фет черпал и непосредственный пример для подражания, с которым соотносил свою жизнь. В этом смысле не случайно «делом всей жизни» Фета стал Гораций.

Быть может, именно в Горации Фет находил трудно достижимое слияние жизненного и поэтического идеала, примиряющее истинное поэтическое вдохновение и философию «золотой середины», спокойного, житейски-трезвого взгляда на мир. Особенно явственно это проявилось с начала 1860-х гг., когда Фет, фактически изгнанный из литературы, поселился в Степановке. Поэт начинает строить свою новую жизнь как будто в прямом соответствии с гораццианским идеалом: скромное сельское уединение, маленький круг друзей-единомышленников, достоинство и кроткое спокойствие души, обретающей по-

кой вдали от шума бесчинной толпы. Так, например, в стихотворении 1864 г. «Тургеневу» («Из мачт и паруса — как честно он служил...») Фет писал:

Поэт! и я обрел, чего давно алкал,
Скрываясь от толпы бесчинной;
Среди родных полей и тень я отыскал,
И уголок земли пустынной. <...>
Свершилось! Дом укрыл меня от непогод,
Луна и солнце в окна блещет,
И, зеленью шумя, деревьев хоровод
Ликует жизнью и трепещет.

Луна и солнце, блещущие в окна, и даже «деревьев хоровод» образуют замкнутую самодовлеющую вселенную: ведь все группируется вокруг единого центра, которым является дом. Подобное чувство защищенности и гармонии, заставляющей вспомнить о Золотом веке, испытывал и Гораций в своем Сабине (см., напр., оду I, 17). В поэзии Горация Фету, безусловно, импонировала и подчеркнутая элитарность поэта, презрение к умственной черни, чувство духовной избранности.

Умение наслаждаться каждым мгновением жизни, важное в гораццианской системе ценностей, соседствовало со спокойным и мудрым отношением к смерти (например, в стихотворениях «Я жить хочу! — кричит он, дерзновенный...», «Смерти» («Я в жизни обмирал и чувство это знаю...»), «А. Л. Бржеской» («Далекий друг, пойми мои рыдания...») и во мн. других).

Достаточно близкими Фету были и политические воззрения Горация: консерватизм, любовь и уважение к монарху, представлявшемуся гарантом спокойствия и порядка в стране, и в то же время аполитичность частного человека, живущего уединенно и замкнуто. В предисловии к полному переводу Горация Фет прямо сравнивает Александра II с Августом, как бы ставя себя на место римского поэта: «Не можем не остановить внимание юношества на духовной связи между произведениями бессмертного римского поэта и посвящением их приснопамятному имени отошедшего монарха. Этот монарх даровал стране своей свободу. <...> Начало истинной свободы есть свобода духовная. <...> Свободный в этом смысле юноша, изучая Горация, не может не убедиться, что весь Гораций есть гимн освобождению Августом страны от крамол партий, жестокостей междоусобиц и разбоев на море и на суше. Август не только создал императорскую власть, но завещал ее векам. В бозе почивший монарх даровал нам гражданскую свободу. Если мы умеем ценить его дар, то должны заслужить его духовной свободой и честным трудом» (*Гораций* 1883. С. V—VI).

При этом надо заметить, что, несмотря на явную духовную близость не только поэзии, но и каких-то черт воззрений Горация, сама личность поэта не только привлекала Фета, но и отталкивала. Извест-

но, например, такое, весьма парадоксальное высказывание: «Я изучал Горация, я любовался нравственно-слабой, жирной эпикурейской фигурой, либерально набожным сластолюбцем, наполненным преданий афинского приличия и того героического строя, который двигал всем классическим миром...» (*Толстой. Переписка. С. 394*). То есть в Горации Фет ищет и находит прежде всего некий стержень — возвышенно-героический дух Греции, ее предания, облеченные в безукоризненную поэтическую форму (и любитесь, конечно, ими, а не «жирной фигурой» придворного поэта).

То, что в Горации Фета привлекал именно дух классической Греции — признание очень важное: поэзия Горация буквально наполнена реминисценциями из греческой лирики. Недаром Гораций главную свою заслугу видел в том, что первый переложил эолийскую песнь, то есть греческую поэзию, на итальянский лад (ода III, 30 — «Памятник»). Знакомство Фета с греческой лирикой было в достаточной степени опосредованным — греческий язык Фет знал далеко не так свободно, как латынь (из-за двойки по греческому он даже остался на второй год в университете), во всяком случае, оставив огромное число переводов латинских авторов, из греков он перевел эпиграмму Адриана и несколько анакреонтических песен. Таким образом, переводы из Горация были одновременным обращением к духовному и художественному миру античной Греции.

Фет был убежденным сторонником буквального перевода. И дело тут не только в стремлении подойти к иноязычному тексту «исторически». В отличие от сторонников вольного перевода, Фет никогда не считал, что иноязычное произведение должно стать частью русской литературы. По отношению к античной поэзии Фет ощущал свою задачу скорее как просветительскую: донести до читателя представление о красоте, одушевлявшей поэтов давно ушедшей эпохи, дать возможность непосвященным войти в возвышенный, идеальный мир литературы древних, который, собственно, и воспринимался им как реально существовавший некогда Золотой век.

Фет писал о своих переводах из Горация: «Не может быть, думаю, чтоб в моем стихотворном переводе не отразилась хотя малейшая часть той силы и красоты, которой дышит каждый куплет, каждый оборот великого поэта. Пусть прочтут, и тогда послушаем, что они скажут о древних, которых знают понаслышке и потому любить не имеют возможности» (*Фет(ОЗ). С. 29*).

Эксперименты, игра со словом, подчас рискованная — смелое сочетание архаизмов и придуманных самим Фетом неологизмов, неожиданный, несвойственный русскому языку порядок слов во фразе — явление, тоже не расходящееся с «буквализмом». Возможно, на Фета в этом смысле повлияли теоретические взгляды и переводческая практика его учителя и старшего друга Шевырева. Еще в 1831 г. последний выпустил в «Телескопе» статью, в которой провозглашал необходимость обновления поэтической речи, выступал против классицистической ясности, гармонии и соразмерности, ведущих, по его мне-

нию, к обезличиванию поэтического языка (Телескоп. 1831. № 11. С. 263—299 и № 12. С. 466—491). Характерно, что в переводах он видел одну из движущих сил этой необходимой реформы. Переводы Шевырева, нарочито нескладные, со странным, часто неуклюжим синтаксисом, смелыми, неожиданными для нормативного языка словосочетаниями, обилием архаизмов, перемежающихся с неологизмами, в каком-то смысле указывали направление, по которому позже пошел Фет. Примечательно, что свои первые переводы из Горация Фет обсуждал именно с Шевыревым.

Однако, как правило, настойчиво пропагандируемый Фетом «буквализм» — скрупулезное внимание к тексту подлинника, стремление воспроизводить лексику, стиль, исторические реалии — не вызвал понимания у критики. Его переводческие принципы казались унылым педантизмом, копанием в мелочах. На отношение к фетовским переводам повлиял и сам выбор переводимых авторов: уже с начала 60-х Гораций казался безнадежно далеким от насущных интересов русской литературы. Характерен в этом смысле отзыв Н. Г. Чернышевского на фетовский перевод Горация. Будучи в 1856 г., как и Фет, сотрудником *Совр.*, он старался быть дипломатичным: «Кроме очень немногих слишком строгих, или лучше сказать, слишком придирчивых критиков, по нашему мнению, несправедливых к труду г. Фета, все ценители соглашаются, что этот перевод Горация приносит большую честь переводчику». Однако, отмечает Чернышевский, на публику этот перевод живого впечатления не произвел: «Мы привыкли искать в лирической поэзии пафоса, пламенного одушевления, страсти. Пафос же Горация — золотая середина. Это поэт формы, тонкой и тщательной отделки <...>. Такое содержание не увлечет людей нашего века» (*Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1948. Т. 4. С. 507—509).

Критиков раздражал самый выбор переводимых античных поэтов. Такое отношение к античным классикам объяснялось в том числе и соперничеством классического и реального образования. Считалось, что классическое образование отстаивают лишь люди консервативных и даже реакционных убеждений.

Вновь о переводах Фета заговорили в начале 80-х гг., когда вышел его полный перевод Горация и начали публиковаться переводы других римских поэтов. Рецензии филологов-классиков — И. В. Помяловского и А. В. Олсуфьева (Извлечение из *ЖМНП*. СПб., 1886; Сб. Отд. Рус. Словесности Имп. АН. СПб., 1885) — дали работам высокую оценку. Их привлекала именно высокая точность переводов, хорошее понимание подлинников. Я. К. Грот назвал этот перевод «явлением выдающимся» и сравнивал его с переводами «Илиады» и «Одиссея» Гнедича и Жуковского (*ЖМНП*. 1884. Ноябрь. Отд. 4. С. 82).

Но отзывы литературной критики были по-прежнему неблагоприятны. Так, М. Петропавловский и В. Лазурский снова ставят в вину Фету «тяжелый и неудобопонятный буквализм». Петропавлов-

ский в статье «Римские поэты в переводе А. Фета» отрицал какое бы то ни было значение переводов Ювенала, Тибулла, Катутлла и даже Горация. «Они написаны таким языком, какой не может быть сносным в настоящее время, — писал критик. — <...> Часто встречаются слова устарелые, малоупотребительные или выдуманые Фетом, странные и часто невозможные формы и выражения» (Филологические записки. Воронеж. 1886. Вып. 4. С. 7—80). Между тем в числе «невозможных выражений» были названы, напр., такие, которые не вызвали бы теперь никаких возражений: «внимая свирепостям ветра», «твердость железа ковать», «из стари из самой», «звуконогий», «ослеплены алчбой».

Время, однако, показало, что Фет во многом верно предугадал будущие пути развития перевода — в сторону все большей точности в воспроизведении лексических и стилистических особенностей подлинника, внимательного, филологически грамотного его изучения. Поэт первым поставил и пытался теоретически разрешить вопрос о том, чем должен жертвовать переводчик — точностью или «приятностью», благозвучностью и последовательно отстаивал вторую точку зрения. Немецкий исследователь В. Буш не без иронии заметил, что переводы Фета подвергались резкой критике литературоведов, так как последние были принципиально уверены в том, что каждое стихотворение может быть переведено идеально, в целом, то есть воссоздано во всех метрических, лексических, стилистических особенностях — и жертвовать ничем не надо» (*Busch W. Horaz in Russland. München. 1964. S. 44*).

Если говорить о Горации в переводе Фета в целом, то можно сделать вывод, что «буквализм» Фета — это определенная ступень в освоении римской поэзии и в развитии переводческого искусства. Он заслуживает внимания именно благодаря сознательному стремлению к точности, что в свою очередь прямо связано со стремлением исторически подойти к переводимому тексту, воспроизвести его во всех деталях. В современном понимании, однако, Фет буквалистом никогда не был. Чтобы сделать Горация легким для чтения, благозвучным, сохранить гармонию стиха, Фету пришлось ввести отсутствующую у Горация рифму и значительно упростить метрику оригинала. В 1883 г., при издании полного Горация, Фет сформулировал свои переводческие принципы: «Оды Горация, как и вообще произведения античной лиры — песни, музыка с определенным, часто весьма причудливым метром, которому подражать на новейших языках невозможно, а песнь, как стрела, требует быть оперенной. В наших условиях это достижимо только при помощи рифмы. При сложности задачи переводчику не поможет ни труд, ни знакомство с оригиналом; ему нужна удача, которую называют вдохновением. Кто-то прекрасно сказал, что всякий перевод представляет только изнанку ковра. Если наш перевод действительно представляет изнанку тонкого и яркого ковра, сотканного музой Горация, то сочтем труд наш вознагражденным» (*Гораций 1883. С. 4*). Заметим, что достижения последующих переводчиков, от-

казавшихся от рифмы, старавшихся воспроизводить гораццианские размеры, не решили проблемы адекватного воспроизведения богатой мелодики латинского стиха.

Несмотря на свои теоретические посылки, допускал Фет и некоторые незначительные изменения подлинника, обусловленные следующими причинами:

1. Подчинение требованиям размера и рифмы, введение случайных слов — это наименее показательные случаи;

2. Отступления от оригинала, продиктованные фетовским представлением об античности, характерным для культуры его времени — как о светлом мире красоты, гармонии. Очевидно, что такие отступления Фет делал скорее бессознательно;

3. Фет усиливает эмоциональную сторону подлинника. Именно при этом он иногда привносит в перевод черты чуждой римлянину психологии или эстетики. Так, если у Горация «Тиндариды извлекают из самых глубин потрясенные бурей корабли» (IV, 8), то у Фета уже «Созвездье Тиндарид блюдет во тьме ночной / Корабль, терзаемый волною прихотливой» — реально действующие божества становятся чисто литературным образом. Для Фета — поэта нового времени — характерно, что «демонические силы» уже не проявляются прямо в картине природы.

Таким образом, при всем «буквализме» для Фета характерна некоторая модернизация переводов и связанное с этим внесение лексик, стилистически чуждой подлинникам. «Осовременивание» выразилось и в том, что некоторые детали, существенные в поэзии Горация (географические эпитеты, мифологические образы) Фет не считал важными, читателю XIX в. они уже мало что говорили, поэтому он переводил их не всегда и не точно: «Киприда» вместо «Венера» и, наоборот, просто «ветры», а не фракийские, Фавон и т. д.

Отдельные неудачи Фета объясняются подчас неправильно понимаемой точностью. К чести Фета-переводчика надо сказать, что случаев прямого «буквализма» все-таки очень мало. Иногда он допускал русификацию, что являлось в то время достаточно обычным («терема царей» (ода I, 4), «римский гуслиар» (ода IV, 8)). Кроме того, Фет, хорошо зная латынь, все-таки не был специалистом-классиком, и его интерпретации некоторых мест небезупречны.

В целом Гораций в переводе Фета представляет собой капитальный, филологически серьезный труд. Прежде всего, это первый в России полный перевод знаменитого римского поэта, и в этом смысле он сыграл большую роль в деле знакомства широкой читающей публики с Горацием. Важно и то, что Фет значительно ближе своих предшественников и современников сумел подойти к подлиннику, верно передать не просто сюжет оригинала, но и сам образный строй поэзии Горация, ее тон, колорит, настроение. При этом Фет сумел сделать перевод почти подстрочный, выполнив требования эквивалентности — каждый стих перевода соответствует стиху подлинника, почти всегда сохранен не только порядок мыслей, но и отдель-

ных фраз и выражений. И, наконец, самое главное — перевод сделан на высоком художественном уровне. Многие строки исполнены той самой «лирической дерзости», которая отличала оригинальную поэзию Фета.

Вопрос о латинском тексте и комментариях, которыми пользовался Фет, в значительной степени остается открытым, хотя он сам указал на некоторые издания в комментариях к своему труду. Профессор Помяловский в «Отчете о присуждении Пушкинской премии» пишет, что Фет, по всей вероятности, для од и эподов использовал текст и объяснения Оббариуса (*Horatius Q. Flaccus. Oden und Epoden / Für den Schulgebrauch erklärt von Thdr. Obbarius. Herausg. von L. S. Obbarius. Jena, 1848*, возможно также и другое изд.: *Horatius Q. Flaccus. Opera omnia. Ad optimorum librorum fidem edita / Ausgewählt von Th. Obbarius. Berlin, 1856*). Обращался он и к работам Буттмана (*Buttman Ph. Mythologus oder Gesammelte Abhandlungen über die Sagen des Alterthums. Berlin, 1828—29*), Кирхнера (*Kirchner C. Quaestiones Horatianae. 1829; Horatius Q. Flaccus. Satiren / Kritisch berichtigt, übersetzt und erläutert von C. Kirchner. Stralsund, 1829*), Дилленбургера (*Horatius Q. Flaccus. Opera / Recogn. et comment. in usum scholarum instruxit Guil. Dillenburger. Первое изд. — 1843, шестое — Bonne, 1875*); упомянут также Лееп: *Horatius Q. Flaccus. Opera / Mit vorzugsweiser Rücksicht die unechten Stellen und Gedichte hrsg. von K. Lehrs. Leipzig, 1869*. Фет использовал, вероятно, и работы Л. Миллера (*Carmina / Lucianus Mueller recognovit. Lipsiae, 1874; Миллер Л. Литературный очерк о жизни и сочинениях Горация. СПб., 1880; Избранные оды и эподы / С комм. Л. Мюллера. СПб., 1881*). Последнее было для Фета самым новым и наиболее доступным. При переводе сатир Фет мог использовать комментированные издания Д. И. Нагуевского (*Horatii satirae selectae / Объяснил для гимназий Д. И. Нагуевский. Воронеж, 1879*) и В. И. Модестова (*Избранные сатиры Горация / Русские примечания, предисловие и вступит. ст. В. И. Модестова. СПб., 1877*).

Сам Фет указывал, что пользовался текстом с комментариями Орелли и Митчерлиха. Что касается первого, то его книга выдержала при жизни Фета четыре издания (три последних Орелли выпускал с Байтером): 1837—1838, 1843—1844, 1850, 1868. Вероятнее всего, Фет пользовался третьим изданием, содержащим обширный критический аппарат, что давало возможность знакомиться с некоторыми конъектурами и большинством разночтений. Ссылка на Орелли относится к 1853 г., и Фет предпочел бы, скорее, самое новое издание (*Horatius Q. Flaccus. Opera omnia / Gaspar Orellius et Georgius Baiterus. Ed. tertia, emendata et aucta. Vol. I. Turici, 1850*). Наряду с этим Фет, как он сам пишет, использовал и другие издания, но конкретнее удалось установить лишь то, которое он назвал: *Horatius Q. F. Opera. Illustravit Christ. Guil. Mitscherlich. Reutlingae, 1814*. В комментариях к переводам Фет ссылается также на Вебера. Имеется в виду следующая работа: *Weber E. W. Horatius Q. F. als Mensch und Dichter. Jena, 1844*.

Возможно, что при окончательной обработке переводов Фет обращался к изданию: *Marquardt J. Das Privatleben der Romer. Leipzig, 1879*, которое он постоянно использовал при работе над Ювеналом.

После публикации, при содействии С. П. Шевырева, тринадцати од книги I в *Москва*. (1844, № 1), еще две оды из книги II были опубликованы в том же журнале в 1849 г. (№ 1 и 12). Ода III, 9 была напечатана в *Совр.* (1854. Т. 43. С. 77—78), ода III, 13 там же (1854. Т. 44. С. 144). Полностью четыре книги од были опубликованы в *ОЗ* в 1856 г. (соответственно в мартовском, майском, июньском и июльском номерах). В том же году они без изменений были изданы отдельным сборником в Петербурге в типографии Королева и комп.: «Оды Квинта Горация Флакка. В четырех книгах. Перевод с латинского А. Фета» (ценз. разрешение 16 марта 1856 г., цензор А. Фрейганг), с посвящением: «Его Величеству Государю Императору Александру Николаевичу труд свой посвящает верноподданный А. Фет». В части II *Сб1863* четыре книги од составили значительную часть тома, дополненные «Песнью столетию» (впервые напечатанной в *БДЧ*. 1857. № 2) и эподом II, опубликованном здесь впервые.

В *ПССм1937* Б. Я. Бухштабом была опубликована подборка из 34 од и эпода II, без подстрочных комментариев Фета и очерка жизни Горация, написанного в качестве предисловия. В дальнейшем 4 книги од Горация в переводе Фета не перепечатывались. В видах сохранения целостного состава всех од Горация редакция не исключила из текстов две оды (I, 5 и I, 25), впервые напечатанные в *ЛП* (см. т. 1 наст. изд.).

Все переводы из Горация печатаются по последнему прижизненному изданию 1883 г., поскольку в дальнейшем перепечатка 4-х книг од в настоящем собр. соч. Фета не предполагается. «Предисловие» печатается по *Сб1863*, поскольку в издании 1883 г. оно было дополнено лишь хронологической канвой жизни Горация, которая будет воспроизведена в соответствующем томе наст. издания. В текстологических комментариях учитываются ранние варианты отдельных стихов, свидетельствующие о том, что Фет неоднократно возвращался к своим переводам. Не оговариваются пунктуационные разночтения, а также деление на строфы, свойственное ранним публикациям. В целом же следует отметить, что в основной части переводы из Горация сохранили свой первоначальный вид, подвергнувшись лишь незначительной стилистической правке и устранению замеченных неточностей.

Сохранились автографы переводов лишь III и IV книг од (*ТемпРГБ*). Содержащаяся в них правка, внесенная, возможно, при редактировании переводов Тургеневым, учтена в комментариях. Что касается подробных примечаний, сделанных Фетом уже для первых публикаций, то они постепенно расширялись (в наст. изд. подстрочные примечания Фета печатаются по *Гораций1883*; по техническим причинам они даются в сквозной нумерации к каждой книге). Тем не менее, некоторые

реалии остались у Фета не откомментированными или опущенными в расчете на подготовленного читателя. Частично эти пробелы восполняются в комментариях к отдельным одам.

<Предисловие>

(С. 7). Впервые опубликовано в *ОЗ* (1856, № 1), впоследствии перепечатывалось без изменений в изд. *Гораций 1856* и *Сб 1863*. Спустя двадцать лет, готовя изд. *Гораций 1883*, Фет дополнил предисловие указанием на то, что сочинения Горация представлены им в обычном для издательской практики порядке, по которому оды, хотя и были созданы поэтом позже сатир и эпод, открывали собрания его творений. При этом Фет пояснял, что «сатиры являются представительницами римской почвы, а оды — греческой» (*Гораций 1883*, с. XV) и что Гораций еще в Афинах пробовал писать стихи на греческом языке. Помимо этих общих замечаний, предисловие было дополнено хронологической канвой жизни и творчества Горация, вписанной в хронологию важнейших исторических дат того времени.

Книга первая

Ода 1. К Меценату («О, Меценат, царей древнейших порождение...») (С. 11). Впервые: *Москва*. 1844. № 1. С. 28—29, где в ст. 16 вместо «родимых берегов» было: «отеческих брегов»; в ст. 19 вместо «Иному» — «Кому так». До изд. *Гораций 1883* ст. 8: «Он предназначен вновь для почести тройной» (полемику по эт. поводу см.: *Шестаков (1)*, с. 566 и *Фет (ОЗ)*, с. 37—38); ст. 16—17: «Нам выхваляет лень родимых берегов / И мирные поля...»; в ст. 29 вместо «искусного награда» — «премудрого награда»; ст. 31—34 имели иную редакцию:

Да хоры легких нимф и фавнов при луне
Возносят над толпой, доколь по старине
Эвтерпа флейту мне звончатую дарует
И Полигимния с ней лиру согласует;

в ст. 35 вместо «Коль ты меня почтешь...» — «Коль ты ж меня почтешь...».

Пальмою надменной — победитель олимпийских соревнований награждался пальмовой веткой. *Ветреной квиритской толпой* — квириит — полноправный римский гражданин; любовь толпы к общественным деятелям переменчива. *Для почести тройной* — не совсем точный перевод, Гораций имеет в виду избрание последовательно на три высшие должности — курульный эдил, претор, консул. *Путь пробо-*

роздил кормилом через воды — в подл.: «кипрский корабль» (Кипр славился корабельным лесом), плывущий через «Миртойское (вблизи о. Эвбея) море». *Купец, испуганный свирепостью ветров* — в подл.: «Купец, страшющийся спорящего с Икарийским морем Африка» — т. е. юго-западного ветра, бушующего у о. Крит. *Массийское вино* — с горы Массика в Кампаниа, его часто воспевал Гораций. *Под вишней наклоненной* — в подл.: под земляничным деревом (вечнозеленое дерево, его красные сладкие плоды напоминают землянику). *Найда* — нимфа ручья, в подл.: «у тихого источника священной влаги». *Бешеный кабан* — в подл.: «марсийский», обитающий в земле марсов, Сев. Италия. *Фавн* — козлоногое лесное божество, в подл. — сатиры. *Эвтерпа, Полигимния* — музы, покровительницы пения и лирической поэзии. *Лесбоса песнь* — в подл.: «лесбоскую лиру», т. к. Гораций подражает жителям о. Лесбоса — знаменитым поэтам Алкею и Сафо.

Ода 2. К Цезарю Августу («Довольно уж Отец и градом и снегами...») (С. 12). Впервые: *Москв.* 1844. № 1. С. 29—30, где в ст. 11 вместо «нахлынувшей» было: «подвижная»; в ст. 39 вместо «И марза...» — «И Марса...» (в *Гораций1856* и *Сб1863*: «И мавра...» — так в рукописной традиции), в ст. 51 вместо «меда» — «меда» (в *ТетрРГБ* содержится помета о намерении уточнить правильность написания). До изд. *Гораций1883* в ст. 30 вместо «Ты наконец приходи...» — «Но ты же всё приходи...»; ст. 36—38 имели иную редакцию:

Сам праотец взглянуть!
Увы! насытился кровавою игрою
Ты, любящий шелом воинственный и крик
И марза пешего над вражьей головою.

Трепещет Древний Рим — Гораций мог считать Рим «древним», но словосочетание это больше во вкусе нового времени; в подл. проще: «устрашил город». *Протей* — морской царь, умевший менять облик и предсказывать будущее; пас стада тюленей морской богини Амфитриты. *С этрусских берегов* — волны Этрuscoго (Тирренского) моря, загоняемые западным ветром в устье Тибра, вызывали наводнение. *На памятник царя* — пример фетовского буквализма; в подл.: *monumenta regis*, но речь идет не о памятнике, а о храме второго римского царя Нумы Помпилия. *Веста* — римская богиня домашнего очага, неугасимый огонь в ее храме был залогом благополучия Рима. *Рамена* — зд.: плечи. Боги часто предстают окутанные туманом, т. к. смертные не в силах вынести их сияние. *Амур* — бог любви, в подл.: Купидон. *Марсы* — храбрые союзники римлян. *И поздно уж от нас* — в смысле: пусть как можно позже. *Цезарь* — Октавиан Август (63 до н. э.—14 н. э.), внучатый племянник Гая Юлия Цезаря, с 27 до н. э. — император, с этого времени имя Цезарь стало официальным титулом римских императоров.

Ода 3. К кораблю, везущему в Афины *Виргилия* («Богиня Кипра твой да охраняет путь...») (С. 14). Впервые: *ОЗ.* 1856, № 1. С. 160—161, где (как и в изд. *Гораций1856* и *Сб1863*) в ст. 1 вместо «охраня-

ет» было: «сохраняет». До *Гораций* 1883 ст. 15—16 были: «И море изо всех ветров поработил, / Вздывает ли волну иль волны укрощает»; ст. 31: «И, жизни сократя необходимый срок».

Елены братия, блестящие светила — не вполне точно: в подл. «Лучи братьев Елены» — Диоскуров, Кастора и Поллукса, покровителей моряков. Возможно, Гораций имеет в виду свечение концов корабельных снастей, явление атмосферного электричества (позднее: «огни св. Эльма»), считавшееся в древности добрым знаком. *Отец ветров* — бог Эол. *Нота мощных крыл* — в подл.: «яростного Нота» (южного ветра). *Взором, блещущим испытанностью давней* — неточно, в подл.: *siccus oculus*, «смотрит «сухим глазом», т. е. с твердостью, хладнокровно. *И пресловутый твоей утес* — в подл.: враждебный утес, т. е. опасный для моряков. *Божественный огонь коварностию злой* — Гораций использует не образ Прометея — мужественного богоборца и защитника людей из трагедии Эсхила «Прометей прикованный», а образ из поэмы Гесиода «Труды и дни» и «Теогония», где Прометей представлен хитрым и коварным обманщиком богов. *Подстрочн. примеч. Фета (29)* — неточно: в наказание за то, что люди пользовались помощью и советами Прометея (напр., отдавать богам при жертвоприношении жир и кости животных, а себе оставлять мясо), Зевс послал на Землю Пандору с ларцом, откуда вылетели и набросились на людей болезни и печали. *Ахерон* — река в царстве мертвых. *Ст. 39—40* — в подл.: «и преступления наши не позволяют Юпитеру выпустить из рук гневливую молнию», т. е. вынуждают карать людей снова и снова.

Ода 4. К Л. Секстию («Суровая зима от вешних уст слетела...») (С. 15). Впервые: *Москва*. 1844. № 1. С. 31, где было напечатано ошибочно: «К А. Сексту» (то же в *Гораций* 1856, но ошибка отмечена в списке опечаток по замеч.: *Шестаков(1)*, с. 577); ст. 2: «И вновь бежит вода с иссохшего руля» (то же в *Гораций* 1856, неточность была отмечена: *Шестаков(1)*, с. 577); в ст. 7 вместо «сам Вулкан» — «Мульцибер»; в ст. 13 вместо «своей ногою» — «своей пятою» (исправление внесено в *Гораций* 1863 по указанию: *Шестаков(1)*, с. 577. Очевидно, образ смерти, бьющей пяткой в двери, показался Фету сниженным); ст. 15: «О Секст! нельзя нам жить с надеждою большою», в ст. 20 вместо «близким счастьем дев» было: «скорым счастьем дев». До *Гораций* 1883 в ст. 1 вместо «Суровая зима...» было: «Уж строгая зима...»; в ст. 6 вместо «и Нимфы» — «при Нимфах»; ст. 9: «Пахучие власы пора иль миртом юным». Лишь в *Гораций* 1883 Фет исправил в ст. 7 «Пятой искусною...» на: «Ногой искусною...», так как у Горация в ст. 7 и 13 было одно и то же слово «pede» (ср.: *Фет(ОЗ)*, с. 43—44).

От вешних уст — в подл. «суровая зима освобождается приятной переменной весны и Фавона» — легкого ветра. *Рычаг уперся в бок...* — Фет конкретизирует картину; в подл.: «машины тащат корабли сухие», чтобы их спустить на воду; *Вулкан разводит огни* — по представлениям римлян, бог огня и кузнечного дела Вулкан вес-

ной разводит огни под вулканом Этной и кует вместе с циклопами молнии для Юпитера, часто устраивающего летом грозы. Однако, более распространенным является др. чтение этого места: «Volcanus visit...», т. е. Вулкан наблюдает за тяжелыми трудами циклопов, а не разводит огни — «urit», как у Фета. *Терема царей* — русификация, в подл.: «башни», в значении — дворцы. *Нельзя нам, Секстий, жить с надеждою большою* — в подл. след. мысль: «жизни краткий срок запрещает питать долгую надежду». *И темный мир теней* — «и известные (фабулозные, пресловутые) Маны», т. е. души умерших, о к-рых многое рассказывают.

Ода 5. К Пирре («Кто этот красавец, скажи мне, о Пирра!..») (С. 16). Впервые: *Москва*. 1844. № 1. С. 31—32, где в ст. 2 вместо «на ложе из роз» было: «на лоне из роз», ст. 13 (то же в изд. *Гораций1856* и в *Сб1863*): «Пред кем ты, коварная, блещешь! А мне уж».

Мотивы этой оды, а также оды I, 8, Фет использовал в ст-нии «Я знаю, гордая, ты любишь самовластье...» (1847). *Горит тобой, дева* — пропущен эпитет «золотая», означ. высшую степень совершенства.

Ода 6. К Випсанию Агриппе («Тебя петь Варию, герой непобедимый!..») (С. 17). Впервые.: *ОЗ*. 1856. № 1. С. 163—164. В изд. *Гораций1856* ошибочный перевод 7 ст.: «Ни Одиссея бег двоякий через воды» был исправлен в списке опечаток (указано: *Шестаков(1)*, с. 573; ср.: *Фет(ОЗ)*, с. 43); в *Сб1856* в ст. 14 вместо «троянский» было ошибочно напечатано: «троянской».

Посвящена Марку Випсанию Агриппе, видному римск. полководцу. Гораций отказывается воспеть его подвиги не потому, что «считает себя недостойным», как у Фета в примеч., а т. к. не считает себя способным именно к эпической поэзии. *Цезаря* — Августа, см. прим. к оде I, 2. *Марс* — бог войны. *В броне алмазной* — adamantina букв. «алмазная», но зд.: необычайно крепкая, т. е. железная, стальная. *Мерион* — возничий Идоменея, критского царя, участника троянской войны.

Ода 7. К Мунацию Планку («Хвалят иные Родос знаменитый или Митилену...»). (С. 18). Впервые: *ОЗ*. 1856. № 1. С. 164—165. В изд. *Гораций1856* ст. 13—14:

Анио быстротекущий, да роща Тибура и влажный
Трепетный брег плодovitого сада

(указано: *Шестаков(1)*, с. 573; ср.: *Фет(ОЗ)*, с. 40), однако в списке опечаток был предложен др. вариант ст. 14: «Сад, орошенный ручьями, плодовый». В *Сб1863* был найден окончат. вариант.

Размер приближен к горацянскому (вторая архилохова строфа). *Вакховы Фивы* — город, где родился Дионис-Вакх. *Аполлоновы Дельфы* — там находилось крупнейшее святилище Аполлона, славившееся своими прорицаниями. *Микены, богатые златом* — у Горация просто «богатые», Фет же берет гомеровский эпитет: poluhrusoio Mikenes. Во времена Горация Микен уже не существовало. *Тополем свежим* — тополь был посвящен Геркулесу, покровителю путешествен-

ников, им увенчивались, отправляясь в путь. *Тевкр предвещатель* — т. к. смог истолковать посланные Аполлоном предзнаменования.

Ода 8. К Лидии («Скажи, о Лидия, во имя всех богов...») (С. 19). Впервые: *Москва*. 1844. № 1. С. 32—33, где в ст. 6 вместо «лесистой» было: «тенистой» (указано: *Шестаков(1)*, с. 573; ср.: *Фет(ОЗ)*, с. 40), в *Гораций1856* исправление содержится в списке опечаток.

Сибарин — имя выбрано намеренно: жители греческой колонии Сибарис были известны изнеженностью. *Галлии лесистой* — «лесистой» — прибавлено для рифмы. *Волною золотистой* — изящная эстетизация, у Горация просто «желтоводный Тибр» (его воды действительно имели желтоватый оттенок). *Елей* — оливковое масло. *Пред войной троянской* — в подл.: перед печальной (достойной слез) гибелью Трои. *Арэй (Арес)* — бог войны.

Ода 9. К Талиарху («Ты видишь, как Соракт от снега побелел...») (С. 20). Впервые: *Москва*. 1844. № 3. С. 33, где (как и в изд. *Гораций1856* и *Сб 1863*) ст. 17—19 имели иную редакцию:

Доколе от седин ужасных ты далек,
Дотолé всё твоё, по прихоти желанья,
Поля и площади, и в зимний вечерок...

Ток оцепенел — т. е. застыли реки. *Меж сонными брегами* — в подл. отсутствует. Ст. 13—14 — в подл. более приземленно: «сколько Фортуна дней ни даст — сочти за выгоду». *Поле Марсово и площадь* — Гораций имеет в виду места состязаний и народных гуляний.

Ода 10. К Меркурию («Меркурий, Атласа красноречивый внук...») (С. 21). Впервые: *ОЗ*. 1856. № 1. С. 167—168. В списке опечаток *Гораций1856* в заключит. ст. 20 вместо «угрожаешь» внесено исправление: «угождаешь» (указано: *Шестаков(1)*, с. 576). До издания *Гораций1883* ст. 15 звучал: «И стана вражьего и вражеских коней».

Лукавый посланец — эпитет прибавлен Фетом; Меркурий (Гермес) уже в детстве славился искусством обмана. Гораций, как и положено в гимне богам, перечисляет основные функции Меркурия: просветитель людей, учредитель гимнастических состязаний, вестник богов, изобретатель лиры, покровитель воров, психопомп — проводник душ умерших в Анд. *Родитель лиры гибкой* — правильнее, «изогнутой лиры». *Лозою золотой* — волшебный жезл, которым Меркурий мог усыплять и будить, был подарен ему Аполлоном. *Богу высоты и бездны* — в подл.: «богам вышним (небесным) и нижним (подземным)» (см. об этом: *Шестаков(1)*, с. 576 и *Фет(ОЗ)*, с. 42—43).

Ода 11. К Левконое («Не спрашивай; грешно, о Левконое, знать...») (С. 22). Впервые: *ОЗ*. 1856. № 1. С. 168.

Не знай халдейских бредней — в подл.: «не прибегай к вавилонским исчислениям», т. е. к таблицам, которыми пользовались вавилонские астрологи. В Риме во времена Горация все больше входили в моду астрологические предсказания, как и вообще увлечение восточными оккультными науками. *По волнам Тиррены* — Тирренское море омывает западные берега Италии. *Пей* — в подл.: «будь мудрой». *Очи-*

щай вино — римляне перед употреблением процеживали и охлаждали вина, пропуская их через сосуд с дырочками, наполненный снегом.

Ода 12. К Цезарю Августу («Какого ты мужа, какого героя...») (С. 22). Впервые: ОЗ. 1856. № 1. С. 168—171. До изд. *Гораций1883* ст. 13—16 читались:

Что прежде скажу я хвалений обычных
Отцу и людей и бессмертных, который
И море и сушу умерил в годичных
Сменениях Горы.

Присутствующее у Горация название богинь времен года — Горы (по Гомеру, они открывают и закрывают небесные врата, по Гесиоду — следят еще и за законностью, справедливостью и миром у людей, о чем свидетельствуют их имена: Евномия — законность, Дика — справедливость, Эйрена — мир), объясненное в подстрочн. комментариях, Фет снял, очевидно, по созвучию с «горами», о к-рых идет речь в ст. 5—7 (см. также примеч. 74). До *Сб1863* были перестановки в ст. 25 («Прославлю ль Алькида») и 33 («древнейшего ль трона»); в ст. 34 вместо «спокойный» было: «свободной» (указано: *Шестаков(1)*, с. 572; ср.: *Фет(ОЗ)*, с. 39), ст. 35—36 читались: «Тарквиния ль гордые связки, Катона ль / Конец благородный?».

Гораций последовательно воспеваает богов, полубогов (героев) и великих деятелей Рима. *Клио* — муза истории. *Чуткому дубу* — Фет удачно перевел *auritas* — внимательно слушающие (способные внимать музыке Орфея). *Паллада* — Афина (рим. Минерва), любимая дочь Зевса, мудрейшая из богов. Гораций упоминает ее как богиню войны, т. к. прославляет военные победы Августа. *Вакх* — в подл. Либер (освобождающий) — один из эпитетов Диониса. *Дева полночного неба* — Диана (Артемиды) часто отождествлялась с Селеной, богиней луны. *Феб* — Аполлон. *Алкид* — Геракл (Геркулес), внук Алкея. *Созвездье которых* — в подл. конкретнее: «белая (лучезарная) звезда». *Век ли Нумы* — см. оду I, 2. *Гордые связки* — *fascēs*, пучки веток, символ государств. власти, к-рые носили ликторы. *Катон* — Гораций, сторонник единовластия Августа, не упоминает, что самоубийство Катона Младшего (46 г. до н. э.) было вызвано победой Ю. Цезаря над Помпеем — и крахом надежд на восстановление республики. Впрочем, поведение Катона, независимо от его взглядов, считалось образцом римской доблести, и им восхищался сам Август. *Регул* — Марк Атилий Регул, римский полководец, во время первой Пунической войны попал в плен к карфагенянам; согласно легенде, его отпустили в Рим под честное слово для переговоров о мире и о судьбе пленных, но он в речи перед римским сенатом советовал отвергнуть предложения Карфагена. Верный данному врагам слову, вернулся в Карфаген, где был казнен. *Камена* — муза.

Ода 13. К Лидии («Когда у Телефа ты розовую шею...») (С. 24). Впервые: *Москва*. 1844. № 3. С. 34, где ст. 15—16 до изд. *Гораций1883* имели иную редакцию:

Кто поцелуй чернит, которому Венера
Всю силу нектара целебного дает.

Кипящей желчью в сердечной глубине — в подл. более натуралистично: «печень вздувается, кипящая тяжелой желчью», т. к. именно печень, а не сердце древние считалиместилищем страстей. *Блестящую плеча попойка исказит* — в подл. плечи обезобразит «ссора, умеренная вследствие попойки», т. е. пьяное рукоприкладство.

Ода 14. К республике («Корабль, морской волной влечет тебя опять...») (С. 25). Впервые: *Москва*. 1844, № 3. С. 34—35, где ст. 5 был: «Что ветра южного порывами давно», в *Сб1863* заменен на: «Что южный ветер бьет, и от него давно». Ст. 6 до изд. *Гораций1883* звучал: «На мачте свищет всё и всё сокрушено?». Комментарий в *Москва*: «Гораций сравнивает республику с кораблем, обуреваемым непогодой».

Первая ода, переведенная Фетом еще на втором курсе университета. Гораций подражает известн. ст-нию греч. поэта Алкея. Написана, вероятно, во время событий при мысе Акциум, когда Октавиан разгромил войско Антония и египетской царицы Клеопатры (31 г. до н. э.). *Бока обнажены* — в подл. речь о веслах, смытых с борта. *Южный ветер* — у Горация «Африк». *Канаты лопнули* — обмазанные дегтем канаты охватывали борта корабля, как пояс, и защищали от ударов волн. Ст. 9—10 и 11—12 — один из редчайших случаев, когда Фет меняет места строки. *В богах защиты нет* — в подл.: «нет у тебя <...> ни богов, которых снова позвал бы в несчастии». Некоторые комментаторы и переводчики считали, что речь идет о статуях богов, смытых с корабля, но вернее другое: боги прогневались на Рим, охваченный гражданскими войнами, и не хотят помочь ему. *Оркана* — то же, что «урагана». *Недавно по тебе проникнут горем* — не совсем точно. Гораций говорит о «недавних потрясениях, которые были источником досады» — о своем участии в гражданской войне на стороне мятежников, Брута и Кассия. О битве при Филиппах, закончившейся их разгромом, см. оду II, 7. *У мраморных Циклад* — у Горация «сверкающих Циклад». Цикладские (Кикладские) острова были богаты мрамором. Некоторые комментаторы видят здесь аллeгорию: как корабль должен избегать опасного плавания между Цикладами, так и Риму не следует колебаться между различными партиями и их вождями.

Ода 15. Пророчество Нерее («Когда на корабле идейском увозил...») (С. 26). Впервые: *ОЗ*. 1856. № 1. С. 173. До изд. *Гораций1883* ст. 27 был: «А вот краса отца Тидид среди мечей».

Гораций подражает оде Вакхилида, где вещая пророчица Кассандра предсказывает гибель Трои. *Горестные годы* — в подл.: «жестокую судьбу». *Пленницу недолгую Пергама* — неточно, в подл.: «ту, что Греция большим войском потребует вернуть»; в историческое время *Пергам* — город в Малой Азии, Фет имеет в виду Трою. *Союз разрушить* — брак Париса с Еленой. *Дарданы* — потомки Дардана,

первого троянского царя. *Отошлешь к Аиду* — в подл.: «приведешь к похоронам», поступок Париса будет причиной гибели соплеменников, но он не убийца (по-русски «отослать к праотцам» значит «убить»). *Венеры баловень* — Венера покровительствовала Парису, т. к. он присудил ей золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей», предпочтя ее Минерве и Юноне. *И в спальне* — Венера переносит побежденного Менелаем Париса с поля битвы в спальню к Елене. *Хоть поздно* — если бы Парис погиб раньше, война бы прекратилась, и многие герои остались живы. *Хоть обещал иное милой* — обещал Елене храбро сразиться с ее бывшим супругом Менелаем. *Твой волос нежный* — в подл.: «твои предательские, прелюбодейные волосы», поэтическая вольность Горация, качества Париса отнесены к его волосам. *Ахилла гнев* — поссорившись с Агамемноном, Ахилл отказался на время участвовать в войне, чем отсрочил гибель Трои (этот эпизод лег в основу «Илиады» Гомера). *Фригийским женам* — троянкам.

Ода 16. К подруге («Прекрасной матери прекраснейшая дочь...») (С. 27). Впервые: *ОЗ*. 1856. № 1. С. 174—175. В *Сб1863* в ст. 5 опечатка: вместо «Диндимена» — «Диндемена». До изд. *Гораций1883* ст. 3 звучал: «Уж казнь достойную сама назначь теперь»; ст. 6: «Ни Пифий, втайне жриц собой одушевляя»; в ст. 10 вместо «Ни Норики ножа»: «Ни лезвия ножа» (уточняя перевод, Фет добавил в изд. *Гораций1883* примечание); ст. 21: «Водил враждебный плуг по сверженным стенам...»; ст. 24: «И легким ямбам предавался». В *Гораций1883* в ст. 17 была допущена очевидная опечатка: «львицы» вместо правильного: «львины», к-рая устраняется в наст. издании.

Ямбам, некогда преступным — ямбы всегда использовались в насмешливых и ругательных стихах. *Пифий* — Аполлон, ввергающий в Дельфийском храме своих жриц, пифий, в священный экстаз и их устами изрекающий прорицания. *Вакх* — в подл.: Либер. *Ни Норики клинок* — в подл.: «норикский меч»; провинция Норикум славилась железными изделиями. *Надменно плуг пускал по сверженным стенам* — после захвата городов их развалины часто распахивались победителем в знак того, что им не суждено быть восстановленными.

Ода 17. К Тиндариде («Проворному Фавну милее Лукретил...») (С. 28). Впервые: *Москва*. 1844. № 3. С. 35—36, где ст. 11 был более точен: «В тот час, как долины и Устики скаты» (что вызвало добавление в комментарии к изд. *Гораций1856* в сноске 121: «тут же холм Устики»); ст. 15: «Здесь досыта вдоволь рассыплет поместье»; в ст. 19 вместо «Споешь про любовь» — «Про ту же любовь». До изд. *Гораций1883* в ст. 3 вместо «каждый год» — «каждый раз»; в ст. 7 вместо «ничуть не пугаясь» — «отнюдь не пугаясь»; ст. 11: «В тот час, как долины и горные скаты»; ст. 18—20:

Сыграешь на лире Тииса
Споешь про любовь и Цирцеи кристальной.
И славной супруги Улисса;

в ст. 27 вместо «с главы благовоной» — «он с главы умащенной».

Тиндарида — имя выбрано не случайно: так звали Елену Прекрасную. *Милее... чем теля Ликей родное* — у Горация проще: «Ликей меняет на милый Лукретил». *За тмином* — пропущено: в роще земляничной (см. оду I, 1). *Змей полосатых* — в подл.: зеленых. *Волков кровожадных* — в подл.: «марсов волк» (волк был культовым животным бога войны Марса). *На звуки рожка* — имеется в виду свирель Фавна. *В жаркий каникул* — наиболее жаркое время года в Риме с конца июля до середины октября, когда Сириус (Canis, «Песья звезда»), стоит в зените. *Избравши теосские столы* — Теос, город в Ионии, родина греч. поэта Анакреонта (6 в. до н. э.)

Ода 18. К Квинтилию Вару («Ты дерева, о Вар! не сей до винограда...») (С. 30). Впервые: ОЗ. 1856. № 1. С. 176—177. До изд. *Гораций1883* ст. 8 звучал: «Нас учит бой лапит с центavraми хмельных».

1 ст. — заимствован из Алкея. *Не сей до винограда* — в подл.: «раньше святого виноградного дерева», т. к. лоза — дар бога Диониса. *Про службу* — в подл.: «про тяжелую военную службу». *Лапиты (лапифы)* — миф. племя, жившее в Фессалии и враждовавшее с кентаврами. *Тайн доверчивость, прозрачнее стекла* — вино заставляет раскрывать тайны, делая их прозрачными.

Ода 19. К Глицере («Жестокая мать Купидонов...») (С. 31). Впервые: ОЗ. 1856. № 1. С. 177—178.

Мать Купидонов — Венера. *Мрамор паросский* — Парос, один из цикладских островов, славился своим мрамором. *Ни конного парфа* — в подл.: «ни лукавый конный бег отважного парфа», т. к. бегство парфян в бою часто было притворным, на скаку они не переставали пускать стрелы.

Ода 20. К Меценату («Ты будешь пить из чаш сабин недорогой...») (С. 31). Впервые: ОЗ. 1856. № 1. С. 179. В изд. *Гораций1856* после ст. 3 была сделана сноска: «Вероятно, после болезни Мецената», опущенная в *Сб1863* и в *Гораций1883*.

Речь идет о случае, когда Меценат после тяжелой болезни попал в театр и толпа его троекратно приветствовала. *Из чаш* — в подл. *santhagus* — широкий бокал с двумя ручками, принадлежность культа Вакха, как сказано дальше, «в греческом вкусе» — эти подробности опущены. *Рука в сосуды наливала* — в подл. говорится о заливке смолой горлышка амфоры, закупоренного пробкой.

Ода 21. Гимн Аполлону и Диане («Диану — нежные хвалите хором девы...») (С. 32). Впервые: ОЗ. 1856. № 1. С. 179. В изд. *Гораций1856* к примеч. 142 было сделано добавление, поясняющее порядок праздника. О спорах с И. С. Тургеневым по поводу выражения ст. 8: «На Краге ль, по весне» Фет писал в своих воспоминаниях (см. выше преамбулу к разделу «Гораций»).

Алгид — гора в Лациуме, посвященная Диане. *Эримант* — гора в Аркадии (Греция), у Гомера упоминается как любимое место пребывания Дианы («Одиссея», VI, 103). *Краг* — гора в Ликии (Малая Азия). *Темпы (Темпе)* — долина между горами Осса и Олимп, славилась

красотой. *Злую смерть сынов* — имеются в виду недавние гражданские войны.

Ода 22. К Аристию Фуску («О Фуск, поверь: тому, кто сердцем уцелел...») (С. 32). Впервые: *Москва*. 1844. № 3. С. 36—37, где в ст. 5 вместо «По знойным ли пескам...» было: «По знойным ли сыртам...»; ст. 9: «Когда без цели я найду в Сабинский лес / И Лалагу пою, беспечен и досужен» (этот вариант сохранился в *Горацій1856*, исправлено в *Сб1863* по замеч.: *Шестаков(1)*, с. 576); ст. 11: «Ведь от меня же волк бежал во мглу древес» (в изд. *Горацій1856* еще вариант ст. 11—12: «Со мною встретясь, волк бежит во мглу древес, / Хоть я и безоружен»); в ст. 18 вместо «Не дышит теплый ветр...» было: «Не движет теплый ветр...»; в ст. 21 вместо «в безлюдный край» было: «под край небес».

По знойным ли пескам — в подл. упоминаются Сирты, мели между Карфагеном и о. Кирена, имеется в виду близкое к ним побережье Африки. *Степь Нумидии* — в подл.: «степь Юбы», царя Мавритании и части Нумидии.

Ода 23. К Хлое («О, Хлоя! ты бежишь меня, как лань младая...») (С. 33). Впервые: *Москва*. 1844. № 1. С. 37, где в ст. 9 вместо «гегульской я равнины» было: «Гегульския равнины».

Возможно, эта ода оказала влияние на ст-ние Фета «Не говори мой друг: “Она меня забудет”...», особенно на сравнение юной девушки с робкой ланью.

Ода 24. К Виргилию («Где стыд и мера где печали несравненной...») (С. 34). Впервые: *ОЗ*. 1856. № 1. С. 181. Перевод ст. 1 оспорен: (*Шестаков(1)*, с. 572—573; ср.: *Фет(ОЗ)*, с. 39—40).

Пою, Мельпомена, грусть — в подл.: «погребальную песнь». *Мельпомена* — муза трагедии. *Отец вселенной* — Зевс-Юпитер, музы — его дочери от титаниды Мнемозины. *Ты доверял богам* — т. е. доверил богам жизнь Вара, но напрасно. *Орфей* — знаменитый певец, покоровивший своим искусством даже владыку Аида и получивший разрешение вывести на землю свою возлюбленную, Эвридику.

Ода 25. К Лидии («Юноши буйные в окна закрытые...») (С. 35). Впервые: *Москва*. 1844. № 1. С. 37—38, где в ст. 1 вместо «окна закрытые» — «ставни закрытые»; ст. 5: «Петли визжат под рукой несогредую»; ст. 7—11 имели иную редакцию:

Спишь ли ты, Лидия, в ночь, как я сетую,
Страстью объят.
Только отцветшей лишь хватик пригрезится,
Горько заплачешь в передней пустой,
Пуще фракийского ветра, что бесится.

До изд. *Горацій1863* в ст. 3 вместо «Не прерывают твой сон...» было: «Крик их твой сон не прервет...»; ст. 7: «Спишь ли ты, Лидия, в ночь, как я мукою»; ст. 18—19: «Листья же зимние, хладом убитые, / Пища волнам».

И забытая заперта дверь — у Горация говорится, что дверь, к-рая прежде много двигалась, теперь полкубила порог, т. е. ее нечасто открывают. *Спишь ли ты, Лидия* — стенания влюбленного у запертых дверей — частая тема греч. эпиграммы. *Ветер фракийский* — северный ветер, по мнению Горация, усиливается в новолуние. *Ревностью лютой заложит дыхание* — в подл.: «желание любви и похоть будут свирепствовать вокруг печени, покрытой язвами». *Юноши пылкие...* строфа переведена неточно: «что юношей цветущих больше плющ радует и мирт темнозеленый, а засохший лист, спутник зимы, будет посвящен Евру» (восточному, зимнему ветру), в изд. *Гораций1883* последний ст. более точен.

Ода 26. К Музе об Элии Ламии («Друг Муз, я отдаю тоску и страх печальный...») (С. 35). Впервые: ОЗ. 1856. № 1. С. 182—183, где ст. 9—12 имели иную редакцию, сохранившуюся до изд. *Гораций1883*:

Вся слава без тебя меня не услаждает;
Лесбейской лирою и на струнах тугих
Прославить Ламия достойно подобает
Тебе, одной тебе, в кругу сестер твоих.

Ручьев прозрачный ток — в подл.: *fontibus integris*, «источники, из которых еще никто не пил», т. е. греческая поэзия Сафо и Алкея, с к-рой Гораций первый познакомил римлян. *Свидай цветы младые* — в переносном смысле: свей поэтический венок, т. е. песню.

Ода 27. К друзьям-собеседникам («Бокалом, созданным к веселю, воевать...») (С. 36). Впервые: ОЗ. 1856. № 1. С. 183—184, где ст. 1 звучал: «Бокалом родственным веселью воевать»; ст. 9: «Фалерн губительный я черпать с вами рад».

Мидийца острый меч — в подл. «акинак», короткая кривая сабля персов и мидийцев, с к-рой они не расставались даже во время пиров. *Фалерна терпкого* — Фалерн был сладким и терпким на вкус. *Харибда* — знаменитое чудовище из «Одиссеи» Гомера, всасывавшее гигантской пастью воду с кораблями. Гораций называет так возлюбленную друга, т. к. она губит каждого, кто к ней приблизится, подобно водовороту.

Ода 28. К Архите Тарентинцу, тень которого увещевает пловца («Ты ли морей, и земли, и песку без числа измеритель...») (С. 37). Впервые: ОЗ. 1856. № 1. С. 184—185, где ст. 5—6 имели вариант:

Мир ты вникал и старался душою отважною круглый

Полюс познать? Не избегнул ты смерти!

В ст. 21 вместо «бешеный спутник» было: «спутник проворный». То же в *Сб1863*.

Эта ода представляет трудности для истолкования. Некоторые ученые считают ее монологом: тень утопленника, выброшенного на берег после кораблекрушения, обращается сначала к погребенному неподалеку Архите с размышлениями о тщете всего сущего, затем просит какого-то проезжающего мимо мореплавателя похоронить его

тело. Другие считают, что ода — диалог между мореплавателем и тенью математика Архиты, убеждающего похоронить его кости по обычаю и плыть далее без боязни. Фет выбрал второе толкование как более правдоподобное и даже разделил оду на две части. *Песку без числа измеритель* — Архите принадлежал трактат по «исчислению песчинок», то есть мельчайших частиц во Вселенной (позднее трактат на эту тему, под тем же названием «Псаммит», был написан Архимедом). *Матин* — гора и мыс в Апулии, недалеко от родины Горация — Венузии. *Орк* — римское божество преисподней, тождественное Плутону (Аиду), также — само подземное царство. *Ориона исхожего* — т. е. близкого к закату. *Иллирийская волна* — Адриатическое море. *Эвр* — см. оду I, 25. *Гесперские волны* — крайний запад Средиземного моря, где, по преданию, обитали Геспериды, хранительницы золотых яблок. *Тарент* — город, по преданию, был основан сыном Нептуна и пользовался покровительством бога морей. *Бросив три горсти песку* — если нельзя было по-настоящему совершить обряд похорон, достаточно было бросить на тело три горсти песку — это открывало ворота в Аид.

Ода 29. К Икцию («Завидуя добру арабских богачей...») (С. 38). Впервые: ОЗ. 1856. № 1. С. 186, где ст. 2 был: «Задумал, Икций, ты, суровым ставши с виду»; в ст. 7 вместо «искусный из лука»: «привыкший из лука»; в ст. 9 вместо «как виночерпий твой»: «за чашей круговой»; ст. 11 звучал: «Покрыть вершины гор обратною волной»; ст. 15: «Панета и друзей Сократа заменить».

Поход в Счастливую Аравию окончился в 24 г. до н. э. неудачей, после него Икций вернулся к мирным занятиям. См. о нем epist. I, 12.

Ода 30. К Венере («Царица Гнидоса и Пафоса, Венера...») (С. 39). Впервые: ОЗ. 1856. № 1. С. 186—187.

Сын твой пламенный — Амур. *Примеч. Пета: segnesque (nodum) solve* — медлящие узел пояса развязывать, *nunquam solventes* — никогда не развязывающие.

Ода 31. К Аполлону («Чего певцу, склоняясь, просить у Аполлона...») (С. 40). Впервые: ОЗ. 1856. № 1. С. 187—188, где ст. 17 звучал: «Дай, сын Латоны, мне готовым наслаждаться».

Храм Аполлона был выстроен Августом в честь победы над Антонием и египетской царицей Клеопатрой при мысе Акциум (31 г. до н. э.). *Сок младой* — при жертвоприношении употребляли, как правило, молодое вино. *Не говорливый ток* — прибавлено Фетом. *Сирский... товар* — сирийский; через Сирию купцы везли товары из Индии и Аравии. *Безвредно* — в подл.: «безнаказанно». *Салат* — в подл.: «легкие (для желудка) мальвы». *Благообразныя преклонности дожидаться* — у Горация проще: «не позорной старости».

Ода 32. К лире («Нас просят. Ежели способно больше года...») (С. 40). Впервые: ОЗ. 1856. № 1. С. 188, где ст. 5—6 звучали:

Впервые пела ты Лесбоса гражданину,
И, храбрый, он в бою иль у прибрежных волн;

В честь Либеры и Муз ты издавала голос,
Венеру славил он и мальчика при ней.

Нас просят — возможно, начало этой оды отразилось впоследствии на начале юбилейного стиха Фета «На пятидесятилетие музы» («Нас отпевают...»), к-рое имело совершенно противоположный смысл. *Зевесу милая* — в подл.: «панцирь, приятный Юпитеру», т. к. лира делалась из панциря черепахи.

Ода 33. К Альбию Тибуллу («Мой Альбий, не тоскуй без меры, огорчен...») (С. 41). Впервые: ОЗ. 1856. № 1. С. 188—189.

Тибулл — Альбий Тибулл (55/50—19/17 до н. э.), знаменитый поэт, с которым Гораций находился в тесной дружбе. Его первая книга воспевала Делию, вторая — Немезиду. Кто подразумевается под именем Глицеры — неизвестно. В предисловии к своим переводам Тибулла (1886) Фет позднее сравнил поэта сначала с Жуковским (имея в виду «элегический строй» его лиры и продолжая условную параллель Пушкин — Катулл), а затем с Криттоном — героем «Египетских ночей» Пушкина. В изд. *Гораций 1883* содержится послание к Альбию Тибуллу (I, 4), на которое Фет ссылается в своем предисловии к отд. изд. Тибулла как на хорошо представляющее личность и образ жизни римского поэта. *Глицерой ветреной* — в подл. резче: «жесточкой», а ниже — «изменницей». *С горными волками* — в подл.: «с волками Апулии». *Как бог любви* — в подл.: «как Венера».

Ода 34. К самому себе («Скудный богов почитатель и ветренный...») (С. 42). Впервые: ОЗ. 1856. № 1. С. 189—190, где, как и в изд. *Гораций 1856*, в ст. 5 вместо «Диеспитер» было: «Юпитер», однако в списке опечаток было внесено исправление.

Мудростию... безумною — возможно, имеется в виду увлечение Горация философией Эпикура, утверждавшего, что боги не заботятся о людских делах. *Стикс* — река подземного мира. *Тенар* — мыс в Лаконике (Греция), где по легенде была глубокая пещера — вход в Аид. *Фортуна* — богиня судьбы, Гораций назвал ее «гарах», хищная, жадная.

Ода 35. К Фортуне («Богиня, Анциум свой правящая милый...») (С. 43). Впервые: ОЗ. 1856. № 1. С. 190—191. В *Гораций 1856* отсутствуют ст. 13—16, очевидно, исключенные цензором.

Анциум — город в Италии. *Лациум* — центральная область Италии, главный город — Рим. *Нужда* — у Горация «необходимость», «неизбежность» — римский вариант греч. богини рока Ананке. *Двойным испуганы ярмом* — в подл. речь о том, что друзья отказываются нести ярмо, т. е. разделить невзгоды с другом. *К британским берегам* — поход Августа в Британию не состоялся. *Чермное море* — устар.: Красное море, т. к. Август предпринял поход в Аравию. *Железный век* — Фет понимает *dura aetas* как «жестокий, железный век», но скорее это жестокое поколение, развязавшее в Риме гражданские войны (к нему причислял себя и Гораций).

Ода 36. К Плотию Нумиде («И ладаном мы, и струнами...») (С. 44). Впервые: ОЗ. 1856. № 1. С. 191—192, где ст. 4 имел вариант: «Что цел он вернулся с гесперских берегов». В *Сб1863* в ст. 16 была допущена опечатка: вместо «свежей петрушкой» — «свежей пеструшкой», отмеченная в списке опечаток, однако в *Гораций1883* эта опечатка была повторена.

С гесперских... берегов — из Испании. См. оду I, 28. *Чтоб Басс с Дамалидой равнялся* — Фет считает, что Басс — известный пьяница (см. примеч.), но скорее обратное: пусть в этот торжественный день даже он откажется от своей умеренности и перепьет Дамалиду. *Клоныт и взоры и речи* — в подл.: «все обращают похотливые взгляды».

Ода 37. К друзьям («Теперь давайте пить и вольною ногою...») (С. 45). Впервые: ОЗ. 1856. № 1. С. 192—194, где в ст. 1 вместо «вольною ногою» было: «вольною пятою» (исправление внесено лишь в *Гораций1883*, возможно, учитывая замеч.: *Шестаков(1)*, с. 577; ср.: *Фет(ОЗ)*, с. 43); ст. 30 был: «На торжество врагам не отдалась она» (уточнение в *Гораций1883* повлекло добавление в комментариях о либурнах).

Начало оды заимствовано у Алкея («Будем пить...»). *От чада ольяненья* — в подл.: «от жара Мареотийского вина», названного по городу Марее близ Александрии; имеется в виду пристрастие Клеопатры к роскошным пирам. *Чтоб рока злую дочь* — у Горация сильнее: «роковое чудовище», ибо Клеопатра была причиной последней гражданской войны в Риме. *Обдумав смерть свою...* — последние строки — вольный перевод: «Выбрав смерть, стала отважнее, ненавидя жестокие Либурнские корабли, не дала им везти себя, лишённую царской власти, к гордому триумфу, женщина не из низких».

Ода 38. К мальчику-прислужнику («Персидской роскоши я, мальчик, не терплю...») (С. 47). Впервые: *Москва*. 1844. № 1. С. 38, где в ст. 2 вместо «венка» было: «венца», а ст. 5—8 имели иную редакцию:

Хочу, чтоб мирт простой мой праздничный фиал

Своею зеленью веселой украшал.

Тебе, прислужнику, такая ж в нем отрада,

Как мне за чашею под сенью винограда.

Когда приблизиться грозят зимы морозы — добавлено Фетом, чтобы объяснить выражение «gosa sega» — поздняя роза.

Книга вторая

Ода 1. К Азинию Поллиону («Гражданскую вражду при консуле Метелле...») (С. 47). Впервые: ОЗ. 1856. № 3. С. 1—3, где в ст. 30 вместо «О святотатственных не говорят боях»: «О святотатственных не говорят войнах».

Ошибочность путей — в подл.: «преступления». *Пусть Муза... театр оставит* — тонкая похвала таланту Поллиона — автора трагедий: он перестал их писать, и Мельпомене следует покинуть театр. *Коней летучих* — удачный поэтизм, в подл.: «быстро бегущих». *Под пылью боевой* — в подл.: «не бесславной пылью покрытые». *Катон* — Катон Младший, Утический. См. о нем примеч. к оде I, 12. *Дауния* — здесь: Италия.

Ода 2. К К. Криспу Саллюстию («К блеску серебра, что скупой зарывает...») (С. 50). Впервые: ОЗ. 1856. № 3. С. 3—4, где в ст. 3 вместо «Цену ему лишь одно сообщает»: «Цену ему лишь одно удвоюет».

Если б ливийских стран повелитель — Гораций упоминает Ливию и Гадес (Испанию). *Из тела* — в подл.: «из белого тела», т. е. бескровного от болезни. *Фрат* — правильнее Фраат, парфянский царь, был свергнут, 3-м восстановлен ок. 25 г. до н. э. на престоле с помощью скифов и толпа считала его счастливым, Гораций же полагает, что ни один добродетельный человек не сочтет жестокого Фраата счастливым.

Ода 3. К Деллию («Покой не забывай душевный сохранять...») (С. 51). Впервые: ОЗ. 1856. № 3. С. 4—5.

Старинной влагою Фалерна — в подл.: «interiore nota». Особенно ценное вино стояло обычно в глубине кладовой (interiore), на глиняных сосудах стояли метки (nota) — в чье консульство вино было разлито. *Прядущих трех сестер угрозы* — речь о Парках, богинях судьбы, прядущих нити человеческой жизни. *В ладью* — в ладью Харона, перевозчика в царство мертвых.

Ода 4. К Ксантию Фокею («Ты не стыдись, что увлекся работо...») (С. 52). Впервые: ОЗ. 1856. № 3. С. 5—6.

Текмесса — дочь фригийского царя Телевта, возлюбленная греч. героя Аякса Теламонида (Фет ошибочно называет ее дочерью Тевтрасса, царя Мизии). *Пенаты* — домашние божества римлян, названы злыми, т. к. не защитили Филлиду от участи рабыни. *Берег фригийский* — в подл.: Пергам, в значении — Троя. *Верности нет средь толпы ненавистной* — неточно. У Горация: «Верь, не из злодейской черни твоя милая, такая не могла родиться от матери низкой, верная, бескорыстная».

Ода 5. К Лалаге («Ей выю преклонять в ярмо еще не время...») (С. 53). Впервые: ОЗ. 1856. № 3. С. 6—7, где в ст. 18 вместо «Хлорида скроется...» было: «Клориса скроется...».

Источник — стихотворение греческого поэта Филодема (АР, V, 124). Эта ода нашла отражение в стихотворении Фета «Ее не знает свет — она еще ребёнок...», особенно сравнение девушки с незрелой виноградной гроздью. *Проворство Полои* — эпитет fugax одни переводчики понимали как «ветренная», другие как «робкая», но Фет, видимо прав, считая Полою проворной, быстрой.

Ода 6. К Септимию («В Гадес, Септимий, ты рад бы за мною...») Впервые: (С. 54). ОЗ. 1856. № 3. С. 7—8.

Возможно, Септимий — то же лицо, что и в epist. I, 9 — один из близких друзей Горация. *Гадес* — город на юго-западе Испании. *Кантабры* — племя в Сев. Испании, яростно сопротивлявшееся Риму и покоренное в войну 25—19 гг. до н. э. *Парки* — см. оду II, 3. *К пасть-бам овец* — в подл.: «где в шубу одетые овцы». Речь идет, возможно, не о густой овечьей шерсти, а о специальных пополах, которыми в Таренте прикрывали тонкорунных овец.

Ода 7. К Помпею Вару («О ты, что смерти страх не раз со мной делил...») (С. 55). Впервые: ОЗ. 1856. № 3. С. 8—9, где ст. 1 и 3 были: «О ты, не раз со мной встречавший смерти вид» и «Кто возвратил тебя, мой дорогой квирит?»

Одна из самых известных од, ее в 1835 г. перевел Пушкин («Кто из богов мне возвратил...»). *Смерти вид ... во времена былые* — в подл.: «tempus in ultimum», что у Горация звучит конкретно, а на русский переводится расплывчато: «крайнее время», «тяжелые времена». *Бежал, бесславно щит свой покидая в страхе* — Гораций пишет сдержаннее: «оставленный нехорошо (не подобающим образом) щит». С. Д. Шестаков, автор критической статьи о фетовском переводе, считал, что нужно было перевести «нечестно бросив щит» (ср. у Пушкина: «бежал, нечестно брося щит, творя обеты и молитвы»). Фет возражал: «Человек самолюбивый, Гораций еще с горем пополам мог сказать, что сделал вещь бесславную, непригожую, но никакой порядочный человек не станет хвастаться бесчестным поступком». Возможно, Фет косвенно полемизирует и с пушкинской трактовкой Горация. В отрывке «Цезарь путешествовал...» Пушкин говорит от лица римского писателя Петрония, что не верит трусости Горация. «Хитрый стихотворец хотел рассмешить Августа и Мecenата своею трусостью, чтоб не напомнить им о сподвижнике Кассия и Брута. Воля ваша, нахожу более искренности в его восклицании: Красно и сладостно паденье за отчизну». *Мужество низвергнуло в борьбе* — Фет, в отличие от большинства переводчиков, понял слова «fracta virtus» так, что мужество было сломлено силой, в бою («и грозные бойцы в крови легли во прахе»), а не стало трусостью, «словамшись», т. е. изменив себе. Место, важное для понимания Горация: прощенный Августом сторонник мятежных Брута и Кассия, он, как человек порядочный, вряд ли мог называть своих погибших соратников трусами. *Щедрей фиалы светлые наполни* — в подл. прозе: «наполни легкие кубки», Фет подчеркивает светлый и радостный характер пира.

Ода 8. К Барине («Если б ты хоть раз наказание злое...») (С. 56). Впервые: ОЗ. 1856. № 3. С. 10. До *Гораций 1883* ст. 14: «С ней простые Нимфы смеются, а с ними».

Бережливые старики — Гораций имеет в виду отцов, боящихся за сыновей.

Ода 9. К Вальгию («Не вечно дождик крупный льется...») (С. 57). Впервые: ОЗ. 1856. № 3. С. 11—12, где заключит. ст. имел иной вариант: «Гелонам в поле на конях».

Грозных Каспия зыбей — Каспийское море считалось переменчивым и бурным (поэтому «*inaequales procellae*» — «переменчивые бури»). *И нежный Мист не позабыт* — в подл.: «Ты тревожишь слезами Миста». По представлениям древних, слезы живых тревожат усопших. *Августу на новый лад* — т. е. на эпический лад.

Ода 10. К Лицинию Мурене («Лициний, проживешь верней, когда спесиво...») (С. 58). Впервые: Москва. 1849. № 1. Отд. II. С. 37. Здесь ода имела иное заглавие: «К Лицину». В подстрочных примечаниях Фет пояснял: «Лицин, по мнению толкователей, *Lizinus Varro Muraena*, брат супруги Мецената (*Terentia*) и всадника (*Proculius Varro Muraena*), разделившего вторично с братьями отцовское наследство. Его-то поэт укоряет в неровности характера и в неумении сообразоваться с обстоятельствами». Ст. 1—2 читались: «Счастливей проживешь, Лицин, когда спесиво / Не станешь вдоль пучин прокладывать следов» (в ОЗ появилась новая редакция ст. 1: «Счастливо проживешь, Лицин, когда спесиво»); в ст. 13 вместо «угнетен» было: «удручен»; в ст. 18 вместо «пленяет» было: «подъемлет», а в ст. 19 вместо «Камену смолкшую...» — «У музы смолкнувшей...». В ред. 1856 г. ст. 12: «Как горные хребты».

Спесиво — прибавлено Фетом. *Златую кто избрал посредственность* — не вполне удачный термин; «*aurea mediocritas*» обычно переводят как «золотая середина», ибо Гораций восхваляет не посредственность, а мудрость и умеренность. *Неверных берегов* — мели и прибрежные скалы опасны морякам. *Ель* — в подл.: «сосна». *Будет презирать* — «у того не будет» (ни грязной лагуги, ни вызывающего зависть дворца). *Пышную неволю* — прибавлено Фетом.

Ода 11. К Квинтию Гирпину («Что скифы и кантабр отважный замышляют...») (С. 59). Впервые: ОЗ. 1856. № 3. С. 13. До изд. *Гораций 1883* ст. 2: «Брось думать, Квинт Гирпин. Какой в тех думах прок?»; ст. 4: «И полно трепетать, что краток жизни срок» (изменение мотивировано в комментариях ссылкой на Лерса); ст. 11—12 имели иную редакцию:

Что ж думы все одне и те ж тебя терзают?
Оне твой дух гнетут, как он ни будь велик;

ст. 19: «Покалы цельного и жгучего фалерна». *Покалы* — устар. «бокалы».

Купидоны — в подл.: «любви». *Лунный лик* — в подл. луна названа «пламенеющей». *Для духа смертного* — в подл.: «для духа слабого». *Эвий* — Вакх, бог вина Дионис.

Ода 12. К Меценату («Не требуй, чтоб войны жестокость нумантйской...») (С. 60). Впервые: ОЗ. 1856. № 3. С. 14, где ст. 15 был: «Я блеск ее очей и груди сладострастной».

Аннибал (Ганнибал) — знаменитый карфагенский полководец, грозный враг Рима. *Тук фригийских нив* — в подл.: «богатства Мигдонии», области Фригии (Малая Азия).

Ода 13. К дереву («Тот, кто бы ни был он, недобрый день избрал...») (С. 61). Впервые: ОЗ. 1856. № 3. С. 15—16, где в ст. 18 вмес-

то «италийцев сила» — «итальянцев сила»; ст. 35: «На черном черные, а змеи Эвменид».

Недобрый день избрал — о неблагоприятных днях для посадки растений писал еще Гесиод в поэме «Труды и Дни» (7 в. до н. э.). *Колхидский яд* — самая известная колхидская волшебница и отравительница — Медея (см. трагедию Еврипида «Медея»). *Прозерпина* (греч. Персефона) — дочь Цереры (Деметры), похищенная Плутоном и ставшая его женой и царицей подземного мира. *Эвмениды* (Эринии, в Риме — Фурии) — грозные подземные богини проклятия и кровной мести, в волосах у них змеи. *Прометей* — в *примеч. 96* Фет ошибочно полагает, что миф о Прометее в Аиде сочинен Горацием. В финале трагедии Эсхила «Прометей прикованный» скала, к которой титан прикован, обрушивается в преисподнюю.

Ода 14. К Постумию («Увы! мимолетно, Постумий, Постумий...») (С. 63). Впервые: *Москва*. 1849. № 12 (24). С. 331—332, где в ст. 1 вместо «мимолетно» было: «мимолетны»; ст. 5: «Хоть три гекатомбы вседневных»; ст. 7—8: «Бесслезный, триглавого он Герiona / И Тития обнял печальной волною».

Постумий — правильно: Постум. *Моленья напрасны* — прибавлено Фетом, но пропущена важная для Горация мысль, что старости и смерти не отсрочит даже pietas moram — чистота нрава. *Запер печальной волною* — т. е. рекой смерти, отделяющей живых от мертвых.

Ода 15. К роскоши своего века («За десятиной десятину...») (С. 64). Впервые: *ОЗ*. 1856. № 3. С. 18—19.

Суровые нравы республиканского Рима порицали роскошь, но в эпоху Августа под влиянием эллинистических государств, особенно Египта, роскошь проникает в частную жизнь. *Дворцам все уступает плуг* — т. е. на месте плодородных полей, отнятых у бедняков, возводятся пышные частные дворцы. *Клен* — в подл.: платан. *Ильм* — вяз.

Ода 16. К Гросфу («Просит покоя с небес, кто трепещет...») (С. 65). Впервые: *ОЗ*. 1856. № 3. С. 19—20, где ст. 13 читался: «Малым доволен, пред кем родовая»; ст. 30 — «Старость Тифона его уменьшила».

Кто трепещет... камней подводных — неточно, в подл.: «застигнутый бурей в середине Эгейского моря», подводных камней боятся обычно у берега. *Нет нам покоя* — т. е. нельзя за сокровища приобрести покой. *По потолку золотому* — у Горация сказано «laqueata tecta», потолок с дорогими плафонами. *Восточной тучи* — восточного ветра, Евра, приносящего тучи. *Кобылица, в четверку лихая* — годная для конных соревнований. оборот небезупречный, но Фету нравился: строки 33—34 приведены со ссылкой на Горация в «Записках о вольнонаемном труде» (гл. 1), где Фет рисует свое будущее «горацианское» счастье в Степановке.

Ода 17. К больному Меценату («К чему плачевный стон меня терзает твой?») (С. 66). Впервые: *ОЗ*. 1856. № 3. С. 21—22, где в ст. 21 вместо «согласие» — «сочувствие».

Злой рок — у Горация «безвременная сила». *Не в силах прошлое восстановить кручиной* — прибавлено Фетом. *В один и тот же день со мною ты умрешь* — действительно, Гораций умер примерно через месяц после Мецената. *Правда мощная и Парки* — у Горация Iustitia (греч. Фемида), богиня правосудия, мать Парок (Мойр), см. оду II, 3. *Тебе во сретенье* — неудачная русификация; речь идет о случае, когда народ приветствовал Мецената, увидев его в театре после тяжелой болезни (см. оды I, 20 и II, 13). *Сынов Меркурия* — лирических поэтов, т. к. Меркурий считался изобретателем лиры.

Ода 18. К скупцам («Слоновой костью не блистает...») (С. 68). Впервые: ОЗ. 1856. № 3. С. 22—23, где в ст. 17 вместо «подряжаешь» было: «нанимаешь»; в ст. 18 вместо «каменотесов» — «каменоломни»; в ст. 37 вместо «танталово» — «танталовское».

Ряд столпов — в подл.: «колонны из дальней Африки», т. е. нумидийский мрамор. *Пурпурных покрывал* — из лаконского пурпура, побережье Лаконики изобиловало улитками, из которых добывали яркую и прочную краску. *И новых лун темнеет светлый ряд* — в подл.: «и луны новые спешат погибнуть», т. е. месяц проходит за месяцем. *Байи* — приморский город в Кампании, бывший благодаря целебным источникам и живописным видам модным курортом у римлян. *Полей соседних* — имеются в виду не соседи, а клиенты, зависимые арендаторы. *Он вечно... сторожит* — у Горация не Харон, перевозчик мертвых, а сам Орк — божество преисподней (см. оду I, 28).

Ода 19. Гимн к Вакху («Вакха в горах я учащим подслушал...») (С. 69). Впервые: ОЗ. 1856. № 3. С. 24—25, где в ст. 12 вместо «деревьев дуплистых» — «деревьев душистых» (внесено в список опечаток к Сб1863).

Тиады — вакханки, спутницы Диониса-Вакха. *Млечные реки... льющийся мед* — по мифам, все это происходило на празднествах в честь Вакха. *Пред твоей Ариадной* — Гораций называет ее «блаженной женой». *Пентей* (Пенфей) — фиванский царь, в темницу заключил не Вакха, как в примеч. Фета, а поклонявшегося Вакху Акета, в наказание был растерзан собственной матерью, Агавой, в вакхическом безумии принявшей его за кабана (Овидий, «Метаморфозы», кн. III). *Ликург*, фракийский царь; по Гомеру, изгнал младенца-Диониса, за что был ослеплен Зевсом. У Эскила в 1 части несохранившейся трилогии «Ликургия» Ликург пытался взять в плен Вакха, но его дворец был разрушен землетрясением. По Аполлодору (III, 5, 1), Вакх наслал на Ликурга безумие и тот, думая, что рубит виноградную лозу, зарубил собственного сына. Земля, оскверненная пролитием крови, перестала плодоносить, и Ликург был сослан на гору Пангей, где по воле Вакха его растерзали лошади. Стр. 29—33 — Вакх спустился в Аид, чтобы освободить свою мать, Семелу.

Ода 20. К Меценату («Необычайными и мощными крылами...») (С. 71). Впервые: ОЗ. 1856. № 3. С. 25—26.

Изменится мой лик — Фет поясняет эпитет *biformis* — «двуоб-разный». *Зависти земной избегну* — у Горация игра слов: он, став лебедем, будет «выше зависти» в буквальном и переносном смысле. *Меня, о Меценат...* и т. д. — у Фета невольно получилось, что Гораций бессмертен из-за дружбы с Меценатом, но он, конечно, считает себя бессмертным благодаря дару поэта и пророка (*vates*). *Марзвы* (марсы) — воинственное италийское племя.

Книга третья

Ода 1. К хору дев и мальчиков («Темную чернь отвергаю с презре-нием...») (С. 72). Впервые: ОЗ. 1856. № 5. С. 1—3. Автограф в *ТетрРГБ*, где в ст. 22 «пугает» вписано над: «смущает»; в ст. 25 «Малым» впи-сано вместо зачеркн. «Крайним»; в ст. 27 «коль» — вместо «что»; в ст. 29 «посёк» — вместо «побил»; ст. 37—39 имели иную редакцию:

Берег прескучил, — но грусть неотступная
Всюду преследует черной грозюю...
Он на корабль — с ним и совесть преступная,
Он на коня — и она за спиною.

До изд. *Гораций1883* ст. 13—14 имели иную редакцию:

Муж, окруженный клиентами давними,
Любит толпу их. Судьба наделяет.

Темную чернь отвергаю — *profani* — «непосвященные», Гораций имеет в виду непосвященных в искусство поэзии. *Внемлите напе-вам* — в подл.: *favete linguis*, «молчите», традиционный призыв во время жертвоприношения, когда можно произносить только священ-ные слова. *Гед* — звезда в созвездии Возничего. *Растенья индийско-го* — в подл.: «мазь Ахемена», иносказательное название, по имени основателя древнеперсидской династии Ахеменидов, через царство которых провозились индийские благовония.

Ода 2. К римскому юношеству («Пусть юноша себя, окрепнув на войне...») (С. 74). Впервые: ОЗ. 1856. № 5. С. 3—4. Автограф в *ТетрРГБ*, где в ст. 3 «Тогда он явится...» вписано над: «И появляет-ся...»; ст. 29—32 имели иную редакцию:

Юпитер, оскорбясь злодея, иногда
В негодовании с невинным рядом ставит,
А кара, рано ли иль поздно, никогда
За преступлением тащиться не оставит.

До изд. *Гораций1883* ст. 16: «Затылка и колен никак не пожалеет»; ст. 29 — «В негодовании, златого дня Отец».

Смерть за отечество — цитата из греч. поэта Симонида (556—468 до н. э.). *Молчанью тоже честь* — в подл.: «Но есть награда

также хранителям / И тайн», перевод изречения Симонида, которое любил повторять Август. *Цереры таинства* — Элевсинские мистерии в честь богини плодородия Деметры пришли в Рим из Греции, их участники давали обет строжайшего сохранения тайны. *Отец* — Юпитер. *С хромой своей ногой* — богиню справедливого возмездия Немезиду (Роена) иногда представляли хромой, т. к. она не спешила наказывать виновных.

Ода 3. К Цезарю Августу («Муж правоты, неотступный в обдуманном...») (С. 75). Впервые: ОЗ. 1856. № 5. С. 4—7. Автограф в *ТетрРГБ*, где в ст. 43 к слову «мидийцами» вписаны два варианта: «кантабрами» и «испанцами»; в ст. 59 вместо «обновлять» было: «обновить» (то же в ОЗ и *Гораций1856*). В *Гораций1856* ст. 4 отсутствовал, замененный отточием (очевидно, по цензурным причинам), что вызвало сбой в нумерации строф. До изд. *Гораций1883* ст. 13 звучал: «Только за это отца Дионизия»; ст. 15: «Только за доблесть из Тартара Ромула»; ст. 17: «Речию сладкой тут Гера промолвила»; ст. 30—33 имели иную редакцию:

Кончена. Ныне усталой десницею
Марсу спешу передать ненавистного
Внука, троянской рожденного жрицею;

ст. 38—40:

Меж Илионом и Римом — скитаются
Пусть, где хотят, властолюбцы-изгнанники.
Звери доколе живут и скрываются;

в ст. 48 вместо «Нил где поля орошает...» — «Нил там поля орошает...»; в ст. 68 перестановка слов: «Трижды оплачут супруги плененные».

Ни пред волной разъяренного Адрия — Фет выпустил упоминание Австра, южн. ветра, властвующего в Адрии. *Илион* — Троя. *Ахейцы ретивые* — греки. *Внука, троянскую жрицей рожденного* — Ромула, к-рого согласилась простить и принять на небо Гера-Юнона. *Только бы море плескалось* — Юнона готова не гневаться на римлян, потомков троянцев (см. «Энеиду» Вергилия), до тех пор, пока Рим отделен морем от развалин Трои; троянские изгнанники могут царить где угодно, только пусть не восстанавливают ненавистную Трою. *Влага срединная* — Средиземное море. *Квирит* — полноправный римский гражданин.

Ода 4. К Каллиопе («Сойди со флейтой неземной...») (С. 78). Впервые: ОЗ. 1856. № 5. С. 7—11. Автограф в *ТетрРГБ*, где в ст. 12 вместо «ветвями» было: «крылами»; в ст. 23 «Пренесты» вписано вместо зачеркн. «Тибура»; в ст. 24 над «привольной» было вписано «приморской» (в *Гораций1856* заменено на: «приводной», однако в *Сб1863* восстановлен первонач. вариант); ст. 29 был: «Лишь только б вы меня

вели»; в ст. 37 «Лишь» вписано вместо: «Как»; ст. 39—42 имели иную редакцию:

В пещере звонкой Пиерид
Раздастся песнь в угоду.
Совет вам благ; вам смертный мил
Послушный. Ведаешь давно ты;

в ст. 45 вместо «земля» было: «моря»; в начале ст. 46 было начато и зачеркнуто: «Подвластны»; в ст. 57 вместо «разит» — «сразит». До *Гораций1883* ст. 9—10 читались: «Раз на Вольтуре, близ полей / Родных, ко сну меня клонило» (в *Гораций1856* — «склонило»); ст. 16: «Опять считают чудесами»; в ст. 23 вместо «на высотах» — «на берегах»; в ст. 53 «Тифей» вместо: «Тифой».

Ода обращена к Каллиопе, музе эпической поэзии. *Песню звонкую* — в подл.: «долгую». *Иль это сон* — в подл.: «безумие» (поэтический восторг). *Вольтур* — гора на границе Апулии и Лукании. *Я при Филиппах не убит* — Гораций более откровенен: «в Филиппском сражении бегство не обрекло меня на смерть». *Ст. 36* — опущено упоминание о «скифском потоке» — реке Танаис. *Царство грустное* — Аид. *Дий* — Юпитер. *Пыл живых огней* — в подл. просто: «быстрый огонь», т. е. огонь, изрыгаемый мифологическим великаном Тифоном, который восстал на олимпийских богов и был в наказание придавлен горой Этной.

Ода 5. К Цезарю Августу («Мы верили досель, что в небесах громами...») (С. 81). Впервые: *ОЗ. 1856. № 5. С. 11—13.* Автограф в *ТепРГБ*, где в ст. 13 вместо «Так!» — «И»; в ст. 19 вместо «храмов»: «капищ»; ст. 25: «Что весом золота он выкуплен, храбрее»; в ст. 27 вместо «убыток» — «несчастье»; в ст. 28 вместо «как ни крась» — «как ни мой» (в комментариях к *Гораций1856* сохранилось по ошибке примечание, объясняющее вариант перевода и впоследствии снятое: «В подлиннике сказано: как ни крась — но мы перевели: как ни мой; можно согласиться, что от мытья полинявшая материя не получит первобытного цвета, но если ее перекрасить, то это другое дело. По крайней мере, в наше время»); в ст. 32 было начато и зачеркнуто: «Из сетей...»; в ст. 35 вместо «не» — «вновь»; в ст. 38 вместо «Да!» — «О!»; в ст. 49 вместо «подлинно» — «наперед». До изд. *Гораций1883* ст. 11: «Забыли щит отцов, честь имени и тогу»; ст. 26—27:

К стыду прибавится убыток. Шерсть краснее
Не будет, как ни крась, коль потеряла цвет.

На варварках женились — чтобы спасти жизнь, пленные римляне женились на парфянках, но в Риме такие браки считались постыдными и незаконными. *И боги* — в подл.: «о курия», т. е. сенат. *Регул* — Марк Атилий Регул, римский полководец, консул 267 и 256 гг. до н. э., попал в плен к карфагенянам в 249 г. См. с. 569.

Ода 6. К римлянам («Безвинно искупать тебе грехи отцов...») (С. 83). Впервые: ОЗ. 1856. № 5. С. 13—14. Автограф в *ТетрРГБ*, где в ст. 1 вместо «Безвинно» — «Невинно»; в ст. 6 вместо «веди исход» — «исход веди»; в ст. 18 вместо «Супружества» — «Супружество»; в ст. 28 вместо «Кого б то ни было...» — «Кого не очень-то...»; в ст. 38 вместо «киркою» — «клюкою».

Гесперия — запад Средиземноморья, греки называли так Италию, лежащую от них на западе. *Монез* — полководец парфянского царя Орода, победивший римского полководца Красса в 53 г. до н. э. *Пакор* — сын Орода, победил в 40 г. до н. э. полководца Децидия, легата Антония. *Разврат минувших лет* — Август формально считался не монархом, а «восстановителем римской республики», которую пошатнули и свергли в гражданские войны «дурные нравы». Он издал ряд законов, направленных против «разврата», ставшего понятием не столько нравственным, сколько политическим — против неравных браков, прелюбодеяния и т. д. Эти законы вызывали скрытое недовольство аристократии, Гораций же выступал в поддержку политики Августа. *На глазах у всех, при муже, наконец* — намек на справедливость закона «О сводничестве», предусматривавшего серьезное наказание мужа за недонесение о дурном поведении жены. *Оратай* (устар.) — пахарь.

Ода 7. К Астерии («Чего, Астерия, оплакиваешь даром...») (С. 85). Впервые: ОЗ. 1856. № 5. С. 15—16. Автограф в *ТетрРГБ*.

Свирепыми ветрами — в подл.: «Нотом», южным ветром. *С первую дохнувшую весной* — в подл.: «с первым Фавоном», весенним ветром. *Как по глухой скале* — У Горация «Икарова скала». Икар — сын легендарного архитектора Дедала, во время полета на крыльях, скрепленных воском, воск растаял, крылья рассыпались, Икар упал в Эгейское море, и тело его волны прибили к острову, получившему название Икария.

Ода 8. К Меценату («Как праздник мартовский я, холостяк, встречать...») (С. 86). Впервые: ОЗ. 1856. № 5. С. 16—17. Автограф в *ТетрРГБ*, где ст. 6—7 читаются:

Знай, Либеру — я пир готовлю благовонный
И белого козла — за то, что им спасен;

в ст. 19 вместо «миду» было: «меду» (см. примеч. к оде I, 2).

Пир я благовонный / готовлю Либеру — в жертву богам, обитающим на Олимпе, приносились светлые животные, подземным богам — черные. В оде II, 17 спасение от падавшего дерева Гораций приписывал Фавну. *С амфоры прочь смолу* — т. е. залитую смолой пробку.

Ода 9. К Лидии («Доколе милым я тебе еще казался...») (С. 88). Впервые: *Совр.* 1854. Т. 43. С. 77—78, с подзаголовком «Из Горация».

Единственная ода в форме диалога.

Ода 10. К Лике («Хотя бы, Лика, ты и в жребии убогом...») (С. 89). Впервые: ОЗ. 1856. № 5. С. 19. Автограф в *ТетрРГБ*, где ст. 13 и 15

читались соответственно: «О! пусть тебя склонить не в силах и подарки» и «Ни муж, которым ты забыта для сударки».

Влюбленный, страдающий у дверей жестокой красавицы — частая тема греческой эпиграммы. *Далекый Дон* — в подл.: Танаис, римское название Дона. *И счастье изменит наконец* — в подл. поговорка, трудно переводимая: завертится вырвавшееся (из рук) колесо (при подьеме тяжестей) — и веревка за ним, т. е. не следует гордиться, твоя неприступность может обратиться в противоположность. *Родил тебя отец* — в подл.: «отец-тирренец»; тирренцы (этруски), по преданию, переселились в Италию из Лидии (Малая Азия). *Ни бледный цвет лица* — в подл.: «фиалковый цвет» — эпитет показался Фету непонятным для читателя. *Змей степных* — в подл.: маврских, т. е. африканских.

Ода 11. К Меркурию («Меркурий! ты, кому, обязан наставленьем...») (С. 90). Вперв.: ОЗ. 1856. № 5. С. 20—21. Автограф в *ТетрРГБ*, где ст. 5 читается: «немая древле, ты восторгом не дарила», а окончателная редакция вписана над строкой; в ст. 10 было: «Не даст дотронуться» вместо «Дотронуться не даст»; ст. 14 читался: «Деревья за собой, и бег смиряет вод»; в ст. 30 вместо «каких гнусней еще грехов?» — «на что ужаснее грехов?»; ст. 33—34 читались: «Одна лишь изо всех, венец бы подвечечной / И факел следовал за то и славой вечной»; в ст. 52 вместо «опиши» — «напиши».

Титий — гигант, сын Геи. За преступления лежит в Аиде, и два коршуна клюют его печень. *Иксион* прикован в Аиде к огненному вращающемуся колесу. *И сохнет ежечасно* — прибавлено Фетом, по мифу вода вытекала, а не сохла. *Орк* — см. оду I, 28.

Ода 12. К Небуле («Несчастье не играть любовью отрадной...») (С. 91). Впервые: ОЗ. 1856. № 5. С. 21—22, где в ст. 11 вместо «На чистом ловок бить...»: было «На чистом попадает...».

Крылатый мальчик — в подл.: «сын Кифереи» — т. е. Венеры Амур, т. к. Небула влюблена. *Твою корзину* — в подл.: «занятие Минервы», т. к. Афина была покровительницей ремесел. *Влага Понта* — в подл.: волны Тибра, Фет внес изменение ради рифмы (Беллерофонта). *На чистом ловок бить* — т. е. в чистом поле.

Ода 13. К ключу Бандузии («О ключ Бандузии! прозрачнее кристалла...») (С. 92). Впервые: *Совр.* 1854. Т. 44. С. 144. Автограф в *ТетрРГБ*, где варианты заглавия: «[К] Бандузию». До *Гораций1883*: «К ключу Бандузию».

Бандузия — имя нимфы, почитавшейся на родине Горация. *Холодную волну смешать на дне фиала* — прибавлено Фетом, считавшим, что воду источника смешивают с вином во время пира, но скорее речь идет о жертвоприношении вина, цветов и козленка. *Холодный берег* — в подл.: «холодный поток». *Каникулы* — см. оду I, 17.

Ода 14. К римскому народу («Люди! давно ли гремело, что Цезарь...») (С. 93). Впервые: ОЗ. 1856. № 5. С. 16—17. Автограф в *ТетрРГБ*.

Ода 15. К Хлориде («Мужа-то, бедного Ивика...») (С. 94). Впервые: ОЗ. 1856. № 5. С. 24. Автограф в *ТемпРГБ*, где ст. 11—12 имели иную редакцию:

К Ноту любовь горячит ее,
Прыгать, резвясь, как козленок-буян.

Во всех изданиях заглавие ошибочно: «К Клорисе». До *Гораций1883* адресат стихотворения и в ст. 8 был назван этим именем («То уж, Клориса, тебе не подстать»), однако в изд. 1883 г. имя в ст. 8 было исправлено, а в заголовке осталось, очевидно по ошибке, прежним. В наст. издание внесено конъектурное исправление.

Туада — участница празднеств в честь Диониса. *Кадь* — в подл. *cadus* — большой глиняный сосуд для вина или для масла, но, конечно, не то же, что русская кадь.

Ода 16. К Меценату («И башня медная, и псов угрюмых стая...») (С. 95). Впервые: ОЗ. 1856. № 6. С. 361—363. Автограф в *ТемпРГБ*, где в ст. 6 вместо «устерег» было: «уберег»; в ст. 18 вместо «Я прав, о Меценат» — «Не прав я — Меценат»; в ст. 38 вместо «А больше пожелай...» — «А хочешь пожелать...»; в ст. 40 вместо «Я с большей пользой управлял» — «Я даже лучше управлял»; в ст. 43 вместо «Всегда в нужде» — «Без многого». До *Гораций1883* ст. 14—15: «Им отворять умел, стяжательных царей / Склонять подарками, и горы золотые».

Гораций иронически трактует известный миф о Юпитере, проникшем в башню к Данае в виде золотого дождя: он просто золотом подкупил стражей. *Агривица вещего* — речь идет о царе Аргоса Амфиарае, знаменитом предсказателе. Его жену, Эрифилу, подкупил золотым ожерельем Полиник, сын царя Эдипа, желавший вернуть себе утраченный фиванский престол. Эрифила заставила мужа вместе с Полиником принять участие в походе «Семерых против Фив», где тот погиб. Культ Амфиарае существовал во многих городах Греции, в его храмах изрекали прорицания. *Филипп Македонский* — царь Македонии, отец Александра Македонского, подчинил себе всю Грецию.

Ода 17. К Элию Ламию («Мой Элий, Ламия потомок благородный...») (С. 96). Впервые: ОЗ. 1856. № 6. С. 363. Автограф в *ТемпРГБ*, где в ст. 7 вместо «Неограниченной» было: «И независимой»; в ст. 10 над словом «бор» было вписано и зачеркнуто «лес»; в ст. 11 вместо «точно» — «только»; в ст. 13 вместо «и» — «коль».

Эр — восточный ветер. *Ворона старая, предвестница дождей* — существовало поверие, что вороны могут прожить девять человеческих жизней; римляне по поведению птиц умели предсказывать погоду. *Гения-хранителя* — у Горация просто гений, т. е. добрый дух, хранитель человека. Фет прав, полагая, что *осьминедельный* (в подл. — двухмесячный) *поросенок*, жертва гению, намечается не в честь дня рождения Ламия, т. к. в день рождения полагалась бескровная жертва.

Ода 18. К Фавну («О Фавн, любовник Нимф, бегущих пред тобою!...») (С. 97). Впервые: ОЗ. 1856. № 6. С. 364. Автограф в *ТемпРГБ*, где в ст. 13 вместо «кроткого» было: «смирного».

О Фавн, любовник Нимф — в подл.: amator, в данном случае — любитель, поклонник, т. к. нимфы, согласно традиции, стремятся избежать его притязаний. *Отмстить земле* — земля враждебна крестьянину, т. к. обрабатывать ее — тяжелый труд.

Ода 19. К Телефу («За Инахом в какое время...») (С. 98). Впервые: ОЗ. 1856. № 6. С. 365. Автограф в *ТетрРГБ*, где ст. 4—5 читались:

Про весь троян расскажешь бой.
Почем с хиосским продают;

ст. 7—9:

От стужи, приготовляют
Нам дом и баню — ты молчишь;

в ст. 10 над словом «Муреной» вписано «Аугуру»; ст. 22 читался: «Без дела. Пусть с соседкой Лик»: в ст. 25 над словом «Рода» вписан вариант: «соседка», оставшийся неучтенным, как и следующий — ст. 28: «К Глицере страстью я горю».

Телеф разделяет увлечение многих знатных юношей — в эпоху Августа вошли в моду занятия грамматикой и древностями. *Эак* — родоначальник Ахилла и Аякса, героев Троянской войны. *Хоть дрожишь от стужи* — в подл. конкретнее: от стужи, которая бывает в стране Пелигнов (область Италии). *Берецетийской флейты* — такая флейта или рог использовались на праздниках богини Кибелы, отличавшихся оргиастическим характером (происходили на горе Берецинф). *Три меры влаги* — Гораций в поэтическом восторге призывает девять мер вина (по числу муз) смешать с тремя мерами воды, человек умеренный должен был бы поступить как раз наоборот, оптимальным соотношением воды и вина считалось 3 к 1.

Ода 20. К Пирру («Знать, ты не видишь, Пирр, как для тебя опасно...») (С. 99). Впервые: ОЗ. 1856. № 6. С. 366. Автограф в *ТетрРГБ*, где в ст. 14 вместо «Лишь изредка дает...» было: «Едва дает ему...».

У львицы — в подл.: «у гетулийской львицы» (Африка, северо-западная часть Ливии). *Тать* — вор. *На пальму наступил* — на пальмовую ветвь для победителя, т. е. безучастно смотрит на происходящее, равнодушный к обоим. *С Иды* — в подл. говорится не о «горном ключе», а о «влажной Иде», горе в Малой Азии. Возможно, имеются в виду частые дожди на горе, собирающей верхушкой облака. Похищен с Иды был Ганимед, прекрасный юноша, в которого влюбился Зевс и взял на Олимп, где тот стал виночерпием на пирах богов.

Ода 21. К амфоре («Был Манлий консулом, когда со мной, амфора...») (С. 100). Впервые: ОЗ. 1856. № 6. С. 367—368. Автограф в *ТетрРГБ*, где в ст. 14 вместо «Упрямое» было: «Скупое». До *Гораций1883* в ст. 18 вместо «силы горяча» — «сила горяча» (опечатка, так как в рукописи верно).

Амфора — Гораций называет ее *ра*, «верная», т. к. вино, разлитое в год рождения Горация, должно верно служить ему, считалось,

что эту таинственную силу сообщает вину сам Вакх. *Мягкого вина* — в подл.: «сделавшегося старым». *Сократ* — греческий философ (470—399 гг. до н. э.). Корвин сравнивается с Сократом и из-за благородного образа мыслей, и из-за увлечения философией. *Катон старинный* — Марк Порций Катон, прозванный Старшим (234—149 гг. до н. э.) — римский политич. деятель и писатель, прославлявший строгость древних нравов. *Без страха на шолом и острие меча* — в подл. бедняк не боится «ни царской тиары» (короны), «ни оружия воинов». *Хоть пояса развязывать им лень* — о грациях без поясов см. оду I, 30. *Новорожденный день* — в подл.: «пока звезды не прогонит Феб» (Аполлон часто отождествлялся с богом солнца Гелиосом).

Ода 22. К Диане («Высей и рощей владычица дева...») (С. 101). Впервые: ОЗ. 1856. № 6. С. 368.

Ода 23. К Фидиле («Ежели к небу ты руки возносишь...») (С. 101). Впервые: ОЗ. 1856. № 6. С. 368—369. Автограф в *ТетрРГБ*. До *Гораций1883* ст. 9 читался: «Кровью тельцов, что заветно хранятся»; ст. 13 — «Не сокрушайся, хотя не заклаешь»; ст. 15—16 имели иную редакцию:

Ларам смиренным венки ты сплетаешь
Из розмарина и мирты непрочной.

Руки возносишь — молящиеся поднимали к небу руки ладонями вверх. *Фидила* — видимо, от греческого *feidomai* — намек на бережливость женщины. *На албанской траве* — В окрестностях Альба-Лонги находились участки, принадлежавшие жрецам-понтификам, где выращивались жертвенные животные. *Скромной муки* — в подл. *far*, здесь — ячменная крупа, полба.

Ода 24. К скупцам («Хотя бы ты богаче был...») (С. 102). Впервые: ОЗ. 1856. № 6. С. 369—371. Автограф в *ТетрРГБ*, где в ст. 8 вместо «Нельзя и...» — «Нельзя, коль...»; в ст. 45 вместо «толпою» — «народом». До изд. *Гораций1883* в ст. 6 вместо «Каленый» — «Алмазный»; в ст. 36 вместо «Что пользы принесут» — «Что могут означать»; ст. 51: «Вполне стереть должны мы след».

Нужда — у Горация более персонифицировано: *dira Necessitas*, свирепая Необходимость; вбивая железные (не алмазные, как было в ранней редакции у Фета, а крепкие, как алмаз) гвозди в крышу обреченного дома, она возвещает не нужду, а неизбежность смерти. *Геты* — народ, живший на побережье Черного моря, на левом берегу Дуная. Гораций считает, что геты и скифы, наивные дети природы, чужды пороков «цивилизованных» римлян. *Пусть обуздает он разврат* — открытое одобрение политики Августа и призыв действовать в таком же духе. См. оду III, 6. *Отец граждан* — в подл. *pater urbiom*, «отец города». Подобный титул, «отец отечества», был поднесен Августу во 2 г. до н. э. *Живую доблесть не ценят* — у Горация добавлено «из зависти». *Борей* — северный ветер. *Капитолий* — имеется в виду храм Юпитера на капитолийском холме в Риме.

Ода 25. К Вакху («Куда помчишь меня ты, полного тобою...») (С. 104). Впервые: ОЗ. 1856. № 6. С. 371—372. Автограф в *ТетрРГБ*, где в ст. 8 вместо «доселе» было: «доныне»; ст. 9—10 имели иную редакцию:

Так Евий не смущал, проснувшись на вершине,
Фракийским видом гор, в сиянии снегов;

в ст. 20 вместо «Листвой зеленых лоз...» было: «Листами зланных лоз...».

Слава Цезаря — Августа. *Туада на вершине Фракийской* — в подл. Эвия (от имени Вакха-Эвия) изумляется, увидев Гебр (главная фракийская река, совр. Марица в Болгарии) и Родопскую гору. *Почивших над волнами* — прибавлено Фетом.

Ода 26. К Венере («Еще недавно жил я с пользой для дев...») (С. 105). Впервые: ОЗ. 1856. № 6. С. 372—373. Автограф в *ТетрРГБ*, где ст. 1—2 имели иную редакцию:

Недавно только я пригодным слыл для дев
И не без доблести любви познал измену;

ст. 4 был: «С усталой лирою здесь вешаю на стену»; в ст. 11 остался неучтенным вариант «смягчись» вместо «склонись».

Торжественность обращения к Венере подчеркнута упоминанием двух мест почитания богини.

Ода 27. К Галатее («Пусть нечестивых напутствуют крики...») (С. 105). Впервые: ОЗ. 1856. № 6. С. 373—375. Автограф в *ТетрРГБ*, где в ст. 7 первоначально было: «Если же я уstraшенным гадателем», затем вписано: «Если ж гадать я с душой уstraшенной»; в ст. 18 вместо «примеры» было: «приметы»; ст. 19—22 читались:

Адрий [чер]темнеет, а ветры причинные
Несе <Неде?> опасны.

Жены и дети [пускай] врагов испытают
[Вражьи — свирепых] Пусть разоренных ветров дуновенье;

ст. 37—39 имели иную редакцию:

Что я и где? Для девы преступной
Раз умереть недовольно.
Вновь проливаю я слезы иль только;

ст. 43—44:

В море ли плыть иль отрадной срывать ли
Юные розы?;

в ст. 56 вместо «Лучше желаю» было: «Предпочитаю»; в ст. 58 вместо «верной» — «доброй»; в ст. 69 вместо «Кончив насмешки...» — «Кончив смеяться...». До изд. *Гораций 1883* в ст. 4 вместо «Щенной лисицы» — «Щенной волчицы»; в ст. 6 вместо «маштаков» — «лошаков»; в ст. 54 вместо «Прежде чем тела расцвет потеряю» — «Прежде чем тела красу потеряю».

Суки чреватой — т. е. беременной. *Чибис* — в подл.: рагга — некоторые полагают, что это сова. *Маштак* (небольшая приземистая лошадь) — в подл.: *mapnus*, малорослая кельтская лошадь (пони). Слово это заимствовано из кельтского и считалось протонародным. *Орион поспешает с шумом к закату* — мифический великан-охотник, убитый Дианой, в его честь названо созвездие. Шум издает не Орион, а, видимо, бурное осеннее море. *Свирепых ветров дуновение* — в подл.: «слепой порыв Австра», т. е. южного ветра; слепым назван, т. к. сокрушает все без разбора. *Пенаты* — боги-хранители дома и семьи, их изображения помещались около домашнего очага. *Стыд позабывши, живу я* — в подл.: «бесстыдная, я заставляю ждать Орка», т. е. подземного бога.

Ода 28. К Лиде («Что делать мне в священный день...») (С. 108). Впервые: ОЗ. 1856. № 6. С. 376. Автограф в *ТетрРГБ*, где в ст. 14 вместо «Гнидос» было: «Книд и». Ст. 5 до изд. *Гораций1883* звучал: «Уж поздно, день не будет ждать».

В священный день Нептуна — в праздник Нептуналий (23 июля). *Бибула консула амфору* — т. е. запечатанную в консульство Кальпурния Бибула (59 г. до н. э.). *Гнидос, Пафос и Циклады* — острова, места поклонения Венере. *С подвластных видит лебедей* — считалось, что колесницу Венеры несет стая лебедей.

Ода 29. К Меценату («Потомок тирренских царей!..») (С. 108). Впервые: ОЗ. 1856. № 6. С. 376—378. Автограф в *ТетрРГБ*, где в ст. 5 вместо «Что любишься ты» было: «Налюбуешься ты»; в ст. 7 вместо «На Эзулу» — «На Эскулу» (в изд. *Гораций1883* исправлено «На Эфулу»); ст. 13—16 имели иную редакцию:

Случалось, когда богачу
Как новость, пустые причины
Хоть пир не одетый в парчу
[Со лба] На лбу разгоняли морщины;

ст. 25—28 также имели иную редакцию:

Стараясь граждан охранять
И Рим, ты, ответ помышляя;
Что серы готовят опять,
Что бактры — и житель Дуная?;

то же ст. 33—36:

Что есть, устроая чередом,
А прочее мчится рекою,
Стекающей тихим руслом
В Этрусское море волною;

в ст. 37 вместо «То мчащей...» было: «Иль мчащей...»; ст. 39 звучал: «Что гул по долинам и рев»; в ст. 58 вместо «от удара» — «под ударом»; ст. 61—62 имели иную редакцию:

Не вздумало море пожрать,
Меня будут в лодке без горя;

под последней строкой вписан неучтенный в дальнейшем вариант заключит. ст.: «Средь хляби Эгейского моря».

Где скукою роскошь томима — прибавлено Фетом. *Жители Дона* — скифы. *А прочее льется рекою* — имеется в виду Тибр, то текущий спокойно, то грозящий Риму наводнением (см. оду I, 2). *Не скажет тому: не бывать* — т. е. даже Юпитер не в силах отменить прошлое. *Фортуна* — богиня удачи, счастливого случая, часто изображалась с рогом изобилия, колесом, рулевым веслом и с крыльями. *И мудро мирюсь с нищетою* — в подл.: *raueriam sine dote quaero* — хочу бедности не без достоинства, достойной бедности.

Ода 30. К Мельпомене («Воздвиг я памятник вечнее меди прочной...») (С. 110). Впервые: ОЗ. 1856. № 6. С. 379. В *Гораций 1856* в ст. 8 вместо «верховный ходит жрец» — «старейший ходит жрец». До изд. *Гораций 1883* ст. 9—11 имели иную редакцию:

Слух обо мне пройдет на берег говорливый
Ауфида быстрого и до безводных стран,
Где с трона судит Давн народ трудолюбивый;

ст. 15 звучал:

В награду мне за труд сама венец дельфийский.

М. П. Алексеевым было отмечено, что «исправлению подверглись лишь стихи 9—11, отличавшиеся неточностью: кроме того, стих 9-й напоминал пушкинский...» (*Алексеев М. П.* Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...» // *Алексеев М. П.* Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 253). На самом деле Фет исправил также и ст. 15.

Самая знаменитая ода Горация. *Аквилон полночный* — в подл. «неистовый», северный или сев.-вост. ветер. *Ни ряд бесчисленных годов* — Фет соединил две мысли: «ни смена бесчисленных годов, ни бег времени». *Жизни лучшей долей* — в подл.: «большая часть моя», речь не о жизни, а о личности. *Избегну похорон* — у Горация «Либетины», богини похорон. *Славный мой венец всё будет зеленеть* — неточно: «я буду беспрестанно возрастать славой в потомстве». *Где средь безводных стран* — прибавлено Фетом, далее также неточно; у Горация: «где бедный водой Давн правил сельским народом». *Давн* — мифический царь Апулии, страны, бедной водой. *На голос эолийский* — главной заслугой и залогом бессмертия Гораций считает то, что он первый на латинском языке воспроизвел достижения знаменитых греч. поэтов Алкея, Сафо, Анакреонта.

Книга четвертая

Ода 1. К Венере («Киприда, не воюй! О, пощади меня...») (С. 111). Впервые: ОЗ. 1856. № 7. С. 1—2. Автограф в *ТетрРГБ*, где в ст. 11 вместо «когда» — «коль ты»; в ст. 21 вместо «дымиться» — «курить»

ся»; в ст. 28 вместо «Стопами» — «Пятами»; в ст. 29: «И мальчиков и дев оставил я давно» в изд. *Гораций1883* цензурой были исключены слова «И мальчиков...»; в ст. 30 вместо «не питаю» было: «не имею».

Пред доброю Цинарой — в подл.: «под властью доброй Цинары». *Люстр* — искупительное жертвоприношение, совершаемое каждые пять лет, употребляется и в значении «пяtilетие». *Дом Павла Максима* — возможно, Венера должна была посетить дом его сына, т. к. самому П. Максиму было сорок лет и вряд ли государственного мужа было бы уместно называть риег (мальчик, юноша). *Под крышей кипарисной* — в подл. *trabea*, африканский драгоценный кедр, употреблялся только для внутренней отделки богатых домов. *Берецетийский рог* — см. оду III, 19.

Ода 2. К Антонию («С Пиндаром кто состязаться дерзает...») (С. 113). Впервые: ОЗ. 1856. № 7. С. 3—5, под заглавием «К Юлию Антонию». То же до *Гораций1883*, где имя снято и в примеч. добавлено объяснение: «Мы перевели по Перлкампу <...> как Шле». Автограф в *ТетрРГБ*, где в ст. 15 были переставлены слова «Центавров сгубили»; ст. 17—18 имели иную редакцию:

Славу стяжавших с элийскою пальмой
В песне борца ли, коня ль именует;

в ст. 19 вместо «Более лестной» — «Лестною <прзб.>»; ст. 22—24 звучали:

Юношей, нравы ль до звезд и деянья
Века золотого возносит — лишает
Орка стяжанья;

в ст. 29 слово «на тмине» взято в скобки, подчеркнуто и отмечено восприсит. знаком; в ст. 35 вместо «в триумфе» было: «по стогнам»; в ст. 43 вместо «на стогнах» — сначала: «на стогне», затем — «на рынке»; ст. 45 был: «Тут уж и я, коли только достойно»; в ст. 46 вместо «поравняться» было: «поравняюсь». До изд. *Гораций1883* ст. 2—3: «Юлий! крылами и долей печальной / Сходен с Икаром, прозвание давшим»; ст. 5—6:

Горным потоком, когда половодье
Берег знакомый разрушить готово;

ст. 19: «Более лестной всех знаков триумфа»; ст. 23—24:

Века золотого обычай — поэту
Орк уступает;

ст. 35: «Как он в триумфе уводит сикамбров»; ст. 47—48:

Светлое солнце! сияй (я воскликну)
Цезарю счастьем;

в ст. 58 вместо «Нового месяца» — «Юного месяца».

Пиндар — греч. лирик (518—ок. 442 до н. э.), автор возвышенно-торжественных од. *И долей печальной* — прибавлено Фетом, Гораций говорит о крыльях, скрепленных воском. *Более лестной... песню дарует* — в подл.: «песня Пиндара может прославить больше, чем сотня статуй». *Орк* — см. I, 28. *С матинской сходен пчелю* — Матин, гора и мыс в Апулии, была недалеко от родины Горация, Везузии; поэтическое искусство в античности часто сравнивали с добытием меда. *Нового месяца облик* — в подл. месяц «на третий день после новолуния».

Ода 3. К Мельпомене («О Мельпомена! кто встречает...») (С. 115). Впервые: ОЗ. 1856. № 7. С. 5. Автограф в *ТетрРГБ*, где в ст. 6 вместо «в конце войны» — «с концом войны»; ст. 18 был начат: «Гремят на», затем: «Бряцанью лирному указан гибкий путь»; ст. 22—23 имели иную редакцию:

Перстом ли на меня прохожий: вот гусляр
Цевницы римской — указывает.

До изд. *Гораций 1883* ст. 2: «Родясь, твой кроткий взор с его живым огнем»; ст. 15: «Где вещей торжествуют лики»; в ст. 24 вместо «Пою я» — «Дышу я».

Мельпомена — муза трагедии и песни вообще. *С его живым огнем* — прибавлено Фетом. *Вот гусляр / Цевницы римской* — русификация; дословно — «римской лиры музыкант».

Ода 4. К городу Риму (Похвала Друза) («Как окрыленного блюстителя громов...») (С. 115). Впервые: ОЗ. 1856. № 7. С. 6—8. Автограф в *ТетрРГБ*, где содержится ранняя редакция ст. 4—6:

В нем верность испытав над русым Ганимедом,
Не испытавшего еще врожденных сил
Из отчего гнезда отвага исторгает;

ст. 52: «Их обмануть или избегнуть дани — силой»; ст. 65 звучал: «Тоши его, еще прекрасней он в ответ»; ст. 74—75:

Зевес хранит его своюю благодатью,
И будет тонкий ум его руководить.

В ст. 40 в *Сб1863* вместо «Италии заря златая воссияла» — «Италии заря святая воссияла».

Ганимед — см. оду III, 20. *Топор им амазонский* — по мифу, воинственные женщины амазонки были вооружены секирами. Ст. 29 — 32 — мысль впервые высказана греч. поэтом Феогнидом. Пунийцы — карфагеняне. В III — II вв. до н. э. Рим участвовал в трех пунических войнах. В последнюю, 149—146 гг., Карфаген был разрушен, а жители его обращены в рабство. *Иракл* — Геракл, победа над Лернейской гидрой — его второй подвиг.

Ода 5. К Цезарю Августу («Любимый сын богов и Рима лучший страж...») (С. 118). Впервые: ОЗ. 1856. № 7. С. 9—10. Автограф в *ТетрРГБ*, где содержится ранняя ред. ст. 14—16:

На брег излучистый взирая с укоризной,
Так ожидаем ты с любовью живой,
О Цезарь, верною отчизной;

в ст. 18 вместо «Обильные плоды» было: «Довольство и плоды».

Волну карпатскую — Эгейское море, между островами Критом и Родосом. *Церера* — богиня земледелия и плодородия (греч. Деметра). Ст. 21—24 — см. оду III, 6. *Тебя с богами поминает* — буквально: «он отводит тебе (Августу) место как божеству за пиром». У римлян обед заканчивался десертом, перед которым совершалось жертвоприношение *Ларам* (Лары — добрые души усопших, покровители семьи), затем переходили к вину. После победы над Антонием и Клеопатрой (31 г. до н. э.) сенат постановил, чтобы Октавиана, будущего императора Августа, почитали возлияниями не только на общественных, но и на частных пирах.

Ода 6. К Аполлону («О бог! Ты отомстить хотел, и пред тобою...») (С. 119). Впервые: ОЗ. 1856. № 7. С. 10—12. Автограф в *ТемпРГБ*, где содержится ранняя ред. ст. 1—2:

О мощный бог, под чьей карающей рукою
Весь Ниобеи род, за хвастовство, исчез;

ст. 11 был: «Во прах троянский он всем весом грянул тела»; в ст. 14 вместо «В подложного коня...» — «В поддельного коня...»; в ст. 15 вместо «хороводом» — «полный пляски»; в ст. 16 вместо «полный дом» — «царский дом»; в ст. 17 вместо «меж пленных» — «среди пленных»; ст. 26 был: «Струею Ксанф твоих касается кудрей»; в ст. 34 вместо «на скаку» — «скачущих».

Ода — своеобразный пролог к Юбилейному гимну в честь «Вековых игр». По указанию книг пророчицы Сивиллы эти игры должны были праздноваться раз в 110 лет и длиться три дня. *Фетида* — морская богиня. *Как ель* — в подл., «сосна». *Ураган сломил* — в подл. Евр, восточный ветер. *Минерва* — Афина; греки притворились, что уходят из-под Трои и распространили ложный слух, что посвящают Афине огромного деревянного коня, чтобы благополучно добраться домой (см. «Энеиду» Вергилия, кн. II). *Приам* — царь Трои. *Ксанф* — река в Лидии (Малая Азия), у ее истоков стоял г. Ксанф, известный храмом Аполлона и святилищем его матери Латоны.

Ода 7. К Манлию Торквату («Снег растаял, уже покрываются зеленью нивы...») (С. 121). Впервые: ОЗ. 1856. № 7. С. 12—13. Автограф в *ТемпРГБ*, где в ст. 16 была перестановка слов: «В прах обратимся и тень». В *Гораций1856* в ст. 13 вместо «восполняют» — «исправляют», в изд. *Гораций1883* — «исполняют»; ст. 19—20:

Всё то наследника рук проминует скупых, что успеешь
Милому другу отдать

(Фет учел замечание: *Шестаков(2)*, с. 644).

Фет почти точно воспроизводит размер подлинника. *Реки, спадая, мнут* — в конце зимы реки вздулись от льда и снега и вышли из берегов, теперь же спокойно текут в своих берегах. *Зефир* — теплый западный ветер. *Родитель Эней* — троянский герой Эней считался прародителем римлян. *Тулл* — третий царь Рима. *Марций* — четвертый царь Рима. *Минос* — мифический царь о. Крит, после смерти в Аиде стал судьей умерших.

Ода 8. К Цензорину («Дарить и чашами, и медью дорогой...») (С. 122). Впервые: ОЗ. 1856. № 7. С. 13—14. Автограф в *ТетрРГБ*, где ст. 26—30 были в иной редакции:

Когда б из зависти о Ромуле забыли?
Эака же спасли от гибельных пучин
Аида и к теням блаженных приобщили?
[Слова мо<гучие>]...;

в ст. 36 вместо «исход» было: «конец». До изд. *Гораций1883* в ст. 23 вместо «безмолвна» — «умолкнет».

Парразий (Паррасий) — греч. живописец IV в. до н. э. *Скопас* — греч. скульптор, современник Парразия. *Того, кто получил прозвание от победы* — окончательную победу одержал над Карфагеном Сципион Африканский — Младший (146 до н. э.), но Ганнибал погиб гораздо раньше, в 183 г. до н. э. после победы во Второй Пунической войне Сципиона Старшего, также прозванного Африканским. Путаница в исторических фактах заставила исследователей предположить, что ст. 15—19 не принадлежат Горацию. *И брегам блаженным посвятили* — в подл.: «островам блаженных», мифические острова, упоминавшиеся еще Гесиодом в поэме «Труды и дни», там обретают покой души героев.

Ода 9. К Лоллию («Не думай — эта мысль обида...») (С. 124). Впервые: ОЗ. 1856. № 7. С. 15—16. Автограф в *ТетрРГБ*, где ст. 18—23 имели иную редакцию:

Метал. И были злые дни
В войне не только Илионской;
Достойны песен не одни
Идомей со Стенелаем.
А Гектор? Не один же он
[Суровой мезтью побеждаем];

в ст. 39 вместо «в консулы» было: «консулом»; в ст. 51 после «Тот» было зачеркнуто: «без». До изд. *Гораций1883* в ст. 17 вместо «кидонской» — «сидонской»; ст. 33—34:

И допустил, чтоб ты, о Лоллий!
Пал жертвой желчной клеветы;

ст. 39: «Не на год в консулы избранный»;

Симонид — см. III, 2, в подл.: «кеосец скорбный». *Анакреон* — греч. лирик середины VI века, воспевал легкомысленную любовь и вино. *Но вослед ни сожаленья им, ни стона* — в подл.: «все они, нео-

плаканные, неизвестные, были поглощены долгой ночью». *От погребенной лени* — т. е. не прославленная поэтами доблесть мало отличается от ленивой, бесславной жизни. *Не на год в консулы избранный* — в консулы избирали на год, но Гораций считает, что Лоллий оставит память о своем консульстве, пока в Риме существуют справедливые судьи. *Но полон чести и добра* — в подл. относится не к Лоллию, а к судьям, которые «честь предпочитают пользе».

Ода 10. К Лигурину («О несговорчивый Киприды баловник...»)
(С. 125). Впервые: *ОЗ*. 1856. № 7. С. 17. Автограф в *ТетрРГБ*.

О несговорчивый Киприды баловник — в подл.: «О жестокий доселе и мощный (владеющий) дарами Венеры». *Нежданный пух* — в подл.: «оперенье, неожиданное для твоей гордости», место, вызвавшее споры комментаторов. Фет, вероятно, прав, считая что речь идет о первой юношеской бородачке — знаке близящейся зрелости. *И ножницы к кудрям приблизятся с угрозой* — в подл.: «и волосы, что сейчас по плечам развиваются, упадут», Фет конкретизирует картину, придавая, как и всей оде, шуточный тон, отсутствующий в подлиннике. *Увидшие черты* — Гораций говорит о «косматом», т. е. покрытом бородой лице, т. е. о зрелости, а не о старости Лигурина.

Ода 11. К Филлиде («Есть полный у меня бочонок превеликий...»)
(С. 126). Впервые: *ОЗ*. 1856. № 7. С. 17—18. Автограф в *ТетрРГБ*, где ст. 7 читался: «Ягненка чающий, под ветвями оливы»; в ст. 19 вместо «одни» — «один»; в ст. 25 вместо «примера» — «урока»; в ст. 29 вместо «к возможному стремись» — «к достойному стремись»; в ст. 31 вместо «Страшась» — «Бежа». До *Гораций1883* ст. 34 был:

Не буду. Вспомни песнь любимую и пусть...

Поморскую Венерой — вернее, морской, т. к. по преданию, Венера была порождена морем в апреле.

Ода 12. К Виргилию («Уж спутники весны, смиряющие море...»)
(С. 127). Впервые: *ОЗ*. 1856. № 7. С. 18—19. Автограф в *ТетрРГБ*, где перв. ст. читался: «Виргилий! Жажда к нам пришла с весной чудесной»; в ст. 2 вместо «прогнали» было: «погнали»; ст. 6 — «По Итису стена, так жалобно грустит», над строкой вписан карандашом вариант: «Неся сие гнездо, по Итису...»; в ст. 8 вместо «Фракийскому царю» — «Афинскому царю», затем вписан вариант: «Теперь уж за нее»; ст. 26—28 имели иную редакцию:

И вспомня дым костра, коль пожелаешь пить,
Минутной глупости подбавь в рассудок скучный:
У места, вовремя отрадно покутить.

До изд. *Гораций1883* в ст. 2 вместо «вздывают паруса» — «прогнали паруса»; ст. 17—20:

За стьянку нарда ты получишь, без сомненья
Бочонок, спрятанный в сульфийских погребях,
Способный окрылить души твоей стремленья
И горьких нужд с нее смыть ежедневный страх;

в ст. 22 вместо «С товаром собственным» — «Со вкладом собственным»; ст. 25—27:

Так не замедли же, оставь расчет научный
И помня о костре посмертном между нас —
Коль хочешь, глупости подбавь в рассудок скучный...

С востока ветерки — в подл.: «ветры Фракийские». *И реки на просторе... тихая сияет полоса* — в подл.: «реки уже не шумят, вздущиеся от зимнего снега», у Фета пейзаж, скорее, средней полосы России. *Фракийскому царю никто не отомстит* — в подл. сказано противоположное: «страсти царя-варвара страшно отомстила». Видимо, Фет понял *male est ulta* как «плохо, т. е. никак не отомстила, а не «ужасно отомстила», на что было указано: *Шестаков(2)*, с. 644. Пунтица произошла и в *примечании* к ст.: по мифу, фракийский царь Терей, муж Прокны, обольстил сестру ее Филомелу и отрезал ей язык, чтобы она не рассказала о преступлении; когда Прокна узнала об этом, она освободила Филомелу и они вдвоем убили сына Прокны Итиса и накормили им Теря (см.: Овидий, «Метаморфозы», кн. 6, 412 — 674). *Повсеместный* — эпитет добавлен ради рифмы. *Нард* — благовонная мазь, хранившаяся в сосудах из оникса. *Кадь* — пример буквализма: *cadus* — большой глиняный кувшин для вина, но не русская кадь. Ст. 25—28 стали в редакции 1883 г. гораздо ближе к подл.

Ода 13. К Лике («Лика! услышали боги меня...») (С. 128). Впервые: ОЗ. 1856. № 7. С. 20—21. Автограф в *ТетрРГБ*, где в ст. 6 вместо «вотще» — «к себе»; в ст. 22 вместо «Сердце, плененное...» — «Сердце, дышавшее...». До изд. *Гораций 1883* ст. 17: «Где же Киприда? где свежесть лица?».

Эрота к себе... не зови ты — в подл.: «равнодушного Купидона». *И черных зубах* — в подл.: «желтых зубах».

Ода 14. К Августу («Какие заботы отцов иль квирит...») (С. 129). Впервые: ОЗ. 1856. № 7. С. 21—23. Автограф в *ТетрРГБ*, где в ст. 10 вместо «ярму непокорных» было сначала: «тебе», затем «дотоль»; в ст. 15 вместо «К победе пошел за счастливой звездой» — «Водивший свою счастливой звездой»; в ст. 23 была перестановка слов: «Стремительным натиском мучить их рад»; ст. 25 читался: «Так быкообразный несется в Авфид»; в ст. 45 вместо «потоки скрывающий» — точный перевод «истоки скрывающий», во всех изданиях, очевидно, опечатка, поскольку именно вопрос об истоках Нила дискутировался в античности. В наст. издании восстанавливается рукописный вариант. До изд. *Гораций 1883* ст. 13: «Не раз обновляя отчаянный бой».

Квирит (правильнее — квиритов) — полноправных римских граждан. *Не раз обновляя отчаянный бой* — в подл.: «отомстив им вдвойне». *Австер, владеющий шумною влагой* — южный ветер, который в подл. «волны вздымает». Ст. 34—40 — Война с альпийскими народами закончилась благополучно для Рима в тот же день, в который 15 лет назад Александрия, столица Египта, сдалась после гибели

царицы Клеопатры — 1 день месяца Sextilis 30 г. н. э.; в 8 г. до н. э. сенат постановил этот месяц называть Августом. *Три люстры слуха* — 15 лет назад, см. оду IV, 1.

Ода 15. Похвала Августу («Уже я воспевать хотел коварный бой...») (С. 131). Впервые: ОЗ. 1856. № 7. С. 23—24. Автограф в *ТемпРГБ*, где в ст. 1 вместо «коварный бой» (со *Сб1863*) было: «кровоавый бой» (то же в изд. *Гораций1856*); в ст. 7 вместо «вернул его орлов» — «восстановил орлов»; в ст. 24 вместо «у вод далеких Дона» — «в степях далеких Дона»; в ст. 26 вместо «Лиия скромного...» — «Лиия резвого...». До изд. *Гораций1883* в ст. 23 вместо «вероломный враг» — «закоснелый враг».

И Феб вещал — Аполлон запретил Горацию воспевать военные подвиги Августа, т. к. его таланту это не по силам, и поэт, с его невоенственной лирой, говорит только о благах мира, водворенного в стране Августом. *Оратай* — пахарь. *Вернул его орлов* — в подл.: signa, военные знаки (изображения орлов, насаженные на пики, выполняли функции современных боевых знамен, утрата их считалась позором). В 20 г. до н. э. парфянский царь Фраат вернул Риму военные знаки, отнятые при поражении полководцев Красса и Антония, и они были торжественно поставлены в храме Юпитера на Капитолийском холме (поэтому — *Зевесу нашему...*). *И двери Януса Квирина затворил* — храм Януса представлял собой двойные крытые ворота; двери стояли закрытыми только в случае мира в государстве: до Августа это случилось два раза, в его правление — три. *Лиия скромного* — в подл.: «за веселыми дарами Либера». *Анхиза старого* — отца Энея.

Песня столетию (юбилейный гимн) («Феб и Диана, владычица дева лесная...») (С. 132). Автограф в *Т. 1*, где ст. 38 дан в иной редакции: «По морю плыть, направляясь к земле итальянской», вписан внизу страницы (то же в *БДЧ*); в ст. 46 было зачеркн.: «Старость, о боги! да будет покойна и чтима» и вписан окончат. вариант; в ст. 50 «светлой» вписано вместо зачеркн.: «вечной»; в ст. 57 строчные буквы были исправлены на заглавные. Впервые: *БДЧ*. 1857. № 2. С. 1—3, с подзаголовком: «Из Горация»; в ст. 9 вместо «с колесницей горючей» — «с колесницей летучей». В *Сб1863* в ст. 13 слово «причина» пропущено. До изд. *Гораций1883* ст. 39 был: «Отеческих лар заменяя иными богами», в ст. 73 вм. «понравилась небу» — «понравилось небу». Датируется концом 1856 — нач. 1857, по первой публикации.

В 27 г. до н. э. сенат дал Октавиану почетный титул «Август» («Благословенный») и вверил управление государством сроком на 10 лет. В 17 г. этот срок был продлен еще на 10 лет. В ознаменование окончательного установления новой формы правления (фактически — монархии) Август решил восстановить старинные *iudi saeculares* — «столетние игры» — праздника, якобы учрежденные в год основания республики (456 до н. э.) и праздновавшиеся каждые 110 лет. В действительности они проводились в 249 и 146 гг. Т. к. хронологически обосновать устройство игр в 17 г. было невозможно, прибегли к пророчествам из т. н. «Сивиллиных книг» и подогнали праздник к

этой дате. Старые игры были посвящены подземным богам, новые — Паркам (богиням судьбы), Гее — земле, Юпитеру, Юноне, Аполлону и Диане и имели светлый, радостный характер. Проходили с 1 по 12 июня.

Сельский Альфий. Эпод 1-ой книги, песнь 2-я («Блажен, кто вдалеке от всех житейских зол...») (С. 135). Впервые: *Сб1863*, без заглавия. С. 183—185. Автограф в *ТетрРГБ*, где ст. 1 — «Блажен, кто вдалеке от суетных забот...»; в ст. 5 вместо «труб воинских звон» — «труб военных звон»; ст. 13—15 имели иную редакцию: «Ножом отрежет сук, [который [не цветет] [прежде он]] когда сухой [растет] найдет, / Чтобы привить ростков надежных, / В сосуды чистые отжатый прячет мед»; в ст. 26 вместо «птичьим пенъем» было сначала: «сладким», затем «томным»; ст. 29—32 имели иную редакцию:

Придет черед дождей холодных и снегов,
Зевес гремящий посылает.
Отсюда гончими сердитых кабанов
Ловец в тенеты загоняет;

в ст. 41 вместо «И дочь Апулии...» было: «Как дочь Апулии...»; в ст. 66 вместо «Рабы возлягут после дела» было сначала: «почиют», затем «ложатся». В конце страницы записаны две строки, не поддающиеся прочтению. До изд. *Горацій1883* ст. 65—66:

А перед Ларами, как у больших владык,
Рабы возлягут после дела.

Когда же осень вновь — в подл. Аурумн, бог осени. *Приап* — бог плодородия садов и полей, *Сильван* — бог лесов и пастбищ. *Лукринских устриц* — устрицы Лукринского озера считались у римлян дорогим лакомством. *Ни африканских птиц* — в подл.: «нумидийская курица», т. е. цесарка. *На праздник Термина* — Терминалии, праздник в честь бога границ, 23 февраля, особенно почитался крестьянами.

II. ОВИДИЙ

Переводы трех элегий из первой «Книги любви» («Amores») Публия Овидия Назона (43 до н. э. — 17 или начало 18 н. э.) Фет впервые включил во второй том *Сб1863* и затем в *ВО 1*. Точных сведений о том, когда поэт обратился к переводам из Овидия, не сохранилось, однако можно предположить, что он, ободренный успехом переводов из Горация, решил расширить круг переводов из римских авторов. Письмо к Н. А. Некрасову от 25 дек. 1855 г. свидетельствует о том, что к этому времени Фет уже перевел VI элегию из 2-й «Книги любви» («На смерть попугая») и выслал перевод

вместе с «новыми стихами» к И. С. Тургеневу, который включил элегию в готовящийся *Сб1856* (раздел «Антологические стихотворения»). По положению в *ТемРГБ* можно предположить, что над тремя элегиями из первой «Книги любви» Фет работал в 1854—1862 гг. В конце жизни Фет вернулся к переводам из Овидия.

Элегии (Из книги любви)

1. «Славить доспехи и войны собирался я строгим размером...» (С. 138). Перевод элегии I первой книги Овидия «Amores». Впервые: в *Сб1863*. В *ВО1* вошло без ст. 11—18. Автограф в *ТемРГБ*, где в ст. 5 после «тебе» было зачеркн.: «дал»; в ст. 8 «жар» вписано вм. зачеркн.: «пыл»; ст. 9—10 вписаны на об. предыдущего листа; в ст. 26 слово «любовь» было написано с прописной буквы. Датируется приблизительно 1854—62 гг.

Строгим размером — гекзаметром, состоявшим из шести стоп, размером героических поэм. *Купидон* — Амур, в рим. миф. бог любви, в греч. миф — Эрот. *Похитил стопу* — превратил каждую вторую строку в пятистопный пентаметр. Таким образом образовался элегический дистих (чередование гекзаметра с пентаметром) — размер, которым написаны элегии Овидия. *Пиериды* — музы. *Минерва* — в рим. миф. богиня войны, мудрости (соотв. греч. Афине). *Церера* — в рим. миф. богиня земли и плодородия, покровительница полевых злаков (соотв. греч. Деметре). *Дева с колчаном* — Диана, богиня лесов и охоты. *Феб* — то же, что Аполлон, его атрибуты лук и лира. *Марс* — бог войны в рим. миф. *Геликон* — гора в Др. Греции, где обитали музы.

2. «Что б это значило? Всё как будто жестка мне постеля...» (С. 139). Перевод элегии II первой книги «Amores» Овидия. Впервые: *Сб1863*. С некоторыми изменениями — *ВО1*. Автограф в *ТемРГБ*, где в ст. 6 «Иль незаметно» вписано вм. зачеркн.: «Или лукаво»; в ст. 12 «нетревожим» вписано вм. зачеркн.: «нерастроган»; в ст. 13 над строкой вписан неучтен. вариант к «ударов» — «побои»; в ст. 17 над строкой вписан вариант «душой <непокорных>», учтенный в *ВО1*; в ст. 22 над строкой вписан вариант к «тебе»: «для тебя»; в ст. 26 «запряженных птиц» исправлено на: «запряжкой птиц», внесено в окончат. вариант *ВО1*; в ст. 28 «их для тебя» вписано над строкой вм. зачеркн.: «это тебе да»; в ст. 35 после «пойдут» было зачеркн.: «за тобой»; в ст. 36 др. порядок слов: «Вечно готова стоять эта толпа за тебя»; в ст. 39 иной синтаксис, внесенный в текст *ВО1* и в наст. издание; ст. 44 исправлен: «И мимоходом людей многих поранишь тогда», учтен в *ВО1*. Внизу листа вписано после текста: «вулкан». Возможно, правка вносилаcь дважды: для *Сб1863* и *ВО1*. Датируется приблизительно 1854—62 гг.

Амур — см. предыдущ. комм. *У матери взявши голубок* — колесница Венеры была запряжена голубьями. *Вотчим* — очевидно, Марс,

возлюбленный Венеры. *Шествие их для тебя* — в триумфе за колесницей победителя вели пленных. *Цезарь, родственник твой* — по-видимому, Октавиан Август, который, принадлежа к роду Юлиев, вел свой род от Энея и Венеры. Им мог быть и Гай Юлий Цезарь.

5. «Солнце палило, и только полуденный час миновало...» (С. 140). Перевод элегии V первой книги «Amores» Овидия. Впервые: *Сб1863*, с купюрой двух предпоследних ст., восстановленных в *ВО1*, где элегия опубликована с изменениями. Автограф в *ТемРГБ*, где в ст. 3 после «часть» было начато и зачеркн.: «пр<иоткрыта>»; в ст. 5 над «также» вписано «так-то», внесено в *ВО1*; ст.7 был: «Должно такой полусвет готовить застенчивой деве», над строкой вписано «для» и цифры, меняющие порядок слов, под строкой вписан неучтен. вариант: «Деве стыдливой», отдельно весь ст. 7 выписан в окончат. ред. в конце текста карандашом; ст. 11 был: «В опочивальню так шла известная Семирамида», затем внизу листа записаны варианты: «Семирамида так славная в брачный чертог проходила» и «Семирамида роскошная в брачный чертог так входила»; в ст. 13 «прозрачная мало мешала» вписано вм. зачеркн.: «в прозрачной немного потехи»; после ст. 23 было:

Тело нагое к себе много я раз прижимал.
Кто не знает конца? Усталые мы отдыхали.

Эти два ст. были, очевидно, изъяты цензурой. Восстановлены в *ВО1*. Датруется приблизительно 1854—62 гг.

Семирамида — знаменитая ассирийская царица IX в. до н. э., славившаяся своей красотой. *Лауса* — имя гетеры.

III. КАТУЛЛ

«Давай любить и жить, о Лезбия, со мной!...» (С. 141). Ранняя редакция — см. т. 1, с. 139 наст. изд. Катулл Гай Валерий (ок. 97 — ок. 54 до н. э.) — рим. поэт.

IV. С КИТАЙСКОГО

Тень («Башня лежит...») (С. 142). Перевод ст-ния китайского поэта XII в. Су Ши «Тень от цветов», выполненный, вероятно, с немецкого языка (см.: *Эйдлин Л. З.* Перевод иероглифической поэзии // Актуальные проблемы теории художественного перевода. М., 1967. Т. 2. С. 225). Немецкий источник не установлен. Впервые: *ОЗ*. 1856. № 6. С. 380. Автограф в *Т. 1*, где в ст. 4 вместо «Ничем не сметешь» было: «Никак не сметёшь»; рядом со ст. 6 «Не успеет угнать» вписаны карандашом неучтенные варианты: «собрать», «поднять»; в ст. 8 вместо «Положила опять» было: «Проложила опять».

V. ГАФИЗ

22 июля (3 авг.) 1859 г. И. С. Тургенев, очевидно, в ответ на просьбу, содержащуюся в не дошедшем до нас письме, написал Фету из Бельфонтена (Франция): «Привезу Вам Даумера непременно» (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 329). А. В. Дружинину Фет сообщил, что Тургенев привез ему из-за границы Гафиза «по его просьбе» (*Письма к Дружинину*. С. 340). Речь шла о книге стихотворений немецкого поэта и философа Г.-Ф. Даумера (1800—1875), вышедшей в 1856 г. в Гамбурге: *Hafis. Eine Sammlung persischer Gedichte. Nebst poetischen Zugaben aus verschiedenen Völkern und Ländern*. Von G. Fr. Daumer». Представлены стихотворения были автором как перевод произведений великого персидского поэта XIV в., уроженца Шираза Хафиза (Гафиза), настоящее имя которого было Шамседдин Мохаммед.

Прозвище свое («хранящий в памяти») Гафиз (ок. 1325—1389 или 1390) получил за блестящее знание Корана, который читался публично наизусть. Однако газели Гафиза вобрали в себя не только мистические тенденции так называемой суфийской поэзии, разработавшей сложную систему символической образности, но и не укладывающиеся в рамки суфизма темы. Исследователи творчества Гафиза затруднялись отнести его к какому-либо определенному течению. Воспевание любовных страстей, тоска от тщеты мира и царящего в нем невежества, прославление вина и пьяных оргий, обличение духовенства соседствуют в газелях Гафиза с воспеванием аскетики и отрешенности от мира.

Поэтическое наследие Гафиза было собрано после его смерти ширазским литератором Мухаммедом Гуландамом, опубликовавшим «Диван» (в перс. «книга», сборник стихотворений одного поэта) Гафиза с его краткой биографией. В дальнейшем предпринимались различные издания, нередко искажавшие поэтические тексты. Один из немецких переводов Гафиза, сделанный Йозефом Хаммером (1774—1856), послужил основой «Западно-восточного дивана» Гёте, которому Гафиз обязан своей славой в западноевропейских литературах. Влиянию Гёте следует, по-видимому, приписать интерес, возникший к Гафизу у Фета.

Мы не знаем, точно ли Фет не догадывался, что стихотворения, опубликованные Даумером как переводы из Гафиза, в действительности не принадлежали персидскому поэту, но, по-видимому, если это и было его заблуждением, то это заблуждение разделяли многие другие, в том числе такие сведущие люди, как И. С. Тургенев и А. В. Дружинин. Тургенев узнал о мистификации лишь в 1868 г. (см. запись в дневнике Ф. Н. Тургеневой от 26 марта 1868//Литературное наследство. И. С. Тургенев. Новые материалы и исследования. М., 1967. Т. 16. С. 373). Важно и то, что Даумер был «высокоценимым в середине века немецким поэтом». Об этом, в частности, «свидетельствуют постоянные обращения к Даумеру И. Брамса» (*Михайлов А. В. «Диван»*

в русских переводах // *Гёте И. В. Западно-восточный диван*. М., 1988. С. 700—701). Книга Даумера, несомненно, испытавшего влияние «восточной» лирики Гёте, вышла первым изданием в 1846 г., вторым в 1856 г., в год смерти Хаммера. Находясь в 1856 г. за границей, Фет мог слышать о новом переводе «из Гафиза» или даже познакомиться с ним, однако желание перевести псевдо-Гафиза могло возникнуть у него позднее. Не исключено, что именно Тургенев еще во Франции, где они с Фетом не раз виделись, посоветовал ему заняться этими переводами. Как бы то ни было, получив книгу, Фет немедленно приступил к работе, посылая сделанное, по обыкновению, своему литературному «цензору».

«...Я в настоящее время *Гафиз*, — писал Фет Дружинину 4 окт. 1859, — г. е. читаю и перевожу эту прелестную розу Ирана. Сколько силы, мудрости, нежности. Какая прелесть газелей. <...> С Тургеневым я пересмотрю эти переводы и тогда свяжу букет от 20 до 30 стихотворений и напишу небольшое предисловие к этим стихам. Если это не понравится публике, то пусть она Розенгеймствует и Некрасовствует на здоровье» (*Письма к Дружинину*. С. 340). Гафиз не понравился Дружинину, который десять из переданных ему переводов признал «превосходными», а остальные «ерундой самой бессмысленной» (*Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 294). Не менее суров был и отзыв Толстого, который просил И. П. Борисова передать Фету: «его гафизство мне не нравится по сообщенным мне образчикам — всеобщей большой мысли нет, а цвета персидской — или там какой поэзии за двумя переводами не слышать» (*Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.*: В 90 т. Т. 60. С. 319).

Тургенева же первые присланные переводы удовлетворили вполне. Уже 9 (21) окт. 1859 г. он пишет Фету: «А кстати я Вам подарил Гафиза. Добрый гений мне это подшелпнул. Переводы Ваши хороши <...> сколько я мог заметить — в тон Гафиза Вы попали. Продолжайте, не спеша, и может выйти прелестная книжечка» (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 349). Как обычно, Тургенев сделал конкретные стилистические замечания, большую часть которых Фет учел при публикации (см. далее). «До пересмотра с Тургеневым Гафиза, не буду его нигде печатать, хотя он и будет неминуемо в печати. <...> Гафиз будет напечатан только с одобрения Тургенева», — писал Фет Дружинину (*Письма к Дружинину*. С. 342).

29 окт. 1859 г. Фет читал 4 перевода из Гафиза в Обществе любителей российской словесности при Московском университете (Словарь ОЛРС. М., 1911. С. 295).

Несмотря на все старания Фета, цикл переводов «из Гафиза», за которые переводчик просил у редактора *БЧ* 300 руб., в этом журнале не появился, хотя к 5 декабря Дружинину было передано 24 стиха. А 28, 29 нояб. (10, 11 дек.) 1859 Тургенев писал Фету: «...вчера происходило чтение Вашего перевода из Гафиза — перед Дружининым и Анненковым. Вот результат этого чтения. 35 стихотворений разделяются на три разряда: *первый* — безукоризненные; *второй* —

стихотворения, в которых потребны поправки; *третий* — стихотворения отвергаемые» (*Тургенев. Письма. Т. 3. С. 374*). Подвергся критике и выбор ст-ний («Вы, налегая на эротические стихотворения, пропустили много хороших»). В результате вместо 35 ст-ний Фету предлагалось опубликовать лишь 13 (позднее и того меньше), 9 переделать, а 13 не публиковать вовсе.

В ответ на это письмо Фет не без обиды заметил Дружинину: «Публику надо учить, а не у нее учиться», не приняв некоторые предложенные Тургеневым и «ареопагом» поправки (см. ниже), хотя большинство из них он учел и тут же послал в редакцию *БЧ*. «При всем уважении к чутью и вкусу Вашему, Тургенева и Анненкова, — писал Фет Дружинину 5 дек. 1859 г., — я не могу не оставаться самим собой и не могу против своего убеждения выбрасывать то, что считаю красотами» (*Письма к Дружинину. С. 346*). Что касается выбора ст-ний, в котором упрекнул его Тургенев, Фет объяснил его так: «Философских стихотворений я обегал, потому что их никакая цензура не пропустит» (Там же. С. 345). И все же некоторые переводы, в результате жесткой критики Тургенева, так и не были напечатаны. Многие замечания были связаны с тем, что Тургенев называл «ненужной покорностью и робостью перед оригиналом», свойственными Фету.

Фет перевел Гафиза довольно быстро (примерно за три месяца), хотя это потребовало от него больших творческих усилий. В февр. книжке *РСл* за 1860 г., очевидно, при содействии Ап. Григорьева, очень дорожившего сотрудничеством Фета, появилось 24 стихотворения со сквозной нумерацией (еще два, очевидно, выброшенные цензурой, были заменены точками). При подготовке *Сб1863* Фет проставил другую нумерацию 27-ми переводов, прибавив три ст-ния, вновь переведенных или взятых из прежних (посланные «ареопагу» 35 ст-ний имели свою нумерацию). Еще 7 ст-ний остались неопубликованными (см. раздел «Приложения»), из них одно («Взгляни! Ты, дышащий хулой...») содержится в письме к Толстому (*Толстой. Переписка. Т. 1. С. 335*) и никогда не публиковалось в собраниях стихотворений Фета.

Некоторые переводы Фета «из Гафиза» до нас не дошли. Об одном из них свидетельствует письмо Тургенева от 7—25 дек. 1859 г., где суровый редактор Фета колоритно описывает впечатление, произведенное переводом ст-ния «Das Aethermeer, das nächtige...» на «ареопаг» (оно в первой нумерации 35 переводов имело номер VI): «Это стихотворение решительно погибло: от первой версии — на *анцу* с судорожным хохотом валялись Дружинин и Анненков на диване — от версии на *ину* — пришлось бы им заплакать. Это просто ужасно: Поэт бюльбенъ тоски *своей причину*. И тут же цветок — *сиротина!* Поэт — и Вы решаетесь на такое варварство!» (*Тургенев. Письма. Т. 3. С. 393*). Сохранившиеся письма Тургенева к Фету, содержащие редакторскую правку переводов «из Гафиза», позволяют не только частично воссоздать ранние редакции некоторых стихов, но и восстановить ход работы Фета над переводами. Сопоставление писем Тургенева между собой и отсутствие в них правки ст-ний «Десять языков

лилея...», «Книгу мудрую берешь ты...» и размещение их в первой половине «цикла», позволяет предположить, что они были целиком одобрены Тургеневым, Дружининым и Анненковым. Не вызвали, по-видимому, замечаний и четверостишия «Ах, как сладко, сладко дышит...» и «Гиацинт своих кудрей...».

Фет учел большую часть поправок, предложенных Тургеневым. Кроме того, он изменил расположение переводов в соответствии со вкусом своего редактора. Те переводы, которые показались Тургеневу лучше других, были вынесены в начало цикла (например, ст-ние «Я был пустынною страной...» переместилось с 15-го места на 5-е), менее удачные — перемещены после них. Фактически под влиянием Тургенева родился новый цикл, или «венок» Гафизу, сплетенный не только переводчиком, но и его редактором. В целом редактор Фета был доволен публикацией, сожалея лишь о том, что «из Гафиза выкинули едва ли не лучшее стихотворение». «Цензурные дела здесь нехороши: ветер опять задул с севера», — с горечью писал Тургенев Фету 15 (27) февр. 1860 г. (*Тургенев. Письма*. Т. 4. С. 37). Скорее всего, речь шла о ст-нии «Не будь, о богослов, так строг!..», к-рое было переведено по совету Тургенева (см. комментарий). А в одном из последующих писем (от 22, 29 февр. (5, 12 марта) 1860), получив новые переводы, к-рые были сделаны после публикации в *РСл*, он писал: «Переводы Ваши из Гафиза — на сей раз очень хороши» (*Тургенев. Письма*. Т. 4. С. 44).

Позднее, прочитав переводы из Гафиза, сделанные М. В. Праховым (*РВ*. 1874. № 1; отд. изд.: *Персидские песни: мотивы Гафиза*. М., 1874), Фет писал С. В. Энгельгардт: «Недавно какой-то барин, по поводу своих переводов из Гафиза, превознес меня в стихах (в “Русск. Вестн.”) незаслуженными похвалами. Спасибо ему за переводы из Гафиза. Необходимо публике показывать таких людей. Но нельзя не сказать, что только злой гений мог натолкнуть переводчика на пьесы, уже переведенные мной. Ведь не все же люди слепорожденные» (письмо от 2 марта 1874 // *СтПрП*. С. 382).

В комментариях к отдельным переводам использованы без ссылок наблюдения Б. Я. Бухштаба (*ПССМ1937*; *ПССМ1959*) и А. И. Батюто, комментатора и публикатора писем Тургенева к Фету (*Тургенев. Письма*. Т. 3).

Гафиз <Предисловие>. (С. 143). Впервые: *РСл*. 1860. № 2. С. 25—26. Автограф в *Т 1*.

I. «Звезда полуночи дугой золотою скатилась...» (С. 144). Перевод ст-ния «Es ist ein Stern vom erhabenen Himmel gefallen...». Впервые: *РСл*. 1860. № 2. С. 27. Автографы в *Т 1* и в письме к Дружинину от 4 окт. 1859 (*РГАЛИ*). В *Т 1* сохранилась ранняя редакция ст-ния: ст. 4: «И этой веселой живой пестротой пленилась»; ст. 6: «И этих серебряных звуков игрою пленилась»; в ст. 9 вместо «кровями хижин» было сначала: «кровлями», зачеркнуто и вписано сверху: «сенями», 3-м зачеркнуто и вписан окончат. вариант. В *Сб1863* напечатано

без деления на строфы, как в *T 1*, в отличие от автографа в письме к Дружинину и публ. в *РСл.* Восстанавливается деление на строфы.

Этот перевод Тургенев включил в число 13-ти отобранных им, Дружининым и Анненковым как не требующими доработки (*Тургенев. Письма.* Т. 3. С. 374, 393).

II. «О! если бы озером был я ночным...» (С. 145). Перевод ст-ния «O wär' ich ein See, so spiegelhell...». Впервые: *РСл.* 1860. № 2. С. 27. Автограф в *T 1*. Восстанавливается деление на строфы, отсутствующее в *Сб1863*.

В оригинале это ст-ние не имеет четкой газельной формы, как у Фета, а разбито на две строфы. Стремясь сохранить благозвучие и максимально передать особенности поэтической формы газели, уже в первых строках Фет несколько отходит от образности подлинника: у Даумера в «зеркально чистое» (spiegelhell) (ср.: «ночное» у Фета) озеро смотрится «солнце», а не «луна», над луговым ключом склоняется «цветок» («die Blume»), а не «былинка».

Этот перевод Тургенев включил в число 13-ти отобранных им, Дружининым и Анненковым как не требующими доработки (*Тургенев. Письма.* Т. 3. С. 374, 393).

III. «Мы, Шемседдин со чадами своими...» (С. 145). Перевод ст-ния «Wir, Vater Schemseddin und seine Kinder...». Впервые: *РСл.* 1860. № 2. С. 27. Автограф в письме к Дружинину от 3 дек. 1859 (*РГАЛИ*).

Шемседдин — Шамседдин Мохаммед — настоящее имя поэта, писавшего под псевдонимом Гафиз (Хафиз).

IV. «Если вдруг, без видимых причин...» (С. 146). Перевод ст-ния «Sollte mich in plötzlichem Ruin...». Впервые: *РСл.* 1860. № 2. С. 28, с делением на строфы. В не дошедшей перв. редакции ст-ния, посланного Фетом Тургеневу, в ст. 6, очевидно, было: «Не люблю я ваших медицин» (ср. у Даумера: «Denn ich hasse diese Medicin»), на что Тургенев отозвался: «Ваших медицин — германизм» (*Тургенев. Письма.* Т. 3. С. 370). Замечание было учтено Фетом, однако новая редакция («Ненавижу этих чертовщин») снова не удовлетворила Тургенева, указавшего, что это «не по-русски»: «“Ненавидеть” — требует винительного. Вы после этого скажете — я ненавижу этой женщины. И “балдахин” не стоил восклицания: нашел!» (Там же. С. 393). Последнее замечание Фет во внимание принял, однако «чертовщин» так и осталось в переводе. Восстанавливается деление на строфы, отсутствующее в *Сб1863*.

V. «Я был пустынною страной...» (С. 146). Перевод ст-ния «Zur Wüste grimmig ausgebrannt...». Впервые: *РСл.* 1860. № 2. С. 29.

Первоначальный, несохранившийся вариант перевода этого «превосходного стихотворения» показался Тургеневу слабым и нуждающимся в доработке. Особенным нареканием подверглись ст. 5—7, где, по его замечанию, было «очень нехорошо: там я кружился — до я до лазури шел. Это превосходное стихотворение вообще передано слабо» (*Тургенев. Письма.* Т. 3. С. 374. Тургенев называет его под номером

XVI, а в следующем письме под номером XV). Упомянутые стихи, возможно, читались след. обр.:

Там я кружился и пылил, <...>
И, ветром уносимый,
Я до лазури шел.

Ср. у Даумера:

Da stäubet' ich, da wirbelt' ich,
Ein aufgewühlter Wüstensand,
Hoch in die Luft getragen
Vom Winde, zum Azur

(дословно: «Там пылил я, там кружил я, / Вздуродраженный песок пустыни, / Уносимый высоко в небо / Ветром, к лазури»). По-видимому, Фет прислал своему редактору новый вариант перевода, однако внесенными исправлениями Тургенев остался недоволен, о чем он сообщал 7—25 дек. 1859 г.: «Это величественное стихотворение у Вас вышло с вывихнутыми ногами. Конец вял и слаб (Последние три стиха). Совсем не то и не так у Даумера. У него мечется в глаза, что этот именно сухой песок превратился в плодоносную землю, — чего у Вас нет — и без чего весь образ пропадает» (Там же. С. 393). Заключит. три ст. в оригинале синтаксически связаны со ст.8. Этого нарастания (от ст. 8 к ст. 14, усиливающего эффект от превращения из Wüste в fröhliches, frisch aufgeblühtes Land) у Фета нет, на что, возможно, и указывал Тургенев. Ср. ст. 8—14 у Даумера:

Gott sei gelobt! Er hat mir
Die mörderische Gluth gedämpft,
Mir einen Regen herab gesandt,
Mich mild zurückgeschlagen
Zu meinem alten Ruhestand,
Hat mich gemacht zu fröhlichem,
Frisch aufgeblühtem Land.

(«Хвала Господу! Он во мне / Затухил опустошительное пламя, / Ниспослал на меня дождь, / Вернул меня милосердно к прежнему покою, / Превратил меня в веселую, / Вновь расцветшую землю»). Возможно, что доработанный вариант был еще раз показан Тургеневу и одобрен им, так как ст-ние переместилось с 15-го (или 16?) места (в нумерации ст-ний, представленных «ареопагу») на 5-е. В окончат. редакции Фет переставил местами ст. 4 и 5.

VI. «O! как подобен я — смотри!..» (С. 146). Перевод ст-ния «Ich bin ein armes Lämpchen nur...». Впервые: *РСл.* 1860. № 2. С. 29.

Этот перевод Тургенев включил в число 13-ти отобранных им, Дружининым и Анненковым как не требующими доработки (*Тургенев. Письма.* Т. 3. С. 374, 393).

VII. «Дано тебе и мне...» (С. 147). Перевод ст-ния «Wir zieren, ich und du...». Впервые: *РСл.* 1860. № 2. С. 29.

Этот перевод Тургенев включил в число 13-ти отобранных им, Дружининым и Анненковым как не требующими доработки (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 374, 393).

VIII. «Десять языков лилеи...» (С. 147). Перевод ст-ния «Lilie hat der Zungen zehne...». Впервые: *РСл*. 1860. № 2. С. 30.

Пример того, как Фет, «уточняя» Даумера, воспроизводит характерн. черту поэтики Гафиза, в которой любовь. тема с наибольш. полнотой разворачивается на основе распространенного в персидской поэзии диалога птицы и цветка. В отлич. от Даумера, подчеркивающего говорливость лилии, к-рую может заставить умолкнуть только песнь соловья, Фет акцентирует ее жажду услышать соловьиный голос (ср. Doch es schlägt die Nachtigall,/Und da schweigt sie vor Entzücken/Und zum Dufte wird ihr Schall. — Но запоет соловей./И она замолкает в восхищении./И нежным запахом становится ее голос) (наблюдение К. И. Шарафудиной).

IX. «Ветер нежный, окрыленный...» (С. 147). Перевод ст-ния «Holder Ost, beschwingter Vöte...». Впервые: *РСл*. 1860. № 2. С. 30, с делением на строфы, которое восстанавливается в наст. изд.

Высоко оценивая этот перевод, Тургенев писал: «Надо, чтобы сладость благоухания разлилась кругом Вашего перевода <из Гафиза> <...> один мерзлый стих, один неуклюжий или бессильный поворот — и всё пропало!» (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 375). Правда, включив этот перевод в число 13-ти, не требующих доработки, он неточно процитировал первую строку: «Ветер *легкий*, окрыленный...».

X. «Падет ли взор твой гордый...» (С. 148). Перевод ст-ния «Wenn auf ein Haupt im Staube...». Впервые: *РСл*. 1860. № 2. С. 30.

Этот перевод Тургенев включил в число 13-ти отобранных им, Дружининым и Анненковым как не требующими доработки (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 374, 393).

XI. «Книгу мудрую берешь ты...» (С. 148). Перевод ст-ния «Still zu deinem Buche greifst du...». Впервые: *РСл*. 1860. № 2. С. 31.

XII. «Ты в мозгу моем убогом...» (С. 149). Перевод ст-ния «Nicht in meinem armen Hirne...». Впервые: *РСл*. 1860. № 2. С. 32.

Этот перевод Тургенев включил в число 13-ти отобранных им, Дружининым и Анненковым как не требующими доработки (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 374, 393).

XIII. «Пусть, насколько хватит сил...» (С. 149). Перевод ст-ния «Immerhin, so viel sie mag...». Впервые: *РСл*. 1860. № 2. С. 32.

Ст. 11—12 были переделаны по указанию Тургенева, писавшего: «...неизящно очень: Этих сладких вод... солнце вскипятя» (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 374). Ср. у Даумера:

Seine hohe Sonne kocht
In der heißen Zeit.

(«Сварит высокое солнце / В жаркое время»).

XIV. «В царство розы и вина приди...» (С. 150). Перевод ст-ния «Zu der Rose, zu dem Weine komm!...». Впервые: *РСл*. 1860. № 2. С. 33.

Автограф в письме к Л. Н. Толстому от 1 нояб. 1859 (*Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 334. Подлинник в ГМТ), где содержится ранняя редакция ст. 9—10:

Чтоб не скоро от меня костей
Лишь зола была видна — приди.

На эти ст. обратил внимание Фета Тургенев (он, правда, приводит их с разночтением в ст. 9: «моих» вместо «меня»), назвав их темными (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 374). Ср. у Даумера:

Bald, o bald, daß nicht in Asche jach
Falle mein verkohlt Gebeine, komm!

(«Скорей, о, скорей, чтобы в прах мгновенно / Не рассыпались мои кости, приди!»). Фет переделал эти два стиха.

XV. «Веселись, — о, сердце-птичка!...» (С. 151). Перевод стиха «Freue dich, o Seelenvogel...». Впервые: *РСл.* 1860. № 2. С. 34.

Как следует из письма Тургенева от 28, 29 нояб. (10, 11 дек.) 1859, в ст. 4 первоначально вместо окончательного «Водарившись над долиной» было: «Властелинка над долиной» (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 374). Тургенев просил исправить это слово, что было сделано Фетом. После доработки Тургенев был снова недоволен этим переводом. 7—25 дек. 1859 он писал о неудачном ст. «Роза нежная — причиной» («из серобумажных песенников»). Речь вновь шла о ст. 4. Ср. ст. 3—4 у Даумера:

Daß du in der Rose zarte,
Liebe, süße Haft gefallen!

(«Что ты в розы нежной / Любовный, сладкий плен попало»). Очевидно, не найдя подходящего слова на -иной, Фет вынужден был отступить от оригинала. Существенное изменение внес переводчик в ст. 7—8. Ср. у Даумера:

Nicht ergriffen wirst du werden
Mörderisch von Räuberkrallen.

(«Не схватят тебя / Смертельно разбойничьи когти»).

XVI. «Предав себя судьбам на произвол...» (С. 151). Перевод стиха «Die fromme Taub' in meinem Herzen hie...». Впервые: *РСл.* 1860. № 2. С. 34. Автограф в письме к Л. Н. Толстому от 1 нояб. 1859 (*Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 334).

В письме к Фету Тургенев упоминает его под № IV, «где нужно переменить: *дышать взлетает радостно юна*» (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 374), однако промежуточный вариант Тургенева также не удовлетворил. В письме от 7—25 дек. 1859 Тургенев предложил вернуться к первому варианту (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 393), что Фет и сделал.

У Даумера заключит. ст.: «Zu den Genüssen eines Ätherglückes» («К наслаждениям небесного счастья»).

XVII. «Грозные тени ночей...» (С. 152). Перевод ст-ния «Finstere Schatten der Nacht...». Впервые: *РСл.* 1860. № 2. С. 34.

13 (25) нояб. 1859 Тургенев указывал, что заключит. ст. «заимствован у Кострова» (*Тургенев. Письма.* Т. 3. С. 370), но Фет не учел это замечание. Позднее Тургенев включил этот перевод в число 13-ти отобранных им, Дружининым и Анненковым как не требующими доработки (*Тургенев. Письма.* Т. 3. С. 374, 393).

XVIII. «Ах, как сладко, сладко дышит...» (С. 152). Перевод ст-ния «Ach, wie süß, wie süß sie duftet...». Впервые: *РСл.* 1860. № 2. С. 35.

XIX. «В доброй вести, нежный друг, не откажи...» (С. 152). Перевод ст-ния «Eine tröstlich holde Kunde weigre nicht!..». Впервые: *РСл.* 1860. № 2. С. 35.

Откликаясь на присланную первую часть переводов, Тургенев 9 (21) окт. 1859 писал Фету: «“Леденцы” румяных уст — очень нехорошо. “До кофе” — безобразно. <...> Удивительное дело, как Вы, поэт, и с чутьем — способны иногда на такое безвкушие. Мерз Вас поедом поедает. “В том, с чем можно позабыть еще одним” — стих, лишенный смысла. Этак нельзя отрывать слова <...>. Не забудьте, что: одним — есть также дательный падеж множ. числа». (*Тургенев. Письма.* Т. 3. С. 349). Имелись в виду ст. 5, 7—8 и 13. Ст. 5—6 у Даумера:

Deiner Lippe Kandel, daß von jeglicher
Thräne mir das Aug' gesunde, weigre nicht!

(«В леденцах твоих губ, что от каждой / Слезинки излечат мои глаза — не откажи!»). Ст. 7—8 у Даумера:

Der da bis zum Kafe deine Schöne preis't,
Seine Kost dem Liedermunde weigre nicht!

(«Тому, кто до кофе восхваляет твою красоту, / В пище тому, кто воспевает, не откажи!»). Откликаясь на замечания, Фет писал Дружинину: «По крайнему разумению, я сделал поправки, где счел их нужными, и оставил [леденцы] *карамели* и *кофе*, не видя никакой причины их изгонять. Публику надо учить, а не у нее учиться» (*Письма к Дружинину.* С. 345). В ответн. письме Тургенев еще раз настаивал на том, чтобы «выкурить» «карамели» (появившиеся, очевидно, в промежуточной редакции) и «кофе» (*Тургенев. Письма.* Т. 3. С. 374). Позднее Фет вернулся к первоначальному варианту: «леденцы румяных уст», но убрал «До кофе» в ст. 7, а также исправил ст. 13—14, где в ст. 13 было: «В том, с чем можно позабыть еще одним...». Ср. у Даумера:

Was zu voll gehaltiger Äonen Werth
Stempelt eine Lustsekunde, weigre nicht!

(«В том, что придает улады миг / Цене всеобъемлющей вечности, не откажи!»).

XX. «Ежели осень наносит...» (С. 153). Перевод ст-ния «Ob feindselig Winde...». Впервые: *РСл.* 1860. № 2. С. 35.

9 (21) окт. 1859 Тургенев писал: «Перевод второй песни хорош безукоризненно — хотя: «*улыбнуться* — Вешние грозы» — мне кажется несколько натянутым» (Тургенев. Письма. Т. 3. С. 349). Замечание было учтено Фетом в *РСл* и *Сб1863*. Этот перевод Тургенев включил в число 13-ти отобранных им, Дружининим и Анненковым как не требующими доработки (Там же. С. 374, 393).

Если Юсуф одинокий / Плачет, отторжен от родины — имеется в виду библейская легенда об Иосифе Прекрасном, проданном братьями в рабство в Египет.

XXI. «Гиацинт своих кудрей...» (С. 153). Перевод ст-ния «Ihre Locke kräuselte...». Впервые: *РСл*. 1860. № 2. С. 36. Автограф в письме к Л. Н. Толстому от 1 нояб. 1859.

XXII. «Твой вечно, неизменно...» (С. 154). Перевод ст-ния «Dein ohne Wank und Wandel...». Впервые: *РСл*. 1860. № 2. С. 36.

Этот перевод Тургенев включил в число 13-ти отобранных им, Дружининим и Анненковым как не требующими доработки (Тургенев. Письма. Т. 3. С. 374, 393).

XXIII. «О помыслах Гафиза...» (С. 154). Перевод ст-ния «Wopach Hafis verlangt...». Впервые: *РСл*. 1860. № 2. С. 37. Черн. автограф карандашом и чернилами (ОР РГБ. Ф. 315. К. 1. Ед. хр. 8. Л. 2). На обложке: [Из Гафиза] Наброски неск. стих-й [1859] и запись рукой Бухштаба: «Установлено Бухштабом Б. Я.». Автограф на об. печатной повестки ОЛРС 1859 г., которая гласит: «Гг. члены ОЛРС, учрежденного при МНП Московского университета сим приглашаются к <далее слово вписано от руки> экстренному заседанию, имеющему быть сего 28-го ноября в 6¹/₂ часов вечера». Внизу адрес рукой Фета Алекс. Яковл. Вазар: «В доброй Слободке у Красных Ворот. В доме Бошкарева». Датируется на основании даты повестки ноябрем 1859 г. Ранн. вариант ст. 5—8:

И не одним прощеньем
Всемилосердный благ, но и молчаньем.
Ни ангелам, ни людям
Он обо всем словечка не роняет.

У Даумера ст-ние разбито на две строфы.

XXIV. «Сошло дыханье свыше...» (С. 154). Перевод ст-ния «Es kam ein Hauch von oben...». Впервые: *РСл*. 1860. № 2. С. 37. У Даумера ст-ние разбито на две строфы.

Этот перевод Тургенев включил в число 13-ти отобранных им, Дружининим и Анненковым как не требующими доработки (Тургенев. Письма. Т. 3. С. 374, 393).

XXV. «Уж если всё от века решено...» (С. 154). Перевод ст-ния «Wenn Alles, Alles ewig vorbedacht...». Впервые: *Сб1863*. Ч. 2. С. 222—223. Беловой автограф в *ТемпРГБ*. У Даумера ст-ние разбито на две строфы.

XXVI. «Не будь, о богослов, так строг!...» (С. 155). Перевод ст-ния «Nicht düstre, Theosoph, so tief!...». Впервые: *Сб1863*. Ч. 2. С. 223—

224, без 3-й строфы, изъятой по цензурн. соображениям и восстановленной, как и сноски к ней, в наст. томе в ломаных скобках. Автограф в *ТемпРГБ*, где в ст. 5 «израильских сынов» вписано вм. «Израиля детей»; после ст. 8 идет строфа, опущенная в *Сб1863*, напечатана впервые: *ПССм1959*. С. 620. Во втором ст. строфы над «Гавриил» вписано: «Мугамет». Внизу листа сделана сноска. В ст. 9 вместо «друг» было: «сесть»; в ст. 14 «потех» вписано вм. зачеркн. «утех»; в ст. 22 был иной порядок слов: «И ждет быть может нас успех».

Ст-ние было избрано для перевода по совету И. С. Тургенева, который писал 28, 29 нояб. (10, 11 дек.) 1859: «И потому предлагается Вам эти 13 стихотворений заменить хотя *шестью*, но выбранными из числа *философских* — как напр.: *Ich habe alles hinweggeworfen!* — или *Und dies ist doch fürwahr kein Fehl!*» (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 375). Под последним имеется в виду ст-ние «Не будь, о богослов, так строг!..», которое Тургенев называет по рефрену. В письме от 7—25 дек. 1859 Тургенев писал: «Прежде всего спешу сказать, что перевод <...> прелестен — за исключением темного стиха:

В газелях нежным нам успех, —

— который, я полагаю, весьма легко переменить» (Там же. С. 392). Последнее замечание касалось, очевидно, ст. 25—26, и Фет его учел, т. к. ни в рукописи, ни в печатном варианте такой строки нет. Ср. у Даумера:

Wir preisen unser süßes Herz
Vierzeilig oder im Gasel;

(«Мы славим наше нежное сердце / В четверостишиях или в газелях»). В переводе Фет пытался передать рифму *Gasel—Fehl*. У Даумера рифма на -el (-ehl) во втором и четвертом стихе каждой строфы. Фет, как правило сохраняющий рифму при переводе газелей, сохраняет ее и зд. (на -ex), за исключением пропущенной строфы.

Нас, как израильских сынов, / Пустынный истомил побег — отсылка к библейской легенде об исходе иудеев из египетского плена через пустыню. В строфе, не вошедшей в *Сб1863*, замена архангела Гавриила на Мугамета (Магомета) обусловлена тем, что Гавриил, сообщивший Магомету содержание Корана, считается у мусульман посредником между Аллахом и Магометом. В оригинале «*der Engel Gabriel*» («ангел Гавриил»).

XXVII. «Гафиз убит. А что его убило...» (С. 156). Перевод ст-ния «*Erschlagen ist Hafis. Wer ihn erschlagen...*». Впервые: *Сб1863*. Ч. 2. С. 224. Автограф в *ТемпРГБ*, где в ст. 8 и 11 незначительно изменен порядок слов. В первой строке у Даумера не «что его убило», а «кто его убил». Изменения внесены в ст. 7, где у Даумера просто «*Vernunft*», у Фета «рассудок строгий»; ст. 8 в оригинале «*Nichts hat sie hier zu schaffen und zu sagen*» («Нечего ему здесь делать и говорить»); ст. 11—12 у Даумера:

Barmherzigkeit — welch edle Tugendübung!
Was hast du hier zu zaudern und zu sagen?

(«Состраданье — какое благородное, доброе дело! / Что же ты здесь медлишь и робеешь?»).

Вот истинный скачок с 7-го этажа — отсылка к статье самого Фета «О стихотворениях Ф. Тютчева», где утверждалось: «Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик» (РСЛ. 1859. № 2. С. 75). Эта фраза была поставлена эпиграфом к статье Д. Л. Михайловского «Шекспир в переводе г. Фета» (Совр. 1859. № 6) и неоднократно обыгрывалась в тексте.

VI. ГЁТЕ

Творчество Гёте (1749—1832) было на протяжении всей жизни предметом постоянного притяжения для Фета. Он неоднократно обращался к переводам его произведений, многие из которых заслужили известность. Свообразное гётеанство Фета, роднившее его, между прочим, с Тургеневым, мнением которого он так дорожил, проявлялось по-разному и было обусловлено глубокой родственностью поэтических натур немецкого и русского поэтов, отмеченной уже современниками (Ап. Григорьевым, П. Кудрявцевым, А. Дружининым и др.). В то же время Фет глубоко осознавал, что «чем сильнее и самобытней поэт, тем трудней перенести его на чуждую почву» (письмо к С. В. Энгельгардт от 20 июня 1876 г. Сообщено Н. Г. Охотиным). Здесь же Фет признавался, что «в его портфеле» затерялось множество переводов из Гёте. Подтверждением тому служит помета в Т. 1 на л. 77 об., где содержится отсылка к более раннему варианту («было так:»), который вспомнился Фету после того, как перевод стиха «Самообольщение» был завершен (см. ниже). Несомненно, Фет много переводил из Гёте, однако далеко не все дошло до нас. По убедительному предположению Г. П. Блока, в конце 1840-го г. он работал над переводом трагедии Гёте «Ифигения», о чем сообщал И. И. Веденскому (Блок Г. Рождение поэта: Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам. Л., 1924. С. 64).

В рецензии на *Сб1850* Ап. Григорьев, близко знавший Фета и сам, благодаря ему, обратившийся к изучению творчества Гёте, писал: «Г. Фет — талант самобытный, образовавшийся только под влиянием классических образцов и преимущественно под влиянием Гёте» (ОЗ. 1850. Т. 68. № 2. С. 53). «Не Гейне, но Гёте преимущественно воспитал поэзию г. Фета; — писал Григорьев, — влиянию великого старого учителя обязан понятливый ученик и внутренним достоинством и замечательным успехом своих стихотворений и, наконец, самою изолированностью своего места в русской литературе. Достоинство или недостаток эта изолированность, во всяком случае она может быть уделом яркого и замечательного дарования и составляет прямой результат проникновения ученика духом учителя, как бы

исполнения его завета...» (Там же. С. 55). Он же отмечал близость антологических стихотворений Фета к опытам в этом роде Гёте (Там же. С. 69). Сам Фет признавался в *РГ*, что еще в университетские годы им овладел «хмель, сообщаемый произведениями мировых поэтов <...> и стал проситься на волю». «Гёте со своим римскими элегиями и *Германом и Доротеей* и вообще мастерскими произведениями под влиянием античной поэзии увлек меня до того, что я перевел первую песню *Германа и Доротеи*» (С. 209).

К полному переводу «*Фауста*» Фет приступил лишь в нач. 1880-х гг., но это не значит, что он не пытался сделать это ранее, однако неоднократные попытки в этом направлении не удовлетворяли поэта. Позднее, в мемуарах Фет вспоминал, что он, под влиянием Тургенева, брался не раз за перевод «*Фауста*», однако неудачно. Возможно, Тургенев, сам переведший *Сцену в темнице* (1844), думал о полн. переводе трагедии и предложил Фету попробовать свои силы на этом поприще.

Следами неоднократного обращения к переводу трагедии являются два фрагмента, которые были помещены в *Сб1863*. Вклад Фета в мировую гётеану завершился, как известно, полным переводом главного труда немецк. поэта-мыслителя, к-рый Гёте писал на протяжении всей жизни.

Дань Гёте Фет отдал уже в перв. поэтич. сборнике — *ЛП*. В дальнейшем к этим переводам постоянно прибавлялись новые. «Влияние Гёте на творчество молодого Фета, — писал В. М. Жирмунский, — было чрезвычайно значительно и констатируется единогласно всеми современниками. Оно обнаруживается главным образом в двух направлениях: с одной стороны, в антологическом жанре, с другой стороны — в интимной песенной лирике. <...> При сопоставлении с «Римскими элегиями» антологические стихотворения Фета обнаруживают не столько заимствование отдельных мотивов, сколько общее сходство тематики и эмоционального колорита <...>. Более детальный анализ мог бы обнаружить совпадения и в самой композиции элегий, в формах чередования описания и рассказа с лирическими раздумьями автора и обращениями к возлюбленной, наконец — в отдельных ритмико-синтаксических оборотах, бессознательно воспроизводящих структурные формы немецкого образца» (*Жирмунский В. М. Гёте в русской литературе*. Л., 1981. С. 344—345). Говоря о влиянии Гёте на интимную лирику Фета, ученый также отмечал, что речь идет не столько о совпадении мотивов, сколько о жанровом сходстве: «автор «Мелодий» переносит в русскую поэзию песенную лирику, созданную Гёте и его учениками, немецкими романтиками и молодым Гейне» (Там же. С. 346). Особенно важно указание на влияние музыкального строя, песенной структуры ст-ний Гёте на лирику Фета (Там же. С. 347).

В *Сб1863* вошла лишь незначительная часть переводов из Гёте, в том числе «*Посвящение к Фаусту*», опубликованное еще в *Сб1850*, с подзаголовком: «А. Г.—ву», т. е. Ап. Григорьеву, а также небольшой

фрагмент из первой части трагедии — один из монологов Поэта из «Пролога на театре». Кроме того, в подборку «Из Гёте» Фет включил переведенные сравнительно недавно три стиха и поэму «Герман и Доротея».

Находясь накануне Крымской войны в Ревеле, Фет возвращается к переводу большой поэмы «Герман и Доротея», которая была написана Гёте очень быстро (в неск. недель), в сент. 1796 — марте 1797 гг. Поэма отразила в эпической форме (даже сам размер, которым она написана, — гекзаметр, — указывал на гомеровский эпос) размышления поэта о Французской революции 1789—1794 гг. и вообще о превратностях истории, а также смену в его творческом сознании ценностных ориентиров — от неистового «Sturm und Drang» к так наз. веймарскому классицизму. Многие в поэме Гёте, не вполне понятой даже его современниками, в том числе и Ф. Шиллером, оказалось созвучным мало кому известному драгунскому офицеру, стоявшему в мирной Эстляндии и наблюдавшему вокруг себя размеренную, патриархальную жизнь сельских тружеников. Очевидно, напряженное ожидание англо-французского вторжения (манифест о войне с Турцией был объявлен еще 20 октября 1853 г.), завершившееся, как известно, севастопольским разгромом русской армии, побудило Фета вернуться к переводу одной из поэтичнейших идиллий, где нашли воплощение задушевные мечты Гёте о семейном счастье. Здесь воплотился идеал национального и духовного благополучия немецкого народа, с его приверженностью традиции и преданию, склонностью к порядку и разумному отношению к природе, его патриотизмом и готовностью отстоять свою землю от притязаний иноземцев (разумеется, прежде всего французов). Античная окраска идиллии Гёте должна была подчеркнуть право современности и судьбы каждого гражданина на внесение в анналы истории, самоценность окружающего мира с его, на первый взгляд, незначительными радостями и печальями.

В поэме Гёте, открыто ориентированной на античность, в то же время содержится скрытая полемика с идеей гомеровской «Илиады», главная героиня которой становится причиной кровавой войны и гибели Трои. Доротея у Гёте, напротив, хотя и поражает своей статью и красотой героя (ее описание в гл. V отчасти напоминает впечатление, произведенное на старцев Еленой), является причиной не раздора, но примирения. Ее любовь сулит утешение и уют домашнего крова, спасающего во время тяжелых испытаний. Если Гомер указывает на красоту, то Гёте прежде всего на воспитание и опрятность, домовитость и хозяйственность Доротеи, ее рассудительность, как бы противопоставляя ее безрассудности Елены, влюбившейся в Париса. Позднее, в «Фаусте», Гёте, возвращаясь к гомеровским временам, подчеркивает неприемлемость античного образца для нового времени — союз Фауста и Елены окажется эфемерным, а плод их любви — Эвфорион — обреченным на гибель.

Удрученный междоусобицами в Германии, Гёте понимал, что перед лицом общей опасности наполеоновского нашествия страна ока-

залась бессильной противостоять врагу, вот почему в поэме присутствует в иносказательной форме призыв к национальному единству, восстановлению добрых патриархальных нравов, отказу от ненужной роскоши. Идеал мирного земледельца, своими руками обрабатывающего свой, политый потом клочок земли, оказался близок Фету, который через неск. лет как будто попытается на практике реализовать сельскую идиллию Гёте (ср. в гл. V: «Покамест народ проживает тихонько / В счастье, питаюсь плодами земли, дары приносящей <...> Всё в то время само собою приходит...»).

На фоне осмысления итогов Французской революции с ее лозунгами «свободы, равенства, братства», в поэме Гёте является печальная картина бедствий скитальцев, поверивших в декларацию прав человека, в возможность «жить для себя», забывая об общих интересах. Критика Французской революции и ее последствий для Европы станет и для Фета (как и для Гёте в драмах «Великий Кофта», «Гражданин генерал» и др.) одним из принципиальных направлений в оценке совр. общественных движений как в Западной Европе, так и в России (ср. стих. «Под небом Франции, среди столицы света...», где, кстати, фигурирует и определение Парижа как «столицы света», как в «Германе и Доротеи»).

Но еще ближе по времени к окончат. переводу «Германа и Доротеи» оказываются личные мотивы, по которым он мог обратиться к завершению давно начатой работы. Стремление Фета создать семью и зажечь патриархальной жизнью через два с лишним года стало реальностью. Он сделал предложение Марии Петровне Боткиной, которая стала его верной подругой до конца дней, разделив с ним и радости и горести трудного пути.

Таким образом, обращение к переводу именно «Германа и Доротеи», осужденной революционно настроенной критикой в самой Германии и затем подхватившей эту традицию критикой русской, включает Фета в «спор о Гёте», окончание которого он намеревался дать полным переводом «Фауста».

II. Из Фауста («Так ты отдай те дни мне снова...») (С. 157). Перевод одного из монологов Поэта из «Пролога на театре» («So gib mir auch die Zeiten wieder...») I части «Фауста». Впервые в С61863. Со значит. изменениями в последней строфе вошло в изд.: Фауст. Трагедия Гёте. Часть первая. Перевод А. Фета. М.: Типогр. А. Гатлука, 1882. Автограф в Т 1. По положению в тетр. датируется 1857 г.

Делением на строфы и сглаживанием сложного размера Гёте Фет превратил этот отрывок из «Фауста» в самостоятельное лирическое стихотворение. При доработке его в 1880 г. он переделал в основном ст. 9—14, стремясь приблизиться к оригиналу, хотя это не везде ему удалось. Особенно отличаются от подлинника ст. 9—10. У Гёте: «Ich hatte nichts und doch genug: / Den Drang nach Wahrheit und die Lust am Trug», дословно: «Я не имел ничего и всего в достатке: / Стремления к правде и оболъщения обмана». Заостряя антитезу («бедняк/

богат» в первой редакции, «убог/богат» — во второй), Фет смягчил вторую ее часть, более важную у Гёте: порыв к правде, истине и одновременно обольщение миражами, свойственные молодости. Ст. 10 в ранней редакции более близок к оригиналу: «И предан правде и обману рад», чем во второй: «Алкая правды, так обману рад». Стремясь уйти от романтического штампа в ст. 11 («Порывам буйные дай крылья»), которого нет у Гёте («Gib ungebändigt jene Triebe», т. е. «Дай неукротимость тех порывов»), в поздн. редакции Фет предложил более «философский» вариант: «Дай тот порыв мне безусловный», снизив эмоциональный накал высказывания. Более удачным представляется ранний перевод ст. 12 «Тем горьким счастьем пресыти», чем сглаженный поздний: «Страданий сладостные дни» (ср. у Гёте: «Das tiefe, schmerzenvolle Glück» — «Глубокое, горькое счастье»). Неточность была устранена в ст. 13, где «die Macht der Liebe», первоначально переведенное, как «любви веселье», превратилось в «пыл любовный».

III. Самообольщение («Соседкин занавес в окне...») (С. 157). Перевод ст-ния «Selbstbetrug». Впервые: ОЗ. 1857. Т. 110. № 2. С. 708. Впервые: Сб1863. Автограф в Т 1, где 2-я строфа первоначально записана:

И точно ль ревности вражда
С сегодняшнего дня

Как должно — в сердце навсегда
Запала у меня.

Внизу записан окончат. вариант строфы, с пометой: «было так», что свидетельствует, очевидно, о том, что в процессе перевода Фет вспомнил ранний вариант, более близкий к оригиналу, и восстановил его. Заглавие вписано позднее, первоначально было: «Из Гёте». Датируется по положению в Т 1 1856—1857.

IV. На озере («И силу в грудь, и свежесть в кровь...») (С. 158). Перевод ст-ния «Auf dem See». Впервые: РСл. 1859. Кн. 1. С. 82—83. Автограф в Т 1, где ст. 1—2 первоначально были:

И жизнь, и молодую кровь
С дыханьем к сердцу лью,

затем Фет вычеркнул их и сверху вписал вариант ст. 2: «В дыханьи вольном пью». Окончат. вариант записан в нижней части листа. В ст. 6 вместо «Качает» было: «Колышет»; в ст. 13 вместо «На волнах» — «Но в ручьях». Название вписано позднее карандашом. Датируется по положению в Т 1 1856—1857 гг.

Первые четыре ст. (по-немецки) Фет поставил эпиграфом к циклу «Вечера и ночи» (ОЗ. 1842. № 5).

V. Новая любовь — новая жизнь («Сердце, сердце, что такое?...») (С. 159) Перевод ст-ния «Neue Liebe neues Leben». Впервые: Сб1863. Автограф в Т 1, где в ст. 8 «До чего уже» вписано вместо зачеркн.:

«Как до этого»; ст. 16 вписан вм. зачеркн.: «Ах! опять приводит к ней»; последние два ст. вписаны вм. зачеркн.:

Как ни странно, — не уйти!
О любви! пусти! пусти.

Датируется по положению в Т 1 1856—1857 гг.

VI. Герман и Доротея. <Поэма> (С. 160). Впервые: *Совр.* 1856. Т. 58. № 7. Отд. I. С. 5—56.

Первая песня была переведена, по свидетельству Фета, еще на университетской скамье (РГ. С. 209) и, очевидно, одобрена С. П. Шевыревым. Этот перевод в нач. 1840-х Фет с успехом читал в салоне Ф. Н. и А. П. Глинок (Там же. С. 212—213). Продолжил работу над переводом Фет гораздо позднее. 20 дек. 1842 Ап. Григорьев сообщил С. М. Соловьеву о том, что Фет «переводит несносную “Герман и Доротея”, которая только немцам может доставить наслаждение...» (*Григорьев А. Письма*. Изд. подготовили Р. Витакер, Б. Ф. Егоров. М., 1999 («Литературные памятники»). С. 6). В письме к Некрасову от 27 июля 1854 г. из Ревеля поэт просил высказать свое мнение о переводе и внести необходимые поправки (*Некрасов. Переписка*. Т. 1. С. 520). Ответ Некрасова неизвестен, однако публикация поэмы в *Совр.* косвенно подтверждает его положительную оценку.

Позднее, в VI гл. рассказа «Семейство Гольц» (1870) Фет процитировал в своем переводе отрывок из поэмы Гёте, назвав ее «бессмертной» (*Соч.* Т. 2. С. 116). В. М. Жирмунский считал, что поэма «Герман и Доротея» получила «классическую форму в переводе Фета» (*Жирмунский В. М. Гёте в русской литературе*. С. 372). В переводе Фета она была включена в Собрание сочинений Гёте в 10 тт., выпущенное Н.В. Гербелем в 1878—80 гг. (См.: *МВ(2)*. С. 340).

Поэма Гёте состоит из девяти (по числу муз) песен, что должно еще раз подчеркнуть ориентацию на античность. *Каллиопа* — муза эпической поэзии, *Терпсихора* — танцев, *Талия* — комедии, *Этерпа* — лирики, *Полигимния* — серьезных песнопений, *Клио* — истории, *Эрато* — любовной поэзии, *Мельпомена* — трагедии, *Уrania* — астрономии. *Халат с индийским узором* — имеются в виду ткани с индийской расцветкой, ввозимые из Индии. *Фура* — большая повозка, запряженная волами. *В открытой коляске ландауской работы* — такие коляски получили наименование «ландо», по названию немецкого города Ландау (Landau), произносимого на французский лад. *Памина* и *Тамино* — персонажи оперы Моцарта «Вошебная флейта». *Мускатель* и *гупедель* — сорта винограда. *Космополит* — гражданин мира, понятие, относящееся, по-видимому, к философу-судье, рассуждающему о причинах несчастий, постигших современников, однако может быть отнесено и к жениху Доротеи, который отправился в Париж для участия в революции и пал ее жертвой. *Август* — римский император (63 до н. э. — 14 н. э.), до 27 г. до н. э. — Октавиан. Гёте упоминает о нем, намекая на его главную заслугу — прекращение гражданских войн, начавшихся после смерти Цезаря.

С Навином беседу ю или с Моисеем — судья, который вел беглецов, сравнивается с пророком Моисеем и Иисусом Навином, выводившими евреев из Египта. *Столица вселенной* — так называли Париж. Далее излагаются события в прирейнских западных областях Германии, где были сильны революционные настроения, благодаря которым на некоторое время в г. Майнце установилась яacobинская диктатура, просуществовавшая недолго. Вытесненные в начале 1794 г. австро-прусскими войсками, сторонники республики вернулись снова в Майнц в мае 1794 г. и захватили всю прирейнскую область, расправившись с противниками нового порядка. Бегство местных жителей, описанное в поэме Гёте, было вызвано преследованиями и огромной контрибуцией, наложенной на них республиканцами. *Тут позвольте мне вам рассказать прекрасный поступок* — изложенный далее рассказ судьи о подвиге Доротеи и описание ее помощи беженцам позаимствованы Гёте из брошюры «Деятельная любовь Геры к зальцбургским эмигрантам» (1732 г.), где описывалось изгнание католических лютеран из австр. города Зальбурга, и перенесены поэтом в эпоху франц. оккупации прирейнских областей. *Кнастер*, которым аптекарь оделяет беженцев, — хороший сорт южноамериканского табака, доставлявшийся в специальных корзинах — канастерах.

VII. ШИЛЛЕР

Поэзия Шиллера (1759—1805), как и Гёте, вошла в творческое сознание Фета, очевидно, очень рано. Не случайно уже в перв. поэтич. сборнике (*ЛП*), включившем и ранние опыты, помещены три перевода из Шиллера: «Вечер», «Надежда» и «Дифирамб». Из них в *Сб1863* не вошло ст-ние «Надежда», замененное переведенным, очевидно, в 1854 г. ст-нием «К цветам». Характерно, что переведенные прежде ст-ния Фет почти не дорабатывал, только в предпоследнем стихе «Дифирамба» он заменил одно слово (вместо «И грудь не волнует» стало: «И грудь не мятётся»).

Имея в виду *ЛП*, Г. П. Блок в свое время заметил: «Кое-где в метрике — в чередовании дактиля с хореем, в частых паузах, да еще временами в стремлении “к прекрасному” слышалась Германия, ясное всего Шиллер» (*Блок Г. Рождение поэта: Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам. Л., 1924. С. 51*). Отмечая несомненное влияние Шиллера на раннее ст-ние Фета «Дифирамб на Новый год» (указано В. М. Жирмунским), Блок писал: «Влиянием Шиллера окрашена целая полоса Малополянкой жизни Фета и Аполлона Григорьева. При этом в поэтическом их обиходе знаменитое “An die Freude” <“К радости” — нем.> занимало, по-видимому, одно из заметных мест...» (Там же. С. 67). Как свидетельствует письмо Фета к Введенскому от 5 янв. 1841 г., первая рецензия на *ЛП*, по-

явившаяся в ОЗ, совпала по времени с работой над переводом шиллеровой «Семелы» (Там же. С. 81). Свой перевод Фет просил передать известн. переводчику Шиллера и Гёте Э. И. Губеру.

В РГ Фет вспоминал, как однажды, очевидно, в самом нач. 1840-х гг., услышав его «восторженные отзывы о Шиллере», один пожилой немец сказал ему: «Вполне понимаю ваш восторг, молодой человек, но вспомните мои слова: придет время, когда Шиллер уже не будет удовлетворять вас, и предметом неизменного удивления и наслаждения станет Гёте». «Сколько раз, — восклицает Фет, — пришлось мне вспоминать эти слова» (РГ. С. 214). При этом и в зрелые годы Фет обращался к творчеству Шиллера, но наиболее значительным по объему переводом Фета из Шиллера стала лирич. драма «Семела», написанная на античный сюжет.

Дошедшие до нас переводы Фета из Шиллера, хотя и немногочисленные, пользовались успехом и включались в собрания сочинений немецкого поэта, начиная с 7-томного собр. соч., выпущенного к 100-летн. юбилею поэта в 1859 г. однополчанином Фета Н. В. Гербелем, и кончая совр. изданиями (напр., в 7-томн. изд. 1955 г., под ред. Н. Н. Вильмонта и Р. М. Самарина). Ст-ние Фета «Шиллеру» (1857), возможно, написанное по заказу Гербеля, где поэт назван «орлом могучих, светлых песен», было предпослано биографич. очерку поэта во 2-м томе гербелевского издания (Лирические стихотворения Шиллера в переводах русских поэтов. Под ред. Н. В. Гербеля. СПб. 1857. Т. 2. С. 251—252). Оно завершалось такими строками:

С тех пор у моря света вечно
Твой голос всё к себе зовет,
Что в человеке человечно
И что в бессмертном не умрет.

Они лучше всего характеризует отношение Фета к немецкому поэту.

Дифирамб («Боги всегда к нам...») (С. 208). В Сб1863 предпоследний ст. имел иную редакцию: «И грудь не меняется» вместо ранней в ЛП: «И грудь не волнует».

К цветам («Дети солнечного восхода...») (С. 208). Перевод ст-ния «Die Blumen» (1781). Впервые: ОЗ. 1854. Т. 93. С. 174, с подзаголовком: «(Посвящается Н. В. Гербелю)».

Черновой автограф карандашом с правкой чернилами — в ТемпРГБ (Л. 152 об.—153); другой автограф в альбоме Н. В. Гербеля (РНБ). В ТемпРГБ ст. 4 вписан вместо зачеркнутого: «Для веселья красоты»; ст. 7 — вместо не зачеркнутого: «Блик небес и чистоты»; ст. 8—11 — вместо не зачеркнутого:.

Не тоскуйте, дети света,
В вас душою не согрета
Темной жизни слепота;

в ст. 16 вместо: «Превратила дочь Дионы / В брачный полог мотыльков» было: «Завершила дочь Дионы / Точно страсти семена». В ст. 20 вместо «Неведома любовь» было зачеркнуто 2 слова нрзб.

Семела <Драматическая поэма> (С. 209). Перевод драмы «Semela». Впервые: ОЗ. 1844. № 7. Начало работы датируется концом 1840—нач. 1841 гг. «Семела Шиллера переводится и весьма удачно, — писал Фет И. И. Введенскому 5 янв. 1841. — Я хотел было послать первые два листа, уже переписанные набело, к тебе, для того, чтобы ты показал их Губеру <Э. И. Губеру>, как образчик...», а уже 14 янв. ему же Фет сообщает, что «Семела почти окончена, оба акта, и довольно удачно...» (Цит. по: Блок Г. Рождение поэта... С. 81, 84). В Хрон. указ. ошибочно датируется 1844, в Соч.(1) — 1843.

В предпосланной переводу «Семелы» заметке проф. Ф. Ф. Зелинского драма Шиллера названа «лирической опереткой», во многом благодаря театральным эффектам, с наибольшей силой проявившимся во второй сцене. Особые нарекания вызвало введение в образ Юпитера под влиянием Х.-М. Виланда новой, по сравнению, например, с «классическим» изображением любви бога к смертной в «Метаморфозах» у Овидия, черты — чувствительного сентиментализма (Собрание сочинений Шиллера в переводе русских писателей. Под ред. С. А. Венгерова. Пояснения к стихотворениям подготовлены С. А. Венгеровым и А. Г. Горнфельд. СПб., 1901. Т. 1. С. 159). В «Семеле» Фет, следуя своим переводческим принципам, постарался передать все ритмико-интонационное богатство лирик. драмы Шиллера, оставаясь, тем не менее, в рамках, заданных строем русского языка, хотя и был вынужден в ряде случаев опускать сложные эпитеты, повторы и даже изменять образность подлинника. Общее музыкальное звучание и «дыхание» шиллеровского стиха передается им с предельной точностью.

В переводе восстанавливаются реплики, опущенные в публикации в Сб1863.

Согласно древнегреч. мифу, возлюбленная Зевса Семела — дочь основателя Фив Кадма и Гармонии, погибла, став жертвой ревнивой супруги Зевса Геры, которая уговорила ее обратиться к громовержцу с просьбой явиться перед ней во всем своем величии. По преданию, Семела была матерью Диониса, однако эта часть легенды не вошла в сюжет пьесы Шиллера.

Первая сцена.

Монолог Юноны, к-рым открывается перв. сцена «Семелы», исполнен страстных, противоречивых чувств, смена которых определяет композиционный стержень монолога и с зеркальной точностью отражается в ритмико-интонационном строе шиллеровского стиха, что представляло непустую задачу для переводчика. Так, в ст. 4—12, где Юнона впервые видит воочию «вражий кров», обуревающие богиню «олимпийский» гнев и злорада ощущаются и в приближенной к античному стиху метрике, и в подборе эмоционально окрашенной лексики,

и в использовании сложных эпитетов. В ряде случаев Фет прибегает к более ярким образам, возможно, пытаясь компенсировать тем самым синтаксический накал подлинника. Неслучайно, «Haus meines grauen Zornes» (зд. «дом черной ярости, злобы») превращается в «дом моей несётной злобы»; «feindselig Dach» («враждебный кров») — в «проклятья вражий кров»; немецкому глаголу «frevelt» у Фета соответствует целый стих: «Бесчестил ложе гордое мое!». В ст. 13—19 настроение Юоны несколько иное, гнев сменяется сетованьем на одиночество и жалобами обманутой и покинутой женщины. Стих становится короче, напряженной, характерно введение рифмы и использование в основном односложных слов:

Juno! Juno! Einsam
Stehst du, stehst verlassen
Auf des Himmels Thron!
Reichlich dampfen die Altäre,
Und dir beugt sich jedes Knie.
Was ist ohne Liebe Ehre?
Was der Himmel ohne sie?

В силу особенностей русского языка Фету не всегда в полной мере удается сохранить метрический рисунок подлинника, и он вынужден искать иные средства для передачи динамики чувств героини. И хотя ст. 13—15 звучат более сглаженно, чем у Шиллера:

Юона, Юона!
У горнего трона
Ты одна стоишь, —

они выдержаны уже совершенно в другой тональности и служат переходом к ст. 16—19:

Храмы шлют тебе куренье,
Всюду чтители твои.
Без любви на что почтенье?
Что и небо без любви?

В дальнейшем Фет передает процесс постепенного нарастания чувства негодования в душе Юоны: от горьких упреков на судьбу в ст. 20—25 к осознанию своего божественного могущества, которое достигает высшей точки в ст.:

Aechzen nicht die Achsen des Himmels
Meinem Gebot? Umrauscht nicht mein Haupt die olympische
Krone?

Ср. у Фета:

Разве не мне повинуются оси
Грузного неба? Не я ли блистаю в венце олимпийском?

Далее накал страстей обрывается ритмически неожиданным ст. 32: «*Ha! Ich fühle mich!*» (у Фета: «*Гал! Я чувствую!*») и завершается кульминационным призывом:

Rache! Rache!

(Ср. у Фета:

Мести! Мести!).

С колесницей крылатой / Павлины Юноны... — отождествлявшаяся с греч. Герой рим. богиня, супруга Юпитера (греч. Зевс), Юнона часто изображалась на боевой колеснице. Павлин входил в число посвященных ей животных. *На заоблачных высях Цитеры* — в оригинале: *Auf Cithärons wolkichtem Gipfel* — «На облачной вершине Киферона». Киферон — гора на границе Аттики и Беотии, часто фигурирующая в греч. мифологии (ср., напр.: прозвища Гера Киферонская и Зевс Киферонский). *Чтобы пена родила Киприду* — Кипридой, «кипророжденной», называли богиню любви Афродиту по названию о-ва Кипр, вблизи которого богиня появилась из морской пены. У Шиллера вместо Киприды — *Venus* (Венера). Фет, как и Шиллер, довольно свободно взаимозаменяет греческие и римские имена. *Гермиона* — дочь Менелая и Елены, после бездетного брака с Неоптолемом родила от Ореста сына Тисамена, унаследовавшего престол своего деда Менелая в Спарте. *Разве не мне повинуются оси / Грузного неба...* — в оригинале: *Aechzen nicht die Achsen des Himmels / Meinem Gebot...* — «Разве не скрипят небесные оси / По моему приказанью...». Эд., возможно, отразилось представление греков о вращающемся между колен Ананке, божества необходимости, веретене, ось которого — мировая ось. *Сатурнову кровь* — в оригинале: «*Kronos' Blut*» («Кровь Кроноса»). Сатурн в рим. миф. отождествлялся с греч. Кроносом (отцом Зевса, Геры и др. богов), пожирившим своих детей сразу после их рождения, чтобы избежать исполнения предсказания, по которому его должен быть лишит власти собственный сын. Отсюда имена Зевса, в дальнейшем использованные Шиллером и Фетом: *Kronion* (Кронид, Кронийон) и *Saturnius* (Сатурний), а также Геры — *Saturnia* (Сатурния). *И в ясный чертог небожителей звать / Эриду?..* — т. е. вносить раздор. Эрида в греч. миф. персонифицировала раздор. *Смерть у Коцита* — Коцит (Кокит), «река плача» в аиде, царстве мертвых, отличающаяся ледяным холодом. В оригинале: *Stirb und lerne am stygischen Strom* — «Умри и узнай в потоке Стикса». *И сладко-снотворные* — В оригинале: *Süße, verstrickende* — «сладкие, опугывающие». *Амбра* — аромат, благовоние. *Этидавр* — портовый город на северо-востоке Арголиды, области на востоке Греции. *Пока из темной Леты / Я не напьюсь...* — В оригинале: *...bis von Lethes Taumeltrank / Ich trinken bin* — «...пока от Леты пьянящего напитка / Я не запью...». *Лета* — река забвения в царстве мертвых, испив воду которой, души умерших забывают свою былую земную жизнь. *Послушай, дочь моя...* — в оригинале: *...Nichts anders / Als jenes, meine Tochter...* —

«Ничто иное, / Кроме этого, дочь моя». *От Гемуса до Иды* — т. е. по всей Греции. Ида — центральный горный массив на о-ве Крит. Гемус — фракийское название Балкан. *Пусть теперь сокроет Оркус / Мои седины...* — в оригинале: ...laßt die grauen Haare nun / Zum Orkus fahren... — «пусть мои седые волосы теперь / В Оркус отправятся». Оркус (греч. Аид) — в рим. миф. божество смерти, а также само царство мертвых. *Краше всех Аврориных детей* — Аврора (греч. Эос), богиня утренней зари, от которой родились звезды и боги ветров. *Геспер* — божество вечерней звезды, самой прекрасной из звезд. *Гиперион* — зд. имеется в виду Аполлон. *Зефиром окрылен* — в оригинале: Auf Maienlüften hinten nachgeflogen. «Maienlüften» («весенний ветер») у Фета заменено на: «Зефиром». Зефир (греч.) — бог западного ветра. *На лире у Орфея* — золотая лира, подаренная Орфею Аполлоном, стала атрибутом юного музыканта. С ее помощью он мог приручать диких животных, двигать деревья и скалы. У Шиллера: Entzückender, als Orpheus' Saiten schallen — «Чудесней, чем звучат струны Орфея». *Дельфийским вдохновеньем* — от названия города Дельфы, где находился крупнейший храм Аполлона, покровителя искусств. *Девкалион и Прометей* — Прометей — титан, создавший из глины, согласно мифу, первого человека. Девкалион — сын Прометея, прародитель людей. Отсюда далее в реплике Семелы: So himmlich, wie mein Jupiter, war noch / Kein Sohn Deukalions... — «Таким небесным, как мой Юпитер, не был еще / Ни один сын Девкалиона», т. е. человек. Ср. у Фета: «Небесней моего Юпитера не может / Быть сын земли...». *Аттика* — полуостров и область на юго-востоке средней Греции, где расположены Афины, гора Киферон. *В объятия Гекаты* — т. е. ночь. Геката (греч.) — богиня мрака, ночных видений. *Скорее до второго / Потопа...* — согласно мифу, Зевс, разгневанный на род человеческий, решил уничтожить всех людей и наслал на землю потоп, от которого спаслись только Девкалион и его жена Пирра. *Загромождает телами темя Эты* — в оригинале: ...mag mit aufgebäumten Leichen / Den Oetha übergipfeln... — «может нагроможденными трупами / Превысить Эту». Эта — гора между Фессалией и Фокидой — во время потопа, согласно Овидию в «Метаморфозах», оказалась скрытой под водой. *От* — чудовищный великан, сын Посейдона. *Против Гигантов он стоял спокойно* — имеется в виду битва олимпийцев с гигантами, сыновьями Геи и Урана, внушавшими ужас своим видом. В начале гигантомахии гиганты были уничтожены. *Гнев сторукого Тифея* — очевидно, имеется в виду чудовищный сын земли Геи и Тартара — стоглавый Тифон, с которым Зевс вступил в борьбу за владычество над миром. *Осса* (греч.) — вторая по величине после Олимпа гора в северной Фессалии. *Он Стиксом поклянется* — Стикс (греч.) — река в царстве мертвых. Клятва водой Стикса считалась самой страшной. *Дурная-то, с воловьими глазами* — эпитет «волоокая» был свойственен Гере, почитавшейся в Аргосе в виде коровы. *...Это просто / Должна быть в небе пытка Иксиона* — Иксион, царь лапифов в Фессалии, осмелился домогаться любви Геры. Зевс создал ее образ из

облака, а когда Иксион начал похвастаться своей победой над Герой, велел привязать его к вечно вращающемуся (по многим версиям мифа, огненному) колесу и забросить на небо. Отсюда у Шиллера: *Das muß Ixions Rad im Himmel sein* — «Должно быть, это колесо Иксиона в небе». *Челн Харона* — в греч. миф. Харон — мрачный старец, перевозивший умерших по водам подземных рек. *Да, да! у ней займет дыханье зависть* — в оригинале: *Ja, Semele, sie mag vor Neid zerbersten* — «Да, Семела, она может от зависти лопнуть». *Пред лицом Эллады* — т. е. Греции. В оригинале: *Griechenland zur Schau*. *От Сидона до Афин* — т. е. во всем бассейне Средиземного моря. Сидон — город в Финикии. *Пифия* — жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах. *Чувствую!... но звать меня беспутной!...* — у Шиллера: *«Bald zerschmilzt — doch — garstig mich zu heißen!»*. Фет перевел «zerschmelzen» — «расплавиться», «исчезнуть» как «чувствовать», намекая на неминуемую гибель, уготованную Семеле, если она последует ее уговорам. *В Тартар состраданье* — Тартар в греч. миф. глубинная часть подземного мира. *Слабая, гордая женщина! Жаль мне тебя!* — в оригинале: *Schwaches, stolzes, leichtbetrognes Weibl*, где «leichtbetrognes» — «доверчивая», дословно: «та, которую легко обмануть». *В каждом лобзании смерть, в каждом объятии / Вихрь душающий!...* — у Шиллера: *Seine Küsse Zermalmung, Gewittersturm / Seine Umarmung dir!..* — «Его поцелуй — разрушение, гроза / Его объятья...». *Как пред лампадою солнца* — у Шиллера: *«wie vor der Sonne Glut»* — «как в пламени солнца».

Вторая сцена.

Уже с первых строк в волнение Юпитера от ожидания встречи с Семелой, усиленное многократным повторением: *«Sie kommt mir nicht entgegen <...> / Warum kommt meine Semele mir nicht /Entgegen <...> ihrem Zeus / Will Semele nicht mehr entgegeneilen —»* (Ср. у Фета: «Она нейдет <...> О, что же нейдет ко мне моя Семела / Навстречу <...> Не хочет в сретенье Семела поспешить...»), — вкрадывается беспокойство:

...Oedes — totes — grauenvolles Schweigen
Herrscht ringsumher im einsamen Palast <...>.

Сопутствующий смене настроения ритмический перебой по-своему отражен у Фета. Ср.:

... Мертвое, пустынное молчанье
Во всем дворце <...>.

Сын мой — в оригинале: *Sohn Majas!* — «Сын Майи!». Меркурий (греч. Гермес) — вестник богов, покровитель путников и проводник душ умерших, сын Юпитера и Майи, покровительницы плодородной земли. *Берега Скамандра* — Скамандр — река близ Трои. *Аргос* — древнегреч. город на полуострове Пелопоннес; *аргийцы* — жители Аргоса. *Церера* (греч. Деметра) — в рим. мифологии богиня производитель-

ных сил земли, произрастания и созревания злаков. *Я видел торжество / В очах Юноны...* — в оригинале: ... auf Cithärons Gipfel / Stand siegfrohlockend Juno... — «на вершине Киферона / Стояла торжествующе Юнона». *Что Урана кровь* — Уран (греч.) — божество, олицетворяющее небо и принадлежавшее к первому, самому древнему поколению богов. *Нектар и амброзия* — соответственно пища и напиток олимпийских богов, поддерживающие их бессмертие и вечную юность. *Златой венец небес* — в оригинале: des Himmels goldnes Zepter. Фет перевел «Zepter» («скипетр») как «венец», также служащий олицетворением власти. *И вся моя огромная цевница* — в оригинале: Mein ganzes großes Saitenspiel... У Фета немецкому «Saitenspiel» («игра на музыкальном инструменте») соответствует: «цевница» (свирель). *Так небилось сердце / Мое пред дочерью Агенора...* — Зд. и далее перечисляются возлюбленные Зевса, для завоевания любви которых ему пришлось преодолеть немало препятствий: *Европа*, дочь финикийского царя Агенора, похищенная Зевсом в образе быка; *Леда*, перед которой он явился, обернувшись лебедем, и *Даная*, к которой спустился в виде золотого дождя. *Страшишь, хвастун!*.. — в оригинале: Erzittre, Salmoneus... Салмоней — в греч. миф. основатель города Салмоны, который, возгордившись, стал уподоблять себя Зевсу, за что был уничтожен молнией. *Посидаон* (Посейдон) — один из главных олимпийских богов, владыка моря. *Пигмалион пал пред своим созданием* — по греч. легенде, царь Кипра Пигмалион влюбился в созданную им из слоновой кости статую прекрасной женщины. *Ахерон* (Ахеронт) — одна из рек в Аиде, через которую Харон перевозит души умерших. *Фракия* — область на северо-востоке Греции.

VIII. МИЦКЕВИЧ

Первое указание на перевод «из Мицкевича» содержится в письме Фета к И. И. Введенскому от 22 дек. 1840 г., из которого ясно, что это было первое обращение к творчеству польск. поэта (см. ниже). Г. П. Блок указывал на одного из сослуживцев Фета (Всеславина), который, возможно, познакомил поэта с творчеством Мицкевича (1798—1855) и помогал переводить с польского, которого Фет не знал (Блок Г. П. Рождение поэта: Повесть о молодости Фета. Л., 1924. С. 106). Описывая в мемуарах события 1846 года, Фет вспоминал о человеке, выведенном под именем командира полка Бильчинского, с которым они «не раз вместе читали и восхищались его национальным поэтом Мицкевичем» (РГ. С. 344). Именно тогда Фет перевел балладу Мицкевича «Дозор» «размером подлинника» (См. т. 1 наст. изд.). В указанном письме к Введенскому Фет, приведя два ст. (5—6) из

ст-ния «О милая дева! к чему нам, к чему говорить?...», писал: «Кстати, я чрезвычайно удачно перевел на днях, подивись, из Мицкевича одну пьеску, которую со временем перешлю тебе...» (Цит. по: Блок Г. П. Рождение поэта. С. 69—70).

Впоследствии, когда Фет вернулся к интенсивной переводческой практике, он больше не переводил Мицкевича, хотя интересовался новыми переводами стихотворений польского поэта. Возобновив давнее знакомство с Н. П. Семеновым (братом знаменитого путешественника П. П. Семенова-Тян-Шанского), известным деятелем крестьянской реформы, сенатором и переводчиком Мицкевича, Фет писал ему 29 февр. 1884 г.: «С именем Вашим всегда соединяется в моей памяти молодой темно-русый человек, с которым в вагоне знакомит меня покойный В. П. Боткин и который затем у себя на дому читает мне истинно художественные переводы из Мицкевича» (*ОР РГБ*). Получив вышедший в 1885 г. сборник переводов Мицкевича, выполненных Семеновым, Фет высоко оценил его. В свою очередь Н. П. Семенов, считавший Фета одним из замечательнейших русских поэтов, был чрезвычайно тронут фетовской оценкой. 26 марта 1885 г. он отвечал: «Теперь о моем, так сказать, детище, т. е. книжке моих переводов: Ваша оценка ее, как истинного знатока дела, который сам обогатил нашу литературу столькими переводами поэтических произведений, как нашего притом несравненного поэта, для меня несомненно всего дороже» (*РО ИРЛИ*).

«Всплываю на простор сухого океана...» (С. 231). Перевод одного из самых популярных у переводчиков ст-ния «*Stepy Akerman'skie*» из цикла «Крымские сонеты». Впервые: *ОЗ*. 1854. № 4. Т. 93. С. 349, под заглавием «*Степь*», без указания на переводность. Черновой автограф в *ТетрРГБ* (Л. 153 об.), где содержится ранняя редакция 2-х первых строф:

Всплываю на простор сухого океана
И в зелени мой воз ныряет как волна,
Среди зеленых трав среди цветов скользя,
Минует островов коралловых бурьяна.

Уж сумрак — ни тропы не видно, ни кургана,
Не [озаряет] озарит ли путь звезда, мне свет лия,
Там облака вдали — зарницу ль вижу я,
То блещет Днестр — взошла лампада Акермана.

Стадо — устар.: стая; *Акерман (Аккерман)* — одно из назв. г. Белгорода на Днестровском лимане (Белгород-Днестровский), куда Мицкевич совершил путешествие в 1825 г.

«О милая дева! к чему нам, к чему говорить?...» (С. 231). Перевод ст-ния «*Rozmowa*». Впервые: *Москва*. 1853. Ч. IV. № 15. С. 112—113, под загл. «С польского», где, по предположению Г. П. Блока, в

последнем ст. «цензура прогрызла середину стиха» и изъяла слова «после скончания <света>» (У Мицкевича: «Do końca świata i po końcu świata») (Блок Г. П. Рождение поэта. С. 106).

Начало работы над переводом датируется по письму к И. И. Введенскому от 22 дек. 1840 г., где, приведя два ст. (5—6) (Там же. С. 69—70), Фет обещал вскоре выслать весь перевод. По предположению Г. П. Блока, речь шла о ст-нии «О милая дева...» (Там же. С. 105—106). Очевидно, Введенский не содействовал скорейшей публикации перевода или же перевод так и не был ему выслан.

Х. ШЕНЬЕ

Фет всегда высоко отзывался о поэзии Андре Шенье (1762—1794), сложившего голову на эшафоте за два дня до падения Робеспьера. Трагическая участь А. Шенье, поэтическое наследие которого стало известно лишь после его смерти, стала причиной его большой популярности, в том числе среди переводчиков. В России его переводили А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Е. А. Баратынский и мн. другие. Одним из поклонников и переводчиков Шенье был близкий друг Фета херсонский помещик А. Ф. Бржеский (1818—1868), с к-рым поэт сдружился во время прохождения службы в Херсонской губернии. Как и Фет, Бржеский перевел Гейне, Гёте, Байрона, однако печатался мало. Несколько его переводов из Шенье сохранились в рукописном сборнике ст-ний (РГБ). Очевидно, «поэзия Шенье примерно в одно и то же время входила <...> в круг общих интересов двух поэтов» (Гречаная Е. П. <Примечания> // Шенье Андре. Сочинения 1819. Изд. подготовила Е. П. Гречаная. М., 1995. С. 569).

Сохранилось лишь 3 перевода Фета из Шенье, причем один неизменно включался в раздел «Антологических стихотворений» — «Подражание XVI идиллии Биона» (на самом деле, XI идиллии Биона, что Б. Я. Бухштаб справедливо расценил как опечатку). В *Сб1863* этот перевод также вошел в указанный раздел, несмотря на запись рукой Фета на полях экз. *Сб1856*, по которому готовился *Сб1863* (см. *ПССм1937*. С. 765). Остальные два перевода были выполнены гораздо позднее, в конце 1850-х гг.

Принято считать, что влияние лирики А. Шенье ограничивалось жанрово (антологическая лирика) и хронологически (ранний период творчества) (Бухштаб Б. Я. А. А. Фет. Очерк жизни и творчества. Л., 1990. С. 73—74), однако некоторые исследователи полагают, что влияние это было гораздо шире (Кузнецов И. С. Об интерпретации одной темы Андре Шенье в лирике А. А. Фета // Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета. Курск. 1990. С. 78—82). В частности, отмечено воздействие 11 идиллии Шенье «Euphrosyne» на неантологические ст-ния Фета «Ее не знает свет...», «Превращения» и др. От-

мечается также маркированность александрийского стиха в сознании Фета с поэзией Шенье (Бухштаб, Кузнецов).

Очевидно, Фет пользовался изданием: *Chénier A. Poésies posthumes et inédites. Paris, 1833. Т. 1—2*, поскольку именно там были соединены 8 идиллия и фрагмент другого стиха, переведенные Фетом как одно целое. Там же впервые напечатано стихотворение «L'impure et fier époux que la chèvre désire...».

Лида («Ланиты у меня на солнце загорели...») (С. 234). Перевод неоконченного стихотворения «Lidé» (8 идиллии), а также фрагмента «La nymphe l'aperçoit, et l'arrête et soupire...», впервые опубликованного как продолжение идиллии 8 в издании: *Chénier A. Poésies posthumes et inédites. Paris, 1833. Т. 1—2* (в переводе фрагменты разделены строкой точек). Впервые: *БФЧ. 1859. № 10. С. 1—3*, где ст. 61 выпал по вине наборщика (что вызвало ироническую реплику Тургенева, критиковавшего именно этот ст. — *Тургенев. Письма. Т. 3. С. 370*). Автограф в *Т 1*, где содержится ранняя ред., существенно отличающаяся от окончательного варианта. В ст. 1—2 было:

Лицо мое горит от солнечного зною
И ноги белые исколоты травкою.

Ст. 8:

В какой стада свои пасешь ты стороне?

Ст. 13—16

О нежный отрок мой! узнай, с какою силой
Мне в сердце врезался твой облик вечно милой.
Прекрасное дитя, к тебе мечты манят,
Твой деву робкую напоминает взгляд.

Ст. 23—24:

А детских щек твоих небесный этот жар
Единственно моих лобзаний будет дар.

В ст. 23 к эпитету «небесный» был дан вариант: «божественный».

Ст. 38—41:

Играет [светлыми] отрока; другая же спешит
Ласкать шелковый пух младенческих ланит.
«Дитя, — зовет она, — останься здесь со мною
Прекрасен, молод сам, с прекрасной, молодою.

Ст. 44—45:

Встречал ли ты в борьбе победу меж друзьями?
Им нынче (говорят) скользящими руками.

К ст. 44 был дан вариант на л. 41 *Т 1*: «И перевес в борьбе ты брал ли над друзьями?», за ним вписан окончательный.

Ст. 49:

Та, у которой мог таким ты народиться.

Ст. 53—54:

Но это (знаешь ли? — быть может, опустилась
Одежда женская перед тобой хоть раз?)

Ст. 60—61:

Иль тот, кто зародясь пленять богинь собою
Из недра Мирры шел, одетого корою?

Ст. 63:

Дитя! люби меня. О! сколько раз унять.

Незначительные изменения были внесены и в подстрочную сноску, где вместо «...разрезали сверху донизу, добывая благовоние» было: «сверху вниз, чтобы добывать благовоние». Датируется концом 1858 — нач. 1859 г. по ответному письму Тургенева.

Как верно отметил Б. Я. Бухштаб, почти все изменения внесены в перевод по указаниям И. С. Тургенева, высказанным в письме к Фету от 16 (28) янв. 1859 (в *ПСС1937* и *ПСС1959* письмо Тургенева, согласно авторской помете, ошибочно датировано 1858 г., поэтому и ст-ние датировалось концом 1857 — нач. 1858. Правильная дата письма Тургенева установлена А. И. Батюто в изд.: *Тургенев. Письма*. Т. 3. В *Сил1986* в коммент. датировка исправлена, однако в тексте ст-ние сохранило прежнюю дату).

Первую редакцию перевода Фета послал Тургеневу, очевидно, в середине декабря 1858, с просьбой передать его Дружинину для напечатания в *БдЧ*. 27 дек. 1858 (8 янв. 1859) Тургенев обещал сделать это, однако высмеял неуклюжий порядок слов в ст. 61—62, спародировав его в двустишии: «В чей, приосанясь, зрак, — вид уст приняв живой, / Прелестниц — взор полн нег — игрив вперяет рой» (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 254). Несомненно, в не дошедшем до нас письме Фет просил задержать передачу перевода в *БдЧ* и более тщательно отредактировать ст-ние. Тургенев по-прежнему оценил перевод как неудовлетворительный, упрекая поэта в пристрастии к латинизированному синтаксису и инверсиям, свойственным поэту и переводчику XVIII в. В. П. Петрову (1736—99), известному Д. И. Хвостову (1757—1835), подтрунивая над склонностью к сентиментальным выражениям в духе Ю. А. Нелединского-Мелецкого (1752—1828) и к канцеляризмам в духе церковного писателя С. А. Медведева (1641—1691): «Справедливость требует сказать, что Вы не в счастливый час перевели эти две пьесы из Шенье; вот, что я заметил: *Ст. 8*: “В какой свой стада пасешь ты стороне”; — уж коли поддельваться под Петрова, — лучше так поставить слова: “Пасешь в какой стада свои ты стороне”. *Ст. 14*: “Облик вечно милый”. — Une cheville <затычка, вставка; cheviller et — наполнять стихи пустыми словами, ради соблюде-

ния рифмы и размера — франц. >. <Ст.> 15. “Манят” — Из Нелединского-Мелецкого. Ст. 16. “Твоей деву робкую” и т. д. — Петров! Петров! Ст. 23 и 24-й. “А детских щек... будет дар”. — Эдип, разрешивший загадку Сфинкса, завыл бы от ужаса и побежал бы прочь от этих двух хаотически-мутно-непостижимых стихов. Ст. 38-й. “Спешит и т. д. Украдено у графа Хвостова. <Ст.> 44. “Победу меж друзьями”. — Темнота... вывих... <Ст.> 49. “Таким ты народиться . — Канцелярский слог времен Сильвестра Медведева. Ст. 61. “Мирры шел...”. — Взято из надписи на триумфальных воротах после покорения Азова. <...> Эти стихи, в таком виде, по-моему, печатать не следует — надо их выправить» (Тургенев. Письма. Т. 3. С. 264—65).

«Супруг надменный коз, доснящийся от жиру...» (С. 236). Перевод ст-ния «L'impure et fier éroux que la chèvre désire...». Впервые: БДЧ, 1859. № 9. С. 54. Автограф в Т 1, где в ст. 1 «лоснящийся» вписано над: «сияющий», а также исправлено окончание «жира» на: «жиру», соответственно в ст. 2 исправлено: «Сатиру»; в ст. 2 вместо «склоня» было зачеркнуто: «установил на Сатира»; ст. 3 вписан внизу листа вместо зачеркн.:

Сатир, уразумев его недружелюбный вид;

в ст. 5 «лоб склоненный» исправлено на: «лоб наклонный».

Критически оценивая переводы из Шенье, Тургенев писал Фету: «Уразумев его враждебный вид» — в маленьком стихотворении Шенье — может тоже постоять за себя как образчик канцелярского слога с оттенком семинарии» (Тургенев. Письма. Т. 3. С. 265). Фет исправил строку, указанную Тургеневым.

ХII. БЕРАНЖЕ

Из обширного поэтического наследия П.-Ж. де Беранже (1780—1857) Фет перевел лишь одно его последнее ст-ние, что было связано, прежде всего, со смертью французского поэта-песенника, последовавшей 16 июля н. ст. 1857 г. и имевшей живой отклик в России. Сам недавно возвратившийся из Франции, Фет был, очевидно, тронут предсмертным произведением французского поэта, присланным ему Л. Н. Толстым. Позднее, однако, в ответ на просьбу С. В. Энгельгардт просмотреть и поправить переводы из Беранже, выполненные ее сестрой Е. В. Новосильцевой, он признавался, что не является поклонником этого поэта (письмо неизвестно). В РО ИРЛИ сохранились приложенные переводы Новосильцевой из Беранже с правкой Фета (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб., 1998. С. 63—65). В ответном письме от 24 сент. (6 окт.) 1861 г. Энгельгардт писала: «Сестра моя хотела сама благодарить Вас, милый мой Фет, за Ваши замечания и поправки в ее переводах. Почему же это Вы не поклонник Беранже? Неужели его стихотворения “Jeanne la

Rousse", "Vous vieillerez, ô ma belle maitresse...", "Le pauvre Jacques" не исполнены очаровательной простоты и прелести? И какая личность!» (В кн.: А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 185). В не дошедшем до нас письме Фет, если судить по ответному письму его корреспондентки, высказался еще более резко. «Разворчались вы, — писала Энгельгардт, — на меня за то, что <...> "Jeanne la Rousse" оказалась фразой, а я знаю наверно, что вы первые бы заступились за бедняжку и даже за ее рыженькие волосы» (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. С. 67). Резкие высказывания Фета о творчестве Беранже были связаны отчасти с тем, что наиболее популярными в России стали вольные переводы В. С. Курочкина, которые С. В. Энгельгардт назвала в письме к Фету «позорными» (Там же. С. 63).

Последняя песня («О Франция! мой час настал, я умираю...») (С. 238). Перевод ст-ния «Adieu» («France, je meurs, je meurs; tout me l'annonce...»). Впервые: *Совр.* 1858. № 1. С. 38, под загл. «Предсмертное стихотворение Беранже». Автограф в *T1*, где в ст. 1 после «О Франция» было зачеркн.: «прощай», восклицат. знак находился в конце ст.; в ст. 4 вм. вопросит. знака было тире; в ст. 6 вместо «удар готова нанести» было зачеркн.: «свой нож заносит»; ст. 13—16 читались:

Бог посетил тебя грозюю плодотворной;
Благословениям грядущего внимай:
Осемила мир ты мыслью благотворной
И равенство пожнет плоды ея — прощай.

Заключит. ст. был: «Рука изнемогла, он падает — прощай». Первоначально ст-ние было разделено на 4-хстопные строфы.

Перевод датируется ноябрем 1857 г. на основании письма к В. П. Боткину от 28 нояб. 1857, где Фет сообщил: «Мне его дал Толстой, и я его перевел» (*РГБ*). Тогда же перевод был послан в Рим Тургеневу, к-рый писал 28 дек. 1857 (9 янв. 1858): «Перевод Ваш из Беранже очень мил. Бороться с ним довольно трудно; благословляю Вас на борьбу гораздо труднейшую — а именно с Шекспиром» (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 184). 18 дек. 1857 Некрасов, к-рому ст-ние было также послано Толстым (25 нояб. 1857), известил Фета, что «предсмертное стихотворение Беранже» уже набрано (*Некрасов. Переписка*. Т. 1. С. 527).

ХІІІ. ГЕЙНЕ

О сильном увлечении поэзией Г. Гейне (1797—1856) еще в студенческие годы Фет говорил в своих мемуарах, вспоминая время тесного общения с Ап. Григорьевым, у которого в доме он жил с января

1839 года: «К упоению Байроном и Лермонтовым присоединилось страшное увлечение стихами Гейне» (РГ. С. 193). «Но никто в свою очередь не овладевал мною так сильно, как Гейне своей манерою говорить не о влиянии одного предмета на другой, а только об этих предметах, вынуждая читателя самого чувствовать эти соотношения в общей картине, например, плачущей дочери покойного лесничего и свернувшейся у ног ее собаки. Гейне в ту пору завоевал все симпатии; влияния его не избежал и самобытный Лермонтов. Мои стихотворения стали ходить по рукам» (Там же. С. 209). Это признание можно пояснить словами Ап. Григорьева: «...ум или талант, а может быть то и другое, предохранили его <Фета> от повторения острот Гейне, указали ему на одну только родственную черту с Гейне — на способность сообщать осязаемость тонким, неопределенным, для других неподмечаемым впечатлениям» (ОЗ. 1850. № 2. С. 55).

Начало работы над переводами из Гейне следует датировать, вероятно, 1841 годом, так как в первый поэтический сборник (*ЛП*) они еще не попали. Это подтверждается свидетельством Ап. Григорьева, к-рый писал, что *ЛП* «замечателен еще тем, что на стихотворениях его нисколько не заметно влияния Гейне, с которым поэт не был еще даже знаком тогда...» (ОЗ. 1850. № 2. С. 57).

Первая публикация трех ст-ний Гейне в переводе Фета появилась в журнале *Москва* в 1841 г. (№ 12), очевидно, не без содействия С. П. Шевырева. Здесь впервые Фет подписался полным именем: «А. Фет». Так он будет подписывать все свои поэтические произведения, даже после того, как восстановит родовое имя Шеншина. Вторая — в журнале *ОЗ* (1842. № 6). Здесь было опубликовано 2 ст-ния. Подборка из 14 ст-ний была готова к 1847 г., она вошла в *Сб1850* (См. т. 1 наст. изд. С. 175—182). В рецензии на этот сборник Ап. Григорьев, принявший, как известно, самое непосредственное участие в его формировании, особо остановился на «удивительных» переводах из Гейне и рассмотрел вопрос о влиянии немецкого поэта на самобытную поэзию Фета.

Следующим значительным этапом работы над переводами из Гейне стала вторая половина 1850-х гг., уже после выхода в свет *Сб1856*, куда И. С. Тургенев включил лишь четыре перевода (из них один — «Желтеет древесная зелень...» был напечатан впервые). Возможно, это было связано с тем, что Тургенев не был большим поклонником Гейне, считая, что Гёте — поэт «пославнее Гейне» (письмо к П. В. Жуковскому от 19 нояб. (1 дек.) 1875).

К концу 1857 г. Фет подготовил подборку из 29 ст-ний Гейне, почти удвоив число напечатанных в *Сб1850*, однако публикация их затянулась. 13 нояб. 1857 он спрашивал А. В. Дружинина, готов ли Некрасов взять их в *Совр.*, а в случае отрицательного решения предлагал их в *ВдЧ* (*Письма к Дружинину*. С. 337). Однако ни Дружинин, ни Некрасов новую подборку из Гейне не опубликовали (см. выше, статью о Фете-переводчике).

В 1859 г. в *РСл* (№ 5. С. 34—48. Далее: *РСл*) Ап. Григорьевым была опубликована подборка из 28-ми ст-ний — самая большая сре-

ди подборок других поэтов, чьи переводы были напечатаны здесь же — А. Плещеева, Л. Мея, Вс. Крестовского и самого Ап. Григорьева. Он объяснял появление столь обширной публикации тем, что в редакции журнала накопилось много переводов из Гейне. Хотя в предисловии Григорьев отмечал, что не ставит перед собой ни биографических, ни даже эстетических задач, «прекрасно выполненных уже в статье о Гейне одного из даровитых его переводчиков, М. И. Михайлова», нельзя не заметить, что как самим подбором авторов-переводчиков, так и своей вступительной заметкой критик внутренне полемизировал с трактовкой Гейне революционными демократами, и прежде всего с Михайловым, который накануне опубликовал в *БЧ* первую на русском языке биографию поэта (1858. № 6—7), а также издал «Песни Гейне» в своих переводах (СПб., 1858), получивших положительный отклик Н. А. Добролюбова.

Отмечая необыкновенную популярность немецкого поэта в России, в предисловии к публикации Григорьев утверждал: «Генрих Гейне — бесспорно, один из немногих истинных поэтов нашей эпохи <...> о Гейне будут еще и еще писать, — будут писать, пока его будут переводить, а будут его переводить до тех пор, пока не пройдет то веяние, которого он был блестящим, почти гениальным жрецом» (*РСл.* С. 15). Возражая против уподобления Гейне Байрону, который был «трагик и трагик, верующий в свой трагизм», Гейне, по мнению Ап. Григорьева, — «прежде всего юморист, т. е. трагическая натура, в которой подворвана всякая вера в ее собственный трагизм» (Там же. С. 15—16). Говоря же о значении поэта в рус. литературе, критик находил это значение прежде всего в Гейне как выразителя «болезненного настроения эпохи», чему, в основном, и была посвящена его вступит. заметка. Характерно, что, иллюстрируя свои размышления о Гейне, Ап. Григорьев пользовался чаще всего фетовскими переводами. Возможно, что критик, указывая на некоторые стороны творческой индивидуальности Фета, в некотором смысле пытался предостеречь его от чрезмерного увлечения поэзией Гейне. «Дарование Фета совершенно самобытное, особенное, — писал он еще в обзоре «Русская изящная литература в 1852 году», — до того особенное, что особенность переходит у него в причудливость, подчас в самую странную неясность, или в такого рода утонченность, которая кажется изысканностью. <...> Фет, кроме того, поэт субъективный, поэт одной из самых болезненных сторон сердца современного человека...» (*Григорьев Ап. Полн. собр. соч. и писем / Под ред. В. Спиридонова. Т. 1. Пг., 1918. С. 181—182*). В то же время еще недавно тот же Григорьев писал: «Никто лучше г. Фета не переводит Гейне и никто лучше не умеет выбирать из его стихотворений» (*ОЗ. 1850. № 2. С. 72*). Что касается самого Фета, то он признавался Дружинину, что переводил Гейне «шутя и, если нужно, по заказу» (*Письма к Дружинину. С. 347*).

Обращаясь к переводам из Гейне, Фет вступал в своеобразное соперничество со мн. рус. поэтами, в т. ч. Лермонтовым и Тютчевым, одними из первых переведшими несколько ст-ний Гейне (Тют-

чев был к тому же близко знаком с поэтом). Но, в отличие от своих предшественников, Фет идет слово в слово за оригиналом, не стремясь «дописывать» или переосмысливать Гейне. Об одном из ст-ний немецкого поэта, переведенном Тютчевым, Е. Г. Эткинд писал, напр., что Тютчев «создал другое стихотворение, лишь по теме похожее на гейневское, а на самом деле противоположное ему» (*Эткинд Е. Поэзия и перевод. М.; Л., 1963. С. 37*). Я. И. Гордон видит влияние Гейне на Фета «и в тяготении к миниатюрам, и в стремлении к цикличности, и в широком использовании в своих произведениях приема психологического параллелизма переживаний человека и природы...» (*Гордон Я. И. Гейне в России (1830 — 1860-е годы). Душанбе, 1973. С. 139*).

Все ст-ния, опубликованные в *РСЛ*, вошли в той же редакции в *Сб1863*, по к-рому воспроизводятся в наст. томе. Представляется существенным порядок, в котором они были напечатаны по сравнению со *Сб1850*. Характерно, что наиболее лирические произведения из цикла «Лирическое интермеццо» заняли место ст-ний, взятых из цикла «Опять на родине», гораздо более описательных, менее субъективных, которыми ранее открывалась подборка «из Гейне». Возможно, на новое расположение стихотворений повлияли мнения друзей и советчиков Фета, прежде всего Ап. Григорьева. Однако не исключено, что поэт со временем стал более ценить именно ст-ния из «Лирического интермеццо», в особенности после того, как в рус. периодике стали появляться циклы «из Гейне», где фигурировали, прежде всего, стихи с политическим подтекстом.

Большая часть из напечатанных прежде переводов Фета из Гейне подверглась существенной редакторской доработке, что дает основание включить их в настоящий том в качестве позднейших редакций, не учтенных в т. 1 наст. изд. К этому побуждает и предваряющее публикацию примечание, несомненно, принадлежащее перу Фета: «Некоторые из этих стихотворений одновременно уже появлялись в печати. Желая вполне сохранить пестрый венок немецкого поэта, переводчик решил в число еще ненапечатанных поместить и прежние стихотворения, тем более, что все они вновь пересмотрены и по возможности исправлены» (*РСЛ. С. 34*). Указание самого поэта на желание «сохранить пестрый венок» Гейне, подтвержденное приведенным выше высказыванием Ап. Григорьева об умении Фета «выбирать» из стихотворений немецкого поэта лучшее, свидетельствует о том, что перед нами пример своеобразной «рециклизации» Гейне, что было характерным для эпохи (см.: *Ачкасов А. В. Г. Гейне в переводах Фета (Вопросы поэтики, циклизации, формы) // А. А. Фет и русская литература. Материалы Всерос. научн. конференции. Курск, 2003. С. 181—186; то же в кн.: Ачкасов А. В. Лирика Гейне в русских переводах 1840—1860-х годов. Курск, 2003. С. 60—65*). Настаивая на публикации единовременно «восточного букета» стихотворений «из Гафиза», Фет, по сути дела, говорил о том же, оставляя свое право на представление переводимого поэта перед публикой.

Как всегда в переводах, Фет стремился к предельной верности оригиналу, и в передаче каждого образа и даже слова, и в передаче размера и общей мелодики стиха, хотя, подобно др. переводчикам, «выравнивал» гейневский дольник, заменяя его амфибрахией, ямбом, дактилем (см.: *Ачкасов А. В. Г. Гейне в переводах Фета (Вопросы поэтики, циклизации, формы)*. С. 186—192). Об этом свидетельствует и характер редакторской доработки переводов.

«Фетовские переводы с точки зрения мастерства представляют собой одно из достижений в истории русской переводческой культуры XIX века, — считает современный исследователь. — Абсолютное большинство этих плодов труда и вдохновения Фета сохранило свое значение в нашем веке и хорошо воспринимается современным читателем. <...> Лишь в последних изданиях переводы Фета и ряда других мастеров XIX века были оттеснены на второй план массовыми переводами советских литераторов» (*Гордон Я. И. Гейне в России (1830 — 1860-е годы)*. С. 130).

I. «Из слез моих много родится...» (С. 239). Перевод стиха «Aus meinen Thränen sprießen...»). Из «Книги песен» (цикл «Лирическое интермеццо»). Впервые: *Москва*. 1841. Ч. VI. № 12. С. 296. То же: *Сб1850* и *РСл*.

Один из первых переводов Фета из Гейне. См.: *Ачкасов А. В. Г. Гейне в переводах Фета (Вопросы поэтики, циклизации, формы)*. С. 173—174.

Григорьев писал об этом стихе: «Современному, болезненно настроенному человеку нравится самый процесс страдания: ему любо окружать себя мрачными и горестными сопоставлениями» (*РСл*. С. 23). Положено на музыку А. П. Бородиным.

II. «Лилею, розой, голубкой, девицей...» (С. 239). Перевод стиха «Die Rose, die Lilie, die Taube, die Sonne...» из «Книги песен» (цикл «Лирическое интермеццо»). Впервые: *РСл*. С. 35. Автограф в *T1*. Датируется 1857 по письму Фета к А. В. Дружинину от 13 нояб. 1857 (см. выше).

III. «Ланитой к ланите моей прикоснись...» (С. 239). Перевод стиха «Lehn deine Wang' an meine Wang'...»). Из «Книги песен» (цикл «Лирическое интермеццо»). Впервые в ранней редакции: *ОЗ*. 1842. № 6. С. 372. То же: *Сб1850*, где в ст. 1 вместо «прикоснись» было: «приложись», в ст. 5 вместо «прольются рекой» — «полюются рекой». Поздняя редакция: *РСл*. С. 35.

IV. «Дитя! мои песни далеко...» (С. 240). Перевод стиха «Auf Flügeln des Gesanges...» из «Книги песен» (цикл «Лирическое интермеццо»). Впервые в ранней редакции: *ОЗ*. 1842. № 6. С. 372. То же: *Сб1850*, с изм. В *Остр. экз.* Тургенев подчеркнул в тексте слово «красная» из 6 ст. («В саду всё красная цветет...») и написал на полях: «перем<енить>». Фет выполнил это пожелание, сделал замену («В саду всё зардевшись цветет»), в эт. варианте стих опублик. в *Сб1856*. Поздняя редакция: *РСл*. С. 35—36, где в ст. 10 вместо «газели глядят» — «газели стоят». Перевод был оценен М. Л. Михайловым как

«прекрасный» (*Михайлов М. Л.* Биографические заметки о Гейне, Статья вторая и последняя // *БДЧ.* 1858. Т. 150. Смесь. С. 46).

Гангесова тька — зд. Ганга, священной реки Индии.

V. «Как из пены вод рожденная...» (С. 240). Перевод ст-ния «Wie die Wellenschaumgebogene...» из «Книги песен» (цикл «Лирическое интермеццо»). Это и два следующих ст-ния в первом сборнике Гейне (1821) имели общий заголовок: «Новобрачная». Впервые: *РСл.* С. 36. Датируется 1857, по письму Фета к А. В. Дружинину от 13 нояб. 1857 (см. выше).

Из пены вод рожденной была, согласно греч. мифу, богиня любви Афродита.

VI. «Я не ропщу, пусть сердце и в огне...» (С. 241). Перевод ст-ния «Ich grolle nicht, und wenn das Herz auch bricht...» из «Книги песен» (цикл «Лирическое интермеццо»). В сборнике Гейне 1821, вместе с V и VII, вошло в миницикл «Новобрачная». Впервые: *РСл.* С. 36, с опечаткой, в ст. 3: «в алмазах *дня* очей» вместо «алмазах для очей». Исправлено Б. В. Никольским в *ПССМ1901*. Датируется 1857 по письму Фета к А. В. Дружинину от 13 нояб. 1857 (см. выше).

VII. «Да, ты несчастна — и мой гнев угас...» (С. 241). Перевод ст-ния «Ja, du bist elend, und ich grolle nicht...» из «Книги песен» (цикл «Лирическое интермеццо»). В сборнике Гейне 1821, вместе с V и VI, вошло в цикл «Новобрачная». Впервые: *РСл.* С. 36. Датируется 1857 по письму Фета к А. В. Дружинину от 13 нояб. 1857 (см. выше).

VIII. «На севере дуб одинокий...» (С. 241). Перевод ст-ния «Ein Fichtenbaum steht einsam...» из «Книги песен» (цикл «Лирическое интермеццо»). Впервые в ранней редакции: *Москва.* 1841. Ч. VI. № 12. С. 296. То же: *Сб1850*. С незначит. синтакс. изм.: *РСл.* С. 37.

Вслед за М. Ю. Лермонтовым, создавшим оригинальную вариацию («На севере диком стоит одиноко...»), и Ф. И. Тютчевым, давшим более близкий к подлиннику текст («На севере мрачном, на дикой скале...»), Фет обратился к переводу знаменитого ст-ния Гейне, надеясь, очевидно, на более верное воспроизведение оригинала и вступая в своеобразное соперничество с предшественниками. Хорошо понимая, что Лермонтов, дав точный перевод немецкого «ein Fichtenbaum» («сосна»), совершил смысловой промах («сосна» по-немецки мужского рода, а «пальма», как и в русском языке, женского), Фет не воспользовался находкой Тютчева, переведшего «ein Fichtenbaum» как «кедр» и сумевшего тем самым сохранить гейневскую антитезу влюбленных, которым не суждено воссоединиться. Предложенный Фетом вариант («дуб») выдерживал смысловую нагрузку стихотворения и не противоречил рус. фольклорно-песенной традиции, которой дуб (правда, наряду с березой) более привычен, чем «кедр». При этом Фет дал почти букв. перевод лирич. шедевра Гейне, сохранив его ритм и мелодику.

IX. «Слышу ли песенки звуки...» (С. 242). Перевод ст-ния «Hör'ich das Liedchen klingen...» из «Книги песен» (цикл «Лирическое интермеццо»). Впервые: *РСл.* С. 37. Датируется 1857, по письму Фета к А. В. Дружинину от 13 нояб. 1857 (см. выше).

Х. «Мой друг, мы с тобою сидели...» (С. 242). Перевод ст-ния «Mein Liebchen, wir saßen beisammen...» из «Книги песен» (цикл «Лирическое интермеццо»). Впервые: *РСл.* С. 37. Датируется 1857 по письму Фета к А. В. Дружинину от 13 нояб. 1857 (см. выше).

В переводе, по сравнению с оригиналом, усилено лирическое начало; вопреки своим переводческим принципам Фет ввел отсутствующие у Гейне поэтические штампы («преисполнены муки» в ст. 11 вместо «trostlos» — «безутешно»; «Неслись на безбрежный простор» в заключт. ст. вместо: «...плыли мимо / ... по широкому морю»). См. об этом: *Ачкасов А. В.* Гейне в переводах Фета (Вопросы поэтики, циклизации, формы). С. 173—174.

XI. «Твои пылают щеки...» (С. 242). Перевод ст-ния «Es liegt der heiÙe Sommer...» из «Книги песен» (цикл «Лирическое интермеццо»). Впервые: *Сб1850*, где содержится перв. редакция 1-й строфы:

Твои пылают щеки
Румянцем летних роз,
А у тебя на сердце
Рождественский мороз.

В ст. 7 вместо «На сердце будет лето» — «На сердце будет пламя». В окончательной редакции: *РСл.* С. 37—38.

Редкий случай, когда Фет в первой же строке отступил от оригинала. У Гейне: «Пылает жаркое лето / На твоих щечках...». В ранней редакции во 2-м ст. было точнее: не «вешних», а «летних» роз, хотя у Гейне нет ни «румянца», ни «роз». Существенно доработаны ст. 3 и 4. Было: «А у тебя на сердце / Рождественский мороз». Фет убрал отсутствующее в подлиннике определение («рождественский») и уточнил: не «сердце», а «крошечное сердечко» (ср. у Гейне: «In deinem Herzchen klein»). Уточнение было внесено и в ст. 7, где «пламя» было, в соответствии с оригиналом, заменено на «лето».

XII. «Я плакал во сне; мне приснилось...» (С. 243). Перевод ст-ния «Ich hab' im Traum geweinet...» из «Книги песен» (цикл «Лирическое интермеццо»). Впервые: *Сб1850*. Перепечатано: *РСл.* С. 38.

XIII. «Когда на дороге, случайно...» (С. 243). Перевод ст-ния «Als ich auf der Reise zufällig...» из «Книги песен» (цикл «Опять на родине»). Впервые: *РСл.* С. 38—39. Автограф 6-й строфы в *T1*. Датируется 1857 по письму Фета к А. В. Дружинину от 13 нояб. 1857 (см. выше).

XIV. «С порога рыбацъей избушки...» (С. 244). Перевод ст-ния «Wir saÙen am Fischerhause...» из «Книги песен» (цикл «Опять на родине»). Впервые: *РСл.* С. 39—40. Автограф в *T1*, где в ст. 11 вместо «Что он между небом и бездной» было: «Как он между небом и бездной»; в ст. 18 вместо «Леса-исполины» было начато и зачеркн.: «Древе<сные?>». Датируется 1857, по письму Фета к А. В. Дружинину от 13 нояб. 1857 (см. выше).

Берега у Гангеса — у Ганга (см. комм. к ст-нию «Дитя! мои песни далёко...»). В *Лапландии* — область на севере Швеции, Норвегии, Финляндии, населенная саамами (лопарями или лапландцами).

XV. «Красавица-рыбачка...» (С. 245). Перевод ст-ния «Du schönes Fischermädchen...» из «Книги песен» (цикл «Опять на родине»). Впервые: *Москв.* 1841. Ч. VI. № 12. С. 295. То же: *Сб1850, РСл* и *Сб1863*. Ч. 2. До *РСл* стих-е публиковалось без разбивки на строфы; в ст. 3 вместо «Пойди» было: «Пооди».

Один из ранних переводов, к работе над к-рым Фет в дальнейшем не обращался, включая его в сб-ки в первонач. виде. В ст-нии Фет в ряде случаев отходит от текста оригинала, возможно, чтобы наилучшим образом передать отличительную особенность лирики Гейне, состоящую в простоте лексики и разговорной краткости периодов. Ст. 6 у Гейне: «Und fürchte dich nicht zu sehr» («И не бойся так сильно») исчезает у Фета и передается одним словом «доверчиво» в ст. 5; «бурное море» («dem wilden Meer») в ст. 8 превращается в «глубину». Существенно отличаются ст. 9—10: «Mein Herz gleicht ganz dem Meere, / Hat Sturm und Ebb' und Flut» («Мое сердце похоже на море, / В нем буря, и прилив, и отлив»). В сходном ключе сделан перевод ст-ния Н. П. Огаревым («Прекрасная рыбачка, / Причалъ свою ладью, / Приди и сядь со мною, / Дай руку мне свою...»). Положено на музыку А. П. Бородиным (1853—1854) и В. А. Сениловым (1915).

XVI. «Нисходят во гроб поколенья...» (С. 245). Перевод ст-ния «Die Jahre kommen und gehen...» из «Книги песен» (цикл «Опять на родине»). Впервые: *РСл*. С. 40. Датируется 1857 по письму Фета к А. В. Дружинину от 13 нояб. 1857 (см. выше).

Уже в самом начале ст-ния Фет внешне существенно отходит от подлинника, переставляя местами первый и второй стихи (ср. у Гейне: «Die Jahre kommen und gehen, / Geschlechter steigen ins Grab»). Некоторые «вольности» при передаче отдельных слов, обычно не свойственные Фету, можно встретить и дальше. Так, «möcht' ich dich sehen» («хотел бы тебя увидеть») в ст. 5 у Гейне Фет переносит в ст. 6 и переводит: «встретить твой взор»; заключит. стих оригинала: «Madame, ich liebe Sie!» у Фета звучит на франц. языке: «Madame, je vous adore!», усиливая иронический подтекст высказывания. Однако, несмотря на формальные расхождения, Фету удалось создать практически безукоризненный в метрическом отношении перевод и дать в нем своеобразную аналогию приемов немецкого стихосложения средствами рус. языка. Некоторыми находками Фета воспользовался впоследствии в своем переводе А. А. Блок («Племена уходят в могилу, / Идут, проходят года...»).

XVII. «Они любили друг друга...» (С. 245). Перевод ст-ния «Sie liebten sich beide, doch keiner...» из «Книги песен» (цикл «Опять на родине»). Впервые: *РСл*. С. 40—41. Автограф в *Т1*, где содержится правка, свидетельствующая о том, что Фет требовательно относился к подбору каждого слова в стремлении максимально сохранить черты подлинника. Так, вместо «Смотрели врагами» (ср. у Гейне: «Sie sahen sich an so feindlich») в ст. 3 первоначально было: «Враждебно встречались»; в ст. 7 «уже» исправлено на «они»; в ст. 8 «Едва

догадавшись» — на «И сами не знали» (ср.: «Und wußten es selber kaum»). Опуская присутствующий у Гейне перенос в первой строке, Фет неожиданно вводит его в ст. 3: «Смотрели врагами, но каждый», возможно, пытаясь тем самым воспроизвести ритмический рисунок подлинника.

Датируется 1857 по письму Фета к А. В. Дружинину от 13 нояб. 1857 (см. выше).

XVIII. «Когда я про горе свое говорил...» (С. 246). Перевод стиха «Und als ich euch meine Schmerzen geklagt...» из «Книги песен» (цикл «Опять на родине»). Впервые: РСл. С. 41. Автограф в Т1, где содержится первоначальная редакция стиха:

Когда я про горе свое вам роптал,
Иные зевали и каждый молчал;
Когда же стихами его я убрал,
То много великих услышал похвал.

Ниже дан вариант 4 ст.:

От вас я наслушался громких похвал.

Датируется 1857 по письму Фета к А. В. Дружинину от 13 нояб. 1857 (см. выше).

XIX. «Как луна, светя во мраке...» (С. 246). Перевод стиха «Wie der Mond sich leuchtend dränget...»). Из «Книги песен» (цикл «Опять на родине»). Впервые: С61850. В значительно доработанном виде: РСл. С. 41. В ст. 3 «выходит» заменено на: «всплывает» (ср. у Гейне: «taucht»), в ст. 4 «светлый образ» — на «ясный образ» (ср.: «ein liches Bild»), в ст. 12 вместо «красным пламенем» стало: «ярким пламенем». Существенно переработаны также две последние строфы. Ранняя редакция ст. 13—14: «Струны ныли, хоры пели, / Жизнь была так хороша!» — синтаксически ближе к подлиннику: (ср.: «Lauten klangen, Buben sangen, / Wunderbare Fröhlichkeit!»), но не передает мелодики стиха, заданной внутренней рифмой «klangen» — «sangen» (ср. в поздн. редакции: «томлень» — «пень»). Изменения коснулись ст. 23—24, где Фету удалось найти более точное соответствие немецкому «sah ich glänzen» — «светились мне навстречу». Изначально было: «И всё это улыбалось / Мне в прекрасной паре глаз».

XX. «Во сне я милую видел...» (С. 247). Перевод стиха «Im Traum sah ich die Geliebte...» из «Книги песен» (цикл «Опять на родине»). Впервые: РСл. С. 41—42.

XXI. «Как цвет ты чиста и прекрасна...» (С. 247). Перевод стиха «Du bist wie eine Blume...» из «Книги песен» (цикл «Опять на родине»). Впервые: ОЗ. 1843. № 2. С. 298. То же: С61850. В РСл (С. 42) и С61863, где в ст. 3—4 «нежной» и «чистой» переставлены местами, что более соответствует смыслу подлинника.

Перед Фетом стояла сложная задача передать средствами русского языка часто встречающийся у Гейне прием, состоящий в нагнетании в рамках одной строки ряда односложных слов: «So hold und

schon und rein» (ст. 2), что задает определенный ритм и придает стиху больший эмоциональный заряд. Вынужденный в силу многосложности разбить данный стих, Фет сумел воспроизвести его повторение, с измененным порядком прилагательных «hold» и «rein» (ср.: «нежной» и «чистой»), в конце стиха, несущее у Гейне особую смысловую нагрузку.

XXII. «Хотел я с тобою остаться...» (С. 248). Перевод стиха «Ich wollte bei dir weilen...» из «Книги песен» (цикл «Опять на родине»). Впервые: *Сб1850*, без разбивки на строфы (См. наст. изд. Т. 1. С. 176), где в ст. 9 вместо «прибавить сумела» было: «прибавить умела»; в ст. 12 вместо «лобзаньем своим» было: «лобзаньем твоим».

XXIII. «Ах! опять всё те же глазки...» (С. 248). Перевод стиха «Ach, die Augen sind es wieder...» из «Книги песен» (цикл «Опять на родине»). Впервые: *ЛГ. 1847. № 15. С. 228.* То же: *Сб1850*, с изм. *РСл* (С. 43) и *Сб1863. Ч. 2.* Изменения, в основном коснувшиеся второй строфы, придали стиху большую легкость. Первоначально ст. 5—7 звучали: «Этот голос, что внимать я / Так любил — не изменился; / Только сам уж стал не тот я». В ст. 10 эпитет «пламенные» был заменен на более соответствующий подлиннику: «бледно-розовые» (ср.: «Von den weißen, schönen Armen»).

XXIV. «По бульварам Саламанки...» (С. 249). Перевод стиха «Auf den Wällen Salamankas...» из «Книги песен» (цикл «Опять на родине»). Впервые: *Сб1850*, где в ст. 2 вместо «Воздух благогостворенный» было: «Воздух благотворной»; в ст. 8 вместо «Гордой груди колыханье» было: «Гордой груди волнованье»; ст. 9—10 звучали:

Но по липкам слышен шепот,
Чем-то полный невеселым.

Саламанка — город в Испании, зд. Гейне имел в виду Геттинген, где он учился.

XXV. Горная идиллия («На горе стоит избушка...») (С. 249). Перевод стиха «Bergidylle» («Auf dem Berge steht die Hütte...») из «Книги песен» (цикл «Из “Путешествия по Гарцу”»). Впервые: *Сб1850*, без 8-й строфы. В ст. 6 вместо «Все в резьбе его края» было: «Пышно резаны края»; в ст. 10 вместо «Подпершись на локоток» — «Опершись на локоток»; в ст. 20 вместо «Песнь старинную» — «Песню старую»; ст. 27—28 звучали:

В Гослар, где стрельба бывает,
А веселье только там.

В ст. 35 вместо «Знаю, ночью злые духи» было: «Знать, что ночью злые духи»; ст. 43—44 были:

И под голос звонкой цитры
Песня старая поет.

Окончательная редакция: *РСл* (С. 44—45) и *Сб1863*.

XXVI. «Желтеет древесная зелень...» (С. 251). Перевод ст-ния «Das gelbe Laub erzittert...» (у Гейне под загл. «Уходящее лето» — «Der scheidende Sommer»), предназначавшегося для мини-цикла «Китти» из «Новых стихотворений». Впервые: *Сб1856*, где в ст. 4 вместо «Все неги» было: «Вся нега». Окончат. редакция: *РСл.* С. 45—46.

Умирующий лес — соответствует ранней редакции ст-ния, опубликованной при жизни Гейне (впоследствии «sterbende» было заменено на «kranke»).

XXVII. *Посейдон* («Солнце лучами играло...») (С. 251). Перевод стих-я «Poseidon» («Die Sonnenlichter spielten...» из «Книги песен» (цикл «Северное море»). Впервые: *ОЗ.* 1842. № 12. С. 329. То же: *Сб1850* и *Сб1856*. В *РСл* и *Сб1863* «поднималась» в ст. 11 заменено на «подымалась»; отсутствует, как и в предшествующих публикациях, принятое у Гейне деление на строфы.

Первое ст-ние, опубликованное за подписью «А. Фет» и, как отмечено Я. И. Гордоном, «первый в истории русского Гейне перевод данного стихотворения <...> он открыл собой эру переводов из “Северного моря”» (*Гордон Я. И.* Гейне в России (1830 — 1860-е годы). С. 136).

Переведено вольным стихом, который обыграл И. С. Тургенев, отозвавшись о нем 6 (18) июня 1864 в письме к Фету и В. П. Боткину как о размере,

Который с легкой руки
Гете и Гейне
Привился у нас и сугубо
Процвел под перстами
Поэта, носящего имя:
Фет!
Размер этот легок —
Но и коварен:
Как раз по горло
Провалишься в прозу,
В самую скудную прозу <...>

(*Тургенев. Письма.* Т. 5. С. 263—264). С особой тщательностью, по сравнению с переводом, предложенным М. Л. Михайловым («Солнце играло лучами...»), Фет подходит к сохранению метрического рисунка и фактуры стиха, передаче сложных эпитетов и других особенностей манеры Гейне. Обильное использование слов высокого поэтического языка в значительной мере помогает подчеркнуть античный колорит ст-ния. Характерно появление таких сочетаний, как «пустынный берег», «священный град Приама», «Посидаон», с «главой осокко венчанной», «дщери Нерей», замена гейневского «in Irrfahrt und Drangsal» («в скитаньях и бедствиях») в ст. 16 на: «в путях многотрудных его», исчезновение эпитета «das plumpe» (у Михайлова — «неуклюжая») в стихе об Амфитрите. Однако в этом общем приподнятом настрое ст-ния у Фета приглушается присущая подлиннику

прония, которую сохраняет выдержанный в более разговорном духе михайловский вариант перевода «Посейдона».

Любопытно, что когда не удастся обычными средствами сохранить размер подлинника, Фет прибегает к часто используемому им в оригинальном творчестве приему, неожиданно разбивая строку. Так в ст. 8—10, которые у Гейне звучат: «Und ich las das Lied vom Odysseus, / Das alte, das ewig junge Lied, / Aus dessen...», — Фет дважды отходит от оригинала, разрывая эпитеты и ломая таким образом традиционный строй предложения: «Песнь Одиссея читал я — старую, / Вечно юную песнь. — Из ея / Морем...».

Песнь Одиссея — в ст-нии точно перечисляются приключения Одиссея (сына *Лаэрта*, царя Итаки), главного героя одноименного гомеровского эпоса. *Где царицы пурпур прядут* — в своих странствиях Одиссей попадает к феакам, царица которых Арета прядет шерсть, окрашенную в пурпур. *Киммерийская ночь* — киммерийцы, у которых оказывается Одиссей, жили у входа в преисподнюю, в царстве вечной ночи. *Посидаон* (Посейдон) — один из главных олимпийских богов, владыка моря, единственный выступает против решения олимпийцев вернуть домой Одиссея. Ненавидя Одиссея за ослепление своего сына *Полифема*, одноглазого людоеда-великана, Посейдон насылает на него страшную бурю, разбивает его плот и своим трезубцем взбудораживает море, тучи и ветры. *Священного града Приама* — имеется в виду Троя, после падения которой начинаются долголетние скитания Одиссея. *Паллада Афина* — богиня мудрости и справедливой войны, покровительствовавшая Одиссею. *Дщери Нереея* — nereиды, морские божества, одна из которых *Амфитрида* (Амфитрита) стала супругой Посейдона.

XXVIII. Эпилог («Будто на ниве колосья...») (С. 252). Перевод стих-я «Epilog» («Wie auf dem Felde die Weizenhalmen...») из «Книги песен» (цикл «Северное море»). Впервые: РСл. С. 47—48. Автограф в Т1, где дан вариант ст. 19: «Где заывают свирели да песни», не учтенный в окончательной редакции, поскольку «Pfeifen» означает скорее не «свирели», а «дудки». Зд. у Фета неточность: у Гейне не «песни», а «скрипки» (Geigen).

П Р И Л О Ж Е Н И Я

Печатаю переводы, выполненные Фетом до 1863 г. и не вошедшие в прижизненные сборники, мы придерживаемся порядка, предложенного самим поэтом в Сб1863.

Гафиз

Причины, по которым переводы не были включены в *Сб1863*, не вполне ясны. По предположению Б. Я. Бухштаба, все они были отвергнуты И. С. Тургеневым (*ПССм1959*. С. 829), хотя не исключено, что часть из них была оставлена самим Фетом, а ст-ние «Нет, мой друг...» не пропущено цензурой (см. преамбулу к разделу «Из Гафиза» в основном корпусе наст. тома).

Печатается по черновым автографам в *ТемрРГБ* и на отдельных листах: *ОРРГБ*. Ф. 315. Картон 1. Ед. хр. 7 и 8 (на обложке: [Из Гафиза] Наброски неск. стих-й [1859]. Внизу запись рукой Б. Я. Бухштаба: «Установлено Бухштабом Б. Я.»). Им же впервые опубликован один из переводов, не включенных в *Сб1863* и оставшихся в рукописи («Пусть, Гафиз, любезный попугай...»), в комментариях к *ПССм1937*. С. 756.

«Ежели порой посмотришь ты...» (С. 254). Перевод стихотворения Даумера «Nie, Hafis, du lieblicher Paragei...». Впервые (с перестановкой строф, соответственно немецкому оригиналу, и с некоторыми неточностями): *ПССм1937*. С. 756—757, где ошибочно указано, что это «единственная сохранившаяся рукопись перевода из Гафиза, не вошедшего» в *Сб1863* (С. 756). Сведения уточнены в *ПССм1959*. С. 829, без воспроизведения текста. Печатается по чернов. автографу карандашом (*ОРРГБ*. Ф. 315. К. 1. Ед. хр. 7. Л. 2—2 об.), где после ст. 9 было начато и зачеркн.: «Светлые», затем — «Из любви»; в ст. 13 после «Горе» было зачеркн.: «горе»; в ст. 14 было зачеркн.: «Потеряешь голову с чалмою»; в ст. 19 после «можем» было зачеркн.: «ключ купить»; после ст. 23 было начато и зачеркн.: «Не отгу<стит>».

Датируется 1859 г. Основание датировки см. в примеч. к ст-нию «Так уж меня с моею ивой...».

Появление «стана» в ст. 8 (как и «грубияна» в 5-ой строфе) — пример внимания к звукописи Фета-переводчика: заключительный стих каждой строфы подлинника оканчивается на -ane (*Marzipane* — «марципана», *Tamerlane* — «Тамерлана», *Guardiane* — «грубияна», *Raviane* — «обезьяна», *Pelikane* — «пеликана», *Ehrenfahne*, где «Fahne» — знамя). Только в последнем случае, где в рус. языке не оказалось подходящего слова на -ана, Фет вынужден был, вопреки своим правилам, внести конъектурное изменение в перевод «Reichspalast der Poesie» как «лагеря поэтов», а не «роскошного дворца поэзии», найдя подходящий аналог «Fahne» («стана»). Перенесение двух последних строф (5 и 6 у Даумера) в начало, сделанное, очевидно, из-за неточности перевода заключительного двуступища («Auf dem Reichspalaste der Poesie / Wehet er als Pracht- und Ehrenfahne»), утратившего в переводе значение завершающего аккорда, изменило всю смысловую нагрузку ст-ния. Возможно, Фет сам не был удовлетворен таким решением и потому исключил ст-ние из публикации.

Вроде пеликана — согласно легенде, пеликан, чтобы накормить своих детей, расклевал себе грудь и кормил их своим мясом и кровью. *Джиннистан* — одно из названий Персии. *Тамерлан* (Тимур; 1336—1405) — завоеватель, разгромивший Золотую Орду, создатель гос-ва со столицей в Самарканде. *Александр* (Македонский, 356—323 до н. э.), царь Македонии, завоеватель и создатель крупнейшей в мире империи, распавшейся после его смерти.

«Нет, мой друг...» (С. 255). Перевод ст-ния «Nicht, o Freund...». Печатается по чернов. автографу (ОР РГБ. Ф. 315. К. 1. Ед. хр. 8. Л. 5 и 5 об.), написанному чернилами, правка карандашом. На обложке помета Б. Бухштаба: «не опубликовано» и затем зачеркнуто. Возможно, это черновой автограф ст-ния, впоследствии запрещенного цензурой. Ст. 2 был начат и зачеркн.: «Что кидать», после «пьющих было зачеркн.: «гроз<ым>», «взор»; ст. 3 начинался: [Не]; в ст. 11 вместо «сухой» было зачеркн.: «крутой»; в ст. 14 вм. «объяснитель» было зачеркн.: «испытатель»; в ст. 17 вм.: «Бытия открытjem новым» было зачеркн.: «Бытия находкой новой»; в ст. 32 вм. «Прихворнет» было зачеркн.: «Захворал». Датируется, по аналогии со следующим, 1859 годом.

«Так уж меня с моею ивой...» (С. 256). Перевод ст-ния «So steh'n wir, ich und meine Weide...». Печатается по чернов. автографу (ОР РГБ. Ф. 315. К. 1. Ед. хр. 8. Л. 1), вписанному карандашом и чернилами на об. печатной повестки ОЛРС 1859 г., которая гласит: «Гг. члены ОЛРС, учрежденного при МНП Московского университета сим приглашаются к <далее слово вписано от руки> экстренному заседанию, имеющему быть сего 28-го ноября в 6 1/2 часов вечера». Внизу адрес рукой Фета: Алекс. Яковл. Вазар: «В доброй Слободке у Красных Ворот. В доме Бошкарева». В ст. 6 «венец» исправлено вместо: «венюк». У Даумера ст-ние разбито на четыре строфы.

Датируется на основании текста печ. повестки ОЛРС ноябрем 1859 г.

«Терзают грудь земли, и, посмотри, она...» (С. 256). Перевод ст-ния «Zerrissen wird der Erde Bauch, und sieh', er giebt...». Печатается по черновому автографу: *ТемпРГБ*. Л. 6 об., где вместо ст. 7 было зачеркнуто: «Что ж — человек, неблагодарней быть». В ст. 6 у Даумера: «Dem, welcher sie zerschlagen hat, ihr Perlenherz» («Тому, кто ее разбил, дарит жемчужину сердца»).

Работу над переводом следует, очевидно, отнести к 1859 г., когда он интенсивно готовил цикл «Из Гафиза».

«Помнишь ли ты, нежный друг мой, как светло...» (С. 256). Перевод ст-ния «Weißt du noch, mein süßes Herz, wie Alles sich...». Печатается по автографу: *ТемпРГБ*. Л. 6 об.—7. У Даумера первое двустишие повторяется в конце, образуя кольцевую композицию, у Фета оно опущено.

Датируется, по аналогии с предыдущим, 1859 годом.

«Как бы эфира сотрясенье слышу...» (С. 257). Перевод ст-ния «Wie Melodie aus reiner Sphäre hör'ich...». Печатается по черновому

автографу: *TempRGБ*. Л. 7, где в ст. 2 вместо «сфер воздушных» было: «сфер небесных»; в ст. 5 было начало и зачеркн.: «Не ветер». Датируется, по аналогии с предыдущим, 1859 годом.

Кроткий — у Даумера «ангел» («Engel»):

Ein Weh'n, so sanft, als ob mir eines Engels
Gelinde Schwinge nähe wäre, hör' ich

(дословно: «Дуновение, такое легкое, как будто ко мне ангела / Ласковые крылья приближаются, слышу я»).

«Взгляни! Ты, дышащий кудлой...» (С. 257). Перевод ст-ния «Blick' auf, beschränkte Tadlerzunft...». Печатается по автографу в письме к Л. Н. Толстому (*Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 335). Ст-ние изначально предназначалось для *Сб1863*. В письме от 28, 29 нояб. (10, 11 дек.) 1859 г. Тургенев просил Фета переделать ст. 3—4, «где неясно и неприятно: безумство... не так встречает как ты» (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 374). Неудачным Тургенев посчитал предложенный Фетом вариант перевода «erhabner Urvernunft» («высокое безумство») в ст. 3 у Даумера как «безумство светлое», причислив его к разряду тех случаев, когда «поставлены слова — неловко и потому — темно» (Там же. С. 393). Возможно, ст-ние не было включено в *Сб1863* по совету Тургенева.

Мицкевич

Два перевода из Мицкевича, не включавшиеся Фетом в прижизненные сборники и увидевшие свет в журналах *Совр.* («Свитезянка», 1854) и *ОЗ* («Свидание в лесу», 1854), не были включены поэтом и в *Сп1892*. Причины, по которым Фет не включил эти переводы в *Сб1863*, точно не известны, однако они признаются удачными и включаются в совр. издания. Возможно, на них распространяется мнение Фета о своем переводе баллады Мицкевича «Дозор», впервые опубликованном в *ОЗ* (1846) и включенном в *Сб1850* (*РГ*. С. 344. См. также наст. изд., т. 1. С. 441).

Свитезянка («Кто этот юноша скромный, прекрасный...») (С. 257). Перевод баллады «Switezianka», написанной Мицкевичам по мотивам поверья об ундилах, которых в народе звали свитезянками. Впервые: *Совр.* 1854. Т. 47. С. 338, без указания переводности. Впоследствии, просматривая перевод для издания 1-го тома «Сочинений А. Мицкевича» (СПб.; М., 1882. С. 117), Фет внес небольшие изменения в ст. 25 (вместо «Полно блуждать, как упырь невидима» — «Полно блуждать, словно облачко дыма») и в ст. 85 (вместо «Взлюбишь ли ты лишь, как ласточка, шибко» — «Будешь, как резвая ласточка, шибко»). Автограф неизвестен.

Свидание в лесу («“Ты ль это? Так поздно?” — “Я сбился в потемках с дороги...”») (С. 261). Перевод сонета «Widzenie się w gaju».

Впервые: *ОЗ*. 1854. Т. 95. С. 338, без указания переводности и без последнего стиха, очевидно, исключенного цензурой и замененного точками. Полный текст в книге: «Сочинения А. Мицкевича» (Т. 1. СПб.; М., 1882. С. 117). Черновой автограф в *Тетр РГБ*, где содержится первая редакция ст-ния, без заглавия: ст. 1:

Ты ль это? так поздно? В лесу я ошибся дорогой;

над словом «ошибся» вписано карандашом: «сбился»; под ст. 2 вписан не учтенный впоследствии вариант: «так сбивчива чаща <?>»; в ст. 5 вместо «О, дай же» — «Отдай же»; в ст. 9 вместо «Взгляни же» — «Взгляни-ка»; в ст. 11 окончат. вариант вписан над зачеркн.: «Ужели здесь сидя со мной ты преступною ст<ала>»; заключит. ст.: «Как будто небесным ты заново Ангелом стала».

Гейне

Из помещенных в разделе «Приложения» стихотворений Гейне лишь одно было опубликовано при жизни Фета, остальные остались в рукописи. Они впервые увидели свет в издании *ПССМ1901* Б. В. Никольского и перепечатывались последним в *ПССМ1910* и *ПССМ1912*. Наличие некоторых автографов подтверждает еще раз, что Никольский дополнял корпус неизвестных стихотворений и переводов по утраченным ныне рабочим тетрадям, причем тексты, сохранившиеся только в рукописи, печатал в разделе «Приложения». Причины, по которым Фет не включил четыре перевода из Гейне, выполненных, по всей видимости, до 1863 г., не известны. Возможно, это был совет Ап. Григорьева, напечатавшего подборку фетовских переводов из Гейне в *РСЛ* (1859, № 5). В *ПССМ1937* все ст-ния были напечатаны, в *ПССМ1959* и *Сил1986* опущены. Переводы датируются предположительно по местоположению в *Т1*. В *Сил1892* все четыре перевода не включены.

«Томный звон в груди моей...» (С. 262). Перевод ст-ния «Leise zieht durch mein Gemüt...» (Из сборника «Новые стихотворения», 1844; цикл «Новая весна»). Впервые: Развлечение. 1859. № 8. С. 85. Перепеч.: *ПССМ1901*, *ПССМ1910* и *ПССМ1912*, с пропуском в ст. 3: вместо «Взвейся ж» — «Взвейся». Вперв. по автографу с изм. в синтаксисе: *ПССМ1937*. С. 609. Автографы: в *Т1* (черновой, где в ст. 2 «Внятен» вписано вместо зачеркн.: «Слышен») и в *ГИМ* (беловой, факсимиле см.: *Лит. Насл.*, Т. 22—24. С. 583), с надписью: «В Развлечение. (из Гейне)» и подписью: «А. Фет». Печ. по *Т1* (Л. 92 об.). По *Хрон. указ.* предположит. датируется 1857 г.

Судя по письму Фета к А. В. Дружинину от 13 нояб. 1857, где названо 29 пересмотренных и исправленных переводов из Гейне, этот перевод мог быть в их числе и по каким-то причинам не попал позднее к Ап. Григорьеву, который опубликовал не 29 ст-ний, а 28.

«На бледном ты лице моем...» (С. 262). Перевод ст-ния «Verriet mein blasses Angesicht...» (Из «Книги Песен», цикл «Опять на родине»). Автограф в Т 1 (Л. 92 об.), где в ст. 2 вместо «не прочла» было ошибочно написано и исправлено: «не прочел»; в ст. 7 был исправлен цифрами над строкой порядок слов: «Мои быть могут мне смешны». Впервые: ПССМ1901. Т. 3. С. 320, с изм. в синтаксисе; то же — ПССМ1937. С. 609. Печатается по автографу. По Хрон. указ. предположит. датируется 1857 г.

«И если ты будешь моею женой...» (С. 262). Перевод ст-ния «Und bist du erst mein ehlich Weib...» (Из «Книги Песен», цикл «Опять на родине»). Автограф в Т 1. Впервые: ПССМ1901. Т. 3. С. 319; то же — ПССМ1937. С. 609—610. По Хрон. указ. предположит. датируется 1857 г.

ШЕКСПИР

Фет перевел три пьесы Шекспира: «Антоний и Клеопатра», «Юлий Цезарь» и «Тимон Афинский». Переводы двух первых были опубликованы, последней — не был, и в настоящее время неизвестен. В февр. 1859 г. Фет сообщал И. П. и Н. А. Борисовым: «Тимон идет в качестве, но не в количестве отлично. Продам все издание в трех томах Кушелеву. Великолепное будет издание по 3 р. за экземп<ляр>» (Из неиздан. переписки. С. 000). Уже 31 авг. 1859 г., как свидетельствует письмо Фета к Полонскому, перевод «Тимона Афинского» был завершен (Там же. С. 560). О намерении перевести «Отелло» поэт сообщал Борисовым в февр. 1859 г., однако этот замысел осуществлен не был (Там же).

В 1884 г. к Фету обратился А. Ф. Дамич с предложением опубликовать переводы шекспировских пьес в новом, четвертом издании избр. произведений англ. драматурга. Фет согласился на публикацию трех пьес, имевшихся в его распоряжении, но вскоре выяснил, что перевода «Тимона Афинского» у него нет. Тогда он предложил взамен перевести какую-либо пьесу по выбору издателя «предстоящей зимой» (письмо к Дамичу от 20 апр. 1885 г. — ОР РНБ), обговорив денежные условия. Издание не было осуществлено, но намерение вновь заняться переводами Шекспира не было оставлено Фетом.

Еще раз поэт обратился к переводу Шекспира в 1888 г. В письме к К. Р. в июле 1889 г. он замечает: «В свою очередь, в прошлом году я принимался за перевод Гамлета, но в самом начале, при появлении духа, не справился со стихами Горацио: "Stay: speak, speak, I charge thee, speak", который и не вмещается в русский стих и выглядит безобразно. Английский язык еще более немецкого богат короткими

словами» (РО ИРЛИ). Сохранился черновик перевода, о котором пишет Фет. Указанный им стих ясно читается: «Стой; молви, молви! заклинаю — стой» (ОР РГБ. Ф. 31. Картон 1. Ед. хр. 46). В окт. того же года Фет вновь коснулся этой темы: «Я того мнения, что поэт не может избрать лучшей гимнастики против перевода такого силача, как Шекспир, и такой бездны, как Гамлет. Конечно, подстрочности есть идеал перевода, но при невозможности сохранить ее без искажения подлинника — позволительно ею жертвовать» (РО ИРЛИ).

«Антоний и Клеопатра» и «Юлий Цезарь» были неоднозначно встречены критикой. В небольших по объему заметках, опубликованных в «Северном цветке» и «Театральном и музыкальном вестнике», переводы оценивались в целом положительно. В «Северном цветке», в частности, говорились: «О таланте г. Фета слышится много разноречивых толков, не будем входить в разбирательства всех мнений о нем, скажем только, — как переводчик он исполнил дело добросовестно». Здесь же звучала сдержанная критика: «Правда, не все, написанное пером знаменитого Шекспира, передано отлично г. Фетом, в его переводах попадаются тяжелые стихи, что, по всей вероятности, произошло от того, что переводчик слишком держался буквы подлинника» (Северный цветок. 1859. 28 марта. № 13. С. 197—98). Критик «Театрального и музыкального вестника» сравнил прозаич. перевод Кетчера и поэтический Фета, отметив, что переводы Кетчера «отличаются верностью передачи подлинника», но «слабо передают творческие и литературные красоты» оригинала. Задачу переводчика автор критич. заметки усматривал в том, чтобы «согласить» то и другое, притом «согласить так, чтобы язык и формы речи были вполне современны» (Театральный и музыкальный вестник. 1859. 5 июля. № 26. С. 254). Критик находил, что переводы Фета не удовлетворяют высказанному требованию, однако «в них есть места истинно поэтические и передающие всю силу красот шекспировских драм» (Там же).

Сравнительно объемная (34 стр.) критич. статья, озаглавленная «Шекспир в переводе г. Фета. (Юлий Цезарь, трагедия *Вилльяма Шекспира*, перев. А. Фета. «Библиот. для Чт.», март 1859 г.)» (Совр. 1959. Т. 75. № 6. С. 255—88) и опубликованная под псевдонимом М. Лавренский, представляла собой резкую критику перевода «Юлия Цезаря». Позднее она была упомянута Н. Г. Чернышевским в списке сочинений Н. А. Добролюбова и на этом основании включена в Полн. собр. соч. Добролюбова под ред. Е. В. Аничкова (1912), а затем в Приложении к Полн. собр. соч. в 6 т. под ред. П. И. Лебедева-Полянского (М., 1934—1941). Впоследствии по гонорарным ведомостям *Совр.* было установлено, что ст. написана Д. Л. Михаловским (*Боград В. Журнал «Современник»*. 1847—1866. Указатель содержания. М.; Л., 1959. С. 359—360, 558). Возможно, что резкий выпад *Совр.* вызвала статья Фета «О стихотворениях Ф. Тютчева» во втором номере *РСЛ* (1859), в к-рой подвергалось критике так наз. «гражданское направление» в поэзии и эстет. взгляды Чернышевского. Разногласия Фета

и *Совр.* в конце 50-х гг. достигли своей критической точки, и статья стала поводом для разрыва Фета с Некрасовым.

Указанная статья сыграла значительную роль в судьбе Фета, поэтому на ней следует остановиться подробнее. Видимо, тон и содержание ее в какой-то степени отражали «кулуарные» разговоры в *Совр.* вокруг Фета и его перевода, который вызывал насмешки еще до ее появления. В марте 1859 г. Дружинин писал Толстому: «Бедный наш мудрец Фет сделал *fiasco* своим “Ю. Цезарем”, над переводом смеются и вытверживают из него тирады, на смех» (*Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 281). А в предыдущем письме от 10 февр. 1859 г. он привел пародию на особенности стиля фетовских переводов: «В подражание ему [Фету] составлены два стиха, героем которых наш несравненный Павел Васильевич <Анненков>:

Богатством — Крез. Но Ир же он — скряжливством:
Обед — в треть века раз; с большой натугой!»

(Там же. С. 278). Пародия не получила такой широкой известности как другая, сочиненная Тургеневым и посланная А. В. Дружинину 25 авг. (6 сент.) 1858: «Он <Фет> перевел “Антония и Клеопатру” и “Юлия Цезаря” — отлично, хотя попадались стихи безумные и уродливые, вроде следующих (правда, сочиненных мною в виде пародии, но далеко не достигающих красоты оригинала):

Брыкни, коль мог, большого пожелав,
Стать им; коль нет — и в меньшем без препон.

Все эти чудовищные стихи мы постарались выкурить; труд был немалый — однако, кажется, он увенчался успехом» (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 233—34). Тургеневская пародия приводилась в статье Михаловского без указания на автора. Цитируя фрагмент фетовского перевода, критик заметил только, что он «по фактуре стиха и по ясности фраз» напомнил «прекрасное двустишие одного из известных наших поэтов...» (*Совр.* № 6. С. 258.).

Пародия, сочиненная Тургеневым, потратившим немало сил на редактирование фетовских переводов из Шекспира, разумеется, не предназначалась для печати, и использование ее Михаловским вызвало его понятное возмущение. Б. Я. Бухштаб сделал предположение, что эта цитата, «известная в ту пору лишь узкому кругу ближайших сотрудников “Современника”», была включена в статью Н. А. Добролюбовым, который подверг статью значительной редакционной обработке, однако достоверных свидетельств, подтверждающих или опровергающих эту версию, нет. Единств. основанием является, с точки зрения Бухштаба, сам тон статьи: «...вряд ли скромному переводчику <Михаловскому> принадлежат слова, осмеивающие прежнюю оценку Фета в критике “Современника”» (*Бухштаб Б. Я. А. А. Фет. Очерк жизни и творчества*. Л., 1990. С. 41).

Ни Фет, ни Тургенев, вероятно, не знали, кто скрывался под псевдонимом М. Лавренский. Возмутила их, в первую очередь, позиция в

этом деле Н. А. Некрасова. Позднее Фет вспоминал: «Конечно, такие пародии предназначались для приятельского круга, а никак не для публики, чего, конечно, не мог не понимать Некрасов; а между тем в разборе моего “Цезаря” он напечатал эту пародию, нимало не стесняясь» (МВ. Ч. 1. С. 307).

Там же Фет привел письмо Тургенева, в котором последний еще более резко высказывался о Некрасове: «Я не читал статьи о вашем “Цезаре”, но факт допущения в статье, подписанной незнакомым именем, приятельских шуток, вроде: “Брыкни” и т. д. достоин господина Некрасова и его вонючего цинизма. Кажется, легко было понять, что ни мне, ни вам (в особенности мне) это не могло быть приятно. Да и наконец, какое имеют эти господа право покушаться на частные дела? Да ведь этому злобно зеваящему барину, сидящему в грязи, все равно...» (Там же. С. 308).

Статья Михаловского стала формальным поводом для давно зревавшего разрыва отношений Фета с *Совр.* и, в определенной степени, для решения об отходе от литературной жизни. В окт. 1861 г. И. П. Борисов, сообщая Тургеневу о поспешном приобретении Фетом Степановки, писал: «Не досадно ли теперь на нетерпеливого Фета, всё его суега и что хуже, всё это наделала статья “Современника”. С того дня, как прочел — он бросился из литературы в фермерство, — это истина верная» (Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Вып. 3. Л., 1967. С. 352).

Первоначально у Фета возникла мысль написать ответную статью и, вопреки критике, опубликовать «Тимона Афинского». Дружинину в августе 1859 г. он сообщал: «Читали ли Вы, каким громом разразился какой-то Лаборданов в “Современнике” на моего Юлия? Может быть, по этому случаю я соберусь с духом написать статью о рассудителях. Это славные люди, и им имя легион. Жаль только, что они дальше своего куцега носа не видят. Кончил я, между прочим, т. е. не между прочим, а только и сделал что это: “Тимона” и намерен напечатать вопреки <...> соврасым» (Письма к Дружинину. С. 339). Дружинин искренне сочувствовал Фету: «Читал статью Лаборданова и, находя в ней некоторые заметки стоящими внимания, в целом нахожу ее придирчивую и невыносимо поганую по тону. Возражать подобным лицам можно лишь ударами сапога в рыло или бильярдного кия по спине. Вообще, у нас распространился какой-то дух кабацкой удалы и бешеного покалывания языка всем проходящим — рано или поздно этот дух до добра не доведет и кончится тем, что где-нибудь в публичном собрании произойдет рукопашная свалка между писателями на стыд и поношение всему сословию» (Там же. С. 341). В письме Толстому от 28 сент. он касается этой же темы: «Сегодня же пишу к нашему мудрецу и философу Фету, так непристойно задему, как он выражается в своем письме, “неким господином Лабордановым”. Надеюсь, что эта поганая дерзость (выражений дерзость, а в замечаниях есть правда) не возмутила его возвышенного великого и вместе с тем милейшего духа» (Толстой. Переписка. Т. 1. С. 288).

«Кроме вас и Тургенева, — писал Фет Дружинину 4 окт. 1859 г., — в настоящее время в Питере у меня нет особенно симпатичных собеседников. “Современнику” я, разумеется, ни строки ни за что, и к ним ни ногой. Не думайте, чтобы я не мог объективно смотреть на Лабордановых, но именно потому-то я и воздержусь от всяких с ними столкновений. Но только потому, что я гляжу объективно на современную критику, — я и скажу об ней печатно свое мнение и нахожу это необходимым» (*Письма к Дружинину*. С. 340).

Фет так и не написал задуманной статьи, хотя своеобразно «ответил» своему оппоненту в примечании к переводу одного стихотворения из Гафиза (см. преамбулу к переводам из Гафиза). «Тимон Афинский», отложенный надолго, так и не был издан. Отвечая на предложение А. Ф. Дамича опубликовать переводы из Шекспира, Фет писал 22 марта 1885 г.: «За смертью Дружинина, “Тимон” и по сей день остается у меня в портфеле». Однако уже в следующем письме сообщал, что портфель с переводом «Тимона Афинского», «подобно многим другим вещам украден» (*ОР РНБ*).

Фет был серьезно задет выпадом «Современника». Об этом свидетельствует черновик его письма, не отосланного Дружинину, в котором он указывает на двойное искажение его перевода — при опубликовании и при цитировании Михаловским. И это была не единственная опечатка: «Я посылаю вам опечатку, — прибавьте к ней и эту. Нет, не печатайте о последней ничего. Не стоит. Вот в чем дело. Должно было стоять:

Затеял подвиг я такой, Лигарий,
Лишь будь здоров — твой слух о нем услышит,

а скотина “Современ<ник>” напечатал:

Лишь будь здор<ов> твой слух о нем т а и т ь.

Да и глумится, а у нас напечатано, как я сейчас справился: о нем узнать. Это не так хорошо, как услышать, но не представляет такой чепухи, как с намерением выставленная» (Там же. С. 344). Вероятно, в сложившейся ситуации еще более неприятным, чем сама статья, могли стать продолжающиеся споры о ней. Кроме того, ответить — значило публично признать значимость статьи.

Фет не забыл статьи Михаловского и не простил Тургеневу его пародии, получившей широкую известность именно благодаря этой статье. Много позже в письме, которое подвело черту под их отношениями, Фет припомнил и эту обиду: «Добиваясь, между прочим, славы остряка, Вы распустили: “брыкни, коль мог” — не помыслив, что отнимаете у труженика переводчика *насущенный хлеб*. Mais, le roi s’amusе — стоит ли думать о бедняке» (*Соч.* Т. 2. С. 211).

Статья Михаловского действительно была написана в весьма резком, даже учитывая особенности полемического стиля середины XIX века, тоне. Подобным образом писали об откровенно слабых переводчиках того времени: Н. А. Добролюбов об И. С. Генслере, М. Л. Ми-

хайлов об А. П. Мантейфеле, Д. И. Писарев о Ф. Н. Берге и В. Д. Костомарове. Как верно отметил современный исследователь, «отрицательное отношение рецензента определялось во многом полным неприятием Фета как художника, который стоял на чуждых для “Современника” эстетических позициях» (См. об этом во вступит. ст. А. Н. Горбунова к кн.: *Шекспир Уильям*. Юлий Цезарь. Перевод А. Фета. М., 1998. С. 14).

Эпиграфом к своей рецензии Михаловский поставил известные слова Фета из статьи «О стихотворениях Ф. Тютчева» (1859). Выражение Фета неоднократно обыгрывалось на протяжении всего разбора: «...Едва ли должен браться за перевод Шекспира тот, кто чувствует себя в состоянии “броситься вниз головой с седьмого этажа с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху”. Хороший перевод требует терпеливого изучения и глубокого внимания к своим словам и к их соответствию с словами подлинника; лирические *salto-mortale* с седьмого этажа тут не помогут <...> мы с <...> первых страниц увидели, что наш лирик не совсем удачно передал русской публике творение великого драматурга. Но, читая далее, мы уже не могли удержаться от удивления тому, с какою отвагою г. Фет совершает свои лирические падения с седьмого этажа, пренебрегая всеми условиями грамматического и логического смысла. <...> Без всякого ущерба для достоинства перевода он мог бы сохранить более благоразумия и удовольствоваться прыжками, например, из пятого или даже четвертого этажа и, притом, не вниз головою» (*Совр.* 1859. Т. 75. № 6. С. 255—256. Далее указываются только страницы издания).

Наблюдения над переводом сводились, главным образом, к замечаниям о том, что в своем стремлении буквально передать оригинал и «составить пятистопный ямб» («Переводчик, кажется, задал себе задачу соблюсти этот размер во что бы то ни стало, хотя бы для этого пришлось сброситься с пятнадцатого этажа вниз головою...») Фет нарушает грамматические и синтаксические нормы русского языка, в «борьбе с версификацией» пользуется «армией односложных слов» (Михаловский перечисляет их: «А, бы, вот, всё, гей, да, же, и, иль, как, ка, ли, лишь, на, о, пусть, так, то, тут уж, уже, что, эх...»), переводит «слова и целые стихи не так, как следует», «неестественно» переставляет слова, придает им двойственность, которая отсутствует в оригинале, заимствует манеру выражаться у Тредиаковского и т. д. В результате перевод Фета, по мнению Михаловского, «похож на какую-то груду мусора, которым завалена превосходная картина или статуя. Сходство этого перевода с подлинником заключается, главным образом, в том, что оба они написаны пятистопными ямбами» (С. 281).

В своих сравнительно-текстуальных замечаниях Михаловский справедливо обратил внимание на некоторые очевидные недостатки перевода Фета. При этом речь шла только о переводе «Юлия Цезаря» (перевод «Антония и Клеопатры» ни до, ни после статьи Михаловского не вызывал интереса критики). В переводах есть ряд отклонений от подлинника, которые, по всей видимости, являются печат-

ками (наиболее очевидный пример — «ночью» вместо «ничего» в «Антонии и Клеопатре»). К таким неточностям Михаловский намеренно прибавил ряд вполне приемлемых и даже удачных фрагментов. Основной «прием» его анализа состоял в изолировании фрагмента перевода от контекста, в связи с чем он звучал «неестественно», неполно и слишком напряженно по сравнению с обрамляющим его исторически-разговорным стилем статьи.

Следует признать, что статья Михаловского сыграла существенную роль в формировании общего неприятия всех фетовских переводов. Переводы пьес Шекспира, сделанные Фетом, не были включены ни в одно из русских собр. сочинений англ. драматурга. А в «Полном собрании драматических произведений в переводе русских писателей» 1865—1868 гг. под редакцией Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля «Юлий Цезарь» был представлен в переводе Михаловского. Первоначально предполагалось, что редактором этого издания будет Дружинин, чему помешала его кончина. В письме к Некрасову в конце 1862 г., давая свое согласие на редакторство, Дружинин неслестно отзывался о переводе Фета: «...можно хорошо переводить мелкие вещи, но не владеть белым стихом, как Фет...» (*Некрасов. Переписка*. Т. 1. С. 272).

Критический разбор Михаловского имел более счастливую судьбу, чем фетовские переводы. Кроме собр. соч. Добролюбова, статья с сокращениями вошла в антологию «Русские писатели о переводе» (Л., 1960). В критике сложилась традиция ссылаться на нее, когда речь заходит о переводах Фета.

Так, П. И. Вейнберг в статье «Трагедии “Антоний и Клеопатра” и “Ричард II” в переводах Д. Л. Михаловского» сравнил их со всеми существовавшими на тот день, включая фетовский перевод «Антоний и Клеопатры», воспроизводя при этом аргументацию самого Михаловского: «Перевод А. А. Фета страдает в сильной степени тем недостатком, которым вообще отличаются переводные работы этого известного поэта: принесением в жертву всего стремлению передавать подлинник *буквально* в самом тесном значении этого слова и происходящими от этого тяжеловесностью, стилистической неуклюжестью и т. п. свойствами, которые поражают в таком мастере стиха и языка, каким является г. Фет в своих оригинальных произведениях, и к которым присоединяется или, вернее, которыми обуславливается встречающееся неоднократно затемнение смысла именно неловкостью стилистической, даже иногда грамматической постройки...» (Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т. LII. № 6. СПб., 1891. Цит. по: Русские писатели о переводе. Л., 1960. С. 511).

Статья Михаловского оказалась удачным подспорьем и в борьбе с «формализмом» в области перевода, к-рую подхватила критика советского периода. В 1955 г. П. М. Топер назвал статью «Современника» одним из лучших откликов на переводы Фета: «Автор статьи начинает с указания на антиобщественный характер поэзии и взгля-

дов Фета... <...> Он разоблачает *буквализм* Фета, едва ли не впервые употребив это слово для обозначения формализма в переводе; этому посвящена вся статья, написанная с неопровержимой логикой, большим публицистическим талантом и сатирическим блеском. <...> Статья... была боевым выступлением, отстаивающим боевые традиции русской переводческой культуры» (*Топер П. М.* Традиции реализма // Вопросы художественного перевода. М., 1955. С. 85—86). О том же писал А. В. Федоров, оценивая статью Михаловского как «блестящий пример» критики переводческого формализма. (*Федоров А. В.* Искусство перевода и жизнь литературы: Очерки. Л., 1983. С. 101).

В монографии «Шекспир и русская литература» Ю. Д. Левин, вскрывая «порок Фета-переводчика», указал на «пагубные последствия» его приемов: «Так, учитывая при отборе синонимов лишь размер слова, он допускал соединение разностильных слов. Злоупотреблял Фет и свободой русского синтаксиса <...> Допускал он грамматические нарушения, широко пользовался для соблюдения размера словами-“затычками”...». Критический разбор Михаловского, по мнению исследователя, «бесповоротно скомпрометировал переводческие принципы и практику Фета... с ним как с переводчиком Шекспира было покончено, и в памяти современников его “Антоний и Клеопатра” и “Юлий Цезарь” остались примерами того, как *не следует* переводить» (*Левин Ю. Д.* Шекспир и русская литература XIX века. Л., 1988. С. 311—312).

Впервые за полтора века публично переоценивает значение статьи Михаловского и в целом положительно отзывается о переводе Фета А. Н. Горбунов в упомянутом уже предисловии к переизданному переводу «Юлия Цезаря». Он отмечает: «...трудно отрицать справедливость ряда претензий, предъявленных к переводу “Юлия Цезаря”. Действительно, стремление сохранить равное число строк и другие особенности формы оригинала местами — и не так уж редко — приводило Фета к нарушению синтаксических норм, смещению ударений и темноте смысла. Но в тексте трагедии были и интересные находки (сошлемся хотя бы на строки, не удавшиеся Карамзину: “Пусть, Кай, жрецы, не мясники мы будем”) и очень много поэтической изобретательности» (В кн.: *Шекспир У.* Юлий Цезарь. М., 1998. С. 15).

Было бы неверно рассматривать статью *Совер.* и практически единодушное негативное отношение к переводам Фета только под углом зрения идеологической борьбы разных эстетич. школ. Первопричина неприятия состояла в том, что переводческие принципы и методы Фета не соответствовали существовавшей на тот момент эстетике перевода, базовые принципы к-рой были общими для представителей как «эстетического», так и «гражданского» направлений. Фет шел вразрез с тенденцией «народности», упрощения, «осовременивания» языка оригинала. Потребность же в точном переводе драматургии Шекспира компенсировалась в то время появлением прозаических переводов (напр., переводов Н. Х. Кетчера).

Михаловский указывал, что неудовлетворен не только языком перевода, но и языком самого Шекспира, у которого находил слишком много «риторического разглагольствования», переданного переводчиком (С. 285). Переводчик «удержал некоторые несообразности, встречающиеся у Шекспира, у которого язычники иногда говорят христианским языком» (С. 263). Критик предлагал, например, заменить слово «ангел», к-рое не могло быть произнесено язычником, на слово «любимец», т. к. оно не противоречит общему смыслу ситуации, но более уместно с точки зрения исторической верности. (В своем переводе Михаловский сделал соответствующую замену, однако, это единственный из анахронизмов Шекспира, который он «исправил»). Уже в первом абзаце он ставит в пример Фету переводы А. В. Дружинина (а не М. П. Вронченко, чьи переводческие принципы значительно ближе фетовским, но чьи переводы, тем не менее, получили общественное признание). В монографии Ю. Д. Левина «Шекспир и русская литература» Фет попал в небольшую главку «Переводчики-буквалисты» вместе с М. А. Загуляевым и Ф. М. Устряловым. Напротив, Н. А. Горбунов считает, что «Фет, переводя “Юлия Цезаря”, продолжил и развил традицию эквилинарного перевода Шекспира, которую начал М. П. Вронченко, еще в 1828 году опубликовавший “Гамлета”. По стопам Фета затем пошел К. Р. И ближе к нашему времени М. А. Кузьмин и М. Л. Лозинский. В этой цепочке “Юлий Цезарь” — достаточно важное звено» (Указ. соч. С. 15).

Задачи и методы перевода, декларируемые Дружининым, отражали главные тенденции и общепринятые стандарты. В предисловии к своему переводу «Короля Лира» Дружинин писал: в отношении стиля шекспировской трагедии «мы по возможности удаляли себя от литературного идолопоклонства <...> оставили всякое преувеличенное благоговение к букве оригинала...» (Дружинин А. В. Собр. соч. СПб., 1865—1867. Т. 3. Король Лир. Трагедия в 5-ти действиях. Вступление. С. 10). Дружинин, действительно, без колебаний выбросил все непристойные, с его точки зрения, места, фрагменты, затягивающие действие, значительно упростил язык драмы. По подсчетам Ю. Д. Левина, «он произвел более ста изъятий, объемом от двух-трех слов до десятка строк» (Левин Ю. Д. Шекспир и русская литература XIX века. С. 295).

Дружинин сознательно отказался от передачи специфической метафоричности английского языка, что было сопряжено не с принципиальной невозможностью это сделать, а с задачами перевода. Свой перевод Дружинин адресует людям, «еще не подготовленным к прямому и непосредственному сближению с музой Шекспира», которых «не удовлетворяют подстрочные переводы, те переводы, над которыми надо сильно трудиться и много задумываться» (Указ. соч. С. 7). На протяжении всей статьи Дружинин настойчиво декларирует свои просветительские цели: кроме молодого поколения, «мы имели в виду людей простых и малоразвитых, читателей, озабоченных практической деятельностью и редко прорывающихся в мир поэзии» (Там же. С. 14).

Правда, переводы Дружинина были, как и фетовские, неодобрительно встречены критикой, хотя современниками они воспринимались как важное событие лит. жизни. Некрасов, в частности, писал: «Недавно А. В. Дружинин прочел нам свой перевод «Короля Лира». Если мы скажем, что такого перевода творений Шекспира еще не было на русском языке, то скажем не много в похвалу переводу г. Дружинина» (Цит. по: Русские писатели о переводе. С. 361).

Несмотря на очевидные упрощения и изменения, которые Дружинин вносил в шекспировский текст, его переводы долго сохраняли свою актуальность и были включены в «Полное собрание драматических произведений Шекспира в переводе русских писателей» (СПб., 1865), а позднее — и в Полн. собр. соч. Шекспира под ред. С. А. Венгерова. (СПб, 1902). Этим же объясняется, что Н. В. Гербель от имени Некрасова предлагал Дружинину быть редактором издания 1865 года.

Фет, в отличие от Дружинина, преследовал прежде всего художественные цели. В окт. 1858 он писал Полонскому о переводе «Антония и Клеопатры»: «Покажи его знатоку (если не веришь себе), но ради бога не мызгай по рукам. Я работаю не для ярмарки сорочинской или питерской» (*Из неизданной переписки*. С. 558—559). В этом замечании Фета впоследствии критика усмотрела «антидемократическую» позицию. В 80-е годы в предисл. к переводу «Энеиды» Вергилия Фет писал: «...сочувственный круг пока чрезвычайно тесен, но зато он состоит исключительно из людей высоко образованных и потому его горячим сочувствием мы дорожим несравненно более, чем современным рыночным успехом» (*Вергилий*. Энеида. Перевод А. Фета. Ч. 1. 2-е изд. СПб., [б.г.]. С. III).

Формировавшееся в середине XIX века представление о том, что перевод должен быть по возможности точной передачей подлинника, было особенно актуально для драматургии, так как в конце 50-х годов жанр «театрального перевода» и шире — «театральной драматургии» — оставался на повестке дня, а критерии возможной переводческой свободы — неопределенными. При этом театральные переделки как бы отделялись авторами от собственно переводов.

Обратимся для примера к двум стихам фетовского перевода «Юлия Цезаря», к-рые неоднократно цитировались, вслед за Михайловским, как пример «неудобочитаемости». Критик спрашивает: «Нужно ли представлять примеры неестественной перестановки слов и уродливости в стихах после тех образчиков, которые мы видели выше?» — и приводит, в том числе, следующие два стиха (акт I, сцена 3):

К а с к а

Кто помнит небо полным так грозой?

К а с с и й

Тот, кто вины так полной землю помнит.

Очевидно, что ритмико-синтаксические особенности и интонация перевода Фета отражают оригинал (пьесы Шекспира цитируются зд. и далее по изданиям: *Antony and Cleopatra*, ed. R.E.C. Houghton. Oxford, 1973; *Julius Caesar*, ed. D.R. Elloway. L., 1955):

C a s s a

Who ever knew the heavens menace so?

C a s s i u s

Those that have known the earth so full of faults.

Два слова, повторяющиеся в обеих строках (*to know, so*) и оппозиция «небо / земля» заставляют вторую строку отзываться эхом первой. Следует отметить и положение частицы *so* в первой строке после смыслового центра (*menace so*), а во втором — перед ним (*so full of faults*). В переводе Фета сохранен повтор, а нюанс, создаваемый положением частицы *so* передан положением глагола «помнить». Являются ли эти нюансы результатом осознанной, кропотливой работы? Являются, потому что установка на имитацию ритмики оригинала, опора на «слух» — неотъемлемый, сформулированный Фетом принцип. Нет — потому, что на практике этот принцип реализуется большей частью интуитивно, через «вслушивание» в оригинал.

Михаловский перевел этот фрагмент так (Цит. по изд.: Полное собрание сочинений Виллиама Шекспира в переводе русских писателей. Четвертое издание. Под ред. Н. В. Гербеля. СПб., 1888. Т. 3. С. 362—468):

К а с к а

Но кому
Случалось видеть, чтоб небеса
Такой имели грозный вид как нынче?

К а с с и й

Тому, кто знает, что земля пороков
Исполнена.

Более «разговорный», описательный, но и более многословный перевод, предложенный Михаловским, последовательнее воспроизводит смысл оригинала, но при этом разрушает динамику шекспировских строк, не передает их ритмико-синтаксические особенности, не учитывает афористичность, емкость шекспировского высказывания, к воспроизведению чего стремился Фет

Михаловский упрекал Фета в незнании грамматики английского языка и его самых расхожих идиом. Брут отвечает Антонию на его просьбу похоронить Цезаря (Акт III, сцена 2):

Антоний, вот труп Цезаря, возьми.
Ты нас в речи своей не осуждай,
Но Цезаря превозноси, как хочешь;

И объяви, что мы на то согласны,
Без этого не прилагай и рук
К похоронам...

Приведа лишь две последних строки, Михаловский саркастически восклицал: «Г. Фету в быстром путешествии его через окно из седьмого этажа, к сожалению, неудобно было взглянуть в какой-нибудь английско-русский лексикон. Но если бы он это сделал, то нашел бы, что *to have a hand in* — значит *участвовать*, и тогда бы понял, что приведенные нами английские стихи имеют следующий смысл: “иначе ты вовсе не будешь участвовать в его погребении” (т. е. что это будет ему запрещено). Но г. Фету мелькнуло в воздухе слово *hand* рука и он, по естественному чувству самосохранения, счел необходимым спасти ее...» (С. 259—260).

Между тем англ. выражение *to have a hand in* употреблено Шекспиром в измененном виде:

Else shall you not have any hand at all
About his funeral...

Неопределенный артикль заменен на *any*, а предлог *in* — на предлог *about*. Это не меняет основного значения, но отчасти меняет эмоциональный оттенок, который Фет передал адекватной русской идиомой «прилагать руки»: «Приложить руки (руку) к чему — принять участие в чем-л.» (Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньева. М., 1983. Т. 3. С. 738).

Нередко Фет переводит идиоматические выражения буквально, что подчас делает чтение затрудненным, не портя общего впечатления от перевода. Так, Михаловского не устраивал буквальный перевод выражения *to cut off* как «отрезать» и он предлагал перевести его словом «лишать». Между тем, по смыслу подлинника войска Брута и Кассия «отрежут путь» Антонию к выгодным территориям (Юлий Цезарь. Акт IV, сцена 3):

Наш враг, пройдя их край, дополнить может
Числительность свою — и подойдет
Усилен, освежен и обнадежен.
От этих выгод мы егоотрежем,
Когда его мы встретим при Филиппах,
Тот край в тылу оставя.

Приводя лишь одну строку из цитированного отрывка, Михаловский придал ей оттенок бессмысленности. Действительно, вне контекста выражение «Друзья, рассыпьтесь» (*And, friends, disperse yourselves*) в значении «разойдитесь» звучит неестественно. По-русски глагол «рассыпаться» означает, в том числе и «разойтись, разбежаться, разлететься группами или в одиночку в разные стороны (о толпе, стае и т. п.)». Др. примеры некорректного цитирования Михаловским перевода Фета см. в статье: Ачкасов В. А. Фет — переводчик

Шекспира // А. А. Фет и русская литература. Материалы Всерос. научн. конференции. Курск—Орел, 2000. С. 60—72).

Ю. Д. Левин, характеризуя «Антония и Клеопатру» и «Юлия Цезаря» в переводе Фета, так сформулировал его принципы перевода: «В основе его переводческих принципов лежало убеждение в “невозможности воспроизводить впечатление оригинала”, которое, в свою очередь, являлось следствием идеалистического представления о таинственной непостижимости художественного произведения, о непреодолимой бездне, лежащей между поэтическими представлениями разных народов. Поэтому от переводчика требовалось рабское копирование внешней формы поэтического оригинала и прежде всего соблюдение эквилинеарности и эквиритмии» (Левин Ю. Д. Шекспир и русская культура. С. 513). Оба тезиса в определенной степени соответствуют представлениям Фета о переводе, однако, указанные особенности не были напрямую обусловлены представлением о «таинственной непостижимости художественного произведения». Первое и второе опосредовано рядом переводческих принципов, которые Фет формулировал и для которых видел конструктивные пути использования на практике.

Ко времени перевода пьес Шекспира принципы перевода были Фетом уже сформулированы. Звучание поэтического текста, которое в переводе передается метром, ритмом и рифмой, было для него одним из основных критериев художественной верности перевода.

Переводя Шекспира, Фет, согласно своим общим представлениям о «внешней форме» произведения как единстве знакового и звукового аспекта, почти везде стремился сохранить количество строк и ритмику подлинника. Такое представление вело немецкую литературу перв. пол. XIX в. к утверждению априорной невозможности перевода вообще, а немецкую практику перевода — к максимально точному формально-ритмическому воспроизведению оригинала (см.: Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М., 1968. С. 43—46). Это во многом относится к немецким переводам Шекспира (см.: Hunig A. *Übersetzung im Schatten des Kanons: Untersuchungen zur Deutschen Shakespeare-Übersetzung im 19. Jahrhundert am Beispiel des Coriolanus*. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades einer Doctorin der Philosophie. Erfurt, 1999. S. 28—85). По этому переводческому пути пошел Фет, и именно эту черту он ценил в немецкой переводческой практике (см. Предисловие к Гафизу в наст. изд.).

В отличие от изощренного, отточенного латинского стиха шекспировский ямб представляет собой свободную, неупорядоченную стихию. Важность ритма для шекспировских пьес была осмыслена значительно позже. Б. Л. Пастернак отметил: «Размер подсказал Шекспиру часть его мыслей, слова его изречений. Ритм лежит в основании шекспировских текстов, а не завершительно обрамляет их. Ритмическими взрывами объясняются некоторые стилистические капризы Шекспира» (Цит. по: Зарубежная поэзия в переводах Б. Л. Пастернака. М., 1990. С. 551). Переводчики XIX века, такие как Дружинин, Михаловский,

Вейнберг, согласно общей тенденции эпохи, стремились к сглаживанию ритмических неровностей и синтаксиса пьес Шекспира.

Фет, напротив, стремился воспроизвести в переводе нерегулярные особенности текста. Трудность восприятия переводов, их «скачкообразность», во многом определяется ритмическим копированием оригинала. Фет отдавал себе отчет и в метрической неровности подлинника, однако, не стремился ее сгладить. В январе 1858 года он писал Тургеневу: «Стараюсь быть верным английскому, насколько сил хватает. Везде 5-стопный ямб — только там, где он у Шекспира. Но это два-три стиха в III актах» (Соч. Т. 2. С. 204). Вопреки обвинению Михаловского в желании «составлять» пятистопный ямб, Фет далеко не везде сохранял его и делал это вполне осознанно.

Стихи, выбивающиеся из общего пятистопного размера, также сохраняются Фетом. Многочисленные двух-, трех-, четырех- и шести-стопные ямбические стихи, композиционно оправданные, создающие межрепликовые или внутриврепликовые смысловые паузы или же дополнительное напряжение (как правило в случае с шестистопными стихами) перешли в перевод Фета. Кассий, склоняя Брута к заговору, так завершает одну из реплик (Юлий Цезарь. Акт I, сцена 2):

К а с с и й

<...> О! мы с тобой слышали от отцов,
Что был когда-то Брут, который в Риме
Скорей бы стал терпеть толпу чертей,
Чем повелителя.

C a s s i u s

<...>O, you and I have heard our fathers say
There was a Brutus once that would have brook'd
The eternal devil to keep his state in Rome
As easily as a king.

Приведенный фрагмент иллюстрирует достаточно часто встречающийся способ метрического оформления завершения реплики у Шекспира. В следующей реплике ответ Брута оправдывает и поддерживает паузу, созданную предшествующим нерегулярным стихом реплики Кассия (Там же):

Б р у т

В твоей любви ко мне не сомневаюсь;
К чему меня влечешь, отчасти вижу;
Что думаю о всем я современном,
Впоследствии скажу.

B r u t u s

That you do love me, I am nothing jealous;
What you would work me to, I have some aim.
Now I have thought of this and of these times,
I shall recount hereafter.

Брут отвечает Кассию как бы после некоторого раздумья, что и подчеркивается синтаксисом (три стиха реплики Брута начинаются с придаточных предложений), передающим смысловую инверсию уже сформировавшейся мысли Брута. Фет почти буквально перевел этот фрагмент синтаксически и ритмически, что позволило передать интонацию оригинала. Этот пример достаточно типичен для перевода Фета, но в русской переводческой практике был признан лишь в XX веке. Приведем этот же фрагмент в переводе Михаловского:

К а с с и й

А между тем
И ты, и я — мы от отцов слышали,
Что некогда жил Брут, который в Риме
Терпеть не мог подобного владыки,
Как вечной власти демона.

Б р у т

О, Кассий,
Что любишь ты меня — я это знаю;
К чему меня ты хочешь побудить —
Отчасти я догадываюсь; но
О том, как я смотрю на это дело
И вообще на наши времена —
Я сообщу тебе потом.

Ради сохранения пятистопного ямба (именно то, в чем Михаловский упрекал Фета в своей статье) переводчик ввел обращение, неуместное здесь интонационно и снимающее смысловую цезуру между репликами. Это же обращение в сочетании с союзом *но* и переносом (*enjambement*) в ст. 4 реплики Брута разрушает и ритмико-синтаксический параллелизм оригинала: там, где должна быть смысловая пауза, Брут Михаловского вынужден «выпалить» «но». Этот перевод, тем не менее, полнее, чем все приведенные выше, передает содержание оригинала. Он напоминает многословный прозаический подстрочник, не всегда удачно уложенный в пятистопный ямб. Подобные примеры можно умножить.

Было бы неверно утверждать, что Фет воспроизвел все ритмико-синтаксические тонкости оригинала. Как и в переводах с немецкого языка, он передает в первую очередь те из них, которые имеют композиционный смысл или связаны с семантикой текста. В других случаях нередки отступления от оригинала. Так, он выравнивает некоторые стихи, выбивающиеся из пятистопного размера, а иногда урезает метр. Едва ли можно достоверно установить логику всех этих изменений, тем более что их не много. Можно только сказать, что они не несут явного эстетического смысла. Так, Энобарб в своей предсмертной реплике обращается к Антонию (Антоний и Клеопатра. Акт IV, сцена 9):

Forgive me in thine own particular;
But let the world rank me in register
A master-leaver and a fugitive:
O Antony! O Antony!

Прости меня в душе своей, и пусть
Меня включает свет в презренный список
Изменников и беглецов,
Антоний! О, Антоний!

Последние два стиха оригинала (5Я и 4Я) Фет урезал на стопу каждый, что не трансформировало интонацию концовки. Следует отметить еще одну особенность перевода. Фет не меняет ритмику оригинала с целью исправления «неправильного» ударения в именах собственных. Так, в приводимом ниже примере, если читать имя Люция с правильным ударением, получится хорейская стопа в начале стиха, создающая резкий контраст ямбу (Юлий Цезарь. Акт IV, сцена 3):

Б р у т

Он думает, что всё еще за лютней.
Люций! проснись!

Л ю ц и й

Ах! господин.

Именно такова и метрическая конструкция оригинала:

B r u t u s

He thinks he still is at his instrument.
Lucius, awake!

L u c i u s

My lord?

Данный пример при его кажущейся незначительности является примером эквиритмического метода Фета (эквиритмического буквализма), едва ли не единственного среди переводчиков Шекспира сохраняющего подобные нюансы.

Необходимо сказать несколько слов о проблеме «стихи/проза» в фетовском переводе. Кроме ярко выраженных прозаических фрагментов, в шекспировских пьесах встречаются свободные, «мерцающие» стихо-прозаические комбинации, не поддающиеся однозначному разграничению. Фет не всегда жестко соблюдал эквиритмию при переводе таких мест. Он несколько раз прозаически передает стихи, обрамленные прозой, или стихи в эпизодах, написанных разностопным ямбом. Как правило, это реплики из толпы. Так, например, граждане, призывающие Антония сойти к ним с ростры, говорят разностопны-

ми ямбическими репликами. Одна из них формально может быть прочитана как пятистопный ямб, но при этом в ней трижды сдвинется ударение, причем, дважды — в имени Антония:

Room for Antony, most noble Antony.

Если строку читать как прозаическую, то создается эффект разнobia, часто встречающийся в пьесах Шекспира и передающий нарастающую эмоциональность толпы. Именно так и поступил Фет, нарушив метр, но сохранив цезуру и эстетический эффект отрывка:

Антонию дать место. — О! благороднейший Антоний!

Перевести эту строку пятистопным ямбом, сохранив при этом ее содержание, и дважды повторить имя Антония невозможно, а ведь именно это повторение и организует всю реплику и заставляет читать ее в оригинале как прозаическую. Фет предпочел прозаический вариант.

Приведем пример другого рода. В «Антонии и Клеопатре» подвыпивший Лепид говорит прозой и, в частности, спрашивает Антония: «What manner o' thing is your crocodile». Фет переводит реплику ямбом: «Скажи, какого рода вещь ваш крокодил?» Однако подобные примеры — исключения из правил в переводе Фета. Там, где метрические и ритмические вариации, параллелизмы, анафоры и т. д. имеют композиционный смысл, Фет стремится к эквиритмии. Это особенно заметно при подробной сверке его перевода с оригиналом. При беглом чтении его перевод нередко создает впечатление скачкообразности и проигрывает по сравнению с переводами, в которых ритмика оригинала сглажена.

Важным компонентом ритмической организации перевода у Фета является близкая к оригиналу расстановка имен собственных. Их перестановка ведет к изменению не только ритма, но и интонации подлинника. Филон говорит об Антонии (Антоний и Клеопатра. Акт I, сцена 1. Курсив мой. — А. А.):

Порой, когда он больше не *Антоний*,
В нем и великих качеств нет, какими
Украшен должен быть *Антоний*.

Sir, sometimes, when he is not *Antony*,
He comes too short of that great property
Which still should go with *Antony*.

Дважды повторенное «Антоний» — не случайный элемент реплики. На этом повторе во многом основано и ритмическое, и смысловое ее построение. Это один из приемов, помогающих разделить три элемента: Антония, того, кто уже «больше не Антоний», и качества, которые должны быть присущи Антонию. Такое отделение качества от предмета — распространенный и достаточно хорошо исследован-

ный прием поэзии эпохи Шекспира. Последующие переводчики этой пьесы, включая О. Румера, М. Донского, В. Пастернака, не передали этого нюанса. Михаловский перевел эту реплику близко к тексту, однако совершенно изменил звучание шекспировских строк, которые по стилистике напоминают прозу:

Порой, когда перестает он быть
Антонием, утрачивает он
Те качества великие, которых
Не должен бы решать никогда.

Тенденция воспроизводить расстановку имен собственных оригинала наблюдается и в фетовском переводе «Юлия Цезаря». Например, в акте III (сцена 1) Кассий обращается к Цезарю с просьбой вернуть в Рим Публия Цимбера. В переводе Фета имена собственные расставлены практически идентично с подлинником, за исключением последней строки.

Существенно, что в переводе Фет сохранил полное имя Цимбера. Особенно важна в этой реплике первая строка с двойным обращением. «Буквализм» Фета распространился в этом случае даже на знаки препинания. В изданиях XIX века пунктуация была иной: «Pardon, Caesar: Caesar, pardon...» (The Plays and Poems of William Shakespeare. Leipsic: Published by Ernest Fleischer, 1833). Михаловский так перевел эту реплику:

Прощенье,
Прощенье, Цезарь! Кассий на колени
Перед тобой становится и просит
Помилования Цимберу.

С точки зрения содержания, оба перевода близко передают оригинал. Едва ли читатель, не знакомый с Шекспиром на английском, однозначно отдаст предпочтение тому или другому. Как справедливо заметил А. Горбунов, фетовский перевод «Юлия Цезаря» «особенно выигрывает, когда держишь перед собой подлинник» (Указ. соч. С. 5). Между тем во втор. пол. XIX в. преимущественно, безусловно, отдавалось переводу Михаловского. В 1890 году двум его переводам — «Антонию и Клеопатре» и «Ричарду II» — была присуждена Пушкинская премия.

Еще одна важная характеристика фетовских переводов может быть представлена понятием «длина контекста», которое обозначает «такой объем текста оригинала, которому можно указать притязающий на художественную эквивалентность объем текста в переводе» (Гаспаров М. Л. Брюсов и буквализм // Поэтика перевода. М., 1988. С. 45—46). Длина контекста в переводах Фета чаще всего — слова и синтагмы, что позволяет ему передавать некоторые существенные особенности языка елизаветинской поэзии. Одним из проявлений такой переводческой установки стал часто встречающийся буквальный перевод метафор и сравнений подлинника. Так, Фет переводит «the teeth of emulation» как «зубы за-

висти», «the honey-heavy dew of slumber» — как «сна медвяная роса» (ср. маловыразительные «зависть» и «сладкий сон» у Михаловского); «flower-soft hands» — как «цветочно-нежные руки», «He... cut the Ionian sea» — как «Он море Ионийское ...// Рассек».

Кассий говорит Бруту о Каске (Юлий Цезарь. Акт I, сцена 2):

Он грубостью своею приправляет ум,
И от того варит людской желудок
Охотнее слова его.

This rudeness is a sauce to his good wit,
Which gives men stomach to digest his words
With better appetite.

У Шекспира не редки «физиологические» метафоры, связанные с медицинскими представлениями того времени. Фет их переводит буквально. Энобарб, увидев вдохновение Антония, в частности замечает (Антоний и Клеопатра. Акт III, сцена 11):

Я вижу вновь,
Что у вождя, как мозгу станет меньше,
Прибудет сердце. Во вражде с умом
Отвага гложет меч свой.

...and I see still,
A diminution in our captain's brain
Restores his heart: when valour preys on reason,
It eats the sword it fights with.

В подлиннике мозг противопоставлен сердцу, так как они отвечают, согласно представлениям времени, за противоположные способности — разум и эмоции. Во втором предложении отрывка Фет перевел «eats» («ест») как «гложет» и, ради сохранения ритма, выбросил слова «it fights with» — «которым сражается».

Антоний, вдохновленный на битву, собирается устроить пир на начальникам (Антоний и Клеопатра. Акт III, сцена 11):

Да с ними я поговорю, а ночью
Вино из ран их проступить заставлю.

Do so, we'll speak to them; and to-night I'll force
The wine peep through their scars...

Имеется в виду, что вино, как кровь, будет сочиться из шрамов. Михаловский, например, в своем переводе сгладил метафору, и она превратилась в невыразительное и не совсем понятное «...позабочусь, чтоб вино // На доблестных их шрамах заиграло». Заметим,

«заставлю» («force») заменено на «позабочусь» и прибавлен эпитет «доблестный».

Разумеется, было бы неверно утверждать, что Фет переводил буквально каждый троп Шекспира. Он не останавливался перед трудностями, если метафора по-русски звучала «неестественно», но ясно передавала смысл оригинала. Часть образов, просто непереводаемых на русский язык, опускалась или упрощалась в переводе. Энобарб, раскаявшись в предательстве, обращается к меланхолии:

...throw my heart
Against the flint and hardness of my fault:
Which, being dried with grief, will break to powder,
And finish all foul thoughts.

Выражение «flint and hardness of my fault» «кремень (камень) и твердость (жесткость, в значении «тяжесть») моего проступка», по мнению ряда комментаторов, является ярким примером часто используемого Шекспиром тропа. Слово «кремень», метафорически обозначающее тяжесть вины, помещено в контексте со словом «твердость/тяжесть», которое и определяет качество вины. Далее разворачивается сложный концепт: считалось, что при каждом вздохе происходит отток крови от сердца, поэтому от горя (grief), которое есть причина частых вздохов, сердце Энобарба высохнет и рассыплется в прах. (См. напр: Antony and Cleopatra. Ed. by R.E.C. Houghton. P. 219). Без дополнительных объяснений образность приведенного отрывка будет непонятна в переводе. Фет так перевел это место:

...сокруши
Мне сердце о скалу моей вины,
Пушкой тоска его рассыплет в прах
И с ним всё зло исчезнет.

Упростив концепт Шекспира, Фет не отступил в своем переводе от принципов эквилинеарности и эквиритмии.

Пьесы «Антоний и Клеопатра» и «Юлий Цезарь» цитируются в подлиннике по изданиям *Shakespeare W. Antony and Cleopatra*, ed. R.E.C. Houghton, Oxford, 1973; *Shakespeare W. Julius Caesar*, ed. D.R. Elloway, L., 1955. При необходимости пунктуация и орфография уточняются по изданию: *The Plays and Poems of William Shakespeare*. Leipzig: Published by Ernest Fleischer, 1833. Этим изданием, сохранившимся в мемориальной библиотеке И. С. Тургенева в Орле, мог пользоваться Фет. При составлении комментариев учтены издания: *Shakespeare W. The Works*. Edinburgh, 1856; *Shakespeare W. The Complete Works*. Leipzig, 1854.

Тексты воспроизводятся с исправлением очевидных опечаток, а также искажений, выявленных по замечаниям Фета или при сопоставлении текста с подлинником (например, неверная атрибуция реплик). Все исправления оговариваются в комментариях.

АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

(С. 263). Впервые: *Шекспир*. Антоний и Клеопатра. Перевод А. Фета. // *РСл*. 1859. № 2. Отд. 1. С. 54—208. Перепечатано: *Шекспир* У. Антоний и Клеопатра. Перевод А. А. Фета / Текст и комментарии подготовил А. В. Ачкасов. Курск, 2003.

К моменту, когда Фет обратился к драматургии Шекспира, существовало два прозаических перевода «Антония и Клеопатры»: Антоний и Клеопатра. Трагедия в 5-ти д. Соч. В. Шекспира. Пер. с англ. <Леонтьева> // Репертуар русского театра (СПб.). 1840. Т. 2. Кн. 9. Приложение. С. 149; *Шекспир*. Антоний и Клеопатра. Пер. с англ. Н. Кетчера. Ч. 4. Вып. 17, 18. М., 1850.

В примечаниях к переводу Фет указывает, что пользовался, наряду с другими изданиями, изданием Пейн Кольера. (В *РСл* в примеч. было указано: «по экземпляру Коофльфа» (С. 54) и «у Кольнера» (С. 74). В остальных случаях — Колльер.). Имеется в виду широко известное в сер. XIX в. «исправленное» издание Шекспира. В 1852 году Пейн Кольер опубликовал письмо, в котором говорилось о том, что он обнаружил второй фолио Шекспира 1632 года (известный как «фолио Перкинса») с многочисленными рукописными поправками (около 20000), которые, по мнению Кольера, могли быть сделаны только человеком, хорошо знавшим «подлинный» текст Шекспира. Кольер ознакомил общественность с исправлениями в фолио в 1852 году (*Collier J. Notes and emendations to the text of Shakespeare's plays from early MSS corrections in a copy of The Folio 1632... L., 1852*). До этого, в 1842—1844 гг., Кольер издал собрание сочинений Шекспира с поправками, найденными на полях экземпляра первого фолио, известного как «Бриджуотер фолио».

В России находка Кольера получила известность благодаря статье Ф. Шаля (*ОЗ*. 1852. Т. 81. № 4. Отд. VIII. С. 237—238), который и до этого восхищенно отзывался о его работе. Большое значение для укрепления авторитета издания Кольера имела статья А. В. Дружинина «Пэйн Колльер, комментатор Шекспира, и новое важное открытие им сделанное» (*БдЧ*. 1856. Т. 140. Отд. II). Дружинин писал, в частности, что находку Кольера «необходимо иметь в виду при всех изданиях и будущих переводах Шекспира...»; «...вся эта масса поправок, заметок и указаний никак не может быть трудом догадочным, плодом досуга и остроумия какого-нибудь читателя Шекспировых творений» (Дружинин А. В. Собр. соч. Т. 5. СПб., 1865. С. 545). Многие переводчики середины XIX в. принимали поправки Кольера, в частности, Н. Х. Кетчер и А. А. Григорьев. Нередко к указанному изданию обращались и в конце XIX в. Позднее стала очевидной недобросовестность Кольера как издателя и фальсифицированный характер всех якобы найденных им поправок.

Фет принял несколько поправок Кольера, «которые явно изменяют в данном месте смысл в пользу дела». Видимо, он относился к

изданию Кольера с некоторым сомнением и в примечаниях к переводу давал оба варианта текста. При общем доверии к указанному изданию, скептицизм Фета оказался прозорливым.

Обстоятельства осуществления и публикации фетовских переводов Шекспира восстановлены Ю. Д. Левиным. (*Левин Ю. Д. Шестидесять годов // Шекспир и русская культура. М.; Л., 1965. С. 511—17*). К сказанному можно добавить следующее.

Указанные пьесы Фет переводил в 1857 (вторая половина) — 1858 гг. В переводе «Антония и Клеопатры» принимала участие его жена Мария Петровна (см. письмо Фета к Н. А. Шеншиной. *ОР РГБ. Ф. 315. К. 2. Ед. хр. 30*). Осенью 1857 г. значительная часть «Антония и Клеопатры» уже была переведена. Л. Н. Толстой 11 ноября 1857 г. сделал в дневнике запись: «Фет обедал. Прочел “Антония и Клеопатру” и разговором разжег меня к искусству» (*Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 21. С. 194*). 3 декабря того же года Фет вновь читал перевод Толстому: «Обедал у Фета... “Антоний и Клеопатра”. Перевод дурен» (Там же. С. 195). В янв. — февр. 1858 г. Фет продолжал работать над переводом. В письме от 17 янв. 1858 г. он сообщает И. П. и Н. А. Борисовым: «Я совершенно ископал себе пещеру в маленьком кабинете и сижу за Шекспиром» (*Из неизданной переписки. С. 557*). О том, как продвигалась работа, можно судить по следующим замечаниям Фета. В письме к И. С. Тургеневу от 20 янв. 1858 Фет писал: «На будущей неделе примусь за 4-й акт» (*Соч. Т. 2. С. 204*). 19 февр. того же года он сообщал И. П. и Н. А. Борисовым, что «5-й акт движается к половине» (*Из неизданной переписки. С. 557*). За два дня до этого в письме к Н. А. Некрасову: «Мой “Антоний” приходит к вожделенному концу. Над ним я, не разгибаясь, работаю полгода» (*Некрасов. Переписка. Т. 1. С. 529*). В марте 1858 перевод был завершен, о чем Фет извещал Некрасова (Там же. С. 529). И. С. Тургенев знал о работе над переводом. В письме от 28 дек. 1857 г. (9 янв. 1958) из Италии он «благословил» Фета «на борьбу гораздо труднейшую — а именно с Шекспиром» (*Тургенев. Письма. Т. 3. С. 184*). 26 февр. (10 марта) 1858 г. он вновь вспоминает о пьесе: «Зимой, при издании Ваших новых стихотворений большая будет перепашка. Дай Вам бог удачи и терпения при “Антоние и Клеопатре”!» (Там же. С. 198).

Известно, что Тургенев принимал непосредственное участие в редактировании переводов, о чем сообщал А. В. Дружинину от 25 авг. (6 сент.) 1858 (Там же. С. 233—34.). В письме от 10 (22) окт. 1858 Тургенев вновь вспоминает о совместной правке переводов с Фетом: «...“Антоний” его тщательно выправлен. Каждый акт два раза был тщательно пройден нами вместе — и я не спускал ему ни единого слова, так что он иногда стонал в агонии и падал тучным телом на диван» (Там же. С. 242).

Несколько раз упоминал о совместной с Тургеневым правке переводов и Фет. В письме к Я. П. Полонскому от 8 окт. 1858 он замечает, что драма «Антоний и Клеопатра» «готова и пересмотрена Тургеневым». (*Из неизданной переписки. С. 558*). В *МВ* Фет приводит

эпизод их совместной работы: «Окончив вчерне перевод “Антония и Клеопатры”, я просил Тургенева прослушать мой перевод с английским текстом в руках<...> На этот раз мы прочитывали пятый акт и дошли до того места, где Клеопатра, припустив к груди аспида, называет его младенцем, засасывающим насмерть кормилицу.

На это Хармиань, кончая стих, два раза восклицает: “O, break! O, break!” — которое Кетчер справедливо, согласно смыслу, переводит:

“O разорвись, разорвись, сердце!”

Приняв во внимание неизменный мой обычай сохранять в переводах число строк оригинала, легко понять затруднение, возникающее на этом выдающемся месте. Помнится, у меня стояло: “O, разорвись!”. Тургенев справедливо заметил, что по-русски это невозможно. Загнанный в неисходный угол, я вполголоса рискнул: “O, лопни!”. Заливаясь со смеху, Тургенев указал мне, что я и этим не помогаю делу, так как не связываю глагола ни с каким существительным. Тогда, как заяц, с криком прыгающий над головами налетевших борзых, я рискнул воскликнуть: “Я лопну!”. С этим словом Тургенев, разразившись смехом, сопровождаемым криком, прямо с дивана бросился на пол, принимая позу начинающего ползать ребенка» (МВ. Ч.1. С. 275).

Фет предложил свой перевод в БДЧ, однако А. В. Дружинин вежливо отказал ему: «С великим сожалением должен я отвечать Вам, что не могу приобрести “Антония и Клеопатры”. “Кориолана” я не могу держать далее осени; Апол<лон> Григорьев кончает заказанную уже ему драму Шекспира, а наша публика, как сами знаете, предпочитает Шекспиру повести с современными тенденциями. Я не угодник публики; но не решусь дать ей в один год три вещи Шекспира. Мне бы во сто раз было лучше вместо григорьевского перевода взять Ваш, но это значит нанести бедному Аполлону ущерб, ужасный при его бедности. Куда он денется со своим переводом, тогда как с вашим именем и талантом всякий журнал возьмет “Антония”. Итак, с сокрушенным сердцем, я должен его лишиться, хотя знаю, что в переводе Вашем есть первоклассные красоты» (Из неизданной переписки. С. 557—58). Позднее Дружинин признался Тургеневу, что «не сказал настоящей причины». Она заключалась главным образом в скептическом отношении Дружинина к Фету-переводчику: «Во-первых, я не люблю этой драмы, во-вторых, сердце мое чуяло, что она наполнена “брыкни коль мог” и такими стихами, а выправить их некому» (Тургенев и круг «Современника». М.; Л.: Academia, 1930. С. 218). «Антония и Клеопатру» готов был взять в «Современник» Н. А. Некрасов: «Перевод “Антония” — если милость будет, — отдайте мне» (Некрасов. Переписка. Т. 1. С. 530. Письмо от 17 марта 1858 г.). Ю. Д. Левин полагает, что «Фет обратился к Некрасову, который согласился взять перевод для «Современника» (Шекспир и русская культура. С. 511). Однако инициатором был скорее Некрасов, так как в письмах от 17 февр. и 14 марта 1858 года (см. выше) Фет, сообщая о ходе

работы над переводом и его окончании, замечал, что перевел пьесу, «судя по толкам специалистов, довольно удачно» (*Некрасов. Переписка*. Т. 1. С. 529).

Перевод «Антония и Клеопатры», тем не менее, появился в *РСл*, редактором которого был Я. П. Полонский. Именно он попросил у Фета перевод для нового журнала и вел с ним все переговоры: «Если ты не продад еще свой перевод “Антония и Клеопатры”, докажи, брат, свою независимость, продай оный в 1-ую книжку “Русского слова”, журнала, который непременно выйдет 1 января 1859 года...» (*Из неизданной переписки*. С. 558). Фет не сразу отдал перевод в *РСл*. Дело, видимо, решил размер гонорара. Именно в этот период Фет утверждал, что собирается писать ради заработка. В этом же письме он упоминает, что Фета «бранили <...> за сношения с “Русским словом”». (*СтПрП*. С. 350). Фет действительно находился в стесненном материальном положении. В письме Тургеневу от 20 янв. 1858 г., завершая перевод «Антония и Клеопатры», он жаловался: «...теперь, особенно в нынешний год, я ужасно истратился и должен сжаться до крайности. Я прожить должен в месяц неизбежно 250 р. серебром, а у меня в настоящую минуту 125 р.» (*Соч.* Т. 2. С. 202—203).

В мае 1858 г. Фет писал Л. Н. Толстому: «Недавно я получил письмо из Парижа от Полонского, в котором он у меня просит “Антония” для журнала, имеющего издаваться с 59-го года января, под редакцией, насколько я понял, Полонского, Григорьева и Кушелева-Безбородко. Имя журнала “Русское слово”. Но так как у меня в мозгу опять муза, то я отвечал, что до поры не могу сказать “Да»» (*Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 222). В октябре того же года Фет решил опубликовать «Антония и Клеопатру» в *РСл*, о чем сообщает Полонскому: «Из Парижа ты писал мне об “Антонии и Клеопатре”. Теперь она готова и пересмотрена Тургеневым, кроме того, я кончаю “Юлия Цезаря”. Напиши мне, сделай милость, возьмете ли вы “Антония”. Условия мои все те же. За драму 500 и 300 отисков» (*Из неизданной переписки*. С. 558). В октябре 1858 Фет закончил переговоры с Полонским, о чем упоминает в письме к Борисовым: «<Полонский> рьяно принялся за журнал и берет, т. е. Кушелев берет у меня Антония на условиях, каких я хотел, т. е. 500 р. и 300 экз.» (*Из неизданной переписки*. С. 559). Г. А. Кушелев-Безбородко, издатель *РСл*, имел виды и на др. переводы Фета, включая перевод «Тимона Афинского», который был завершен летом 1859 года.

В 1855 г. А. Ф. Дамич обратился к Фету с просьбой отдать его переводы для четвертого изд. переводов Шекспира (первого после смерти Н. В. Гербеля). Он был единственным, кто обратился к Фету с просьбой опубликовать его переводы Шекспира после появления статьи Михаловского в «Современнике». Фет отвечал: «Для собственного удовольствия я и поныне занимаюсь переводом образцовых произведений, причем неизменно держусь, во-первых, подстрочности, во-вторых, по возможности буквальности, тогда как первого усло-

вия почти никто из наших переводчиков не соблюдает. Что я владею стихотворным языком не хуже всякого другого, в этом, кажется, сомненья быть не может. Поэтому я совершенно разделяю ваше мнение, что, по мере развития в публике здравого вкуса и знакомства с делом, мои переводы должны вытеснить всех конкурентов до появления каких-либо исключительных специалистов этого дела. Из Шекспира переведены мною “Антоний”, “Юлий Цезарь” и “Тимон”: все три слово в слово сверены мною с покойным Тургеневым по оригиналу. За смертью Дружинина “Тимон” и по сей день остался у меня в портфеле. <...> Не зная средств Вашего издания, не могу судить ни об эстетических его целях, ни о предлагаемом им гонораре, высший размер которого необходимо мне знать, прежде чем вступить в какие-либо соглашения» (*Из неизданной переписки*. С. 561). В феврале Фет дал согласие на публикацию «Антония и Клеопатры» и получил к этому времени разрешение Кушелева-Безбородко, которому принадлежали права на этот перевод: «Болезненное состояние мое, не выпускающее меня из комнаты, и совершенное незнакомство с книжным делом затрудняли, со времени получения письма Вашего, приобретение мною давнишнего перевода моего: “Антония и Клеопатры”. <...> Теперь перевод у меня в руках, и я приложу все старание тщательно его пересмотреть и исправить то, что сочту необходимым. Теперь уже от Вас зависит исполнение Ваших слов» (Там же). Видимо, переговоры велись и о «Тимоне Афинском». В письме от 20 апреля 1885 года Фет сообщил, что перевод «Тимона Афинского» им утрачен» (Там же).

Марк Антоний (82—30 гг. до н. э.), после смерти Юлия Цезаря член второго триумvirата совместно с Октавианом и Лепидом. *Октавий Цезарь* (Октавиан) (63 г. до н. э.—14 г. н. э.), внучатый племянник Юлия Цезаря. После поражения Антония принял титул императора. *Марк Эмилий Лепид*, сподвижник Юлия Цезаря, после его смерти — член второго триумvirата. *Секст Помпей*, сын Гнея Помпея Великого, члена первого триумvirата. Воевал против второго триумvirата, был разбит Октавианом. *Клеопатра*, царица Египта. Была свергнута с престола и позже восстановлена на нем Юлием Цезарем. После смерти Юлия Цезаря сблизилась с Антонием. *Октавия*, сестра Октавиана, жена Антония.

Акт I, сцена 1.

Жар Египтянки. — В оригинале: gipsy's lust — «страсть цыганки». Считалось, что цыгане вышли из Египта. В четвертом акте Антоний презрительно сравнивает Клеопатру с цыганкой. *Третий столп вселенной.* — Октавиан.

Акт I, сцена 2.

Нет, ты румянится под старость будешь. — В РСл реплика принадлежала гадателю. *Заставь на пятидесятом году иметь ре-*

бенка. — В оригинале: ...let me have a child at fifty, to whom Herod of Jewry may do homage... — «...пусть у меня в пятьдесят лет будет ребенок, которому сможет присягнуть Ирод Иудейский...». Фет опустил при переводе часть фразы, что не могло быть продиктовано желанием сохранить метр, так как отрывок прозаический. *Лабием / (О, злая весть!) войска парфян подвинул / И Азию с Ефрата покорил.* — Квинт Лабием после поражения Брута и Кассия при Филиппах примкнул к парфянам. *Секст Помпей / На Цезаря восстал* — Секст Помпей, сын Гнея Помпея Великого, овладел рядом важных в экономическом отношении областей, что угрожало Риму голодом. *Что силой жизни только волос конский / А не змея по яду.* — Считалось, что конский волос, помещенный в воду, перерождается в змею. Фет в своем примечании проводит параллель с русским верованием. *Слезы должны жить в чесноке, чтобы проливаться от подобного горя.* — В оригинале речь идет о луке. Во времена Шекспира актеры натирали глаза луком, чтобы вызвать слезы.

Акт I, сцена 3.

Где склянки те, что ты наполнить должен / Печали влагой? — Речь идет о бутылочках для слез, которые клали в погребения. *Шнуровку!* — Один из многочисленных анахронизмов, встречающихся у Шекспира. Клеопатра не могла носить корсет. *Если б не видал / Безумства я у ног твоих, то счел бы / Безумной самое тебя.* — Фет интерпретировал *idleness* как «безумство». Имеется в виду праздность, беспечность, суетность (Ср. у Пастернака — «блажь»).

Акт I, сцена 4.

А Птолемея вдова ничем / Не женственней его. — Имеется в виду Клеопатра. Птолемей — ее покойный муж. *Зыбкий флаг речной...* — Фет буквально перевел оригинал: a vagabond flag. Имеется в виду речная водоросль.

Акт I, сцена 5.

Дай мандрагоры выпить мне. — Считалось, что мандрагора обладает снотворным действием. *Щит / Вселенной!* — В оригинале: *the arm/And burgonet of men* — «десница и шлем людей». *Помпей.../ Стоял и бросить якорь здесь желал, / Теряясь в созерцаньи.* — В оригинале: *There would he anchor his aspect and die/With looking on his life.* — «Там он хотел приковать свой взгляд и умереть, глядя на свою жизнь (т. е. на Клеопатру)». «Теряясь в созерцаньи» — метафора, не свойственная языку елизаветинской поэзии. *Драгоценный / Раствор позолотил тебя.* — Имеется в виду философский камень. *Пойдем, дай мне бумаги и чернил.* — Анахронизм.

Акт II, сцена 2.

Клянусь Зевесом, / Будь борода Антония моею, / Сегодня б я не сбрил ее. — Энобарб не хочет, чтобы Антоний шел на уступки, и наме-

кает на юный возраст Октавиана. Угроза выщипать бороду считалась оскорблением в елизаветинское время. *Время / Всегда на то, что происходит в нем.* — Фет цитирует эту реплику Энobarба в статье «О стихотворениях Ф. Тютчева» (1859). *Не копей в золе.* — В оригинале: stir no embers up — «не вороши угли», т. е., не усугубляй ситуацию. *Но добродушие / Пусть не в ущерб величию будет; силу / Свою я помню.* — В оригинале: ...but mine honesty / Shall not make poor my greatness, nor my power / Work without it. — «...моя сдержанность не унижит моего величия, а моя власть не действует без нее». Слово *honesty* обозначало «терпимость, сдержанность, щедрость». *Восемь жареных вепрей на завтрак и только на двенадцать человек; правда ли это?* — Фет частично передал аллитерацию подлинника: Eight wild-boars roasted whole at a breakfast, and but twelve persons there; is this true? *С нею наслажденье / Не увядает.* — В оригинале: ...nor custom stale / Her infinite variety... — «...привычка не исчерпает ее бесконечного разнообразия...».

Акт II, сцена 5.

Музыка отрадна. — В оригинале: music, moody food — «...музыка, унылая пища...». Комментаторы усматривают здесь связь с меланхолией, которая в эпоху Возрождения считалась одним из видов психического расстройства. *Сыграем в кегли, Хармиань.* — Анахронизм. *Пропaday / Ты с ним.* — В оригинале: ...lie they upon thy hand, / And be undone by 'em! — «оставь их (товары) себе, и пусть они принесут тебе неудачу».

Акт II сцена 6.

Пусть / Рассказ мой повредит мне. — В оригинале: ...though I lose / The praise of it by telling... — «...хотя то что, что я расскажу, перестает от этого быть моей заслугой...».

Акт II сцена 7.

Они из милости давали ему пить свой излишек. — В оригинале: They have made him drink alms-drink. — Комментаторы считают, что слово *alms-drink* обозначает часть выпиваемого, которая пьется вместо кого-либо, чтобы соблудности приличия и не пропустить тост. В этом случае реплика означает: «Они заставили его пить вместо других» и согласуется с замечанием второго слуги. *По мне уж лучше держать в руках бесполезный тростник, чем бердыш, который я не могу поднять.* — В оригинале: I had as lief have a reed that will do me no service as a partisan I could not heave. — «По мне нет разницы между тем, чтобы держать в руках бесполезный тростник или копье, которое я не могу поднять». *Заняться наши ропцут / На эту шалость.* — В оригинале: our graver business / Frowns at this levity. — «...наше более важное дело ропщет на это легкомыслие». В РСл напечатано «заняться наши», что не соответствует смыслу оригинала и является опечаткой, исправляемой в наст. изд.

Акт III, сцена 1.

Вот гордый парф. — В оригинале «мечущий стрелы парф». *Не делать лучше ничего, чем славу / Стяжать.* — В оригинале: ...Better to leave undone, than by our deed / Acquire too high a fame... — «Лучше потерпеть поражение, чем стяжать слишком высокую славу...». *Ты всем богат, Вентидий, / Что война и меч его ведет / К отличиям.* В оригинале: Thou hast, Ventidius, that / Without the which a soldier, and his sword, / Grants scarce distinction. — «У тебя есть то, Вентидий, без чего воин и его меч мало чем отличаются». Фет интерпретировал distinctions как «отличия, заслуги». *Антонию напишешь?* — В РСл ошибочно напечатано: «Антонию напишет?».

Акт III, сцена 2.

Лепид... / желтухой болен. — В оригинале: the green sickness — «зеленая болезнь». Речь идет о последствиях пьянства. *Не может ум, язык, резец, поэт / Постичь, изречь, изобразить, воспеть...* — Цепочка существительных, сменяющаяся цепочкой глаголов, представляет собой один из характерных приемов елизаветинской поэзии. Ср. реплику Требония из «Юлия Цезаря» (акт III, сцена 1): Men, wives and children stare, cry out, and run... — «Мужчины, женщины и дети таращат глаза, кричат, бегут...». *И будь / Дружна со мной.* — В оригинале: ...and as my farthest band / Shall pass on thy arproof — «...и как мое самое главное ручательство (залог) заслуги мое одобрение». *Грусть в его лице.* — В оригинале: He has a cloud in's face — «У него туча на лице». Подобное выражение употреблялось в отношении лошадей. Темное пятно на лбу считалось признаком плохого норова, поэтому Энобарб в следующей реплике сравнивает Цезаря с конем.

Акт III, сцена 3.

Еврейский Ирод не войдет к тебе, / Коль ты не в духе. — Ирод Иудейский служил синонимом тирании.

Акт III, сцена 6.

Дерева / Быть вдоль всего пути людей полны, / Алкающих ее увидеть. — В оригинале: ...the trees by the way / Should have borne men; and expectation fainted, / Longing for what it had not. — «...деревья вдоль пути должны были родить людей, а ожидание достичь высшей точки, желая того, чего у него не было».

Акт III, сцена 8.

На нашей стороне повальный мор, / И смерть верна. — Скар, отвечая на вопрос Энобарба, сравнивает ход битвы с распространением чумных пятен на теле. В оригинале: On our side like the token'd pestilence, / Where death is sure — «На нашей стороне как будто отметины чумы, которые предвещают неизбежную смерть». Чумные пятна обозначались понятием *God's tokens*, отсюда выражение *tokene'd pestilence*.

Акт III, сцена 9.

Нет, прочь, прочь, прочь! — После этих слов Антония в переводе пропущена реплика Хармиани: *Madam! Он / Владел мечом не лучше скомоороха...* — В оригинале: *...he...kept / His sword e'en like a danger...* — «...он ... держал свой меч, как танцор», т. е. не вынимая декоративный меч из ножен.

Акт III, сцена 10.

Пусть она / Покрытого теперь позором друга / Прогонит из Египта, их убьет. — В оригинале сказано: «...или убьет его там». *Э в ф р о н и ъ уходит. Тирею.* — В РСл ошибочно напечатано: *Е в ф р о н и ъ.* (*Уходит. Тирею*). Таким образом, часть реплики Цезаря, начинающаяся словами: «Вот красноречье докажи свое...», принадлежала Тирею.

Акт III, сцена 11.

Мог он мечтать, чтоб пышный Цезарь рядом / С ним тощим стал? — В оригинале: *That he should dream, / Knowing all measures, the full Caesar will / Answer his emptiness!* — «Как он может мечтать... что полный Цезарь будет соответствовать его пустоте». «Полный» употреблено в значении «совершенный, гармоничный». Ниже Тирей называет Цезаря *the fullest man* — «наиполнейший человек». В переводе опущено выражение *knowing all measures* — буквально: «зная все меры», на неоднозначность которого неоднократно обращали внимание комментаторы. Оно может означать, что Антоний на месте Цезаря сам бы не принял вызов, или в виду имеется вообще жизненный опыт Антония.

Акт IV, сцена 2.

Рубиться и кричать: «Всё сгинь!» — В оригинале: *Take all в значении: «Всё или ничего!»*

Акт IV, сцена 2.

Три части света / Украсятся оливою свободы. — Имеются в виду Европа, Азия и Африка. Кроме того, после падения Антония Октавиан останется последним триумвиром. Олива — символ мира. В оригинале сказано, что мир будет «носить оливу свободно».

Акт IV, сцена 7.

Была на I моя похожа рана / А вышел N теперь. — Фет заменил латинские буквы подлинника *T* и *N* соответственно на *I* и *N*. Комментаторы полагают, что *T* и *N* намекают на слово *ache*, «боль», которое произносилось как *atche*.

Акт IV, сцена 9.

Свидетельствуй, о месяц благосклонный!... / О мощная владычица печали! — В оригинале речь идет о меланхолии, которая как раз

новидность психического недомогания связывалась с влиянием луны и лунным светом.

Акт IV, сцена 10.

Трижды шельма! — Клеопатра уже дважды обращала свою любовь с одного предмета на другой: за Юлием Цезарем последовал Помпей, за Помпеем — Антоний. Теперь, как считает Антоний, она подготавливает почву для соединения с Октавианом.

На мне рубашка. Научи / Меня, Алкид, мой предок, ярой злобе, / Дай на луну мне зашвырнуть Лихаса... — Антоний считался потомком Геракла (Алкида). Полагая, что он предан Клеопатрой, Антоний вспоминает миф, согласно которому Деянира, жена Геракла, желая вернуть мужа, послала ему рубашку Несса, кентавра, убитого Гераклом, когда тот покусился на честь Деяниры. Несс перед смертью посоветовал Деянире собрать его кровь, уверив ее, что она обладает способностью возвращать любовь неверных мужей. Надев рубашку, Геракл испытал такие страдания, что бросил раба (Лихаса), доставившего ее, в море. В пересказе Сенеки, с которым был знаком Шекспир, Лихас был так высоко подброшен Гераклом, что его кровь забрызгала облака.

Акт IV, сцена 11.

Злей он, чем Аякс / Был над щитом ... В оригинале: *O, he is more mad / Than Telamon for his shield...* Теламон — отец Аякса Теламонида. Шекспир подразумевает Аякса. Последний был известен своим огромным семикожным щитом, увидев который, троянцы в панике разбежались. Он претендовал на доспехи Ахиллеса, которые в итоге достались Одиссею. От ярости он впал в безумие и перебил овец, приняв их за ахейских вождей. *Фессалийский вепрь / Так не был лют.* — Артемида, разгневанная на царя Ойнея, наслала на Калидон огромного, свирепого вепря, уничтожавшего все вокруг.

Акт IV, сцена 12.

Щит Аякса, о семи листах — См. комментарий к сцене 11.

Акт IV, сцена 13.

Так быть должно...но увь! зачем же! — Утверждения противоречат друг другу. В оригинале: *So it should be ... but woe 'tis so!* — «Так быть должно... но горе, что это так». *Да и умру / Не подло: пред согражданином снял / Я шлем, и римлянином римлянин / Был побежден.* — В оригинале: *...and do now not basely die, / Not cowardly put off my helmet to / My countryman, — a Roman by a Roman / Valiantly vanquish'd* — «...не низко умираю, не подло снимаю шлем (т. е. сдаюсь) перед соплеменником, — римлянин храбро сражен римлянином». В изданиях сер. XIX в. пунктуация подлинника отличалась от современной: *...and do now not basely die, / Not cowardly; put off my helmet to//My countryman, a Roman by a Roman / Valiantly*

vanquish'd. После слов *Not cowardly* («не подло») стояла точка с запятой, и таким образом они относились к глаголу *die* («умираю»). В соответствии с этим вариантом Фет перевел слова Антония, опустив при этом выражение *Not cowardly* (синонимичное выражению *not basely*) и поставил двоеточие после «не подло». *Говорить позволю мне и Форту / Бранить...* — В оригинале Фортуна названа «лживой домохозяйкой». В средневековой и елизаветинской поэзии Фортуна часто уподоблялась лживой, вероломной женщине.

Акт V, сцена 2.

Отчаянье мне позволяет вновь / Покойней видеть жизнь. — В оригинале речь идет о «лучшей жизни», т. е. о смерти. Далее Клеопатра говорит о самоубийстве. *Но мне обман не страшен с той поры, / Как верность мне не в пользу.* — В оригинале: *I do not greatly care to be deceived, / That have no use for trusting* — «Я не слишком боюсь быть преданной, так как не нуждаюсь в доверии». *Мощное создание.* — Долабелла обращается к Клеопатре. Фет ставит после этой реплики точку, хотя Клеопатра вновь прерывает Долабеллу. В оригинале пунктуация в этой реплике ничем не отличается от пунктуации в предыдущей. *Гредел, как гром.* — Попытка передать аллитерацию подлинника: *He was as rattling thunder. Он сыпал из карманов.* — После этих слов Клеопатры в переводе опущены две реплики:

D o l a b e l l a
Cleopatra, —

C l e o p a t r a
Think you, there was, or might be, such a man
As this I dream'd of?

Д о л а б е л л а
Клеопатра!

К л е о п а т р а
Ты думаешь, что был или мог быть мужчина,
Подобный тому, о котором я мечтала?

Без них не понятна следующая реплика Долабеллы: *Нет, царица (Gentle madam, no). Рабочие.../...приподымут / Нас на показ и будем мы вдыхать / Их смрадный запах.* — В оригинале более развернутое сравнение: *...mechanic slaves... / ...shall / Uplift us to the view; in their thick breaths, / Rank of gross diet, shall we be enclouded, / And forced to drink their vapour* — «Рабочие... поднимут нас для обозрения; в их тяжелое дыхание, следствие грубой пищи, мы будем погружены и вынуждены пить их испарения». *Не давайте ей <...> ничего...* — В оригинале: *Give it nothing...* — В РСЛ опечатка: «Не давайте ей... ночью...».

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

(С. 410). Впервые: Юлий Цезарь. Трагедия Виллиама Шекспира. Перевод А. Фета. *БДЧ*. 1859. Т. 154. № 3. Отд. 1. С. 2—94. Перепечатано: *Шекспир Уильям*. Юлий Цезарь / Перевод А. Фета; Предисловие А. Н. Горбунова. М., 1998.

Фет сделал первый полный стихотворный перевод пьесы. До него пьеса дважды переводилась прозой: Юлий Цезарь, трагедия Виллиама Шекспира. [Пер. Н. М. Карамзина] М.: Тип. Компании типографической, 1787; Юлий Цезарь // *Шекспир*. Драматические сочинения. Пер. Н. Кетчера. Ч. 5. М., 1858. Кроме того, в журналах неоднократно публиковались прозаические и стихотворные переводы отрывков из «Юлия Цезаря», сделанные с английского и немецкого языков: Пря между Брутом и Касиусом в трагедии, названной «Юлий Цезарь». <Прозаический перевод с нем. М. Веревкина> // Наставник или всеобщая система воспитания. Ч. 1. СПб., 1789. С. 258—302; Из Шекспировой трагедии «Юлий Цезарь» <Прозаический перевод с нем. А. Петрова> // Учитель или Всеобщая система воспитания. Ч. 1. М., 1789; Из Шекспировой трагедии Юлий Цезарь. <Д. III, явл. 2> // Любитель словесности. СПб., 1806. Ч. 1. № 2. С. 98—111; Отрывок из Шекспировой трагедии «Юлий Цезарь» <Д. II, сц. 2>. Пер. с англ. М. <Милонова> // Цветник. (СПб.). 1810. Ч. 8. № 11. С. 157—178; Отрывок из Шекспировой трагедии «Юлий Цезарь» / Пер. М. Строева // Галатея. <М.>, 1840. № 15. С. 249—254.

Фет начал перевод «Юлия Цезаря», завершив вчерне перевод «Антония и Клеопатры» (март 1858 г.), и закончил его осенью того же года. Перевод был отредактирован Тургеневым. 22 октября 1858 Фет писал Я. П. Полонскому: «В начале ноября я ожидаю к себе в Москву Тургенева, чтобы перечитать с ним 5-й акт “Юлия Цезаря”. А “Антония” я с ним разобрал по волоску и могу тебя уверить, что перевод недурен. Я его переправлял, переправлял, да и руки обломал» (*Из неизданной переписки*. С. 558).

«Юлий Цезарь» появился в *БДЧ*, чему способствовал Тургенев. Именно после его рекомендации Дружинин взял пьесу: «...“Юлия Кесаря”, особенно после вашего пересмотра, я бы приобрел с удовольствием» (Тургенев и круг «Современника». С. 218). При довольно скептическом настроении относительно «Антония и Клеопатры» Дружинин достаточно высоко оценивал перевод «Юлия Цезаря». В февр. 1859 г. он писал Л. Н. Толстому: «В его <Фета> “Кесаре” есть превосходные места, но весь перевод не разоидется в публике очень сильно: в языке большая напряженность, неисправимая потому, что он сам увлекается напряженностью и в Шекспире любит *необыкновенные загогулины*, по его собственному выражению» (*Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 278. Курсив Дружинина).

Юлий Цезарь (100—44 гг. до н. э.), римский диктатор и полководец. Убит в результате заговора республиканцев. **Марк Брут** (85—42 до н. э.) возглавлял заговор против Юлия Цезаря. **Кассий** — сподвижник Брута, участник заговора. **Марк Антоний** — сторонник Цезаря, повернувший общественное мнение против заговорщиков и впоследствии совместно с Октавием разгромивший их.

Акт I, сцена 1.

Влезали вы на стены и бойницы, / На крыши, окна и на трубы даже. — Шекспир описывает елизаветинский Лондон. *Праздник Луперкалий.* — Праздник в честь бога Луперка (Фавна), покровителя пастухов и стад, связанный с магией плодородия.

Акт I, сцена 2.

Он как колосс. — «Колосс Родосский» — огромная статуя Аполлона у входа в Родосский порт. Одно из семи чудес света. *Враждебные меня тревожат страсти.* — в оригинале: *Vexed I am /... with passions of some difference...* — «Меня беспокоят противоречивые чувства». *Был когда-то Брут...* — Речь идет о Луции Юнии Бруте, основателе римской республики. В акте I, сцене 3 упоминается его статуя: «...это воском ты / К статуе Брута старого прилепишь...». *Толпу чертей.* — В оригинале: *...The eternal devil...* — «вечный дьявол». Анахронизм. *Твой честный нрав быть может отклонен от сродного ему.* — В оригинале: *...Thy honorable mettle may be wrought / From that it is dispos'd...* — «Твой благородный характер может отклониться от того, к чему он предрасположен». *Мне Цезарь враг, а Брута любит он. / Но если б я был Брут, а он был Кассий, / Ему бы мной не править.* — В оригинале: *Caesar doth bear me hard, but he loves Brutus. / If I were Brutus now and he were Cassius, / He should not humor me.* — «Цезарь несправедлив ко мне, но он любит Брута. Если бы я теперь был Брутом, а он — Кассием, то я бы не прельстился его любовью».

Акт I, сцена 3.

Грудь подставляя я громовой стреле... — В оригинале *thunderstone* — «громовой камень». Считалось, что молнии мечут камни. *Что старцев учит врать, детей пророчить...* — В оригинале: *...Why old men, fools, and children calculate...* — «Почему старики, дураки и дети пророчествуют».

Акт II, сцена 1.

Я встал давно; не спал всю эту ночь... — В БДЧ реплика принадлежала Люцию. *Облик человека...* — В оригинале: *the face of men*, т. е. общественное мнение (ср. перевод М. Зенковича: «вид скорбный граждан»). *Пусть чернь клянется, коль не верят ей...* — В оригинале: *...unto bad causes swear / Such creatures as men doubt...* — «Замышляя недоброе, клянутся сомнительные люди». *Лишь будь здоров — твой слух о нем услышит.* — В БДЧ напечатано: «...Лишь будь

здоров твой слух о нем узнать». Текст восстановлен по письму Фета, не отправленному Дружинину, в котором указывается на эту неточность (*Письма к Дружинину*. С. 344) Д. Л. Михаловский в *Совр.* (см. выше) допустил еще одно искажение и неточно цитировал *БдЧ*.

Акт II, сцена 2.

У духа и его орудий смертных... — Имеются в виду разум и тело.

Акт III, сцена 1.

Ползание такое... — В оригинале: *lowly courtesies* — «низкопоклонство». *Цезарь!* — В *БдЧ* реплика принадлежала Цезарю. *Et tu, Brute?* — «И ты, Брут?» — источник этой латинской фразы неизвестен. «Словарь иноязычных выражений и слов» А. М. Бабкина и В. В. Шендцова указывает в качестве источника на текст пьесы Шекспира (Т. 1. 2-е изд. Л., 1981. С. 443). *Свобода, вольность! <...> и освобождение.* — В переводе Фета две реплики, принадлежащие Цинне и Каске, объединены в одну, которую произносит Цинна. Кроме того, в ней исключен, возможно, цензурой, 1 ст. реплики Каски: *Some to the common pulpits, and cry out...* — «Кто-нибудь — к трибунам и кричите...»

В подлиннике:

Cinna

Liberty! Freedom! Tyranny is dead!—
Run hence, proclaim, cry it about the streets.

Casca

Some to the common pulpits, and cry out,
“Liberty, freedom, and enfranchisement!”

Ступай, и пусть в ответе будем только / Мы, сделавшие дело. — В *БдЧ* эта реплика была объединена с предыдущей, и слова, таким образом, принадлежали Кассию. *Иль все твои победы и триумфы...* — В оригинале: *Are all thy conquests, glories, triumphs, spoils...* — «Или все твои победы, торжества, триумфы, трофеи...». *Ловцы стоят / В доспехах, окровавленных добычей.* — В оригинале: *...here thy hunters stand, / Sign'd in thy spoil, and crimson'd in thy Lethe.* — «...здесь охотники стоят в твоих трофеях и обгаренные твоей смертью». *Лета (Lethe)* — в греч. мифологии река забвения в царстве мертвых. В эпоху Средневековья и Возрождения нередко служила синонимом смерти. *Ты мир! был лесом этому оленю; / И был, о мир! твоею он красой.* — В оригинале сказано, что олень был сердцем мира. Сравнение подлинника основано на созвучии слов *hart* «олень» и *heart* «сердце». *Мы так свои причины обсудили...* — В оригинале: *Our reasons are so full of good regard...* — «Наши причины столь полны добрых намерений...» (ср. пер. М. Зенкевича: «Но побужденья наши так высоки...»). *С огненную Атой...* — Ата в греч. мифологии божество, причиняющее бедствия людям и олицетворяющее помрачение ума.

Акт III, сцена 2.

О Бруте дурно не толкуй, он тут. — В оригинале: 'T were best he speak no harm of Brutus here. — «Лучше бы ему не говорить здесь плохо о Бруте». *Они низкие убийцы! Бездельники!* — В оригинале: They were villains, murderers! — «Они были злодеи, убийцы!». *Ведь у меня ни письменного нет, / Ни слов, ни сильной речи, ни движений...* — В оригинале: For I have neither wit, nor words, nor worth, / Action, nor utterance, nor the power of speech... — Ряд комментаторов вместо *wit* — «знание», «мудрость», читают *writ* — «написанное», «изложенное в письменном виде». Такому варианту последовал Фет.

Акт IV, сцена 1.

При трюмвирном разделе мира... — Речь идет об образовании второго триумвирата, в который вошли Октавиан, Антоний и Лепид.

Акт IV, сцена 2.

Но не с таким радушием семейным... — В оригинале: ...But not with such familiar instances.... — «Но не с таким привычным радушием...» Фет ошибочно перевел *familiar* «знакомый», «привычный» как «семейный».

Акт IV, сцена 3.

Иль уступить твоей мне быстрой желчи? — Согласно медицинским представлениям елизаветинского времени, избыток желчи определял вспыльчивый характер. *Дороже Плутусовых мин и злата.* — Плутос в греч. мифологии бог богатства. *Когда кровавым горем раздражен?* — В оригинале: ...When grief and blood ill-temper'd vexeth him? — «...Когда горе и взволновавшаяся кровь раздражают его?». *Своей ты философии не верен...* — Брут — последователь стоицизма. *Ты скрылась, Порция?* — В оригинале: Portia, art thou gone? — «Порция, ты умерла?». *Таков великий муж в великой скорби.* — В оригинале: Even so great men great losses should endure. — «Так же и великим людям приходится переживать великие утраты». *Да, но приступим поскорее к делу...* — В оригинале: Well, to our work alive. — «Ну что ж, к нашему живому делу». *Пока я жив...* — В оригинале: If I do live.... — «Если я останусь жив...».

Акт V, сцена 1.

Кровавое их вывешено знамя... — В оригинале: Their bloody sign of battle is hung out... — «Их кровавый знак битвы вывешен...» Согласно Плутарху, сигналом к битве служил панцирь пурпурного цвета. *Ограбила пчел Гиблы...* — Гибла — город в Сицилии, известный своим медом.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ¹

«Антоний и Клеопатра». Шекспир	263
«Ах, как сладко, сладко дышит...» Гафиз	152
«Ах! опять всё те же глазки...» Гейне	248
«Башня лежит...» (Тень). С китайского	142
«Безвинно искупать тебе грехи отцов...» (К римлянам). Гораций ..	83
«Блажен, кто вдалеке от всех житейских зол...» (Сельский Альфий. Эпод 1-й книги, песнь 2-я). Гораций	135
«Богиня, Анциум свой правящая милый...» (К Фортуне). Гораций	43
«Богиня Кипра твой да охраняет путь...» (К кораблю, везущему в Афины Виргилия...»). Гораций	14
«Бокалом, созданным к веселью, воевать...» (К друзьям- собеседникам). Гораций	36
«Будто на ниве колосья...» (Эпиллог). Гейне	252
«Был Манлий консулом, когда со мной, амфора...» (К амфоре). Гораций	100
«В Гадес, Септимий, ты рад бы за мною...» (К Септимию). Гораций	54
«В доброй вести, нежный друг, не откажи...» Гафиз	152
«В царство розы и вина приди...» Гафиз	150
«Вакх в горах я учащим подслушал...» (Гимн к Вакху). Гораций	69
«Веселись — о, сердце-птичка!...» Гафиз	151
«Ветер нежный, окрыленный...» Гафиз	147
«Взгляни, ты, дышащий хулой...» Гафиз	257
«Во сне я милую видел...» Гейне	247
«Воздвиг я памятник вечнее меди прочной...» (К Мельпомене). Гораций	110
«Всплываю на простор сухого океана...» Мицкевич	231
«Высей и роцей владычица дева...» (К Диане). Гораций	101
Гафиз. <Предисловие>	143
«Гафиз убит. А что его убило...» Гафиз	156
«Где стыд и мера где печали несравненной...» (К Виргилию). Гораций	34

¹ Курсивом выделены стихотворные переводы, которые уже были напечатаны в предыдущих сборниках Фета (см. т. 1 наст. изд.) и перепечатаны в С61863, а также те, что воспроизводятся в окончательной редакции.

Герман и Доротея (Поэма). <i>Гёте</i>	160
«Гиацинт своих кудрей...» <i>Гафиз</i>	153
Гимн Аполлону и Диане («Диану — нежные хвалите хором девы...»). <i>Горацій</i>	32
Гимн к Вакху («Вакха в горах я учащим подслушал...») <i>Горацій</i>	69
Горная идиллия («На горе стоит избушка...»). <i>Гейне</i>	249
«Гражданскую вражду при консуле Метелле...» (К Азинию Поллиону). <i>Горацій</i>	47
«Грозные тени ночей...» <i>Гафиз</i>	152
«Да, ты несчастна — и мой гнев угас...» <i>Гейне</i>	241
«Давай любить и жить, о Лезбия, со мной!» <i>Катулл</i>	141
«Дано тебе и мне...» <i>Гафиз</i>	147
«Дарить и чашами, и медью дорогой...» (К Цензорину). <i>Горацій</i>	122
«Десять языков лилей...» <i>Гафиз</i>	147
«Дети солнечного восхода...» (К цветам). <i>Шиллер</i>	208
«Диану — нежные хвалите хором девы...» (Гимн Аполлону и Диане). <i>Горацій</i>	32
«Дитя! мои песни далеко...» <i>Гейне</i>	240
«Довольно уж Отец и градом и снегами...» (К Цезарю Августу). <i>Горацій</i>	12
«Доколе милым я тебе еще казался...» (К Лидии). <i>Горацій</i>	88
«Друг Муз, я отдаю тоску и страх печальный...» (К Музе об Элии Ламии). <i>Горацій</i>	35
«Ежели к небу ты руки возносишь...» (К Фидиле). <i>Горацій</i>	101
«Ежели осень наносит...» <i>Гафиз</i>	153
«Ежели порой посмотришь ты...» <i>Гафиз</i>	254
«Ей व्यю преклонять в ярмо еще не время...» (К Лалаге). <i>Горацій</i>	53
«Если б ты хоть раз наказание злое...» (К Барине). <i>Горацій</i>	56
«Если вдруг, без видимых причин...» <i>Гафиз</i>	146
«Есть полный у меня бочонок превеликий...» (К Филлиде). <i>Горацій</i>	126
«Еще недавно жил я с пользою для дев...» (К Венере). <i>Горацій</i> ...	105
«Желтеет древесная зелень...» <i>Гейне</i>	251
«Жестокая мать Купидонов...» (К Глицере). <i>Горацій</i>	31
«За десятиной десятину...» (К роскоши своего века). <i>Горацій</i>	64
«За Инахом в какое время...» (К Телефу). <i>Горацій</i>	98
«Завидую добру арабских богачей...» (К Икцию). <i>Горацій</i>	38
«Звезда полночи дугой золотою скатилась...» <i>Гафиз</i>	144
«Знать, ты не видишь, Пирр, как для тебя опасно...» (К Пирру). <i>Горацій</i>	99

«И башня медная, и псов угрюмых стая...» (К Меценату).	
<i>Гораций</i>	95
«И если ты будешь моею женой...» <i>Гейне</i>	262
«И ладаном мы, и струнами...» (К Плотию Нумиде). <i>Гораций</i>	44
«И силу в грудь, и свежесть в кровь...» (На озере). <i>Гёте</i>	158
«Из слез моих много родится...» <i>Гейне</i>	239
Из Фауста («Так ты отдай те дни мне снова...»). <i>Гёте</i>	157
К Августу («Какие заботы отцов иль квирит...»). <i>Гораций</i>	129
К Азинию Поллиону («Гражданскую вражду при консуле Метелле...»). <i>Гораций</i>	47
К Альбию Тибуллу («Мой Альбий, не тоскуй без меры, огорчен...»).	
<i>Гораций</i>	41
К амфоре («Был Манлий консулом, когда со мной, амфора...»).	
<i>Гораций</i>	100
К Антонию («С Пиндаром кто состязаться дерзает...»). <i>Гораций</i> ...	113
К Аполлону («О бог! ты отомстить хотел, и пред тобою...»).	
<i>Гораций</i>	119
К Аполлону («Чего певцу, склонясь, просить у Аполлона...»).	
<i>Гораций</i>	40
К Аристию Фуску («О Фуск, поверь: тому, кто сердцем уцелел...»).	
<i>Гораций</i>	32
К Архите Тарентинцу, тень которого увещивает пловца («Ты ли морей, и земли, и песку без числа измеритель...»). <i>Гораций</i>	37
К Астерии («Чего, Астерия, оплакиваешь даром...»). <i>Гораций</i>	85
К Барине («Если б ты хоть раз наказание злое...»). <i>Гораций</i>	56
«К блеску серебра, что скупой зарывает...» (К К. Криспу Саллюстию). <i>Гораций</i>	50
К больному Меценату («К чему плачевный стон меня терзает твой?...»). <i>Гораций</i>	66
К Вакху («Куда помчишь меня ты, полного тобою...»). <i>Гораций</i> ...	104
К Вальгию («Не вечно дождик крупный льется...»). <i>Гораций</i>	57
К Венере («Еще недавно жил я с пользой для дев...»). <i>Гораций</i> ...	105
К Венере («Киприда, не воюй! О, пощади меня...»). <i>Гораций</i>	111
К Венере («Царица Гнидоса и Пафоса, Венера...»). <i>Гораций</i>	39
К Випсанию Агриппе («Тебя петь Варию, герой непобедимый!...»).	
<i>Гораций</i>	17
К Виргилию («Где стыд и мера где печали несравненной...»).	
<i>Гораций</i>	34
К Виргилию («Уж спутники весны, смиряющие море...»).	
<i>Гораций</i>	127
К Галатее («Пусть нечестивых напутствуют крики...»).	
<i>Гораций</i>	105
К Глицере («Жестокая мать Купидонов...»). <i>Гораций</i>	31
К городу Риму (Похвала Друза) («Как окрыленного блюстителя громов...»). <i>Гораций</i>	115
К Гросфу («Просит покоя с небес, кто трепещет...»). <i>Гораций</i>	65

К Деллию («Покой не забывай душевный сохранять...»).	
<i>Гораций</i>	51
К дереву («Тот, кто бы ни был он, недобрый день избрал...»).	
<i>Гораций</i>	61
К Диане («Высей и рощей владычица дева...»).	<i>Гораций</i>
	101
К друзьям («Теперь давайте пить и вольною ногою...»).	<i>Гораций</i>
	45
К друзьям-собеседникам («Бокалом, созданным к веселью, воевать...»).	<i>Гораций</i>
	36
К К. Криспу Саллюстию («К блеску сребра, что скупой зарывает...»).	<i>Гораций</i>
	50
К Каллиопе («Сойди со флейтой неземной...»).	<i>Гораций</i>
	78
К Квинтилию Вару («Ты дерева, о Вар! не сей до винограда...»).	
<i>Гораций</i>	30
К Квинтию Гирпину («Что скифы и кантабр отважный замышляют...»).	<i>Гораций</i>
	50
К ключу Бандузии («О ключ Бандузии! прозрачнее кристалла...»).	
<i>Гораций</i>	92
К кораблю, везущему в Афины Виргилия («Богиня Кипра твой да охраняет путь...»).	<i>Гораций</i>
	14
К Ксантию Фокею («Ты не стыдись, что увлекся рабою...»).	
<i>Гораций</i>	52
К Икцию («Завидуя добру арабских богачей...»).	<i>Гораций</i>
	38
К Л. Секстию («Суровая зима от вешних уст слетела...»).	
<i>Гораций</i>	15
К Лалаге («Ей выю преклонять в ярмо еще не время...»).	
<i>Гораций</i>	53
К Левконое («Не спрашивай; грешно, о Левконой, знать...»).	
<i>Гораций</i>	22
К Лигурину («О несговорчивый Киприды баловник...»).	<i>Гораций</i>
	125
К Лиде («Что делать мне в священный день...»).	<i>Гораций</i>
	108
К Лидии («Доколе милым я тебе еще казался...»).	<i>Гораций</i>
	88
К Лидии («Когда у Телефа ты розовую шею...»).	<i>Гораций</i>
	24
К Лидии («Скажи, о Лидия, во имя всех богов...»).	<i>Гораций</i>
	19
К Лидии («Юноши буйные в окна закрытые...»).	<i>Гораций</i>
	35
К Лике («Лика! услышали боги меня...»).	<i>Гораций</i>
	128
К Лике («Хотя бы, Лика, ты и в жребии убогом...»).	<i>Гораций</i>
	89
К лире («Нас просят. Ежели способно больше года...»).	<i>Гораций</i> ...
	40
К Лицинию Мурене («Лициний, проживешь верней, когда спесиво...»).	<i>Гораций</i>
	58
К Лоллию («Не думай — эта мысль обидна...»).	<i>Гораций</i>
	124
К мальчику-прислужнику («Персидской роскоши я, мальчик, не терплю...»).	<i>Гораций</i>
	47
К Манлию Торквату («Снег растаял, уже покрываются зеленью нивы...»).	<i>Гораций</i>
	121
К Мельпомене («Воздвиг я памятник вечнее меди прочной...»).	
<i>Гораций</i>	110
К Мельпомене («О Мельпомена! кто встречает...»).	<i>Гораций</i>
	115

К Меркурию («Меркурий, Атласа красноречивый внук...»).	
<i>Горацій</i>	21
К Меркурию («Меркурий! ты, кому, обязан наставленьем...»).	
<i>Горацій</i>	90
К Меценату («И башня медная, и псов угрюмых стая...»).	
<i>Горацій</i>	95
К Меценату («Как праздник мартовский я, холостяк, встречать...»).	
<i>Горацій</i>	86
К Меценату («Не требуй, чтоб войны жестокость нумантийской...»).	<i>Горацій</i>
	60
К Меценату («Необычайными и мощными крылами...»).	
<i>Горацій</i>	71
К Меценату («О, Меценат, царей древнейших порожденье...»).	
<i>Горацій</i>	11
К Меценату («Потомок тирренских царей!...»).	<i>Горацій</i>
	108
К Меценату («Ты будешь пить из чаш сабин недорогой...»).	
<i>Горацій</i>	31
К Музе об Элии Ламии («Друг Муз, я отдаю тоску и страх печальный...»).	<i>Горацій</i>
	35
К Мунацию Планку («Хвалят иные Родос знаменитый или Митилену...»).	<i>Горацій</i>
	18
К Небуле («Несчастье не играть любовию отрадной...»).	
<i>Горацій</i>	91
К Талиарху («Ты видишь, как Соракт от снега побелел...»).	
<i>Горацій</i>	
К Пирре («Кто этот красавец, скажи мне, о Пирра!...»).	<i>Горацій</i>
	16
К Пиру («Знать, ты не видишь, Пирр, как для тебя опасно...»).	
<i>Горацій</i>	99
К Плотию Нумиде («И ладаном мы, и струнами...»).	<i>Горацій</i>
	44
К подруге («Прекрасной матери прекраснейшая дочь...»).	
<i>Горацій</i>	27
К Помпею Вару («О ты, что смерти страх не раз со мной делил...»).	<i>Горацій</i>
	55
К Постумию («Увы! мимолетно, Постумий, Постумий...»).	
<i>Горацій</i>	63
К республике («Корабль, морской волной влечет тебя опять!...»).	
<i>Горацій</i>	25
К римлянам («Безвинно искупать тебе грехи отцов...»).	
<i>Горацій</i>	83
К римскому народу («Люди! давно ли гремело, что Цезарь...»).	
<i>Горацій</i>	93
К римскому юношеству («Пусть юноша себя, окрепнув на войне...»).	<i>Горацій</i>
	74
К роскоши своего века («За десятиной десятину...»).	<i>Горацій</i>
	64
К самому себе («Скудный богов почитатель и ветренный...»).	
<i>Горацій</i>	42

К Септимию («В Гадес, Септимий, ты рад бы за мною...»).	
<i>Горацій</i>	54
К скупцам («Слоновой костью не блистает...»).	<i>Горацій</i> 68
К скупцам («Хотя бы ты богаче был...»).	<i>Горацій</i> 102
К Талиарху («Ты видишь, как Соракт от снега побелел...»).	
<i>Горацій</i>	20
К Телефу («За Инахом в какое время...»).	<i>Горацій</i> 98
К Тиндариде («Проворному Фавну милее Лукретил...»).	
<i>Горацій</i>	28
К Фавну («О Фавн, любовник Нимф, бегущих пред тобою!...»).	
<i>Горацій</i>	97
К Фидиле («Ежели к небу ты руки возносишь...»).	<i>Горацій</i> 101
К Филлиде («Есть полный у меня бочонок превеликий...»).	
<i>Горацій</i>	126
К Фортуне («Богиня, Анциум свой праваяцая милый...»).	
<i>Горацій</i>	43
К Хлое («О Хлоя! ты бежишь меня, как лань младая...»).	
<i>Горацій</i>	33
К Хлориде («Мужа-то, бедного Ивика...»).	<i>Горацій</i> 94
К хору дев и мальчиков («Темную чернь отвергаю с презреньем...»).	<i>Горацій</i> 72
«К чему плачевный стон меня терзает твой?...» (К больному Меценату).	<i>Горацій</i> 66
К цветам («Дети солнечного восхода...»).	<i>Шиллер</i> 208
К Цезарю Августу («Довольно уж Отец и градом и снегами...»).	
<i>Горацій</i>	12
К Цезарю Августу («Какого ты мужа, какого героя...»).	
<i>Горацій</i>	22
К Цезарю Августу («Любимый сын богов и Рима лучший страж...»).	<i>Горацій</i> 118
К Цезарю Августу («Муж правоты, неотступный в обдуманном...»).	
<i>Горацій</i>	75
К Цезарю Августу («Мы верили досель, что в небесах громами...»).	
<i>Горацій</i>	81
К Цензорину («Дарить и чашами, и медью дорогой...»).	<i>Горацій</i> ... 122
К Элию Ламию («Мой Элий, Ламия потомок благородный...»).	
<i>Горацій</i>	96
«Как бы эфира сотрясенье слышу...»	<i>Гафиз</i> 257
«Как из пены вод рожденная...»	<i>Гейне</i> 240
«Как луна, светя во мраке...»	<i>Гейне</i> 246
«Как окрыленного блюстителя громов...» (К городу Риму (Похвала Друза)).	<i>Горацій</i> 115
«Как праздник мартовский я, холостяк, встречать...» (К Меценату).	<i>Горацій</i> 86
«Как цвет ты чиста и прекрасна...»	<i>Гейне</i> 247
«Какие заботы отцов иль квирит...» (К Августу).	<i>Горацій</i> 129
«Какого ты мужа, какого героя...» (К Цезарю Августу).	<i>Горацій</i> 22

«Киприда, не войди! О, пощади меня...» (К Венере). <i>Горацій</i>	111
«Книгу мудрую берешь ты...» <i>Гафиз</i>	148
«Когда на дороге, случайно...» <i>Гейне</i>	243
«Когда на корабле идейском увозил...» (Пророчество Нерая). <i>Горацій</i>	26
«Когда у Телефа ты розовую шею...» (К Лидии). <i>Горацій</i>	24
«Когда я про горе свое говорил...» <i>Гейне</i>	246
«Корабль, морской волной влечет тебя опять!...» (К республике). <i>Горацій</i>	25
«Красавица-рыбачка...» <i>Гейне</i>	245
«Кто этот красавец, скажи мне, о Пирра!...» (К Пирре). <i>Горацій</i>	16
«Кто этот юноша скромный, прекрасный...» (Свитезянка). <i>Мицкевич</i>	257
«Куда помчишь меня ты, полного тобою...» (К Вакху). <i>Горацій</i> ...	104
«Ланитой к ланите моей прикоснись...» <i>Гейне</i>	239
«“Ланиты у меня на солнце загорели...”» (Лида). <i>Шенье</i>	234
Лида («“Ланиты у меня на солнце загорели...”»). <i>Шенье</i>	234
«Лица! услышали боги меня...» (К Лике). <i>Горацій</i>	128
«Лилею, розой, голубкой, денницей...» <i>Гейне</i>	239
«Лициний, проживешь верней, когда спесиво...» (К Лицинию Мурене). <i>Горацій</i>	58
«Любимый сын богов и Рима лучший страж...» (К Цезарю Августу). <i>Горацій</i>	118
«Люди! давно ли гремело, что Цезарь...» (К римскому народу). <i>Горацій</i>	93
«Меркурий, Атласа красноречивый внук...» (К Меркурию). <i>Горацій</i>	21
«Меркурий! ты, кому, обязан наставленьем...» (К Меркурию). <i>Горацій</i>	90
«Мой Альбий, не тоскуй без меры, огорчен...» (К Альбию Тибуллу). <i>Горацій</i>	41
«Мой друг, мы с тобою сидели...» <i>Гейне</i>	242
«Мой Элий, Ламия потомок благородный...» (К Элию Ламию). <i>Горацій</i>	96
«Муж правоты, неотступный в обдуманном...» (К Цезарю Августу). <i>Горацій</i>	75
«Мужа-то, бедного Ивика...» (К Хлориде). <i>Горацій</i>	94
«Мы верили досель, что в небесах громами...» (К Цезарю Августу). <i>Горацій</i>	81
«Мы, Шемзеддин, со чадами своими...» <i>Гафиз</i>	145
«На бледном ты лице моем...» <i>Гейне</i>	262
«На горе стоит избушка...» (Горная идиллия). <i>Гейне</i>	249
На озере («И силу в грудь, и свежесть в кровь...»). <i>Гёте</i>	158
«На севере дуб одинокий...» <i>Гейне</i>	241

«Нас просят. Ежели способно больше года...» (К лире). <i>Гораций</i> ...	40
«Не будь, о богослов, так строг...» <i>Гафиз</i>	155
«Не вечно дождик крупный льется...» (К Вальгию). <i>Гораций</i>	57
«Не думай — эта мысль обидает...» (К Лоллию). <i>Гораций</i>	124
«Не спрашивай; грешно, о Левконой, знать...» (К Левконое). <i>Гораций</i>	22
«Не требуй, чтоб войны жестокость нумантйской...» (К Меценату). <i>Гораций</i>	60
«Необычайными и мощными крылами...» (К Меценату). <i>Гораций</i>	71
Несколько слов о Горации <Предисловие>	7
«Несчастье не играть любовью отрадной...» (К Небуле). <i>Гораций</i>	91
«Нет, мой друг...» <i>Гафиз</i>	255
«Нисходят во гроб поколения...» <i>Гейне</i>	245
Новая любовь — новая жизнь («Сердце, сердце, что такое?...») <i>Гёте</i>	159
«О бог! ты отомстить хотел, и пред тобою...» (К Аполлону). <i>Гораций</i>	119
«О! если бы озером был я ночным...» <i>Гафиз</i>	145
«О! как подобен я — смотри!...» <i>Гафиз</i>	146
«О ключ Бандузии! прозрачнее кристалла...» (К ключу Бандузии). <i>Гораций</i> .	92
«О Мельпомена! кто встречает...» (К Мельпомене). <i>Гораций</i>	115
«О, Меценат, царей древнейших порожденье...» (К Меценату). <i>Гораций</i>	11
«О милая дева! к чему нам, к чему говорить?...» <i>Мицкевич</i>	231
«О несговорчивый Киприды баловник...» (К Лигурину). <i>Гораций</i>	125
«О помыслах Гафиза...» <i>Гафиз</i>	154
«О ты, что смерти страх не раз со мной делил...» (К Помпею Вару). <i>Гораций</i>	55
«О Фавн, любовник Нимф, бегущих пред тобою!...» (К Фавну). <i>Гораций</i>	97
«О Франция! мой час настал, я умираю...» (Последняя песня). <i>Беранже</i>	238
«О Фуск, поверь: тому, кто сердцем уцелел...» (К Аристию Фуску). <i>Гораций</i>	32
«О Хлоя! ты бежишь меня, как лань младая...» (К Хлое). <i>Гораций</i>	33
«Они любили друг друга...» <i>Гейне</i>	245
«Падет ли взор твой гордый...» <i>Гафиз</i>	148
«Персидской роскоши я, мальчик, не терплю...» (К мальчику-прислужнику). <i>Гораций</i>	47

Песня столетию («Феб и Диана, владычица дева лесная...»).	
<i>Горацій</i>	132
«По бульварам Саламанки...» <i>Гейне</i>	249
«Покой не забывай душевный сохранять...» (К Деллию).	
<i>Горацій</i>	51
«Помнишь ли ты, нежный друг мой, как светло...» <i>Гафиз</i>	256
<i>Посейдон</i> («Солнце лучами играло...»). <i>Гейне</i>	251
Последняя песня («О Франция! мой час настал, я умираю...»).	
<i>Беранже</i>	238
«Потомок тирренских царей!..» (К Меценату). <i>Горацій</i>	108
Похвала Августу («Уже я воспевать хотел коварный бой...»).	
<i>Горацій</i>	131
«Предав себя судьбам на произвол...» <i>Гафиз</i>	151
<Предисловие> <i>Гафиз</i>	143
<Предисловие> Несколько слов о Горации	7
«Прекрасной матери прекраснейшая дочь...» (К подруге).	
<i>Горацій</i>	27
«Поворному Фавну милее Лукретил...» (К Тиндариде).	
<i>Горацій</i>	28
Пророчество Нерее («Когда на корабле идейском увозил...»).	
<i>Горацій</i>	26
«Просит покоя с небес, кто трепещет...» (К Гросфу). <i>Горацій</i>	65
«Пусть, насколько хватит сил...» <i>Гафиз</i>	149
«Пусть нечестивых напутствуют крики...» (К Галатее). <i>Горацій</i> ...	105
«Пусть юноша себя, окрепнув на войне...» (К римскому юношеству). <i>Горацій</i>	74
«С Пиндаром кто состязаться дерзает...» (К Антонию).	
<i>Горацій</i>	113
«С порога рыбацкй избушки...» <i>Гейне</i>	244
Самообольщение («Соседкин занавес в окне...»). <i>Гёте</i>	157
Свидание в лесу («“Ты ль это? Так поздно?” — “Я сбился в потемках с дороги...”»). <i>Мицкевич</i>	261
Свитезянка («Кто этот юноша скромный, прекрасный...»).	
<i>Мицкевич</i>	257
Сельский Альфий. Эпод 1-й книги, песнь 2-я («“Блажен, кто вдалеке от всех житейских зол...”»). <i>Горацій</i>	135
Семела <Драматическая поэма>. <i>Шиллер</i>	209
«Сердце, сердце, что такое?...» (Новая любовь — новая жизнь).	
<i>Гёте</i>	159
«Скажи, о Лидия, во имя всех богов...» (К Лидии). <i>Горацій</i>	19
«Скудный богов почитатель и ветренный...» (К самому себе).	
<i>Горацій</i>	42
«Славить доспехи и войны сбирался я строгим размером...».	
<i>Овидий</i>	138
«Слоновой костью не блистает...» (К скупцам). <i>Горацій</i>	68
«Слышу ли песенки звуки...» <i>Гейне</i>	242

«Снег растаял, уже покрываются зеленью нивы...» (К Манлию Торквату). <i>Гораций</i>	121
«Сойди со флейтой неземной...» (К Каллиопе). <i>Гораций</i>	78
«Солнце лучами играло...» (<i>Посейдон</i>). <i>Гейне</i>	251
«Солнце палило, и только полуденный час миновало...» <i>Овидий</i> ...	140
«Соседкин занавес в окне...» (Самообольщение). <i>Гёте</i>	157
«Сосуд дыханье свыше...» <i>Гафиз</i>	154
«Супруг надменный коз, лоснящийся от жиру...» <i>Шенье</i>	236
«Суровая зима от вешних уст слетела...» (К Л. Секстию). <i>Гораций</i>	15
«Так ты отдай те дни мне снова...» (Из Фауста). <i>Гёте</i>	157
«Так уж меня с моею ивой...» <i>Гафиз</i>	256
«Твои пылают щечки...» <i>Гейне</i>	242
«Твой вечно, неизменно...» <i>Гафиз</i>	154
«Тебя петь Варию, герой непобедимый!...» (К Випсанию Агриппе). <i>Гораций</i>	17
Тень («Башня лежит...»). <i>С китайского</i>	142
«Теперь давайте пить и вольною ногою...» (К друзьям). <i>Гораций</i>	45
«Терзают грудь земли, и, посмотри, она...» <i>Гафиз</i>	256
«Темную чернь отвергаю с презреньем...» (К хору дев и мальчиков). <i>Гораций</i>	72
«Томный звон в груди моей...» <i>Гейне</i>	262
«Тот, кто бы ни был он, недобрый день избрал...» (К дереву). <i>Гораций</i>	61
«Ты будешь пить из чаш сабин недорогой...» (К Меценату). <i>Гораций</i>	31
«Ты в мозгу моем убогом...» <i>Гафиз</i>	149
«Ты видишь, как Соракт от снега побелел...» (К Талиарху). <i>Гораций</i>	20
«Ты дерева, о Вар! не сей до винограда...» (К Квинтилию Вару). <i>Гораций</i>	30
«Ты ли морей, и земли, и песку без числа измеритель...» (К Архите Тарентинцу, тень которого увещевает пловца). <i>Гораций</i>	37
«“Ты ль это? Так поздно?” — “Я сбился в потемках с дороги...”» (Свидание в лесу). <i>Мицкевич</i>	261
«Ты не стыдись, что увлекся рабою...» (К Ксантию Фокею). <i>Гораций</i>	52
«Увы! мимолетно, Постумий, Постумий...» (К Постумию). <i>Гораций</i>	63
«Уж если всё от века решено...» <i>Гафиз</i>	154
«Уж спутники весны, смиряющие море...» (К Виргилию). <i>Гораций</i>	127
«Уже я воспевать хотел коварный бой...» (Похвала Августу). <i>Гораций</i>	131

«Феб и Диана, владычица дева лесная...» (Песня столетию). <i>Горацій</i>	132
«Хвалят иные Родос знаменитый или Митилену...» (К Мунацию Планку). <i>Горацій</i>	18
«Хотел я с тобою остаться...» Гейне	248
«Хотя бы, Лика, ты и в жребии убогом...» (К Лике). <i>Горацій</i>	89
«Хотя бы ты богаче был...» (К скупцам). <i>Горацій</i>	102
«Царица Гнидоса и Пафоса, Венера...» (К Венере). <i>Горацій</i>	39
«Чего, Астерия, оплакиваешь даром...» (К Астерии). <i>Горацій</i>	85
«Чего певцу, склоняясь, просить у Аполлона...» (К Аполлону). <i>Горацій</i>	40
«Что б это значило? Всё как будто жестка мне постеля...». <i>Овидий</i>	139
«Что делать мне в священный день...» (К Лиде). <i>Горацій</i>	108
«Что скифы и кантабр отважный замышляют...» (К Квинтию Гирпину). <i>Горацій</i> . 58	
Эпилог («Будто на ниве колосья...»). <i>Гейне</i>	252
«Юлий Цезарь». <i>Шекспир</i>	410
«Юноши буйные в окна закрытые...» (К Лидии). <i>Горацій</i>	35
«Я был пустынною страной...» <i>Гафиз</i>	146
«Я не ропщу, пусть сердце и в огне...» <i>Гейне</i>	241
«Я плакал во сне; мне приснилось...» <i>Гейне</i>	242

СОДЕРЖАНИЕ¹

От редакции 5

СТИХОТВОРЕНИЯ (1863) ЧАСТЬ II

I. ГОРАЦИЙ

<Предисловие> 7

1.

ОДЫ

Книга первая

I. К Мecenату	11
II. К Цезарю Августу	12
III. К кораблю, везущему в Афины <i>Виргилия</i>	14
IV. К Л. Секстию	15
V. К <i>Пирре</i>	16
VI. К <i>Випсанию Агриппе</i>	17
VII. К <i>Мунацию Планку</i>	18
VIII. К <i>Лидии</i>	19
IX. К <i>Талиарху</i>	20
X. К <i>Меркурию</i>	21
XI. К <i>Левконое</i>	22
XII. К Цезарю Августу	22
XIII. К <i>Лидии</i>	24
XIV. К республике	25
XV. Пророчество <i>Нерея</i>	26
XVI. К подруге	27
XVII. К <i>Тиндариде</i>	28
XVIII. К <i>Квинтилию Вару</i>	30
XIX. К <i>Глицере</i>	31
XX. К <i>Меценату</i>	31
XXI. Гимн <i>Аполлону и Диане</i>	32

¹ Курсивом выделены стихотворения, напечатанные в предыдущих сборниках, помещенных в т. 1 настоящего издания.

XXII. К Аристия Фуску	32
XXIII. К Хлое	33
XXIV. К Виргилию	34
XXV. К Лидии	35
XXVI. К Музе об Элии Ламии	35
XXVII. К друзьям-собеседникам	36
XXVIII. К Архите Тарентинцу, тень которого увещевает пловца ...	37
XXIX. К Икцию	38
XXX. К Венере	39
XXXI. К Аполлону	40
XXXII. К лире	40
XXXIII. К Альбию Тибуллу	41
XXXIV. К самому себе	42
XXXV. К Фортуне	43
XXXVI. К Плотию Нумиде	44
XXXVII. К друзьям	45
XXXVIII. К мальчику-прислужнику	47

Книга вторая

I. К Азинию Поллиону	4
II. К К. Криспу Саллюстию	50
III. К Деллию	51
IV. К Ксантию Фокею	52
V. К Лалаге	53
VI. К Септимию	54
VII. К Помпею Вару	55
VIII. К Барине	56
IX. К Вальгию	57
X. К Лицинию Мурене	58
XI. К Квинтию Гирпину	59
XII. К Меценату	60
XIII. К дереву	61
XIV. К Постумию	63
XV. К роскоши своего века	64
XVI. К Гросфу	65
XVII. К больному Меценату	66
XVIII. К скупцам	68
XIX. Гимн к Вакху	69
XX. К Меценату	71

Книга третья

I. К хору дев и мальчиков	72
II. К римскому юношеству	74
III. К Цезарю Августу	75

IV. К Каллиопе	78
V. К Цезарю Августу	81
VI. К римлянам	83
VII. К Астерии	85
VIII. К Меценату	86
IX. К Лидии	88
X. К Лике	89
XI. К Меркурию	90
XII. К Необуле	91
XIII. К ключу Бандузии	92
XIV. К римскому народу	93
XV. К Хлориде	94
XVI. К Меценату	95
XVII. К Элию Ламию	96
XVIII. К Фавну	97
XIX. К Телефу	98
XX. К Пирру	99
XXI. К амфоре	100
XXII. К Диане	101
XXIII. К Фидиле	101
XXIV. К скупцам	102
XXV. К Вакху	104
XXVI. К Венере	105
XXVII. К Галатее	105
XXVIII. К Лиде	108
XXIX. К Меценату	108
XXX. К Мельпомене	110

Книга четвертая

I. К Венере	111
II. К Антонию	113
III. К Мельпомене	115
IV. К городу Риму (Похвала Друза)	115
V. К Цезарю Августу	118
VI. К Аполлону	119
VII. К Манлию Торквату	121
VIII. К Цензорину	122
IX. К Лоллию	124
X. К Лигурину	125
XI. К Филлиде	126
XII. К Виргилию	127
XIII. К Лике	128
XIV. К Августу	129
XV. Похвала Августу	131

2

Песня столетию	132
----------------------	-----

3

Сельский Альфий. Эпод 1-й книги, песнь 2-я	135
--	-----

П. ОВИДИЙ

ЭЛЕГИИ

(Из Книги любви)

Первая («Славить доспехи и войны собирался я строгим размером...»)	138
Вторая («Что б это значило? Всё как будто жестка мне постеля...»)	139
Пятая («Солнце палило, и только полуденный час миновало...») ...	140
На смерть попугая («Попка, восточный индеец, всему подражатель крылатый...»)	См. т. 1, с. 205

III. КАТУЛЛ

«Давай любить и жить, о Лезбия, со мной!..» (ранняя ред. — т. 1, с. 139)	141
---	-----

IV. С КИТАЙСКОГО

Тень	142
------------	-----

V. ГАФИЗ

Несколько слов о Гафизе <Предисловие>	143
I. «Звезда полуночи дугой золотою скатилась...»	144
II. «О! если бы озером был я ночным...»	145
III. «Мы, Шемзедин, со чадами своими...»	145
IV. «Если вдруг, без видимых причин...»	146
V. «Я был пустынною страной...»	146
VI. «О! как подобен я — смотри!..»	146
VII. «Дано тебе и мне...»	147

VIII. «Десять языков лилеи...»	147
IX. «Ветер нежный, окрыленный...»	147
X. «Падет ли взор твой гордый...»	148
XI. «Книгу мудрую берешь ты...»	148
XII. «Ты в мозгу моем убогом...»	149
XIII. «Пусть, насколько хватит сил...»	149
XIV. «В царство розы и вина приди...»	150
XV. «Веселись — о, сердце-птичка!..»	151
XVI. «Предав себя судьбам на произвол...»	151
XVII. «Грозные тени ночей...»	152
XVIII. «Ах, как сладко, сладко дышит...»	152
XIX. «В доброй вести, нежный друг, не откажи...»	152
XX. «Ежели осень наносит...»	153
XXI. «Гиацинт своих кудрей...»	153
XXII. «Твой вечно, неизменно...»	154
XXIII. «О помыслах Гафиза...»	154
XXIV. «Сошло дыханье свыше...»	154
XXV. «Уж если всё от века решено...»	154
XXVI. «Не будь, о богослов, так строг!..»	155
XXVII. «Гафиз убит. А что его убило...»	156

VI. ГЁТЕ

I. <i>Посвящение к Фаусту (Г-ву)</i>	См. т. 1, с. 151
II. Из Фауста	157
III. Самообольщение	157
IV. На озере	158
V. Новая любовь — новая жизнь	159
Герман и Доротея (Поэма)	160

VII. ШИЛЛЕР

I. <i>Вечер</i>	См. т. 1, с. 44
II. <i>Дифирамб</i>	См. т. 1, с. 45
III. К цветам	208
Семела <Драматическая поэма>	209

VIII. МИЦКЕВИЧ

I. «Всплываю на простор сухого океана...»	231
II. «О милая дева! к чему нам, к чему говорить?...»	231

IX. КЁРНЕР

Москва	См. т. 1, с. 110
--------	------------------

Х. ШЕНЬЕ

I. Лида	234
II. «Супруг надменный коз, лоснящийся от жиру...»	236

XI. БАЙРОН

«О солнце глаз бессонных! Звездный луч...»	См. т. 1, с. 74
--	-----------------

XII. БЕРАНЖЕ

Последняя песня	238
-----------------------	-----

XIII. ГЕЙНЕ

I. «Из слез моих много родится...»	239
II. «Лилеею, розой, голубкой, денницей...»	239
III. «Ланитой к ланите моей прикоснись...» (ранняя ред. — т. 1, с. 178)	239
IV. «Дитя! мои песни далеко...» (ранняя ред. — т. 1, с. 179).....	240
V. «Как из пены вод рожденная...»	240
VI. «Я не ропщу, пусть сердце и в огне...»	241
VII. «Да, ты несчастна — и мой гнев угас...»	241
VIII. «На севере дуб одинокий...»	241
IX. «Слышу ли песенки звуки...»	242
X. «Мой друг, мы с тобою сидели...»	242
XI. «Твои пылают щечки...» (ранняя ред. — т. 1, с. 176)	242
XII. «Я плакал во сне; мне приснилось...»	243
XIII. «Когда на дороге, случайно...»	243
XIV. «С порога рыбацкой избушки...»	244
XV. «Красавица-рыбачка...»	245
XVI. «Нисходят во гроб поколенья...»	245
XVII. «Они любили друг друга...»	245
XVIII. «Когда я про горе свое говорил...»	246
XIX. «Как луна, светя во мраке...» (ранняя ред. — т. 1, с. 178)	246
XX. «Во сне я милую видел...»	247
XXI. «Как цвет ты чиста и прекрасна...» (ранняя ред. — т. 1, с. 177)	247
XXII. «Хотел я с тобою остаться...» (ранняя ред. — т. 1, с. 176)	248
XXIII. «Ах! опять всё те же глазки...»	248
XXIV. «По бульварам Саламанки...» (ранняя ред. — т. 1, с. 176)	249
XXV. Горная идиллия (ранняя ред. — т. 1, с. 180)	249
XXVI. «Желтеет древесная зелень...» (ранняя ред. — т. 1, с. 211)	251

XXVII. <i>Посейдон</i>	251
XXVIII. Эпилог	252

П Р И Л О Ж Е Н И Я

Переводы, не вошедшие в сборник 1863 г.

Из Гафиза

I. «Ежели порой согласишься ты...»	254
II. «Нет, мой друг...»	255
III. «Так уж меня с моею ивой...»	256
IV. «Терзают грудь земли, и, посмотри, она...»	256
V. «Помнишь ли ты, нежный друг мой, как светло...»	256
VI. «Как бы эфира сотрясение слышу...»	257
VII. «Взгляни! Ты, дышащий хулой...»	257

Из Мицкевича

1. Свитезянка	257
2. Свидание в лесу	261

Из Гейне

1. «Томный звон в груди моей...»	262
2. «На бледном ты лице моем...»	262
3. «И если ты будешь моею женой...»	262

ШЕКСПИР

Антоний и Клеопатра	263
Юлий Цезарь	410

КОММЕНТАРИИ

Условные сокращения	516
<i>Н. П. Генералова. О Фете-переводчике</i>	519
Комментарии	546
Алфавитный указатель произведений	685

Готовится к изданию:

А. А. ФЕТ

Сочинения и письма

Т. 3

Сборники «Вечерние огни»

По вопросам приобретения издания обращайтесь по адресу:

305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33

Курский государственный университет

E-mail: nauka@pochtamt.ru

9785762701679

А. А. ФЕТ

**Сочинения и письма в двадцати томах
Том второй. Переводы. 1839—1863**

Ответственный редактор *Г. Г. Мартынов*

Технический редактор *Л. Е. Голод*

Корректор *М. Д. Андрианова*

ЛР № 063904 от 16.02.95

Подписано в печать 10.07.2004. Формат 60×90^{1/32}.

Гарнитура «SchoolBook». Печать офсетная.

Заказ № **3645** Тираж 600 экз.

ООО «Фолио-Пресс»

198207, Санкт-Петербург, пр. Стачек, д. 136.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии газеты «На страже Родины».
191186, Санкт-Петербург, Дворцовая пл., 10.

Цена свободная

